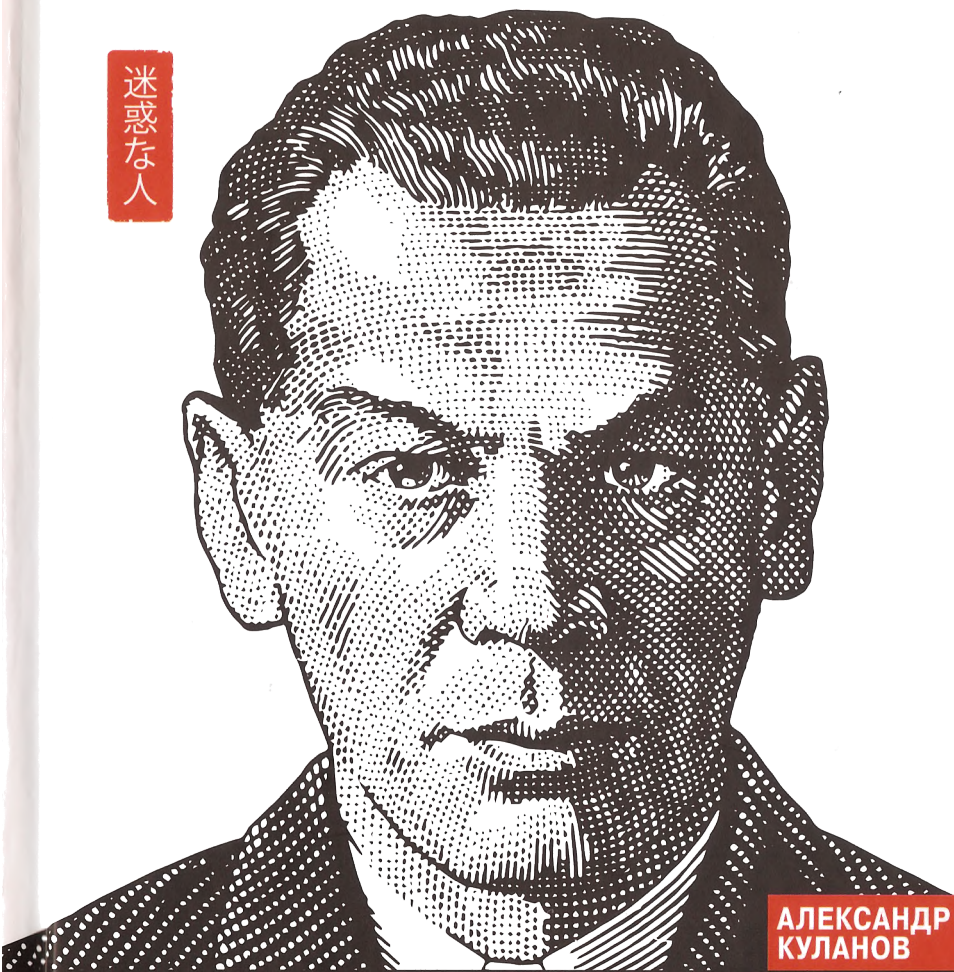

ЗОРГЕ

ОН ДОСТИГ ВЕРШИН В ИСКУССТВЕ ШПИОНАЖА,
ПОТОМУ ЧТО МНОГОЕ ДЕЛАЛ НЕ ТАК, КАК ВЕЛЕЛИ

迷惑な人

АЛЕКСАНДР
КУЛАНОВ

НЕУДОБНИЙ

Александр Куланов

ЗОРГЕ

НЕУДОБНЫЙ

Куланов А. Е.

Зорге. Неудобный / Александр Куланов.

Зорге. Это слово переводится на русский язык как «беспокойство». Рихард Зорге – умный, талантливый, но неистовый в своей любви к свободе и в своем желании стать апостолом революции человек – всегда оставался источником беспокойства и неудобства для окружающих. Сжимающиеся рамки европейского подполья привели его в Коминтерн, откуда он был «вычищен» в... советскую военную разведку. На долгие годы Зорге стал там источником раздражения для своих начальников, делая все не так, как велели, но добиваясь при этом невиданных результатов. Даже его арест оказался неудобен для всех, и Японии, Германии, Советскому Союзу годами пришлось выдумывать небылицы про Зорге.

В новой книге историка, лауреата премии ФСБ РФ Александра Куланова представлен беспристрастный, опирающийся на огромный массив документов рассказ о судьбе уникального человека, ставшего гордостью и героем нашей страны.

*О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит¹.*

Басё Мацуо. Шлем Санэмори

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мне предложили написать новую биографию Рихарда Зорге для издательства «Молодая гвардия», я поначалу ответил отказом и согласился лишь спустя почти год раздумий. Причина нерешительности была проста: слишком уж «неподъемным» казался герой. Сколько всего написано о Зорге, сколько разных авторов брались за перо, пытаясь создать его образ, сколько существует отдельных направлений, по которым вели свою работу настоящие зоргеведы – можно ли одолеть эту махину одному человеку? И все-таки, в конце концов, я решился, сознательно рискуя получить упреки в некомпетентности, односторонности или еще в чем-нибудь. Сказал «да» потому, что мне самому вопросы о Зорге задавали и задают довольно часто, и далеко не на все из них мне удавалось ответить не поверхностно и с достаточной степенью уверенности. Я видел, да и теперь то и дело наблюдаю, как многие люди, изначально настроенные к этому герою вполне благожелательно, читая о нем, не могут распутать сюжетов, скрученных в биографии этого человека, разобраться в море книг, в котором, к сожалению, слишком много «макулатуры», не могут выкарабкаться из позднейших попсовых наслоений в его жизнеописании, где миф соседствует с полуправдой, ложью и легендой, и с разочарованием бросают это занятие. Мне захотелось помочь им, помочь самому себе разобраться в истории великого шпиона, и я принялся за работу.

Моментально возникла новая проблема – как писать, что писать? Некоторые знакомые, узнавшие о том, что я «взялся за Зорге», задавали мне один и тот же простой вопрос: «Ну, хорошо, что решился, но ведь тема избитая. Ты не историк разведки, не имеешь доступа к секретным материалам, не можешь опубликовать какую-нибудь хоть плохонькую, но сенсацию. Что о Зорге можно сказать новенького?» Спасибо всем, кто задал мне этот вопрос, потому что ответ на него: «А что вы знаете о Зорге “старенького”?» – стал вторым шагом на пути к этой книге.

Я приступил к чтению бесконечного списка литературы о Зорге и пришел в ужас: оказалось, что основная масса книг представляет собой бесконечные перепечатки лишь нескольких, отнюдь не многочисленных, добросовестных исследований, большая часть которых написана еще в середине прошлого века.

В этом «стареньком» оказалось чертовски сложно разобраться из-за позднейших многотонных спекуляций на тему «советского Джеймса Бонда» авторов, бессовестно цитировавших настоящих исследователей-зоргеведов безо всяких ссылок на первоисточник. Стало понятно, что моя задача будет заключаться не столько в нахождении каких-то новых сведений, сколько в очищении и выстраивании стройной вереницы фактов и, по возможности, бесспорных свидетельств, раскрывающих судьбу Зорге максимально четко, точно, беспристрастно. Итак, моей главной задачей стало написание понятной биографии Рихарда Зорге.

Это не значит, конечно, что книга, которую вы держите в руках, идеальна и объективна — нет. Всякое повествование одного человека о другом всегда субъективно и предвзято. Надеюсь, что каждый читатель, испытывая к моему герою свою меру симпатии или антипатии, создаст индивидуальный образ Зорге. Я лишь постарался, в меру своих скромных сил и способностей, помочь такому читателю «раскопать» в хаосе фактов и вымыслов, свидетельств и сплетен подлинные сведения о жизни Рихарда Зорге — с опорой на те материалы, которые мне самому, как автору, кажутся наиболее заслуживающими доверия. Я постарался дать ссылки на все более или менее важные цитируемые документы и мнения, чтобы выполнить еще одну существенную задачу этой книги: точно указать первоисточники наших знаний о Зорге. Неправильно, несправедливо и недопустимо молчаливое использование этих работ позднейшими компиляторами без ссылок на них и часто с расквашиванием цитат — думаю, Зорге это не понравилось бы.

Немецкий исследователь Юлиус Мадер написал замечательную книгу о своем полуоотечественнике, в которой, естественно, особое внимание уделил германской составляющей биографии Рихарда Зорге. Британские исследователи Фредерик Дикин и Георг Стори постарались взглянуть на дело Зорге максимально объективно, активно используя при этом материалы американского разведчика Чарлза Уиллоуби, работавшего в послевоенные годы в Токио с японскими документами. Бывший советский военный разведчик и связной Зорге Сергей Леонидович Будкевич сосредоточился на материалах следствия и суда по делу группы Зорге — его работу на эту тему можно считать непревзойденной по сей день. Воспоминания его коллеги Михаила Иванова не столь фундаментальны, но интересны и порой даже лиричны. Замечательный японовед Юрий Владимирович Георгиев постарался досконально разобраться в коминтерновской карьере Зорге и в его деятельности как япониста, а его коллега более молодого поколения — Василий Элинархович Молодяков с характерной для него тщательностью и широким взглядом на проблему отдельно занимался геополитической историей нашего героя. Публицист Владимир Чунихин постарался подойти к истории Зорге и всему о нем написанному с максимальной непредвзятостью, заострив в своей работе (к сожалению, опубликованной только в Интернете) внимание на особо важных биографических моментах, позволяющих под новым ракурсом

взглянуть на сложные эпизоды в жизни Зорге и переосмыслить их. На рубеже веков вышел в свет сборник «неизвестных документов» группы Зорге из архивов ряда российских ведомств (составитель Андрей Фесюн). Наконец, в последние годы историк военной разведки Михаил Алексеев опубликовал три настолько объемных и поистине всеобъемлющих тома, посвященных деятельности Зорге в Китае и Японии, что их можно заслуженно считать лучшим энциклопедическим изданием по данной тематике.

В представленной биографии на все упомянутые и многие другие труды приведены ссылки, и заинтересованный читатель может выбрать, с какими исследованиями стоит ознакомиться подробнее, тем более что формат данного издания ограничивает возможность охватить в повествовании все, что известно о Зорге, даже если писать исключительно о нем. Но ведь он никогда не работал один. Увы, несмотря на то, что в книге, конечно же, идет речь о многих его ближайших друзьях и рьяных противниках, заданный объем работы начисто исключал возможность рассказать в подробностях, а иногда и просто упомянуть многих из тех, кто окружал Зорге в последние 20 лет его жизни. Мне приходилось безжалостно отбрасывать многие второстепенные сюжетные линии и отрезать от канвы повествования характеристики многих персонажей этой драматической истории. Чтобы понять, со сколькими людьми Зорге связывали отношения, достойные стать темой отдельного повествования, достаточно будет сказать, что во время работы в Китае его агентурная сеть включала более девяноста человек, с большинством из которых он был знаком лично. Я лишь постарался по максимуму охватить воспоминания о самом герое, в разное время публиковавшиеся в различных изданиях, дабы с помощью людей, смотревших ему в глаза, воссоздать его портрет — ведь это книга о Зорге, а не о его группе.

В книгу включено множество цитат не только в качестве единственного способа создания документального, а не художественного произведения с опорой на свидетельства очевидцев, факты и документы. В ситуации ограниченного объема цитирование позволяет, как мне кажется, ярче представить богатый и противоречивый исторический фон, на котором не протекала, а бурлила, билась и выплескивалась из берегов жизнь талантливого, честного, неистового и беспокойного, невероятного, но замечательного человека — Рихарда Зорге. Человека, который родился одиночкой, бунтарем, но хотел служить обществу. Который всю жизнь искал таких же, как он сам, потерпел поражение, но умер, так и не разочаровавшись в людях.

Я искренне и глубоко благодарю всех, кто помогал мне в работе над этой книгой: Павла Дмитриевича Белика, Георгия Борисовича Брылевского, Андрея Викторовича Варламова, Сергея Викторовича Гришачева, Константина Александровича Залесского, Марию Кирилловну Залесскую, сотрудников Государственного музея политической истории России Оксану Алексеевну Алексееву, Оксану

Олеговну Зайцеву, Ирину Сергеевну Лукашову, Валентину Михайловну Ушакову, Светлану Андреевну Ходаковскую и многих, многих других людей, которые сделали возможным появление этой книги.

Отдельная благодарность моему постоянному редактору Марии Николаевне Бересневой, проверившей многие факты, на которые у автора «не хватало рук», и выполнившей массу переводов с немецкого языка.

Перевод с японского воспоминаний подруги Зорге Исии Ханako осуществила Анна Борисовна Делоне, за что автор особенно признателен ей и надеется, что с ее помощью русскоязычный читатель еще познакомится с этой, пока не опубликованной на русском языке, биографией полностью — мы все ждем этого.

Все японские и китайские фамилии и имена приводятся по дальневосточной традиции: сначала фамилия, затем имя, за исключением нескольких случаев в цитировании документов. Весь курсив в тексте — авторский, другие выделения текста оговорены особо.

Во всех цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

БЕСПОКОЙНОЕ СЕМЕЙСТВО

Сегодня, когда имя Рихарда Зорге известно во всем мире, приходится сталкиваться порой с самыми необычными суждениями о его биографии. Одно из них таково: Зорге — великий... азербайджанский разведчик XX века. В самом деле, сегодня уже не все задумываются на том, что никакого государства Азербайджан во время рождения Зорге на свете еще не было, а вот то, что будущий великий шпион появился на свет именно в Баку — столице современного Азербайджана, знает каждый. Но как вообще он там оказался, точнее, каким ветром занесло его родителей в Закавказье? Надо сказать, история эта сама по себе непростая, отчасти даже детективная. Разумеется, она уже привлекала внимание и многочисленных авторов во всем мире (как правило, никогда не бывавших в Баку), писавших биографии знаменитого разведчика, и местных краеведов, для которых эта тема — редкая возможность выйти со своими изысканиями на международный уровень. Возможно, поэтому в первом случае чаще всего описываются нефтяные богатства Каспия, а во втором — детали проживания семьи Зорге в Баку. Если же мы сложим усилия этих исследователей, то сможем узнать много интересного о славном германском роде Зорге вообще и о его закавказской ветви в частности. И пусть не вводит читателя в заблуждение почти библейское перечисление предков нашего героя — оно имеет свой смысл. Стоит лишь набраться терпения, и станет понятно, как оказались связаны судьба советского разведчика и провизорско-духовная карьера его пращуров.

Сама по себе фамилия *Sorge* (так она пишется по-немецки) имеет значение «забота», «тревога», «беспокойство». Происходило беспокойное семейство Зорге из Восточной Тюрин-

гии, имперского княжества Шварцбург-Рудольштадт, где располагался небольшой городок Виттендорф. В этой местности многие семьи издавна занимались сбором лекарственных растений, которые потом соответствующим образом обрабатывали и торговали снадобьями по всей Тюрингии и Саксонии. К одной из таких семей относились и Зорге, род которых можно проследить до XVII столетия².

Прапрапрадед нашего героя — Иоганн Михаэль Зорге был сыном провизора из Шварцбурга и сам стал местным фармацевтом, а один из его сыновей — Георг Вильгельм, родившийся в 1797 году в Шильдау, в Саксонии, получил богословское образование и место пастора в Чорневице, к востоку от Лейпцига. В 1825 году Георг Вильгельм числился священником в евангелической общине Святой Марии в Шильдау, а позже служил в общинах Бетау и Наудорфа округа Торгау.

Пастором Зорге оказался беспокойным. В Бетау он неосторожно выразил симпатии сектантам-квакерам, что не вызвало радости у церковного начальства. Более того, пастор почувствовал вкус к публичным выступлениям не под сводами храма, а на городских площадях и, когда в начале 1848 года до Саксонии докатилось эхо европейских революционных событий, Вильгельм Зорге вместе с сыновьями радостно приветствовал перемены. Пастор, как можно прочесть в мемуарах еще одного известного Зорге, Фридриха Альберта Адольфа, двоюродного деда нашего героя, «активно участвовал в революционном движении в нашем родном округе между Эльбой и Мульдой в Саксонии, он был одним из популярнейших ораторов во время народных собраний на рынках и площадях». Одно время даже его дом в Чорневице использовался подпольщиками в качестве перевалочного пункта для тайной переправки революционеров из Восточной Европы во Францию. Причем переправляли их по секретному «метро» — подземной железной дороге, которую мятежники построили сами и где дом пастора Зорге служил одной из станций³. Бурную деятельность первого бунтаря из рода Зорге смогла прервать лишь смерть в 1887 году. Он был погребен в городе, связанном с именем другого возмутителя германского спокойствия — Мартина Лютера — в Виттенберге.

Старший сын пастора родился 5 апреля 1825 года в Бетау и получил имя Готхольд Вильгельм. Придерживавшийся

передовых для своего времени взглядов отец дал сыну имя в честь немецкого драматурга XVIII века Готхольда Эфраима Лессинга — масона, одного из основоположников немецкой классической литературы, тоже бывшего сыном священнослужителя. Готхольд Вильгельм Зорге выбрал традиционную семейную профессию. Он окончил медицинское отделение Университета Эберхарда и Карла в Тюбингене и стал дипломированным врачом-хирургом, кандидатом медицины и, отказавшись от государственной службы, заимел частную практику все в том же саксонском городке Шильдау, неподалеку от крепости Торгау. Готхольд Вильгельм был женат дважды. Мы ничего не знаем о первой его жене, а в 1851 году он сочетался законным браком в Берлине с дочерью фармацевта Магдаленой Наталией Мюллер. Там же, в Берлине чета завершила свой земной путь.

Сын хирурга Густав Вильгельм Рихард Зорге родился 6 апреля 1852 года в городке Веттине на реке Зале в Саксонии-Анхальт. Там, в общине Веттина сохранились документы и о крещении, и о смерти этого человека, а в других общинах Саксонии и Тюрингии с немецкой тщательностью собираются материалы о других предках советского разведчика, ибо Густав Вильгельм Рихард Зорге — отец нашего героя — Рихарда Зорге.

Но, кроме старшего сына, ставшего врачом, у пастора Готхольда было еще двое наследников. Средний сын Герман Генрих родился 4 сентября 1826 года в Бетау и стал столяром-краснодеревщиком. Будучи еще молодым человеком, он участвовал в вооруженном восстании в Бадене, но затем занялся торговлей, поселился в Бадене, оттуда переехал в Мюнхен, а после и вовсе отправился в Америку, где в 1913 году тихо скончался в возрасте восьмидесяти семи лет в городке Рингвуд, штат Нью-Джерси.

Младший — Фридрих Альберт Адольф родился 9 ноября 1828 года в Бетау. Именно этого своего предка знаменитый разведчик уважал особо, называя его на склоне собственного жизненного пути просто Адольфом Зорге. Резко выраженная у обоих фамильная черта — беспокойство за весь род человеческий — крепко сблизила юного Рихарда и его двоюродного деда, хотя последний, конечно, и не знал о преклонении перед ним внучатого племянника. Фридрих Адольф,

получивший музыкальное образование, обожающий классика Бетховена и своего современника Вагнера, не смог найти себя в преподавании музыки в тихом саксонском городке. Бунтарский дух отца-пастора привел Фридриха Адольфа к местным революционным группам, о чем стало известно властям. Бывший учитель музыки стал организатором восстаний жителей Бадена и сам с оружием в руках оказывал сопротивление прусской армии, направленной на подавление мятежа. Когда мятеж все же был подавлен, в 1849 году сын пастора был назван в числе заговорщиков и заочно приговорен к смертной казни. Заочно, потому что он не стал ждать развития событий и кинулся в бег. Сначала его следы нашлись в Швейцарии, но и там властям не захотелось связываться с опасным музыкантом. Поэтому Зорге пришлось отправиться в Бельгию, а оттуда он перебрался в Британию. Именно там в 1852 году судьба свела его с другим невольным мигрантом из континентальной Европы — Карлом Марксом.

Только что обосновавшийся в Лондоне автор «Манифеста Коммунистической партии» в то время как раз приступил к обоснованию своей теории о неизбежной победе рабочего класса во всем мире. Неясно, встречался ли в Лондоне Фридрих Адольф Зорге с ближайшим соратником Маркса Фридрихом Энгельсом — последний работал в тот период в торговой компании в Манчестере. Но слышать о нем от Маркса Зорге должен был обязательно. И всё же знакомство, пусть и половинчатое, с будущими лидерами мирового коммунистического движения изменило всю дальнейшую жизнь сына пастора и серьезно повлияло на судьбу еще не родившегося тогда Рихарда. Из Лондона Фридрих Адольф отправился на пароходе в Америку, где спустя пять лет стал основателем и лидером Американского коммунистического клуба — предтечи Коммунистической партии Соединенных Штатов.

В будущем беспокойный учитель музыки вошел в число важнейших сотрудников 1-го Интернационала, в котором организовал его американские секции, а в 1872 году он был избран секретарем Генерального совета, базировавшегося в Нью-Йорке. Еще в 1868 году сам Маркс писал о Зорге: «Рекомендуем г-на Зорге всем друзьям Международного товарищества рабочих и одновременно уполномочиваем его действовать от имени и в интересах этой организации»⁴.

Международное товарищество рабочих — это 1-й Интернационал. Полвека спустя, в команде уже 3-го Интернационала, за счастье мирового пролетариата будет бороться его внучатый племянник. Но пока, после раскола первой организации, Фридрих Адольф Зорге занялся созданием Социалистической партии Соединенных Штатов, написал несколько книг по теории рабочего движения, став ближайшим сотрудником для его лидеров — Фридриха Энгельса, Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

Краевед Тамара Филипповна Гумбатова приводит отрывок из статьи Франца Мэринга, опубликованной в «Die Neue Zeit» в октябре 1906 года, характеризующий Фридриха Адольфа Зорге как деятеля, «всегда полного энергии и непоколебимой верности своим идеалам. Это был человек почти застенчивой скромности. Но при этом он не только не боялся никаких жертв, но даже имел потребность ставить свои идеалы впереди собственного "Я". Он пользовался безграничным доверием лучших из величайших борцов, стоящих в первых рядах освободительного движения»⁵.

Его потомок таких деталей, очевидно, не знал, и в автобиографии, написанной перед началом работы в московском штабе Коминтерна, историю рода сформулировал кратко: «Семья моего отца является семьей потомственных интеллигентов и в то же время семьей со старыми революционными традициями. И мой родной дед, и оба моих двоюродных деда, в особенности Фридрих Адольф Зорге, были активными революционерами накануне, во время и после революции 1848 года»⁶. Не вполне понятно, о каком революционном прошлом своего деда-хирурга писал Рихард. Возможно, в его семье существовали рассказы о тайной революционной деятельности или, по крайней мере, симпатии к ней со стороны Готхольда Вильгельма Зорге. «Я знал, что мой дед участвовал в рабочем движении, но я знал также, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда», — продолжал Зорге в так называемых «Тюремных записках». Но кого он имел в виду: родного деда или двоюродного? Дальнейшие упоминания арестованного разведчика о своем знаменитом предке наводят на мысль, что все-таки двоюродного. Судите сами: рассказывая о попытке неудачной вербовки в лагерь социалистов их лидером Филиппом Шейдеманом,

Рихард Зорге замечал, что она была предпринята с использованием имени двоюродного деда: «...не хочу ли я, как потомок Адольфа Зорге, примкнуть к движению (социалистов, а не коммунистов. — А. К.), но я, конечно, решительно отказался». Еще позже, осенью 1923 года Рихард встретился в Германии с Давидом Борисовичем Рязановым — одним из авторитетнейших русских социалистов, основателем и директором московского Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Кто-то из членов делегации, которую возглавлял Рязанов (не исключено, что он сам и, уж во всяком случае, это было сделано с его ведома), попросил Зорге «собрать информацию о политическом литературном наследстве Адольфа Зорге, который работал секретарем I Интернационала, созданного Марксом». К этому предложению присовокуплялось и еще одно, куда более серьезное: «Рязанов пригласил меня в этот институт [Маркса и Энгельса], но руководители Германской коммунистической партии тогда не отпустили меня»⁷. Непонятно, передал ли в итоге Рихард Зорге что-либо из архива своего двоюродного деда Рязанову или нет, но де-факто первый вербовочный заход к нему из Москвы был совершен под прикрытием близости внучатого племянника идеям своего предка.

Еще одна загадка связана с документами, найденными, по мнению Фредерика Дикина и Георга Стори, при обыске у Зорге во время его ареста в 1941 году: это было «брачное свидетельство брата его деда по отцу Георга Вильгельма Зорге, родившегося в Торгау»⁸. Предположение авторов о том, что документ мог понадобиться при вступлении Рихарда Зорге в нацистскую партию, звучит вполне обоснованно. Непонятно только, о ком именно из родственников идет речь, но, скорее всего, это не двоюродный дед, а прадед — тот самый беспокойный пастор из Шильдау, что действительно родился недалеко от Торгау и которого трудно было бы упрекнуть в симпатиях коммунистическим идеям из-за давности лет. Тем более что семью самого Рихарда и потомков деда-социалиста, умершего в 1906 году в американском штате Нью-Джерси, практически ничего не связывало. «Наша семья была несколько чуждой для клана Зорге»⁹, — вспоминал разведчик в тюрьме, и это отчуждение, возможно, было вызвано слишком долгим пребыванием отца Зорге в России.

Известно, что, когда Густаву Вильгельму Рихарду Зорге пришло время выбирать профессию, он отказался учиться на медика. Не пошел он и по духовной стезе. Гуманитарное образование, которое предпочел его дядя Адольф, тоже не прельстило юношу. Догадываясь о том, как с изобретением парового двигателя изменится в ближайшем будущем жизнь, молодой Зорге решил стать инженером и взялся изучать горное дело. Тогда в Саксонии было еще немало шахт, уголь добывали постоянно растущими темпами, и такая работа представлялась перспективной. Густав Вильгельм работал в научной библиотеке горного управления в родном Веттине, прошел практику на местной каменноугольной шахте, располагавшей передовым по тому времени оборудованием, но вскоре стало очевидно, что горная промышленность Германии стоит на грани краха, и, по мнению целого ряда историков, Зорге отправился за океан, в Америку¹⁰.

Существует, однако, интересная версия о том, что «Америкой» для Зорге-старшего могла стать... Россия. По сведениям журнала «Нефтяное дело» за 1908 год, в 1875 году 23-летний Густав Вильгельм окончил академию и прибыл не в Нью-Йорк, а в Малороссию, где поступил на службу в технический отдел Харьковско-Николаевской железной дороги. По данным этого специализированного издания, в Харькове молодой немец пробыл два года и, очевидно, использовал это время и для изучения русского языка. Во всяком случае, когда он в 1877 году прибыл в Баку, то представлялся уже вполне по-русски: Рихард Васильевич, в документах добавляя к этому «он же Вильгельмович»¹¹. Итак, отца «нашего» Рихарда Зорге в России, в Баку, тоже звали Рихардом.

Работать он приехал в место, которое справедливо называли «нефтяным Клондайком». За недели здесь делали состояния, за день их теряли. Тысячи рабочих шли сюда пешком из России и Ирана, десятки и сотни инженеров и предпринимателей неслись в Русское Закавказье в вагонах первого, второго, третьего класса, спешили, боясь не успеть запрыгнуть в буквальном смысле в счастливый вагон, добирались, как могли, искатели приключений всех сортов. В краю, где лишь три процента населения были грамотными, выходцы из Швеции братья Нобели создали крупнейшую компанию с нефтяной вертикалью власти. «Товарищество нефтяного производства

братьев Нобель» делало всё: искало нефть, бурило скважины, добывало нефть, перерабатывало ее, перевозило и продавало. Организовано это было на максимально высоком для конца XIX века технологическом уровне. И, если в 1872 году, за год до прихода Нобелей, здесь за год накачали десять тысяч тонн «черного золота», то в 1880-м здесь работало уже 195 (!) нефтеперегонных заводов, дававших миллион тонн очищенного продукта. По Каспию ходил первый в мире нефтеналивной танкер «Зороастр», на участке Балаханы — Черный город работал первый в стране нефтепровод, а построенные там же цилиндрические нефтехранилища оказались и вовсе первыми в мире. Так что для толкового немецкого инженера работы здесь было невпроворот.

Другое дело, что быт, пресловутая суровая проза жизни на бакинских «нефтяных приисках», скорее устрашал, чем манил. Побывавший здесь в 90-х годах XIX века Максим Горький живописал увиденное: «Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрешённого разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертами, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом.

...Я увидел вершины вышек, воткнувшиеся в дым, мне именно так и показалось: над землей образована другая земля, как бы второй этаж той, на которой живут люди, и эта вторая земля, расширяясь, скоро покроет небо вечной тьмой. Нелепое представление усилилось, окрепло при виде того, как из одной вышки бьет в тучу дыма фонтан черной грязи, точно землю стошнило и она, извергая внутреннее свое, расширяет дымно-масляную крышу над землей...»¹² Что и говорить, картина страшная, но, напомним, Рихарду Васильевичу было всего 25 лет, когда он сюда приехал, и все эти ужасные визуальные эффекты не должны были смутить предприимчивого немца.

Молодой инженер устроился на работу в качестве нефтяного мастера в механических мастерских Отто Ленца, располагавшихся в поселке Сабунчи, что километрах в двадцати от Баку. Два немецких мастера быстро нашли общий язык и в жизни, и в работе. Вместе работали над «расширителем Зорге — Ленца», нефтяным топливом для пароходов, другими

проектами. К 1883 году оба уже так прижились в Баку, что, в отличие от намного раньше обрусевшего Людвиг Нобеля, считались здесь не иностранцами, а своими — русскими — инженерами. С 1879 года Рихард Васильевич Зорге стал членом Бакинского отделения Русского технического общества, основанного все тем же Нобелем, и примерно в это же время женился. Неизвестно, когда точно это произошло, но уже в начале 1880 года у Зорге и его супруги — лютеранки Анны Керн родился сын Вальтер Зорге. Нам также неизвестно, что случилось дальше, но 1 ноября 1882 года Вальтер умер, а уже 24 апреля следующего года Рихард Васильевич сочетался вторым браком с русской подданной, православной Ниной Семеновной Кобелевой. Венчание прошло в Николаевском соборе в Баку, а невесте только за четыре дня до свадьбы исполнилось 16 лет.

Нина Кобелева происходила из рода казенных крестьян Рязанской губернии и имела трех сестер и двух братьев: Екатерину, Ольгу, Дарью, Константина и Тимофея. Так что русская родня нашего героя была не менее многочисленна, чем германская, и по сей день в нашей стране живет очень много дальних родственников знаменитого разведчика, и время от времени в прессе появляются сообщенные ими детали жизни семей Зорге и Кобелевых столетней давности.

К тому времени Зорге окончательно обосновался в Сабунчах, где построил дом на берегу соленого озера и по-прежнему работал с Отто Ленцем в мастерских напротив местной железнодорожной станции. В 1890 году купил там участок земли, примерно тогда же — землю под дачу в поселке Аджикенд, где летом было прохладно, в 25 километрах от города Гянджи (в те годы — Елизаветполя). Дом отстроили к 1893 году. Как сказали бы сегодня, окреп и бизнес Рихарда Васильевича. Немецкий инженер стал здесь не просто своим, но и очень уважаемым человеком в Баку, много занимался не только профильной — инженерной работой, но и благотворительностью, и обустройством общественной жизни на западноевропейский манер. Добился утверждения поста мирового судьи в Балахано-Сабунчинском районе, участвовал едва ли не во всех крупных мероприятиях этого главного индустриального района Закавказья. Так что «русская история» семьи Зорге оказалась много крепче и в разы длиннее,

чем до сих пор было принято об этом думать. В общей сложности на три десятилетия Рихард Васильевич оказался связан с Баку, с Азербайджаном, с Российской империей. Три десятилетия жил не только заботой о собственной прибыли, но и о развитии науки и техники в этой стране и даже участвовал в съезде нефтяников, проходившем под лозунгом: «Мы осветим весь мир и смажем всю Европу!», где выступил против американского проекта экспорта нефти из Баку, полагая, что «нефтепровод должен служить непременно развитию нефтепромышленности внутри России и не способствовать вывозу нефти за границу».

В доме у озера 19 февраля 1884 года родился и первый ребенок Рихарда Васильевича и Нины Семеновны — Вильгельм. В будущем он примкнет к немецким социал-демократам, и о его судьбе после Второй мировой войны ничего не известно. 7 января 1886-го на свет появилась дочь Маргарита. 9 июля 1887-го родился второй сын — Герман, который проживет спокойную жизнь (насколько это было возможно в Европе XX века) инженера-химика и скончается в Майнце в 1958 году. 17 января 1889 года — вторая дочь, Наталия. 21 июня 1890-го — третий сын, Георгий (о нем, как и об остальных членах семьи Зорге, практически ничего не известно), а 20 июня 1892-го — четвертый, Мартин. 31 августа 1893 года родилась третья дочь, Анна. 4 октября 1895 года на свет появился пятый сын — Рихард Зорге.

Как ни странно, до сих пор не понятно до конца, как на самом деле звали будущего разведчика и где именно он появился на свет. Известно, что он любил, когда его называли Ика. Скорее всего, это детское имя — сокращение от сложного «Рихард», которое трудно было выговаривать маленькому ребенку и которое со временем настолько «прилипло» к нему, что стало вторым именем. Несколько странно, что взрослый Зорге подписывался так, в том числе в официальных документах: *I. K. Sorge, Ika Sorge, Ika-Richard*. В некоторых документах, в том числе коминтерновских, он то Ика Рихардович, то Рихард Рихардович. Впрочем, в европейских языках, и немецкий — не исключение, имя не является такой жесткой языковой нормой, как в русском. Человек может называть себя так, как он хочет, в том числе и в некоторых официальных документах. Нам хорошо знаком этот прием

по некоторым актерам, часто использующим в качестве собственного бренда уменьшительные или детские имена: Чак, Джонни, Денни и т. д. Нашему герою, похоже, очень нравилось его детское имя, и он охотно использовал его как свой «бренд» вплоть до середины 1930-х годов¹³.

Есть и другая версия происхождения «Ика» в документах. Как полагает Тамара Гумбатова, это могло быть связано с лютеранской традицией давать ребенку несколько имен. Ведь и отца нашего героя звали «в три приема»: Густав Вильгельм Рихард. Возможно, имя, данное его сыну при крещении, тоже звучит как, например, Иоганн Карл Рихард. Но до сих пор запись о крещении младшего Зорге не найдена (его братья и сестры были крещены кто в лютеранской, кто в православной церкви), и пока нам остается только гадать, как и почему точно Ика стал Рихардом (или наоборот), и что все это значит.

Известно, что семья Зорге подолгу жила в «летнем имении», на даче, построенной, как мы помним, незадолго до рождения Рихарда-младшего, и это неудивительно. Дача была настолько хороша, что о ней даже написала местная газета: двух-трехэтажное строение из десяти комнат, с прекрасным видом на лесистые горные окрестности и водопроводом, способная вместить до сорока человек. Но действительно ли там родился Рихард Рихардович, по-прежнему неизвестно¹⁴. Впрочем, так или иначе, это территория Российской империи, ставшая в 1991 году частью независимого Азербайджана. Так что в каком-то смысле Рихард Зорге действительно — великий азербайджанский разведчик. Во всяком случае, прекрасный памятник ему сооружен в Баку по праву, и Азербайджан имеет все законные основания гордиться таким земляком.

В год рождения своего девятого ребенка Рихард Васильевич был переизбран членом «Технической по охране бакинских нефтяных промыслов комиссии». Переизбрали его и в следующем, 1896 году, стал он членом комиссии и в 1897-м, когда отметил двадцатилетие своей деятельности в Баку. По сведениям Юлиуса Мадера, это стало пределом физических возможностей работы Рихарда Васильевича в Закавказье. Здоровье 45-летнего инженера дало сбой, это совпало со смертью его матери в Берлине и необходимостью

вступления в наследство. На рубеже 1897—1898 годов было принято решение о переезде в Германию. В газеты дали объявления о продаже имущества Зорге, в том числе и дачи в Аджикенде. 3 марта земля и дом в поселке Сабунчи «ушли» за 95 тысяч рублей серебром. Механический завод удалось продать только под залог почти в 200 тысяч рублей. Дачу продать не удалось вовсе, и еще два года она сдавалась в безвозмездное пользование летней колонии женского бакинского училища. В апреле 1898 года семья Зорге покинула Баку. Рихарду-младшему в то время не исполнилось еще и трех лет.

ГЕРМАНСКИЙ ПУТЬ

«До войны я провел достаточно благополучное детство, присущее классу зажиточной буржуазии. Наша семья не испытывала никаких материальных затруднений. Однако кое в чем я отличался от обычных сверстников. Я остро переживал, что родился я на Южном Кавказе и был привезен в Берлин в очень раннем возрасте»¹⁵, — вспоминал Зорге. Его благополучное немецкое детство началось в приличном берлинском пригороде Ланквиц, на Моцартштрассе, 29 — в доме, который бывший бакинский инженер, а ныне директор банка при «Германско-русском обществе по импорту нефти» Рихард Васильевич Зорге купил для своей семьи¹⁶. Параллельно с кредитно-финансовой деятельностью банкир продолжал заниматься инженерной работой, с научной точки зрения описав и обосновав три способа добычи нефти: тартальный, насосный и компрессорный, и предпринимательством. Деловые связи с Россией не прерывались, и летом—осенью 1899 года, а затем и в 1900 году Рихард Васильевич побывал в Одессе и Баку в служебных командировках¹⁷. Дача в Аджикенде все еще принадлежала семье, и Зорге снова передал ее на лето в безвозмездное пользование женскому училищу. Ее так и не удалось продать, а в 1904—1905 годах Зорге-старший постарался свернуть все свои дела на Кавказе из-за обострившейся революционной обстановки в этом регионе. Возможно, именно неприятности, связанные с Россией, тревога за судьбу дела, подвергавшегося серьезной опасности из-за революционных мятежей, приблизили и конец инженера Зорге. «Отец был ярким националистом и империалистом и всю жизнь не мог избавиться от впечатлений, полученных в молодости при создании Германской империи во время войны 1870—1871 годов.

Он всегда сохранял в памяти потерянные за рубежом капитал и социальное положение», — писал о нем знаменитый сын, забывая при этом, что, несмотря на потерянные капиталы, их семья, мягко говоря, не бедствовала даже в голодные годы мировой войны. «Потерянные за рубежом» — это в России, но социальное положение берлинского директора банка вряд ли можно считать менее высоким, чем у инженера из захудалого азиатского поселка Сабунчи. Нельзя не заметить, что и распространенные рассказы о том, что в семье Зорге были два языка общения — русский и немецкий, что дома часто вспоминали жизнь в России, ничем не подкреплены и, скорее, опровергаются дальнейшей биографией нашего героя, чем подтверждаются ею. Например, в личном деле ответственного сотрудника Коминтерна Рихарда Зорге-младшего упомянуто, что он свободно говорит по-немецки, по-французски и по-английски, а вот по-русски — только читает¹⁸.

Так или иначе, но, как сообщил об этом бакинский журнал «Нефтяное дело», «1 декабря 1907 года в возрасте 55 лет в Берлине в Гросс-Лихтенфельде от инсульта скончался старый бакинский техник, инженер-механик Рихард Васильевич Зорге»¹⁹. Полгода спустя его старший сын Вильгельм, верный сыновнему долгу, издал отдельной книгой научные труды Рихарда Зорге-старшего. Это случилось в то же самое время, когда Рихард-младший впервые столкнулся с революционным движением на своей второй родине.

К 1902 году семья Зорге переехала в берлинский район Штеглиц, на Гогенцоллернштрассе, 5. Здесь Рихард пошел в реальное училище, причем в 1908 году стал второгодником, но не по причине недобросовестности в занятиях, а из-за болезни. Впрочем, и с учебой было не все гладко. «...у меня в детстве была одна странная особенность, — вспоминал Зорге: я отличался от обычных детей, как и все мои братья и сестры. Я был плохим учеником, недисциплинированным в школе, упрямым, капризным, болтливым ребенком. По успехам в истории, литературе, философии, политологии, не говоря уже о физкультуре, я был в верхней половине класса, но по другим предметам ниже среднего уровня. В 15-летнем возрасте у меня очень развился интерес к Гёте, Шиллеру, Лессингу, Клопштоку, Данте и другим произве-

дениям (так в тексте. — А. К.), а вдобавок пристрастился, даже не понимая ничего, к истории, философии и Канту. Из истории мне особенно полюбились периоды Французской революции, Наполеоновских войн и эпоха Бисмарка. Текущие германские проблемы я знал даже лучше, чем обычные взрослые люди. В течение многих лет я детально изучал политическую ситуацию. В школе меня даже прозвали премьер-министром».

Считается, что именно тогда и там, около 1910 года, бывший бакинец, ученик старших классов реального училища Рихард Зорге (отныне под этим именем мы будем иметь в виду только его) впервые определяется со своими политическими пристрастиями. Конечно, это был еще в значительной степени детский выбор, возможно, окрашенный элементами конфликта ребенка из благополучной буржуазной семьи с недостаточно «передовым», по его мнению, отцом. Возможно. Тем более что и до Германии докатывались слухи о неудавшейся революции в стране, откуда, за исключением отца, была родом вся семья Зорге. И первым склонность к участию в борьбе за расшатывание существующего строя проявил вовсе не младший Рихард, а его брат Вильгельм — тот самый, что почтительно издал труды отца. «Мой старший брат стал левым экстремистом. Я помню, что у него были крайне анархистские наклонности, сформировавшиеся под влиянием трудов Ницше и Штейнера. Я долгое время был членом атлетической ассоциации рабочих и поэтому у меня были с рабочими постоянные связи. Но как у школьника, у меня не было никакой четкой политической позиции. Я был заинтересован только в приобретении политических знаний и совсем не думал этим определить как-то свою личную позицию, да и возможностей так поступать не было», — писал Зорге в воспоминаниях.

Процесс самоопределения и выработки личной позиции затянулся на несколько лет. Толчком для окончательного решения стал крупнейший мировой кризис — Первая мировая война. Для семьи Зорге, далеко не в последнюю очередь для Рихарда, которому в 1914 году исполнилось 19 лет, это был кризис особого рода: на полях сражений не на жизнь, а на смерть сошлись две его родины. Выбор, за кого воевать, не стоял: Рихард был гражданином Германии и настоящим

берлинцем. Но интересно, что Бакинское уездное по воинской повинности присутствие (выражаясь современным языком — военкомат) среди лиц, подлежащих призыву для исполнения воинской повинности в 1913—1914 годах, разыскивало сына инженера-механика Р. В. Зорге — Мартина, одного из старших братьев Рихарда*. По извечной российской рассеянности забыли вычеркнуть убившего в Европу призывника? Рихард же пришел в аналогичный прусский «военкомат» сам, добровольно.

Летом 1914 года он возвращался с каникул, проведенных в Швеции. Юноша-переросток, вынужденный два года просидеть в пятом классе, по возрасту подходил в рекруты, несмотря на неоконченное училище, и был рад этому. Ему хотелось воевать, стать героем, страдать, может быть, даже умереть во имя Великой Германии. Он был просто мальчишкой — сильным, смелым и не слишком разумным в силу своего возраста. Ультрапатриотические настроения (по отношению ко второй родине, конечно) быстро затмили недавние модные размышления о социальной справедливости. Император Вильгельм обратился с воззванием к народу, в котором требовал защитить родину от коварного врага. Задуматься не было ни времени — оно было заполнено поглощением пропаганды, ни сил — они были сломлены пропагандой, ни желания — оно было подменено пропагандой, и Зорге отправился на войну с радостью и искренним энтузиазмом.

«Не сообщив в школу и не сдавая выпускных экзаменов, я тут же подал заявление в армию и поступил на военную службу. Если говорить о причине, побудившей меня решиться на такое бегство, то это горячее стремление приобрести новый опыт и освободиться от школьных занятий, желание освободиться от бездумной и совершенно бессмысленной жизни 18-летнего юноши, а также всеобщий ажиотаж, порожденный войной. Я не советовался ни со старшими,

* По данным Т. Ф. Гумбатовой. Позже, по закону от 13 декабря 1915 года о ликвидации немецких землевладений на территории Российской империи, разыскивали и национализировали принадлежавшие отцу Зорге земли в районе поселка Нафталан.

ни с матерью, ни с другими родственниками (отец умер в 1911 году*). Сразу же после начала войны я прошел неполную шестинедельную подготовку на учебном плацу под Берлином, и тут же был отправлен в Бельгию, и принял участие в сражении на реке Изер. Можно сказать, что это был период перехода "из школьной аудитории на поле сражений", "со школьной скамьи на бойню".

Принятую в кайзеровской армии «неполную подготовку» Рихард прошел в запасном батальоне 91-го пехотного полка. Помимо упражнений на плацу, остальное обучение тоже было несложным: «Пулю в лоб французу, штык — Ивану в пузо!» Вкупе с непритязательной, а оттого извечно верной идеологической парадигмой «Сила дает право» и слоганом, еще не ставшим строкой гимна «Германия превыше всего», этого должно было хватить новобранцам на первое время боев. Медлить было нельзя: война быстро становилась позиционной, невыгодной Германии, зажатой фронтами с востока и запада. Поэтому, получив азы примитивной «науки побеждать», добровольцы прямиком отправлялись собственно «на бойню». В составе специального студенческого батальона (!) 3-го полка полевой артиллерии одного из резервных корпусов 4-й армии Зорге оказался в Бельгии, где 16 октября началась битва при Изере, закончившаяся две недели спустя затоплением приморской части этой страны и стоившая сторонам потерями более ста тысяч человеческих жизней.

Воспоминания об увиденном и пережитом уже никогда не могли стереться из памяти выживших там. Так формировалось настоящее фронтовое братство людей, навсегда

* Ошибка неясного происхождения. Возможно, возникла при двойном переводе из европейской системы летоисчисления в японскую (по годам правления императоров) и обратно, так как цитируемые записки Зорге изначально были созданы на немецком языке, затем переведены на японский, а с него на русский. Также в указанном переводе нет фразы о том, что Рихард не сообщил о своей отправке на фронт матери и другим родственникам, которая содержится, например, в книге Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» (Берлин, 1988), опирающегося на «Тюремные записки Рихарда Зорге» (цит. по: Знаменитые шпионы XX века. М., 2001). Здесь он лишь «не советовался с ними».

запомнивших номера своих подразделений и частей, лица и клички командиров, особенности театров военных действий. Эта память и это братство еще должны были сослужить Зорге особую службу два десятилетия спустя, когда он будет общаться в Токио с такими же, как он, ветеранами Первой мировой, хотя и не бывшими, как он, солдатами и фельдфебелями, а офицерами и генералами, но все же фронтовиками. Всех их будет роднить память об ужасах войны, о собственной беспомощности перед лицом смерти, о подвигах одних и трусости других. Тогда среди них еще не было критического разделения по политическим убеждениям, и солдаты высказывали свои взгляды на справедливость простыми и доступными им методами. «До войны политической жизни не знал. Когда поступил в армию, действовал не политически, а лично выступал: бил фельдфебелей...»²⁰ Зорге еще не понимал, что он сам, как и эти избитые им фельдфебели — лишь пушечное мясо, впервые попавшее в мясорубку под Диксмейде 29 октября 1914 года, осознание этого придет позже. Кстати, там же и в этот же день в составе 16-го Баварского резервного пехотного полка боевое крещение принял австрийский доброволец Адольф Гитлер. В образовавшихся после прорыва дамб холодных болотах «десятки тысяч плохо обученных молодых солдат под командованием пожилых офицеров-резервистов, не имеющих фронтового опыта, без достаточной поддержки артиллерии, были посланы на верную смерть. Приказ Фалькенхайна — храбро атаковать, невзирая на потери, стал распиской командования в собственной беспомощности»²¹.

Рихарду повезло: он вышел из первой в своей жизни серьезной переделки живым и здоровым. Более того, он уже тогда начал понимать, в какой ад попал, следуя лишь собственному желанию и милитаристской пропаганде. Позже он напишет об этом: «Это кровопролитное, ожесточенное сражение впервые возбудило в сердцах — моем — моих товарищей-фронтовиков — первую, а потому особенно глубокую психологическую неуверенность. Наше горячее желание драться и искать приключений было быстро удовлетворено. Потом наступило несколько месяцев молчаливых раздумий и опустошения»²². Эти несколько месяцев Рихард провел относительно спокойно: часть была отведена в резерв, потом

на переформирование, затем вернулась на фронт и участвовала в затяжных позиционных боях.

«Я предавался всевозможным размышлениям, вытягивая из головы все свои исторические познания. Я осознал, что участвую в одной из бесчисленных европейских войн и воюю на поле сражения, имеющем историю в несколько сотен или даже тысяч лет. Я думал: как бессмысленны эти бесконечно повторяющиеся войны! Сколько раз до меня немецкие солдаты сражались в Бельгии, стремясь вторгнуться во Францию! И наоборот, сколько раз войска Франции и других стран делали здесь то же, надеясь разгромить Германию. Знает ли кто из людей, какой же смысл в этих войнах прошлых времен?

Я старался осознать мотивы, которые лежали в основе новой агрессивной войны. Кто заново проявляет интерес к этим землям, шахтам, промышленности? Кто стремится захватить подобную добычу, невзирая на любые человеческие жертвы? Никто из моих товарищей — простых солдат и не думал о каких-то аннексиях и оккупации. Никто даже и не знал, для чего все эти наши усилия. Никто не знал истинных целей войны, и тем более никто не разбирался в вытекающем отсюда ее глубинном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками. Почти все из них были членами профсоюзов, а большое число — сторонниками социал-демократии. Но только лишь один человек из них был действительно левым. Это был пожилой каменщик из Гамбурга, и он тщательно скрывал свои политические взгляды, не раскрываясь ни перед кем. Мы подружились с ним. Он рассказывал о своей жизни в Гамбурге, о своем опыте преследований и безработицы. Он был первым пацифистом, которого я встретил. Погиб он в бою в начале 1915 года, а вскоре после этого и я был впервые ранен. Уже сразу после начала войны я заметил, что мы, простые солдаты, и офицеры живем совершенно отдельной жизнью. За пределами службы мы имели очень мало контактов с офицерами. Офицеры общались только с офицерами. Я совсем не мог иметь чувства какой-то глубокой привязанности к ним»²³.

Рихард был молод, он вырос в богатой буржуазной семье, знал мало горя и не был готов к таким потрясениям. Будучи всего лишь солдатом, он оказался во власти унтеров и офицеров, многие из которых явно уступали ему в интеллекте,

знаниях, понимании природы войны, но при этом самое дорогое, что у него было — его жизнь во многом зависела от них. Это казалось диким и страшным парадоксом. Любой нормальный человек в такой ситуации либо ломается, либо пытается найти выход из нее. И здесь в каком-то смысле нашему герою повезло. Весной или в начале лета 1915 года Зорге был ранен. Характер его ранения неизвестен, но молодому солдату было присвоено звание ефрейтора и дана возможность прохождения лечения в госпитале родного Ланквица.

В больничной палате Рихард познакомился с другим фронтовиком — Эрихом Губертом Корренсом. Судя по всему, этот солдат тоже придерживался левых взглядов. Воспоминания о боях, о неравенстве между офицерами и солдатами, а главное, размышления о бессмысленности войны обрели в пригороде Берлина новую остроту. Оказалось, что здесь, вдали от фронта, от смерти, крови и грязи, все тоже далеко не благополучно. «В стране становилось все труднее сохранять нормальный уровень жизни. Все определялось двумя вещами: дефицитом и черным рынком. Но если были деньги, на черном рынке можно было купить все что угодно. Бедняки возмущались. Того воодушевления и духа самопожертвования, которые были в начале войны, больше не существовало. Начались обычные для военного времени спекуляции и подпольные сделки, а угар милитаризма постепенно стал улетучиваться. Напротив, полностью раскрылись чисто империалистические цели — прекращение войны в Европе путем достижения корыстных целей войны и установления германского господства»²⁴.

Выйдя из госпиталя, Рихард попытался вернуться к нормальной жизни. Используя время, отпущенное ему на реабилитацию после ранения, он сумел подготовиться к вступительным экзаменам в Берлинский университет имени Фридриха Вильгельма и, успешно сдав их, поступил на медицинский факультет, несмотря на отсутствие школьного аттестата. Поистине, у этого парня уже тогда были видны непреклонный характер и умение собрать волю в кулак. Рихард начал ходить на лекции и... растерялся. Все еще нося нашивки ефрейтора, он чувствовал себя военным и числился в своем подразделении. Учеба в университете резко контрастировала с тем, что он только вчера видел на фронте и чего он

никак не мог забыть. К тому же ум пытливого молодого берлинца занимали вопросы, бесконечно далекие от медицины: политика, экономика, социальные конфликты. Преодолеть внутренний раздрай ему удалось, как тогда казалось, самым простым способом: Рихард вернулся в окопы, не дожидаясь конца отпуска.

На этот раз фронт был Восточным. В Галиции Зорге предстояло воевать против русских, против своей родины, против родины матери. Несмотря на это, Рихарду поначалу казалось, что выбор сделан правильно. Германские войска бодро продвигались вперед, его захватила общая эйфория успеха, но... вскоре наступление было остановлено и, как и на западе, началась затяжная позиционная война. Сидение в окопах вновь стимулировало общий пессимизм, и снова проблема была разрешена самым кардинальным способом, и опять не по воле нашего героя. В начале 1916 года Зорге был ранен осколком русского снаряда и отправлен в тыловой госпиталь на излечение.

«Возвратившись на родину после длительной трудной поездки через оккупированную Германией русскую территорию, я увидел, что положение в стране критическое. Через семьи моих товарищей-фронтовиков я знал людей различных классов. Среди них были семьи простых рабочих, относящиеся к средней буржуазии мои родственники, состоятельные друзья, поэтому я мог достаточно хорошо наблюдать экономическое положение различных социальных слоев. Буржуазия постепенно опускалась на положение пролетариата, но пыталась как-то избежать своей судьбы, цепляясь за теорию о моральном превосходстве Германии. Я не мог без отвращения относиться к тому, что делалось высокомерными и невежественными представителями так называемого "германского духа"».

Во время повторного знакомства с госпитальным распорядком в образе мыслей Зорге происходит заметная перемена. Он уже не просто удивляется кризису, в который погрузилась во время войны его вторая родина — прошло слишком мало времени, чтобы он успел забыть увиденное в Берлине летом 1915-го. На этот раз Рихард пытается — в силу своих знаний, опыта и возможностей — анализировать то, что произошло, и понять, почему это произошло. Он начинает при-

слушиваться не только к госпитальным разговорам раненых солдат, но и ищет новые источники информации, что хорошо видно из его воспоминаний: «...среди политических лидеров появились люди, которые начали испытывать беспокойство в отношении войны. Это явилось результатом того, что внутренняя и внешняя политика стала жесткой и жестокой. Иными словами, реакция и империализм всюду поднимали голову. Я убедился, что Германия не может предложить миру ни новых идей, ни новых каких-либо действий, но и Англия, и Франция, и другие страны мира также не имеют возможностей внести свой вклад в дело мира. Никакие дискуссии о духовности и высоких идеалах не могли поколебать моей убежденности. С тех пор я не воспринимал всерьез утверждения об идеях и духе, которыми якобы руководствуются ведущие войны народы, независимо от их расы».

Государство еще пыталось вернуть контроль за настроем своего когда-то верного солдата так, как оно это делало (и успешно, в массе своей) с другими жертвами войны. Пока Рихард лежал в госпитале, пришел приказ о производстве его в унтер-офицеры 43-го резервного полка полевой артиллерии. За проявленное мужество его наградили Железным крестом 2-й степени. Не следует, однако, переоценивать значимость этой награды: за годы Первой мировой войны она стала самой массовой и вручалась около пяти миллионов раз при том, что после мобилизации 1914 года численность армии не достигала четырех миллионов.

Значительно важнее было то, что Зорге наконец-то получил — с «наисердечнейшим благословением Королевской экзаменационной комиссии» — аттестат зрелости, несмотря на так и не оконченное из-за войны училище, и с вполне приличными оценками. Теперь он мог правильно оформить свое поступление на медицинский факультет университета, но делать это пока не торопился. Его мысли вновь заняла политика: «Моя неудовлетворенность выросла по сравнению с периодом первой моей реабилитации. И я вновь сразу же добровольно отправился на передний край. Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погружаться в болото в своей стране».

Другой страной на сей раз стала Франция. 43-й артиллерийский полк стоял под стенами Вердена, и Зорге прибыл

туда в начале широкомасштабной наступательной операции германской армии, вошедшей в историю как «Верденская мясорубка», через которую — убитыми и ранеными «пропустили» около миллиона человек. Неудивительно поэтому, что возвращение Зорге с лечения теперь уже не было отмечено печатью былого оптимизма: «Атмосфера в части стала в целом еще более мрачной, чем раньше. Однако появилось больше людей, проявлявших интерес к проблемам политики и завершения войны. Постепенно укреплялось мнение, что, кроме решительных политических изменений, ничто не может вывести нас из столь тяжелого положения. Я встретил двух солдат, которые были связаны с радикальными политическими организациями Германии. Один из них часто рассказывал о Розе Люксембург и Карле Либкнехте. Однако ни в наших беседах с ними, ни в моих размышлениях проблема прекращения войны не представлялась важной. Гораздо более серьезным был вопрос, как можно было бы устранить причины бессмысленных саморазрушительных и бесконечных войн в Европе. Нам казалось, что эта проблема куда более фундаментальна, чем окончание нынешней войны».

Если, составляя свои «записки» в начале 1940-х годов в тюрьме Сугамо, Зорге не ошибался и точно определил время, когда он задумался над вопросом, не как прекратить войну, а почему она случилась (при ответе на второй вопрос ответ на первый находился автоматически), то мы должны признать, что наш герой был действительно выдающимся человеком с уникальными мыслительными, аналитическими, даже философскими способностями. Зорге в ту пору исполнилось лишь 20 лет. Правда, его разум и чувства были обострены войной, но все равно он оставался еще слишком молод для суждений подобного рода. Ведь даже в стрессовой ситуации боя человек прежде всего думает о том, как прекратить ее, но... «Мы не были трусами, которые боялись бы продолжения войны или не отказались бы от любых средств, чтобы только ее закончить. Для нас было достаточно ясно, что, если только просто бросить оружие, это развяжет руки противникам Германии для достижения их империалистических устремлений. Более важным мы считали глобальное решение проблемы, решение в международном масштабе на длительный срок, но мы еще совершенно не знали способов достижения этого.

Мы еще были довольно далеки от левого движения в Германии и других странах».

Кажется, что обостряющаяся ситуация на фронте, напряжение в тылу, опыт дважды раненного солдата разжигали в Зорге какой-то род интеллектуального азарта. И здесь проявляется еще одно его качество, которое потом окажется исключительно полезным в его работе: он умеет слушать и молчать, он азартен, но, как это ни удивительно, одновременно и хладнокровен — он умеет играть нужное лицо. «Политические организации националистического и империалистического толка вели бешеную пропаганду и посылали на фронт несчетное количество пропагандистских листовок. Под их воздействием мы вели *оживленные дискуссии*. Все эти организации пытались поднять моральный дух солдат, стремясь разъяснить обширные цели Германии в войне и раскрыть каждую из претензий, которые Германия должна предъявить другим странам для обеспечения своего постоянного превосходства. Но фактически результаты были абсолютно иными, чем те, на которые они рассчитывали. Что же касается лево-радикальных элементов на фронте и внутри Германии, то их усилия были подобны бензину, который плеснули в огонь. *Я обычно молча только слушал подобные дискуссии и иногда задавал вопросы*, у меня еще не было какой-либо убежденности, знаний, решений».

Верден не являлся удобным местом для дискуссий, пусть и таких важных. На полосе в 13 километров с обеих сторон лицом друг к другу встали 24 дивизии и около двух тысяч орудий и минометов, включая 420-миллиметровые мортиры. Здесь впервые в истории были массово применены огнеметы, гранатометы и химическое оружие, а германская артиллерия, в том числе 43-й полк, в котором служил Зорге, выпустила по Вердену около 20 миллионов снарядов. Но, когда сам Рихард пришел к выводу, что больше воздерживаться от дискуссии нельзя («...постепенно пришло время, когда надо было отбросить позицию стороннего наблюдателя, которой я придерживался в течение длительного времени, и сделать окончательный вывод»), он снова оказался ранен.

Строго говоря, Зорге едва не погиб. Осколки французского снаряда пронзили его тело, а два из них раздробили кости ноги. По некоторым данным, это случилось, когда Рихард

участвовал в разведывательной вылазке своего подразделения, и раненым он провел «в лихорадочном бреду на колючей проволоке» около трех суток²⁵. Так это было на самом деле или нет, но последствия ранения преследовали Зорге всю жизнь. Первая жена Рихарда — Кристина* вспоминала, что «Рихард воевал; из-за простреленного колена (видимо, все-таки имеется в виду осколочное ранение. — А. К.) он ходил, прихрамывая... Он никогда не мог медленно спускаться по лестнице — бежал вприпрыжку и при этом безжалостно подтрунивал над собой»²⁶. А его токийская подруга Эта Харих-Шнайдер много позже писала, что «Зорге снова и снова начинал рассказывать о Вердене. Это было его душевной травмой»²⁷.

Получивший увечье унтер-офицер Зорге был вынесен с поля боя однополчанами и на санитарном поезде вновь отправлен в тыл. На сей раз не в Берлин, а на восток — в Кёнигсберг. Там, в госпитале в Восточной Пруссии для него навсегда закончился его германский путь и началась биография интернационалиста.

* Ее имя, в оригинале — *Christiane*, в русскоязычных источниках приводится как Кристиана, Христиана, Кристина. Для упрощения в этой книге далее дается его современный и более привычный для русскоговорящего читателя вариант: Кристина.

СЛОЖНЫЙ ПЕРЕЛОМ

По версии Юлиуса Мадера, кости изувеченной ноги Рихарда срастались быстро под благотворным влиянием симпатичной медсестрички-ровесницы, а вот сложный перелом в сознании стал необратим в результате знакомства отца девушки с историей мирового рабочего движения²⁸. Якобы родитель девушки, услышав фамилию Зорге, изрядно удивился и сразу вспомнил о хорошо знакомых ему трудах соратника Маркса и Энгельса. В воспоминаниях бывшего больного ничего подобного нет, да и вряд ли он стал бы рассказывать об этом японским следователям и прокурорам. Зорге лишь замечает, что медсестра была умна и интеллигентна и, как и ее отец-врач, оказалась связана с «радикальным социал-демократическим движением».

Конечно, важно не то, была медсестра симпатичной или нет — раненому бойцу, чье тело было прошито осколками, нога подвешена на противовесе над кроватью, и который, по его собственному признанию, испытывал дикие боли, пока что было не до флирта. Гораздо важнее, что именно в кёнигсбергском госпитале двадцатилетний артиллерист «...впервые сумел подробно услышать о революционном движении в Германии, различных партиях и течениях, международном революционном движении». Здесь же Зорге впервые услышал о Ленине, как об одном из лидеров современного ему социал-демократического движения, скрывающемся в Швейцарии.

От болевого шока после ранения Рихард пришел в себя быстрее, чем от шока психологического, вызванного «верденским адом». С другой стороны, он был морально подготовлен к такому сложному перелому двумя предыдущими ранениями и полутора годами размышлений о причинах

войны. Поэтому как только страшная боль в теле стала стихать, унтер-офицер немедленно погрузился не в госпитальный роман, а в книги, которые медсестра и ее отец тайком приносили ему в госпиталь.

Мысли, сопровождавшие процесс выздоровления, были не новы. Зорге вновь решил обратиться к разбору «коренных проблем империалистической войны». Новым было настроение, возникшее под влиянием чтения марксистской литературы, и связанный с этим подход к ним. Молодой человек и раньше чувствовал в себе силы хлебнувшего горя практика, ощущал бившую через край энергию своего возраста, тягу к знаниям, но не имел самих знаний. Разговоры с такими же, как он, может быть, чуть более образованными, солдатами уже не могли удовлетворить его. По сравнению с «дискуссиями» у стен Вердена, вопросы, на которые теперь с помощью книг искал ответ Зорге, оказывались более сложными, масштабными, значимыми. И появилось новое чувство — амбициозность и уверенность прирожденного лидера, способного проникнуть в суть проблемы и найти способ ее решения: «...уже появилось желание *стать апостолом революционного рабочего движения*».

Но, чтобы стать апостолом, недостаточно было иметь даже очень твердое стремление к этому. Да и родство с другим, уже состоявшимся «божеством» Интернационала могло тут больше помешать, чем помочь. Надо отметить, молодой Зорге сразу это понял. Поэтому первым, чем он занялся, поставив перед собой столь необычную цель, стало получение специального образования. Разумеется, это невозможно было осуществить легально, но, судя по воспоминаниям героя, друзья-медики постарались решить проблему, начав со знакомства с азами германской философской мысли. «Я впервые взялся за философию, последовательно изучил Канта и Шопенгауэра, обратился к истории, в том числе истории искусств, и, кроме того, у меня появился интерес к экономическим проблемам». Несмотря на боль, грязь, кровь и вонь госпитальной обстановки, представить которую может себе только тот, кто прошел через это, Зорге чувствовал необыкновенное воодушевление. В его жизни наконец-то нашлась цель — настолько великая, что он впервые ощутил возможность или даже необходимость отдать за такую цель эту самую жизнь.

Ужасы полутора лет войны привели Зорге на госпитальную койку в Кёнигсберге, а книги, прочитанные там, открыли дорогу к эшафоту токийской тюрьмы Сутамо, а затем и к великой посмертной славе. Вся остальная его жизнь была лишь прохождением этого пути. И как всякую молодость, Зорге вспоминал Кёнигсберг как место, где он «был счастлив как никогда в последние годы. Моя тяга к исследованиям, которая время от времени проявляется и сейчас, сформировалась именно тогда». И это тоже очень важное признание.

Через 25 лет Рихард Зорге станет одним из самых успешных, а через полвека — одним из самых знаменитых разведчиков всех времен и народов. Получится набрать, пожалуй, еще с десятков персонажей, которых можно было бы поставить в один ряд с ним (пусть каждый выберет своих героев сам), но вряд ли найдется еще один человек, пришедший в разведку через желание стать одновременно «апостолом рабочего движения» и исследователем, то есть политиком и ученым. «Премьер-министр», как его называли в школе, Зорге в 1916 году уже был готов возглавить страну. Вот только страны такой не существовало, да и не у одного Рихарда в 20 лет возникло желание изменить мир. Отличие Зорге от многих других сверстников-максималистов заключалось в том, что он решил перевести свои мечты в практическую плоскость, совместив оба желания, и понял, что начать следует с учебы. Вскоре после ареста в 1941 году Зорге скажет японскому следователю, что больше всего хотел бы стать ученым. В 1916 году заменивший выпускной класс реального училища полями боев, инвалид войны Рихард Зорге принялся за науки со свойственной ему энергией.

Науки оказались необычными для студента медицинского факультета, но Рихарду было уже понятно, что с медициной (во всяком случае, в качестве лекаря, а не в качестве больного) его более ничто не связывает, и он постарался сосредоточиться на изучении политологии и экономики начиная с самых древних времен, так как считал, что, только изучив и поняв глубинные причины социальных, экономических и политических изменений в Германии и Европе, он сможет удовлетворить свои интересы в области понимания природы войны и классового неравенства. «Я читал и греческую философию, и оказавшую влияние на марксизм философию

Гегеля. Я прочитал Энгельса, а затем и Маркса, [все] что попадало в руки. Я изучал также труды противников Маркса и Энгельса, т. е. тех, кто противостоял им в теории, философских и экономических учениях, и обратился к изучению истории рабочего движения в Германии и других странах мира. В течение нескольких месяцев я приобрел фундаментальные знания и овладел основами практического мышления».

Наступил роковой для всей планеты 1917 год. Газетные статьи становились интереснее, чем книги классиков, и авторы первых легко разрушали незыблемые, казалось бы, истины вторых. Война еще не кончилась, наоборот, в ее орбиту вовлекались новые страны и народы, и ощущение глобальной катастрофы продолжало нарастать. Особенно тяжелое положение оказалось у Германии и Австро-Венгрии: их людские и материальные ресурсы были почти исчерпаны, начался голод, отсутствие топлива привело к транспортному кризису, великие, в недавнем прошлом, державы привели себя на край пропасти.

Зорге вспоминал: «В то время летом и зимой 1917 года я начал особенно остро ощущать, что мировая война бессмысленна и бездумно все обрекает на запустение. С каждой стороны уже погибло по несколько миллионов человек. И никто не скажет, сколько еще миллионов разделят их судьбу. Хваленая экономическая машина Германии лежала в руинах. Я чувствовал это на личном опыте, ощущая вместе с многочисленными пролетариями голод и растущий дефицит продуктов питания. Капитализм распался на свои составные элементы — анархизм и спекулянтов. Я видел крах Германской империи, которая, как считали, имеет прочный и незыблемый политический фундамент. Господствующий класс Германии, столкнувшись с таким положением, безнадежно растерялся и раскололся как морально, так и политически. В культурном и идеологическом плане нация ударилась в пустую болтовню о прошлом, в антисемитизм или романо-католицизм. И военно-феодальный правящий класс, и буржуазия оказались не способны указать курс для государства и способ спасения его от полного разрушения. И в лагере противников Германии было то же самое. Политические требования, выдвигаемые противниками Германии, и на будущее не оставляли другого способа решения конфликта, кроме

применения оружия. Свежая и эффективная идеология поддерживалась революционным рабочим движением, и за нее разворачивалась борьба. Эта наиболее сложная, решительная и полезная идеология стремилась устранить экономические и политические причины нынешней и будущих войн путем внутренней резолюции».

Первой не выдержала Россия. Неожиданно для европейского обывателя русский царь Николай II отрекся от престола. Для некоторых участников войны это стало настоящим подарком, а для Германии Февральская революция в России выглядела единственным шансом на выживание. Неудивительно, что не только Зорге, но и многие другие мыслящие молодые люди восприняли это грандиозное социальное потрясение как самый простой и очевидный способ прекращения войны, ведущейся с непонятными целями, но с уже появляющимся на горизонте финалом в виде мировой катастрофы. Вступление в 1917 году в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов усугубило положение Центральных держав. Военный исход сражений уже не вызывал сомнений. Оставалось только определиться с политическим устройством мира. На этом фоне во всех странах-участницах особенно обострился интерес к социал-демократическому движению, где идея смены монархий не буржуазными, а пролетарскими республиками завоевывала все новые и новые симпатии.

Следующий этап трагедии — большевистский переворот 25 октября 1917 года в России — надолго расколол мир на две части. Зорге внутренне готов был к такому повороту событий. Он ждал чего-то подобного последние три военных года, и это неудивительно. Сегодняшнему читателю удивительно, наверно, будет другое: за всю свою последующую жизнь Рихард Зорге, так и не ставший премьер-министром настоящего пролетарского государства, не разочаровался в своем выборе, сделанном в военном госпитале в Кёнигсберге. Незадолго до гибели он писал: «Развитие революции в России указало мне путь, по которому нужно идти международному рабочему движению. Я решил не только поддерживать движение теоретически и идеологически, но и самому стать на практике его частью. И с тех пор, какие бы выводы ни делались о моих личных и материальных проблемах, я встал на этот путь. И сейчас, когда третий год идет Вторая мировая

война и развязана война между Германией и Советским Союзом, у меня еще более крепнет убеждение, что решение, принятое мною 25 лет назад, было правильным. Я могу так заявить, даже обдумав все, что случилось со мной в течение прошедших 25 лет, и особенно в последний год».

В январе 1918 года унтер-офицер Зорге уволен из армии по состоянию здоровья, из-за ранения — «списан вчистую», как говорили тогда солдаты воевавшей с Германией страны, где он родился. Сама кайзеровская армия имела тогда «состояние здоровья» значительно хуже, чем у нашего героя, и вскоре прекратила свое существование. Хромающий, изрешеченный осколками Зорге, наоборот, был исполнен оптимизма и, вернувшись домой, перевелся с медицинского на философский факультет Берлинского университета имени Фридриха — Вильгельма. Возвращение домой радовало, но Рихарду сразу же пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Кризис военных лет ударил по благосостоянию семейства Зорге. Отцовские накопления съела инфляция. Большой дом пришлось сменить на квартиру на первом этаже по Майнцерштрассе, 18, в пригороде Берлина Вильмерсдорфе²⁹. Рихард вернулся домой, но, как для сотен тысяч возвращавшихся с фронта солдат, дом, семья оказались для него уже чужими. Они жили другой, непонятной ему и неприемлемой, с его точки зрения, жизнью, и Зорге ушел. Это не значит, что он разорвал отношения с матерью, братьями и сестрами. Нет, они продолжали переписываться и общаться, из дома ему регулярно поступали деньги на содержание, но вместе семья Зорге уже никогда не собралась, и в значительной степени это произошло по воле Рихарда.

Он забрал документы из столичного университета, так толком и не поучившись в нем, и «подался на север», север Германии, в город Киль, где поступил в местный университет с намерением взяться за изучение экономики и социологии. Однако время и место для начала учебы оказались выбраны крайне неудачно. Киль — один из крупнейших портов Германии, важнейший промышленный и судостроительный центр Пруссии, кипел революционно настроенными рабочими, моряками, демобилизованными солдатами. Очень скоро Рихард оказался в одном котле с ними: «...я никак не думал, что в течение года здесь произойдет германская революция.

В Киле я вступил в революционную организацию — Независимую социал-демократическую партию. Я не вступил в группу "Спартак", но только по той причине, что в Киле не смог установить связи с этой организацией».

«Группа Спартак» (позже — «Союз Спартак») — оформившееся к 1916 году нелегальное объединение германских социал-демократов: Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Франца Меринга, Вильгельма Пика, Клары Цеткин и др. По мнению некоторых исследователей биографии Зорге, наш герой познакомился с деятельностью «спартакистов» сразу после второго ранения, когда лечился в берлинском госпитале, хотя документальных подтверждений этому не представлено³⁰. Но в любом случае, проникнутые бунтарским духом «Политические письма», которые писали лидеры группы, должны были находить в душе и разуме беспокойного Зорге самый живой отклик. Как иначе он мог относиться к такому, например, воззванию Либкнехта: «Война есть высшее проявление классового господства и империализма... Поэтому наша тактика полностью однозначна и ясна: непримиримейшая борьба»³¹?

В пролетарском Киле, относительно далеком от немецких идеологов социал-демократии, Рихард не сумел выйти на лидеров «Спартак», но стал свидетелем забастовок рабочих, откликнувшихся на призывы своих вождей. Неудивительно, что Зорге оказался полностью захвачен воодушевлением толпы и летом 1918 года стал членом Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Партия отделилась от СДПГ всего годом ранее, и у руля ее встали Гуго Гаазе и Карл Каутский. «Группа Спартак» при этом была как бы коллективным членом или автономной фракцией новой партии, быстро завоевавшей популярность в народе: к ноябрю 1918 года НСДПГ насчитывала в своих рядах около 120 тысяч человек.

Рихарду в это время было всего 22 года. У него пока еще отсутствовал опыт подпольщика, и он обретал его на ходу, тем более что образования, солдатской закалки, желания работать оказалось предостаточно. Зорге немедленно становится не только активистом партии, но и главой ее небольшого подразделения в Киле: «Как только я вступил в партию, мне сразу же была поручена работа в социалистических сту-

денческих организациях. Вместе с двумя-тремя студентами я создал такую организацию и затем стал ее руководителем. Кроме того, в рамках партийной организации я стал руководителем учебного кружка в районе, где проживал, и преподавал там историю рабочего движения, различия между революционным и контрреволюционным движением и другие предметы. Безусловно, я старался вовлечь в партию новых членов из моих друзей-студентов и выполнял также различные мелкие поручения.

Я тайно читал лекции по социализму группам рабочих порта и матросов. Таким образом, я содействовал революции в Кильской военной гавани, начатой восставшими матросами. Даже сейчас я помню одну из этих лекций. Одним ранним утром я был вызван и приведен в незнакомое до того место. Придя туда, осмотревшись, я понял, что это была подземная матросская казарма, где меня попросили тайно прочитать лекцию при плотно закрытых дверях».

Революция, о которой говорит Зорге — ноябрьский переворот, покончивший с кайзеровской Германией и завершившийся провозглашением Веймарской республики. А началом его было выступление матросов германского флота в Киле 3 ноября 1918 года. Ему предшествовал приказ адмирала Шеера о подготовке к решающему сражению с флотом Антанты, прежде всего с британским. Тактическая ситуация при этом была такова, что даже матросы понимали: их призывают дать последний бой и погибнуть в нем, дабы сохранить лицо и честь германского флага. Три годами раньше они, возможно, без раздумий так и поступили бы, но война шла уже слишком долго, исход был очевиден, и распропагандированным матросам совсем не хотелось умирать. Одним из самых яростных и убедительных пропагандистов как раз и был отставной артиллерист, трижды раненный и жаждавший жизни Рихард Зорге.

В период с 30 октября по 3 ноября в Киле произошли беспорядки, связанные с отказом части военных моряков выполнить боевой приказ командования. Было арестовано около тысячи человек, расстреляна демонстрация матросов, требовавших освобождения своих товарищей, и в город прибыли сухопутные части. 4 ноября они перешли на сторону восставших, после чего Киль оказался во власти первого не-

мецкого Совета рабочих и солдатских депутатов. Возглавил совет, сформированный по образу и подобию Петроградского, кочегар с одного из миноносцев Карл Артельт, а среди его членов значился и Рихард Зорге.

В течение следующей недели Советы формировались по всей Германии. По инициативе Карла Либкнехта началось создание Красной гвардии, но наибольшим прорывом в этом направлении оказалось формирование Народной морской дивизии, прибывшей из Кили в Берлин. Чем занимался в это время Зорге, так успешно зарекомендовавший себя во время подготовки восстания? «Сразу после революции моя работа в партии заключалась в разборе бесчисленных заявлений о приеме в партию, пропагандистской и преподавательской деятельности. Помимо этого, я должен был главным образом по-прежнему поддерживать связь со студенческими социалистическими организациями, которые набрали в это время большую силу».

Была у Зорге в то время и еще одна забота. Вместе с ним членом Кильского совета стал некий доцент, а впоследствии доктор философии и профессор Курт Альберт Герлах. Они были очень дружны: Курт, будучи на девять лет старше Рихарда, тоже пережил ужасы войны на фронте — ему довелось быть шофером санитарного автомобиля. Причем на войну Герлах пошел по политическим мотивам, разорвав отношения с собственным отцом — директором фабрики, которого сын считал капиталистом. Если в боевом опыте Зорге превосходил Герлаха, то в исследовательском, преподавательском и опыте подпольщика явно уступал ему. Старший товарищ Рихарда успел поработать в Университете Лейпцига, где писал работы о профсоюзном движении и необходимости охраны труда рабочих (животрепещущая тема для начала XX века). Герлах провел несколько лет в Англии, стал членом тамошней Лейбористской партии, а переехав в Киль, работал над циклом лекций, за одно название которых можно было угодить в тюрьму: «Социализм и коммунизм».

Знакомство Зорге и Герлаха описала супруга профессора — Кристина: «После окончания первой мировой войны в кильский порт стали входить корабли с красными флагами революции на мачтах; у молодых немцев появилась надежда на перемены к лучшему. Каждый день студенты и про-

фессора, умеренные и радикалы, спешили на политические собрания; воздух над городом и над гаванью, казалось, был пропитан беспокойством и жаждой деятельности. Много молодых людей собиралось в нашем уютном, утопавшем в глициниях, доме, где я, двадцатилетняя супруга профессора государственной экономики, разливала в чашки чай и без усталости вслушивалась в жаркие споры. Мой муж несколько лет жил в Англии, был фабианцем* и сочувствовал немецкой революции. Поздняя осень 1918-го, зима 1919 года! Художники говорили о новом искусстве, поэты ломали устаревшие традиции; среди наших гостей сидел молчаливый молодой человек, один из студентов моего мужа — Рихард Зорге... В аудиториях и на семинарах он, наверное, вел себя менее сдержанно, чем у нас в салоне, так как я вскоре стала замечать, что мой муж выделяет его из всех остальных. Между обоими завязалась дружба; мы называли его "Ика"»³².

Как легко догадаться, выделять Зорге из числа остальных студентов, художников, поэтов и прочих гостей дома профессора экономики стал не только его хозяин. Кристина Герлах симпатизировала своему ровеснику, но он до поры до времени не отвечал ей взаимностью. Ему было некогда: к началу нового, 1919 года Рихард Зорге не только полностью выздоровел, но и стал совершенно другим человеком. На смену кайзеровскому солдату, бывшему морду фельдфебелю, пришел молодой, энергичный и дерзкий социалист-подпольщик, собирающийся изменить мир.

* Фабианское общество стало основой для формирования Лейбористской партии Великобритании.

ДОКТОР ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ

К концу 1918 года невозможность Германии продолжать войну, позорная капитуляция, отречение от престола императора Вильгельма, разруха в стране и голод поставили бывшую великую державу на грань революционного кризиса. Казалось, что еще немного и будет повторен русский опыт. Однако этого не произошло. Перешагнуть опасную грань не удалось по многим причинам, в том числе из-за постоянных, непрекращающихся и многочисленных распрей в лагере «революционеров» и отсутствия среди них одного явного лидера. Оппозиционеры создали такое количество партий, фракций и группировок, что полностью увязли во внутривнутриполитических баталиях, так и не сумев, по счастью, перенести их на улицы. Хотя в начале декабря в Берлине и некоторых других городах произошли вооруженные столкновения, немецкое общество все дальше и дальше уходило от желания следовать примеру России, где уже вовсю шла Гражданская война. На Рождество 1918 года в бои в Берлине ввязалась Народная морская дивизия, но верные правительству солдаты отбили атаки, и к Новому году опасность революции в Германии на время отступила. Одним из немногих реальных последствий боевых столкновений в Берлине стало создание на базе «Союза Спартака» Коммунистической партии Германии (КПГ). 5 января нового, 1919 года «спартаковцы»-коммунисты попытались взять власть в Берлине, но после десяти дней боев мятеж был подавлен, а его вожаки — Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты.

Зорге, занимавший в дискуссиях социал-демократов радикально левые позиции, всю осень находился в Киле, где накал борьбы уже спал. Партийная ячейка отправила его «на помощь товарищам» в столицу, когда он не мог что-либо из-

менить, и маленькая группа «экспертов» из провинции лишь наблюдала со стороны за неудачными попытками ломки немецкого государства. «В конце того года я с двумя-тремя товарищами с партийным заданием выехал в Берлин, где работал в местном штабе. Развернулась непримиримая борьба между фракцией во главе с Носке и Шейдеманом и революционным движением. Армия же стала на сторону Носке и выступила против революции. Партия нуждалась в помощи, но, когда я приехал в Берлин, было слишком поздно что-либо делать. После жестокого кровопролития восстание "Спартак" было подавлено. Нас загнали в гараж и обыскали, но, к счастью, мое оружие не обнаружили. Тот, кто имел оружие и отказывался отдать его, тут же расстреливался. Пробыв с товарищами несколько дней в здании гаража, мы вернулись в Киль. Но нельзя было назвать это триумфальным возвращением. В начале 1919 года я уехал в Гамбург и стал готовиться к экзаменам на врача».

Это загадочный отрывок из воспоминаний Зорге. Больше ни в одном описании этого периода его жизни не упомянуто возвращение Рихарда к попыткам изучать медицину. Да и совершенно непонятно, как он мог бы этим заниматься в условиях революционной разрухи и своей активной подпольной деятельности. Немецкий журнал «Шпигель», в 1951 году опубликовавший такую серию статей о Зорге, что ее можно считать книгой о нем, печатавшейся с продолжением, приводил несколько иную цитату из тех же «Тюремных записок»: «...весной 1918 года я покинул Берлин и поступил на факультет государства и права в Киле. Для продолжения работы над начатой там диссертацией весной 1919 года я отправился в Гамбург, где и завершил ее»³³. Это уже совсем другое дело. Политика, социология, даже экономика — да, для изучения этих предметов события вокруг студента Зорге могли быть подспорьем, непрерывным, хотя и экстремальным, практикумом. Тем более что в 1916—1918 годах он числился на факультете философии Берлинского университета. Но медицина? Зорге не был слишком уж откровенен с японскими следователями, и его «Тюремные записки» следует читать с особенно большой оглядкой на то, что они написаны как раз в условиях комнаты для допросов токийской тюрьмы Сугамо или местной прокуратуры. Может быть, заключенный Зорге

лишний раз решил «считать себя» медиком, вспоминая о событиях 1919 года? Или просто ошибся? Все может быть, во всяком случае, пока не найдены документы.

После ареста в столице во время «спартаковского восстания» фамилия Зорге могла попасть в «черные списки», и Рихарду стоило подумать о том, где и как хотя бы на время затеряться. Портовый Гамбург, в те времена — город с более чем миллионным населением и широкой прослойкой рабочего класса, не включившегося, однако, в острые социальные протесты, подходил для этого как нельзя лучше. С одной стороны, возможность найти единомышленников в потенциально протестных слоях населения. С другой — полицейский режим в городе был ослаблен по сравнению с Берлином, Бременом или Мюнхеном, где выступления «спартакистов» обострили ситуацию до крайности. По свидетельству Юлиуса Мадера, в Гамбурге наш герой снова стал студентом, «записавшись соискателем ученой степени на факультет государства и права» местного университета³⁴. Такое утверждение значительно больше похоже на правду, чем обращение к медицине. Да и сам Зорге дальше о врачебной специальности не вспоминает: «По приезде в Гамбург я и там создал студенческую социалистическую организацию и стал ее секретарем, а кроме того, выполнял обычную партийную работу по месту жительства».

Судя по тому, что карьера Зорге вскоре пошла вверх, его авторитет среди студентов Гамбурга был весьма высок: «В конце этого года меня назначили руководителем учебной секции партийных руководителей региональной организации Гамбурга. Вскоре после этого фракции нашей партии так же, как группа "Спартак" и другие революционные организации, автоматически влились в Германскую коммунистическую партию. В течение 1920 года я работал в штабе парторганизации Гамбурга в качестве руководителя учебной секции».

Что же касается не партийно-подпольной, а научной деятельности нашего героя, Мадер приводит, к сожалению, без какой-либо ссылки на источник, подробные сведения о диссертации Рихарда: «Свою работу Зорге озаглавил "Имперские тарифы Центрального союза немецких потребительских обществ", в ней исследовались сложные вопросы,

касающиеся политики тарифов и заработной платы, проводимой немецкими потребительскими обществами. Хорошее представление об этом дает уже само по себе оглавление диссертации. Рукопись более чем в 200 страниц состояла из пяти частей:

“Часть I. Свободные профсоюзы и Центральный союз немецких потребительских обществ.

Часть II. Разработка имперских тарифов в объединении булочников, кондитеров и их коллег по профессии в Германии.

Часть III. Разработка имперских тарифов в объединении торговых и транспортных работников Германии.

Часть IV. Гарантии обеспечения и осуществления тарифной системы

а) общие гарантии

б) тарифное бюро и его деятельность.

Часть V. Тарифная система во время революции.

Таблицы. Приложение”»³⁵.

С учетом того, что в то самое время, когда Зорге писал диссертацию, в Германии активно обсуждалась новая конституция, предусматривающая, в соответствии со статьей 165, активное вовлечение рабочих и служащих в обсуждение и регулирование вопросов условий труда и заработной платы, работа гамбургского кандидата имела особую злободневность. Она могла представлять интерес не только (а возможно, и не столько) для ученых-социологов и экономистов, сколько для деятелей профсоюзов, юристов, работающих с подобными вопросами, одним словом — для практиков.

Легко заметить, что значительную часть диссертации занимало рассмотрение проблем потребительских организаций и предприятий малого и среднего бизнеса (в современной формулировке). По мнению Мадера, это было связано с местом работы Зорге в то время. Именно в Гамбурге находился Центральный союз немецких потребительских обществ, основанный в 1903 году, там же хранился архив этой организации, и Рихард много с этим архивом работал. Наблюдавший изнутри за созданием и развитием революционной ситуации в Германии, Зорге заметил, что провал переворота в значительной степени был обусловлен тем, что идеи пролетарской революции оказались не близки представителям городской и сельской буржуазии. Об этой социальной про-

слодке он писал в диссертации, к ней же по происхождению относился сам. Лавочники, торговцы, владельцы мастерских и небольших заводов, даже банкиры средней руки — весь этот слой населения, особенно окрепший в Германии за последние полвека, хорошо понимал, чем ему грозит победа люмпенов и пролетариата. Зорге, учившийся и живший, будучи студентом, на ежемесячное содержание в 200 марок, что мать присылала ему из дома, выделяя из сохранившегося наследства отца, проблемы мелких буржуа знал, во всяком случае, не хуже, чем пролетариата, к которому никогда не относился, но который умел блестяще распропагандировать³⁶.

Вот и в своей работе, подводя итоги проведенного исследования, он писал, сугубо теоретически, искусственно «подтягивая» представителей потребительской кооперации к рабочим и крестьянам: «[Потребительские] Общества, как это видно на примере английских, также являются организациями рабочего класса, составной частью рабочего движения, тесно связанной с решением социальных вопросов в той же степени, что и профсоюзные и политические организации рабочих. Это те самые группы, которые испытали на себе всю тяжесть интенсификации капиталистической экономики, все взлеты и падения, все кризисные явления, описанные Карлом Марксом в "Капитале", Энгельсом в "Положении английских рабочих" и Брентано в "Рабочих гильдиях нового времени"»³⁷.

Группы, о которых писал Зорге, действительно испытали на себе все тяжести интенсификации капитализма — в этом молодой ученый был прав. Что же касается всего остального, путей их дальнейшего развития и симпатий в сторону того или иного общественного строя, то его размышления носили сугубо умозрительный характер, основанный на попытках сопоставить, если не приблизить искусственно, марксистскую теорию к реальной экономической ситуации. Но правоту автора тогда могло доказать или опровергнуть только время...

Летом 1919 года Рихард Зорге, не окончивший полностью курс реального училища и проучившийся в общей сложности около трех лет на разных факультетах разных университетов, сумел успешно завершить и защитить свою диссертационную работу, начатую семью месяцами ранее. 8 августа ректор Гамбургского университета профессор Карл Ратген

и декан факультета государства и права профессор Курт Перельс подписали докторский диплом по специальности «государство и право» с темой, балансирующей на стыке экономики, политики и социологии, на имя «Рихарда Зорге, из Баку, Россия». В соответствии с действовавшими тогда немецкими законами диплом о высшем образовании для защиты диссертации являлся необязательным, а предшествовавшие защите устные и письменные экзамены 23-летний Рихард выдержал на «отлично». Отныне привычным для него станет обращение «доктор Зорге». Можно ли считать при этом нашего героя ученым? Юридически — да. Зорге сумел выполнить все условия, указанные в то время в германских образовательных нормативах для университетов. Он защитил диссертацию и получил немецкую степень «Doktor», примерно соответствующую британо-американской степени «доктора философии» — «Ph. D.» и близкую современной российской степени кандидата наук. Что же до практической наполненности, то сегодня нам непросто объективно оценить величину вклада в науку, внесенного диссертацией Зорге. Однако, учитывая принцип историзма, можно предполагать, что это была добротная, хорошо исполненная работа, важная для своего времени, аккумулирующая опыт предшественников и воплощающая самые свежие мысли на изучаемую тему. Ну, и самое главное — всей своей дальнейшей карьерой, где бы она ни строилась, но особенно — в Японии, Рихард Зорге еще подтвердит право называться ученым. И стоит ли говорить, что у новоиспеченного доктора в 1919 году были более важные дела, мало связанные с наукой?

Одновременно с защитой диссертации в судьбе Рихарда произошло еще одно важное событие. Он начал свою журналистскую деятельность в газете социал-демократов «Гамбургер фолксцайтунг» (сам Зорге высказался об этом кратко: «В то же время я был консультантом в коммунистических газетах Гамбурга»). К этому же времени относится и встреча Зорге со «знаменитым социалистом Шейдеманом», заметившим молодого и перспективного внучатого племянника еще более знаменитого социалиста прошлого. Филипп Генрих Шейдеман к тому времени был не только «известным социалистом», но и первым в истории постмонархической Германии премьер-министром, оставившим свой пост в июне

1919 года. Во время ноябрьского восстания 1918 года именно Шейдеман не дал возможности захватить власть приверженцам ультралевых взглядов, в том числе Либкнехту, идеи которого были наиболее близки Зорге. Возможно, Шейдеман имел какие-то связи с «Гамбургер фольксцайтунг» и познакомился с Зорге на этой почве. В любом случае, для 23-летнего революционера получить предложение о сотрудничестве от настоящего зубра политики, каким был Шейдеман, должно было оказаться очень лестным. Однако попытка переманить молодого доктора в стан социал-демократов успеха не имела, да и в Гамбурге Рихард после защиты диссертации надолго не задержался.

Его политические взгляды оставались по-прежнему радикально левыми, а потому не удивительно, что очень скоро — 15 октября 1919 года Рихард Зорге стал членом образованной ранее (всего за пять месяцев до этого) КПП. О том, что происходило после приема, сам он рассказывал следующим образом: «Затем, имея желание перебраться вглубь страны, я получил место учителя в высшей школе в г. Ахене и стал готовиться к отъезду туда, но меня вызвали в Берлин в Центральный комитет партии. После доклада о событиях в Гамбурге мне предложили выполнять различную практическую работу для партии в районе Ахена. Там были сильны позиции рабочих и особенно мощными были организации рабочих-католиков. Вскоре после прибытия в Ахен меня назначили членом городского комитета партии, где я стал отвечать за вопросы партучебы. Одновременно я занимался активной пропагандой среди шахтеров».

Удивительным образом получение Рихардом места преподавателя в Высшей технической школе Ахена совпало с назначением туда на кафедру экономических наук профессора Курта Альберта Герлаха, который опекал Зорге, бывшего тогда студентом в Киле. Кто из них — Зорге или Герлах переехал в Ахен первым и почему, не вполне понятно. Юлиус Мадер пишет, что Зорге вообще был ассистентом Герлаха, в его доме Рихард по вечерам проводил занятия с местными социалистами и коммунистами, которых знакомил с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, а возможно, и своего двоюродного дедушки³⁸. Учитывая, что свой партийный билет доктор Зорге в середине октября получал уже в Ахене,

а чтобы вступить в партию, там его хоть кто-то должен был знать и рекомендовать, получается, что Рихард перебрался туда между 8 августа и 15 октября, но скорее всего в сентябре 1919 года — сразу после получения степени доктора. Если так, то у него не было никаких планов забраться из портового Гамбурга «поглубже» в Германию. Он просто узнал от своего бывшего учителя, что есть вакансия преподавателя-экономиста в Ахене, и отправился туда, чтобы ее занять, благо его сертификат доктора наук позволял ему это сделать. Наконец, в Ахене Зорге не просто вступил в Коммунистическую партию Германии, но и убедил сделать это своего наставника профессора Герлаха. А тот, в свою очередь, предоставил молодому другу свою квартиру для конспиративных лекций по марксизму.

«Вскоре я установил связи с партийными руководителями района Рейнланд в Кёльне. Они часто приглашали меня на свои митинги и попросили принять участие, как я делал это в Гамбурге, в коммунистических изданиях этого района. Однажды, когда редактор коммунистической газеты Золингена находился в тюрьме, два месяца во время школьных каникул, я даже заменял его и редактировал газету. Кроме того, в качестве представителя района Рейнланда я несколько раз принимал участие в заседаниях ЦК по вопросам руководства партией и расширения состава ЦК».

Это была опасная, рискованная работа: уже в начале марта 1920 года, всего через пять месяцев после вступления Зорге в КППГ, в стране произошла очередная попытка военного переворота, известная в истории как «капповский путч». На местах, там, где позиции мятежников были особенно сильны, начался антикоммунистический террор. В ответ 14 марта коммунисты призвали население фактически к гражданской войне: «Пролетарии города и деревни!.. Поднимайтесь на борьбу против военной диктатуры!.. Требуйте немедленной отставки правительства... разоружения и роспуска рейхсвера и тайной полиции... Немедленной конфискации у буржуазии всего оружия, формирования революционной, надежной рабочей армии под контролем Советов рабочих депутатов»³⁹. Естественно, что Зорге, ставший, как следует из его воспоминаний, известным к тому времени и в Берлине, в ЦК партии, вошел в забастовочный комитет Ахена.

В различных областях Германии коммунистам и их сторонникам удалось вовлечь в забастовку около двенадцати миллионов человек и сформировать боевые дружины. В Рурской области была организована даже Рурская Красная армия. 17 марта стало ясно, что попытка путча провалилась, но и вариант победы коммунистов не устраивал Берлин. Немедленно полиция начала аресты организаторов левых боевых дружин. В Ахене было хорошо известно, что доктор Зорге является одним из вдохновителей забастовки, и через несколько дней он был уволен из Высшей технической школы. Самое же печальное, что вместе с ним был уволен его старый друг и покровитель Курт Герлах. Профессор, несмотря на молодые годы (в 1920 ему исполнилось 34), был уже тяжело болен — он страдал от диабета, и лишение работы отозвалось на его состоянии. До самой смерти он так и не смог найти постоянного места. Его жена Кристина — «очень симпатичная платиновая блондинка с острым носиком», как описывал ее декан кафедры философского факультета Университета имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне доктор Макс Хоркхаймер⁴⁰, тоже осталась без средств к существованию. Сам же Зорге решил уйти в подполье настолько глубоко, насколько это было возможно: он стал шахтером.

ПОДПОЛЬЕ ДЛЯ ШАХТЕРА

Практически весь 1920 год Зорге проработал разнорабочим на шахтах Рурской области. Это была хорошая возможность легального заработка, но дались ему шахтерские деньги очень непросто. За всю жизнь — ни до, ни после этих событий — Рихарду не доводилось сталкиваться с действительно тяжелым физическим трудом. К тому же дала знать о себе искалеченная нога. «Работа была тяжелой, — вспоминал Зорге, — а из-за последнего ранения, полученного мной на фронте, она порой становилась просто невыносимой. Однако я не отступил от своего решения. Опыт работы шахтером был очень ценен для меня, ничуть не уступая опыту, полученному мною на фронте. К тому же моя новая работа отвечала интересам партии».

Действительно, партия могла быть довольна: на шахте, куда устроился рабочим бывший преподаватель, вскоре возникла коммунистическая ячейка. Убедившись, что она «окрепла и развилась», Зорге сменил место работы и отправился дальше, развивая успех. Таким образом, переходя с шахты на шахту, он организовал еще две ячейки. Последующие перемещения вывели коммунистического агитатора за пределы Германии, однако первый опыт зарубежной работы оказался для Зорге неудачным: «Я пытался действовать тем же методом в угольных районах Голландии, но эта попытка провалилась. Я был быстро разоблачен, уволен с шахты и выслан за границу».

Провалу в Голландии сопутствовала ненужная подпольщику известность в Ахене. Обратив на шахту его уже не брали. Кроме того, район, в котором Зорге пытался найти работу, в то время находился под послевоенной оккупацией Франции и Бельгии, а это значит, управление им осуществляли две

власти: гражданская и военная. Представители первой пообещали передать Зорге военным, если он немедленно не убежится восвояси. И Рихард, не желавший попасть под суд военного трибунала за коммунистическую пропаганду, решил далее не испытывать судьбу и перебраться из Ахена в Золинген, где иностранных войск не было, и можно было ожидать значительно более мягкого полицейского режима. Сначала он поселился в соседнем Ремшейде на Аллеенштрассе, 18, а в марте 1921 года — в самом Золингене на Виденштрассе, 19.

На сей раз место оказалось выбрано удачно: знаменитый своими ножами, ножницами и другими режущими инструментами, а также военными предприятиями, Золинген находился еще и неподалеку от крупных химических заводов. Город был переполнен рабочими, испытывшими на себе трудности кризиса военного времени и послевоенного застоя и разрухи. В Золингене даже выпускалась газета местного отделения КПГ «Бергише арбайтерштимме». Если до этого времени Зорге лишь периодически опробовал свой дар журналиста, то в столице немецких кузнецов и городе «пушечных королей» — семейства Круппов — он стал политическим редактором местного коммунистического рупора. Писал много, а потому часть статей выходила под псевдонимами. Здесь, по некоторым данным, впервые на свет появляется имя «Зонтер», а вместе с ним «Адомль», «Хайнце» и «Петцольд»⁴¹.

Нельзя не заметить, что социальная пропаганда, в сфере которой Зорге показал себя вполне состоявшимся специалистом, была в те времена не слишком сложна (она остается абсолютно понятна и сегодняшним читателям). Шок от резкого и четкого сопоставления заработков олигархов и трудящихся на их заводах (все в цифрах) усилен «информационным поводом» — Рождеством Христовым, от которого все нормальные люди ждут радости, подарков, сбывающихся надежд. Зорге не дает им расслабиться, и его убийственная критика особенно остра и провокативна из-за приближающихся праздников: «Четырнадцать с половиной миллионов марок дивидендов, с которыми фирма Крупп завершила год, практически целиком положило себе в карман семейство Круппов. Таким образом, крохотная кучка людей получит в качестве рождественского подарка четырнадцать с половиной миллионов

плюс ко всему, что уже имеет, что получает в течение года. Ибо дивиденды — далеко не единственный источник обогащения фирмы Крупп. И все же газеты — "Кёльнише цайтунг", например, — на все лады расхваливают простоту и умеренность, царящие в семье Круппов, довольствующейся "скромным" жалованьем в четырнадцать с половиной миллионов, в то время как рабочие фирмы получили за последние четыре года в виде зарплаты без малого три миллиарда марок. В пересчете на количество работающих у Круппа, а это около 99 000 человек против 92 000 в прошлом году, получается, ни много ни мало, 7500 марок на каждого рабочего за последние четыре года. Эти "жалкие" 14 500 000 марок, доставшиеся Круппам в виде единовременного поступления, далеко, впрочем, не единственного, встают перед мыслящим рабочим грандиозной социальной проблемой...

Рождество может быть для нас только праздником разоблачения лжи и обмана, которыми буржуазное общество потчует трудящиеся массы. Пусть рождественские торжества станут праздником осмысления великой цели, способной объединить всех нас, — устранение лжи, эксплуатации и угнетения, освобождение пролетариата от оков капитала»⁴².

В архиве Золингена сохранились документальные свидетельства того, что «Зонтер» вел не только журналистскую, но и специфическую преподавательскую работу в этом районе. В соседнем городке Олигс доктор Зорге читал курсы лекций «Философские основы общественных наук», «Курс экономики для фабричных советов» и «Что необходимо знать о законе о фабричных советах» в так называемом Народном университете Олигса. Судя по следующему сохранившемуся объявлению ректора университета, это было временное учебное заведение, ставящее целью образование небогатых слоев населения (посетителями первого курса лекций доктора Зорге были 59 человек, почти все — представители рабочих специальностей) фактически собственными средствами и силами: «Французские оккупационные власти предоставили в распоряжение Народного университета несколько помещений лицея. Поэтому прошу Вас возобновить лекции с пятницы, 3 июня 1921 года. Слушатели будут проинформированы через прессу. Прошу также обратить внимание Ваших слушателей на то, что им разрешается пользоваться только

главным входом в лицей. Использование бокового входа строго воспрещается»⁴³.

Во время летних каникул деятельность преподавателей не прекращалась. Наш герой был единственным обладателем докторской степени на съезде компартии Германии в августе 1921 года. В партии тогда состояло 36 тысяч человек, а округ Северный Рейн — Вестфалия, от которого избирался Зорге, был вторым по числу коммунистов в Германии. На съезде в Йене, среди делегатов которого были Вильгельм Пик, Клара Цеткин и Эрнст Тельман, были представлены отчетные доклады о работе партийных ячеек и отмечена активная деятельность коммунистической прессы, в том числе изданий, с которыми сотрудничал Зорге: «В настоящее время в округе выходят четыре газеты, а именно: "Бергише арбайтерштимме" (Золинген), "Фрайхайт"» (Дюссельдорф), "Рур-эхо" (Эссен) и "Бергише фолькештимме" (Ремшейд). Кроме этого, в районах Хаген и Эльберфельд-Бармен ежедневно выпускается первая страница "Бергише арбайтерштимме" — "Роте трибуне"».

На том же съезде в отчете о репрессиях властей против компартии упоминалось, что «по всей Вестфалии происходили столкновения между агентами полиции безопасности и рабочими. Число погибших в Эссене достигло 21... В районе Мере арестовали всех подозреваемых в принадлежности к компартии, всего около 400 человек... В районе Хаген арестовано более 100 товарищей, в районе Бохум — 34. В Дюссельдорфе бастовало около трети всех рабочих. И здесь арестовано почти 20 товарищей. В районе Ремшейд в забастовках участвовало три четверти всех рабочих. 459 активистов понесли наказание, 10 товарищей предстали перед судом»⁴⁴. Зорге репрессии не коснулись, но интерес у полиции он вызвал. Против него было возбуждено дело о незаконном получении ученой степени доктора, и ему несколько раз пришлось побывать на допросах в прокуратуре. После задержания в Берлине, ареста в Голландии и, возможно, еще во время службы в армии⁴⁵ это стало самым серьезным столкновением с правоохранительными органами. Оно неминуемо должно было оставить след в архивах прокуратуры и полиции Германии, и, думается, Зорге никогда не забывал об этом. Ему надо было принимать срочное решение отно-

сительно своего будущего, несмотря на то, что обвинения в незаконном ношении докторской степени развалились. Самым проверенным способом были отъезд и срочная смена места жительства. Вот только на этот раз ситуация осложнялась тем, что Зорге был уже не один.

Весной—летом 1921 года в Золингене завершилась странная интрига его сосуществования с семьей Герлах. Мучившийся диабетом профессор Курт Альберт был уже совсем плох, а его супруга не стала скрывать от мужа чувств к Зорге. Сама Кристина писала об этом туманно, но среди расплывчатых строк ее откровений вполне осязаемо возникает картина непростого семейного конфликта: «Мой муж с любовью и с большим вкусом обставил наш дом — теперь он вдруг заговорил о разводе... Ика никогда ни на чем не настаивал, люди сами тянулись к нему, и мужчины, и женщины... В разладе сама с собой, разрываясь от любви к обоим, я уехала к своей мачехе в Южную Германию... Он и мой муж продолжали оставаться друзьями даже после того, как муж узнал о наших отношениях».

Жившие в близком соседстве и работавшие вместе в Киле, Ахене и теперь в Золингене, Герлахи и Зорге должны были определиться с тем, как быть дальше. Отношения Кристины и Рихарда стали еще теснее после того, как она решила защитить диссертацию. Тема была выбрана необычная, даже провокационная: «Лев Толстой как социолог», и случилось это, вероятно, не без влияния друга из «Баку, Россия». «Дважды в неделю, — вспоминала она, — я ездила в Кёльн на занятия семинара по социологии, а дома работала над диссертацией. Когда подошло время сдавать устный экзамен, Ика стал меня натаскивать. Просто удивительно, как его острый ум мгновенно схватывал самую суть. С его помощью летом 1922 года я выдержала кандидатский экзамен»⁴⁶.

Нет никаких сомнений в том, что Рихард действительно очень серьезно помогал Кристине, библиотекарю по образованию, в написании диссертации⁴⁷. Сам Зорге в это время работал над своей первой монографией: «"Накопление капитала" Розы Люксембург. С пояснениями для рабочих». Она вышла в свет годом позже — в 1922 году, когда он еще оставался в Золингене и когда Кристина защищала свою диссертацию. Тогда же, в октябре 1922-го, Зорге снова загадоч-

ным образом сменил место жительства. Сам он писал, что его вызвали в столицу. «Я уехал в Берлин, и там в Центральном комитете обсудили вопрос о моей будущей партийной деятельности. В ЦК предложили мне оплачиваемую работу в руководящих органах партии, однако я отказался, поскольку предпочитал набрать побольше практического опыта и в то же время хотел закончить образование. Друзья предложили мне должность ассистента на социологическом факультете Франкфуртского университета и одновременно быть там внештатным преподавателем. Руководство партии одобрило эту идею и поручило мне активную работу в парторганизации Франкфурта».

На первый взгляд все в этом объяснении просто и логично: товарищ по партии проявил выдающиеся способности в деле организации рабочего движения и коммунистической прессы. Это было отмечено на Йенском съезде КППГ, и теперь этому товарищу предложили повышение. Он отказался («пока не достоин»), и ему через знакомых подыскивали место в Университете имени И. В. Гёте во Франкфурте-на-Майне — на социологическом факультете. Но именно в это время назначение на должность директора Франкфуртского института изучения социальных исследований получил... Курт Альберт Герлах, все еще юридический муж фактической жены Зорге⁴⁸. Поверить в то, что предложение ЦК и одновременное назначение в этот же город Герлаха — снова лишь случайное совпадение, вряд ли у кого-то получится. Тем более что этот самый институт, директором которого был назначен Герлах, вскоре оказался ассоциирован с Университетом имени Гёте, где преподавал Зорге. Правда, на этот раз переехать втроем им не удалось. Неясно даже, успел ли сам Герлах узнать о своем назначении: старый товарищ, ставший теперь «родственником» Зорге, умер в Золингене осенью 1922 года.

Существует и другая версия случившегося. Если до сих пор профессор Герлах помогал молодому другу в продвижении по служебной лестнице, то, возможно, теперь ситуация повторилась с точностью до наоборот. Во всяком случае, Юрий Георгиев считал, что в 1922 году именно Зорге стал одним из создателей-учредителей Института социальных проблем во Франкфурте, официально открытого двумя годами позже, а это может означать, что он, а не тяжело больной к

тому времени Герлах, выступал организатором служебных перемещений их обоих⁴⁹. Рихард стал участником «первой марксистской недели» в Ильменау, неподалеку от Франкфурта, на которой и было решено создать единый центр исследований марксизма (Зорге и Герлах числились среди соучредителей). Им в итоге стал франкфуртский институт, а что касается встречи в Ильменау, то тут есть интересная деталь: на сохранившемся фото участников того «форума молодых коммунистов» присутствует и делегат из Японии, выпускник юридического факультета Токийского императорского университета Кадзуо Фукумото находился в то время в Германии в научной командировке. Юрий Георгиев установил, что «Фукумото заинтересовался здесь трудами Розы Люксембург и взглядами левых марксистов... Вернувшись в Японию, он примкнул к КПЯ [Коммунистической партии Японии] и вошел в ее руководство. Под его влиянием в рядах японских коммунистов возникло левацкое течение, характеризовавшееся приоритетом идеологической борьбы и получившее название "фукумотоизма". В 1927 году левацкие идеи Фукумото были раскритикованы Н. И. Бухариным... Фукумото вместе с другими руководителями КПЯ был вызван в Москву, где вынужден был выступить в Коминтерне с покаянной самокритикой»⁵⁰.

Весьма странно, что Георгиев выразил сомнения в самом факте знакомства Зорге и Фукумото, учитывая, что на фото всего 19 человек, из которых один ребенок, и все они — учредители франкфуртской марксистской школы и участники первой «марксистской недели» — попали в кадр явно не случайным образом. Кроме того, упоминание о том, что Фукумото заинтересовался в Германии работами Розы Люксембург, тоже очень важно. Именно этим и именно в это время самым непосредственным образом занимался Зорге: «В 1922 году я написал памфлет под названием "Концентрация капитала и Роза Люксембург", в котором критиковал ее теорию. Я выполнил это теоретическое исследование, но мои методы обращения с трудными вопросами были слишком грубыми и незрелыми. Этот памфлет был полностью сожжен нацистами, и сейчас я рад, что не осталось ни одного его экземпляра».

Зорге ошибался: экземпляры «Концентрации капитала...»⁵¹ сохранился, и далеко не один. В 1924 году книга Зорге была

Зорге (второй ряд, четвертый справа) и Кристина (Кристиана) Герлах (первый ряд, четвертая слева) среди участников «марксистской недели» в Ильменау. Германия. 1922 г.

переведена и издана в Советском Союзе, в Харькове, с подзаголовком «Популярное изложение Р. И. Зорге»⁵². Не вдаваясь в детальный анализ, несколько слов о первой книге Зорге стоит сказать. Прежде всего, следует помнить, что «Р. И. Зорге» все же не имел общего высшего образования, а что касается марксистской теории, то его знания на момент написания книги можно считать обрывочными, неточными и довольно поверхностными — несмотря на то, что он сам ту же теорию в это же время и преподавал. Сам доктор это признал в «Тюремных записках», но и в 1921 году он достаточно хорошо осознавал, что ему не хватает знаний, чтобы рассмотреть теорию Розы Люксембург с научной точки зрения. Поэтому он и избрал ту форму подачи материала, которая в советском издании книги Зорге была названа «популярным изложением». На практике это означало, что он «с немецкой пунктуальностью» пересказал основные положения работы Розы Люксембург о необходимости преобразования капитализма в социализм революционным путем, не зная о ее серьезной критике со стороны В. И. Ленина. Оговорка самого Зорге о том, что он якобы критиковал теорию Люксембург, скорее выражает его отношение к ее книге 20 лет спустя, а не в «режиме реального времени». Он действительно не был полностью согласен с немецкой гранд-дамой марксизма, но, безусловно, признавал важность ее работы даже с теми недостатками, который мог заметить благодаря своему опыту практической работы и первым своим попыткам аналитической оценки развития капитализма в Германии. Сознал Зорге и разницу в своем положении «молодого товарища по партии» с неколебимыми позициями одного из вождей КПП, а потому воздержался в своей книге от дискуссий с Люксембург, лишь намекая на то, что у него есть вопросы: «Там, где критическое исследование вопроса привело бы к постановке целого ряда вопросительных знаков даже в изложении самой Розы Люксембург, автор, чтобы избежать дальнейших трудностей для читателя, поставил, фигурально выражаясь, ряд восклицательных знаков»⁵³.

Фактически Зорге в своей первой книге выступил не теоретиком марксизма, и даже не его начинающим критиком. Он стал как бы передаточным звеном между опытными теоретиками, чьи труды, однако, было сложно разобрать и по-

нять недостаточно образованным массам пролетариев, и этими самыми массами, для которых и «растолковывались» работы классиков научного коммунизма в еще не существовавшем тогда (по крайней мере, формально) стиле «научпоп». Зорге на бумаге продолжил заниматься тем, чем он занимался в аудиториях Киля, Гамбурга, Ахена и Золингена, но, очевидно, с немалым удивлением узнал, что слово печатное резко отличается от слова, высказанного в устном общении, пусть и перед большим количеством собравшихся. Вот почему его не устроила собственная первая книга и почему он вспоминал о ней два десятилетия спустя не без некоторого стыда: она была очевидно несовершенна.

Он догадывался (не зная еще точно, ибо не читал критики Ленина), что книга Люксембург недостаточно исчерпывающе и актуально освещает проблемы борьбы капитализма и коммунизма. Но точно так же Зорге знал и то, что в его изложении теория Люксембург становится понятна его менее подкованным товарищам по партии. Кроме того, мимо его взгляда не прошли некоторые особенности идей Розы Люксембург, выгодно выделяющие их для современного читателя в сравнении с более классическими работами Маркса и Энгельса. Например, в соответствии с теорией Люксембург, империализм уже якобы находился в такой стадии «загнивания», когда требовалась лишь решительность, чтобы подтолкнуть его и ускорить гибель «мировой буржуазии». В деятельных и боевитых коммунистов, с которыми много работал Зорге, подобная трактовка не могла не вселять оптимизм, им было приятно верить в то, что торжество их усилий, победа — не за горами. И только самые проницательные из них, и наш герой в том числе, вплотную подошли к тому, чтобы начать понимать разницу между надеждой на скорый крах капитализма и значительно более сложной реальностью.

У Рихарда Зорге хватило ума и такта, чтобы заметить недостатки работы вождя рабочего класса, но обратить внимание на них лишь того читателя, кто был готов эти недостатки правильно осмыслить. Он дистанцировался от «тех крайностей ее теории, которые получили название "люксембургизма", т. е. прежде всего от прогнозов о быстром и "автоматическом" крахе капитализма из-за его трудноразрешимых экономических противоречий. Однако это стремление но-

сило пока еще очень робкий и в значительной степени “интуитивный” характер»⁵⁴. Автор не хуже других видел недостатки своей первой научной работы, а с годами понимал их все лучше и лучше. Но все же он сделал этот первый шаг, и с 1922 года его жизнь в очередной раз изменилась. Он вошел в число не только практиков-подпольщиков компартии Германии, но и стал известен в определенных кругах, как один из молодых теоретиков марксизма. Легко заметить, что на этом этапе он пошел практически по следам своего знаменитого двоюродного деда, тоже когда-то перешедшего от практики к теории. Вот только в отличие от Адольфа Зорге, уехавшего в Америку, путь Рихарда лежал в прямо противоположном направлении. Мистики сказали бы, что его встречей в Ильменау с Фукумото этот путь был предопределен (а возможно, этот путь бы предопределен еще раньше, ведь ректор университета, где наш герой защищал диссертацию, профессор Карл Ратген, также занимался проблемами японской экономики и даже преподавал в Токийском университете)⁵⁵, но Зорге в мистику не верил. Для начала он вместе с молодой женой отправился во Франкфурт-на-Майне.

РУССКИЕ С ОРЕШКАМИ

Необыкновенно насыщенная жизнь Зорге в 1917—1924 годах в Германии, как правило, уходит от внимания исследователей, оттесненная в сторону восьмилетней эпопеей резидентуры «Рамзай» в Токио. Да, в историю наш герой действительно вошел как выдающийся разведчик, резидент штаба советской Красной армии в Японии — это справедливо, и ничего с этим не поделаешь. И в этой книге нам не избежать того же повышенного внимания к финальной части биографии доктора Зорге, а не к его, надо признать, очень эффектному старту в германском рабочем движении. Но даже в связи с успехами Зорге в Японии нельзя не отметить, что его бурная деятельность на второй родине в начале 1920-х годов прошла в стороне от внимания местной полиции, почти не оставив следов в городских архивах. А приглядеться полиции было к чему. День за днем, год за годом доктор Зорге становился все более заметной фигурой среди немецких марксистов. Он имел столкновения с властями, не раз задерживался стражами порядка, но не прекращал работу, а лишь становился опытнее в конспирации. «Засветившись» в одном городе, с легкостью менял места проживания, благодаря отсутствию единой базы данных, оставаясь незаметным для германских правоохранительных органов в целом, начиная все заново и действуя со все большей изощренностью. В очередной раз его активность возросла с переездом во Франкфурт-на-Майне в октябре 1922 года.

Той осенью Германия вновь балансировала на пороге революции, компартия подталкивала страну к гражданской войне, ответные репрессии становились все жестче, и подпольщикам типа Зорге приходилось брать на себя все новые и новые обязанности. Рихард, имевший репутацию опытного и

проверенного «товарища», во Франкфурте сразу вошел в состав городского комитета Коммунистической партии. Зоной его ответственности были выбраны, как и прежде, образование молодых партийцев, консультирование и редактирование местной коммунистической прессы. Судя по его воспоминаниям, этим, хорошо знакомым ему делом доктор занимался около года. В этот же период, в конце мая 1923 года состоялась вторая по счету «марксистская неделя» в Ильменау, в которой участвовали и Рихард, и Кристина. Причем Зорге выступил с отдельным докладом, в котором критиковал взгляды своего однопартийца Карла Корша⁵⁶. Последовавшее вскоре осложнение экономической и внутривластной обстановки в Германии было на руку коммунистам. Число их приверженцев росло, и сама численность КПГ чуть больше чем за полгода взлетела почти вдвое: с 225 тысяч человек в январе до 400 тысяч осенью. Партия располагала информационным ресурсом в виде сорока двух газет, с некоторыми из которых был связан Зорге, двадцатью типографиями и распространяла свою продукцию через 20 собственных книжных магазинов⁵⁷.

Коммунисты были готовы к восстанию, но так и не решились на слаженные действия по всей стране, несмотря на то, что в некоторых регионах, в том числе в Гамбурге, все же произошли выступления. Через три дня мятеж был подавлен, а еще через две недели впервые во весь голос заявили о себе нацисты во главе с Гитлером. Важное замечание: коллега Зорге по разведывательной работе Рут Фишер вспоминала, очевидно на основе рассказов самого Рихарда, что уже в то время он очень интересовался различными аспектами национализма, одновременно дрейфуя от теоретических штудий к анализу полученных знаний на практике: «Он стал уделять очень мало внимания марксистской теории и все свое время посвящал изучению современной политики. Он удивлял своих товарищей-марксистов тем, что особенно интересовался нацизмом, фашизмом и антисемитизмом. Он изучал эти вопросы в архивах и стал одним из самых информированных экспертов по нацизму, который еще не был правящей идеологией в Германии, и ученые-марксисты не видели необходимости подробно его изучать»⁵⁸.

В ноябре 1923 года компартия Германии была запрещена и ушла в подполье. Зорге, умудрившийся за год, прошед-

ший после переезда во Франкфурт, не «засветиться» перед местной полицией, оказался в такой ситуации одним из немногих людей, которым подпольщики могли доверить самое ценное: информацию и деньги. Сам доктор вспоминал: «Благодаря тому, что мое имя не было хорошо известно властям во Франкфурте, я имел возможность с большой пользой трудиться для партии. Я вел секретное делопроизводство и регистрацию членов партии, а также обеспечивал тайную связь между ЦК в Берлине и организацией во Франкфурте. Партийные средства и пропагандистские материалы посылались на мой адрес. Крупные посылки я скрывал в учебных аудиториях в ящиках для угля или прятал в моем кабинете и библиотеке социологического факультета университета. Кроме меня там же работали два-три члена партии, поэтому не было нужды бояться разоблачения. Таким образом, мы сохраняли деньги и материалы, поэтому в случае необходимости в них руководящих органов их можно было быстро изъять и использовать. Несмотря на то, что компартия была запрещена, благодаря такой системе во Франкфурте деятельность партии ничуть не сократилась. Когда в Саксонии в результате вооруженного восстания была установлена рабочая республика, я по решению партии постоянно поддерживал с ней тайную связь. Выполняя специальные задания, я часто посещал Саксонию и доставлял важные указания и распоряжения по политическим и организационным вопросам, которые партия направляла через нас во Франкфурт»⁵⁹.

Восстание в Гамбурге возглавил местный уроженец, в прошлом моряк и кочегар, артиллерист (как и Рихард) во время Первой мировой Эрнст Тельман. Он был знаком с Зорге с 1919 года по совместной работе. Теперь Тельман стал членом ЦК партии, а Зорге — курьером, обеспечивающим его связь с Берлином и Франкфуртом. Зорге в то время работал под псевдонимом «Роберт» (Тельман — «Тэдди») ⁶⁰. Советский профессор Д. С. Давидович в годы, когда все новые и новые публикации о Зорге появлялись с завидной регулярностью, писал: «Как установлено по неопубликованным архивным документам, в бурном 1923 году Рихард Зорге, ставший впоследствии замечательным советским разведчиком, являлся связным между Тельманом и ЦК КПГ. В письме в ЦК КПГ от конца октября 1923 года Тельман сообщает, что партийная

организация Гамбурга после прекращения восстания перешла на нелегальное положение, и указывает гамбургский адрес Рихарда Зорге в качестве явочной квартиры курьеров ЦК КПГ, куда следует в дальнейшем направлять партийные материалы для Приморья»⁶¹. Однако, что это за «неопубликованные архивные документы», мы до сих пор не знаем.

Большевистский накал, неизбежный в повествовании о тех днях, несколько сбивает, а может быть, наоборот, дополнительно оттеняет рассказ другого доктора Зорге — Кристины (так как она успешно защитила диссертацию «по Льву Толстому», то и ее теперь так называли): «Я тоже работала в институте социологии (Рихард по-прежнему был его штатным преподавателем и, вероятно, рекомендовал на работу жену. — А. К.). В парке возле особняка какого-то франкфуртского патриция нам, несмотря на инфляцию и трудности с жильем, удалось отыскать пустующую конюшню с жилыми помещениями для конюхов. Мы переделали все это в оригинальный летний домик; один из друзей, художник, выкрасил в нем комнаты: одну в красный, другую в желтый, а третью в голубой цвет.

Марксизм Ики, к счастью, не исповедовал аскетизм и бедность, хотя у него никогда не было стремления ни к деньгам, ни к имуществу... Он любил глубокую русскую печаль, был отзывчивым, но без сентиментальности, помогал коллегам в трудные дни и с жаром писал о пролетариях. Разумеется, он приводил с собой гостей из числа коллег по работе в редакции: они выпивали, много курили... Он любил кошек и собак и играл с ними, как мальчишка... Не будучи особо разборчивым в еде он, тем не менее, с удовольствием готовил. Его меню было не очень обширным, однако определенно больше моего... Если блин разваливался, он мрачнел, его не утешало даже, если я называла бесформенное произведение его кулинарного искусства королевским блюдом».

Весьма любопытны в связи с этим и воспоминания Хеды Массинг, австрийской актрисы и агента советской разведки, скорее всего именно в это время вхожей в дом Зорге: «В их квартире была сосредоточена жизнь их друзей и единомышленников. Я помню, что кругом была старинная, антикварная мебель, которая досталась Кристине от ее первого мужа, солидного ученого. Здесь была чудесная коллекция совре-

менных картин и редких гравюр. Меня потрясала легкость, с которой проходила жизнь в этом доме. Мне нравилось сочетание серьезных бесед и дружелюбной атмосферы». Хеде одной из первых обратила внимание еще на одно из главных качеств будущего разведчика, о котором будут писать многие введенные в заблуждение «некоммунистическим обликом» Зорге: «Ика предпочитал простую, неофициальную одежду, был гурманом и знатоком вин, любил рассказывать забавные истории о животных. Он, еще меньше, чем Кристина, был похож на типичного коммуниста. Из всего их круга у супругов Зорге были самые развитые такт и вкус. Они оба мне очень нравились»⁶². Ничего пролетарского, ничего фанатичного — во всяком случае, в коммунистическом духе, наоборот, легкий налет аристократизма германского буржуа, наслаждавшегося собой и жизнью. Разве можно этому не симпатизировать?

Не слишком похожая на коммунистку платиновая блондинка Кристина Зорге успешно старалась быть под стать своему одновременно светскому и демократичному в манерах супругу, устроив в их доме нечто вроде салона: «По вечерам у нас собирались художники, музыканты и литераторы, из которых иные были уже признанными мастерами или же стали таковыми впоследствии — Хиндемит, Георг Грос, Дрёммер... В это же время у нас впервые появились русские. Вспоминаю себя сидящей на нашей лиловой софе и грызущей орехи, которые они принесли с собой...»

Упоминание о русских относится к 1923 году — самому напряженному времени в истории германской компартии. В это время во Франкфурте побывало немало приезжих из Москвы. Орехами Кристину мог угощать директор Института Маркса и Энгельса Давид Рязанов. Давид Борисович Гольдендах (таково было его настоящее имя) действительно являлся крупным теоретиком марксизма, но до 1917 года в его биографии числились подполье, аресты, суды, тюрьмы, а главное (в нашем случае), он имел огромный опыт работы пропагандистом, лектором, журналистом партийных изданий, в том числе «Правды». Он серьезно занимался исследованием архивов Маркса и Энгельса и вполне мог обратиться к Рихарду за помощью в получении переписки Фридриха Адольфа Зорге с отцами-основателями Интернационала. Как

мы помним, Зорге-младший настолько понравился Рязанову, что тот пригласил его в Москву, на работу в Институт Маркса и Энгельса, но КПП не отпустила Рихарда. И все же его бурная жизнь на второй родине, в Германии, неумолимо подходила к концу.

7 апреля 1924 года в Оффенбахе и Франкфурте-на-Майне начался очередной, девятый по счету, съезд Коммунистической партии Германии. После недолгого запрета КПП только что вновь вошла в список легальных оппозиционных партий, но попытка революции 1923 года стала германским властям хорошим уроком. Отныне вся деятельность коммунистов находилась под еще более плотным контролем полиции, чем раньше. Чтобы «растворить» делегатов съезда, организаторы специально подобрали время: в начале апреля во Франкфурте проходила крупная международная выставка прессы, на которую съехалось множество гостей и участников со всей Европы. Самим делегатам коммунистического съезда было объявлено: «К сожалению, имена ораторов не могли быть зафиксированы в протоколе, поскольку существуют не только приказы об аресте всех руководящих товарищей, но и верховным прокурором рейха готовится грандиозный процесс против всего партийного руководства, и мы не хотели бы стать невольными помощниками законников в их нечистоплотных делах». Что же касается итогов съезда, то они были подведены в заключительной части программы и зафиксировали провал попытки переворота с, как водится, одновременными оптимистичными призывами: «Съезд партии извлек уроки из октябрьского поражения... Довольно сокрушаться по поводу упущенных возможностей и сданных позиций. Рабочий класс Германии идет по пути пролетарской революции, и этот путь пролегает через победы и поражения. Рабочий класс Германии невозможно победить раз и навсегда»⁶³.

Зорге во время съезда был по горло завален не только партийной (разумеется, он тоже был делегатом), но и организационной работой: «Когда в 1924 году [так в тексте] состоялся съезд компартии во Франкфурте-на-Майне, для участия в нем в качестве представителей Коминтерна нелегально прибыли советские коммунисты. По решению руководства мне было поручено осуществлять их личную охрану. Во время съезда я обеспечивал безопасность этих важных де-

легатов, занимался их размещением и делал все, чтобы они могли спокойно заниматься делами. В это время Германская коммунистическая партия столкнулась с серьезными политическими трудностями, почему Коминтерн и послал к нам четырех человек — Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского.

Я был одним из делегатов съезда, а кроме того, выполняя это нелегкое поручение, старался полностью удовлетворить нужды закрепленных за нами делегатов. Нечего и говорить, что у меня с представителями Коминтерна установились очень тесные отношения, и день ото дня они становились все более дружественными. При закрытии съезда они предложили мне приехать в этом году в Москву и поработать в штаб-квартире Коминтерна, но я не смог тогда выехать в Москву, так как сразу после Франкфуртского съезда я должен был участвовать в целом ряде совещаний по проблемам организационной и информационной работы»⁶⁴.

В процессе обеспечения безопасности советской делегации Зорге особенно близко сошелся с товарищами из Москвы. По сведениям Мадера, он предоставил для их проживания свою квартиру, так как якобы соседи Зорге уже давно привыкли к тому, что в ней часто появлялись незнакомые люди, да и хозяева не спали ночи напролет. Заботу о гостях взяла на себя Кристина, которую теперь часто называли Икареттой, сделав ее имя производным от детского имени мужа⁶⁵. Сам же Ика с поводком в руках (семейство держало овчарку) совершал ночные обходы вокруг дома, как часовой у особо охраняемого объекта⁶⁶.

Кого охраняла и чей покой блюла семья Зорге? Осип Аронович Пятницкий (Иосиф Орионович Таршис), бывший подмастерье портного из маленького литовского местечка, не окончивший даже начальную школу, в 1924 году служил секретарем Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ). Дмитрий Захарович Мануильский, сын священника, учившийся в Санкт-Петербургском университете, почти одновременно с командировкой в Германию стал членом Президиума ИККИ. Отто Виле Куусинен, выпускник университета в Хельсинки, бывший лидер Социал-демократической партии Финляндии и будущий премьер-министр марионеточной Финляндской демократической республики, прибыл во

Франкфурт как член Президиума ИККИ. Наконец, Соломон Абрамович Лозовский (Дридзо) — сын бедного учителя еврейского языка и Закона, являлся главой детища Коминтерна — Профинтерна, Красного Интернационала профсоюзов.

Кризис германского рабочего движения вызвал пристальный интерес Москвы, и советские делегаты, прибывшие на съезд, преследовали сразу несколько целей. Во-первых, разбор причин провала мятежа, во-вторых, определение плана действий на будущее. Поскольку перспективы дальнейшей работы КПГ виделись теперь сильно размытыми, ВИП-курьеры заодно присмотрели кадры, которые могли бы пригодиться на службе в центральном аппарате Коминтерна в Москве. Неудивительно, что Зорге, в квартире которого жили почетные гости и который охранял и заботился о них, вызвал симпатию московских делегатов в первую очередь. К тому же он был наполовину русским (строго говоря, самым русским во всей этой компании), родственником одного из создателей Интернационала и — возможно, это было главное — молодым, но уже опытным подпольщиком с ученой степенью и хорошим стажем пропагандистской работы. Энергичный, бесстрашный, но осторожный человек, чей образ жизни не давал повода заподозрить в нем коммуниста, как нельзя лучше подходил для работы в партийной разведке, но в Германии ему уже просто негде было развернуться. Вывод напрашивался сам собой: Зорге следовало забрать в Москву, и на этот раз возражения от КПГ в расчет не принимались. 1 августа 1924 года представитель немецких коммунистов в «штабе мировой революции», как принято было называть Коминтерн, Оттомар Гешке направил письмо в КПГ с сообщением, что на недавнем заседании Секретариата ИККИ рассматривался вопрос об усилении работы информационного отдела этой организации и в связи с этим ему — Гешке — было поручено переговорить с ЦК КПГ о возможности использования для такого усиления Рихарда Зорге, «подславив» переманивание опытного подпольщика обещанием продолжения сотрудничества с ним: «Задачей тов. Зорге должно стать отслеживание состояния экономики в группе германоговорящих стран, подготовка этих материалов для докладов на ИККИ и в любом случае помощь в работе представителю КПГ»⁶⁷.

Рихард не мог отказаться от такого предложения и в силу его очевидного интереса и некоторой авантюристичности, так присущей его характеру, и по причинам, связанным с партийной дисциплиной. Приглашение «большой четверки» оказалось для начальства Зорге фактически приказом. Не случайно сам он с некоторым удивлением вспоминал: «Однако предложения представителей Коминтерна о моей работе в разведотделе Коминтерна были одобрены руководством партии в Берлине». К тому же Мануильский сразу же выразил готовность дать Рихарду рекомендацию для вступления уже в Российскую коммунистическую партию (большевиков) — РКП(б). Рут Фишер вспоминала: «Он [Мануильский] обращался с немецкими товарищами как с ватагой зарвавшихся и надоедливых мальчишек, которые постоянно совались во взрослые проблемы. А эти проблемы он предпочитал обсуждать только в кругу его русских агентов, куда не имел доступа ни один иностранец... Мануильский имел большой успех в миссии, которая была одной из целей его пребывания в Германии. При содействии экспертов из ГПУ он находил талантливых немецких коммунистов, пригодных для работы в русских спецслужбах. Зорге был ему представлен как человек, которому уже поручались небольшие тайные задания в немецкой компартии... Мы знали, что немецкие коммунисты вербуются в русские спецслужбы, но ничего не могли с этим поделать. Это служило основанием для постоянных трений между нами и Мануильским»⁶⁸.

Трения привели к тому, что только 6 октября Гешке сообщил оргбюро, что получил письмо с согласием Зорге на перевод в Москву, а на следующий день этот вопрос был официально решен на бюро Секретариата ИККИ. Причем этой же датой отмечено длинное письмо Зорге в Москву, где он с недоумением и нетерпением требует решения своей судьбы: «Уже в середине августа меня спрашивали — готов ли я работать в Москве? И, хотя я сразу ответил, что смогу быть в Москве в начале октября, с тех пор я ничего не слышал от Москвы. Разумеется, сейчас я волнуюсь о том, что, возможно, что-то не в порядке, может быть, существуют какие-то возражения против меня, как личности, либо ответ просто потерялся». Упоминает Зорге и о том, что «тов. Рязанов высказал желание, чтобы, когда я перееду, моя жена в качестве

библиотекарши помогала ему в упорядочении библиотеки... Вы понимаете, что мы здесь делаем все, чтобы переехать поскорее... Кроме того, сейчас я знаю русский язык в такой степени, что в течение короткого времени смогу не только читать, но и свободно говорить*. Это, вероятно, будет полезно для моей работы в Москве»⁶⁹.

Возможно, в принятии решения сыграло свою роль и то, что супруга кандидата на работу в Москве тоже была коммунисткой. Разрешение на переезд Зорге получил в середине ноября, еще раз подчеркнув в ответном послании, что его жена «член партии, причем одна из немногих, входивших в группу "Спартак"» и теперь едет работать к Рязанову в институт и что Рязанов даже обещал помощь, если во время переезда возникнут какие-либо сложности⁷⁰. Получается, что Кристине нашлась работа в Москве еще до переезда (эта ситуация еще повторится с другой организацией), и потому она легко согласилась с выбором мужа: «Полгода спустя (осенью 1924-го. — А. К.) Ика спросил меня, поеду ли я с ним в Россию. Не колеблясь ни секунды, я сказала "да". Пришлось уладить много дел, сдать внаем квартиру, получить паспорта, приобрести соответствующую одежду. И вот уже одним октябрьским днем (на самом деле — декабрьским. — А. К.) поезд мчал нас в Россию. Мы пересекли несколько границ, всюду проходя таможенный досмотр; все обошлось без сложностей. Однажды утром мне сказали, что мы едем по русской земле... Вскоре мы прибыли в Москву...»

Рихард Зорге вернулся в страну, где родился и которую не видел более четверти века, и приступил к работе в московском «штабе» Коминтерна, а затем стал членом ВРКП(б).

* Судя по дальнейшим событиям, это было несколько самонадеянное утверждение. Кстати, это письмо, как и подавляющее большинство других документов дела Зорге в Коминтерне, написано им по-немецки.

В МОСКВУ! В МОСКВЕ...

И без того путаная биография Зорге с его переездом в Москву становится еще более таинственной. Причем если многочисленные нестыковки и недоговоренности германского периода можно объяснить скудостью дошедших до нашего времени материалов и документальных свидетельств, то коминтерновский период жизни Зорге оказывается затуманен еще и по причине сложных политико-бюрократических интриг, в которые наш герой погрузился со всей своей кипучей энергией и страстным темпераментом. Разобраться в хитросплетениях внутрикоминтерновских коллизий ныне совсем непросто даже профессиональным историкам, если темы их исследований дотоле не пересекались с проблемами мирового коммунистического движения, а потому многие авторы стараются «проскочить» этот этап в жизни Зорге как можно скорее. Свидетельства отрывочны, воспоминания туманны, а документы Коминтерна, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), разрозненны. Однако Рихард прожил, работая в Коминтерне, четыре весьма насыщенных года своей жизни. Москва стала важным и не самым коротким по продолжительности этапом его карьеры коммуниста-подпольщика, и далеко не все в этот период выглядело так однозначно, как принято порой считать. В первую очередь это касается истории с его «дружбой с Бухариным», которая впоследствии якобы навсегда скомпрометировала Зорге в глазах Сталина и в конечном итоге могла стоять нашему герою жизни.

Супруги Зорге прибыли в Москву 15 декабря 1924 года, о чем Рихард сразу доложил в отдел информации Коминтерна и во Франкфурт-на-Майне — «по прежнему месту работы»,

снова упомянув, что «Кристина будет работать в библиотеке Института Маркса и Энгельса»⁷¹. Есть отметка о жене и в его коминтерновском личном деле, где подшита справка, бывшая когда-то совершенно секретной, составленная 22 января 1942 года неким К. Вилковым. В этом документе, помимо уже цитировавшихся сведений об образовании и владении иностранными языками, содержится интригующая запись и о том, что в 1922 году Зорге подвергался аресту в Италии, «где был короткое время» — больше информация об этом инциденте и вообще о посещении нашим героем этой страны не встречается. И еще, в той же справке: «В личном листке, заполненном лично Зорге в декабре 1924 года, он пишет: 2½ года он был в Баку, затем в Берлине, Киле и Гамбурге, далее в 1924 г. короткое время был в Швейцарии. Жена его Зорге Христина работала в библиотеке ИККИ»⁷².

Жилье Ика Рихардович Зорге (на это имя оформлены его основные документы в личном деле сотрудника Коминтерна) получил в своеобразном общежитии Коминтерна и советских спецслужб в гостинице «Люкс» (бывшей «Франции») на Тверской, 36 (ныне — Тверская, 10), однокомнатном № 20 (по другим данным, № 19⁷³). Это было одно из самых необычных мест старой Москвы, да и жители его совсем не походили на москвичей. Высокопоставленный сотрудник советской военной разведки Вальтер Кривицкий описывал их так: «Группа зарубежных коммунистов, проживающих в Москве, главным образом в гостинице "Люкс", в качестве постоянных представителей своих партий, всегда вела образ жизни, который совершенно отличался от образа жизни простых советских людей....

Во время голода, который сопровождал насильственную коллективизацию в 1932—1933 годах, когда средний советский трудящийся должен был как-то выживать на хлебе и вяленой рыбе, специально для этих иностранцев были созданы кооперативы, где они могли закупать продукты по умеренным ценам — продукты, которые тогда вообще нигде нельзя было купить за деньги. Гостиница "Люкс" стала символом социальной несправедливости, и обычный москвич, если его спрашивали, кто живет в Москве с комфортом, неизменно отвечал: "Дипломатический корпус и иностранцы в гостинице "Люкс" "...

Для ОГПУ международная община, живущая в гостинице "Люкс" за счет правительства, была и есть предмет для подозрений. Этот картонный мир "пролетарской революции" всегда кипит интригами и взаимными обвинениями: каждый иностранный коммунист обвиняет другого в его недостаточно выраженной верности Сталину. Используя подсадных "гостей" в "Люксе", ОГПУ слушает все обвинения и контробвинения, а также записывает их и складывает в огромные досье»⁷⁴.

Официальным местом работы Ики стало знаменитое в советские годы здание Исполкома Коминтерна на Моховой, 16 (теперь это Воздвиженка, 1). Его описание, относящееся как раз к той эпохе, тоже сохранилось благодаря Кривицкому: «Генеральный штаб Коминтерна располагался в здании, выходившем окнами на Кремль и усиленно охраняемом сотрудниками ОГПУ, одетыми в гражданское. И любопытные москвичи не имели ни одного шанса проникнуть туда. Люди, посещавшие это здание, вне зависимости от их положения, подвергаются самому пристальному наблюдению с того самого момента, как только переступают его порог, и находятся под контролем, пока не покидают этого места. Слева от главного входа располагается кабинет коменданта, заполненный агентами ОГПУ»⁷⁵.

Зимние месяцы ушли, судя по всему, на оформление документов и преодоление бюрократических рогаток, которыми уже тогда славилась советская власть. Во всяком случае, первый обнаруженный документ, имеющий отношение к деятельности Зорге в Коминтерне, относится к 1 февраля 1925 года. Это записка, направленная им его бывшим начальником в ЦК германской компартии. Текст ее настолько показателен, что имеет смысл привести его целиком:

«В ЦК КПГ Берлин

Уважаемые товарищи!

Секретарь по оргвопросам обратил мое внимание на то, что для перехода в РКП я должен предъявить ваше на то согласие, а также получить подтверждение, что ЦК КПГ согласен на мою поездку в Москву. *Хотя я располагаю подобным уведомлением Берлинского Оргбюро, но подпись на нем сделана шрифтом на пишущей машинке, а не от руки.*

Я прошу как можно скорее предоставить мне это подтверждение.

С коммунистическим приветом, *И. Р. Зорге*»⁷⁶.

Юрий Владимирович Георгиев в связи с этим справедливо замечал, что суть письма — в бюрократической «закавыке», когда человек, уже переехавший в другую страну, два с половиной месяца как принятый на службу по решению самого высокого, какое только можно было представить себе в данных обстоятельствах, начальства, вынужден писать дополнительную бумагу о предоставлении еще одной дополнительной бумаги. Необходимость получения документа, скорее всего, была вызвана оформлением членства Зорге в Российской коммунистической партии (большевиков) — РКП(б), ставшей в конце того же 1925 года Всесоюзной — ВКП(б). Официально его прием был зарегистрирован с выдачей партийного билета № 0049927 в марте в Хамовническом райкоме партии в Москве, хотя сам Ика Рихардович позже называл другую дату — январь 1925 года⁷⁷.

Зорге был зачислен на службу в качестве референта информационного отдела ИККИ и уже 21 мая обратился, в числе других референтов, к начальнику отдела венгру Джону Пепперу (настоящее имя — Йозеф Погань) с предложением из пяти пунктов по улучшению работы отдела. Ничего особенного в этой инициативе не было: референты просили руководство оказывать большее внимание результатам их работы, держать в курсе решений вышестоящего начальства, заботиться о налаживании более плотного взаимодействия отделов ИККИ между собой и с «братскими компартиями». Удивительным стало продолжение этой истории: уже 27 июня Зорге написал заявление с просьбой перевести его в другой отдел — агитации и пропаганды (агитпроп). После этого Ика Рихардович «завис» — до 6 января 1926 года — в информационном отделе в несколько странном состоянии.

1925 год был одним из периодов становления Зорге и как функционера Коминтерна, и как теоретика марксизма, и как яркого публициста. Еще в январе он принял участие в подготовке к работе V пленума ИККИ, что демонстрировало степень доверия руководства к новому сотруднику. Вскоре за подписями «И. Зорге» и «Р. Зонтер» было опубликовано шесть больших статей в открытой прессе Коминтерна, издающейся как в СССР, так и за его пределами: в журналах «Коммунистический Интернационал», «Большевик», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Красный Интернационал

профсоюзов»⁷⁸. В Гамбурге отдельной брошюрой выпущена работа «План Дауэса и его последствия», посвященная планам финансового оздоровления и организации нового порядка репарационных выплат Германии, разработанным вице-президентом США генералом Чарлзом Дауэсом (к этой теме Зорге будет возвращаться вплоть до 1928 года).

Что касается закрытой печати, то известно об участии Ики Рихардовича в подготовке двух аналитических материалов за 1925 год: «Экономическое положение Австрии» и «Обзор мирового экономического положения». Но при этом в ответ на свое обращение к руководству ИККИ с просьбой о переводе в агитпроп Зорге в июле 1925 года получил письменное предупреждение о недопустимости публикаций служебных материалов в изданиях Коминтерна. Такой запрет создавал для автора большие неудобства, так как именно оперируя служебными материалами, он мог проводить действительно глубокий анализ изучаемых тем, а значит, все публикации Зорге за 1925 год были подготовлены им в нарушение, в той или иной степени, требований руководства Коминтерна и с большим риском для себя. Теперь бывший подпольщик вынужден был конспирировать свои собственные статьи таким образом, чтобы не выдать принадлежность к числу коминтерновских секретноносителей. Юрий Георгиев справедливо считал причиной такого странного положения «ревность руководства отдела к своему сотруднику, успешно выступавшему также в роли партийного публициста»⁷⁹. И, конечно, такое отношение фактически блокировало возможность дальнейшей работы Зорге в информотделе.

Возможно, именно по этой причине беспокойный сотрудник еще 25 июня обратился в секретариат с просьбой перевести его из информационного отдела в агитпроп, но в результате 1 августа 1925 года Ика Рихардович был уволен из этого отдела и «переведен в должность Научного сотрудника тов. Мануильского»⁸⁰. Понятно, что Дмитрий Мануильский, знавший Зорге еще в Германии и явившийся, очевидно, одним из главных инициаторов его перевода в Москву, стал на какое-то время его «крышей» в Коминтерне. Сама же по себе необходимость такого прикрытия наводит на размышления о характере Зорге, не готовом мириться с бюрократией даже если его позиция создавала серьезные проблемы для

его работы и могла повлечь за собой потерю столь престижной службы в «штабе мировой революции». Всего за полгода он успел осмотреться на новом месте, подготовить и представить предложения по улучшению работы, лоб в лоб столкнуться с полным непониманием своей позиции руководством и ее отторжением вплоть до увольнения — и это все одновременно с чрезвычайно интенсивной аналитической и чиновничьей службой.

Всего через полгода, 6 января 1926-го Зорге получил новое назначение инструктором орготдела ИККИ⁸¹. Перемещение по коминтерновским этажам и коридорам не прервало его исследовательской деятельности: в майском номере журнала «Большевик» Ика Рихардович вновь опубликовал статью о «плане Дауэса» и примерно в это же время начал работу над книгой «Новый германский империализм», позже подготовил своеобразную инструкцию в формате брошюры о поведении коммунистов в буржуазных судах, консультировал главу итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. Но непосредственно в орготделе к новому сотруднику отнеслись неоригинально: в апреле 1926 года Зорге попытались перевести на старое место — в информотдел, теперь с повышением до заместителя начальника отдела. Президиум ИККИ предложение отклонил, но в орготделе неистового германца тоже не оставил. 28 апреля в ходе очередной структурной перестройки Коминтерна был создан Секретариат ИККИ, и Зорге назначен членом бюро этого отдела. 10 мая были определены его основные служебные обязанности: «В будущем тов. Зорге должен на каждом заседании Секретариата докладывать, как выполняются лендерсекретариатами, комиссиями и отдельными лицами решения, принятые руководящими органами»⁸².

Новое место службы вывело Зорге на более высокий уровень информированности и понимания процессов, происходящих в Коминтерне, и позволило ему расширить деловые конспиративные контакты. В то же время, наряду с творческой работой, которой Ике всегда хватало, он вынужден был заниматься такими вопросами, как выяснение метража служебных помещений, контроль за печатью материалов ИККИ и многими другими вещами, которые не только отвлекали его от основной деятельности, но и наверняка сильно

раздражали беспокойного подпольщика. Справиться с такой проблемой Зорге самостоятельно не мог и 13 августа на внеочередном заседании секретариата предложил освободить руководящих работников ИККИ — профессиональных революционеров — от технических заданий путем увеличения числа рядовых сотрудников, по сути — обслуживающего персонала. В то же самое время Зорге сделал доклад о необходимости введения контроля над исполнением заданий руководителей ИККИ, склонных к некоторому анархизму. Судя по реакции одного из лидеров Коминтерна — Осипа Пятницкого, предложения Зорге стали не только дельными, но и регулярными: «Сообщения т. Зорге на каждом заседании Секретариата являются лучшим подтверждением необходимости контроля». Неудивительно, если постоянные требования «т. Зорге» о контроле над бывшими лидерами национальных компартий, революционерами, уже отошедшими от реальной подпольной деятельности, но, очевидно, имевшими доступ и к некоторой части бюджета Коминтерна, и к важной информации, вызывали неудовольствие этих людей. Тем более что далее, на том же заседании, Пятницкий, комментируя предложения Зорге, успевшего за год поработать почти во всех основных подразделениях ИККИ, заметил: «Фактически, у нас нет агитпропа и очень плохой информационный отдел»⁸³.

Вскоре после этого заседания, 18 августа 1926 года, Зорге отправился отдыхать. Теперь у него, как у обычного совслужащего, появились регулярные отпуска продолжительностью 30 суток, которые он, как всякий чиновник среднего ранга, стремился провести у моря. Его жена вспоминала: «И вот настало лето, мы получили отпуск. Ика и я решили отдыхать порознь. Я хотела поехать к Черному морю вместе с Мариной, симпатичной коллегой по работе в институте. К концу нашего отпуска Ика обещал меня навестить. Двое суток я провела на верхней полке вагона третьего класса, за окном которого тянулись нескончаемые поля подсолнухов; потом был Киев с его великолепным монастырем на высоких холмах, Азовское море... Время пролетело быстро: все было ново и интересно. Мои попутчики оказались дружелюбными и общительными людьми, постоянно предлагали мне чай и сахар, так как провизию можно было купить только на стан-

циях. И вот уже на горизонте засинело Черное море. В Сочи меня ждала Марина. Было очень жарко, мы каждый день бегали на пляж, кроме того, нам удалось немного побродить по Кавказу. Потом приехал Ика. Где он был и что делал — неизвестно, мне удалось лишь выведать, что он побывал в родном Баку. Вскоре после этого мы возвратились в Москву». Юлиус Мадер, приводя этот рассказ Кристины, отмечает якобы наметившуюся холодность в отношениях супругов (с чего вдруг они решили проводить отпуск по отдельности друг от друга?) и пишет о том, что Зорге разыскал в поселке Сабунчи дом, в котором провел первые два года своей жизни (теперь в нем разместились санаторий, и дом выглядел ухоженным), и четырех своих двоюродных сестер: Марию, Антонину, Евгению и Зинаиду⁸⁴. Историки Фредерик Дикин и Георг Стори утверждают, что о результатах встречи с родней и вообще поездки в Баку Ика с удовольствием рассказал в письмах матери и другим немецким родственникам, что удивительно и сомнительно, учитывая не вполне легальный образ жизни Зорге в СССР — вряд ли он стремился оповестить своих братьев и сестер в Берлине о своей деятельности в области мировой революции⁸⁵.

16 сентября отпускник вернулся в Москву и на следующий день вышел на работу, но уже 8 октября Зорге был отстранен от вопросов контроля и выведен из секретариата ИККИ. Новое назначение стало очередным продвижением по карьерной лестнице Зорге как политического функционера: теперь он занялся непосредственной подготовкой VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября—16 декабря), на котором Григорий Евсеевич Зиновьев (Евсей Аронович Радомысльский), чья оппозиция Сталину стала нетерпимой, был снят с поста председателя ИККИ вместе с упразднением самой должности (вместо нее был создан коллективный политсекретариат).

При подготовке пленума Зорге вошел в первую подкомиссию (всего их было десять), готовившую доклады на тему о стабилизации капитализма. По предложению Мануильского Ика Рихардович занялся теоретическим обоснованием возникающих противоречий в мировом капитализме, что можно расценивать как понимание руководством Коминтерна уровня теоретических знаний и политической зрелости сво-

его сотрудника. Кроме того, Зорге стал одним из двух секретарей пятой подкомиссии, занимавшейся вопросами военной опасности. Ика даже написал специальный реферат «Военная подготовка вооруженных конфликтов», вошедший позже в уже упомянутую книгу «Новый германский империализм», а на заседании подкомиссии 16 октября выступал с сообщением об особой роли в Европе германского империализма, как имеющего собственную экономическую базу.

Наконец, 1925—1926 годы — время начала работы Зорге в Коминтерне, время его «притирки» к сотрудникам этой «лапочки», как позже назовет «штаб мировой революции» Сталин, и время попыток влиться в жизнь немецкой диаспоры в Москве (разумеется, ее просоветской части). Кристина писала, что, едва прибыв в русскую столицу, она посещала с мужем недавно образованный (в 1923 году) Немецкий клуб, но единственное, чем он мог привлечь ее, так это небольшой библиотекой немецкой классики: «...в остальном же там царила невообразимая скука, так что обычно мы вскоре отправлялись домой по скрипящему под ногами снегу». Их земляк А. Поллак увидел участие Зорге в Немецком клубе совершенно иначе: «С Рихардом Зорге я познакомился в Москве в 1925 году. В то время я был руководителем кружка художественной самодеятельности в Немецком клубе, членами которого были немецкие рабочие, эмигранты, бывшие военнопленные, девушки из немецких деревень Поволжья. Здесь проводилась также и значительная политическая работа. Наш хор часто выступал с концертами на московских предприятиях.

Московский горком партии направил к нам товарища Зорге с поручением оказать помощь руководству клуба. Прошло совсем немного времени, и мы выбрали Рихарда председателем правления клуба. Он сумел оживить клубную работу. Кроме этого, Рихард был человеком, которому каждый как лучшему другу поверял свои горести и сомнения. Мне вспоминается один матрос из Гамбурга. Долгое время он сомневался в правильности некоторых аспектов политики нашей партии. Рихард помог ему преодолеть все заблуждения и стать настоящим коммунистом.

К нам в клуб часто приходили рабочие и других национальностей. Немецкие коммунисты всегда оказывали им дружескую помощь и поддержку.

А как неподдельно радовался Рихард каждому успешному выступлению нашего самодеятельного коллектива! Сколько полезных советов получили мы от него! Каждый, кто его знал, будет всю жизнь с чувством глубокой благодарности вспоминать о Рихарде Зорге — человеке, который был истинным коммунистом»⁸⁶.

Можно испытывать разные степени доверия к воспоминаниям одного коммуниста о другом, но факт остается фактом: именно Зорге был избран главой Немецкого клуба, куда входили такие же, как и он, коммунисты-эмигранты (с 1927 года он стал называться Немецким коммунистическим клубом), сотрудники разного рода советских учреждений и подразделений Коминтерна, немецких предприятий «Юнкерс» и «Фридман», функционировавших в то время в Москве — всего более 250 человек. Как следует из названия, большинство членов клуба были коммунистами, занимавшимися в кружках изучения политики, политической экономики, шахматном, музыкальном, хоровом, радио, марксистском, конечно, русского языка (до 75 процентов членов клуба не читали по-русски) и многих других. Историк военной разведки М. Алексеев замечает, что именно в московском Немецком клубе Зорге познакомился с некоторыми из своих будущих коллег по тайной службе, с которыми ему довелось работать пару лет спустя в Китае⁸⁷.

Сохранился трогательный документ, в котором наш герой в качестве активиста клуба пытается улучшить его работу (как и в ИККИ!):

«Москва, 12 апреля 1926 г.

В Краснопресненский районный комитет ВКП (б)

Дорогие товарищи!

В Немецком коммунистическом клубе недавно организован пионерский отряд немецких детей. В этой работе мы не можем обойтись без Вашей поддержки, и не только в виде указаний и отписок общего характера, но и в плане конкретной помощи.

Поэтому просим Вас, если имеется такая возможность, направить к нам товарища, хорошо знакомого с пионерской работой и владеющего немецким языком.

С коммунистическим приветом
от имени НКК Зорге»⁸⁸.

Кристина же Зорге, судя по ее воспоминаниям, была несколько шокирована резкой сменой обстановки и образа жизни. Служба в Институте марксизма-ленинизма ее в целом удовлетворяла, особенно принимая во внимание не содержание исследований, а внешний антураж: «Я получила работу в одном из крупных институтов, где готовилось новое издание трудов Маркса; моей задачей было переводить с английского фотокопии рукописей. Мой начальник, венгр, оказался, по счастью, очень внимательным человеком; дело в том, что мой английский был в то время довольно слаб... Институт размещался в великолепном старом дворце одного из великих князей. Широкая мраморная лестница с роскошными китайскими вазами на парапетах вела наверх. Мне очень нравились пышные палаты, превращенные теперь в читальные залы и библиотечные помещения. Также и... коллеги, с которыми я познакомилась, оказались очень симпатичными людьми; особенно запомнилась мне молодая, стройная, красивая русская, владевшая четырьмя языками... Во время работы не принято было вести личные разговоры, однако существовала маленькая комнатка, где всегда можно было немного отдохнуть и выкурить сигарету».

Хуже было с пострабочей обыденностью. Дикин и Стори прямо пишут, что даже в немецкой колонии в Москве Кристина за свою не утраченную склонность и привычку к нормальной бюргерской жизни получила прозвище «буржуйка»⁸⁹. Казалось, что ее былая и, конечно, совершенно наносная увлеченность идеями пролетарской революции быстро улетучилась в стране, где эта революция свершилась, оказалась разбита в пух и прах реалиями московской жизни середины 1920-х годов. Не исключено, что Кристина, скоро потерявшая политический интерес, ради которого сюда переехал Рихард и которого он так и не утратил до конца жизни, действительно почувствовала себя в Москве чужой, ненужной и брошенной даже собственным мужем. Ее даже нейтральные, казалось бы, воспоминания о столичной жизни, возможно, пропитаны некоторым холодком: «В однокомнатном гостиничном номере, где мы жили с Рихардом, появлялось все больше и больше гостей, они часто приходили за полночь, приносили с собой вино и водку, лососину и икру; мы ставили на стол чай или кофе». А если вспомнить вполне

обоснованные подозрения Кривицкого об обстановке подозрительности, царившей в «Люксе», где все это происходило, Кристину вполне можно понять: хорошо, когда русские с орешками только приезжают в гости, но постоянно находиться в такой обстановке могло оказаться не так просто.

Раздельная поездка в отпуск в августе—сентябре окончательно расставила все по своим местам. Вернувшись, Кристина попросила германскую визу и в октябре 1926 года получила ее. Рихард не препятствовал. Более того, к фактическому разводу он сделал жене подарок, передав ей права на принадлежавший ему в Берлине участок земли, которым, по словам Кристины, «он очень тяготился». В описании отъезда из Москвы, сделанном самой Кристиной, чувствуется смесь какой-то странной легкости с досадой, что все получилось именно так, а не иначе: «Должна ли я была ехать? Почему бы и нет? Ика не сказал мне по этому поводу ни слова: как всегда, он предоставлял мне полную свободу выбора. Поздно вечером он привез меня на вокзал, помог уладить все дела, связанные с отъездом; мы оба делали вид, что расстаемся ненадолго. Но когда поезд подошел к перрону, слезы хлынули у меня из глаз. Я знала, что это был конец нашей совместной жизни, знал это и он. Тем не менее мы переписывались, хотя и очень редко, вплоть до самой его гибели. Он ни разу даже не намекнул о своей настоящей работе, даже во время нашей короткой встречи в Берлине в 1932 году, когда мы официально расторгли наш брак, продолжавшийся пять лет, сохранив дружеские взаимоотношения»⁹⁰.

Вполне логичный конец для брака бывшей коммунистки (а была ли она такой?), а на самом деле «буржуйки» с пламенным борцом за мировую революцию — так можно подумать, глядя на историю любви Ики и Кристины со стороны. Но... так ли все это было на самом деле? Михаил Алексеев, не ссылаясь, правда, на документы, пишет, что Кристина Герлах-Зорге еще до отъезда из Москвы была завербована Четвертым управлением Штаба Красной армии и их развод с Зорге был мерой вынужденной. Демонстративная холодность, претензии к качеству жизни в Москве, раздельный отпуск — все это лишь прикрытие, создание видимого повода для отъезда из СССР и легенда для женщины, ничего якобы не знающей о работе своего мужа. На самом деле Кристина отправилась

не домой, во Франкфурт, а в Лондон для выполнения задания советской военной разведки. Поручение оказалось разовым — в начале 1928 года она покинула Англию и вернулась в Германию. По крайней мере, еще в конце марта 1937 года она находилась там — в это время начальник восточного отдела разведывательного управления корпусной комиссар Федор Яковлевич Карин (настоящее имя — Тодрес Янкелевич Крутянский) сообщил начальству, что бывшая жена «Рамзая» живет в Берлине, в районе Кайзердам, под именем «фрау доктор Зорге», работает юристом в одной из местных компаний и поддерживает связь со своим бывшим мужем, находящимся на секретном задании в Токио⁹¹.

Для обычных же людей Кристина Зорге пропала очень надолго. Журналисты нашли ее лишь в середине 1960-х в Америке, в штате Массачусетс, где она жила со своей новой семьей и преподавала в местной школе немецкий и французский языки. Летом 1965 года она передала восточногерманскому журналисту Юлиусу Мадеру письмо, в котором рассказала о своем отношении к Зорге. Это обращение было вызвано статьей в западногерманском журнале «Квик», в котором, в свою очередь, с искажениями цитировались ее воспоминания о бывшем муже, написанные для швейцарского издания «Вельтвохе» (основная часть воспоминаний Кристины в книге Мадера позаимствована именно из «Вельтвохе»). Вот отрывок из этого письма:

«4 июня 1965 г.

Я преклоняюсь перед мужеством, отвагой и порядочностью Ики; он никогда ничего не делал ради денег... Следовало бы лучше разобраться в его нелегкой судьбе, оценить его личность не только с точки зрения политики. Поэтому я и написала статью для "Вельтвохе", которая затем появилась в искаженном виде в "Квик". Но я никогда не была женой шпиона...

Ваша *Кристиана Зорге*».

Кое в чем, впрочем, Кристина не лгала: она сама, будучи советским агентом, действительно никогда не была женой шпиона. В разведку Коминтерна — ОМС — Зорге перешел только после ее отъезда из Москвы.

АГЕНТ КОМИНТЕРНА

Еще почти год после этих событий Рихард работал в привычном уже московском режиме: постоянно участвовал в заседаниях орготдела, на которых обсуждались самые разные темы — от проблемы фашизма до развития рабочего спорта в Германии, но все они так или иначе были сконцентрированы на германоязычных странах.

По данным разных исследователей, в том числе Фредерика Дикина и Георга Стори, едва ли не раньше других начавших изучать этот вопрос, уже в начале 1927 года Зорге начал выезжать в заграникомандировки по линии отдела международных связей (ОМС) Коминтерна — своеобразного центра международной коммунистической разведки. «Сердце Коминтерна — это малоизвестный и никогда не афишируемый отдел международных связей, который сокращенно называют ОМС, — вспоминал Кривицкий. — До начала репрессий ОМС возглавлял Пятницкий — ветеран большевистского движения, прошедший во время царского режима практическую школу распространения нелегальной революционной пропаганды...

По всему миру он создал широкую сеть постоянных агентов, подчиняющихся лично ему, которые и помогали осуществлению связей между Москвой и номинально независимыми коммунистическими партиями Европы, Азии, Латинской Америки и Соединенных Штатов....

Агент-резидент ОМС — это судья в первой инстанции, решающий целесообразность любого нового расхода, который желает сделать коммунистическая партия. В Соединенных Штатах, например, если политическое бюро Американской коммунистической партии размышляет об учреждении новой газеты, оно консультируется с агентом ОМС. Он рассматрива-

ет предложение и, если из этого можно извлечь пользу, связывается со штаб-квартирой в Москве. Далее важные дела решает Российская партия большевиков. В мелких случаях широкие полномочия предоставляются представителю ОМС»⁹².

Британские исследователи, ссылаясь на воспоминания самого героя, писали, что в феврале Зорге в качестве как раз такого «агента-резидента» был направлен в Скандинавию под псевдонимом «Иоганн» по заданию информационного отдела и оргбюро⁹³. Вероятно, это пресловутые трудности перевода, ибо в «Тюремных записках» Зорге месяц первой командировки не указан. Зато его точно указывает Юрий Георгиев: командировка началась в декабре 1927 года и завершилась лишь в сентябре 1928-го⁹⁴. Несмотря на то, что архив ОМС и сегодня остается засекреченным, некоторые даты действительно можно проследить по обычным документам отдела кадров и бухгалтерии, так как каждый раз отправляясь за рубеж на задание, Зорге увольнялся, а после возвращения снова «устраивался» на работу, что отмечалось на маленьких записочках о предоставлении ему очередного отпуска, вшитых в его дело. Причин для такого рода бюрократии было две. Во-первых, штаты ИККИ и ОМС были раздельными, а ОМС по какой-то причине не мог предоставлять своим сотрудникам отпуск. Чтобы получить его, Зорге приходилось каждый раз заново оформляться в ИККИ, а после возвращения из отпуска увольняться. Во-вторых, это могло быть вызвано тем, что высокопоставленный агент Коминтерна — сотрудник ИККИ, уходя на задание, формально переставал им быть и не мог рассчитывать ни на какую поддержку из Москвы. Все, что он делал, совершалось как бы на его собственный страх и риск.

Судя все по тем же немногочисленным несекретным документам, рассмотрение кандидатуры Зорге для зачисления в ОМС шло долго и тщательно, это вовсе не было простым переводом из одной структуры Коминтерна в другую. В архивах сохранились короткие отзывы-рекомендации его руководителей и просто «проверенных товарищей», чье мнение при поступлении на службу в ОМС учитывалось особо. По этим запискам можно судить о сроках проверки. 20 марта 1927 года заведующий европейским бюро Профинтерна и подотделом печати ИККИ Григорий Смолянский написал:

«В ОМС

В течение двух лет встречался часто в ИККИ с т. Зорге (с 1925 г.). На мой взгляд, т. Зорге заслуживает полного доверия»⁹⁵.

22 апреля заведующий орготделом Осип Пятницкий («Михаил») поделился своими соображениями относительно будущего Зорге с Михаилом Грольманом («Освальдом»), одним из руководителей ОМС в те дни:

«...О Зорге. Ему не сидится и не работает у нас. Он хочет скорее выехать, а мы затрудняемся его послать на самостоятельную работу, ибо опыта практической работы у него почти нет. Самое лучшее было бы, если бы они дали ему возможность научиться практически работать в Орготделе. Если же они этого не хотят или встанет вопрос о жаловании для него, то выясните следующее: будет ли он возражать, если он поедет в Ваше распоряжение и будет работать под Вашим руководством. Ответ пришлите возможно скорее.

*Михаил»*⁹⁶.

Письмо означает, что, во-первых, Пятницкий крайне слабо представлял себе реальный опыт подпольной работы своего неумного сотрудника (или же относился к нему свысока), во-вторых, стремился переложить принятие решения о будущем Зорге на коллег из разных отделов Коминтерна, в-третьих, одним из главных вопросов оставался вопрос финансирования, и решения по нему вряд ли приходилось ждать в ближайшее время. Только 19 октября 1927 года бывший (и, сразу замечу, будущий) непосредственный начальник Ики Рихардовича Дмитрий Мануильский (кроме вышеуказанных двоих, его рекомендовал еще немецкий коммунист Артур Эверт) даст свое заключение:

«В ОМС

Знаю т. Зорге с 1924 г. по работе в Германии и считаю его товарищем, заслуживающим полного доверия»⁹⁷.

Окончательное решение о переходе Зорге в ОМС было принято 9 декабря 1927 года, после чего он сразу же и уехал в командировку в Данию, Швецию и Норвегию. В то время каждый советский разведчик, отправлявшийся на работу за границу (это касалось не только Коминтерна), обязан был подписать соответствующую бумагу. Обязательство Коминтерна выглядело следующим образом:

«Обязательство

В связи с настоящей своей поездкой я обязуюсь:

1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.

2. Категорически отрицать, что я прибыл из СССР.

3. Ни в коем случае не иметь при себе лично ничего, могущего в какой бы то ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.

4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться в советские учреждения за границей.

5. Ни в коем случае не вести никакой корреспонденции с кем бы то ни было из находящихся на территории СССР.

6. Семье и руководству своей организации [если я член ВКП(б)] сказать, что мобилизован своей партией для работы в стране. Ни в коем случае не указывать, куда отправляешься, и не уговариваться об адресах за границей.

7. Мне известно, что никаких конкретных заданий о какой бы то ни было политической работе мне не дано.

8. По прибытии на территории... я обязуюсь явиться в полное распоряжение ЦК партии как доброволец, обязанный выполнять беспрекословно любое поручение, и обязуюсь в рядах действующей армии оставаться на посту до тех пор, пока не буду отозван.

9. Я обязуюсь быть примерным бойцом, подчиняющимся военной дисциплине, образцом пролетарской скромности, не пользующимся никакими привилегиями и преимуществами, относиться с величайшим уважением к соратникам по борьбе, не позволяя себе никакого, ни малейшего акта, могущего задеть национальное достоинство других бойцов.

10. Мне известно, что за нарушение этого обязательства я поставлю себя вне рядов Коминтерна.

Дата. Подпись»⁹⁸.

Вокруг целей первой поездки Зорге, методов их достижения и даже сроков и маршрутов до сих пор много неясного, но, кажется, эти сложности в какой-то мере были созданы искусственно. Сам агент в своих «Тюремных записках» обо всех своих командировках в Европу (их было три) писал так: «...был направлен в 1927 году в Скандинавские страны, где занимался разведдеятельностью компартий по

проблемам экономики, политики и важных военных вопросов этих стран. Я начал работать в Дании. В соответствии с полученными указаниями, я выполнял функции активного руководителя наряду с руководством партии, присутствовал на различных собраниях и конференциях, а также посещал основные партийные организации в стране. Когда позволяло время, занимался разведработой по политическим и экономическим проблемам Дании.

Свои наблюдения и добытые сведения обсуждал с партийными представителями и в свои донесения в Москву включал и их мнения. Из Дании я переехал в Швецию, где таким же образом занимался изучением разнообразных проблем. В 1928 году принимал участие в работе политического комитета VI международного конгресса Коминтерна, после чего снова был направлен в Скандинавию. На этот раз главным образом из-за ситуации, сложившейся в компартии Норвегии. И в Норвегии я действовал теми же методами, как в Швеции и Дании. Однако партийные проблемы оказались там далеко не простыми, в результате чего разведдеятельность в политической и экономической областях осуществлялась не так, как замышлялось»⁹⁹.

В будущем жизненно важным для Зорге и, как ни парадоксально, с маниакальным постоянством нарушаемым станет принцип, о котором уже шла речь — максимального дистанцирования от деятельности «братских компартий». Нарушать его он будет по разным причинам: то по собственным соображениям, то по требованию начальства, которое немедленно будет его этим попрекать, а затем и подозревать в нечестности. Но пока все это впереди, и Зорге бросается в омут общения со своими бывшими коллегами по западноевропейским компартиям. Некоторые из них запомнили эмиссара из Москвы и, когда настало время, смогли нарисовать его словесный портрет. Дикин и Стори приводят слова бывшего датского коммуниста Кая Мольтке, встречавшегося с Зорге в Копенгагене в начале 1928 года и считавшего, что миссия человека из Москвы не была разведывательной. По словам Мольтке, Зорге читал лекции в местных партийных ячейках и призывал к разумному конформизму с левыми силами. Личность самого «Иоганна» произвела на Мольтке сильное впечатление: «Умение Рихарда Зорге продумать все

аспекты своей работы было необычайным. В его поведении не было ни намека на нелегальное положение или конспирацию. Во время своих визитов в трудные районы портов и фабрик Копенгагена он любил доказывать, что "может выдуть пива не меньше, чем матрос, докер или цементник, или демонстрировал свою физическую силу как борец"». При этом другой бывший датский коммунист, также работавший с Зорге во время его командировки, отмечал, что посланец из Москвы был «высоким, стройным и очень интеллигентным человеком, миссия которого состояла в специальной помощи для проведения реорганизации всего партийного аппарата»¹⁰⁰. Поистине, если бы в то время был в ходу такой термин, как «ниндзя», Рихарда Зорге вполне можно было бы так назвать как минимум за его умение производить нужное впечатление на разных людей — вплоть до того, что даже внешность и поведение его они описывали по-разному.

Сохранились письма самого Зорге, отправленные им во время командировки из Осло и Берлина (там он фигурировал как «Флерис» и «Леонард») в Москву. Уже тогда агент Коминтерна начал удивляться буквальному исполнению пунктов, указанных в подписанном им «Обязательстве». В первом письме от 19 декабря 1927 года «Флерис» сообщает о своих планах (ничего интригующего — сплошная бюрократическая рутина) и просит помощи:

«Я прибыл 17.12 в Стокгольм. От Освальда (Михаила Грольмана. — А. К.) никаких новостей с тех пор, как он находится в Осло. По телефону я спрашивал в Осло, но он оттуда уже уехал. Наверное, он не приедет в Стокгольм.

Наши друзья здесь ничего не знали о том, что я приеду и с какими заданиями. Боюсь, что то же самое будет в Копенгагене. Попрошу вас сделать что-то относительно Копенгагена...

Я буду здесь работать над следующими вопросами: разделение труда в аппарате ЦК; работа отделов; отдел профсоюзов, агитации и пропаганды — они только что созданы и начинают работать; вопрос о руководстве вообще, районы, области, коммуны; работа нескольких функционеров в Стокгольме; подготовка, вероятно, скоро начинающих борьбу за повышение заработной платы в цехах бумажной индустрии, подготовка к конференции профсоюзов в конце января; ра-

бота в самых важных цехах заводов в Стокгольме и вопрос заводских газет.

Так как Освальд уже подробно проинформирован по вопросу Устава, наши друзья должны получить сообщение о том, что Освальд будет с ними подробно говорить об этом. А мне ничего не остается, кроме того, чтобы начать работать по этим вопросам, но ничего не предприиму, пока не буду точно от вас информирован. Общую информацию я от вас получил, но мне кажется, что этого еще не хватает. Обращаю ваше внимание на то, что я в данный момент лишь информирую о некоторых поставленных вопросах, может быть, из-за нехватки времени я занимаюсь в основном вопросом разделения труда в ЦК и его отделах вообще...»¹⁰¹

Пробыв некоторое время в Швеции, «Флерис» отправился в Копенгаген, но уже к концу марта, когда руководство Коминтерна попыталось застать его там, оказался в Норвегии. Стоит заметить, до сих пор не выявлены причины нестыковки в различных документах относительно сроков командировки Зорге и его маршрута. Если сроки более-менее удалось уточнить Юрию Георгиеву, то британские исследователи добавляли в картину следующие штрихи: они считали, что первая командировка началась с месячного пребывания в Берлине, где Рихард учил скандинавские языки и получил прикрытие в виде документов некоего издания, занимающегося социологическими проблемами. Это не так — процитированное выше письмо доказывает, что Зорге не нуждался ни в языках, ни, возможно, в документах (во всяком случае, он не получал их в Германии). Из Германии он якобы отправился в Данию, затем провел три месяца в Швеции, оттуда через Данию прибыл в Норвегию, а потом — снова в Берлин. При этом расследование немецкой полиции, произведенное в 1942 году после ареста Зорге в Токио, выявило свидетельства (весьма сомнительные, впрочем — например, зафиксировано, что Зорге в феврале 1926 года убыл из Германии в... США) его пребывания еще и во Франкфурте в августе—сентябре 1928 года. Если не считать того, что тем летом Зорге точно был в Москве, в принципе в этом нет ничего удивительного, и Рихард действительно вполне мог встречаться в этом городе с главой ОМС Александром Абрамовым-Мировым, если бы на то была такая необходи-

мость. Вот только к 1928 году этот советский функционер и профессиональный разведчик уже два года как не работал в постпредстве СССР в Берлине, поэтому непонятно, какую совместную операцию могли проводить Зорге и Абрамов-Миров, как это утверждали британские исследователи, тем более, замечу еще раз, оба разведчика присутствовали в советской столице.

Весьма вероятно лишь то, что Рихард действительно вернулся в Москву через Германию, возможно (опять лишь предположения, но документов нет!), выполнив и там какие-то разведывательные задачи ОМС. Вернулся ненадолго: успев поработать на конгрессе Коминтерна, 5 октября он уже развернулся и поехал обратно, в Норвегию, где пробыл как минимум до февраля 1929 года, а потом через Данию прибыл на родину. Причем, как замечает Георгиев, Зорге вернулся в Москву сам — без вызова руководства и ведома организаторов конгресса и, вероятно, вместе с представителями скандинавских компартий в качестве их куратора от Коминтерна, которым он назначил себя сам (возможно, действительно видел, осознавал себя таковым). С партийной дисциплиной у Ики Рихардовича явно имелись серьезные проблемы, на что ему было указано: «Товарищу Зорге должно быть поставлено на вид, так как он без предварительного согласования направился в Москву», но в работе конгресса участвовать ему все-таки разрешили, и 30 июля он получил мандат с правом совещательного голоса. Сам Зорге высоко оценивал свою роль в подготовке конгресса и свое участие в его работе, упоминая о помощи в написании программы Коминтерна и вовлеченности в политические дискуссии, связанные с выступлениями оппозиции (в лице Троцкого, Зиновьева и Каменева) в качестве «личного секретаря влиятельного политика Бухарина»¹⁰².

Никаких подтверждающих это заявление Зорге документов до сих пор не обнаружено. Правда, известно, что с Бухариным Зорге сотрудничал как минимум с октября 1926 года, чему способствовало хорошее знание немецкого языка большевистским вождем. В день же закрытия конгресса Зорге... снова отправили в командировку, и снова в Норвегию. По предложению члена ИККИ финского коммуниста Юрьё Сиролы (настоящая фамилия — Сирен) поездка была утверждена

с особым условием: с предоставлением Зорге в распоряжение Коммунистической партии Норвегии (КПН), дабы он мог помогать норвежским товарищам в подготовке очередного партийного съезда, имея большую свободу действий, чем в предыдущее свое посещение Норвегии. Таким образом, косвенно и прошлым числом была признана правильной летняя инициатива Зорге, за которую его же несколько недель назад и наказали. Кроме того, раз в два-три месяца Рихард обязан был выезжать в Данию для помощи еще и датским товарищам.

Зорге попросил отпуск (в 1927 году ему не удалось отдохнуть), и ему дали две недели, пообещав еще две, если будет такая возможность. Несколько раздраженный, он на следующий день написал столь же взвинченное и даже несколько циничное письмо:

«2 сентября 1928 г.

Дорогой Сирола!

Я все же поехал в отпуск. Сначала на 14 дней, [а] если я не получу телеграмму, тогда на четыре недели. (Адрес в секретариате Пятницкого.)...

Ты получишь брошюру в очень сыром, недоработанном виде. Я все написал так, как следовало написать. Только не очень обработал. Как стилистически, так и по содержанию. Ты должен будешь еще раз внимательно вникнуть в это дело и переписать начисто. Извини, пожалуйста, что я взваливаю на тебя такую обременительную работу, но тебе уже ясна *тенденция вообще не предоставлять мне отпуска, "пока все не выяснится"*, и затем я должен буду немедленно уехать. Это фактически может означать продление навечно почечной болезни у меня, от которой мне может помочь только очень болезненное вмешательство или прогревание, так как она у меня запущена...

Сейчас я пускаю вопрос моей командировки в свободное плавание. Мне все равно, под каким именем и в каком качестве меня пошлют. Мне не доставляет никакой радости совать свой нос в тайны лендерсекретариата или "больших политиков". Пускай они спокойно забавляются своими скорее малыми, чем большими делами. *Если понадобится, я поеду хоть на Северный полюс, может быть, там понадобится основать еще одну партию.*

Так что пока жив. Хочу вернуться здоровым через две или четыре недели, как хотят "великие". Все материалы тебе доставят.

Сердечно твой Зорге»¹⁰³.

Судя по тому, что в командировку Ика Рихардович отправился 5 октября, отпуск он отгулял полностью. Не желающий вникать ни в малые, ни в большие дела «больших политиков» из Осло (это говорит о том, что он хорошо и без всяких иллюзий представлял себе «размах» коммунистического дела в Скандинавии), Зорге вынужденно пропустил исключительно важные события, происходившие в это время в Москве. Член Президиума ИККИ, можно сказать, его лидер, ответственный редактор главной партийной газеты «Правда», член Политбюро ЦК ВКП(б), наконец, умница, интеллектуал и экономист — Николай Иванович Бухарин оказался в оппозиции к своим бывшим друзьям и коллегам в Кремле. Выступая против грабительской коллективизации, он назвал сталинские ее планы «авантюристическими», ввязался в дискуссию с, как он думал, соратниками, в запале окрестил самого Сталина «мелким восточным деспотом» и немедленно поплатился за это. В ноябре 1928 года Бухарин официально был причислен на пленуме ЦК ВКП(б) к «правым уклонистам». Обиженный Бухарин подал в отставку с поста члена Президиума ИККИ, написал заявление об уходе из «Правды». Сталин удовлетворил эти просьбы только в апреле 1929 года, заставив своего бывшего товарища хорошенько помучиться. Формальное же отстранение Бухарина от работы в Коминтерне произошло еще позже — в июне, а из политбюро он был изгнан лишь в ноябре 1929-го.

Зорге, вернувшийся в СССР в апреле 1929 года, после участия в III съезде Компартии Норвегии, подготовил соответствующий отчет для Политического секретариата Коминтерна, где, помимо всего прочего, обратил внимание на то, что, будучи в командировке, оказался в крайне сложном финансовом положении. Руководство, отправляя его с задачей помочь норвежским «товарищам» в организации их партийного съезда, совершенно не подумало о том, что для этого нужны деньги. Еще 20 ноября 1928 года он писал в Москву:

«Можно в любое время проконтролировать мой отчет. Уверяю вас, что, когда я ежедневно беру у других 3—5 крон

только потому, что эти деньги будут переданы только в Берлине, это сказывается очень нехорошо на моих действиях и возможностях. Большая часть моих задач в связи со съездом состоит в том, что я должен бывать на различных окружных съездах, чтобы там помогать в подготовке, но сейчас это совершенно исключено, так как я боюсь проехаться даже на трамвае из-за финансовой ситуации»¹⁰⁴.

В конце 1928 года руководство вновь задумалось о том, что же делать с не в меру активным немцем, еще и требующим денег на организацию работы. 6 декабря руководитель Политсекретариата Коминтерна Борис Афанасьевич Васильев (Гольберг), и ранее не испытывавший к Зорге дружеских чувств, написал записку Пятницкому:

«Относительно работы т. З.

Ни мне, ни т. Сироле неизвестны и поэтому непонятны планы *путешествий* т. Зорге. В свое время было условлено, что он должен работать в Норвегии, можно согласиться, чтобы он время от времени наезжал в Данию и, может, даже в Швецию, но на ближайшие месяцы такие поездки, по-моему, не нужны. Т. Сирола такого же мнения. Т. Зорге, по-моему, должен ехать в Норвегию и там остаться, как было условлено.

Что касается предложения о его поездке в Англию, я высказываюсь против. Он слишком слаб для Англии и не сможет сдержаться, чтобы не вмешиваться в политические дела. Для Англии это совершенно неприемлемо»¹⁰⁵.

Не исключено, что Пятницкий и Сирола не разделяли возмущения Васильева, а возможно, и сообщили о его записке самому Зорге. Во всяком случае, узнавший об этом «Леонард» (псевдоним Зорге в этой поездке) 14 декабря отправил в Москву полный возмущения ответ, в котором попросил отозвать его из Норвегии, если руководство считает его претензии необоснованными, и предложил особое внимание обратить на его финансовый отчет. В ответ «Леонарду» сообщили, что его отчет проверен, претензий по нему нет, и «полагаем, что нет оснований так нервничать, как Вы это делаете».

С грехом пополам, но с расходами Зорге все выяснилось. Он оказался ровным счетом ни в чем не виноват, абсолютно прав в своих претензиях, но, как говорится, «осадок остался»,

и когда «Леонард» вернулся, никто из руководства Коминтерна не хотел, чтобы слишком энергичный специалист, к тому же связанный с Бухариным, работал у него в отделе. После двухдневного обсуждения несколькими специально уполномоченными комиссиями было принято решение: «Определить тов. Зорге секретарем тов. Мануильского до следующего Пленума ИККИ»¹⁰⁶. Вернувшийся из Норвегии Зорге «завис» в Коминтерне без определенного места работы и четко очерченного круга обязанностей, ответственности. Наш герой любил свободу, но не в таких условиях, да еще во время антибухаринской кампании, которая никак не могла быть для Зорге поводом для оптимизма. 6 июня он написал заявление с просьбой использовать его в дальнейшем в качестве инструктора ИККИ, прикрепив к одной из зарубежных компартий на постоянной основе. В заявлении есть любопытное предложение:

«...я обращаю [ваше] внимание на то, что тов. Куусинен сам предложил мне самостоятельно определиться относительно его желания использовать меня в Восточном отделе.

*Зорге. 6 июня 1929 г.»*¹⁰⁷.

Решения по этому заявлению принято не было. Точнее, его отложили до ближайшего, X пленума ИККИ, который состоялся 19 июня. Но за день до этой важной даты ожидающий определения своей судьбы Зорге отправился в очередную командировку, причем без всякой «привязки» к предыдущим заданиям. Теперь его путь лежал не в Скандинавские страны, а в Англию и Ирландию. Самое же странное было в том, что Зорге не знал, в каком качестве он туда едет. Отправляясь в поездку, он, вероятно, думал, что она будет такой же, как две предыдущие, сменится только регион, в котором на этот раз ему предстояло работать с коммунистическими партиями, но... еще за два дня до отъезда Зорге из Москвы — 16 августа на заседании делегации ВКП(б) в Коминтерне было принято решение об увольнении Ики из ИККИ (вместе еще с несколькими «бухаринцами») и об откомандировании его в совместное распоряжение Центральных комитетов ВКП(б) и Компартии Германии. 24 августа это решение было окончательно утверждено, и после возвращения из отпуска Зорге должен был навсегда покинуть «штаб мировой революции»¹⁰⁸.

Это решение не было доведено до сведения самого «вычищенного» из рядов ИККИ Зорге, который в это время уже находился в Великобритании. Он долгое время находился в неведении и мог только догадываться о том, что происходит «наверху», и как там решают его судьбу, но догадываться, что тобой недовольны и знать, что ты уволен — не одно и то же, особенно для секретного агента во время выполнения задания. Сам Зорге в «Тюремных записках» писал, что, еще находясь во второй командировке в Скандинавии, получил сообщение о необходимости поездки в Альбион: «В этот период перед возвращением домой пришло распоряжение посетить Англию, где предстояло изучить состояние рабочего движения, позиции коммунистической партии, политическую и экономическую ситуацию в стране в 1929 году и представить соответствующую информацию. Я получил указание никоим образом не вмешиваться во внутрипартийную борьбу. Это вполне совпадало с моим личным намерением и позволило уделить больше, чем в Скандинавии, внимания политической и экономической разведдеятельности»¹⁰⁹.

Дикин и Стори, будучи представителями британского зоргеведения, естественно наиболее внимательно отнеслись к командировке Зорге в их страну, однако данное ими описание мало что разъясняет в этой цитате нашего героя, разве что приводят они ее, опираясь на свою версию «Тюремных записок», несколько иначе: «Моей целью было изучение британской политики и экономики, но поскольку депрессия стольких людей лишила работы, что всеобщая стачка казалась неминуемой, я также решил провести исследование — в случае, если всеобщая забастовка все-таки начнется». Более того, они затем комментируют ее, ссылаясь на слова, очевидно, навсегда оставшегося неизвестным «очевидца», как «чрезвычайно опасную миссию по сбору военной информации и распространению подрывной пропаганды». Опасную настолько, что во время работы в Англии Зорге пришлось даже избегать (!) «компаний... стройных, длинноногих английских девушек»¹¹⁰. Впрочем, и британцы соглашались с тем, что, будучи в командировке в Англии, Зорге тщательно сторонился не только длинноногих англичанок, но и руководства местной компартии, которое после пережитого в середине 1920-х годов кризиса советско-британских отношений (к

1929 году коммунистов в Великобритании насчитывалось не более 3,5 тысячи человек) надеялось поправить свое положение за счет недовольства рабочих и роста безработицы — на этот раз уже из-за начинающегося мирового экономического кризиса. Кроме того, как мы знаем, не имел Зорге специальных полномочий выступать и от имени Коминтерна. Поэтому миссия его носила либо почти полностью исследовательский характер, либо имела какое-то второе дно (Дикин и Стори прямо пишут о «дополнительном разведзадании»), что, учитывая шаткость позиций Зорге в Москве, крайне маловероятно.

Эта короткая, но неопределенная во многих смыслах командировка вывела Зорге из себя. В «Тюремных записках» он вспоминал: «Вернувшись в Москву, я, разумеется, передал в разведотдел (ОМС. — А. К.) свое очередное сообщение. Кроме того, я откровенно проанализировал и доложил все, что оказалось не совсем удачным в моих поездках по сбору развединформации и в исследованиях в странах, которые посетил. Кроме того, я высказал некоторые существенные предложения. В частности, предлагал, чтобы фундаментальная и всесторонняя разведывательная программа была отделена от внутренних распри в борьбе за власть местных компартий. В случае же необходимости для решения чисто внутренних национальных и частных партийных проблем следует посылать специальных эмиссаров, способных если и не полностью, то хотя бы частично посвятить себя разведдеятельности в области экономики, внутренней администрации, внешней политики, а при необходимости и по военным проблемам в широком смысле. Такого рода разделение в работе, отмечал я, также абсолютно необходимо для сохранения секретности разведдеятельности. Еще определеннее, чем прежде, я предложил также, чтобы лица, ведущие разведдеятельность в других странах, исходя из соображений секретности, были полностью отделены от структуры Коминтерна. После этого в моей работе обозначались некоторые перемены, хотя не ясно, в какой мере это явилось следствием сделанных мной предложений...»¹¹¹

Особое раздражение агента вызвали способы организации связи — слабое звено вообще всей советской разведки в 1920—1930-е годы, но никаких возможностей повлиять на это, изменить систему так и не было найдено.

Зорге вернулся в Москву 19 сентября, и, чтобы дать ему возможность отгулять отпуск, его на это время снова зачислили в штат ИККИ, обычным способом определяя секретарем Мануильского. 26 сентября вернувшийся из отпуска взбешенный предательским отношением к себе со стороны «товарищей» отставной разведчик написал сразу две записки на имя шефа ОМС Пятницкого:

«В Узкую комиссию (орган управления ИККИ. — А. К.),
лично тов. Пятницкому

После расспросов и бесед относительно моей последней командировки и связанных с ней вопросов я должен констатировать следующее:

1. Что товарищи, отправлявшие меня в командировку, совершенно не представляли, куда они меня посылают;

2. Что, по-видимому, не было никаких решений послать меня в Англию с посещением Ирландии (только Мануильский еще хорошо припоминает это);

3. Что во время моей работы в сравнительно тяжелых условиях меня целых шесть недель держали в неведении относительно здесь задуманного и затем частично осуществленного увольнения, хотя ранее в отношении меня высказывались другие намерения; в результате я пытался несколько недель работать в Англии без инструкции и средств, будучи убежден, что я обязан это делать по поручению Коминтерна; в конце концов я был вынужден уехать в Берлин, не получив на то указания, и напрасно ожидал там официального, четкого разъяснения, которое я получил наконец здесь, в Москве, лишь при решении вопроса об отпуске, о котором я просил;

4. Что, несмотря на тяжелое положение, в котором находится Коммунистическая партия Великобритании, мои неоднократные просьбы, а также просьбы ЗЕБ (Западно-Европейского бюро Коминтерна. — А. К.) о том, чтобы мне разрешили прибыть сюда с докладом, были отклонены. А теперь, оказывается, есть потребность в моем докладе. Я констатирую все это потому, что рассматриваю происшедшее не просто как случайное стечение обстоятельств, а как характерное проявление того положения, в котором в настоящее время находится аппарат Коминтерна. Поэтому считаю своим долгом указать на эти факты.

Р. Зорге».

«В Узкую комиссию

Ко мне обращаются с просьбами отчитаться о моем пребывании в Англии. Поскольку меня вызвали в Москву лишь в связи с отпуском и поскольку мои неоднократные просьбы, как и просьбы ЗЕБ, о том, чтобы меня вызвали в Москву для доклада, были категорически отвергнуты, я вынужден отказать от отчета, пока не будет особого решения просить меня об этом. Обращаю внимание на то, что *отлучение меня от ОМС, выяснение удивительных обстоятельств, связанных с моей командировкой*, и, наконец, начавшаяся "**чистка**" (выделено мной. — Ю. Г.; это слово написано в немецком тексте по-русски) сделали для меня использование отпуска совершенно невозможным. Поэтому я только тогда смогу заняться отчетом, когда вместе с решением по данному вопросу соответственно будет продлен мой отпуск.

Р. Зорге»¹¹².

Спустя месяц, 31 октября 1929 года, Ика Рихардович Зорге был уволен из ИККИ — на этот раз навсегда.

СЧИТАТЬ ПРОВЕРЕННЫМ

Уровень публичной известности Зорге как марксиста после переезда в Москву вырос, несмотря на его нелегальную службу в Коминтерне — необычный феномен для подпольщика и разведчика. Помимо уже упомянутых статей и рецензий, в перерывах между командировками он подготовил к печати книгу «Новый германский империализм». Работа, написанная и изданная на немецком языке, вышла в свет под псевдонимом «Р. Зонтер» в 1928 году одновременно в Берлине и Гамбурге общим тиражом пять тысяч экземпляров. Перевод на русский язык появился чуть позже в ленинградском издательстве «Прибой». В следующем, 1929 году вышло и японское издание (под более широким названием «Теория нового империализма»), опубликованное в серии «Библиотека по империализму» вслед за работами Николая Бухарина и Евгения Варги¹¹³.

Книга Зорге получила положительные отзывы не только сразу после публикации, но даже спустя 60 лет, когда была переиздана в ГДР как «значительная» и «актуальная». Восточногерманский экономист раскритиковал только недостаточно внимательное отношение автора к социал-демократам, но это можно считать «печатью эпохи». Во времена Зорге социал-демократы рассматривались как соглашатели с буржуазией, «уклонисты», а во времена переиздания — наоборот, считались верными союзниками дела социализма. Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что републикация была предпринята в стране социалистического лагеря, где автор уже успел стать национальным героем. Однако и современные исследователи истории марксизма признают, что работа Зорге оказалась действительно важным, своевременным и острым исследованием политических и эконо-

мических механизмов развития капиталистического строя, и обращают внимание на выполненный в ней анализ фашизма и как идеи, и как политического строя, который для времени первого издания книги был весьма точным и отчасти даже пророческим (как пророческим бывает любое хорошее и грамотное научное исследование). Зорге предсказал события следующих лет в Германии: «...если порвутся все узы, удерживающие рабочий класс в повиновении, придется провозгласить фашистскую диктатуру, т. е. открытую, ничем не затушеванную диктатуру финансового капитала».

В свое время интересные замечания сделал Юрий Георгиев, внимательно изучавший книгу Зорге. Он считал, что исповедовавшийся автором классовый подход приводил к тому, что фашизм рассматривался в книге только как «репрессивная политика в отношении революционного рабочего движения», а отсюда делался неверный вывод о том, что и правящий тогда режим в Англии был «не чем иным, как диктатурой фашистских консервативных кругов английского капитала». Понимание Зорге проблем борьбы за мир носило «отчетливый отпечаток современной ему эпохи и могло служить хорошей иллюстрацией сектантского характера установок Коминтерна. Как известно, эта организация была нацелена на скорейшее революционное разрушение капитализма и во всем исходила из этой стратегической цели». Зорге и не мог сделать других выводов, будучи марксистом, причем марксистом с взглядами, характерными для того времени — 1920-х годов. Для него именно угроза развитию рабочего движения, перерастанию его в перспективе в мировую революцию и была основной опасностью фашизма. Ис этой точки зрения для него, конечно, консервативный режим Англии не сильно отличался от фашистского, как он его понимал. Кроме того, тема книги — империализм — сужала широту подхода, ограничивая ее, как и положено у марксистов, экономической составляющей — определяющей, по их мнению, все остальное. Говоря о необходимости предотвращения войны, Зорге делал парадоксальный для сегодняшнего читателя, но вполне соответствующий эпохе вывод, что борьба против военной опасности «может вестись исключительно под лозунгом защиты китайской и русской революций». Только эти две страны — Советский Союз и Китай вели

тогда борьбу с империализмом. СССР — открыто, пережив революцию и Гражданскую войну, иностранную интервенцию и готовясь к неизбежным сражениям, Китай — еще не завершив гражданской войны, но создав Коммунистическую партию, Красную армию и руководствуясь марксистскими и ленинскими идеями, пусть и с национальным окрасом. Это был, безусловно, узкий, но очень «конкретный», адаптированный под данное время и реальную ситуацию подход, сформированный во многом работой в Коминтерне.

Статьи Зорге, его реферат «Военная подготовка вооруженных конфликтов» и, конечно, книга о германском империализме — все эти теоретические работы не дают оснований считать их автора ни бюрократом-чиновником из «штаба мировой революции», ни суперагентом, которого только в отдельных случаях не интересовали стройные англичанки и который мог «угovorить» за раз ящик пива с датскими грузчиками. Было, очевидно, и пиво, и даже — вполне возможно — длинноногие красотки. Но интерес Зорге к жизни заключался явно не в этом. Как и десяток лет назад, он оставался идейным коммунистом, убежденным сторонником победы мировой революции и защитником политики Советского Союза, как ее мотора и предвестника. Зорге не только отстаивал свои убеждения на практике, будучи сотрудником Коминтерна. Он снова и снова подтверждал свой статус ученого, докторскую степень, искренне и честно выступая как ученый-марксист, хотя эти его публикации в будущем могли доставить ему неприятности. Впрочем, неприятностей хватало и в самом Коминтерне.

19 октября 1929 года состоялось «открытое собрание по чистке I и II партактивов ячейки ВКП(б) при ИККИ». Чистки партийных рядов широко применялись в советской компартии в 1920—1930-е годы и были позаимствованы из практики Великой французской революции, когда якобинцы пытались таким образом освободить свои ряды от карьеристов, заговорщиков и просто случайных людей. Это естественно: подобные мероприятия проходят в любой организации, состоящей из приверженцев определенной идеологии. Время от времени изгоняются персонажи, которые, с точки зрения руководства такой организации, не разделяют или разделяют не полностью господствующую в ней идеологию. В РСФСР

масштабные чистки начались в 1921 году — после окончания Гражданской войны, когда, по мнению «старых большевиков», в партии оказалось немало «примазавшихся к светлому делу революции элементов». Затем в 1925 году большевиков фактически проверили на лояльность Сталину, постепенно выдвигавшемуся в новые лидеры партии. В апреле 1929 года, в связи с усилившимися расхождениями мнений в ЦК по вопросам индустриализации, коллективизации и взглядов на дальнейшее развитие социалистического государства вообще, на XVI партконференции было принято решение о новой большой чистке, в результате которой из партии было изгнано более 170 тысяч человек. Чистке подверглись коммунисты от членов ЦК до рядовых. Каждый из них обязан был предстать перед специальной комиссией, присланной из вышестоящей партийной организации и состоящей из уже прошедших чистку однопартийцев. Комиссия изучала документы кандидатов, обращая особое внимание (в шаблонном варианте) на социальное происхождение, участие в революции и Гражданской войне, знание теории рабочего движения и мировой революции, а также «морально-бытовой облик». В несколько измененном и приспособленном к нюансам работы виде чистка прошла и в парторганизации Коминтерна.

В протоколе № 13, подписанном по результатам проверки Ики Рихардовича Зорге, отмечено, что его основная работа — секретарь Мануильского и какой-либо специальной партийной нагрузки он не несет, «т. к. бывает в СССР только временно». В конце протокола председатель комиссии большими буквами записал: «СЧИТАТЬ ПРОВЕРЕННЫМ». Важно не путать: чистка — партийное мероприятие, ставящее целью освобождение от лишних людей в РКП (ВКП) большевиков, и именно такую чистку прошел Зорге. Чистка «рядов Коминтерна» — совершенно другое, не партийное, а организационно-штатное мероприятие, проводимое по тем или иным причинам, и здесь действительно у Ики Рихардовича возникли проблемы, которые, впрочем, удалось решить самым нетривиальным образом.

Как раз к этому периоду относится возникновение вопроса, который не дает покоя исследователям уже несколько десятилетий: правда ли, что Сталин не доверял Зорге из-за близости последнего к Бухарину во время работы в Коминтерне?

Прежде всего, надо отметить, что в 1929 году сам Бухарин, формально не столько вычищенный, сколько выдавленный (он сам просил себя уволить) из руководства Коминтерна, сохранил жизнь, работу вне высшего партийного аппарата (оставаясь при этом членом ЦК партии) и даже квартиру в Кремле, ключи от которой ему когда-то вручил Сталин. Это произошло потому, что применительно к Бухарину это вообще была не чистка, а выяснение отношений с вождем. К этому времени Сталин уже все решил и «просчитывал ходы» в продвижении вверх — на самый пик власти, где двоим места не было. Но до сталинских чисток в более привычном нам, как ни страшно это звучит, кровавом понимании оставалось еще восемь лет, и следует оценивать события в их реальном времени. В 1929 году близость «невывищенного» Зорге к «вычищенному» Бухарину не являлась порочащим первого фактором, что видно хотя бы по результатам коминтерновской чистки. Да, Ика Рихардович был уволен, но нигде нет ни малейших следов того, что его увольнение связано с «товарищеским осуждением» Бухарина. Как мы видели, Зорге за четыре года работы в ИККИ и ОМС сам создал себе образ крайне неудобного, резкого в суждениях, не слишком склонного к уважению партийной иерархии и способного на нарушение партийной дисциплины (если убежден, что именно так и надо поступать) человека. Что же касается Бухарина, то Зорге, хотя и имел с ним рабочие контакты с 1926 года, а в короткий период работы над новой программой Коминтерна летом 1928 года даже исполнял (видимо, неофициально) обязанности его секретаря, никак не мог быть «близок» одному из лидеров Советского государства. Они принадлежали к разным эшелонам партийной номенклатуры, к тому же Зорге почти постоянно отсутствовал в Москве, что отражено и в коминтерновских документах. Да и о самой этой «близости» мы знаем только со слов самого Зорге, и подтверждений им нет.

Более того, как верно заметил Владимир Чунихин, помимо несколько эфемерного «секретарства» у Бухарина, Ика Рихардович неоднократно и вполне официально работал секретарем Дмитрия Мануильского, а также пользовался покровительством Отто Куусинена, давшего ему рекомендацию в ИККИ и ОМС¹¹⁴. Ни Мануильский, ни Куусинен не были репрессированы ни в 1929-м, ни в конце 1930-х годов,

вообще никогда. Да, возможно, Зорге испытывал симпатию к взглядам Бухарина и к его, если так можно выразиться, партийному облику. Возможно даже, об этом многие знали и донесли эту информацию до Сталина. Но что мог знать Сталин в 1929 году о Зорге и насколько ему это могло быть интересно?

Надо понимать, что Сталин и Зорге, во-первых, вряд ли были знакомы лично; во-вторых, Сталин мог слышать о Зорге, как о работнике Коминтерна; в-третьих, весьма вероятно, что Сталин знал о работе Зорге над программой, основное авторство которой принадлежало Бухарину. Но точно так же он мог знать и о работе нашего героя у Мануильского, и о хороших отношениях Зорге с Куусиненом — одно не исключает другого. И еще раз: Зорге, в отличие от Бухарина, «вычищен» не был, то есть сохранил доверие партии, но вскоре был уволен из Коминтерна. Но... значит ли это, что он был уволен «по недоверию»? Совсем нет, и даже, скорее, наоборот. Зорге не был выкинут на улицу, не был отправлен в другую организацию, где к нему предъявлялись бы меньшие требования, туда, где он мог бы почувствовать, что ему доверяют не до конца, и это доверие партия требует восстановить, где не требовалась бы такая конспирация как в Коминтерне и пр. Так ведь происходило в 1930-е годы с очень многими в прошлом ответственными работниками, которых передвигали из разведки в торговлю, из НКВД на почту и т. д. Но нет, в нашем случае все произошло строго наоборот: Ика Зорге ушел туда, где к каждому сотруднику предъявлялись самые высокие требования и одновременно оказывалось самое высокое — насколько это только возможно — доверие: в военную разведку.

В середине сложного, противоречивого, даже болезненного для Зорге 1929 года он обращался к Борису Афанасьевичу Васильеву с просьбой найти ему работу в качестве инструктора ИККИ, напомнив о желании Куусинена использовать его в восточном отделе. Отто Куусинен занимал тогда пост заведующего Восточным лендерсекретариатом, причем под Востоком понимался очень широкий географический спектр, в который входил и Китай, курировавшийся Дальневосточным сектором во главе с Павлом Мифом (Михаилом Александровичем Фортусом). Осип Пятницкий — один из трех покро-

вителей и «старых друзей» Зорге в Коминтерне, то есть тех людей, что привели его в эту организацию, составил ему протекцию в «правильном» представлении Ики Рихардовича не менее важным людям из советской разведки. Во всяком случае, об этом заявил в 1937 году на допросе в НКВД сотрудник 2-го (восточного) отдела Разведупра РККА Карл Римм, хотя к любым показаниям, данным в подобных условиях, следует подходить с чрезвычайной осторожностью. Римм не сказал точно, когда это произошло, назвав только год: 1929-й. Но это отнюдь не было первым контактом Ики Рихардовича с представителями военной разведки. Достаточно вспомнить, что его первая жена Кристина была связана с этой организацией как минимум с 1926 года весьма прочными, оказавшимися даже сильнее семейных, узами. Летом 1929 года, возвращаясь из Лондона через Берлин, Рихард встретился с Кристиной. Там, в германской столице экс-супруга Зорге познакомила его с Константином Михайловичем Басовым (настоящее имя — Ян Абелтынь, или Аболтынь) — резидентом Четвертого управления в Берлине и, очевидно, шефом самой Кристины¹⁵. Басов был введен в курс дел Зорге в Коминтерне и 9 сентября сообщил в Москву:

«Телеграфировал относительно предложения Зорге. Он действительно очень серьезно намерен перейти на работу к нам. С теперешним его хозяином у него очень неопределенное положение, и уже почти целый месяц, как [он] не получал никаких указаний относительно своего будущего. Сидит также без денег. *Он достаточно известный работник... и нет надобности останавливаться на его характеристике.* <...> Владеет нем., англ., фр., русск. языками (судя по всему, Зорге, как обычно, не стеснялся показать знания многих языков, даже если на самом деле чувствовал себя в общении на них не так уверенно. — А. К.). По образов. — доктор эконом. Если его положение решится в пользу нас, т. е. теперешний хозяин не будет держать его, то он лучше всего подойдет для Китая. Туда он может уехать, получив от некот. здешних издательств поручения по научной работе...»

Москва ответила уже 14 сентября, проявив к информации резидента явный интерес:

«1. Подтверждаем получение Вашего письма от 9.9.29 г. со всеми приложениями.

2. ЗОРГЕ по сообщению его хозяина (значит, Центр оперативно связался с руководством ИККИ и ОМС. — А. К.) должен приехать в ближайшее время сюда. По приезде пускай зайдет к нам, мы лично с ним переговорим».

16 сентября Басов сообщил в Центр:

«Зорге получил телеграмму, в которой разрешают ему поехать в Москву для переговоров. Причем обратно он должен вернуться за свой счет. Как видно, хотят уволить его. Он зайдет к Вам и поставит вопрос о переходе на работу к нам. Я наводил справки — чем вызвано такое поведение в Коминтерне по отношению к нему. Получил некоторые намеки, что он замешан в правую оппозицию. Но все-таки все знающие его товарищи отзываются о нем очень хорошо. Если Вы возьмете его, то самое целесообразное будет — послать в Китай».

Итак, в Центре — Четвертом управлении Штаба РККА — знали «по намекам» и, вероятно, из первых рук, что Зорге каким-то образом «замешан в правую оппозицию». Но характеристики его оказались столь хороши, да и сам он был настолько известной фигурой, что уже на начальном этапе было понятно, что для военной разведки он может оказаться весьма ценным кадром. И даже место назначения еще не уволенного из Коминтерна Зорге просматривалось вполне явно: Китай. 21 сентября Центр сообщил Басову, рекомендовавшему нового агента, о том, что дело пошло: «ЗОРГЕ у нас был. Ведем переговоры об его использовании на Востоке»¹¹⁶.

Так что, когда в Коминтерне шла чистка и Ика Рихардович, оправдываясь, признал «временные колебания», но «решительно отмежевался» от немецких правых уклонистов, упомянув заодно о своей борьбе в Немецком клубе с троцкистами (все это тоже зафиксировано в протоколе от 19 октября), он уже знал, что для него лично с Коминтерном покончено. В «Тюремных записках» он вспоминал: «В конце лета 1929 года, когда я возвратился из Скандинавии и Англии, мои официальные отношения с Коминтерном были прерваны. И работал я в своем номере в гостинице и в других помещениях. За исключением служебных, мои контакты с другими товарищами из Коминтерна были прекращены, и я встречался только с двумя-тремя ответственными лицами, которые имели непосредственное отношение к моей работе. В связи с моей поездкой в Китай состоялись совещания с ря-

дом членов Коминтерна и других коммунистических организаций. С самого начала план моей поездки разрабатывался в соответствии с курсом, в основе которого лежали отделение разведработы от других видов деятельности и соблюдение секретности. В результате же проведенных совещаний курс на такого рода разделение стал прослеживаться еще более отчетливо, чем прежде.

Среди лиц, принимавших участие в таких совещаниях, были не только представители Советской компартии и ее Центрального комитета, но и Красной Армии, а также группа сотрудников Четвертого управления — разведывательного органа Красной Армии. С этой группой отработывалась, главным образом, техническая сторона моей будущей разведдеятельности. На одном совещании присутствовали два сотрудника Народного комиссариата иностранных дел Советского Союза, с которыми обсуждались политические аспекты моей разведработы.

После этого два или три раза меня приглашали в так называемое четвертое управление. Там шла речь о технической стороне моей работы в Китае, а затем и в Японии. В результате отделения от Коминтерна отчетливо определились изменения в характере предписанных мне обязанностей. Мне запрещалось вступать в какие-либо отношения с коммунистическими партиями в Китае и Японии: я не мог вступать с ними в контакт, разумеется, по своему собственному усмотрению и не имел права даже помогать им»¹¹⁷.

Последний пункт — о запрете контактов с местными коммунистическими партиями всегда был актуален для действующих и бывших работников Коминтерна, которые по причине неумеренной энергии и бурной активности нередко нарушали конспирацию. Басов, рекомендуя Центру Зорге, заметил, что «для Англии он [Зорге] немножко скомпрометирован», и возможно, речь шла именно о попытках влезть в дела английской компартии, и не исключено, что он привлек внимание британской полиции¹¹⁸. Это могло стать одной из причин для увольнения агента из ЗЕБ Коминтерна и того четкого определения возможности использования его в Китае, которое не может не удивлять.

Зорге предстал перед комиссией по чистке 19 октября, а уволен был, как уже говорилось выше, 31 октября. Увольне-

ние состоялось в отсутствие «виновника торжества», который в это время снова находился в Берлине. Юлиус Мадер приводит свидетельство Маргарет Малдак, члена КПГ (!), в доме которой на Шлезигерштрассе, 6, в районе Трептов, останавливался в 1929 году человек с паспортом на имя Хуго Барата: «Рихард — мы знали его как Хуго — умел жить совершенно неприметно. Мы приготовили для него комнату с тахтой и книжным шкафом, как только узнали о его предстоящем приезде. Он привез с собой что-то наподобие раскладушки. Полиции было сложно вести наблюдение за нашим домом, и многие товарищи уже успели этим воспользоваться. Парадный вход был "прикрыт" справа булочной, а слева — пивной; во дворе, в трех расположенных параллельно друг к другу строениях, располагались ремесленные мастерские. Вокруг нашего дома постоянно сновали люди. Мы дали Рихарду ключи от входной двери и его комнаты, так что он мог уходить и приходить в любое время. Свое белье он стирал сам; впрочем, он обеспечивал себя сам и во всем остальном. Он часто пользовался моей пишущей машинкой, которую я в силу профессиональной необходимости держала дома. Когда появилась на свет наша дочь, он очень радовался вместе с нами и подарил мне гарнитур для детской коляски. В декабре 1929 года мы переехали в пригородный Биркенвердер, так как наша дочь страдала рахитом. Рихард простился с нами. Впоследствии он несколько раз присылал нам из Харбина открытки, подписанные "Хуго". В 1933 году, после того как полиция в седьмой раз произвела обыск в нашем доме, я уничтожила все его записки, даже самые безобидные»¹¹⁹.

Это довольно странное воспоминание, которое скорее можно отнести к предыдущему посещению Зорге Берлина. Портит все точно указанная дата: декабрь, но учитывая то, что вспоминать события тех лет фрау Малдак пришлось 30 лет спустя, можно полагать, что ее попросту подвела память, хотя в это трудно поверить, учитывая, что она ориентировалась на дату рождения дочери. Дело в том, что точно известно: поздней осенью 1929 года Зорге жил в Берлине в районе Шарлоттенбург, Рейхсканцлерплац, 1, под собственным именем. Там, в германской столице, он обзаводился связями, легальными документами и проходил нелегальную подготовку.

Зорге добился включения себя в штат сельскохозяйственной газеты «Дойче гетрайде-цайтунг». Это издание, уделявшее много внимания событиям на зерновом рынке, нуждалось в собственном корреспонденте на Дальнем Востоке, откуда шли в Европу поставки сои и других сельскохозяйственных продуктов. Доктор Зорге предложил свои услуги, а главный редактор, доктор Альфред Штерн, не только взял его на службу, но и после нескольких личных бесед обратился через издателя газеты в МИД Германии за рекомендациями для убывающего в Китай журналиста. В письме на имя генерального консула Германии в Шанхае барона Рюдта фон Коленберг-Бедигхайма сообщалось, что доктор Зорге отправляется в Китай для изучения там сельского хозяйства и напишет серию статей для газеты, в связи с чем издатель и главный редактор «Дойче гетрайде-цайтунг» просили господина барона «оказать содействие господину Зорге в сборе информации и материала во время его пребывания в Шанхае»¹²⁰.

Там же, в Германии, Зорге встретился с Карлом Августом Виттфогелем — старым знакомым по Институту социальных исследований во Франкфурте-на-Майне (на знаменитых фотоснимках, сделанных во время «марксистской недели», этот человек тоже присутствует). Виттфогель в 1926 году издал книгу «Пробуждающийся Китай. Краткий обзор истории и современных проблем Китая», а в 1927 году — «Шанхай — Кантон». Он с удовольствием свел старого товарища с главой германского Института Китая профессором Рихардом Вильгельмом, а тот помог нашему герою подписать договор (исполненный на немецком и китайском языках и заверенный нотариально) с Германо-китайским обществом, в соответствии с которым доктор Зорге официально получал права и обязанности по исследованию Китая в интересах этого самого общества.

В Берлине Зорге застала новость о начале публикации романа «Дочь Земли», автором которого являлась американка Агнес Смедли, корреспондентка «Франкфуртер цайтунг» в Шанхае. Рихард раздобыл адрес журналистки, о которой в анонсе сообщалось следующее: «Автор в настоящее время работает на Дальнем Востоке в качестве нашего специального корреспондента; как предоставляемые ею материалы, так и этот автобиографический роман демонстрируют ее

незаурядный писательский талант, умение сочетать решительность и твердость в описании фактов с поэтической утонченностью»¹²¹. Такая характеристика должна была заинтересовать нашего героя, и в его будущем Агнес Смедли было суждено сыграть важную роль. Позже он отзывался о ней так: «Это совершенно чудесная женщина. Она будоражит коммунистическими идеями сыновей и дочерей франкфуртских капиталистов... С точки зрения математической логики, она нуль, но такой, который увеличивает стоящее перед ним число на десятков»¹²².

Но если встреча со Смедли ждала Зорге впереди, то уже в Берлине он познакомился со своими ближайшими коллегами: только что назначенным резидентом Четвертого управления в Шанхае «Алексом» — Александром Петровичем Улановским (он тоже был принят на службу в разведку только что — в октябре) и радистом Йозефом Вейнгартном (Вайнгардтом). При этом резидент с помощью Зорге получил документы фотокорреспондента двух германских агентств, жаждавших получить фотохронику из Китая. Одновременно Улановский легализовался в Берлине как коммерсант, собирающийся заняться в Шанхае торговлей оружием от имени одной немецкой и одной голландской компаний.

29 ноября подготовка к отправке была завершена, и берлинский резидент Басов сообщил в Центр, что 7 декабря группа покинет немецкую столицу с расчетом прибыть в Шанхай 10 января 1930 года. Юлиус Мадер писал, что Зорге за это время успел побывать еще и в Соединенных Штатах, где подрядился в редакциях двух газет присылать репортажи из Китая под псевдонимом «Алекс Джонсон»¹²³. Однако совершенно непонятно, когда Зорге мог успеть посетить Америку, учитывая, что в те времена для этого надо было дважды пересечь Атлантику на пароходе. Времени же у нашего героя не было. Непонятно даже, успел ли он попрощаться с женой. Не с Кристиной. С Екатериной.

КАТЯ

Русская женщина по имени Катя в окружении Зорге впервые упоминается летом 1925 года. Первая жена Рихарда — Кристина писала: «Я продолжала заниматься русским языком с моей очаровательной учительницей Катей... по прошествии года выяснилось, что она научилась бегло говорить по-немецки, в то время как мои успехи в русском были скромны». Кем была эта Катя, занятия Кристины с которой, учитывая летний отпуск, продолжались до отъезда немки из Москвы, непонятно, хотя некоторые авторы сразу записали ее как «русскую жену Рихарда», не обращая внимания на хронологические нестыковки и даже на то, что Катя — не самое редкое имя в нашей стране. Заманчиво думать, что Екатерина, занимавшаяся с Кристиной, после отъезда последней стала учительницей Зорге, но...

История о том, что на самом деле Ику Рихардовича с его будущей женой Екатериной Максимовой познакомил сотрудник Четвертого управления Вильгельм (Вилли) Шталь в 1927 году, то есть уже после отъезда Кристины в Англию, хорошо известна зоргеводам. Подтвердить или опровергнуть ее документально пока ни у кого не получилось, хотя и в ней есть слабые места, начиная с самого начала — с эпизода знакомства в поезде. Сестра Екатерины Мария вспоминала: «Познакомилась Катя с Вилли в поезде, когда ехала из Петрозаводска в Москву. Среди группы военных, которые ехали в поезде, находился и Вилли Шталь. Когда они между собой разговаривали на ломаном русском языке, Катя поправила неправильно сказанную фразу Вилли, которому это понравилось, и он стал просить Катю и дальше делать ему замечания. Катя дала ему согласие, и так они познакомились. А когда они приехали в Москву, Вилли попросил у Кати разрешения бывать у нее и брать уроки русского языка...»

В Москве к Кате приехали еще две девушки из Сибири, решившие остановиться у нее на квартире, и Вилли, быстро оценив обстановку, предложил организовать вечеринку, на которую привел друга (непонятно, почему не двух друзей) — им и был Рихард Зорге¹²⁴.

Конечно, теоретически поверить в такую версию можно, но историки спецслужб, зная реалии тех лет и характерные и не слишком разнообразные методы работы чекистов, можно засомневаться в столь романтическом стечении обстоятельств. Сегодня уже не секрет, что молодые и красивые, как правило, хорошего, даже дворянского, происхождения женщины в 1920—1930-х годах активно использовались — кто-то за деньги, кто-то под угрозой шантажа — органами ОГПУ—НКВД не только и не столько для обучения интересных иностранцев русскому языку, сколько для присмотра за ними и возможной последующей вербовки. Была ли Екатерина Максимова одной из них? И кем вообще она была?

Будущая «русская жена Зорге» родилась в 1904 году в Петрозаводске, в семье чиновника губернского управления Александра Флегонтовича Максимова, в доме, на месте которого в современном Петрозаводске на проспекте Ленина, 27, ныне расположен кинотеатр «Победа». Мать — Александра Степановна имела немецкие корни и в девичестве носила фамилию Гаупт, и это важный момент в нашей истории. Катя была старшей из пятерых детей, но, несмотря на это, в большой семье нашлись возможности для обучения девочки музыке и театральному мастерству даже в сложные годы Гражданской войны и последующей разрухи. Катя окончила городскую театральную студию, где занималась у Юрия Николаевича Вентцеля, известного под театральным псевдонимом Юрий Юрьин, и полученные у него опыт и знания позволили ей поступить в Ленинградский институт сценического искусства. Краевед Юрий Викторович Шлейкин сообщает: «О характере Кати и ее личностных качествах рассказывала мама Натальи Ларцевой — Она (Анисья) Рыбкина*. Она говорила, что Катя отличалась от девчонок, была более закры-

* Наталья Васильевна Ларцева — журналистка, цветаевед, подруга Екатерины Александровны Максимовой.

той и сдержанной, редко делилась своими личными переживаниями, хотя в общении была очень легка. Интеллектуалка, она постоянно анализировала происходящее, любила Блока. Когда ее арестовали, в ее комнате нашли три вещи — крестик, карту Москвы и тетрадь со стихами любимого поэта»¹²⁵.

В Ленинграде Катя в течение четырех лет училась на отделении драмы у знаменитого актера и театрального педагога тех лет Леонида Вивьена (его особенно выделял Ленин и однажды даже спас из рук ЧК). Институт окончила в 1925 году. Во время учебы в Ленинграде она снова встретилась со своим первым педагогом — Юрием Николаевичем Юрьиним. Мастер был тяжело болен — у него открылся туберкулез, жена покинула семью, оставив ребенка мужу, а тому требовался срочный выезд за границу на лечение. Друзьям Юрьина удалось выхлопотать такое разрешение, 22-летняя красавица Катя вышла за своего 38-летнего наставника замуж, и, взяв с собой его дочку Наташу, молодожены отправились в Италию, на Капри. Произошло это, по разным данным, то ли в конце 1925-го, то ли в начале 1926 года, а значит, преподавать в это время русский язык Кристине Зорге Екатерина Максимова никак не могла.

Увы, ласковое итальянское солнце в данном случае оказалось бессильно, хотя, судя по письмам Кати подруге и ее сохранившимся фото, она была полна надежд на счастливый исход путешествия. Через полгода Юрьин умер и был похоронен в Италии, а Катя с Наташей вернулись в Советский Союз¹²⁶.

Здесь в истории Екатерины Максимовой наступает необъяснимый провал. Шлейкин пишет, что Катя *вернулась* в Москву, но уезжала-то она на Капри не из столицы, а из Ленинграда. Вернулась — значит, жила там до отъезда? Когда? Если все-таки вернулась в Ленинград, то как в ноябре того же года оказалась в Москве, где у нее ни друзей, ни родных — никого, кто мог дать кров и приют хотя бы на первое время? Удачно накладывается на «возвращение» история знакомства в поезде с Вилли Шталем, но куда все-таки ехала Екатерина и зачем? Почему Шталь рекомендовал ее как «учительницу русского языка» для немецкоговорящих сотрудников советской разведки — девушку с сомнительной биографией, безработную актрису, только что вернувшуюся из-за границы и... не знавшую немецкого языка?

Стройнее выглядит вариант, рассказанный сестрой: Катя вернулась в Ленинград, но по какой-то, неизвестной нам, причине сразу отправилась в Москву, где и решила остаться. После этого она съездила в Петрозаводск, попрощалась с родными и переехала в столицу окончательно, надеясь устроиться на работу в типографию, что ей в конце концов и удалось¹²⁷. Не упрощает, а скорее, усложняет эту загадку то, что нам известен первый московский адрес Максимовой: Нижний Кисловский переулок, дом 8, квартира 12, что по соседству с театральным институтом (ГИТИС) и знаменитым «домом Моссельпрома». Пишут (и даже показывают в фильмах), что Катя Максимова жила в полуподвальной комнате. Не вполне понятно, каким образом в одноподъездном доме квартира номер 12 оказалась в полуподвале, но это проблема домоуправленческая, а не политическая: в те годы бывало всякое. А вот сам по себе адрес этот непростой. Как молодой актрисе из Ленинграда удалось получить отдельную квартиру в доме, стоящем поблизости от Арбата и совсем недалеко от Наркомата обороны, — еще одна загадка, степень неразрешимости которой понятна каждому, кто жил в Советском Союзе, и понимающему, что такое жилищный вопрос и как он в эти самые годы испортил москвичей. В этом же самом доме, где всего 24 квартиры, обитали номенклатурный советский писатель Всеволод Вишневский, забытый ныне, но когда-то орденоносец-драматург Борис Ромашов, вдова Антона Павловича Чехова Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, творил филолог профессор Сергей Иванович Соболевский, а в 1933 году в 20-ю квартиру вселился бежавший из Германии еврейский драматург Фридрих Вольф с сыновьями Конрадом и Маркусом — первый из которых стал кинорежиссером, а второй — шефом внешнеполитической разведки ГДР. Из известных сегодня жильцов этого дома, пожалуй, только технический руководитель подмосковной ткацкой фабрики А. А. Колесников (квартира 9), расстрелянный в 1938 году, не относился к советскому бомонду. И среди них — юная Катя Максимова, которая вскоре после прибытия в Москву сменила несколько мест работы, а затем отправилась трудиться на вредное производство: аппаратчицей на завод «Точизмеритель», открывшийся в 1929 году и выпускавший, помимо всего прочего, ртутные градусники. И опять: Мария Макси-

мова была уверена, что ее старшая сестра жила вообще не там и комнату в элитном доме получила (она или все-таки он — Зорге?) много позже: «Незадолго до отъезда Рихарда из Москвы им дали комнату в Нижне-Кисловском переулке (на Арбате), куда они и перебрались, и стали жить уже совместно под одной крышей. Комната была очень неудобная, в полуподвальном помещении, вход был просто жуткий, покосившиеся полы, раковина стояла в коридоре, и вообще не было никаких удобств. Несмотря на это, Рихард сразу перенес туда все свои книги, лыжи и все личные свои вещи». Причем, написав эти воспоминания, Мария Александровна почему-то вычеркнула первое предложение — о переезде в Нижний Кисловский переулок¹²⁸. Что-то путала? Вполне возможно, но возможно и нет. Кстати, она и предыдущим местом жительства Зорге называла не гостиницу «Люкс», а «Балчуг», точнее — гостиницу «Новомосковская», в которой Зорге жил позже, по возвращении из Китая, и откуда сделал несколько фотоснимков Кремля и Васильевского спуска перед ним, подарив их потом Кате.

Мария Максимова бывала в Москве лишь периодически и сестру старалась не беспокоить, рассказы ее о Рихарде выслушивала в основном дома, в Петрозаводске, куда Катя каждый год приезжала в отпуск. У потомков семьи Максимовых долгое время хранились и, возможно, до сих пор хранятся открытки, переписка Екатерины Александровны, в том числе письма к ней Зорге из Японии (!), семейные фото. На одном из них Катя запечатлена летом 1930 года дома, в окрестностях Петрозаводска на прогулке с друзьями и подругами. По свидетельству дочери одной из этих подруг, сразу четверо из шести мужчин на снимке — сотрудники ОГПУ. Если это так, то перед нами несколько странный эскорт для скромной заводской труженицы из Москвы, если только родственники Кати на ее родине не были почти сплошь чекистами.

1927 год, когда Катя вернулась из Италии, был последним спокойным, пусть и относительно, годом для Ики Зорге. Он приехал в Москву в ноябре, а в декабре отправился в Скандинавию, откуда вернулся летом 1928 года. Когда они успели познакомиться и сблизиться? Потом снова командировки: с 5 октября 1928 года по 4 апреля 1929 года и с 18 июня по 19 сентября 1929 года. В октябре выезд в Германию на подготовку к работе в Китае и отправка дальше — в Шанхай. По-

лучается, что Екатерина и Рихард могли провести вместе не более восьми месяцев за эти три года.

Нам известна некоторая самоуверенность Ики при определении им своего уровня владения русским языком. Сообщая будущему руководству в Москве, что может свободно изъясняться по-русски, он явно хватил через край. Но и до знакомства с Катей Зорге уже прожил в России около полутора лет, отчего его познания, по крайней мере, не должны были стать слабее. Сам он говорил, что мог свободно понимать русский язык и, хотя тот и был далек от совершенства, все же он сам писал: «рабочие относились ко мне очень снисходительно»¹²⁹. Какие рабочие? В Коминтерне станки не стояли, да и общался там Ика Рихардович на немецком. Значит, он где-то выступал и, по логике его служебных перемещений, эти выступления происходили еще до того, как он познакомился с Екатериной Максимовой. Не вполне понятна в таком случае сама необходимость в «учительнице» (если только действительно ее не «подставили» ему органы), зато совершенно объяснима их взаимная симпатия.

Катя, вернувшаяся недавно из Европы, была очарована не только характером, внешним обаянием, но манерами нашего героя, увы, крайне редкими для Советской России. Вот что вспоминала ее сестра — Мария: «Когда они пожили с ним первые полгода и он уехал, то Катя говорила, что если даже она с ним больше никогда не встретится, то эти полгода останутся у нее в памяти на всю жизнь, так как это была лучшая пора в ее жизни — настолько много счастья было в их отношениях, настолько они любили друг друга.

Рихард был очень принципиальный человек, работоспособный, энергичный и на редкость трудолюбивый. Когда она приходила к нему в гостиницу, всегда заставляла его за рабочим столом... Как только она приходила, он вставал ей навстречу. Он был очень внимательным и чутким. Стоило только ей зайти, он сразу по ее глазам догадывался, все ли у нее было хорошо на работе, и если были в течение дня какие-то неприятности, то скрыть это было невозможно, потому что он сразу и слишком хорошо угадывал ее настроение. Зная о том, что Катя очень любила мыться в ванне, он сразу же вел ее в ванную, давал свой халат. Она купалась, и после купания уже выходила к нему в хорошем настроении.

Рихард был человеком большой внутренней культуры. Катя рассказала мне такой эпизод. Однажды она к нему приходит — он бреется. Она его спрашивает:

— Зачем ты бреешься? Ведь утром, наверное, брился?

— Да, конечно, я брился утром, — отвечает он, — но ведь я же знал, что ко мне приедешь ты, а я не могу встретить тебя не свежепобритым, вот и бреюсь вторично.

Рихард был и хорошим психологом. Когда Катя показала ему фотографии наших родителей, то он, не зная их, посмотрел на фотографии и очень точно определил основные черты характера папы и мамы. Такая точность... сестру просто поразила»¹³⁰.

Увы, там, где любовь, обычно возникает и ее неременная спутница — ревность. Мы можем только представлять, как непросто было Екатерине провожать любимого человека сначала на недели и месяцы, а затем и на годы, зная, что он пользуется у женщин невероятной популярностью, граничащей с преклонением.

В те же самые годы (1927—1928), во время командировок Зорге в Германию, с ним тесно общалась еще одна несостоявшаяся актриса и его давняя знакомая по «марксистским неделям», наполовину немка, наполовину полька из Вены — Хедэ Массинг. Она была замужем вторым браком за Джулианом Гамперцем — коллегой Рихарда по Франкфуртскому институту социальных исследований, а по первому мужу приходилась родственницей Урсуле Кучински — женщине, которая хорошо узнает Зорге в будущем, в Китае. Хедэ вспоминала: «Именно Ика Зорге объяснил мне, как одинока и аскетична может быть жизнь "аппаратчика" (в тексте употреблено именно это русское слово без перевода. — М. Б.), без дружеских и любовных связей, без сантиментов. Я видела в нем героя революции, истинного героя, молчаливого героя, о котором никто не говорит»¹³¹. Кокетничал ли Зорге, когда говорил молодой женщине-единомышленнику о невозможности дружеских и любовных связей? Или был, как всегда, профессионально убедителен, скрывая за словами истинное отношение к жизни? Мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос, но так или иначе Хедэ Массинг тоже не устояла перед магнетизмом исполненного коммунистических идеалов «человека из Москвы». И если Зорге в некотором смысле был завербован

для работы на Четвертое управление своей первой женой Кристиной, то Хеде Массинг была завербована им, и это еще один повод для недоуменных вопросов. Ведь в 1928 году сам Ика еще не работал на советскую военную разведку. Как же получилось, что Зорге передал рыжеволосую красотку Хеде советскому разведчику и будущему невозвращенцу Игнатию (Игнасу) Рейссу (настоящее имя — Натан Маркович Порецкий)? А ведь она рассказала об этом сама в интервью газете «Ди цайт», незаметно удлинив срок знакомства на целый год: «...Я и Джулиан Гамперц знали Зорге в течение многих лет как тихого ученого товарища. Позже мы узнали, что он работал в Москве в Институте Маркса — Энгельса.

В конце 1929 года он приехал к нам в Берлин и привез привет от молодого немца, Пауля Массинга, который жил в Москве и был по уши влюблен в меня. Доктор Зорге намекнул тогда, что имеет на меня большие планы. Он спросил меня, не хотела бы я для начала взять под свою опеку двух товарищей, только что прибывших из Москвы. Я согласилась. Хотя при выполнении моей задачи использовались всевозможные меры предосторожности, она была довольно прозаична. Я должна была снабдить этих двух людей европейской одеждой и аксессуарами так, чтобы по прибытии в Англию в них нельзя было узнать русских. Доктор Зорге давал мне еще несколько несложных заданий, которые я выполняла, не понимая, что меня проверяют и готовят для более сложных задач. "Мы долго наблюдали за тобой, Хеде, — сказал наконец он. — Мы хотим тебя познакомить с одним очень известным и важным для партии человеком". Я совершенно не имела представления, кто это — "мы"»¹³².

Супруга самого Порецкого Элизабет Порецки (урожденная Эльза Берно), тоже оставившая воспоминания о тех непростых временах, рассказывала: «Ика был высокий, широкоплечий. Его лицо немного желтоватого цвета под густой шевелюрой все равно было весьма привлекательным и дышало волей. Высокий выпуклый лоб, прямой нос, резко выступавший вперед, глубоко посаженные глаза придавали его лицу суровое выражение, которое немного смягчали пухлые губы. Он всегда был элегантен, особенно в спортивной одежде и обладал хорошими манерами». Элизабет Порецки была знакома не только с матерью Зорге, у которой сын

останавливался, бывая в Берлине (говорил ли он ей, что живет на их родине, в России?), но и с Кристиной: «Рассказывали, что они познакомились в университете, когда она была замужем за профессором, и Зорге уговорил ее уйти от мужа. Не знаю, насколько это правда, Ика ни слова не говорил об этой истории, и, нужно признаться, никогда не разговаривал с нами о Кристине». С Екатериной Максимовой Элизабет знакома не была, но вспомнила о ней, когда уже после войны читала материалы американского расследования, посвященного Зорге, и прокомментировала жестко: «Слухи о "десятках женщин, окружавших его в Японии", дополняют картину [расследования]. Я не знаю об этих "десятках женщин", почти ничего мне неизвестно и о его "русской жене", кроме намека, однажды сделанного им по поводу привязавшейся к нему девушки, которую он встретил в Москве; он подозревал, что ее послал НКВД для слежки за ним. Возможно, это и была его "русская жена"¹³³.

Муж Элизабет — Игнас Порецкий (Рейсс) был убит в 1937 году по приказу Сталина агентами НКВД за измену, и, конечно, его вдова не могла испытывать к чекистам никаких теплых чувств. Но к Зорге она относилась с подчеркнутым уважением и даже любовью («Мы дружили, он всегда был внимательным ко мне, и я очень его любила. В нем привлекало все...»). Потому тем более странно звучит в ее воспоминаниях оговорка по поводу «русской жены»: «привязавшаяся девушка», которую, возможно, послал НКВД (в то время ОГПУ).

Да, это банально, и всё же... Жизнь — штука сложная. Похоже, что между этими двумя людьми, Катей и Рихардом, даже если один из которых поначалу следил за вторым, а второй подозревал в этом первого, вскоре вспыхнул настоящий, неподдельный роман. Они нашли друг друга: молодая, красивая, почти актриса, уже пережившая смерть мужа и своими глазами убедившаяся, что за пределами СССР есть другой — загадочный и манящий мир, и импозантный, энергичный, даже экспрессивный иностранец старше почти на десять лет — настоящий мужчина, рыцарь плаща и кинжала и — одновременно — без страха и упрека. И оба они были уже достаточно опытными людьми, чтобы понять: счастье не будет долгим. Осенью 1929 года их разлучил Китай.

КИТАЙ: ПРИЧИНЫ, СИЛЫ И СРЕДСТВА, ЗАДАЧИ

У современного читателя, незнакомого с политической и военно-политической обстановкой 1920—1930-х годов, сам собой возникает вопрос: «Почему Китай?» Почему выросшего в Германии наполовину немца Зорге, успешно работавшего перед этим в течение нескольких лет в Западной Европе, вдруг перебросили так далеко, как это только было возможно — в Китай? Чем Китай мог оказаться в то время интересным советской военной разведке, если только такая командировка не была завуалированной ссылкой, как считают сторонники разнообразных теорий заговоров? И мог ли вообще европеец эффективно работать в Китае, выполняя разведывательные функции?

Сам Зорге в японской тюрьме представил дело таким образом, что выбор этой страны был сделан им самостоятельно, а затем он вынес свое предложение на суд вышестоящей инстанции. Мы уже знаем, что это было не совсем так: и без инициативы беспокойного Зорге «наверху» обсуждали необходимость отправить его на Восток, ему подыскивали работу в рамках Восточного лендерсекретариата Коминтерна, в сферу интересов которого входил и Китай. Это никак не объясняет того, что, уволившись из ОМС Коминтерна, Зорге сразу же именно в эту восточную страну и отправился — по линии уже совсем другой тайной службы. Японским следователям он объяснял: «С изменением характера моей работы, короче говоря, с переходом от деятельности в интересах Коминтерна к широкой разведдеятельности в настоящее время в интересах Советской коммунистической партии и Четвертого управления Красной Армии произошли и другие перемены. Меня спросили, предпочитаю ли я вернуться в Европу и использовать там накопленный опыт, работая с

новыми людьми, нуждающимися в моем опыте, или, если позволят обстоятельства, поехать на Дальний Восток. И я в качестве арены моей деятельности выбрал Дальний Восток. Московские инстанции (объяснению этого термина Зорге уделил в «Тюремных записках» особенно много места, специально стараясь запутать японских следователей. — А. К.) остались очень довольны моим решением.

Почему я сделал отмеченный выше выбор? И почему этот выбор был одобрен? Если сказать коротко, то суть в следующем. До 1920-х годов арена деятельности, в которой были заинтересованы революционное рабочее движение и политика Советского Союза, ограничивалась Европой и частично Америкой. На Дальний Восток не обращалось большого внимания. Однако с началом революции в Китае Коминтерн и Советский Союз стали обращать свои взоры к этому новому региону. Тем не менее, опытные и способные кадры в большей или меньшей мере проявляли интерес к Европе и Америке. И только немногие политические наблюдатели почувствовали, что революция в Китае и последовавшее затем продвижение Японии в Маньчжурию являются важными мировыми событиями, обладающими большой силой воздействия. Больше того, было весьма мало таких людей, кто решился бы посвятить Дальнему Востоку все свои силы. Я решил заняться этим делом по двум причинам. Во-первых, потому, что это отвечало моему темпераменту. И, во-вторых, потому, что у меня появился большой интерес к новой и очень сложной политической ситуации на Востоке. Вместе с небольшой группой других я исходил из следующих предположений:

— большие перемены в революционном рабочем движении и внешней политике Советского Союза неизбежно скажутся теперь на новой арене действий — Дальнем Востоке;

— проблема обеспечения собственной безопасности, стоящая перед Советским Союзом в связи с возможностью внешних осложнений и нападений извне, должна быть изучена и пересмотрена в соответствии с новой ролью, которую играет Дальний Восток;

— и, наконец, ситуация на Дальнем Востоке непременно и существенным образом скажется на великих державах

в Европе и в Америке и может привести к коренным изменениям существующего баланса сил... Это, разумеется, в то время было только моим личным мнением, скорее предположением, однако я считал, что это — достаточное основание для перемещения сферы моей собственной деятельности в Восточную Азию»¹³⁴.

Начать новую деятельность в одном из древнейших государств мира было непросто. Состояние, в котором к 1930 году находился Китай, точнее всего можно описать одним словом: хаос. Вступивший в XX век с подорванной после проигранной Японии в 1895 году войны экономикой, Китай пережил несколько восстаний, передел его территории другими державами, а в 1911 году, на шесть лет раньше России, и революцию. Созданная в результате республика лишилась Монголии и Тибета, оказавшихся в сфере интересов России и Великобритании. В 1913 году Вторая революция под руководством Сунь Ятсена попыталась свергнуть правительство президента Юань Шикая, но лишь положила начало долгой гражданской войне, в которой на особое место выдвинулась только что созданная оппозиционная, «левая», партия Гоминьдан. Сунь Ятсен бежал в Японию, а начавшаяся вскоре Первая мировая война дала шанс Токио занять провинцию Циндао. К концу войны Китай, по сути, превратился в «страну сражающихся провинций», где с десятков генералов и маршалов-самовыдвиженцев вели бои друг с другом, надеясь оттяпать соседскую территорию и уповав при этом на иностранную финансовую и военную помощь в обмен на обещания будущих дивидендов.

Надо признать, надежды этих полководцев не были беспочвенны. Япония, США, Великобритания, а после 1922 года и Советский Союз попытались извлечь из гражданской войны в Китае свои выгоды. В 1921 году там была образована, поначалу весьма немногочисленная, коммунистическая партия. Гоминьдан, первое время ориентировавшийся на союз с Советской Россией, в 1926 году резко сменил курс. В это время его лидер — генерал Чан Кайши сумел объединить вокруг себя крупные силы, базируясь на юге Китая, в Гуанчжоу. Ему удалось освободить город от коммунистов, а затем подчинить своему влиянию ряд центральных провинций огромной страны. Столицей Гоминьдана стал город Нанкин на Восточ-

ном побережье страны. При этом армию Чан Кайши готовили германские военные советники, а у его противников на севере уже давно пользовались авторитетом английские и советские консультанты.

Разумеется, гражданская война губительно сказалась на экономике этой преимущественно аграрной страны. Китай стремительно нищал, а это порождало новый уровень противоречий — политических, социально-экономических, даже классовых. В год прибытия Зорге военные действия в Китае ненадолго стихли, противники проводили политические и военные перегруппировки сил в ожидании нового витка напряженности, а представители «великих держав» одновременно пытались спешно укрепить свои позиции в стране всеми возможными и невозможными методами. Центр советской разведки традиционно находился в Харбине — «столице русского Китая», как называли тогда этот город, в котором и вокруг которого после окончания Гражданской войны в России сгруппировалось стотысячное русское население. Там же находились управление Китайско-Восточной железной дороги, принадлежавшей СССР, и Генеральное консульство Страны Советов, что создавало возможности для работы легальных резидентур политической и военной разведок. Что же касается ведения разведки с нелегальных позиций, то есть без прикрытия официальных представительств, то Четвертое управление располагало к 1930 году в Харбине пятеркой постоянных агентов и связников, а также довольно большой группой агентов-осведомителей, среди которых числился даже американский вице-консул в этом городе.

В Мукдене — одном из крупнейших городов Северо-Восточного Китая возможности советской разведки были скромнее (два агента плюс два связника), а в провинциальном, но важном с точки зрения стратегии Тяньцзине и вовсе работал один разведчик.

Но особый интерес для сотрудников спецслужб представлял Шанхай — один из крупнейших городов Китая с населением более трех миллионов человек. Главные морские ворота и важнейший торговый центр, единственный город в стране, который по праву можно было назвать интернациональным и где иностранным разведчикам, казалось бы, было проще легализоваться, — туда направлялся Зорге, знавший,

что работа шанхайской резидентуры военной разведки далеко не полностью удовлетворяла нужды Москвы.

Надо заметить, что космополитический облик Шанхая сложился достаточно давно. С 1843 года в городе существовал первоначально английский, а затем — международный (с включением американской, голландской и японской концессий) экстерриториальный сеттльмент, к которому примыкала отдельная французская концессия. В 1930 году экстерриториальность формально была отменена, но сил, чтобы справиться с международным Шанхаем, у правительства Чан Кайши в Нанкине не было (только Мексика добровольно отказалась от своих привилегий, но мексиканцы точно не входили в число самых многочисленных национальных меньшинств Шанхая). Город по-прежнему был наполнен разнообразными торговцами, промышленниками, банкирами и, конечно, шпионами. При этом, несмотря на исключительные права иностранцев, на обширной территории международного и обособленного французского сеттльментов не возбранялось селиться и китайцам, хотя цены на жилье и землю в этой части Шанхая были значительно выше, а граждане Китая, обосновавшиеся здесь, лишались в своей республике избирательных прав. Очевидно, плюсы жизни в сеттльментах перевешивали эти неудобства, если треть местного населения Шанхая решила отказаться от своих гражданских свобод, выбрав жизнь в иностранной части города. В результате собственно иностранцев в ней оказалось не более 3—4 процентов — около 50 тысяч человек, остальные — зажиточные китайцы. При этом китайские предприятия сконцентрировались в международном сеттльменте, а жить иностранцы и здешние китайцы предпочитали во французском, ставшем престижным «спальным районом» города.

Внешнюю безопасность жителей обоих сеттльментов обеспечивали расквартированные здесь же иностранные войска и военные корабли великих держав, стоявшие на якоре на реке Хуанпу. За внутренний порядок отвечала собственная шанхайская муниципальная полиция, набранная из индийцев и русских (в основном бывших белогвардейцев и их подростки), и руководимая британскими инструкторами и начальниками, а также французская и японская полиция.

Внутри селтльментов действовали свои иерархические правила. Высшим слоем населения считались граждане стран, ранее обладавших правом экстерриториальности и не обратившие внимания на его отмену. К ним не относились, как ни странно, немцы: Германия, как и Мексика, после некоторых раздумий тоже добровольно отказалась от этого права. Низами считались собственно китайцы, невзирая на их имущественное положение. Чуть «выше» их располагались многочисленные, но, как правило, нищие русские, которых, впрочем, ввиду тяжелого финансового положения за настоящих белых иностранцев не считали ни англичане, ни китайцы. Наших соотечественников в начале 1930-х годов в Шанхае скопилось около 30 тысяч человек. Основным их промыслом стали служба: в полиции, охранном полку британской миссии, на китайском флоте и в качестве частных телохранителей — для мужчин. Девушки тоже служили, но в дансинг-клубах и интернациональных домах терпимости. Журналистка Агнес Смедли очень точно описала Шанхай 1930 года в одной из своих статей для «Франкфуртер цайтунг»: «Тут устраиваются пышные официальные приемы и балы, открываются новые банки, возникают крупные финансовые и всевозможные иные объединения, полным ходом идет игра на бирже, процветает контрабандная торговля опиумом и не прекращаются взаимные оскорбления иностранцев и китайцев — и все это под эгидой экстерриториальности. А еще здесь есть ночные дансинги, публичные дома, игорные клубы, теннисные корты и т. д., и т. д. Находятся также и люди, называющие все это началом новой эры, рождением новой нации. Для определенной прослойки китайского населения это, возможно, и так: для коммерсантов, банкиров и спекулянтов. Но для китайского крестьянства, то есть для 85 процентов населения страны это — как пожирающая все живое чума...

Белые русские шатаются по всему китайскому побережью. Они попрошайничают, грабят, воруют, всем подряд предлагают свои услуги в качестве шпионов, занимаются контрабандой опиума, они фальшивомонетчики или убийцы; во время забастовок китайских рабочих они становятся в ряды штрейкбрехеров. В составе британского военного контингента в Шанхае имеются белогвардейские полки; они

носят британскую военную форму и поют царские гимны. В шанхайских публичных домах и ночных ресторанах полно белогвардейских женщин... Агенты иностранных и китайской тайной полиции палят на вечерних улицах друг в друга: в сумерках каждый принимает другого за налетчика. Раненые или убитые, они остаются лежать на мостовой... Может быть, когда-то Шанхай и был городом надежды. Сегодня каждый видит, что это город страданий и нищеты»¹³⁵.

Еще одной особенностью Шанхая являлся довольно высокий процент рабочего класса среди населения — едва ли не треть, а потому было понятно стремление членов и сторонников Коммунистической партии Китая (здесь же, кстати, и основанной) укрыться в огромном городе от, мягко говоря, нелюбезного им правительства Чан Кайши. Полиция сэтлэментов коммунистов, впрочем, тоже не жаловала, и к 1930 году в местной тюрьме ожидали передачи нанкинским властям около 1300 «красных китайцев». Все это обостряло интерес к Шанхаю со стороны прежних работодателей и коллег Зорге из Коминтерна, Профинтерна, КИМа и прочих организаций, готовых побороться за права китайских коммунистов. Особенности же регистрации иностранцев в Шанхае (обязательная требовалась только от граждан Великобритании и Германии), европейские представления об экстерриториальности и часто полное непонимание особенностей жизни в дальневосточной стране создавали у многих разведок мира искаженное представление о возможностях нелегальной работы в этом городе. Командировка нашего героя в Шанхай не стала в этом смысле исключением.

Как мы помним, к отправке в Китай Зорге готовился в Берлине вместе с Александром Петровичем (Израилем Хайкеlevичем) Улановским, тоже «принятым на службу» в октябре 1929 года*. Ни тот ни другой не имели ни опыта агентурной работы в военной разведке, ни военного образования. Улановский, получивший документы для работы в Шанхае на имя гражданина Чехословакии по фамилии Киршнер и оперативный псевдоним «Алекс», был назначен резидентом.

* Формально ни Улановский, ни Зорге не были ни военнослужащими, ни служащими Четвертого управления.

Работавший с ним позже американец Уиттэкер Чемберс так охарактеризовал его: «[Улановский] был скромным человеком (из-за чего люди помельче неспособны были его достаточно оценить), хорошо знающим пределы своих возможностей и нисколько этим не озабоченным. Но его жизненный опыт был огромен, он прекрасно понимал людей, хотя часто поступал по отношению к ним вразрез с тем, что подсказывал разум. Потому что человечность была сильнее других его качеств. И он обладал редкой способностью видеть вещи с точки зрения другого человека... И, однако, его любимым выражением было: "Я бы тебя шлепнул!" Я нисколько не сомневался, что в случае надобности он так бы и сделал — застрелил бы меня ради безопасности дела или подчиняясь приказу. Он знал по опыту, что все мы живем под властью необходимости, против которой его природное сострадание к людям бессильно. Но я не сомневался также, что он сделал бы все возможное, чтобы спасти меня или любого другого, потому что он ненавидел железную хватку необходимости...»¹³⁶

Улановский, получивший также псевдоним «Шериф», должен был заменить «Джима» — Александра Иосифовича Гурвича-Горина (Шефтеля). Помогать «Шерифу» должны были: вербовщики-осведомители Зорге («Рамзай»), японец Кито Гинъити («Жорж») и кореец «Вилли» («Вили») — он еще не выехал из Москвы, осведомители «Тенор» и «Лёва», связистка Раиса Соломоновна Беннет («Юзя», «Жозефина») и радисты Йозеф Вейнгарт (псевдонимы — «Зеппель», «Зепп», варианты этого же имени в источниках и литературе: Вейнгарт, Вайнгарт, Вайнгард, Вейнгартен, Вайнгартен, Вейнгартен, Вайнгартен), Макс Клаузен («Ганс», в «Шпигеле»: «Hansen», «Макс») и Константин Мишин («Миша» — бывший белогвардеец, осевший в Шанхае)¹³⁷. Часть сотрудников уже находилась на месте, но их планировалось немедленно отозвать в Москву или перевести в другие регионы Китая, а другим, в том числе новому резиденту и Зорге, предстояло прибыть в Китай, чтобы заново создать в Шанхае мощную разведывательную сеть, так как старая явно не справлялась с получаемыми из Москвы заданиями, и только по вопросам радиосвязи у Центра не было к ней претензий. При этом «Рамзай» отвечал за политические вопросы, «Алекс» — за технические, организационные и военные.

То, что работа окажется непростой и не все пойдет так, как ожидалось, стало понятно еще в Европе. Костяк будущей резидентуры: Улановский, Зорге и Вейнгарт в нарушение всех возможных правил конспирации вместе отбыли паромом из Марсея в Шанхай, причем советский резидент в долгом и утомительном плавании успел найти общий язык со следующими в Шанхай полицейскими. Прибыв, наконец, на место, советские разведчики остановились в отеле «Глаза», не зная, что в Шанхае он известен как «приют большевиков», в котором почему-то любили жить советские и коминтерновские разведчики, о чем, конечно, было известно полиции и неизвестно Москве — этот отрицательный опыт потом очень пригодился Зорге в Японии.

Прием и передача дел от старого резидента новому проходили тяжело, со скандалами и жалобами в Центр. Гурвич-Горин не хотел уезжать, требовал от Улановского денег и настаивал на передаче новому резиденту хотя бы части старой агентуры. Под воздействием аргументов Гурвича Центр согласился оставить Кито и Клаузена Улановскому, а вняв просьбам последнего, и прислать в помощь последнему его жену. С остальными агентами неразбериха сохранялась до конца февраля. Полицейские же, плывшие вместе с новым резидентом на пароходе, зафиксировали его откровения о том, что он является «торговцем оружием», и честно пресекли его попытки легализоваться под «крышей» контрабандиста в Шанхае. Устроиться фотокорреспондентом ему тоже не удалось. В качестве прикрытия пришлось задействовать торговую компанию братьев Гольпер, созданную на деньги Четвертого управления как раз для таких случаев, но работавшую и с прежней резидентурой, а потому, возможно, ранее уже привлекавшую внимание полиции, а главное, ставшую большой головной болью для Центра, так как братья все время требовали денег от разведывательного ведомства на свою коммерческую деятельность. Передача дел, денег, части агентуры затянулась в Шанхае до марта 1930 года, но в конце концов сторонам удалось найти компромисс: Гурвича-Горина отправили в Кантон с Клаузеном (встреча двух старых знакомых, немцев-радистов — Клаузена и Вейнгарта была столь бурной, что они на радостях выпили 62 бутылки немецкого пива, и второй даже забеспокоился, что первый,

погрузившийся в глубокий сон, умер). Основная часть старой агентуры была отвергнута, но радист Мишин остался и работал с Клаузенем сначала в Шанхае, а с 12 марта в Кантоне, откуда их общими усилиями была налажена радиосвязь с Владивостоком («Висбаден»)¹³⁸.

Пока шли эти шпионские торги, Зорге удалось вполне успешно легализоваться в Шанхае. Прибыв в город 10 января, 17-го он был принят германским консулом, для которого имел рекомендательное письмо. В ответ доктор Зорге получил сразу две рекомендации в адрес руководства немецких компаний, активно работавших на сельскохозяйственном рынке Китая — там новому члену диаспоры могли оказать помощь в подготовке заказанных Берлином материалов по аграрной политике этой страны. Отдельно были получены письма в адрес германского посланника в Пекине и генерального консула в Нанкине. В консульстве зафиксировали его почтовый адрес: «Д-р Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай». Под этим адресом значилась небольшая меблированная квартира в одну комнату в скромном немецком пансионе¹³⁹. После регистрации Зорге открыл счет в местном отделении «Манифекчес бэнк оф Чайна» (*Manufacturers bank of China*), куда скоро стали поступать переводы в американских долларах из Нью-Йоркского «Нейшнл сити-банка» («National City bank»)¹⁴⁰. Американские доллары в Четвертом управлении называли «амами» — для сокращения места в переписке со своими агентами...

Позже Зорге вспоминал: «Хотя в Шанхае и не было посольства, я сразу же вошел в местную немецкую колонию, и ко мне стала поступать всевозможная информация. Центром этой колонии было Немецкое генконсульство. Меня там все знали и часто приглашали. Тесно общался с немецкими торговцами, военными инструкторами, студентами, но самой важной для меня была группа немецких военных советников, прикомандированных к Нанкинскому правительству. Из этой группы выборочно общался с теми, кто был осведомлен не только о военных, но и о политических проблемах в Нанкине. Одним из них был старший советник, впоследствии ставший Генконсулом, полковник фон Крибель»¹⁴¹.

Резидент Улановский был доволен такой активностью своего агента, тем более что в первые месяцы существования

резидентуры «Рамзай» стал единственным источником информации для нее, пусть и несколько односторонней, исходящей только из кругов германской диаспоры и нуждающейся в проверке, но уникальной. 26 января Улановский рапортовал в Центр, что Зорге успешно вошел в контакт с элитой местной немецкой общины и уже 5 февраля отправил первую телеграмму с секретной информацией, полученной от консула Германии в Шанхае. Оценка ее в Москве стала и первой высокой оценкой работы «Рамзая» в качестве военного разведчика. А резидент-«хромая утка» Гурвич-Горин еще в конце января отправил в Центр сообщение, начинавшееся словами: «Даю дружественную беседу Рамзая с шанхайскими генералами и генконсулами». «Дружественная беседа» проливала свет на противоречия Гоминьдана и шанхайской олигархии и на перспективы грядущего обострения гражданской войны. Кроме того, «Рамзай» раздобыл карту дислокаций частей китайской Красной армии, аналитические материалы с оценкой противоборствующих сторон внутрикитайского конфликта. Одновременно бывший унтер-офицер Зорге свел знакомство с немецкими ветеранами — военными инструкторами, наезжавшими в Шанхай из Нанкина. В результате в начале марта Улановский зафиксировал для Центра новый источник информации: «По заявлениям немецких инструкторов Рамзаю»¹⁴². Все это — за первые три месяца работы в Китае.

Рассказывая потом японским следователям о своей работе в Шанхае, Зорге говорил, что в Москве он получил задание, состоящее из девяти пунктов:

- «1) анализ деятельности постепенно усиливавшегося Нанкинского правительства в социально-политической области;
- 2) изучение военной мощи Нанкинского правительства;
- 3) анализ деятельности различных группировок в Китае в социально-политической области, а также их военной мощи;
- 4) изучение внутренней и социальной политики Нанкинского правительства;
- 5) изучение внешней политики Нанкинского правительства в отношении всех стран, особенно Японии и СССР;
- 6) изучение политики Америки, Англии и Японии в отношении Нанкинского правительства и других групп и течений в Китае;

- 7) изучение вооруженных сил других стран в Китае;
- 8) изучение проблем экстерриториальности и сепаратизма;

9) изучение проблем развития сельского хозяйства и промышленности Китая, положения рабочих и крестьян».

Но Зорге не был бы тем беспокойным Зорге, которого мы уже знаем по работе в Германии и в Коминтерне, если бы он сам, «по молчаливому согласию московских инстанций», основываясь на более глубоком и широком понимании проблем Дальнего Востока, чем их представляла Москва, не определил бы для себя дополнительных задач:

«1) наблюдение за новой экономической активностью Германии (особенно в связи со все большим разрастанием группы немецких военных советников);

2) наблюдение за усилением позиции США в Китае (особенно в связи с новыми американскими капиталовложениями в Шанхае);

3) новая японская политика в Маньчжурии и ее влияние на Советский Союз;

4) пристальное наблюдение за намерениями Японии в ходе Шанхайского инцидента и дислокацией японских войск;

5) наблюдение за ухудшением отношений между Нанкинским правительством и Японией»¹⁴³.

Очевидно, что решение всех этих вопросов, какими бы личными выдающимися качествами ни обладал разведчик, было бы невозможно без самого главного: надежной легализации Зорге. Выступая в качестве корреспондента «Дойче тетрайде-цайтунг», Зорге, либо не подписывавший своих статей, либо ставивший буквы «Д» (Джонсон) или «И» (Ика), никогда не был просто репортером. Он стал ценен своим редакторам, издателям, а главное, читателям, как прекрасный аналитик, глубоко вникающий в изучаемую тему. Подтверждением этому служил тот факт, что свою первую статью о сельском хозяйстве Китая Ика Рихардович отправил в Берлин 9 февраля, когда до швартовки парохода в Шанхае оставались еще сутки. Материал назывался «Экспорт сои через Дайрен». На следующий день (!) появилась статья «Урожай сои в Маньчжурии», а до 16 февраля еще три, посвященные вопросам экспорта из Китая сои, арахиса и кунжута. Забе-

гая вперед стоит отметить, что затем в аграрных корреспонденциях Зорге наступила большая пауза, но до середины 1932 года он написал еще 11 больших материалов на те же темы: экспорт арахиса, сои и соевого шрота, кунжута, муки, пшеницы и т. д.¹⁴⁴ Некоторое выпадение корреспондента «И» из соевой темы весной 1930 года объяснялось тем, что «Рамзай» на время был вынужден сменить место жительства. По разным данным, 9 или 15 мая Зорге покинул Шанхай и, по требованию резидента, переместился в Кантон. Там он пробыл полгода и там же близко познакомился с радистом Максом Клаузенем.

КАНТОНСКОЕ ЛЕТО

Кантон (Квантун) — старое название еще одного из крупнейших, после Шанхая, городов Китая — Гуанчжоу. Он был «открыт» иностранцам первым в Китае. Поскольку в переписке Зорге употреблялось название Кантон, то и мы будем придерживаться его во избежание путаницы. В городе тоже существовал международный сеттльмент, где Зорге снял квартиру в пансионе одной датчанки. Близость же Кантона к Гонконгу — форпосту Британии на Дальнем Востоке и более активные экономические связи с южными регионами страны, где действовали местные «независимые» генералы, оппозиционные Нанкину, делали этот город почти таким же лакомым куском для разведок разных стран, как и Шанхай. В Кантон Зорге выехал не один, а с женщиной. Его сопровождала та самая Агнес Смедли, о которой он много слышал, еще работая в Коминтерне, и с которой очень хотел познакомиться начиная с 1928 года.

Смедли была американкой, она родилась в 1892 году на ферме близ городка Осгуд, штат Миссури¹⁴⁵. Отец ее принадлежал к коренному населению страны, а мать, женщина европейского происхождения, работала то на ферме, то подряжалась прачкой. В 1901 году семья переехала в Тринидад, штат Колорадо, где в следующие несколько лет Агнес стала свидетелем многочисленных забастовок шахтеров, измученных нечеловеческими условиями труда. Отец, бывший разнорабочим на шахте, вскоре исчез из семьи, и, по некоторым данным, Агнес не смогла получить даже школьного образования. Однако уже в семнадцатилетнем возрасте она преподавала в местной сельской школе, хотя и недолго: в 1910 году умерла ее мать, и девушка продолжила получать образование (впрочем, весьма хаотично: в педагогическом училище в Ари-

зоне, на вечерних отделениях Нью-Йоркского университета, педагогического института в Фениксе, на курсах при Калифорнийском университете в Беркли), зарабатывая на жизнь в качестве разносчицы газет или машинистки. В одной из школ Аризоны, где она работала редактором школьной газеты (это были первые публикации Агнес), она познакомилась с братом и сестрой Брандин (*Brundin*). Они были социалистами и скоро увлекли своими идеями потенциально готовую к этому Агнес. Вскоре все они покинули Аризону и отправились в Сан-Франциско, где в 1912 году Агнес вышла замуж за Эрнста Брандина, с которым развелась в начале 1917 года и переехала в Нью-Йорк. Это стало началом карьеры этой женщины, пассионарности которой мог позавидовать и Зорге.

Уже через год Смедли, работавшая в социалистической газете «Нью-Йорк колл», была арестована разведкой ВМС США по обвинению в нарушении закона о шпионаже, но провела в тюрьме лишь два месяца и вышла под залог. Агнес, никогда не забывавшая о своем происхождении и, кстати, обладавшая довольно необычной внешностью, вступила в тайное общество... индийских эмигрантов, боровшихся в США против британского владычества. Став гражданской женой одного из лидеров организации — Вирендраната Чаттопадья (Чандропадайя; *Virendranath Chattopadhyaya*), Агнес оказалась с ним сначала в Германии, а потом и в Москве, где приняла участие в работе III конгресса Коминтерна. Осев в итоге в Германии, Смедли занялась пропагандой индийского национально-освободительного движения, подготовив к печати, помимо всего прочего, монографию «Индия и будущая война». Это помогло ей приобрести теоретические знания по проблемам Индии и Азии вообще и дало возможность закончить к 1928 году рукопись книги «Дочь Земли». Тяга Агнес к Востоку превзошла стремление вернуться на родину ее мужа. Поэтому, когда в 1928 году Смедли в качестве корреспондента «Франкфуртер цайтунг унд хандельсблатт» и нескольких итальянских (!) газет отправилась через Москву в Китай, Чаттопадья не последовал за женой и остался в Москве (где и был расстрелян девять лет спустя по стандартному обвинению в шпионаже).

Прежде чем в мае 1929 года поселиться в Шанхае, Смедли побывала в Харбине, Тяньцзине, Пекине и Нанкине. Обла-

дающая легким пером и острым глазом, Смедли стала популярным в Германии автором репортажей как, собственно, о Китае, так и о своеобразной жизни шанхайского международного сеттльмента, подготовив для «Франкфуртер цайтунг» около шестидесяти статей за четыре года.

Сразу по приезде в этот город ее встретили трое коллег-журналистов. Позже Агнес вспоминала: «Они сами рассказали мне, что японцы располагают в Китае самой лучшей агентурной сетью и что у них можно узнать много нового. "Разумеется, речь при этом идет о северных районах, — говорили они. — На юге особенно сильна британская разведка. Можете быть уверены, что ей точно известно, когда вы прибыли в Китай, и все остальное о вас тоже, вплоть до того, как часто вы меняете нижнее белье"». «Нижнее белье» Смедли должно было особенно интересовать шанхайскую, и не только, полицию в связи с тем, что на месте она немедленно включилась в работу следующих организаций (с некоторыми из них она была связана еще в Берлине): «Ассоциация Индостана», «Индийское революционное общество», «Друзья Советского Союза», «Всекитайская федерация труда», «Китайская лига защиты прав человека» и т. д. Смедли очень быстро связалась с Коммунистической партией Китая (сама она в ней никогда не состояла) и людьми из Коминтерна в Шанхае, причем по своей, а не по их инициативе. Агнес Смедли была настоящим кладом для любой разведки, оперирующей в Китае, но ее идейные предпочтения не оставляли сомнений в том, кто мог получить от нее интересную информацию. При этом сама она не особенно таилась и порой вела себя дерзко и вызывающе.

Через полгода после описываемых событий с ней познакомилась будущая помощница Зорге Урсула Гамбургер (урожденная Кучински, позднее ставшая известной как Рут Вернер): «Вспоминаю, что мы договорились встретиться на следующий день, и я нарисовала ей по телефону свой портрет: "Двадцать три года, рост один метр семьдесят, очень темные волосы и большой нос". Она расхохоталась и отпарировала: "Тридцать четыре года, среднего роста, особых примет нет". Следующий день было 7 ноября — 13-я годовщина русской революции. Я купила для дома красные розы, чтобы хоть что-то напоминало мне об этом дне. Как чудесно мы

всегда праздновали 7 ноября в Коммунистическом союзе молодежи! Мы договорились о встрече в центре города и сразу же узнали друг друга. Агнес держала в руках букет красных роз, похожий на тот, что стоял у меня дома. Она хотела подарить его представителю ТАСС по случаю 7 Ноября. Если не ошибаюсь, мы сидели в кафе. Агнес подробно меня расспрашивала, и поскольку я узнала ее взгляды и очень ей симпатизировала, то впервые после прибытия в Шанхай я не стала делать тайны из своего мировоззрения. Я упомянула, что очень страдаю от своей изоляции, но не просила ее помочь мне установить контакты, поскольку не знала, коммунистка она или нет... Агнес выглядит как интеллигентная работница. Просто одета, редкие каштановые волосы, очень живые, большие темно-зеленые глаза, отнюдь не красавица, но черты лица правильные. Когда она отбрасывает волосы назад, виден большой, выступающий вперед лоб. Ей здесь нелегко. Европейцы ее не принимают, поскольку она их глубоко оскорбила. По случаю ее приезда американский клуб с феодальными замашками устроил чай. Агнес пришла и, интересуясь всем, что имеет отношение к Китаю, спросила, есть ли здесь кто-либо из китайцев. "Нет, — ответили ей, — среди членов клуба китайцев нет". "А среди гостей?" — спросила она. Ответ: "Китайцам не разрешено посещать клуб". После этого она поднялась и ушла.

Англичане ее ненавидят, так как в прошлом она принимала участие в революционном движении в Индии. Китайцы также следят за каждым ее шагом, хотя она действительно является здесь корреспонденткой "Франкфуртер цайтунг"».

Урсула и Агнес стали настоящими подругами и боевыми товарищами. Они встречались почти каждый день или, во всяком случае, непременно перезванивались. Для молоденькой немецкой разведчицы ее американская коллега стала несомненным авторитетом во многих областях жизни, и Урсула объясняла, почему это произошло: «Агнес обладала выдающимися качествами. В своих книгах она выступала на стороне китайского народа. Она многим пожертвовала ради освободительной борьбы в Китае. В то же время настроение ее часто менялось, подчас она была весела, заражала всех окружающих своим юмором, но еще чаще пребывала в подавленном, мрачном настроении, которое сказывалось на ее

здоровье. Возможно, ей нужны были моя уравновешенность и мой оптимизм. Кроме того, я всегда была к ее услугам. Если она чувствовала одиночество, я ее навещала. Если ее угнетала депрессия, она могла позвонить мне в три часа ночи, я вставала и шла к ней. Вскоре после начала нашей дружбы Агнес сказала мне, что по своим взглядам и делам она с нами, но ей слишком сложно подчиняться нашей партийной дисциплине.

Возможно, что во времена нелегальной борьбы она не хотела даже мне признаваться в своей принадлежности к партии. Но мне думается, что она говорила правду. Я боготворила Агнес. Мало было людей, которые бы сделали столь много для моего развития. Однако я с ней не соглашалась, когда ее неожиданные, эмоциональные оценки развития политической ситуации приобретали расплывчатый характер. Мы спорили, и она уходила разгневанная. Проходило несколько часов, и она звонила мне, как будто бы ничего не произошло, и я была рада ее вновь хорошему отношению ко мне»¹⁴⁶.

Несмотря на столь эпатажное поведение, а быть может, наоборот — используя его, Агнес Смедди, едва приехав в Китай, необыкновенно быстро обросла интересными знакомствами буквально во всех сферах не только международного шанхайского, но и китайского общества. Более того, очень скоро она нашла конфиденциальные контакты в окружении Чан Кайши и сблизилась со вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, жившей в Шанхае. Сестра Цинлин — Сун Мэйлин была женой Чан Кайши, а их брат Сунь Цзюйвэн являлся министром финансов — главной фигурой нанкинского правительства. Юлиус Мадер считал, что именно эти связи помогли Зорге в первую же неделю после прибытия стать членом престижного «Китайского автомобильного клуба», президентом которого был сам Чан Кайши. Будучи, благодаря таким контактам, в курсе малейших политических и экономических изменений, Смедди занялась еще и созданием специальной картотеки на высших чинов армии Гоминьдана, куда включала не только служебные характеристики, но и информацию интимного характера: рост, вес, количество и имена жен и любовниц. «Коллекция» Смедди насчитывала досье на 218 китайских генералов. Неудивительно, что эта женщина была необходима

Зорге как воздух: в качестве вербовщика, информатора, собеседника, единомышленника, друга.

Неясно, когда именно они познакомились, но очевидно, это произошло вскоре после его приезда в Шанхай. Похоже, что притирка характеров двух сильных личностей проходила нелегко. Во всяком случае, непростой нрав Агнес отмечал и Зорге. Характеризуя ее как агента (она носила в его списке номер 4), он писал: «№ 4. Анна. Источник связан с широкими кругами журналистов и политических деятелей. Поступающая через него информация обильна и ценна, но связь с ним очень сложна и затруднительна. *Качество работы всецело зависит от личных взаимоотношений источника с резидентом*»¹⁴⁷.

«Рамзаю» удалось «подобрать ключик» к Агнес Смедли, и их отношения стали не просто доверительными, но и интимными. Здесь важно понимать, что и Рихард, и Агнес жили в эпоху и в среде первой сексуальной революции XX века. Они спокойно, раскрепощенно и даже радостно относились к свободным отношениям и не особенно скрывали их от окружающих. Интересно писала об этом дочь Улановских Майя: «Отец (Улановский-«Шериф». — А. К.) хорошо относился к Зорге, уважал его, но все же Рихард не был для него "своим в доску". "Все-таки он немец, — говорил отец, — из тех, кто переспит с женщиной, а потом хвастает". Но Зорге вовсе не хвастал своими победами, просто немецкие радикалы были очень "передовыми" в вопросах морали и удивлялись нашей с отцом "отсталости". Ещё в 1923 году в Гамбурге коммунисты и анархисты уверяли нас, что купальные костюмы — буржуазный предрассудок. На общественных пляжах купаться голыми запрещалось, радикалы с трудом находили место для купанья, и мы смеялись: "В этом заключается вся их революционность!" Немцы были также очень откровенны насчет секса. Поэтому Зорге запросто рассказывал о своей связи с Агнес Смедли, ведь она была своим человеком, коммунисткой, к тому же незамужней. А отца его откровенность корбила»¹⁴⁸.

В мае Зорге и Смедли вместе уехали в Кантон. Не вполне понятно, в каком качестве Агнес сопровождала Рихарда в профессиональном смысле, но он, хорошо знающий ее репутацию еще с «докитайских» времен, должен был понимать,

что за этой женщиной почти наверняка установлено полицейское наблюдение. С другой стороны, поездка в новый для него китайский город с более опытной коллегой, также работающей в немецкой газете, выглядела вполне обоснованной. Так или иначе, но 27 мая из Кантона была отправлена первая телеграмма в Центр с изложением ситуации в южном Китае. Источниками получения информации стали местный германский консул, корреспонденты двух газет (китайской и американской) и... Агнес Смедли. Прибывший туда в июне Улановский констатировал широту связей «Рамзая» и в то же время их легальность. Все информанты Зорге в Кантоне не были его агентами в полном смысле слова, а лишь делились — по разным причинам — информацией, которая становилась известна им нередко случайным образом. Улановский подтвердил Москве, что «Рамзай легализован хорошо», но пожаловался на излишнюю самостоятельность своего сотрудника, убывшего в командировку: Зорге, имея в своем распоряжении радио, предпочитал общаться с Центром напрямую, минуя резидента¹⁴⁹.

Радио в Кантон с большим риском доставили Клаузен и Мишин. Первому из них предстояло сыграть важную роль в дальнейшей истории «Рамзая» и его группы, а потому об этом человеке надо рассказать особо.

Макс Готфрид Фридрих Кристиансен-Клаузен родился 27 февраля 1899 года на острове Нордштранд на севере Германии в семье каменщика. В три года он лишился матери, сумел окончить сельскую школу, работал по найму у местных богатых землевладельцев, то есть попросту батрачил, научился кузнечному и слесарному ремеслу. В 1917 году Клаузена призвали в армию, где ему пришлось познакомиться с основами связи и электротехники, а заодно и с социалистами, которые нашли в бывшем батраке благодарного поколоники идей Маркса и Энгельса. Окончив школу связистов, Макс был направлен на фронт во Францию, где получил отравление боевыми газами, пытался демобилизоваться, но неудачно, хотел дезертировать, но был пойман. Наконец Клаузена отпустили домой в связи с печальными обстоятельствами: в 1919 году умер его отец, а за неделю до конца войны погиб брат, тоже служивший в армии. Неудивительно, что ставший после демобилизации моряком и обошедший на корабле пол-

мира Клаузен сохранил в душе стойкое отвращение к войне и в конце концов примкнул к прокоммунистически настроенным матросам, ратовавшим за мир во всем мире. В 1922 году он был уволен с флота и арестован на три месяца за участие в забастовке моряков — это решило его судьбу окончательно.

Оставшись без работы и средств к существованию, Макс стал профсоюзным активистом в Союзе красных фронтовиков (название этой немецкой организации говорило само за себя) и в Германском союзе матросов, тесно связанном с компартией Германии. В 1927 году Клаузен вступил в нее и оказался в поле зрения советской разведки, искавшей иностранных коммунистов с опытом жизни за границей и навыками связистов. В 1928 году бывший моряк оказался в Москве, в так называемом «шоколадном домике» в Большом Знаменском переулке, 19, где тогда располагалась штаб-квартира Четвертого управления Штаба РККА. Пройдя подготовку к работе в качестве радиста, зимой 1929 года Макс Клаузен, ставший на время Максом Шенком, прибыл в Шанхай. К приезду туда Зорге он считался уже опытным работником. Они быстро нашли общий язык: оба были фронтовиками, ненавидевшими войну, оба работали в Гамбурге, хотя и в разные годы, оба готовы были рискнуть жизнью в советской разведке ради светлых идеалов будущего. И все же... находилось и то, что делало их совершенно разными. Макс еще долгое время не мог избавиться от следов своего пролетарского происхождения, оставался несколько неотесан и простоват, но при этом совершенно по-бюргерски прижимист, расчетлив, и не слишком интересовался тем, что не касалось его любимых радиосхем, электроламп, передатчиков и приемников — радистом он был от Бога. Рихард по-прежнему оставался многолик, умея быть «своим в доску» для матросов и чувствовать себя органично среди аристократов. Всю жизнь следуя высокой идее, он непрерывно учился и давал себе только одну поблажку: позволял чувствовать себя свободным везде, но и это умение мастерски использовал в профессиональных целях.

Расслабленно-буржуазный стиль поведения Зорге Клаузен оценил еще при встрече в Шанхае: «Рихард предпочитал носить удобные спортивные костюмы с брюками-гольф. При этом из правого кармана его пиджака обычно торчала тол-

стая газета, да так, что ее название еще можно было отчасти разглядеть, а дату выпуска — нет. Если он бывал в кругу немцев — военных или штатских — это были, как правило, "Дойче гетрайде-цайтунг" или "Франкфуртер цайтунг", в англо-американской компании — лондонская "Таймс". Не особо проницательным он казался постоянно озабоченным, неистовым репортером»¹⁵⁰. Встретившись потом в Кантоне и получив положительную оценку легализации в этом городе от Зорге, Клаузен и Мишин планировали проработать вместе до зимы. Рихард собирался заняться развертыванием агентурной сети в южном Китае, а Макс и Константин налаживали прямую радиосвязь с Владивостоком. Но обстоятельства неожиданно изменились.

Александр Улановский уже бывал раньше в Шанхае и Ханькоу: в 1927 году он под своей настоящей фамилией посетил эти города с делегацией Тихоокеанского секретариата профсоюзов — откровенно «красной» организации. Неудивительно, что в тесном кругу международного сеттльмента «Шерифа» ожидали незапланированные встречи. Сначала его опознал на улице один немецкий торговец. Последствий для Улановского это не имело, но пришлось держаться подальше от немецкой диаспоры. Затем с ним столкнулся некий «капитан Пик», бывший сотрудник ОГПУ и небезвестный актер-любитель, известный также под фамилиями Кожевников, Хованский, Хованс, Пик, Ключе, Петров, Шасс и др.¹⁵¹ В 1927 году «Пик» бежал из советской миссии ОГПУ в Китае в Шанхай, где установил сотрудничество с английской разведкой, а возможно, и с некоторыми другими. Кроме того, на жизнь бывший чекист зарабатывал шантажом, мошенничеством, рэккетом и даже успел отсидеть несколько месяцев в китайской тюрьме. Улановского «Пик» знал в лицо и был в курсе его связей с советской разведкой. Дальше больше: в первых числах февраля «Шериф» снова встретил на улице одного старого знакомого: с Рафаилом (Фолей) Курганом они вместе работали в красном подполье в Крыму во время Гражданской войны, но в мирное время Курган, став чиновником, допустил растрату и теперь скрывался от советских властей в Шанхае. Улановский с согласия Центра завербовал Кургана, присвоив ему псевдоним «Кур». «Шерифу» показалось, что старый знакомый развернул активную деятельность: вме-

сте они «завербовали» бывшего члена сибирского правительства эсера Валериана Моравского. Не попасть впросак окончательно помогла Москва: Центр числил Моравского в агентах японской разведки, поэтому посоветовал быть Улановскому поосторожнее, и уже к лету «Шериф» отказался от услуг бывшего эсера после попытки того подставить под вербовку японского разведчика Манабэ.

Вместе с «Куrom» Улановский завербовал еще двух перспективных, как ему казалось, китайцев, надеясь выйти через них на партийных лидеров Гоминьдана, и сына владельца местного игорного клуба. Последний, получивший псевдоним «Чанг», в свою очередь нашел трех платных осведомителей для резидентуры в Нанкине, предложивших купить фотокопии ведомостей большинства китайских арсеналов за 1928—1929 годы. Сумма, которую просили китайцы, была очень велика — около трех тысяч «амов», но получение такой информации дало бы возможность советской разведке оценить оснащение вооружением и боеприпасами гоминьдановской армии, и Центр согласился на аргументы Улановского. Неожиданно 12 июня резидент сообщил, что агент «Кур», получивший более тысячи «амов» для оплаты услуг китайцев, исчез еще в конце мая. Фоля Курган и его жена знали Улановского в качестве резидента, им был известен его домашний адрес в Шанхае и даже то, что жена Улановского — Надежда работала здесь в качестве связной под кличкой «Шарлотта». Катастрофы удалось избежать только по счастливой случайности: «Кур», проиграв украденные деньги в карты, вернулся и попросил у Улановского еще.

«Шериф» в это время, пытаясь реабилитировать себя в глазах Центра, приступил к легализации прибывшего из Москвы корейца «Ветлина» («Вилли»), знающего китайский язык. Кореец оправдал надежды резидента, сумев установить утраченный разведкой в 1927 году контакт с ценным агентом — китайцем Цзяном, сыном генерала, ставшим коммунистом. В будущем Цзян показал себя как честный, смелый и толковый разведчик, хороший вербовщик и находчивый человек. В общей сложности он привлек к сотрудничеству пять человек в Шанхае и Нанкине, через которых нашим разведчикам удалось получить важную информацию военного характера. «Шериф» смог восстановить контакт и с ранее за-

вербованным Като Гинъити («Жорж»), который в будущем станет одним из наиболее ценных агентов группы «Рамзая», и еще одним «Жоржем», но на этот раз не японцем, а китайцем, работающим в Ханькоу. Необходимо отметить, что псевдонимы агентам в те времена присваивали резиденты. При смене резидентов агенты через некоторое время нередко возобновляли сотрудничество, а вновь прибывший начальник тем временем новым агентам назначал имена старых, из-за чего постоянно возникала неразбериха (это не считая того, что каждый агент получал еще и цифровой номер, а резиденты, в целях конспирации, постоянно меняли и эти номера, окончательно запутывая Центр в том, кто есть кто).

Москва в письме от 3 августа в целом положительно оценила усилия Улановского по развертыванию агентуры, заметив, что Центр указывал ему на опасность сотрудничества с бывшими белогвардейцами и вообще сомнительными лицами¹⁵². «Шерифу» предложили больше работать с китайцами. Но и среди них Улановский только что пережил провал, лишившись сети из четверых агентов в Нанкине, один из которых был расстрелян. Как раз к выговору из Москвы подоспел и вернувшийся «Кур», решивший шантажировать «Шерифа» и «Шарлотту». Всю вторую половину лета Фоля Курган добивался денег от своего бывшего друга, угрожая даже самоубийством в его доме. Затем он исчез так же внезапно, как перед этим появился, но вместо него домой к резиденту пришел «капитан Пик» и представился сотрудником французской разведки и китайской контрразведки одновременно. Он сообщил, что «Кур» арестован за мошенничество, и потребовал от Улановского денег на выкуп. «Шериф» отказал, и теперь уже провал был очевиден. В конце августа Улановский предложил назначить новым резидентом в Шанхае «Рамзая», хотя существовали подозрения (к счастью, не подтвердившиеся), что провален и он.

«Шериф» и «Шарлотта» срочно покинули Шанхай, по пути заехав в Гонконг, где состоялась их встреча с Зорге. «Рамзай» получил приказ о приеме дел резидентуры и возвращении в Шанхай. В свою очередь Зорге сообщил в Центр об успешном налаживании связи на юге Китая, получил команду сохранить радиопункт в Кантоне и одобрение своих действий.

Прибывший в Москву Улановский рассказал о трудностях работы в Китае, и сотрудниками Четвертого управления был проведен тщательный анализ причин его провала. Вкратце они сводились к нарушению правил конспирации, полной неспособности к работе на местности и абсолютному незнанию страны пребывания, неготовности к оперативной работе в конкретных условиях иностранной диаспоры (например, неумению играть в гольф и теннис и танцевать, что совершенно недопустимо для представителей тех слоев европейского общества, за членов которых пытались выдавать себя советские разведчики, а также элементарному неумению общаться в светском кругу). Отвратительно был поставлен вопрос легализации, начиная с использования крайне грубо сработанных фальшивых паспортов, неумения пользоваться фототехникой, отчего значительная часть доложенных материалов просто не могла быть прочитана, и многих других проколов. Шанхайский сюрприз руководителя Зорге дорого стоил советской разведке: «Феномен Улановского был уникальным и единственным в своем роде — его работа в качестве нелегального резидента военной разведки сопровождалась постоянными провалами (за исключением пребывания в США в 1932—1943 гг.): Китай (1930), Германия (1931), Дания (1934—1935)... Следствием последнего провала А. П. Улановского явилось освобождение Я. К. Берзина от должности начальника Разведывательного управления РККА»¹⁵³.

Временным резидентом в Шанхае после отъезда Улановского в Москву был назначен Рихард Зорге — «Рамзай».

ОТ КРИЗИСНОГО МЕНЕДЖЕРА К УСПЕШНОМУ РЕЗИДЕНТУ

Назначение Зорге на место «Шерифа» совпало по времени с важными событиями китайской внутренней политики. В конце лета 1930 года недолгий и хрупкий мир между нанкинским правительством Чан Кайши, «северными» генералами и мукденским правительством «молодого маршала» Чжан Сюэляна дал трещину. 8 сентября Зорге вернулся в Шанхай в качестве временного резидента, а 18 сентября маршал Чжан, в руках которого была значительная часть Северо-Восточного Китая, более известная как Маньчжурия, выступил против своих конкурентов, прежде всего маршала Фэн Юйсяна — своего основного противника на севере. В результате совместных действий армий Нанкина и Мукдена 23 сентября Чжан Сюэлян вошел в старую китайскую столицу — Бэйпин (так назывался в 1928—1949 годах Пекин), подчеркнув тем самым свою особую роль в союзе с Чан Кайши. Китайская политика начала новый виток своего развития, и Москве требовались свежие сведения о том, что происходит, а главное — о том, что будет происходить в огромной стране.

Неудивительно, что шанхайская резидентура Четвертого управления в это время работала особенно напряженно. В конце сентября 1930 года Зорге отправил в Центр подробную информацию как о политической составляющей происходящих процессов с подробным описанием противоборствующих сил, так и о некоторых их военных аспектах. В начале октября «Рамзай» доложил о скором вооруженном столкновении Нанкина с Мукденом. Информация об этом поступила от источника, близкого к министру финансов правительства Чан Кайши. Кантонская группа резидентуры Зорге сообщила, в свою очередь, в Москву о реорганизации

воинских частей и военного училища в Вампу, а также о прибытии туда германского летчика-инструктора, героя Первой мировой Курта Бертрама. В день своего рождения — 4 октября — Зорге сообщил о расколе внутри мукденского правительства из-за несогласия группы генералов Чжан Сюэяна с политикой поддержки Нанкина. На следующий день Зорге получил ответ из Центра, в котором его информация была признана верной и ценной. В Москве обратили внимание на то, что она добывалась не из газет, а агентурным путем, и потому носила особенно важный характер, а при получении «расписывалась» не только высшему военному руководству страны, но и докладывалась в ИНО ОГПУ и Наркомат иностранных дел: Штерну, Уборевичу, Гамарнику, Тухачевскому, Карахану, Мессингу¹⁵⁴. Возможно, это было одним из лучших поздравлений с днем рождения, которые получал Зорге в своей жизни. Помимо оценки его работы, Центр передал и новые указания: раскрытие политической ситуации в отношениях между Нанкином и Мукденом, более внимательное отслеживание действий китайской Красной армии и т. д.

Еще один «подарок» из Москвы ждал Зорге в середине сентября. В Шанхай под именем Фрейлиха прибыл некий Август Юльевич Гайлис — бывший пастух и латышский стрелок, а ныне член Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае и одновременно высокопоставленный сотрудник Четвертого управления Штаба РККА. Его сопровождали военный разведчик Василий Малышев и военный советник ЦК китайской компартии Л. С. Фельдман. Понятно, что все правила конспирации и инструкции, запрещающие разведчикам контактировать с представителями Коминтерна за рубежом, летели в таком случае в тартарары, и вскоре «Рамзай» сообщил условия встречи в Шанхае на улице Валлон¹⁵⁵, 85, а также пароль и отзыв для «Фрейлиха». Зорге должен был обеспечить Гайлиса комплектами для четырех раций, которые тот собирался взять с собой в «поход на Ханькоу». Не имевший соответствующего образования и опыта, явно переоценивающий свои способности и возможности, дошедший до командования «Фрейлих» был полон решимости пробраться в районы Китая, контролируемые Красной армией, развернуть подготовку радистов для нее в Шанхае, организовать спецшколу (!) на 20 человек с учебным планом,

предусматривающим обучение в течение пяти месяцев, организовать регулярные маршруты для переброски радистов вглубь Китая, а заодно открыть в Шанхае еще и военно-политическую школу (!) для подготовки руководящих кадров китайской Красной армии. Единственное, чего не учел Гайлис, так это того, что все это надо было исполнить в Китае, а не в Москве. На практике оказалось, что создать под крылом военной разведки и Коминтерна школы по подготовке кадров для коммунистического движения в антикоммунистическом гоминьдановском Китае, в условиях жесткой работы нанкинской контрразведки, английской, французской и японской разведок, было совершенно невозможно. Что касается прокладки постоянной «зеленой тропы» в советские районы Китая, то даже одному Гайлису проникнуть туда, преодолев сотни километров вглубь чужой, экзотической страны, оказалось не по силам, тем более что ни «Фрейлих», ни его спутники не владели не то что китайским, но даже и английским языком. К тому же совершенно неожиданно выяснилось, что международный сеттльмент Шанхая не так велик, как представлялось в Москве, и в первые же дни своего пребывания Гайлис встретил здесь пятерых (!) знакомых по обучению в Коммунистическом университете трудящихся Китая и в военной академии советской столицы, которые его немедленно опознали. За пределы сеттльмента «товарищи» выйти теперь не могли, так как полиция уже знала о их прибытии и получила ориентировки для задержания. «Одним словом, дело — дрянь», — с пролетарской решительностью доложил Гайлис в Москву Берзину¹⁵⁶.

В это время Зорге, хотя и считавшийся «временным резидентом», успел провести еще ревизию сил и средств резидентуры, принял в качестве агента японца «Жоржа», отказавшись от китайца «Жоржа» в Ханькоу, москвича-корейца «Вилли», но потерял связь с «Цзяном» в Нанкине, запросил у Центра новый бюджет и отправил в Москву большую телеграмму на имя начальника военной разведки Яна Карловича Берзина (настоящее имя — Петерис Янович Кюзис). Зорге представил, по сути, политический доклад об обстановке в Китае, в котором особо акцентировал внимание Москвы на обострении внутренних противоречий между Чан Кайши и Чжан Сюэляном и на отказе от дальнейшей борьбы «север-

ного милитариста» Фэн Юйсяна, выведшего свои войска из боевых столкновений и затаившегося в ожидании изменения обстановки. Чуть позже «Рамзай» отправил дополнительную информацию о политической ситуации в лагерях противников и состоянии армии Фэна на основании данных, полученных от японских и германских источников. Центр отреагировал одобрительно: «Взятая Вами линия информации правильна» и дал команду сосредоточиться на освещении позиции Нанкина на советско-китайской конференции, получить дополнительную информацию по мнению иностранных держав на эту тему, продолжать отслеживать политику Чана, Чжана и освещать военные вопросы, связанные с подавлением «красных»¹⁵⁷.

Москва, формально продолжая воспринимать «Рамзая» как агента, а не постоянного полноправного резидента, направила в Шанхай латыша Евгения Густавовича Шмидта (настоящая фамилия — Калнынь), известного под кличками «Филипс» и «Фриц», на усиление резидентуры, пока не будет подобран постоянный руководитель шпионской группы. Центр планировал, что как только замена Зорге будет найдена, «Рамзай» переедет в Гонконг, Вейнгарт с рацией — в Макао, Мишин развернет новую рацию в Ханькоу, а Клаузен вернется в Москву. За исключением последнего — срок командировки Макса действительно заканчивался — остальные перемещения сегодня трудно оценить с точки зрения целесообразности, но в любом случае эти планы остались только на бумаге. Правда, к концу октября Шмидт приехал в Шанхай, заметил, что «ситуация критическая в связи с отсутствием денег», но дальше этого не пошел. На обязанности резидента он не претендовал, телеграммы в Москву они с Зорге подписывали вместе, обратная же корреспонденция и вовсе шла только на имя «Рамзая». Четкие изменения произошли лишь в терминологии: по требованию Центра теперь в переписке «рация» и «радист» стали «мастерскими» и «мастерами», «немецкие военные инструкторы», с которыми работал «Рамзай» — «профессорами», названия китайских городов заменялись на европейские с совпадающей первой буквой — например Шанхай — Штеттин, Гонконг — Гаага и т. д.¹⁵⁸ Запрошенных на резидентуру денег Центр не прислал.

В ответ в конце октября Зорге, как тогда говорили, «дал информацию» срочного характера о создании в армии Чан Кайши военно-воздушных сил с приложением данных о дислокации и организации каждого из шести созданных авиатрядов. В начале ноября он и Шмидт сообщили, что считают отправку «Рамзая» и «Зеппеля» в Гонконг и Макао («Милан») лишенной здравого смысла. Отправить Мишина в Ханькоу («Гамбург») невозможно физически — у русского радиста быстро прогрессировал туберкулез, и жить ему оставалось не слишком долго. Что касается агентурных сведений, то «Рамзай» констатировал прибытие в Китай еще 20 военных инструкторов из Германии, которые должны были помочь Гоминьдану создать еще 12 новых дивизий. Добытые сведения включали фамилии офицеров, места пребывания и размеры получаемого ими денежного довольствия. Информацию удалось раздобыть с помощью военно-технического советника нанкинской армии обер-лейтенанта (позже — капитана) Фридриха Мёлленхофа¹⁵⁹ (фон Мёлленхофа, в книге Юлиуса Мадера он неверно назван Мёллендорфом)¹⁶⁰ — в его воспоминаниях Зорге предстает «супершпионом», которого наверняка сравнили бы с Джеймсом Бондом, если бы в то время роман о знаменитом агенте 007 был уже написан.

Во второй половине ноября Москва получила сообщение, основанное на агентурной информации из Нанкина, о готовящейся войне против Мукдена и реорганизации правительства. Главное же: министр финансов Сун Цзывэнь едет в США за кредитом на фантастическую сумму в 500 миллионов долларов для борьбы с китайской Красной армией. Ближе к Новому году «Рамзай» сообщил и о провале этой миссии... 28 ноября Зорге, без запроса Центра, сообщил об обсуждении в окружении атамана Григория Семенова большого для белогвардейцев вопроса о захвате КВЖД. На этот раз Семенова якобы собрались поддержать японцы — это послужило тревожным сигналом для Москвы, болезненно реагировавшей на любую активность бывших «белых» на КВЖД¹⁶¹.

Деятельность резидентуры в течение всего года разворачивалась вполне успешно, если не считать нехватки денег, незапланированных трудностей (вроде болезни Мишина), от которых никто не застрахован, и... Гайлиса. В середине ноября «Фрейлих» доложил Берзину, что все-таки органи-

зовал радиошколу в Шанхае и в ней уже учатся 12 человек. В конце ноября — что приступил к прокладке конспиративных маршрутов вглубь Китая, отправил своих людей (то есть китайских коммунистов) в города Сватоу (Шаньтоу) и Амои (Сямынь), но связь с ними была потеряна и, судя по всему, они провалились. Не отказываясь от своей первоначальной идеи, Гайлис хотел теперь организовать «научную экспедицию» в эти районы, для чего требовал привлечь к ее организации Зорге: тот должен был добыть «охранные бумаги» у германского консула, у губернатора Чжан Наньсяня, и сам войти в состав экспедиции. Собственно говоря, Гайлис предложил закрыть резидентуру в Шанхае и бросить все силы для организации своего похода, не задумываясь о том, что даже при самом удачном раскладе вернуться из советских районов и легализоваться в Шанхае заново Зорге уже не сможет. При этом вся переписка «Фрейлиха» с Центром, включая шифровку и дешифровку документов, шла через резидентуру и рацию «Рамзая». Учитывая, что последнему было чем заняться и без коминтерновского активиста, легко представить справедливое раздражение нашего героя.

Зорге и Шмидт отправили незашифрованную телеграмму руководству, в которой практически подвели итоги неофициальной инспекции дел в резидентуре. Главными проблемами они назвали: нехватку шифровальщика, из-за которой на шифровку и дешифровку им самим приходилось тратить много драгоценного времени (здесь же содержался и прозрачный намек на Гайлиса, которого они не имели возможности остановить своими силами); болезнь Мишина, из-за которой пришлось отменить его отправку в Ханькоу (следовательно, стоило повременить с возвращением домой Клаузена — без второго радиста, помимо Вейнгарта, «Рамзая» пришлось бы туго). Из хороших новостей: налажены прочные контакты с немецкими «профессорами»-инструкторами в Нанкине, и Зорге даже собирался к ним в гости. Направлены два агента, на юг, в Кантон; налажена связь с Харбином, но для работы в Гонконге нужна крупная сумма, чтобы легализоваться там под прикрытием какой-нибудь фирмы.

20 декабря неожиданные, но вполне предсказуемые, по здравому размышлению, результаты начала приносить «радиошкола Гайлиса». Ее организатор был вынужден доложить

Берзину, что провалы «китайских друзей» участились до такой степени, что аресты стали практически ежедневными. В самой радиошколе шанхайская полиция взяла всех 12 учеников и их инструктора, на которого, помимо всего прочего, были возложены обязанности по поддержанию радиосвязи ЦК КПК с ИККИ¹⁶². Дорогостоящее радиооборудование конфисковано полицией. Это был полный провал. У сопровождавшего Гайлиса Фельдмана на этой почве обострилась неврастения, и его решили срочно отозвать, а Зорге и Шмидт посоветовали вернуть в Москву и самого Гайлиса. Центр, колебавшись, Гайлиса и Малышева оставил на месте, но дальнейшие контакты с ними сотрудникам резидентуры запретил. Работать разведчикам стало легче.

Михаил Алексеев дает интересный анализ ценности телеграмм, отправленных шанхайской резидентурой в Центр на протяжении всего 1930 года. Если попытаться перевести терминологию штаб-квартиры разведки на всем понятный, например, школьный язык, то получится примерно следующее: часть телеграмм была оценена в Москве как заслуживающие особого внимания, то есть они получили высший балл — «5». За четыре месяца работы резидентуры под командованием прежнего резидента — Гурвича-Горина таких телеграмм Москва получила шесть, за восемь месяцев работы Улановского (вместе с Зорге) — четыре; непосредственно от Зорге (учитывая, что в Кантоне он работал самостоятельно) за девять месяцев — еще четыре. На «четверку», то есть «актуальными и своевременными» были признаны, соответственно, девять, 21 и 46 (!) сообщений. «Малоценных» сообщений (то есть на оценку «удовлетворительно») Центр получил одинаковое количество: по две от Гурвича и от Улановского. Сообщения Зорге такую оценку не получили ни разу. Зато 12 его телеграмм были оценены как «принятые к сведению» — по существу бесполезные. От Улановского (опять же — с участием Зорге) таких было пятнадцать, от Гурвича — шесть¹⁶³.

Таким образом, несмотря на примерно равный (с учетом продолжительности работы) процент особо ценной и, наоборот, ненужной для Москвы информации, первое, что бросается в глаза — чрезвычайно большой объем сообщений Зорге. Резидентура при Зорге работала больше, выдавала на-гора значительный объем сведений, но говорить о их

стабильно высоком качестве пока не приходилось. С другой стороны, имелась существенная разница в содержании, в вопросах, освещению которых придавал особое значение тот или иной резидент. Гурвич-Горин и Улановский акцентировали внимание на военной теме, но, как правило, давали информацию постфактум. Зорге же сконцентрировался на освещении внутренней политики Китая, информацию о которой получал агентурным путем, а оттого она носила не констатирующий, а упреждающий характер. Именно тогда в его сообщениях в Москву появляется фирменный стиль «Рамзая»: он пишет в телеграммах «по моему мнению» и со временем это мнение начинает высоко цениться в Москве.

Уже в следующем, 1931 году Центр еще раз обратился к анализу полученных из Шанхая материалов с целью указать Зорге на допущенные ошибки и наиболее интересные для Москвы направления разведывательной работы в Китае. В этом подведении итогов была, по сути, пересмотрена предыдущая оценка и отмечено, что среди актуальных и своевременных материалов, присланных Улановским, в основном содержатся обзоры по внутренней политике (например, «Положение внутри Гоминьдана») и военные приказы. Материалы, добытые и сообщенные Зорге, Москва оценила выше в первую очередь благодаря большей подтвержденности документами. Было отмечено, что и у нового резидента приняты аналогичные обзоры внутривластной борьбы, а что касается военного аспекта (все-таки Четвертое управление в первую очередь занималось именно военной разведкой), то и здесь «Рамзай» оказался на высоте. За время своей работы он сообщил характеристики и описание действий нанкинской армии в 1930 году, данные по войскам в отдельных провинциях, расстановку сил в борьбе китайских генералов между собой и в борьбе с частями Красной армии в разных провинциях, а также массу ценных документов по организации военного образования в Нанкине и т. д. Существенная претензия была только одна — к качеству представляемых фотографий секретных материалов.

Это был безусловный успех, достигнутый несмотря на провалы Улановского и Гайлиса, из-за которых сам Зорге и другие агенты резидентуры ходили по лезвию бритвы. Кроме того, «Ика Зонтер» или «мистер Джонсон» за прошедший

год стал не только профессиональным, высококлассным разведчиком, о чем свидетельствовал анализ его работы, выполненный Центром, но и одним из лучших специалистов по Китаю среди многонациональной шанхайской журналистской братии. Несмотря на бурные события 1930 года, Зорге умудрялся находить время для изучения экономики и сельского хозяйства Китая и писал статьи для своих франкфуртских работодателей, делая это почти так же активно и с тем же высоким качеством, с каким поставлял секретную информацию для Москвы, активно путешествуя по охваченному войной Китаю и отрабатывая свои журналистские полномочия. В «Тюремных записках» он напишет потом: «Я не мог быть удовлетворен информацией, представляемой членами группы, поэтому и сам лично насколько было можно собирал различные данные и материалы. Хотя в Шанхае и не было посольства, я сразу же вошел в местную немецкую колонию и ко мне стала поступать всевозможная информация. Центром этой колонии было немецкое Генконсульство. Меня там все знали и часто приглашали. Тесно общался с немецкими торговцами, военными инструкторами, студентами, но самой важной для меня была группа немецких военных советников, прикомандированных к Нанкинскому правительству. Из этой группы выборочно общался с теми, кто был осведомлен не только о военных, но и о политических проблемах в Нанкине...

Военные советники часто приглашали меня в Нанкин или приезжали ко мне в Шанхай. Кроме того, я ездил вместе с ними в Тяньцзинь и Ханчжоу. От них же получал различную информацию о внутренних делах Нанкинского правительства, планах военщины, экономике и политических мероприятиях... Сблизившись с немецкими летчиками из Евроазиатской авиакомпания, я мог узнавать о положении в глубинных районах Китая.

Кроме того, несколько раз сам летал туда и всесторонне изучал обстановку в Китае. Таким образом, постоянно расширяя свои знания и читая литературу о Китае, я в результате стал знатоком Китая и мог, готовя сообщения, оперативно давать заключения по самым разным проблемам»¹⁶⁴.

Частично подтверждающий эти слова Зорге обер-лейтенант Мёлленхоф видел работу советского разведчика не-

сколько иначе и представлял ее своим читателям в значительно более захватывающих выражениях: «Зорге сопровождал меня в моих поездках в Ханькоу (ныне — часть города Ухань. — А. К.), в верховья реки Ханьшуй и лёссовые области Северо-Запада Хэнань и Шэньчжэнь (*Shensin*. — М. Б.). В этой поездке Зорге получил обширный материал для исследований и сделал много фотографий, которые он затем выгодно продал американским изданиям.

Еще в течение 1930 года Зорге побывал в Северном Китае, несколько недель провел в Пекине и Тяньцзине и потом внезапно вынырнул в Кантоне во время беспорядков, начавшихся там в ходе гражданской войны.

На рубеже 1930/31 годов мы предприняли экспедицию по Жемчужной реке (имеется в виду р. Чжуцзян. — М. Б.), как выразился Зорге, "по стопам Карла Мая"*..

По возвращении в Шанхай из привезенного с собой материала за неделю была составлена большая картотека, которую Зорге позднее использовал в других целях, о которых с трудом догадывалась японская тайная полиция.

Во время наводнения на Янцзы он участвовал в полетах в Ханкоу с доставкой продовольствия, организованных американским полковником Чарльзом Линдбергом. Из этих рейсов Зорге привез множество фотографий, которые были им проданы в два американских издания...

Помимо немецких советников и нескольких английских, американских и швейцарских друзей, среди знакомых Зорге было несколько белоэмигрантов, таких как бывший офицер штаба адмирала Колчака (в оригинале ошибочно: «бывший царский адъютант и начальник штаба адмирала Колчака». — М. Б.) Лев Жирар де Сукантон, печально известный атаман Семенов, бывший колчаковский генерал Малакин.

"Штаб-квартирой" этой группы был Русский клуб, которым руководила графиня Толстая, якобы правнучка поэта. Буйные попойки устраивались на авеню Жоффра у бело-

* Карл Фридрих Май (1842—1912) — немецкий писатель, автор приключенческих романов, в том числе о благородном индейце Виннету. Считается одним из любимых писателей Гитлера, как, впрочем, и многих других представителей этого поколения.

эмигранта Ткаченко. Здесь произошел знаменитый эпизод, когда Зорге вступил в драку с собутыльником, вздумавшим начать танцевать под музыку Баха, которую Рихард решил послушать среди ночи.

Мёлленхов приписал Зорге создание — от идеи до финансирования — совершенно фантастических планов взаимодействия с русской белой эмиграцией в целях борьбы с "красными". Якобы такой план предусматривал формирование на китайской или японской территории белоэмигрантских частей и соединений приблизительно по 12—15 тысяч человек, обученных и вооруженных заинтересованной стороной. Их целью должно было стать вторжение на советскую территорию в районе порта Аян с последующей оккупацией Якутска... Поручало ли Зорге подобные провокационные действия руководство или он действовал по собственной инициативе — неизвестно»¹⁶⁵.

Реальность, как мы видим, была много прозаичнее и покоилась на бюрократии и конспирации, а не фальшивых заговорах, приключениях в китайских джунглях и попойках в Русском клубе. «Рамзай» работал, работал много и неутомимо, а между тем не мог понять даже, в каком качестве он это делает. Несмотря на то, что Зорге по-прежнему считался «временным резидентом», замену ему подобрать не удалось, а у Москвы возник резонный вопрос: если он так хорошо все делает сам, зачем его менять? Приняв дела в кризисном состоянии, «Рамзай» сумел наладить четко и уверенно функционирующий механизм получения и переправки секретной информации, неожиданно для Центра сопроводив ее своими аналитическими дополнениями и справками. Войдя в работу в странном сочетании новичка и одновременно, как сказали бы сегодня, кризисного менеджера, первую годовщину своей командировки в Китай Зорге встречал как состоявшийся профессиональный разведчик, ставший резидентом пока не де-юре, но уже де-факто.

КИТАЙСКАЯ ПАУТИНА И БЕЗУМНЫЙ МОТОЦИКЛИСТ

Размышляя об успехах, достигнутых Зорге во время работы в Шанхае, поневоле обращаешь внимание на одно кажущееся противоречие. Наш герой жил в международном сеттльменте, но массу важной информации он получал от китайских агентов. Да, это естественно: ведь работал он в Китае, и Москву интересовали сообщения о развитии политической и военной ситуации в этой стране, полученные в первую очередь из внутренних — китайских источников. Но вот выходов на интересных для разведки китайцев — потенциальных информаторов и агентов — было немного. Главной надеждой Зорге на этом направлении стала давно и активно работающая с китайцами Смедли. Она, зная, какую службу представляет в Шанхае Зорге, сама агентом становиться не желала, сотрудничая с ним по идеологическим мотивам, на основе сходства политических убеждений и желания помочь китайским коммунистам в борьбе против Гоминьдана, а также из-за личной симпатии. Зорге в этом смысле оказался прирожденным вербовщиком: притягивая людей к себе за счет внутреннего обаяния, глубокой и искренней веры в дело, которому служит, и широкой образованности, он в дальнейшем сам определял степень полезности для службы того или иного знакомого, самостоятельно принимая решение о возможности и форме конфиденциального сотрудничества. Получалось, что основную массу агентов-китайцев находила для «Рамзая» Агнес Смедли, имевшая широкие связи среди китайских левых. Но американская журналистка могла только посоветовать «мистеру Джонсону» приглядеться к этим людям, поскольку сама не являлась сотрудником резидентуры. Сделать из них агентов советской разведки мог только Зорге и никто другой, и у него это блестяще получалось.

Мы до сих пор не знаем подлинных имен китайских агентов Зорге, но известно, что их было около девяноста человек и среди них числились некие «Ганс» («Ли») и «Эрнест» («Чан») и даже несколько семейных пар: «Рудольф» («Ван») и «Рудольфина», «Тун» и «Тюи» («Марианна»). Известно, что с «Марианной» Зорге познакомил Смедли, а Урсула Кучински (Гамбургер) описывала ее так: «Юная миловидная китаянка с короткой прической, бледным лицом и несколько выпирающими зубами. Она происходила из влиятельной семьи. Как мне помнится, ее отец был гоминьдановский генерал высокого ранга. Он выгнал ее из дома, когда она вышла замуж по своему выбору за одного коммуниста, и она оказалась без всяких средств к существованию. Она отличалась интеллигентностью, мужеством и скромностью»¹⁶⁶. К браку с коммунистом «Марианну» подтолкнули условия ее жизни в богатом доме ее бабки, с нелюбимой (взаимно) матерью и отцом-опиоманом. Будущую агентессу советской военной разведки дважды пытались выдать замуж, но она сумела отстоять свое право на независимость, что тогда было весьма непросто. Затем она уехала на учебу в Пекин, где окончила социологический факультет университета Йенчин (*Yenching*), откуда вернулась в 1926 году в Кантон убежденной социалисткой. Хотя ни «Марианна», ни ее муж «Тун», больной туберкулезом, а оттого не слишком активный работник, так и не вступили в компартию, их взгляды становились все более левыми. Ко времени приезда Зорге в Шанхай они, при поддержке Смедли, издавали прокоммунистический журнал «International Monthly», а «Марианна» стала еще и одним из основателей столь же яро антиимпериалистически настроенной «Лиги социальных научных работников».

Осенью 1930 года Смедли порекомендовала «Марианну» и «Туна» Зорге. Он остался доволен встречей с ними (общение облегчалось тем, что китаянка хорошо говорила по-английски), категорически запретил вступать в компартию и отправил супругов в Кантон. В октябре они прибыли на юг Китая, но поселились сначала в Макао, а затем в Гонконге, откуда в течение следующих двух лет «Марианна» создала эффективную разведывательную сеть в Кантоне и, по оценке Зорге, исключительно успешно руководила ею. У ее мужа все это время прогрессировал туберкулез, ему становилось

все хуже, и после 1932 года он был отправлен на лечение в Пекин на деньги резидентуры, то есть Москвы¹⁶⁷. Именно «Марианна» с мужем рекомендовали Агнес, а значит, и Зорге еще двух китайцев, получивших псевдонимы «Рудольф» и «Ганс», которых «Рамзай» впоследствии исключительно высоко оценивал (в «Тюремных записках» они «Ван» и «Ли»). «Ганс» при этом работал за деньги, хотя и небольшие, и был «не так силен», как бывший член КПК «Рудольф», который к тому же отличался большей скромностью и абсолютной надежностью в денежных делах, как и его жена «Рудольфина». К 1932 году он стал основным агентом-групповодом, на которого замыкались почти все китайские контакты группы Зорге.

Еще до «Марианны» и «Туна» Агнес познакомила Зорге с «Профессором». Настоящее имя этого китайского разведчика известно: Чэнь Ханшэнь действительно был профессором, затем стал академиком, долго преподавал в различных университетах, оставив воспоминания о «Рамзае», и скончался не так давно — в 2004 году. Рут Вернер вывела его в своей книге под именем Петера Янга: «Мне трудно вспомнить, был ли когда-нибудь Петер на встречах с Рихардом, однако порой они через меня передавали друг другу послания. Петер был худ и мал ростом. Он походил скорее на хрупкого юношу, нежели на ученого... Он обладал неиссякаемым запасом остроумия и анекдотов. Они приходили ему в голову в нужный момент, или он сочинял их сам, смеясь над ними вместе со своими слушателями. Возможно, что подобного рода смена обстановки и разрядка были для него необходимы как противовес напряженной и серьезной научной работе и подпольной коммунистической деятельности... Как видный ученый, Петер стоял на таком высоком пьедестале, что общение с ним было совершенно безопасным». Несмотря на ученый профиль своих занятий, «Профессор» обладал обширными сведениями об армии Гоминьдана и в этом качестве был незаменим для Зорге так же, как и «Марианна». Наш герой называл его одним «из умнейших и лучшим образом информированных нанкинских китайцев». Не случайно потом оба эти агента были откомандированы в Японию («Марианна» предварительно окончила школу радистов в подмосковных Химках). Как и Агнес, Чэнь — не коммунист, а лишь симпа-

тизирующий левым интеллигент — тяжело шел на контакт с незнакомыми людьми и работал с Зорге, во многом попав под обаяние личности советского резидента. И, как и в случае с «Марианной», супруга «Профессора» была полностью в курсе его подпольной работы, она тоже сотрудничала с «Рамзаям» и проходила в его отчетах под псевдонимом «Мэри». Со временем ей удалось склонить к работе на группу «Рамзая» жену секретаря Чан Кайши, и Зорге (тоже далеко не сразу, обычно он присматривался к человеку от нескольких недель до нескольких месяцев) начал получать уникальные секретные материалы прямо из сердца правительства Гоминьдана.

Неожиданную идею по увеличению объема информации, которая могла бы заинтересовать Москву, предложила Агнес Смедли. Она учредила в Шанхае «Информбюро», которое занималось переводом китайской прессы на английский язык с помощью квалифицированных драгоманов — профессиональных переводчиков с китайского. В переводимых массивах несекретной информации попадались уникальные сведения, малозаметные на первый взгляд детали, сводя которые воедино умелый аналитик получал возможность делать далекоидущие выводы. «Акционерами» этого бюро в равных долях стали Коминтерн, «Рамзай» и корреспондент ТАСС Р. Ровер, не знавший о том, кто такой Зорге на самом деле. «Информбюро» функционировало до 1936 года и так и не было расконспирировано¹⁶⁸. Его опыт оказался настолько удачным, что, кто знает, может быть, и сегодня по всему миру работают политологические центры, устроенные по схеме, придуманной Агнес Смедли в Китае в начале 1930-х...

Та же Смедли привела в группу «Эрнста» — в прошлом члена китайской компартии, объявленного Нанкином в розыск и скрывающегося в Шанхае. По настоянию «Рамзая» он порвал свои старые связи с КПК, сменил место жительства и стал еще одним важным агентом резидентуры, а его жена освоила важную работу связника между Гонконгом и Кантоном.

Несмотря на то что все китайцы — члены группы «Рамзая» говорили по-английски, руководство ими Зорге осуществлял не напрямую, а через «Рудольфа»: «В Шанхае я был прямо связан только с Ваном, и лишь в исключительных случаях имел дело с другими членами группы. Ван из самых

различных источников добывал информацию и материалы, которые мы вместе анализировали. В случаях же, когда возникала необходимость получить особо достоверные пояснения и сообщения, мы вдвоем с Ваном непосредственно встречались и беседовали с человеком, передавшим информацию и материалы. Все указания и поручения по сбору информации шли через Вана, и, кроме исключительных случаев, я непосредственно не встречался для разъяснения своих указаний с отдельными агентами. Однако если агент приезжал в Шанхай из других мест, то я сам встречался с ним в присутствии Вана.

С течением времени определилось, к каким проблемам каждый агент имеет особые склонности и способности, в связи с чем работа в Шанхае была в основном распределена так, чтобы использовать сильные стороны каждого человека. Агенты в Пекине, Ханькоу и Кантоне занимались самыми различными проблемами без такого распределения функций. Мы встречались поздно вечером и, если позволяла погода, использовали людные улицы. Встречались и в частных домах: в доме Вана, в домах иностранцев, куда я мог запросто заходить. Места встреч меняли, так как легко бросается в глаза, если встречи проходят в одном месте. По возможности мы избегали использовать для встреч мой дом. Работая в такой манере, зачастую перед тем, как начать ту или иную операцию, я вынужден был заранее договариваться и встречаться с Ваном. Однако это не было невозможным, поскольку в то время в Шанхае не было особого риска в подобных делах»¹⁶⁹.

Нетрудно заметить, что у подавляющего большинства агентов, привлеченных к работе Смедли, был один и тот же серьезный недостаток: все они были раньше связаны с китайской компартией (вероятно, некоторые прерывали эту связь чисто формально), некоторые числились в розыске, и на них имелись ориентировки, некоторые одновременно поддерживали связь с Коминтерном. По логике противостояния спецслужб, это, так или иначе, должно было со временем привести их к почти неминуемому провалу. С другой стороны, трудно, а пожалуй, даже и невозможно представить себе — как без помощи местных друзей могла быть успешной работа разведчиков, не знающих китайского языка, не

выросших здесь — в весьма своеобразной, очень закрытой обстановке, нелегальная деятельность людей, отделенных от китайской общности даже внешними расовыми различиями. Идеология оставалась для них единственной основой для взаимопонимания, взаимоуважения, совместной, смертельно опасной работы. У Смедли, Зорге, других иностранцев, работающих в то время в Китае на идею победы коммунизма во всем мире, просто не было другого выхода. Приходилось рисковать и уповать только на конспирацию, надежность «китайских товарищей» да на удачу, главной составляющей которой было отсутствие правил обязательной регистрации населения в Китае, общей полицейской базы, фотороботов и других ухищрений, которые помогают европейским контрразведчикам. По сути дела, одним из главных помощников Зорге в Китае стал сам Китай тех времен с его гражданской войной и всеобщим хаосом. Так что если понимать под удачей и везением четкое знание степеней свобод, своеобразных «люфтов», которые позволяли в то время уходить от полицейского ока, то группе «Рамзая», безусловно, везло.

На работу резидентуры накладывала отпечаток и другая интересная китайская специфика. В некоторой степени группы агентов формировались на основе семейственности. Отчасти это свойственно любой разведывательной работе, и мы можем назвать массу примеров, когда жена помогала мужу в его тайной деятельности, как в случае с Игнасом и Элизабет Порецки, или даже мать вербовала своего ребенка, как это произошло с Каридад дель Рио, чей сын — Рамон Меркадер убил Троцкого. Но в Китае шпионская семейственность приобрела значительно больший размах в связи с особенностями конфуцианского воспитания, которое каждый китаец получил в детстве. В соответствии с ними семья была по сути маленьким государством, в котором все должны быть вместе и заодно. Причем понятие семьи часто толковалось расширительно, как род, и тогда родственников становилось особенно много, и многие из них могли обладать интересными связями и быть облечены доверием тайной службы. В нашем конкретном случае это привело к тому, что к работе в группе, помимо жен и мужей самих агентов, были, например, привлечены дядя «Эрнста», брат жены «Эрнста», сестра жены «Рудольфа» и его шурин — бывший офицер,

получивший кличку «Руди». Завербованный «Рудольфом» китайский коммунист «Лу» привлек к работе двух своих братьев и жену, которая к тому же влюбилась в «Эрнста», о чем знали и «Эрнст», и сам «Лу». И это далеко не полный свод запутанных семейных связей агентов советской военной разведки в Китае.

Разумеется, привлечение каждого нового члена агентурной сети к работе происходило только после серьезной проверки, которую организовывал агент-групповод. Вот, например, что писал Зорге о «Руди»: «Очень серьезный и очень умный человек. Вполне надежный. Пришел к нам только после очень длительной и обстоятельной обработки. Но после этого сразу включился в нашу работу. Работает для нас в качестве информатора, связного и вербовщика в собственных кругах, к которым иначе у нас не было бы доступа»¹⁷⁰. И в то же время, пройдя серьезную проверку, все эти китайские агенты-родственники в значительной степени утрачивали чувство опасности и самым коренным образом нарушали одно из главных правил конспирации, создавая обширные горизонтальные связи: все они не только были родственниками или близкими друзьями, но и хорошо знали, кто чем занимается в разведывательной группе. Более того, в группу было трудно попасть, но не менее трудно было из нее уйти. Все эти агенты получали за работу деньги. Не очень большие, правда, но, тем не менее, в случае прекращения поступления от агента нужной информации прервать отношения с ним было невозможно — он же был членом семьи, он эту семью кормил и, в случае отказа ему в этом, то есть при лишении семьи кормильца, все родственники могли стать врагом бывшего работодателя.

Куда проще было работать «Рамзаю» с иностранцами, тем более что многие из них, как и он сам, говорили по-немецки. Помимо ядра группы, доставшегося ему в наследство от предыдущих резидентов, конечно, главным человеком «из своих» была для Зорге Агнес Смедди, хотя она как раз и не входила напрямую в число агентов. Ее ценные связи не ограничивались китайскими знакомыми. Именно Агнес познакомила Рихарда с женщиной, оставившей для нас ценные воспоминания о нашем герое в дни его работы в Шанхае — с уже известной нам Урсулой Кучински, в первом замужестве

Гамбургер — агенте № 8, работавшей также под псевдонимами «Улла» и «Соня».

Урсуле Гамбургер в 1930 году исполнилось всего 23 года. Она родилась в еврейской семье в Берлине, где помимо нее росли еще четверо сестер и один брат (в далеком будущем именно он переиздаст в ГДР работу Рихарда Зорге «Новый германский империализм»). Брат Юрген, Урсула и ее сестра Бригитта в середине 1920-х годов стали членами компартии Германии. В 1928 году Урсула провела девять месяцев в США, а вернувшись на родину, вышла замуж за архитектора Рудольфа Гамбургера, тоже человека левых взглядов. Рудольф долгое время не имел работы, а потому очень обрадовался, когда нашел ее, пусть и очень далеко — в Шанхае, который в то время активно строился. Беременная Урсула отправилась с мужем в Китай. Там она познакомилась с Агнес Смедли, произведение которой — «Одинокая женщина» (немецкий вариант книги «Дочь Земли») читала еще в бытность в Германии. Дальше дадим слово самой Урсуле Кучински: «Вскоре после нашего знакомства она мне сказала, что в случае моего согласия меня мог бы навестить один коммунист, которому я могу полностью доверять. Товарищ пришел ко мне домой. Это был Рихард Зорге...

Вряд ли мне следует описывать внешность этого необыкновенного человека. Это уже сделано во многих книгах и статьях. Впервые он посетил меня в ноябре 1930 года... Рихарду Зорге было тридцать пять лет. Я нашла его обаятельным и красивым, таким, каким его описывали другие. Продолговатое лицо, густые, вьющиеся волосы, глубокие уже тогда морщины на лице, ярко-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, красиво очерченный рот. Я описываю Рихарда только потому, что, видимо, о нем нельзя думать, не видя его перед собой.

При первой нашей встрече я еще не знала его имени. Оно бы мне ничего и не сказалось. Рихард сказал, что он слышал о моей готовности помочь китайским товарищам в их работе. Он говорил о борьбе против реакционного правительства страны, об ответственности и опасности, связанной с малейшей помощью товарищам, рекомендовал мне еще раз все обдумать. Пока я еще могу отказаться, говорил он, и никто меня в этом не упрекнет.

По мне было уже видно, что я ожидаю ребенка. Агнес также наверняка ему об этом сказала.

Мне показался обидным вопрос, могу ли я и в условиях опасности работать в духе интернациональной солидарности. Тогда я не понимала, что он сам себе задает аналогичные вопросы и что он не пришел бы сам, если бы не был уверен в моем согласии. В течение получаса, пока Рихард оставался у меня после моего согласия, высказанного в несколько резкой форме, он обстоятельно обсудил со мной вопрос о возможности организации встреч с китайскими товарищами в нашей квартире. Я должна была лишь предоставить комнату, но не принимать участия в беседах...

Как он сумел столь быстро получить информацию о моей надежности? Я вспоминаю, что Рихард предложил мне присутствовать на демонстрации на центральной улице города, не принимая в ней непосредственного участия. Нагруженная покупками, дабы как европейке оправдать свое присутствие, я стояла перед большим магазином Бригитта "Винг-Он" и видела, как избивают и арестовывают китайцев. Во многих случаях арест был равнозначен смерти. Я видела лица молодых людей, которым только что был объявлен смертный приговор, и знала, что уже ради них я выполню любую работу, которая от меня потребуется. Впоследствии я узнала, что на демонстрации меня видел Герхард Эйслер — мы были с ним немного знакомы еще в Германии. Он обратил внимание товарищей на то, что в будущем в подобных обстоятельствах я должна выглядеть более женственной, например, надевать шляпу.

После того как я познакомилась с Рихардом, я узнала, что обо мне стало известно Коминтерну и что от меня ожидают сотрудничества. Рихард считал необходимым, чтобы я состояла в его группе. С точки зрения интересов конспирации он считал замену нежелательной, однако окончательное решение этого вопроса оставил за мной. Я осталась с Рихардом и его группой, не задумываясь над тем, какие особые задачи они выполняют. Значительно позднее я узнала, что речь идет о работе в советской разведке Генерального штаба Красной Армии».

Урсула стала связником между главными членами группы Зорге и предоставила свой дом для хранения документов ре-

зидентуры, в том числе архива, и встреч агентов в то время, когда ее муж, не особенно вникавший в дела жены, уходил на работу в английской администрации сеттльмента. Стремясь сделать конспиративную квартиру как можно более надежной, Зорге посоветовал Гамбургерам снять дом в престижном французском сеттльменте, на авеню Жоффра, которая тогда среди местных называлась неофициально Русской улицей (сейчас *Huai Hai Zhong Road* — улица Хуайхай), 1676, куда те и переехали к 1 апреля 1931 года. «Было также важно, что в доме имелось два выхода, и весь этот зеленый массив примыкал к двум или трем различным улицам. Рихард и его соратники встречались у меня раз в неделю рано утром; иногда промежутки между встречами затягивались. Помимо Рихарда, приходили двое или трое китайцев, а также один или двое товарищей-европейцев. Я ни разу на этих беседах не присутствовала и лишь следила за тем, чтобы товарищам не мешали. Встречи проходили на втором этаже: бельэтаж не обеспечивал безопасности, поскольку там часто бывали посетители.

Комнаты прислуги, вернее сказать, каменные клетки, были изолированы. Они не имели окон и прямого входа в дом. Повар, кормилица и бой проходили через двор и попадали на кухню через черный ход. От полудня до возвращения "хозяина" с работы в европейских домах царил тишина, поскольку "миссис" в этот период также отдыхала. Во всех случаях слуги не входили в комнаты, если их не вызывали звонком. Дверь в квартиру гостям я открывала сама, причем это выглядело естественно благодаря самой конструкции дома. Лестница на верхний этаж вела из передней, которую мы оборудовали под комнату, и пройти по ней незаметно от меня было невозможно.

Китайские товарищи, которые приходили наиболее часто, поочередно обучали меня китайскому языку. Тем самым были легализованы их посещения.

На встречи товарищи приходили в разное время. Уходили они из дома также поодиночке, с короткими интервалами. Рихард уходил последним, побеседовав еще со мной полчаса или несколько дольше. В случае необходимости мое знакомство с ним можно было бы объяснить тем, что мы оба знакомы с Агнес. Порой он давал мне какую-либо журналистскую

работу для переписки, обеспечивая тем самым алиби для своих визитов. Впрочем, европейцы столь часто общались между собой, что контакты между ними не нуждались в каком-либо объяснении. И действительно, о посещениях нашего дома Зорге никто, кроме членов нашей группы, не знал, хотя за два года он минимум восемьдесят раз был у нас».

Так часто видевшая своего загадочного шефа Урсула Гамбургер оставила одно из самых лиричных описаний характера Рихарда Зорге: «Были дни, когда в отличие от своей обычной жизнерадостности, юмора и иронии он был молчалив и подавлен. В первые недели весны — моему сыну было примерно два месяца — Рихард неожиданно спросил меня, не желаю ли я прокатиться с ним на мотоцикле. Мы встретились с ним на окраине города, находящейся неподалеку от моего дома. Впервые в жизни я ездила на мотоцикле. Ему пришлось объяснить мне, что у мотоцикла есть педали, в которые можно упереться ногами.

Лишь спустя полгода, когда я навестила Рихарда в больнице — его нога была в гипсе, — другие товарищи сказали мне, что он всегда ездил с недозволенной скоростью. Я была в восторге от этой гонки, кричала, чтобы он ехал быстрее, и он гнал мотоцикл во весь опор. Когда мы остановились, у меня было такое чувство, будто я заново родилась. Ненавистная жизнь шанхайского общества была забыта, так же как и необходимость постоянно чувствовать себя солидной дамой, нести ответственность за нелегальную работу, заботиться о своем чудесном малыше. Я смеялась, болтала без умолку, и мне было безразлично, что об этом подумает Рихард. Может быть, он предпринял эту поездку для того, чтобы испытать мою выносливость и мужество. Если же он принял это мудрое решение, чтобы установить между нами более тесный контакт, то он выбрал правильное средство. После этой поездки я больше не испытывала смущения, и наши беседы стали более содержательными. Это лишний раз свидетельствует о том, какое большое значение имеют отношения между людьми. Ради них можно, пожалуй, иной раз и нарушить строгие правила конспирации».

Не правда ли, этот образ не очень похож на того «Джеймса Бонда на мотоцикле», каким описывают нашего героя люди, никогда не встречавшие его в жизни (за исключением

разве что хорошо знавшего его Мёлленхофа, но тому явно не давали покоя лавры другого немца — барона Мюнхгаузена). Скорее уж Ика Зорге был не супершпионом, а психологом, который понимал, что женщине, недавно переселившейся в экзотическую страну с непривычными кухней и климатом, непостижимым языком, да еще и через два месяца после родов, уставшей от повседневных дел, замученной заботами о малыше, любое новое впечатление с положительными эмоциями будет казаться неземной радостью и ко всякому, кто эту радость доставил, отношение будет соответствующим? Даже в самые личные моменты своей жизни этот человек все равно находился на работе, плетя тончайшую и прочнейшую нить исключительно эффективной резидентуры советской разведки в Китае.

VOLENS NOLENS* СНОБА С КОМИНТЕРНОМ

Год спустя после прибытия в Шанхай группа Зорге прошла реорганизацию, установила новые, интересные и важные связи и, несмотря на де-юре временное исполнение резидентом своих обязанностей, исправно и без перебоев «давала» ценную информацию о политическом и военном положении в Китае. Обострение ситуации в этой стране подтверждало справедливость особого внимания к ней Центра: продолжающийся экономический кризис привел не только к грандиозному, по своему масштабу, голоду (по официальным данным, в 1930 году в Китае голодали около 60 миллионов человек, из них несколько миллионов умерли), но и сопровождался углублением кризиса политического. Нанкинское правительство Чан Кайши удерживало под своей властью провинции Южного и, частично, Центрального Китая. Маньчжурия и Северный Китай стали вотчиной так называемой «мукденской клики» во главе с Чжан Сюэляном. В Западном и Юго-Западном — хозяйничали сразу несколько генералов, то объединяющихся друг с другом и Нанкином, то воюющих сразу против всех. И всем им вместе досаждала китайская Красная армия, где среди нескольких вождей стал особенно заметен хитрый и решительный Мао Цзэдун и которую, несмотря на общую к ней ненависть, никак не удавалось разбить окончательно. Красная армия активно и довольно умело действовала прежде всего в Центральном Китае, пыталась распространить свое влияние на восточные провинции Цзянси, Хунань и Фуцзянь.

В таких чрезвычайно сложных условиях от резидентуры «Рамзая» требовались масса важной информации и выпол-

* Волей-неволей (лат.).

нение особых задач, ради которых Зорге скоро пришлось игнорировать правила легализации и прикрытия. Если бы в то время кому-то вздумалось проверить, на какие гонорары живет германский журналист в Шанхае, положение нашего героя оказалось бы весьма плачевным. Он почти перестал писать статьи, еще недавно вызывавшие интерес в Европе, и, соответственно, не получал гонораров. Как он объяснял наличие денег в своих карманах, знал только Зорге. Но он сам и без возможной проверки доходов непрерывно находился на острие китайского меча из-за весьма своеобразно организованного Москвой взаимодействия резидентуры военной разведки с резидентурой ОМС Коминтерна и с местными коммунистами — то есть того, чего по всем правилам и инструкциям, самой же Москвой написанным, вообще нельзя было никак допускать.

И все же, несмотря на формальный запрет работы с Гайлисом («Фрейлихом»), Зорге продолжал поддерживать с ним связь. Причем нельзя сказать, что это была полностью инициатива Центра или самого Гайлиса. По неизвестной причине в середине января 1931 года «Рамзай» сам испросил у Центра разрешение на это и получил его. В результате шанхайская резидентура военной разведки оказалась в самой гуще событий, связанных с бурной деятельностью Коминтерна в Китае, и неизбежно, как и во многих других странах, сопровождавшейся провалами и арестами.

В начале февраля Зорге сообщил в Москву об угрозе провала Рудника («Анри») — представителя ОМС, той самой службы, которая отправляла Рихарда в Европу в последние годы его работы в Коминтерне. Одновременно Гайлис передал начальнику Четвертого управления Берзину, что его работа в «деле защиты соврайонов» — отправка в Центральный Китай обученных в Шанхае людей, подготовка и переправка радистов, отправка раций — за последние пять месяцев «двигалась прямо-таки как на черепахе»¹⁷¹. В конце того же месяца Зорге передал Берзину и Пятницкому, что есть возможность переброски в советские районы самого Гайлиса и сопровождавшего его Малышева. В день получения ответа из Москвы, а он был отрицательным, эти двое разведчиков, не дождавшись решения, отправились на японском пароходе на юго-запад Китая. Точнее, собрались отправиться, так как по

прибытии на борт они были допрошены японцами, которые быстро обнаружили «липу» в кустарно придуманной легенде, и хорошо еще, что просто высадили их обратно на берег. Поездка не состоялась, распоряжения Центра были нарушены, а документы «засвечены» перед японцами, и дальше этими паспортами пользоваться было невозможно.

Помимо этой и других подобных авантур, коминтерновцы развернули в Шанхае такую активность, будто они находились у себя на Моховой, а не под присмотром полиций и контрразведок сразу нескольких государств. Каким бы «раем для шпионов» ни казался советским разведчикам Шанхай, забывать о том, что они находятся на вражеской территории, было проявлением преступной халатности. Между тем дошло до того, что заседания Дальбюро ИККИ в Шанхае начали проводиться регулярно, по расписанию — раз в неделю (на них присутствовали до десяти человек), еще четыре раза в неделю члены бюро встречались с «товарищами из Политбюро КПК». Параллельно шли встречи: с китайскими комсомольцами, деятелями профсоюзов, руководителями женского движения, заведующими китайским агитпропом и орготделом, руководителями городской организации КПК, работниками Военной комиссии и делегатами из соврайонов¹⁷². Сообщения в Москву о их деятельности и руководство из Москвы их работой в значительной степени осуществлялись через резидентуру «Рамзая», так как именно она занималась шифровкой и дешифровкой переписки. Понятно, что все эти люди были желанной добычей для китайской, британской, французской полиции, японской разведки и контрразведки, и лишь расслабленная обстановка интернационального Шанхая до поры до времени уберегала их от провала. 28 марта руководитель Дальбюро Павел Александрович Миф, только что — в январе — организовавший в Шанхае пленум ЦК КПК, с некоторым удивлением передал в Москву: «...День ото дня работа становится труднее. Много людей знает о нас»¹⁷³.

Это сообщение последовало после громкого предательства агента «Калугина» (вот уж поистине несчастливая фамилия для советской разведки!) — Хуан Дихуна, учившегося ранее в советской столице, лично знавшего Гайлиса и многих других людей из Москвы. За ним последовала череда прова-

лов в ЦК КПК, сопровождавшихся арестом курьеров и изъятием секретной документации. Взяли сразу 13 человек. Один из них выдал на допросе адреса еще двадцати двух (!). Арест Мифа, Гайлиса и Малышева становился теперь лишь вопросом времени. Поэтому в конце марта — начале апреля между Шанхаем и Владивостоком шел интенсивный радиобмен не только по поводу очередного этапа гражданской войны в Китае, но и в связи с необходимостью принятия решения по сыплющемуся на глазах Дальбюро. Наконец 14 и 18 апреля Миф, Гайлис и Малышев все же сумели покинуть Шанхай, где полиция шла уже за ними по пятам, и затем успешно добрались до Москвы.

Пока они ехали, их подшефную компартию сотрясали новые провалы. 24 апреля в Ханькоу был арестован готовивший покушение на Чан Кайши глава партийной контрразведки и кандидат в члены политбюро Гу Шуньчжан. 14 мая Зорге сообщил, что Гу на допросе выдал все явки и адреса политбюро (за это потом коммунисты вырезали всю семью Гу — по разным данным, от семнадцати до тридцати человек), но благодаря помощи агента коммунистов в полиции арестов основной массы членов ЦК удалось избежать — они успели скрыться. Тем не менее в общей сложности в мае—июле 1931 года были задержаны около трех тысяч коммунистов, включая генерального секретаря ЦК КПК Сян Чжунфа — его, как и многих других, расстреляли, но перед смертью он под пытками тоже выдал всех, кого знал¹⁷⁴. Связь Коминтерна с Дальбюро прекратилась. Восстановить ее было приказано... Зорге. Причем так, чтобы Дальбюро заработало, но о существовании резидентуры «Рамзая» не узнало. Он выполнил эту задачу за четыре дня, но в эти же самые дни были арестованы резидент ОМС Яков Рудник и его жена (агенты «Генрих» — он же «Хенри» и «Анри», и «Генриетта»), об угрозе провала которых «Рамзай» предупреждал еще в феврале.

При аресте Рудника у него изъяли два паспорта: бельгийский — на имя Хилари Нуленс*, и канадский¹⁷⁵. Юлиус Мадер пишет еще и о швейцарских паспортах — на имена Пауля и Гертруды Рюгт¹⁷⁶ (У Михаила Алексеева — Руэгт), но на са-

* *Noulens*; Ноленс, Ноуленс.

мом деле Рюггами разведчики стали много позже. Для Якова Матвеевича Рудника — уроженца деревни Борщаговки Киевской губернии, бывшего царского прапорщика, участника штурма Зимнего дворца и члена коллегии ВЧК Петрограда, это был уже второй арест во время выполнения миссии за границей. Создатель объединенной резидентуры ИНО ГПУ и военной разведки во Франции в начале 1920-х, он отбыл двухгодичный срок в каторжной тюрьме Пуасси (*Poissy*), после чего и был в 1924 году принят на службу в ОМС¹⁷⁷. Теперь складывалась не менее серьезная ситуация. К аресту в Китае Рудника привела совокупность причин, первое место среди которых занимали слабо законспирированные, а по сути — недопустимые контакты с китайскими коммунистами. Лавина провалов в ЦК КПК и Дальбюро, предательство Гу Шуньчжана не могли не привести спецслужбы к Руднику.

При аресте у супругов «Нуленс» был обнаружен ключ от конспиративной квартиры на Нанкин-роад, 49, где, в свою очередь, полиция нашла документы Дальбюро, Тихоокеанского секретариата профсоюзов, Профинтерна и, самое главное, ключи к шифрам. Это не только позволило полиции понять, с кем она имеет дело, но и представить размеры вмешательства Коминтерна во внутрикитайские дела. В «штабе на Моховой» также стало ясно, провал каких масштабов произошел в Шанхае. 23 июня глава ОМС Александр Лазаревич Абрамов-Миров обратился к главе военной разведки Яну Берзину («Старику») с просьбой задействовать Зорге для освобождения Рудника, упомянув о том, что необходимые для этого расходы будут отнесены на счет ОМС. В тот же день «Рамзаю» было отправлено соответствующее распоряжение Центра об организации помощи «заболевшим»: от дополнительного питания до предоставления адвоката и врачей. При этом Берзин акцентировал внимание на том, что при выполнении этой задачи Зорге должен действовать чрезвычайно осторожно, через третьих лиц, исключить возможность выхода на себя в случае слежки, а если почувствует опасность, то от выполнения задания следует отказаться. Но в дальнейшем «Старик» постоянно нарушал собственные инструкции, ставя резидента в крайне сложное положение¹⁷⁸.

Зорге же, будучи сам выходцем из ОМС Коминтерна, столь ревностно принялся за выполнение поставленной зада-

чи, что стал, по сути, представителем этого отдела в Шанхае, а также поддерживал связи с человеком из ОМС в Харбине. Эта работа, пусть и в европейском варианте, ему была близка, а о деятельности Дальбюро Зорге знал едва ли не больше Рудника, ведь переписка шла через его резидентуру. Знал он и о том, что Дальбюро в Шанхае занималось вопросами связи с Красной армией в центральных районах Китая, решая сугубо военные проблемы. Теперь эти проблемы тоже легли на плечи Зорге, который следующие полтора года (!) решал их... с помощью германских военных советников¹⁷⁹.

Что же касается борьбы за освобождение Рудника и его жены — Татьяны Моисеенко-Великой, то «Рамзай», возможно, несколько неожиданно для себя, столкнулся с большими сложностями. Несмотря на действительно колоссальные усилия, предпринимаемые Москвой, судебные перспективы дела выглядели неутешительно. «Лечение больных», как именовалась эта операция в переписке Зорге с Москвой, требовало все новых средств, «врачи» (так называли в телеграммах адвокатов) легко соглашались брать деньги за «лечение», но беспомощно разводили руками, когда требовались конкретные результаты, и вывести арестованных из-под китайской юрисдикции никак не получалось.

В июле—августе выяснилось, что изъятый при аресте у Рудника бельгийский паспорт является настоящим, но действительный его владелец самым спокойным образом проживает в Бельгии и ведать не ведает о «своем» аресте в далеком Шанхае. В качестве реакции на этот «неожиданный» поворот коминтерновцы предложили считать Рудника швейцарцем (по второму его изъятому паспорту на имя некоего господина Бере). Но и настоящий Бере был обнаружен швейцарской полицией у себя дома. Чтобы выправить ситуацию, очередной китайский адвокат запросил чудовищную сумму в 10 тысяч американских долларов. Коминтерн согласился и на это условие, но на доставку денег требовалось время. Из Москвы для помощи Зорге в деле «лечения больных» выехал с большой суммой наличных его бывший коллега по ОМС Адольф Майер («Герман»). В этот же день и в тот же отель «Палас» в Шанхае направился еще один сотрудник ОМС — Карл Лессе («Малей», «Дёниц»). Их встретили Зорге, Клаузен и Вейнгарт. Но и все вместе они ничего не могли сделать

для спасения арестованных. 10 августа Москва приказала устроить встречу адвоката «больных» с выехавшей из Европы в Китай вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин («Лия»). Она в то время пользовалась большим авторитетом у Чан Кайши и в обстановке абсолютной секретности выполняла, с подачи Сталина, функции посредника между ним и Мао Цзэдуном в деле создания единого антияпонского фронта. С ней уже была знакома, еще по Германии, Агнес Смедли, а теперь вынужденно познакомились Майер и Зорге. Одновременно Центр придумал арестованным новую легенду: теперь они должны были назваться супругами Кристен из Швейцарии, но сами Кристены, хотя и жившие в то время в СССР, тоже не знали, что они «находятся» в Китае. При этом они должны были убедить своих родителей, оставшихся в Швейцарии, признать на фото из Шанхая собственных детей и обратиться в прессу с требованием освободить «невинно арестованных Пауля и Эльзу», а Сун Цинлин вступилась бы за них со своей стороны. Однако по неизвестной причине эта операция провалилась¹⁸⁰.

14 августа, совершенно неожиданно для всех, Рудника с супругой перевели из Шанхая в военную тюрьму Нанкина. Разумеется, это повлекло волну предположений, которые так или иначе сводились к одному: если арестованные шпионы еще не расстреляны, то это случится уже в самом ближайшем будущем. Зорге срочно встретился с Сун Цинлин и передал в Москву полученную информацию: «Чан Кайши отрицает Лии, что больные убиты, пробует вынудить от Лии политические концессии за обещания больным»¹⁸¹. Телеграмма явно свидетельствовала о том, что «Рамзай» находится на связи с Сун Цинлин, и ни для кого, включая Чан Кайши, не секрет, кто такие Кристены-Бере-Нуленсы на самом деле или, во всяком случае, кого они представляли в Китае. Кроме того, торг за разведчиков шел не просто на самом высоком уровне, он стал носить политический характер. Ставки были столь высоки, что Зорге заподозрил Чан Кайши в нечестной игре: выбивая «концессии» и не давая возможности проверить «состояние здоровья больных», лидер Гоминьдана мог блефовать, а на проверку требовалось время.

В Москве же события развивались в соответствии с совершенно непостижимой логикой. Люди из Коминтерна нашли

семью швейцарских коммунистов по фамилии Рюгг, которые согласились подтвердить, что сидящие в нанкинской тюрьме разведчики — их сын Пауль и его жена Гертруда. 1 сентября Зорге как представитель ОМС получил телеграмму от Пятницкого с изложением новой версии, а 2 сентября ответил, что версия с «Кристенами» провалилась — он явно не успевал за быстрым ходом коминтерновской мысли, а Сун Цинлин предусмотрительно отказалась влезать в дело больше, чем ее уже убедили это сделать. Сумма взятки за освобождение пары выросла с первоначальных тысячи «амов» до 50 тысяч, а китайский адвокат, который пока так ничего и не сумел сделать, запросил еще 7 тысяч. В ответ Москва предложила... «устранить адвоката из Китая» и согласилась на взятку за освобождение (ее должен был получить не адвокат, а экс-министр юстиции, взявшийся быть посредником) в 25 тысяч «амов». Все это начинало напоминать если не истерику, то, как минимум, отчаяние. Были перепробованы десятки комбинаций, в дело вовлекли новых людей, Москва переводила в Шанхай дополнительные деньги, но процесс не двигался с места.

Лишь 24 сентября «больные» узнали, что теперь их фамилия Рюгг, и после этого стало возможным начать в прессе давно запланированную кампанию протеста против их ареста¹⁸². Дополнительной пикантности ситуации придавал факт создания в это время в Шанхае «Комитета в защиту супругов Нуленс». Автором и вдохновителем идеи стала вездесущая Агнес Смедли. В момент создания организации она еще не знала, что «Нуленсы» теперь «Рюгги», а когда узнала, то это не смутило ни ее, ни других американских журналистов, с радостью взявшихся писать о «произволе» нанкинских властей, ни даже Сун Цинлин, которая снова вступила в игру и вошла в состав комитета. По их версии, арестованный был секретарем полулегально действовавшего профсоюза и боролся за права китайских (?) трудящихся в Шанхае. Смедли писала: «Как мы уже установили, в Китае все конфликты разрешаются с помощью убийства — либо китайцев, либо иностранцев... Китайские военные власти арестовали супружескую чету, предъявив ей обвинение в принадлежности к Коммунистической партии. Супруги являлись сотрудниками Всетихоокеанского объединения

профсоюзов — полулегальной организации в Азии. Супруги предстали перед тайным судом военного трибунала. В иностранной прессе все чаще зазвучали голоса протеста. В защиту арестованных выступила и супруга Сунь Ятсена, однако, согласно неподтвержденным пока сведениям, ее протест мог оказаться запоздалым»¹⁸³. Несмотря на очевидную, с нынешней точки зрения, нелепость сложившейся ситуации, созданный Смедли комитет получил мощную поддержку со стороны мировых знаменитостей, всегда готовых кого-нибудь от кого-нибудь защищать, особенно если «нарушение прав человека» происходит не у них дома. К инициативе неистовой Агнес подключились Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Максим Горький, Леон Фейхтвангер, Анри Барбюс и Арнольд Цвейг.

19 октября, через десять дней после заявления Смедли о причастности «Нуленсов» к профсоюзной деятельности, над ними состоялся суд. Яков Рудник был приговорен к смерти, а Татьяна Моисеенко — к пожизненной каторге. Немецкий адвокат Фишер, прибывший за счет Коминтерна в Китай (ему заплатили две тысячи «амов»), заявил, что у дела «хорошие перспективы», «больные» чувствуют себя неплохо и содержатся в облегченных условиях. Наконец, начала работать и новая швейцарская легенда: заместитель начальника шанхайской полиции Пэт Гивинс, одновременно представлявший в Шанхае английскую контрразведку, получил подтверждение, что арестованные действительно являются швейцарской четой «Рюгг»¹⁸⁴. Оправдались и надежды на Сун Цинлин: на встрече с Чан Кайши и его женой, которая доводилась Цинлин сестрой, вдова Сунь Ятсена предложила обменять «Нуленсов» на своего племянника и сына Чана — Цзян Цзинго¹⁸⁵. Юноша, уехавший в 1925 году учиться в Москву, стал в Советском Союзе «Николаем Елизаровым», под влиянием коммунистической пропаганды отказался от своего отца, назвав его «...кровавой собакой черной китайской реакции» (так же он охарактеризовал и своего тестя — маршала Фэн Юйсяна), окончил Военно-политическую академию в Ленинграде, но работал председателем колхоза в Рязанской области... Цзинго был единственным сыном Чан Кайши, тот искренне любил его, несмотря на предательство, и мечтал о воссоединении семьи.

Сун Цинлин запросила для ведения тайных переговоров в Китае опытного и облеченного доверием переговорщика: заместителя наркома иностранных дел СССР Льва Карахана, отвечавшего в НКВД за Дальний Восток. Размен Цзян Цзинго на супругов Нуленс должен был дать старт многообещающим переговорам о судьбе Китая вообще, но неожиданно Чан Кайши передумал. Неизвестно, правда или нет то, что Сталин, получив во время войны предложение обменять своего сына на плененного маршала Паулюса, ответил: «Я солдата на маршала не меняю», но аналогичный поступок Чан Кайши зафиксирован документально. Лидер Гоминьдана в тот день записал в личном дневнике: «Глава Дальневосточного бюро советской компартии совершил в Китае преступление, и госпожа Сун хочет, чтобы я обменял Нуланса на Цзинго. Нет, я скорее соглашусь, чтобы Цзинго оставался в ссылке и даже погиб в России, чем выменяю его на преступника. Иметь ли мне наследника или нет — на то Божья воля. Но я не могу нарушить закон, предать страну, запятнать честь своего имени. Не могу пожертвовать интересами государства даже ради сына»¹⁸⁶. Читая эти строки, понимаешь, что Сталин в своем решении по поводу Якова Джугашвили не был единственным...

В попытках освобождения супругов «Нуленс» оказался задействован огромный тайный аппарат, одним из важнейших звеньев которого был Рихард Зорге — представитель сразу двух советских разведок в Шанхае. Результат этих усилий, правда, оказался не совсем таким, как ожидали в Москве. Разведчиков не выпустили, но все же сохранили им жизнь. Колебания Чан Кайши привели к тому, что приведение приговора в исполнение оказалось отложено: Рудник и его жена остались в живых. 16 декабря Чан Кайши ушел в отставку, и Сун Цинлин сообщила Зорге, что теперь судьба «Нуленсов» в руках не военного трибунала, а гражданского суда, условия их содержания в тюрьме, насколько это вообще возможно, приемлемые, и дальше остается только ждать. В декабре «Лия» передала арестованным теплые вещи, а в последующей беседе с Зорге мадам Сун изложила ему собственный план освобождения «Нуленсов». Ей требовалось «сто хороших коммунистов», с помощью которых она намеревалась лично освободить разведчиков и вывезти их из

Нанкина в правительственной машине. «Рамзай» охладил пыл «Лии», объяснив, что взять столько «хороших коммунистов» ему просто негде, но они и не требовались: Верховный суд Сучжоу пересмотрел приговор военного трибунала в отношении «Нуленсов», заменив им расстрел и бессрочную каторгу заключением в гражданской тюрьме. Туда «больных» и перевели в январе следующего, 1932 года, и там они остались дожидаться нового витка своей судьбы.

Для «Рамзая» вся эта история с арестованным резидентом ОМС стала хорошим уроком. Во-первых, он лично убедился, какую серьезную опасность представляют для разведчика контакты с местным коммунистическим подпольем, и счел необходимым помнить об этом всю жизнь. Во-вторых, он впервые вышел на верхний эшелон оперативной работы, когда среди его добровольных агентов оказался один из самых влиятельных людей в государстве — Сун Цинлин. Причем влияние это было неявным, неофициальным, однако оттого не менее действенным: эффективность связей такого уровня невозможно было переоценить. Но не только в этом дело. Возможно, активное участие Зорге в деле «Нуленсов» сыграло с ним впоследствии и злую шутку. Он своими глазами увидел, как, с каким неподдельным рвением, делая ошибки, но бросая в бой все новые силы и средства, Москва способна бороться за своих арестованных агентов. Кто знает, может быть, когда Зорге арестуют, он сам, пусть даже вопреки доводам разума, в глубине души будет надеяться, что, если терпеть и ждать, Москва обязательно придет на помощь. Хватило бы сил...

ДВЕ СВАДЬБЫ, ОДНИ ПОХОРОНЫ И ВОЙНА

Несмотря на то, что резидентуре «Рамзая» в 1931 году пришлось теснейшим образом заняться делом «соседей» — резидентуры ОМС, подставляя себя под опасность разоблачения, прямых обязанностей по освещению военной и военно-политической обстановки в Китае с нее никто не снимал, никаких поблажек не делал, и советские разведчики обязаны были поставлять информацию в «шоколадный домик» близ Арбата так, как будто ничего не случилось. А информировать было о чем.

1931 год должен был начаться с разгрома китайской Красной армии. Порядком надоевшая всем антикоммунистическим силам, она самим своим существованием сплотила их в борьбе против себя. В авангарде же борьбы против «красных» должен был выступить самый авторитетный и единственный легитимный лидер Китая — Чан Кайши. Опыт предыдущих боев показал, что справиться с коммунистами, активно поддерживаемыми беднейшим крестьянством (а из-за кризиса, неурожая и голода таких крестьян становилось все больше) и Советским Союзом, будет очень непросто. Нужна была новая стратегия, и в Нанкине полководцы Гоминьдана разработали масштабный и подробный план, включавший в себя действия как военного характера, так и политического и даже психологического: наряду с окружением соединений коммунистов предполагалось разложить противника «щедрыми посулами» за измену. Содержание этого плана Москва получила от «Рамзая» в начале января 1931 года, а затем от него поступали сообщения о попытках склонить Чжан Сюэяна на сторону Чан Кайши и о внутренних противоречиях в стане союзников последнего. Уже в апреле, когда в Москве шло заседание Советско-китайской

комиссии по КВЖД, обсуждавшей условия уступки дороги Китаю, Зорге передал информацию об усилении армии Го-миньдана девятью немецкими и десятью японскими военными советниками¹⁸⁷.

На взгляд нормального, неискушенного человека, работу резидентуры «Рамзая» вполне можно было бы считать успешной, но профессионалы Четвертого управления смотрели на ситуацию несколько иначе. Во-первых, из-за провала Улановского Зорге и Вейнгарт тоже находились под подозрением: за ними могли следить. Эти опасения в основном были развеяны в феврале, когда выяснилось, что внимание шанхайской полиции к разведчикам вызвано их совместным путешествием с Улановским из Европы в Китай, но никаких реальных претензий со стороны властей к ним предъявлено быть не может. Снова с особой остротой встал вопрос легализации, но и это была решаемая проблема.

Во-вторых, Зорге был все еще лишь исполняющим обязанности резидента и, несмотря на очевидные достижения в работе его группы, считался разведчиком неопытным, которого, учитывая особую важность китайского направления, необходимо заменить более знающим руководителем шпионской сети. Такового еще не нашли (возможно, им должен был стать Маргазиан Крымов, чья командировка в Турции как раз заканчивалась), но уже решили, что к апрелю он должен прибыть в Шанхай. Тем более что планировалось усиление позиций советской разведки на юго-востоке Китая: летом — осенью 1931 года «Старик» приказал создать агентурные сети в Нанкине, Ханькоу, Гонконге и Макао.

В этот момент случилось очередное ЧП: провалился кореец «Вилли», не проработавший толком и года — один из его агентов, тоже кореец, оказался связан с японской разведкой. К счастью, «Вилли» успели отправить в Москву, локализовав катастрофу. И все же, из-за плохой конспирации прежнего состава резидентуры, в том числе по причине банальной болтливости жены Улановского, угроза раскрытия советской шпионской сети в Шанхае окончательно не отступала. Центр по-прежнему оставался крайне недоволен плохим качеством фотоматериалов, присылаемых Зорге, и решить эту проблему никак не удавалось. Тут еще в марте в Кантоне от туберкулеза умер русский радист Константин Мишин. Зорге съездил

туда и забрал с собой Клаузена — он был нужен ему в Шанхае. Резидент приложил все усилия, чтобы не оставить попечением вдову и мать Мишина, к осени добившись для семьи бывшего белогвардейца разрешения вернуться на постоянное место жительства в Ленинград. Однако неожиданно выяснилось, что вдова влюблена в другого радиста — в Вейнгарта и никуда переезжать не собирается. Ситуацию удалось решить благодаря срочной женитьбе Вейнгарта на другой женщине. Мишины в результате никуда не уехали (и тем самым спасли себе жизнь, ибо в 1937 году со стопроцентной гарантией были бы расстреляны как «японские шпионы» по приказу НКВД СССР № 00593 «О харбинцах»), но их связь с резидентурой прекратилась¹⁸⁸.

В середине весны внимание специалистов, отслеживающих перемены в Китае, оказалось привлечено к Кантону, где так не ко времени ослабили позиции резидентуры «Рамзая». Здесь 29 апреля генерал Чэнь Цзитан внезапно перешел на сторону противостоящей Нанкину провинции Гуанси. Зорге срочно отправился в Кантон, где установил связь с коррумпированным офицером 8-й армии и получил от него актуальные материалы военного характера. 1 мая «Рамзай» уже из Шанхая сообщил Центру свое мнение о дальнейшей логике событий, предположив объявление независимости от Нанкина всего южного Китая. Он подробно изложил имеющиеся у него сведения о секретных переговорах в Шанхае группы оппозиционных генералов с представителями национального правительства, а также о выдвижении войск маршала Фэна против нанкинской армии. Эта информация была получена от китайских и германских источников в столице Гоминьдана. Там, в Нанкине через три недели после переворота в Кантоне была провозглашена «временная политическая опека Гоминьдана» над Китайской республикой, и объявлены президентские выборы, что до конца мая заморозило действия мятежников. В Шанхае же наращивалось присутствие контингента японских военных советников — туда прибыли 11 японских военных инженеров. Всю эту информацию Москва также своевременно и полно получила от Зорге. 28 мая Кантон объявил войну Нанкину и вошел в сговор с представителями Токио и группой «северных» генералов. «Рамзаю», а значит, и Москве стало известно не только о тай-

ных контактах южных провинций с северными, но и о роли в Кантонском мятеже японской резидентуры в Шанхае¹⁸⁹.

Косвенно переворот в Кантоне был на руку Москве. Всю весну продолжался так называемый «второй карательный поход» армии Гоминьдана против советских районов в центре Китая. При более чем двукратном перевесе в численности — около 200 тысяч человек против 90 тысяч «красных» — Нанкину не удалось добиться успеха в этой кампании, где коммунисты активно применяли партизанскую тактику и использовали противоречия среди сторонников Чан Кайши.

Важнейшую информацию о ходе событий Зорге получал от немецких военных специалистов и от германского генконсула в Шанхае. От них же стало известно, что Чан Кайши выдыхается в борьбе против «красных», вынужденный к тому же одновременно выстраивать две линии обороны Нанкина на случай наступления своих новых противников со стороны Кантона. За несколько месяцев боев в центральном Китае потери армии Гоминьдана составили около 20 тысяч человек при продвижении вглубь советских районов всего на 50 километров. Недостаточно мотивированные нанкинские генералы сражались вяло. Их волю сломило ожесточенное сопротивление Красной армии. Ее бойцам было нечего терять, а возглавляли их такие решительные и талантливые лидеры, как Мао Цзэдун, провозгласивший тогда свою особенную тактику партизанской войны. 23 июня поход закончился, части Гоминьдана отошли на перегруппирование и пополнение сил, а 1 июля сам Чан Кайши возглавил третий поход против коммунистов. В начале августа в тыл ему ударили повстанцы Кантона, и к началу сентября и эта операция Нанкина против Красной армии потерпела фиаско.

Еще в конце апреля в Шанхай прибыл (и, конечно, остановился в отеле «Палас») новый помощник Зорге — поляк Григорий Стронский («Жорж», «Джон», «Герцберг»). Урсула Гамбургер оставила воспоминания о его легализации в Шанхае: «Джон был поляк, иногда мы называли его Гриша. Заметив, что это ему нравится, я в дальнейшем так его и звала. Возможно, что это действительно было его имя. Ему было примерно двадцать пять лет. У него были темные, с залысинами на висках, вьющиеся волосы, мраморно-белый лоб, темные глаза и скуластое лицо. О себе Гриша рассказывал

мало. Замкнутый и серьезный, он производил впечатление более сложной натуры, чем Макс или Франц. О его личной жизни я кое-что узнала лишь тогда, когда мы уже длительное время были знакомы. Я вспоминаю, что его родители в Польше ничего не знали о том, что он находится в Шанхае».

Легализация «Гриши» совпала с новой неожиданной проблемой: женитьбой перебравшегося в Шанхай Макса Клаузена. Подыскивая жилье, он наткнулся на пансион Бакли, где, чтобы получить подходящую для проживания, а главное, для работы передатчика комнату, Клаузену пришлось устроить обмен с проживавшей там женщиной. Ею оказалась эмигрантка из Сибири Анна Георгиевна (в некоторых источниках — Матвеевна) Жданкова. Выйдя в шестнадцатилетнем возрасте замуж за финна Эдуарда Валениуса в Новониколаевске (Новосибирске), Анна получила финское гражданство, но в 1927 году ее муж умер, и положение Анны в Шанхае стало шатким. Случайная встреча и совместное решение квартирного вопроса породили скоротечный роман, и Клаузен рассказал о своей возлюбленной сначала Вейнгарту, а затем и шефу. «Смотрины» невесте устраивал Зорге. Он побеседовал с Анной в ресторане и одобрил выбор своего радиста. Несмотря на то, что поженились Клаузен и Валениус значительно позже, они начали жить вместе, и Макс вскоре рассказал Анне о том, кто такие на самом деле его друзья, он сам и чем они занимаются.

Работы у Клаузена в Шанхае было, что называется, «выше крыши». Позже радист «Рамзая» вспоминал: «Как бывший военно-морской радист, я повидал всякое. Но то, что мне удавалось принимать в Шанхае круглосуточно, например, в диапазоне коротких волн от 39 до 60 метров, могло ошарашить любого профессионала. Стационарные и судовые, гражданские и военные, служебные и любительские радиостанции, радиogramмы открытым текстом и шифровки — и все это на самых разных языках мира. Передающие станции отстояли друг от друга на шкале приемника лишь на доли миллиметра, передатчики различной мощности перекрывали друг друга, отчего зачастую резко ухудшалась избирательность. Мое сердце радиста всегда начинало биться чаще, когда я слушал эту какофонию сигналов. Тем не менее не составляло особого труда отличить радиолюбителей от тре-

нированных профессионалов, государственные радиостанции от прочих и с помощью знакомых мне систем позывных различать передающие станции по их национальной принадлежности. Одних национальных станций насчитывалось множество: китайские, затем дипломатические и военные радиостанции американцев, японцев, французов, англичан, немцев, голландцев и так далее. Однако радиоразведка не входила в круг наших задач, для нее у нас не было средств и, прежде всего, времени. И все же я еще весной 1930 года сказал Рихарду, надо бы попробовать "подойти небо", то есть, не подвергая себя особой опасности, сидя в собственной квартире, выуживать из заполнявшего эфир потока информации полезные для нас сведения»¹⁹⁰. Зорге резонно заметил Макс, что интересующая разведку информация передается в зашифрованном виде, но сам «загорелся» идеей раскрыть коды. Это была очень сложная, опасная и трудоемкая работа. Но все же, после многомесячных усилий, Зорге и Клаузену удалось украсть коды нанкинского Главного штаба и германских военных специалистов — все их разрабатывал немец Штёльцнер. К нему самому подходов найти не удалось, но новобрачная — Анна Клаузен — сумела познакомиться с женой Штёльцнера — китайкой, которая очень любила европейскую моду, духи и дорогие наряды. Мадам Штёльцнер в обмен примерно на литр (в общей сложности) разных французских духов, переданных ей Анной, устроила «показ мод в искусстве шифрования»: перефотографировала коды, над которыми работал ее муж, и передала микро пленки советским разведчикам: «Совершенно неожиданно мы обнаружили еще и список номеров служебных и домашних телефонов всех германских военных советников на территории гоминьдановского Китая, который давал возможность реконструировать структуру этого аппарата. Наши шанхайские доллары, "вложенные" в изделия парфюмерных фабрик Парижа, Лиона и Марселя, оказались в этом необычном бизнесе — духи в обмен на секретные документы — в конечном счете, чрезвычайно выгодной инвестицией»¹⁹¹.

Стронского тем временем легализовали путем открытия за счет разведки торговой фирмы на его имя — других вариантов найти попросту не удалось. Но в Шанхай полетела грозная телеграмма за подписью начальника 2-го отдела

Четвертого управления Владимира Таирова (настоящее имя — Рубен Тер-Григорян) о необходимости «резкого сокращения расходов и усиления предоставления "продукции"»¹⁹². В ответ (это произошло уже в августе) Зорге отправил большое письмо, по духу и стилю сильно напоминающее те гневные и резкие реляции, что он направлял несколько лет назад в «штаб мировой революции» на Моховой. «Рамзай» напомнил руководству, что он принял «фирму» только 11 месяцев назад и в состоянии, которому трудно было бы позавидовать: из-за нехватки сил было приказано прекратить поддерживать связь с югом Китая, заново заниматься легализацией ядра резидентуры, работать в условиях жесткого прессинга китайской, японской и европейской полиций. В письме это называлось «в условиях конкуренции», и все оно было написано эзоповым языком, ибо отправлялось на родину с курьером, остановить которого могли все те же «конкуренты». «Рамзай» писал, что странно было бы ожидать необыкновенных успехов от работы в столь сложных условиях, особенно теперь, когда «заболел Вилли», то есть провален агент, который курировал значительную часть связей резидентуры. Зорге замечал, что ситуация сейчас в Китае такова, что вообще нельзя полагаться ни на какие устойчивые связи — ни на старые, ни на новые. Все они находятся в подвешенном состоянии из-за постоянной угрозы мятежей, переворотов, войны и, следовательно, провалов. Это не значит, что надо было сложить руки и все бросить. Нет, для «Рамзая» это попросту не представлялось возможным хотя бы в силу его деятельного и беспокойного характера. Он искал возможность наиболее полно ответить на запросы Москвы, качественно выполнить свою работу и предлагал искать и ликвидировать прорывы, слабые места. Одним из таких мест была курьерская связь — чрезвычайно опасный, но в условиях гражданской войны нередко — единственно возможный вид оперативной связи. Однако курьерам надо платить, ведь «...все туземцы, которые в настоящее время поддерживали связь, в отличие от 1926/27 гг., рисковали при этом своей головой». Кажется, в центре не понимали, как писал Зорге, что «...и в Китае коровы не доятся чистым маслом». При этом средств на легализацию резидентура запросила у Москвы только на двоих человек: Клаузена и Стронского, что обошлось в

смешную сумму — 200 «амов». Стоило бы сравнить ее с расходами, которые в это самое время выделялись на спасение «засыпавшихся» по собственной вине коллег из ОМС, и об этом Зорге тоже не преминул напомнить Центру. Несправедливо обиженный резидент писал: «Прошу поэтому при оценке нашей работы не упускать из виду все эти факты и не делать нам таких необоснованно важных упреков, если вы даже не можете считаться с теми особыми трудностями, при которых мы начали, проводим и медленно развиваем нашу работу, и сопоставить ее с фактическими нашими расходами»¹⁹³.

Пока письмо шло в Москву, пока вслед за ним передавались курьерами добытые материалы, в том числе фотокопии секретных документов, «Рамзай» продолжал работать, сосредоточившись на спасении Рудника и его жены, но, вероятно, волнуясь в ожидании реакции Москвы. Ответное письмо пришло 2 сентября. В нем были поставлены новые задачи: получить информацию от военных советников Чан Кайши по техническому оснащению армии Гоминьдана, составу и состоянию первых четырнадцати дивизий и гвардии, выяснить роль Японии в контактах с китайскими генералами, не входящими или входящими лишь временно в союз с Чан Кайши, продолжать отслеживать внутривосточную борьбу в Китае, давать обзоры действий китайской Красной армии по материалам ее противников. В ответ же на резкие возражения Зорге Центр сообщил ему, что «всем трудно», что основную массу материалов из Китая в Москве получили уже после отправки письма, а урезание бюджета резидентуры — лишь общая бюрократическая мера, принятая в рамках общей экономии бюджета РККА. Столь слабое обоснование фактического приказа работать бесплатно и самим находить средства для разведывательной деятельности подкреплялось сообщением о том, что в целом резидентура работает хорошо и ее организационный период «можно считать законченным». Командование постаралось успокоить резидента: «Если раз в месяц мы будем получать от Вас такого содержания почту, нас устраивало бы полностью»¹⁹⁴. Это было невозможно, но письму надо было добавить оптимизма и энергии, и такая формулировка могла подбодрить Зорге. Полгода спустя, после того как улеглись

страсти по «Нуленсам», «Рамзай» пожалел, что был так резок с Москвой. Он снова писал в Центр и, по сути, извинялся за свой тон: «Я не намерен в этом письме оправдываться, я вполне сознаю, что было бы лучше, если бы указанного письма я вовсе не посылал... Письмо было недопустимым в переписке с главной фирмой, но оно не содержало никаких моментов, указывавших на ослабление внимания резидента к своей работе и к своим обязанностям. Ничего подобного со мной случиться не может, я уже постарел на работе... приобрел достаточно опыта в отношении основного занятия, охватывающего все отрасли работы»¹⁹⁵. Но это все случилось позже, а пока, в сентябре 1931 года, у шанхайской резидентуры, помимо текущей работы и головной боли в виде «болезни Нуленсов», появился новый важный фокус интересов: Япония.

Вечером 18 сентября японские диверсанты подорвали часть полотна Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) севернее Мукдена. Взрыв не помешал прибытию на вокзал японского поезда, следовавшего по соседнему пути, но послужил сигналом к началу столь крупномасштабных боевых действий, что сегодня значительная часть китайских историков склонна считать именно эту дату началом всей Второй мировой войны (так считал и Чан Кайши), и во многих китайских городах каждый год в этот день звучит тревожная сирена — сигнал памяти о начале японской агрессии.

В течение суток японцы, потеряв всего двух человек, захватили Мукден и все основные населенные пункты к северу от этого города, выйдя на берег реки Сунгари. Стотысячная армия Чжан Сюэяна, противостоявшая менее чем двадцати тысячам японцев, ушла от столкновения, как и армия Гоминьдана. Японские войска двигались вперед, встречая лишь случайное и неорганизованное сопротивление мелких китайских подразделений, не знавших о приказе не вступать в стычки с японцами или не сумевших его выполнить.

21 сентября «Рамзай», со ссылкой на японского военного атташе в Шанхае, отправил в Центр телеграмму о том, что «мукденский инцидент» произошел без одобрения Токио, а лишь исключительно по воле армейского начальства в Маньчжурии для защиты находящихся там японских граждан.

Целью японцев является захват Маньчжурии, но пока без планов столкновения с СССР. Материал был разослан высшему военному командованию Советского Союза: Ворошилову, Гамарнику, Тухачевскому, Егорову и Артузову, и это была первая шифровка, составленная на основе материалов, добытых новым членом группы «Рамзай» — японским журналистом Одзаки Хоцуми.

В тот же день Зорге отправил вторую экстренную телеграмму в Москву, в которой сообщил о начале переговоров между Нанкином и Кантоном о формировании альянса в борьбе против японцев и обращении Нанкина в Лигу Наций с требованием остановить японскую агрессию. При этом Зорге отмечал, что в Нанкине нет единого мнения по поводу сотрудничества с Кантоном и другими возможными союзниками, включая Москву¹⁹⁶. «Третий карательный поход» против Мао Цзэдуна пришлось прекратить — впервые внешняя опасность становилась для Нанкина более серьезной, чем борьба против коммунистов.

23 сентября «Рамзай» сообщил в Центр о передислокации японских частей и соединений, выдвигающихся в Маньчжурию, и о том, что, по мнению атамана Семенова, который по-прежнему находился в поле зрения нашего резидента, вооруженный конфликт с СССР становится неизбежен, тем более что Япония надеется на молчание Англии и Америки по «маньчжурскому вопросу». Чжан Сюэлян перестал быть нужен японцам и больше мешает им, а Нанкин готов мириться с Кантоном едва ли не на любых условиях. Начиная с этого времени Зорге непрерывно, точно и исчерпывающе информировал Москву о военных планах японской армии в Китае, включая предоставление данных о перемещениях войск — от полка и выше, о тайных переговорах нанкинского правительства с Кантоном и о том, как Чан Кайши ищет других союзников. Вся эта информация также докладывалась руководству Наркомата обороны, Штаба РККА и ОГПУ.

В октябре Зорге сообщил о прибытии в Шанхай трех японских крейсеров и готовности японцев к провокации. Кантон все-таки сумел поставить Нанкину такие условия мира, на которые Чан Кайши пойти не мог — ему предложили уйти с поста главнокомандующего. В ответ Гоминьдан попытался

пойти на переговоры с японцами, но безуспешно. Об этом тоже стало известно советской разведке, и «Рамзай» передал данные о передислокации нанкинских войск для отражения возможного нападения японцев на Нанкин, а также о входе в Янцзы японских десантных кораблей. Затем последовали другие важные сообщения, в том числе о принятии решения об уничтожении армии Чжан Сюэляна в Маньчжурии, смещении маршала и даже о готовящемся «фашистском перевороте» в Токио¹⁹⁷. Апофеозом развития напряженности стало сообщение от 24 сентября о возможной агрессии Японии против Советского Союза в марте 1932 года. Информация была получена непосредственно от атамана Семенова, перебравшегося из Мукдена в Порт-Артур и намеревавшегося участвовать в этих событиях во главе объединенных сил монгольских князей и остатков белой эмиграции¹⁹⁸. На протяжении последующих двух месяцев японская агрессия в Китае ширилась, поддержанная молчанием Лиги Наций и пассивностью китайских правительств, так и не сумевших объединиться перед лицом общего врага. Это принесло свои дивиденды китайской Красной армии, которая сумела объединить группы ранее разрозненных советских районов в Китайскую Советскую Республику, расположившуюся на юге провинции Цзянси, частично на территориях провинций Фуцзянь, Хубэй, Хэнань, Шэньси и некоторых других. Главой Совнаркома, то есть премьер-министром республики, был избран Мао Цзэдун.

К середине ноября японские войска вышли к КВЖД — собственности Советского Союза. Зорге, основываясь на информации от японского военного атташе в Шанхае генерал-майора Тасиро Канъитиро, доложил о готовности Квантунской армии к прямому вооруженному конфликту с СССР. Сам атташе, пользовавшийся репутацией «умного офицера» и бывший много лет шефом азиатского отдела разведки Генерального штаба, ждал назначения на север. Примерно туда же — в Мукден отправился и агент Зорге японец Каваи Тэйкити, получивший задание отслеживать действия японских войск, движущихся к границе с Советским Союзом. Макс Клаузен, снова оказавшийся под ударом из-за встречи с расконспирированным бывшим сотрудником шанхайской резидентуры, в декабре тоже уехал в Мукден, где развер-

нул радию с помощью переданного ему нового русского помощника.

Так, пока шла операция по спасению «Нуленсов», резидентура «Рамзая» непрерывно отправляла в Москву точнейшие данные о дислокации и передвижении японских войск в Китае, планах и маневрах противостоящей им китайской армии. Необходимость в большем, чем ранее, количестве военной информации и в лучшем ее качестве была очевидна: война есть война. Центр высоко оценил усилия Зорге, впервые используя в телеграмме от 20 декабря обращение «Дорогому Рамзаю», и сообщил, что направляет в Шанхай под именем Клязя Сальмана (*Klyas Salman*; Саламан, Зальман, Залман, Зельман) военного разведчика Карла Римма («Клас», «Пауль»).

«Рамзай» становился полноправным резидентом, осуществляя общее руководство группой и анализ полученных сведений, собирая политическую и экономическую информацию, на «Пауля» возлагались задачи военного характера (включая информацию о японской, китайских национальных и китайской Красной армиях), «Джон» (Стронский) должен был работать над улучшением качества фотографий, которые в Москве не удавалось расшифровать даже с помощью лупы. Конечно, в очередной раз было строго предписано прекратить всяческие связи с «соседями» — разведкой Коминтерна. Предупреждение пустое, ибо весь следующий, 1932 год Зорге продолжал выполнять поступающие через Центр приказы не только военной разведки, но и Коминтерна в лице его старого друга Осипа Пятницкого. В целом же Москва, подводя итоги тяжелейшего 1931 года, отмечала, что Зорге справился с работой, установил ряд полезных связей в американских и немецких дипломатических кругах, с германскими военными инструкторами и советниками в нанкинской армии, предоставляя «ценные» донесения. Информация, полученная из внутренних китайских источников, была охарактеризована как «интересная и ценная». Удалось добиться «практических результатов» не только в Шанхае, но и в Кантоне, Нанкине, Пекине и Ханькоу. Центр отметил также вовлечение в деятельность группы журналистов Агнес Смедли, Гюнтера Штайна (Штейна) и некоторых других. В целом работа резидентуры «Рамзая» была признана «удовлетворительной».

Обер-лейтенанту Мёлленхофу финал тяжелейшего года запомнился иным: «Совершенно точно, что Зорге в конце 1931 года впервые ступил на японскую землю и именно вместе с атаманом Семеновым. В Токио и на курорте Атами состоялись первые встречи с доверенным лицом генерала Араки (в декабре он стал военным министром Японии в кабинете Инукаи Цуёси. — А. К.), майором Куроки». Если это так (а к изложенному в мемуарах Мёлленхофа надо относиться очень осторожно), то Япония становилась все ближе к Зорге не только потому, что она пришла в Китай, но и потому, что он впервые встретился с ней лично.

ЯПОНСКИЙ КРУГ

В сентябре 1931 года в группе Зорге случился инцидент, который в очередной раз должен был напомнить о необходимости дистанцироваться в своей деятельности военной разведки от агентов-коммунистов. Агент «Жорж» — Кито Гинъити, член японской секции американской компартии, был арестован японской полицией и депортирован в Японию. В Шанхае он жил с лета 1929 года, работал плохо, по сути, исполняя только функции переводчика, так как говорил по-английски. Потеря такого работника была невеликим бедствием — главное, чтобы он не выдал тех, кого знал лично (Вейнгарта и Клаузена), этого и не произошло. Но выбытие единственного японца совпало с началом агрессии Японии в Китае, поэтому арест Кито повлиял на дальнейшую работу всей группы. Срочно нужна была информация если не из японских источников, то хотя бы перевод японской прессы. Замена Кито нашлась мгновенно и оказалась, к счастью, очень удачной.

В Шанхае Кито был знаком с японским журналистом из «Осака Асахи симбун» Одзаки Ходзуми. «Рамзай» же познакомился с ним при посредничестве Агнес Смедли, и произошло это на рубеже 1930—1931 годов. Встреча оказалась исключительно важна для Зорге, и он вспоминал потом: «Одзаки был моим самым главным соратником. Впервые я познакомился с ним через Смедли в Шанхае. Отношения между нами и с деловой, и с человеческой точек зрения были совершенно безупречными. Его информация была чрезвычайно надежной и наилучшей из той, которую я получал из японских кругов. С ним у меня быстро завязались дружеские отношения. Поэтому, как только я прибыл в Японию, прежде всего принял меры к тому, чтобы установить связь с ним. Он покинул Шанхай в 1932 году, и это была серьезная потеря

для нашей группы. Он явно имел тесные связи с Китайской коммунистической партией, но я в то время почти не знал об этом, нет, фактически ничего не знал... Одзаки был моим учителем, а область изучения была очень широкой. Он разъяснил мне маньчжурскую политику Японии в последние несколько лет и ее планы на будущее...»¹⁹⁹

Одзаки Хоцуми родился 1 мая 1901 года в Токио в семье журналиста и вырос на Тайване — тогдашней японской колонии, где его отец работал журналистом в местной газете. Блестящее знание китайского языка, китайских обычаев и реалий предопределило дальнейшую специализацию Хоцуми как журналиста-синолога. В Японию он вернулся лишь в 1919 году, а в 1925-м получил самое престижное в Японии образование, окончив юридический факультет Токийского императорского университета — «кузницу кадров» японских премьер-министров и членов правительства. Как было модно в те годы среди японского студенчества, Одзаки примкнул к левому обществу «Синдзинкай», участвовал в семинаре по изучению работы Николая Бухарина «Теория исторического материализма», но, в отличие от большинства своих одноклассников, не забыл о своих увлечениях и после окончания университета. В 1926 году он получил степень доктора юриспруденции и нашел место в авторитетной газете «Токио Асахи», вступил, хотя и ненадолго и под псевдонимом Кусано Кэндзи, в профсоюз, связанный с японской компартией. Когда Одзаки переехал в 1928 году в Осаку, он чуть было не вступил в КПЯ по приглашению своего одноклассника, но одумался. Одноклассник в том же году погиб во время массовых преследований коммунистов в Японии, а Одзаки, специализировавшийся на китайских вопросах, в декабре уехал корреспондентом в Шанхай.

В Китае молодой журналист быстро нашел единомышленников среди коллег, увлекающихся марксизмом, и провел семинар все по той же бухаринской книге. Результатом стало знакомство с одним из переводчиков «Капитала» на китайский Ван Сюэвнем и с тайваньцем Ян Люсином. Оба оказались членами КПК и вскоре основали в Шанхае «Японо-китайскую лигу борьбы» — очевидно, против японского, китайского и мирового империализма. Некоторые из знакомых Одзаки китайцев говорили на японском, сам он нанял

учителя (тоже связанного с левыми), чтобы обновить знания китайского, некоторые говорили и на английском. Знание европейских языков было необходимо местным левым для изучения коминтерновской литературы, которой торговал магазин «Цайттайст», принадлежавший немке, приехавшей в Китай с гражданским мужем-китайцем, Ирене Вайтемайер (Ирине Германовне Петрашевской — сотруднице ИККИ и в будущем агенту ГРУ).

Ирина Германовна, в свою очередь, оказалась знакома с Урсулой Гамбургер и Агнес Смедли. Их встреча с Одзаки и дальнейший выход на Зорге, таким образом, становились лишь вопросом времени. Японский журналист был одновременно шокирован и очарован смелостью, раскованностью и талантом американской коллеги и, несмотря на то, что Агнес в то время жила в гражданском браке с неким «китайским товарищем», тесно общалась с Зорге, ее отношения с Хоцуми стали чрезвычайно близкими²⁰⁰. Уже позже, в 1934 году в Токио вышел перевод книги Смедли «Дочь Земли», выполненный Сирикава Дзиро — это был псевдоним влюбленного в Агнес Одзаки. Под этим именем и под псевдонимом «У Цзоси» (китайское чтение его настоящей фамилии) он выпускал и собственные произведения, посвященные Китаю.

Смедли тоже почувствовала симпатию к журналисту с докторской степенью юриста, искренне интересующемуся Китаем и любящему его. Симпатия быстро переросла в более глубокое чувство, и когда уже в 1947 году Агнес узнала о гибели Одзаки в Японии, то призналась подруге, что японский журналист был для нее «фактически мужем»²⁰¹. Одзаки Хоцуми не знал Зорге, да, строго говоря, даже когда узнал, еще несколько лет был убежден, что общается с американским журналистом Джонсоном. А вот Зорге, только что потерявший Каваи, вышел на Одзаки как охотник на дичь. Он искал нового агента-японца и обратился за помощью к Смедли, и Агнес снова не подвела. Очень быстро «Рамзай» оценил возможности и интеллектуальный уровень нового знакомого, которому в переписке присвоил псевдоним «№ 6», и искренне уважал его.

Поистине удивительно, сколько успел сделать Одзаки для «Рамзая» в очень короткий период времени (от знакомства с Зорге до возвращения в Японию «№ 6» прошло лишь четыре

месяца и девять дней): «Всего с 21 сентября 1931 г. по 1 февраля 1932 г. на основе информации, полученной от Одзаки, было отправлено 20 телеграмм, из них 11 — по данным военного атташе Японии в Шанхае (десять из них были доложены высшему военному руководству страны). Всего же было доложено 12 телеграмм. Остальные не были "расписаны" руководству только потому, что содержали сведения чисто военного характера и направлялись в 3-й (информационный) отдел Четвертого управления Штаба РККА для учета. 20 отправленных в Центр телеграмм — это, как минимум, 20 встреч с Одзаки за четыре с небольшим месяца, чаще, чем один раз в неделю»²⁰².

Очевидно, что для получения такого количества интересных разведку материалов связи журналиста Одзаки с японским военным атташе должны были быть глубокими и доверительными. Мы и сегодня не знаем, как именно Одзаки получал секретные материалы из атташата: сам, напрямую, или через посредника, но, безусловно, он сразу показал себя исключительно ценным членом группы, а со временем его «вес» в резидентурах «Рамзая», где бы они ни располагались, только возрастал. Кроме того, «№ 6» познакомил Зорге с другими своими соотечественниками, которые в той или иной степени оказались полезными для разведки. В «Тюремных записках» читаем:

«Каваи [Тэйкити] («Ронин». — А. К.). Его привел ко мне и познакомил Одзаки. В это время Каваи был действительно активным и к тому же очень хотел работать. Он два раза ездил в Маньчжурию и добывал информацию для меня. Он всегда имел выходы к информации о положении в Северном Китае. Поскольку он не говорил на иностранных языках, то после отъезда Одзаки я стал испытывать трудности в контактах с ним. <...>

Мидзуно [Сигэо или Сигэру]. С ним меня познакомил Одзаки. Однако я встречался с ним всего несколько раз. От него у меня осталось впечатление, что он скорее ученый, чем политический шпион. В Японии я один раз встречался с ним в ресторане.

Ямаками [Масаёси]. Когда Одзаки уезжал из Шанхая, он познакомил меня с ним в качестве своего преемника, но после одной или двух встреч наши отношения прекратились.

Однако почему мы так быстро расстались, сейчас не могу вспомнить. Он познакомил меня с Фунакоси [Хисао]²⁰³.

Из четверых перечисленных больше всего известно о Каваи. На это есть две причины. Во-первых, Зорге не очень лукавил во время следствия, когда говорил, что отношения с этими людьми были скоротечными, и они не были шпионами в полной мере, хотя многие исследователи отмечали, что бывший резидент старался по возможности отвести подозрения от своих бывших агентов (правда, если следовать этой логике, то Зорге практически «утопил» в своих показаниях Одзаки, неоднократно называя его вторым по важности сотрудником резидентуры. Но после Одзаки именно Каваи был единственным из японцев, кто оказался связан с шанхайской резидентурой дольше и прочнее всех).

Во-вторых, лишь Каваи посчастливилось выжить, дожить до победы и получить редкий шанс самому рассказать свою историю. Его соратникам повезло куда меньше. «Скорее ученый» Мидзуно Сигэо был арестован по делу Зорге, получил 13 лет и умер в тюрьме 22 марта 1945 года. Ямаками Масаёси — руководитель шанхайского бюро крупнейшего японского информационного агентства «Рэнго» («Рэнго цусин») скончался в 1938 году в возрасте сорока трех лет. Фунакоси Хисао, работавший в Шанхае, по одним данным — в качестве корреспондента «Шанхай дейли ньюс», «Майнити симбун» и «Ёмиури симбун», а по другим — в «Рэнго цусин», был арестован по делу Зорге в Пекине 4 января 1942 года, получил 10 лет тюрьмы и умер в заключении 27 февраля 1945 года. Только Каваи удалось пережить войну, тюрьму и медные трубы: он даже выступал на открытии памятника на могиле Зорге в Токио 8 ноября 1964 года.

Каваи Тэйкити был ровесником Одзаки. Он окончил университет Мэйдзи в Токио и с 1928 года работал в Китае, но не в престижных изданиях, как другие его знакомые, а в малоизвестном еженедельнике «Шанхай сюхо». Как и многие в окружении «Рамзая», он был членом компартии Китая, а его социальный статус способствовал обзаведению широким спектром знакомств в самых разных кругах. Не случайно позже ему был присвоен оперативный псевдоним «Ронин». Ронинами в средневековой Японии называли самураев, по разным причинам оставшихся без повелителей, а значит —

без рисового пайка, и вынужденных добывать себе пропитание любым, даже самым авантюрным способом, полагаясь, прежде всего, на свой меч и отвагу, а чаще всего просто разбоем. Сейчас так иногда называют студентов, не сдавших экзамены и без толку шатающихся, теряя драгоценное время на улицах и не занимаясь ничем полезным. Ронинами в 1920—1930-е годы в Маньчжурии называли членов некоторых японских националистических обществ, мечтавших объединить Восточную Азию «под сенью японского меча».

Ронин Каваи имел интересные знакомства в Пекине и Мукдене. Работа в Шанхае его не особенно держала, и Зорге принял решение отправить его на север. С 1929 года Каваи был знаком с Сёдзима Рюки, служившим переводчиком в Пекине. С подачи Зорге и Одзаки Каваи уговорил Сёдзима поступить на работу в кэмпзэтай — военную жандармерию, выполнявшую функции военной полиции и контрразведки одновременно. Внедрение советского агента в такую организацию стало серьезным успехом резидентуры «Рамзая», но нельзя сказать, что после этого все тайны кэмпзэтай в Маньчжурии стали известны в Москве. Сёдзима передал Каваи 37 секретных документов, а в 1935 году выдал своего вербовщика коллегам по службе. Каваи был арестован в Синьцзине, его пытали, но ничего не добившись, дали лишь 10 лет условно, а в 1940 году «Ронин» вернулся в Японию, чтобы через год быть арестованным вновь²⁰⁴. Но еще до этого времени (по разным данным — в мае или июне 1932 года) Каваи взяли в Шанхае агенты японской полиции, у которых, однако, не было против него ничего, кроме подозрений — примерно так когда-то складывались отношения властей с настоящими ронинами.

«К сожалению, мы за последние дни понесли большую потерю благодаря серьезному заболеванию одного из наших японских корреспондентов, — описывал сложившуюся ситуацию Зорге, традиционно прибегая к медицинской терминологии для маскировки событий. — Это уже третий случай, что люди не могут переносить здешний климат. Двое очень тяжело заболели и лежат под особым врачебным наблюдением в больницах, а третий еще вовремя мог избавиться от этого плохого климата. Мы надеемся, что наш последний заболевший человек настолько будет устойчив, как самый пер-

вый, и что его болезнь не заразит других, каковая опасность имеется в том случае, если он не такой крепкий, как первый. Но мы доверяем его конституции»²⁰⁵. Для окончательной прозрачности этого нехитрого шифра можно только добавить, что вовремя (в последних числах января) уехал Одзаки Хоцуми, а «болели» Кито (первый) и Каваи (второй). Через три недели полиции пришлось отпустить Каваи. Он немедленно отправился в Японию, где в Осаке нашел Одзаки, и тот устроил его в свою газету «Осака Асахи», и вскоре Каваи вернулся в Китай, где в Тяньцзине открыл книжный магазин и продолжил подпольную работу²⁰⁶.

На замену Одзаки, вынужденному вернуться на родину по причине закончившейся командировки, Зорге наметил Фунакоси Хисао. Уроженец провинциальной Окаямы, где он вырос в типичной домашней обстановке в семье местного производителя соевого соуса, Фунакоси сумел, тем не менее, поступить в престижный столичный университет Васэда (*Waseda*) на модный в те годы литературный факультет (отделение культуры), после окончания которого и поступления на службу в «Шанхай симбун» был направлен корреспондентом в Китай. В представлении к награде сотрудника 1-го отделения политической полиции помощника пристава Комата Такэ мы читаем, что он «...выяснил, что бывший тогда сотрудником шанхайского филиала телеграфного агентства "Ренго Цусин" Фунакоси так же действовал по указаниям Зорге. Наконец, он детально выяснил сведения о шпионских организациях Коминтерна и китайской компартии в Центральном и Северном Китае. В результате этого Фунакоси был арестован в Бэйпине, а Кавамура в Шанхае. Помощник пристава Комата вместе с помощником пристава Кавано под строгим секретом выехали в Бэйпин и выполнили важное задание по доставке Фунакоси в Токио»²⁰⁷.

Будучи на свободе, ни Каваи, ни Фунакоси, ни появившийся чуть позже Кавамура Ёсио не могли заменить Одзаки, и Зорге искренне жалел, что ни одного из новых агентов нельзя даже сравнить с уехавшим журналистом. Первое время он еще надеялся «широко развить» Каваи, но майский арест сломал эти планы. Об оставшемся Фунакоси, которому он присвоил псевдонимы «№ 9» и «Морис», «Рамзай» летом 1932 года писал так: «Наш теперешний единственный чело-

век очень, очень слаб, но, однако, иначе мы ничем не можем себе помочь». Зорге невысоко ценил этого агента, время от времени акцентируя внимание Центра на том, что работает с ним лишь потому, что «на безрыбье и рак рыба», однако не испытывает уверенности в полной преданности Фунакоси общему делу. Между тем этот японский журналист обладал интересными связями среди своих соотечественников, работавших в военном атташате и консульстве в Шанхае, и давал ценную информацию о внутривластной обстановке в Японии, переговорах между Нанкином и Токио, перспективах развития советско-китайских отношений, которыми японцы активно интересовались. Информация Фунакоси о передислокациях японских войск в Маньчжурии докладывалась лично Ворошилову, Тухачевскому, Гамарнику, Егорову и Артузову²⁰⁸.

Очевидно, что важность японских агентов резко возросла в связи с началом агрессии в Китае. Всё то внимание, которое было приковано к действиям Квантунской армии, к информации из японских дипломатических и военных представительств, носило и для Москвы, и для Зорге не оперативно-тактический, а стратегический характер. Жизненно необходимо было не просто отслеживать, анализировать и прогнозировать действия Японии в Китае, но и понять и предсказать всю дальнейшую политику Японии в отношении Азии, Америки и Советского Союза на ближайшие годы. Зорге вспоминал: «Положение Японии на Дальнем Востоке изменилось после Маньчжурского инцидента, вспыхнувшего осенью 1931 года. Захватив контроль над Маньчжурией, Япония стала стремиться играть все более активную роль в Восточной Азии. Были все основания предвидеть, что, как только Япония покорит Маньчжурию, она будет стремиться играть эту роль энергично и единолично. Прямое влияние Маньчжурского инцидента состояло в том, что Советский Союз оказался в непосредственном соприкосновении с Японией в обширном пограничном районе, который до этого в общем-то не принимался во внимание с точки зрения национальной безопасности. Другими словами, возникла новая, непростая для СССР ситуация». Наблюдение за этой ситуацией, помощь в ее разрешении стали последней и самой грандиозной задачей «Рамзая», к работе над которой

он впервые приступил осенью 1931 года при помощи своих японских агентов и друзей: «Я изучал эту проблему по частям, но вынужден признать, что японскую проблему необходимо рассматривать целиком. И еще будучи в Шанхае, приступил к изучению Японии и намеревался при этом стать знатоком японской истории и внешней политики»²⁰⁹.

«Рамзай» все острее нуждался в сведениях с японской стороны и просил Центр помочь с решением этого вопроса: «Не забудьте, что мы всего-навсего в 24 часах от Японии и посещение для переговоров и установления контактов может быть легко и просто организовано»²¹⁰. Если верить Мёлленхофу, он и сам уже побывал в Токио и мог составить хоть какое-то, пусть и ошибочное, но оптимистичное представление о возможности работы в этой стране²¹¹. Однако пока ему приходилось довольствоваться встречами с не самыми лучшими японскими агентами в квартире у Агнес Смедли по адресу 1522, авеню Жоффра, 102 (Avenue Joffre, Apt. 102).

КИТАЙСКИЙ ГЕРОЙ

В январе 1932 года внимание шанхайской резидентуры было приковано к событиям вокруг нового китайского правительства в Нанкине: Чан Кайши решил вернуться во власть, и одним из знаков коренного изменения ситуации должен был стать новый карательный поход против советских районов. В Маньчжурии уже велись боевые действия, и это было осуществимо только при условии заключения союза Нанкина и Токио. В разработке военных деталей похода принимали участие германские советники во главе с генералом Георгом Ветцелем. Эта информация стала известна Зорге и была доложена в Москву, как и сведения о сдаче войсками Чжан Сюэяня южной части Маньчжурии японцам. Интересные, в том числе наводящие на размышления об уровне конспирации воспоминания об этом оставил коминтерновец Герхард Эйслер (Герхарт Айслер), тоже работавший в Шанхае и не просто знакомый с Зорге, а знавший его по подпольной работе в Германии в 1920-е годы (с воспоминаниями жены Эйслера — Хедэ Массинг читатель уже знаком): «Как раз во время этого наступления войск Гоминьдана я имел возможность ближе познакомиться в Шанхае и Нанкине с товарищем Зорге, с которым мельком виделся несколько лет назад в Германии, в ходе нашей политической работы. Он жил среди германских офицеров и слыл завсегдатаем офицерских казино. Таким образом ему удалось подготовить хорошую основу для своей разведывательной работы. Общение с этими людьми... требовало железного самообладания. Когда эти "сверхчеловеки" устраивали буйные попойки и орали "Мы прикончим этих красных свиней!", Зорге не имел права ничем проявить кипевшее в нем негодование.

Рихард Зорге узнал, какие операции планировалось провести против советских районов. Благодаря тесным контактам с китайскими соратниками по борьбе, я смог передать эти сведения по назначению. Так состоялась наша встреча. В тогдашних условиях она не могла быть продолжительной. Разговор вынужденно ограничивался самым необходимым и существенным. Несмотря на постоянно довлевшую над ним угрозу, Зорге излучал спокойствие и ощущение безопасности. Без всякой спешки, за несколько минут он успевал доходчиво разъяснить замыслы и планы противника, самые сложные ситуации. Он обладал удивительным даром излагать самое существенное в нескольких коротких, точно сформулированных фразах. При этом он не только ознакомил меня с военными планами гоминьдановской клики, но и предложил ряд контрмер, посоветовал, что предпринять, чтобы не дать противнику застигнуть себя врасплох. Во время наших бесед он не пользовался никакими записями. Он все держал в голове — и цифры, и имена, и географические названия, которые, большей частью, с трудом поддавались запоминанию.

За время моего пребывания в Китае, то есть в период с 1929 по 1931 год, я около десяти раз беседовал с товарищем Зорге. Он был жизнерадостным человеком, не дававшим трудностям одержать верх над собой, полным энергии и оптимизма. Его отличало тонкое чувство юмора, порой он становился несколько ироничным. В тех ролях, которые ему приходилось играть в процессе выполнения задания, он чувствовал себя на редкость уверенно»²¹².

Неожиданно война подошла вплотную к китайскому дому «Рамзая». В начале января 1932 года японский резидент в Шанхае майор Танака получил указание из Токио: «Маньчжурский инцидент развивается, как и ожидалось. Однако недовольство великих держав дает основание для некоторых лиц в центре для балансирования в политике между Японией и Китаем. В этой обстановке было бы целесообразно отвлечь внимание великих держав от Маньчжурии к Шанхаю»²¹³. 18 января Танака исполнил указание по отвлечению внимания от Маньчжурии: в Шанхае были избиты пятеро японских монахов, один из которых умер в результате полученных травм. Виновными называли китайцев. Уже на следующий день японские националисты, в числе которых были

секретные сотрудники спецслужб, сожгли китайскую текстильную фабрику. Китайская полиция при разгоне японцев убила одного из террористов и двоих ранила. Вечером начались японские протесты в центре города, а 23—24 января в Янцзы вошли семь японских кораблей с десантом морской пехоты. «Рамзай» радировал о кораблях за день до этого, основываясь на информации от «№ 6», а затем, с таким же упреждением — о прибытии еще одного миноносца, но главное — сообщил об условиях, при которых можно было избежать японской агрессии в Шанхае.

Выполнить все требования Токио оказалось невозможным, и 29 января японцы высадили десант в северной — китайской части Шанхая. На следующий день там развернулись полномасштабные боевые действия с применением авиации и артиллерии. Японские жители города ушли в международный и французский сеттльменты под защиту британской и французской полиции и русского охранного отряда генерала Глебова. Весь конец января и начало февраля Зорге работал в особенно напряженном ритме, отправляя сообщения практически с линии фронта. Совпавший с этими событиями отъезд Одзаки усложнил задачу резидента по сбору точной информации с японской стороны.

2 февраля японцы впервые произвели бомбежку Нанкина, и китайское правительство переехало в Лоян, но в Шанхае японцам так и не удалось достичь успеха. Международное сообщество не поддержало Токио, а сопротивление китайской армии нарастало. В этот самый момент Зорге удалось узнать у своего «друга» Мёлленхофа о выделении японцами финансовых резервов в размере трех миллионов иен для организации белогвардейско-монгольской армии под началом атамана Семенова²¹⁴. В отличие от японских частей, задачей «бело-желтых» был не Китай, а советское Забайкалье, и такая информация вызвала особую тревогу в Москве. Был организован запрос НКВД СССР японскому правительству, и в ответ Токио пришлось заверить Москву в своей готовности пресечь белых, которые интриговали против Советского Союза под крылом Квантунской армии. Атаман Семенов снова остался ни с чем.

9 февраля Зорге получил новые задания из Центра, которые касались сугубо военных вопросов. Прежде всего, тре-

бовались данные по китайской армии, ведущей бои против японцев в районе Шанхая. Было обращено внимание «Рамзая» на своевременность предоставления донесений — в Центре считали, что он запаздывает. Во Владивостоке барахлила и не справлялась с работой радиостанция Четвертого управления: «Висбаден» плохо слышал Шанхай. Для решения этой проблемы в Приморье развернули отдельную радию, работающую только на связь с Зорге: важность его сообщений становилась для Москвы исключительной. В течение февраля 1932 года «Рамзай» сообщил в столицу запрошенные ею сведения из американских торговых и политических кругов в Шанхае, касающиеся отношения к Японии со стороны США в связи с Шанхайским инцидентом, о возможности секретных японо-китайских переговоров и создании нейтральной зоны вокруг Шанхая. В то же время Зорге не смог ответить на конкретные вопросы военного характера относительно японских войск в Китае, так как с началом боевых действий германские советники и инструкторы, которые ранее находились в японской армии, были отстранены от участия в боях. Ответственным за эту часть работы был назначен недавно прибывший профессиональный военный «Пауль» — Карл Римм. Проблема, однако, заключалась в том, что он совсем не знал английского языка, на котором велось основное общение в Шанхае за пределами немецкой диаспоры, а потому его возможности не были так широки, как их представляли в Москве. К тому же нормальную связь так и не удалось наладить даже при наличии двух радиостанций.

1 марта было объявлено о создании нового государства в Маньчжурии: Маньчжоу-Го во главе с императором и главнокомандующим Генри Пу И. Вскоре Чан Кайши стал председателем Военного совета национального правительства в Лояне и главкомом вооруженных сил. Начались переговоры между Токио и Нанкином о Шанхае, а в конце марта из Маньчжурии к работе в резидентуре смог вернуться Каваи. Это дало возможность Зорге передать в Москву новые данные о дислокации на севере Китая японских и монгольских частей.

В апреле—мае 1932 года усилия «Рамзая» были направлены на вскрытие, анализ и передачу в Центр сведений о переговорах в Шанхае между Чан Кайши и Фэн Юйсяном, представлявшим интересы «северных генералов», еще пы-

тавшихся бороться в Маньчжурии с японцами, и о переговорах Чан Кайши с Токио, в результате которых ожидалась окончательная «сдача» Маньчжурии японцам при поддержке Великобритании и горячем неодобрении Соединенными Штатами. 5 мая Нанкин и Токио договорились о прекращении боевых действий в районе Шанхая и эвакуации японских войск. Зорге считал, что в обмен японцы обретут большую свободу действий на севере Китая, а Чан Кайши упрочит свое положение на юге. В мае «Рамзай» отправил в центр информацию о японских войсках, полученную от высокопоставленного военного источника в Маньчжурии, и о выводе японских войск из Шанхая — в Японию и в Маньчжурию, с сообщением точных данных о численном составе и организации передислоцируемых частей. К концу мая он подготовил большой аналитический материал политического характера, полученный от агента, вхожего в коридоры высшей нанкинской власти. От Мёлленхофа, уехавшего в Японию, снова была получена информация о переговорах Семенова с японцами, высоко оцененная в Москве²¹⁵.

В конце лета Зорге смог несколько притормозить свой телеграфный темп жизни и занялся анализом произошедших зимой и весной событий. Этому способствовало получение агентурным путем брошюр с подробным разбором боестолкновений с японской армией, выполненным в штабе 19-й китайской армии и двух гвардейских дивизиях Гоминьдана. Советский резидент добавил к этим документам свои сообщения о тактике действий японской армии в ходе последних боев в Китае, прежде всего в Шанхае, но Москву больше интересовал другой регион — Маньчжурия, откуда в любой момент можно было ожидать удара Квантунской армии по СССР. Всю предыдущую зиму советское правительство пыталось выйти на переговоры с Японией о подписании пакта о ненападении, что было воспринято в Японии как свидетельство слабости советской стороны. На самом же деле, ОГПУ и Главным штабом РККА в это время проводилась грандиозная акция по дезинформированию японской разведки, известная как операция «Новый генерал». В то же время благодаря четко поставленной работе по вскрытию японских дипломатических и военных кодов и проникновению агентуры ОГПУ в посольство Японии в Москве и его военный атташат

Кремль был полностью в курсе относительно агрессивных настроений Токио и конкретных мер по развязыванию войны против Советского Союза. К весне 1932 года было принято решение разрушить планы японцев, и с «благословения» Сталина 4 марта в «Известиях» был опубликован материал, раскрывающий шаги японских военных по подготовке полномасштабных боевых действий против СССР, основанный на похищенных из посольства сверхсекретных документах. Реальная угроза войны была предотвращена благодаря своевременному преданию гласности этих планов.

Зорге, со своей стороны, пытался сделать все возможное, чтобы обеспечить военную разведку СССР точными данными о намерениях японцев в Китае. «В результате Маньчжурского и Шанхайского инцидентов вскрылась новая картина японо-китайских проблем. Отношения между двумя странами, разумеется, не только неизбежно ухудшились, но и совершенно изменился их прежний характер. Китай, как и Советский Союз, стал смотреть другими глазами на новые действия Японии, неизбежно испытывая по отношению к ней новые опасения. Нечего и говорить, что я уделял самое пристальное внимание этому вопросу»²¹⁶, — писал Зорге позже.

Полученная от «Рамзая» информация подтверждала ослабление антисоветских настроений в японской армии. Одним из важнейших выводов, к которому пришел «Рамзай» еще в марте и в котором убедился в середине 1932 года, являлось заключение о крайне малой вероятности войны против СССР до весны 1933-го. Наоборот, по информации, полученной от Фунакоси Хисао, сконцентрированные в районе Шанхая военно-морские и сухопутные силы Японии были готовы противостоять интересам США в этом регионе. Если американцы будут и дальше выступать против японской военной активности в Маньчжурии, то и армия, которая традиционно с большим рвением выступает за войну на севере, может изменить свое настроение и американцы окончательно станут главным противником Японии. Так, еще 30 марта Зорге сделал вывод: главным вопросом японской военной политики становится географический. Война неизбежна, но направление удара — юг (США) или север (СССР) — окончательно не выбрано.

«Вспышка боевых действий в Шанхае в 1932 году свидетельствовала о том, что в японской внешней политике начал проводиться новый курс, — вспоминал Зорге. — Конечно, в то время нам было не вполне понятно, было ли это случайным единичным столкновением или это было выражением устремлений Японии завоевать Китай вслед за захватом Маньчжурии. Кроме того, было непонятно, двинется ли Япония на север, в Сибирь, или же на юг и вторгнется в Китай. В такой ситуации во время Шанхайского инцидента моя работа стала еще более важной. Я старался вскрыть подлинные цели Японии и в деталях изучить методы боевых действий японской армии в ходе боев в Шанхае»²¹⁷.

Кроме того, в самое ближайшее время ожидалось резкое обострение обстановки в самом Токио. Там намечался фашистский переворот, в результате которого к власти мог прийти «ястреб» генерал-лейтенант Араки, и об этом «Рамзай» тоже сообщал в Москву²¹⁸.

Мёлленхоф, находившийся в Японии, сообщил, что и Семенову никак не удастся добиться благосклонности японцев в создании «бело-монгольской армии», а Араки рассматривает события в Шанхае как поражение японской армии и делает ставку на скорый военно-фашистский путч. 28 апреля Зорге, основываясь на информации Фунакоси, сообщил в Москву, что в середине или конце мая в Токио может случиться мятеж²¹⁹. Попытка путча «молодых офицеров», в ходе которого был убит премьер-министр страны Инукаи Цуёси, произошла 15 мая — в этом «Рамзай» не ошибся. А вот военный министр Араки Садао не стал ни диктатором, ни даже премьером, сохранив за собой имеющуюся должность и лишь получив осенью того же года звание полного генерала. Зорге правильно спрогнозировал невозможность развязывания войны при новом кабинете, но ошибся, определяя время, которое он мог просуществовать, отводя ему на жизнь всего месяц. Новый кабинет адмирала Сайто ушел в отставку лишь год с небольшим спустя. Таким образом, анализ военно-политической ситуации в японо-советских отношениях, который пытался осуществить Зорге, как правило, соответствовал реальной обстановке лишь наполовину — ему явно не хватало японских источников. Но и резидентом он тогда был не в Токио, а в Шанхае.

До середины августа 1932 года «Рамзай» еще несколько раз возвращался к этой теме, все более и более склоняясь к мнению, что на данном этапе война Японии против СССР невозможна, а затем оставил ее в связи со стабилизацией положения и большой загруженностью на «китайском фронте».

Еще одним серьезнейшим вопросом, с которым Зорге довелось вплотную столкнуться в том же 1932 году, стала возможность применения в Китае оружия массового поражения. На собственном опыте познавший силу и ужас отравляющих веществ, наш герой еще с московских времен внимательно изучал деятельность германской компании «ИГ Фарбен», подозревая ее в разработке и производстве боевых газов. В Шанхае он вышел на след группы немецких ученых-химиков, прибывших туда по приглашению нанкин-ского правительства и занятых созданием боевых отравляющих веществ для Гоминьдана. Работавший в городе по линии ИККИ и ОМС выпускник московской военной академии немец Отто Браун тоже входил в круг связей «Рамзая» и позже вспоминал обсуждение этой темы: «Рихард к тому времени уже более двух лет проработал в Китае, накопил большой опыт, в то время как я только что вышел из стен Военной академии имени Фрунзе, вооруженный специальными знаниями в области самой современной военной науки. Когда мы заговорили о возможности газовой войны в Китае, высказывая поначалу различные мнения и аргументы, мой до этого времени спокойный и рассудительный собеседник стал меняться прямо на глазах. Таким я Рихарда еще никогда не видел, он буквально взорвался, его аргументы стали резкими и категоричными; при этом он назвал несколько фактов, которые произвели на меня неизгладимое впечатление. Я никогда не забуду этот день. В окне за его спиной показались первые лучи восходящего солнца, когда он буквально заклинал меня: "Никогда не забывай о возможности применения газа! Газ — это бич, которым кучка эксплуататоров собирается держать в повиновении миллионы эксплуатируемых! Газ — средство уничтожения масс людей, возможно, большей части крупнейших классов и народов!"»²²⁰.

Весной Зорге оказался втянут в историю, связанную с готовностью части китайских генералов и офицеров продолжать борьбу против японцев несмотря на формальное между

ними замирение. Советский Союз, опасаясь спровоцировать в такой непростой ситуации Японию, официально решил не оказывать никакой помощи антияпонским силам и закрепил это решение постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1932 года. Еще раньше эта позиция была доведена и до Зорге, как до человека, с которым в ближайшем времени китайские военные могут начать искать контакты. В Москве ошиблись только со сроками: первые посланцы из Маньчжурии прибыли еще в апреле. Проверив их, Зорге, не обращая внимания на запрет Центра и свое плохое самочувствие (он долго лежал в госпитале с переломами после аварии на мотоцикле, в которую попал 11 апреля), встретился с этими людьми и, сообщив, что они, несмотря на отказ им в помощи, пытаются пробраться во Владивосток, передал их установочные данные²²¹. Наконец, в первой половине 1932 года именно Рихард Зорге через Сун Цинлин передал местным коммунистам все основные данные о Четвертом карательном походе против советских районов Китая. Поход провалился, были спасены тысячи, а возможно, десятки тысяч жизней китайцев, и даже за один этот подвиг Рихард Зорге достоин был бы звания Героя.

Всего же в период с «1 января по 7 ноября 1932 года Рихардом Зорге было направлено в Центр 279 информационных телеграмм... свыше 160 было доложено руководству РККА и ИНО ОГПУ (Ворошилову, Гамарнику, Тухачевскому, Егорову и Артузову)... Остальные телеграммы были адресованы в 3-й (информационный) отдел...»²²². В обратном направлении, из Москвы в Шанхай было отправлено 105 телеграмм, содержащих запросы и руководящие указания Центра. Точнее, двух Центров: по-прежнему, несмотря на собственные строжайшие запреты по поддержанию контактов с представителями Коминтерна, Четвертое управление передало 28 телеграмм в адрес Зорге от имени Осипа Пятницкого.

Основная часть коминтерновской переписки касалась продолжавшихся попыток спасти из тюрьмы Рудника и его жену: в «большевистском» отеле «Палас» уже можно было резервировать целое крыло для постоянно прибывающих миссионеров ИККИ. С 5 июля по 19 августа в Нанкине прошел новый суд над «супругами Рюгг», и всю весну активность Коминтерна по предоставлению адвокатов, попыткам

подкупа судебных чиновников, получению конфиденциальной информации из Нанкина с помощью «Рамзая», а также для передачи через него колоссальных сумм для «китайских товарищей» только росла. «Больные» объявили голодовку в знак протеста против содержания в китайской тюрьме, причем сделали это по собственной инициативе, не посоветовавшись с руководством Коминтерна. В адрес Зорге полетела возмущенная и безапелляционная телеграмма от Пятницкого с пометкой «передать немедленно»: «Возмущены, что нет ответа на нашу телеграмму, посланную вам 8 июля. Повторяем... почему больные объявили голодовку, почему они требуют перенесения суда в Шанхай? Нам все это непонятно... Ждем немедленного ответа: какая у вас тактика и кто дал указания насчет голодовки. Если даже требования больных о переводе в Шанхай будут удовлетворены, и шанхайский суд приговорит к смерти — нечем будет крыть, ибо мол сами хотели Шанхай. Предлагаем дать больным указание о прекращении голодовки. Сообщите тотчас же ответ»²²³. Когда же суд состоялся, Зорге был привлечен Коминтерном еще и к вопросу об устройстве пятилетнего сына Рудника, который оставался в Шанхае. Неудивительно, что издерганный указаниями Москвы, постоянно противоречащими друг другу и нередко еще и здравому смыслу, резидент стал все чаще смотреть в сторону дома. Тем более обычный, принятый тогда срок командировки разведчика за границу — два года — истек еще в январе 1932-го.

Зорге устал. Устал не только от невероятной загруженности, но и от непрерывной цепи чрезвычайных ситуаций, от постоянной бестолковости организации работы в Шанхае. Стоит хотя бы вспомнить, что 1932 год начался с поисков прибывшего помощника — Карла Римма, который по приезде остановился не там, где условились, и резидентура разыскивала его по словесному портрету (!) в Шанхае ровно неделю! Затем «Рамзай» лишился лучшего помощника за эти годы — Одзак Ходзуми. Ровно в эти же дни прибыл военный разведчик Иосиф Ефимович Овадис («Чернов», «Макс»), назначенный — опять же в нарушение всех запретов — корреспондентом ТАСС в Нанкине, где он оказался единственным (!) иностранным корреспондентом, не знавшим китайского языка. Связь с ним Москва поддержива-

ла, конечно, через Зорге. Не увенчались успехом и попытки Римма выучить английский за четыре месяца, что поначалу представлялось ему вполне возможным и что ограничило круг его общения до масштабов трагифарса: на встречи с агентами ему приходилось брать переводчика. В Москве этого не понимали, так как считали, что для работы в Шанхае необходим как раз немецкий, а не английский язык²²⁴. Зато «Пауль» счел, что «Рамзай» неправильно организовал работу резидентуры, поскольку все связи поддерживал лично. Но все основные контакты Зорге — около пятнадцати человек — были либо его личными друзьями, либо из всех европейских языков использовали английский, а не знакомые Римму немецкий, эстонский или русский. Более того, резидент ОМС Стронский тоже почти не говорил по-английски, и его связи приходилось поддерживать все тому же Зорге.

«Первый уже разочарован, что к маю не может выехать домой. Он в самом деле уже здорово измотался. Из его доклада ты видишь, что вся работа лежит на его плечах»²²⁵, — писал Римм шефу дальневосточного направления советской разведки Давыдову и просил, чтобы ему — Римму прислали в Шанхай жену и помогли открыть магазин — для прикрытия.

С легализацией были проблемы, не замечать которые удавалось только в либеральных условиях жизни международного сэттльмента Шанхая. Вернувшийся туда весной 1932 года Клаузен открыл магазин по продаже мотоциклов, но за два года — до своего возвращения в Москву в августе 1933-го — он не продал ни одного. Однако вопросов к нему почему-то не возникало. Один из самых надежных, активных и проверенных соратников Рихарда — Агнес Смедли оказалась в 1932 году в сложном положении: ее уволили за левые настроения из «Франкфуртер цайтунг», и всю весну и все лето «Рамзай» бился с Москвой, пытаясь обеспечить Смедли средства к существованию в Шанхае путем использования ее возможностей как журналиста. Агнес по идейным причинам отказывалась брать деньги за сотрудничество с разведкой, а гонорары ей не платили. Советская газета «Москоу ньюс» задолжала ей крупную сумму в 3 тысячи долларов США, издательство «Земля и фабрика» — 200 долларов. Этих денег она так никогда и не увидела, и попытки

Зорге, а затем Римма обеспечить ей хотя бы 50 долларов в месяц за сотрудничество с советской прессой так же не принесли результата. Сотрудничество это, конечно, надо было бы закамуфлировать, чтобы не бросить тень ни на одну из сторон, но, по сравнению с другими опасностями расшифровки резидента, это представлялось сущей мелочью.

В середине мая 1932 года Зорге доложил в Центр, что вокруг него самого в немецкой колонии распространяются слухи, которые могут привести к серьезным неприятностям. Это было неизбежно: корреспондент влиятельных немецких газет Рихард Зорге уже давно перестал что-либо писать — ему было просто некогда, и недоумение любопытных жителей сеттльментов по этому поводу росло все больше и больше. Зорге очень настойчиво попросил Центр решить вопрос с его легализацией как корреспондента в течение шести недель, иначе может возникнуть необходимость его срочного «исчезновения» из-за угрозы ареста. В любом случае нужно было принять меры для ускоренной передачи дел резидента Стронскому и Римму, а также направить в Шанхай нового «мастера». Радист «Зеппель» — Йозеф Вейнгарт мог оказаться «засвечен» еще со времен, когда резидентом был Улановский, и Зорге уже неоднократно просил сменить его.

Центр ответил резиденту, что в сложившейся ситуации виноват он сам — Зорге и что скоро в Шанхай должен прибыть сотрудник Четвертого управления под «крышей» корреспондента «Берлинер тагеблатт» Штейн, с которым надлежало установить связь. Зорге заметил в ответной переписке, что в целом Шанхай — благоприятное место для разведки, но шпиону лучше быть американцем «не ниже журналиста, адвоката, коммерсанта известной фирмы или же банковского чиновника-маклера»²²⁶, и снова попросил заменить Вейнгарта, который устал и физически, и морально, или хотя бы отправить его в Кантон, где был нужен опытный разведчик и где сейчас работала одна «Марианна».

Явно намекая на то, что необходимость в самом резиденте — с теми его полномочиями, обязанностями и возможностями, какие он создал сам — становится меньше, «Рамзай» писал, что «Пауль» все больше втягивается в работу (сам Зорге по приезде в Шанхай не втягивался, а сразу начал давать ценную информацию), да и у Стронского постепенно

стало что-то получаться. «Рамзай» запросил разрешение на большую поездку во внутренний Китай. Представленная как журналистская командировка, она должна была упрочить его слабую легализацию, дав возможность продать европейским газетам и журналам статьи и эксклюзивные фото с места событий. Центр на это, как и на замену «Зеппеля», не согласился, после чего в конце августа внезапно сообщил, что в Шанхай выезжает новый радист. Правда, на каком пароходе и когда — неизвестно. В итоге этот разведчик добирался до пункта назначения более полугода и появился в Шанхае только в феврале 1933 года.

Пока же Зорге продолжил работу и завербовал еще одного агента в Нанкине. Русский белоэмигрант «Фишбейн» обещал дать интересную информацию о французских спецслужбах в Китае. Крепла агентура в Пекине-Бэйпине и в Маньчжурии. В этот же время в Москве готовилось письмо в адрес Зорге с сообщением о том, что его резидентура обросла лишними связями, непомерно затратна и не слишком эффективна. Письмо было большим, готовилось долго и не учитывало изменения в структуре и направлении разведки, которые предпринял Зорге за последние три месяца. Например, ему предписывалось развернуть агентурную сеть в Бэйпине и других городах Китая, что «Рамзай» сделал без всяких предписаний и что входило в полное и решительное противоречие с первой частью письма²²⁷. Оно так и не было отправлено по назначению, что позволило Зорге выдвинуть свое предложение: отправить Вейнгарта в Бэйпин. «Рамзай» то ли спасал своего радиста от провала, пытаясь убрать его из Шанхая, то ли хотел выпроводить его подальше, а может быть, просто не видел другого расклада в управлении двумя радистами (Клаузен при этом относительно спокойно жил в Шанхае и по-прежнему пытался торговать мотоциклами). Москва заявила, что не пойдет на расширение резидентуры и что... направляет в Шанхай еще одного сотрудника — жену Римма Любу Римм («Луизу Клязь») в качестве шифровальщицы с окладом 75 «амов» в месяц. Одновременно Зорге предписывалось сократить расходы на резидентуру до двух тысяч «амов» в месяц, то есть в полтора-два раза меньше от реальных, что было решительно невозможно и невыполнимо без сокращения агентурной сети. В дополнение к этой

проблеме в ночь на 31 августа неизвестные грабители обчистили магазин Римма, в котором хранилась касса резидентуры, и украли последние 900 долларов. Как раз незадолго до этого «Пауль» на средства резидентуры открыл небольшую лавку фототоваров, чтобы как-то легализоваться в городе, при том, что по легенде он был... ветеринарным врачом. В жизни бывает всякое, люди часто меняют профессии, оказавшись в определенных обстоятельствах. Жаль только об этом не предупредили жену «Пауля» — «Луизу», которая на долгом пути из Венеции в Шанхай пароходом «Конте Россе» выдавала себя за «супругу состоятельного ветеринарного врача»²²⁸. Если кто-то из спутников Любы Римм решил бы навестить ее в Шанхае, он наверняка испытал бы сильное удивление...

Вконец вымотанный Зорге 13 сентября пишет в Москву телеграмму с очередной просьбой заменить его в Шанхае. Стронский присоединяется к ней, сообщая, что только срочный отъезд «Рамзая» может спасти резидентуру от провала. В ответ... Центр присылает сообщение о подписке разведчиков на государственный заём: из довольствия Зорге и Стронского вычли по 200 долларов, у Римма и Вейнгарта отняли по 100. При этом личный бюджет «Пауля» составлял 160 долларов в месяц, магазин дохода не приносил, и только приезд жены мог спасти его от нищеты.

Любовь Римм прибыла в Шанхай 2 октября. Она вспоминала о Зорге так: «В тот вечер к нам пришел гость, мужчина с приятной внешностью, по-спортивному подтянутый. Он поздоровался со мной, как со старым другом: "Вы уже приехали? Очень рад. Как прошла поездка? Пришлось, наверное, немного поволноваться? Не было ли за вами 'хвоста'?" Пока он засыпал меня вопросами, я старалась получше разглядеть его. У него были красивые выющиеся волосы и голубые глаза. Как личность, он произвел на меня сильное впечатление. А Карл сказал: "Это и есть Рихард"»²²⁹. Не правда ли, кажется, что все женщины видели нашего героя настолько одинаково, как будто встречались с ним вместе и одновременно?

4 октября Рихарду Зорге исполнилось 37 лет. В этот день он получил из Москвы дорогой подарок: ему пообещали, что в течение полутора месяцев он получит замену и сможет вернуться домой. Меньше чем через неделю «Рамзай» дал телеграмму в Центр:

«Москва, тов. Берзину.

Шанхай, 10 октября 1932 года.

От кит[айского] источника узнали, что Нанкин якобы обнаружил след военного шпиона. Подозревают будто бы одного немца и еврея. На основании наших старых грехов и слухов среди местных немцев полагаем, что круг подозрений вокруг Рамзая (в переписке Зорге всегда упоминал себя в третьем лице. — А. К.) все больше смыкается. Просим срочно сообщить, должен ли Рамзай неприметно выждать прибытия замены или же он может уехать независимо от прибытия последнего.

Р.».

Ян Берзин наложил резолюцию: «Пусть едет, не дожидаясь замены, иначе сторит». Его заместитель Борис Мельников добавил: «Сообщи Рамзаю о немедленном выезде без замены»²³⁰.

Странно, что, получив тревожную телеграмму, в которой упоминались «немец» (Зорге) и «еврей» (Стронский), в Москве как будто бы прочли только ее часть. Во всяком случае, никаких упоминаний о том, что судьба Стронского тоже вызвала опасения, не сохранилось. Да и действий в этом направлении никаких предпринято не было. Зато обеспокоенное начальство начало торопить резидента с выездом, но еще почти месяц ушел на создание легенды и передачу дел Римму и Стронскому при сохранении жизнедеятельности резидентуры: информация в Москву продолжала поступать обычным порядком. Одно из последних сообщений касалось прибытия в Нанкин германского разведчика фон Леммерцаана (так его фамилия была зафиксирована в документах) с задачей реорганизации китайской контрразведки. А 4 ноября в Москве получили сообщение, что «по случаю 15-й годовщины Октябрьской революции шанхайская резидентура шлет Разведупру горячий товарищеский привет и вносит в фонд постройки самолета-гиганта "Советский Дальний Восток" 75 амов. Деньги привезет Рамзай»²³¹. В «годовщину» — 7 ноября «Пауль» принял у «Рамзая» кассу и все связи. Наверно, наш герой попрощался с друзьями. Вряд ли он мог уехать, не повидавшись с Агнес Смедли. Урсуле Гамбургер Зорге позвонил: «Я сняла трубку. Раздался голос Рихарда Зорге. Рихард сказал, что до полудня он два часа меня дожидался

и неоднократно звонил, однако никто не отвечал. Он хотел со мной попрощаться. Я схватилась за стул, стоящий рядом с письменным столом, и опустилась на него. Рихард спросил, слушаю ли я. Он хочет поблагодарить меня за товарищескую заботу о нем и о других. Это лишь начало, сказал он, мне еще многое предстоит сделать. Я должна обещать ему, что и в дальнейшем буду держать ушки на макушке. И все, всего хорошего, до свидания.

В соседней комнате меня ожидали гости. Я посмотрела на стул и не могла себе представить, что Рихард просто уехал, что он больше не будет сидеть на этом стуле, говорить со мной, слушать меня, давать советы и смеяться вместе со мной. Как же я заблуждалась! Только теперь мне стало понятно, как дорог он мне был. Если бы у меня было хотя бы десять минут времени, чтобы взять себя в руки. Однако это относилось уже к области "держат ушки на макушке". Я вернулась в комнату. По моему виду никто из гостей ни о чем не догадался»²³².

12 ноября, после двух лет и десяти месяцев пребывания в Китае, Рихард Зорге покинул Шанхай рейсовым пароходом. Через Японию он 21 ноября добрался до Владивостока, откуда отправился в Москву. Там его ждал еще один подарок: был сдан в печать 27-й том Большой советской энциклопедии со статьей о человеке, память о котором во многом определила судьбу Рихарда: о его двоюродном деде Фридрихе Зорге.

БЕЗУСЛОВНАЯ ПОБЕДА

Почти трехлетняя командировка Зорге в Китай для большинства исследователей стала одним из малозаметных эпизодов его биографии, как, впрочем, и коминтерновский период. Это несправедливо и неправильно по целому ряду причин. Во-первых, Зорге не просто работал в Китае, он попал туда в один из самых сложных, противоречивых и трагических периодов в современной истории этой страны. И уже сам факт того, что руководство советской военной разведки выбрало именно его — новичка в своем ведомстве, даже не состоящего на службе в управлении, не имеющего военного образования и при полном отсутствии опыта работы на Дальнем Востоке, говорит о том, что и выбор был невелик, и доверие к нашему герою присутствовало несмотря ни на какие чистки. Зорге сумел мгновенно разобраться в сложнейших перипетиях внутренней политической борьбы в Китае и его непростой внешней политики, но эта задача остается непосильной для многих современных его биографов. Приходится еще раз повторить, что формат этой книги не позволяет и нам хотя бы более плотными штрихами воспроизвести тот исторический фон, на котором Зорге ткал сложнейшие узоры своей шпионской работы. Пытливый читатель легко найдет более подробные исследования о Китае начала 1930-х годов, которые позволят глубже погрузиться в шанхайский период существования резидентуры «Рамзая», узнает подробности о тех ее сотрудниках, которые лишь вскользь упомянуты в этом повествовании, и о тех, кто намеренно выпущен из него, чтобы сконцентрироваться на основной линии.

Во-вторых, в биографии Зорге — того «Рамзая», которого будет приказано — хотя и полностью по заслугам, но все же именно приказано — прославить в 1964 году, основное вни-

мание читателя и зрителя оттягивает на себя его несколько мифологизированная деятельность в Японии, особенно в последний год существования резидентуры. Безусловно, это был высший пик жизни и деятельности Зорге как разведчика, но эти годы не были всей его жизнью. Следует отчетливо понимать, что подвиг Зорге не ограничивается его феерическим взлетом во время работы в Японии почти десятилетие спустя после пребывания в Китае, где «Рамзай» действовал не менее успешно. А путь, который пришлось ему преодолеть для достижения этого успеха, свидетельствует не только о его уме, силе характера, способностях, но и о его самоидентификации как советского человека, родина которого — не в силу географии, места появления на свет, а по идеологическим мотивам — Советский Союз, Москва. Именно в Китае Рихард Зорге стал советским разведчиком и уже тогда заслужил то, чтобы его имя, раз став известным, никогда не было забыто.

В-третьих, из-за завесы тайны, скрывавшей работу нашего героя в Шанхае на протяжении нескольких десятилетий, и противоречивых сведений то ли о его успехе там, то ли о полном провале, мы слишком долго не могли с полной ясностью понять, что же на самом деле произошло в Шанхае в 1930—1932 годах, в каких условиях приходилось там работать Зорге, с чем и как бороться и, наконец, выиграл или проиграл он в этой борьбе. Попробуем разобраться в этом еще раз и очень коротко подвести итоги, хотя снова необходимо предупредить читателя о том, что многие второстепенные линии и многих действующих лиц нам придется оставить «за кадром».

О том, как много было этих людей, можно судить по тому, что Отто Браун в свое время обнаружил список германских военных советников в Китае, составленный Зорге в 1932 году. Всего их там значится 58 человек: «На 40 больше, чем в середине 1929 года и на 10 больше, чем в середине 1930-го»²³³ — динамика возрастания немецкого военного влияния в Гоминьдане помогала понять изменения общего баланса сил на Дальнем Востоке. Далее к пофамильному списку «Рамзай» приложил распределение их по местам службы, по родам войск и указал непосредственные служебные задачи на каждого (!). Значительная часть этих людей

относилась к так называемым «связям» Зорге, но неверно будет понимать под этим связь агентурную. Например, Чан Кайши тоже числился в своеобразной картотеке «Рамзая» как «связь», но это не значит, что он был агентом советской разведки, это говорит лишь о том, что при определенных обстоятельствах Зорге мог получить выход на этого человека (например, через Сун Цинлин, которая тоже, конечно, относилась к «связям», не будучи агентом в современном понимании этого слова).

Чтобы легче ориентироваться в своих перспективных контактах, Зорге их пронумеровал: всего получилось 96 действующих номеров, с № 1 по № 902 с разделением в ячейки по географическому признаку и оставление пустых — резервных. Номера с 1-го по 46-й были отнесены к шанхайским связям, со 101-го номера начинались связи нанкинские, с 801-го — кантонские и т. д. Причем под одним номером мог скрываться как один человек, так и группа действующих или потенциальных информаторов, а некоторым, помимо цифрового обозначения, были присвоены и оперативные псевдонимы²³⁴.

Зорге часто упрекали, и тогда, и позже, за стремление закрыть все области работы резидентуры лично. Отчасти эти упреки были справедливы, однако вызваны они были не его патологическим желанием делать все за других, а элементарной неспособностью ряда сотрудников выполнять свою работу на том уровне, которого ждали от них резидент и Москва. К тому же в шанхайской резидентуре Четвертого управления, как во всякой подобной, большой и разветвленной организации, существовали свои агенты-групповоды, на которых замыкались другие, более отдаленные от резидента, рядовые члены организации. Как мы помним, китайских агентов в Шанхае курировал китаец «Рудольф», выступавший в определенном смысле «помощником и заместителем» резидента по связям с этой группой информаторов — на него замыкалось около пятидесяти (!) местных агентов и источников, что, конечно, тоже было неправильно и недопустимо. В Кантоне аналогичную, но подчиненную по отношению к «Рудольфу» функцию выполняла «Марианна», был там и специальный агент-групповод, работавший только с местными военными. Другие группы агентов замыкались на «Руди»

в Шанхае, «Шопкипера» и «Шаньдунца» в Нанкине — и так по всем регионам Китая, куда дотянулись щупальца шанхайской резидентуры: в Пекине, Ханькоу, Хэнани и Хунани — всего 13 китайских групповодов, главным из которых был «Рудольф», подчинявшийся лично «Рамзаю»²³⁵. У каждого из групповодов могли быть агенты в полном понимании этого слова, могли быть «интересные связи», агентами не являвшиеся, но доверительно делившиеся с ними конфиденциальной информацией, а могли быть и те и другие, а в дополнение еще и агенты-связники. Имена многих из этих людей неизвестны нам до сих пор, и вряд ли мы их когда-нибудь узнаем. Не знал их и Зорге. Иметь такую широкую сеть было неправильно, опасно, но вот что поразительно: при таком широком охвате и вовлечении в работу огромного количества людей, невозможности проверить преданность каждого из них персонально «Рамзай» хотя и находился каждый день под угрозой провала, но так никогда и не был разоблачен.

Сам Зорге, чья штаб-квартира находилась в Шанхае, поддерживал интенсивное общение с жителями международного и французского сеттльментов. Здесь же основное время находились сотрудник резидентуры Четвертого управления, отвечавший за военные вопросы и хранивший кассу резидентуры — Карл Римм («Пауль»). В последнем вопросе он соприкасался с «коммерсантом от разведки» Гольпером («Эмерсоном») и пытался обзавестись собственной агентурной сетью.

Григорий Стронский («Джон») должен был дублировать все основные связи «Рамзая»: с «Рудольфом», Агнес Смедли, Урсулой Гамбургер, сотрудниками ТАСС Ровером и Овадисом и другими агентами.

Радисты Йозеф Вейнгарт и Макс Клаузен, а на последнем этапе еще и шифровальщица Люба Римм («Луиза») были сотрудниками резидентуры, но своих агентов не имели. Урсула Гамбургер использовалась как «внерезидентурный связник» и агент-наводчик: она выбрала и предложила на вербовку (которая успешно состоялась) немцев Войдта и Плаута.

Яркая, нервная, своенравная, но кристально честная в деловых вопросах, Агнес Смедли агентом не являлась вовсе — ее связывали с Зорге только личные дружеские отношения и единство идеологии. Сама она при этом имела на связи не менее трех китайских источников в журналистских кругах.

С ней поддерживали контакты американские журналисты «Уикли» (при этом Зорге знал, что «Уикли» работает на американскую секретную службу, а тот не догадывался, что его информация через Смедли уходит и в Советский Союз) и «Снэг», а также два американских вице-консула в Шанхае.

Существовали еще связи в русской эмигрантской среде, где особо выделялись бывший барон, а ныне скромный преподаватель гимназии барон Лев Львович Жирар де Сукантон, и бывший немецкий советник капитан Фридрих Мёлленхоф, перешедший к атаману Семенову, искренне восхищавшийся «повесой и кутилой» Зорге. Существовали информанты во французской полиции Шанхая (их курировала Урсула Гамбургер), работали агенты-связники, позволявшие поддерживать контакты через Китай с Советским Союзом, а внутри Китая — между группами резидентуры. Большинство их имен нам тоже неизвестны.

Во множестве этих связей, в невозможности в таких условиях их контролировать и в предоставленной им самостоятельности (а что еще можно было сделать?) скрывалась слабость группы Зорге. Любой из этих людей мог оказаться предателем, полицейским провокатором, просто случайным человеком, и тогда по цепочке от него можно было прийти к главе шпионской сети. Но такого человека не нашлось и не находилось вплоть до середины 1935 года. И вот еще один важный момент — в конечном итоге вся информация, поступавшая в резидентуру: данные о внутривластной обстановке и международной ситуации, сведения военного характера о борьбе за «супругов Нуленс», материалы о японской агрессии и настроениях в белой эмиграции — все это прочитывалось (документы на китайском языке переводились на английский), просматривалось и анализировалось одним человеком — «Рамзаем». Зорге отбирал наиболее ценные сведения, комментировал их и сортировал: наиболее срочные зашифровывались и передавались по радию в «Висбаден», другие материалы, прежде всего микро пленки, отправлялись почтой через Китай в Москву. Всего Рихард Зорге за время своей работы в Шанхае отправил 13 почтовых «посылок». Последняя из них пришла в Москву 10 января 1933 года и содержала 55 материалов на девятистах страницах на немецком, английском и китайском языках — поистине гран-

диозный объем работы, выполненный в чрезвычайных условиях нелегальной резидентуры военной разведки. Говоря же об оценке материалов, присланных «Рамзаем», надо иметь в виду, что далеко не всегда мнение резидента по тому или иному вопросу совпадало с мнением Москвы. Сохранились данные об оценке, данной Центром, некоторым документам, полученным от «Рамзая» по почте в период с 27 февраля по июль 1932 года: из 125 документов 65 были признаны «ценными», 48 — «заслуживающими внимания», остальные не представлялись Центру столь интересными, как это виделось «Рамзаю»:

«— подавляющее большинство направляемых в Центр материалов носило военный характер и освещало состояние и организацию различных группировок войск...

— большинство материалов, как и в предыдущих почтах, было направлено лично "Рамзаем";

— грань между оценками материалов как ценные и заслуживают внимания (так в оригинале. — А. К.), была весьма условна»²³⁶.

Условность оценки во многом была вызвана несвоевременным получением материалов. Если уж ложка дорога к обеду, то что говорить о секретных документах о дислокации войск во время ведения боевых действий? К сожалению, работа почтового канала связи, а также качество фотосъемки так и остались больными местами шанхайской резидентуры. От отправки документов из Шанхая в Москву до получения их оценки, которой резидент должен был руководствоваться далее, проходило около трех—пяти месяцев, а получить качественные фотоснимки удавалось далеко не всегда из-за несовершенства техники, особых условий съемки и низкой квалификации фотографов, в том числе самого «Рамзая».

Безусловно другое: добыча таких пластов информации была сопряжена с огромным риском, и все три года «Рамзай» находился на грани провала. Но — и это главное — провала так и не произошло. Подозрения существовали, но ни резидентура в целом, ни сам Рихард Зорге не были окончательно «засвечены» ни одной из полиций, разведок и контрразведок, действовавших в то время в Шанхае и в Китае вообще. В Москве также сохранялось спокойствие по этому поводу — иначе у главы советской военной разведки Берзина не

возникла бы мысль об отправке Зорге в Японию в качестве постоянного нелегального резидента в этой стране.

Эта идея возникла не позже зимы 1932/33 года, и в марте 1933-го Центр запросил «Пауля» о возможности дальнейшего использования «Рамзая» «по соседству». Римм ответил, что в Китае Зорге провален, так как о нем спрашивал знавший его по Коминтерну Гейнц Мёллер («Азиатикус»; настоящее имя — Хайнц Гржиб), уволенный из «штаба мировой революции» за «правый уклонизм» и теперь находившийся в Шанхае без денег и документов. Центр проверил эту информацию и, подтвердив сам факт знакомства Зорге и Мёллера, все же не пришел к выводу о провале: ведь о настоящем «Рамзая» его бывший коллега ничего не знал, и дальнейшие события подтвердили правильность такой позиции. Да и сам Римм, делая столь категоричный вывод, рекомендовал не работать больше Зорге именно в Шанхае, а не вообще на Дальнем Востоке или даже в Китае²³⁷.

Между тем Зорге, прекрасно понимая, в каком сложном положении он находился все эти три года и как много людей могут если не знать о его второй, тайной жизни, то догадываться о ней, долгое время опасался возможности «засвечения» шанхайского следа. Макс Клаузен считал, что причиной волнений шефа могла быть неудачная попытка вербовки майора Вальтера Хартмана — одного из германских военных специалистов из списка Зорге, служившего советником при Генштабе Нанкинской армии. Но затем, по словам того же Клаузена, Хартман и Зорге, которые при первой встрече едва не убили друг друга, сдружились, и в дальнейшем немецкий майор стал не агентом, но невольным информатором советского разведчика.

Другим возможным источником опасности для «Рамзая» могли стать люди из окружения атамана Семенова: барон Жирар де Сукантон и капитан Мёлленхоф. Оба они искренне и пылко ненавидели Советский Союз и всех, кто мог быть с ним связан. Именно поэтому маска кутилы на лице коммуниста Зорге, которую с таким упоением и явно через край воспевал в своих мемуарах Мёлленхоф, и была столь ярка и вызывающа, чтобы даже тени мысли не допустить о том, что у этого человека может быть что-то общее с левыми. Очень точно по этому поводу писал много позже Яков Григорьевич

Бронин (Я. Горев; настоящее имя — Янкель Гиршевич Лихтенштейн), сменивший «Рамзая» на посту резидента Четвертого управления в Шанхае и хорошо знавший об обвинениях разведчика в разнузданном образе жизни: «Все поведение Зорге было строго продумано. Он никогда не переигрывал. Его поведение было естественным, непринужденным — под стать уверенному в себе фашисту»²³⁸. Несмотря на то, что у Бронина речь шла о поведении Зорге в Японии (отсюда «уверенный в себе фашист»), писать-то он мог только о гораздо более раннем периоде: он не только лично знал Зорге, но и, прибыв в Шанхай, конечно, очень много слышал о своем предшественнике. Впрочем, как мы еще убедимся, у Бронина было два не связанных между собой представления о Зорге: образца 1933 и 1964 года.

Наконец все, кому это было интересно в Шанхае, знали о связях Зорге с Агнес Смедли и другими яркими фигурами из числа левых. Но точно так же белый Шанхай был и в курсе того, что Зорге — друг германских военных советников и инструкторов, желанный гость в профашистском Русском клубе Шанхая и в окружении атамана Семенова, которого никак не заподозришь в симпатии большевикам. А то, что он знаком с красными, так ничего не подделаешь: доктор Зорге — журналист, блестящий знаток Китая во всех его проявлениях, а нельзя стать профессионалом, лишь читая газеты и переписывая в свои статьи сводки новостей, приходится общаться и с правыми, и с левыми.

Так что наибольшая опасность все-таки грозила «Рамзаю» со стороны «китайских товарищей», то есть представителей компартии Китая, среди которых провал следовал за провалом, и связанных с ними представителей Коминтерна. Только за октябрь—ноябрь 1932 года в Шанхае было произведено около двухсот арестов коммунистов, многие из которых могли навести на след «связей» столь nepoзвoлитeльнo тесно контактировавшей с ними резидентуры военной разведки. Дело «Нуленса», в котором «Рамзай» принял запрещенное, но такое деятельное участие, только чудом не приняло для резидента и его помощников форму катастрофы. В январе 1932 года французская полиция и английская контрразведка зафиксировали контакты Зорге с немцем Освальдом Дёницем, который на самом деле являлся агентом Коминтерна

Карлом Лессе («Малей»). Дёниц был расшифрован, и подозрение в причастности к деятельности Коминтерна падало на все его контакты, в том числе и на Зорге.

18 мая 1933 года англичане подготовили отличную справку на нашего героя, позволяющую сегодня представить, как выглядела его жизнь со стороны, и это не был взгляд Мёлленхофа, затуманенный блестящей актерской игрой его «друга», не Бронина, менявшего маски в соответствии с линией партии, а точкой зрения беспристрастных агентов полиции: «Рихард Зорге, доктор философии (очевидная ошибка перевода: не доктор философии, а *PhD*, то есть просто «доктор». — А. К.), немец, возраст 37 лет, прибыл в Шанхай из Марсея 10 января 1930 г. в сопровождении своего земляка по фамилии Вейнгарт. После прибытия в первые три дня он проживал в отеле "Анкор" по адресу: 31-35, Seward Road, затем он проживал в пансионате для иностранцев "Ассоциации молодых христиан"* по адресу Bubbling Well Road. При регистрации по последнему адресу он заявил, что является по профессии журналистом и связан в Берлине с "Edition Company".

14 января 1930 г. он арендовал почтовый ящик № 1062, указав при этом фамилию Вейнгарта, проживающего в гостинице "Анкор" на Seward Road. Проверка Вейнгарта показала, что он выбыл из гостиницы "Анкор" 10 февраля 1930 г. в неизвестном направлении.

9 мая 1930 г. Зорге выехал из пансионата "Ассоциации молодых христиан", заявив, что направляется в Южный Китай по делам. С этого момента до его возвращения в Шанхай 16 ноября 1930 г. ничего о его действиях известно не было. Именно в этот день он снял апартамент № 54 в Capitol Building по Museum Road с ежемесячной оплатой 65 долларов на период в шесть месяцев. По окончании срока аренды он продолжал снимать эту квартиру по ежемесячному соглашению. Примерно 30 июня 1931 года Зорге съехал с этой квартиры и поселился в доме № 23 Wongkashaw Gardens.

* Широко известная и сегодня YMCA (ИМКА; *Young Men's Christian Association*), ведущая активную коммерческую деятельность, в том числе располагающая недорогими отелями во всех концах планеты.

Этот дом арендовал некий Александр фон Дунин, и Зорге снял у него 1-й этаж.

Во время проживания по этому адресу [мы] видели, что он очень редко покидал свою квартиру. Складывалось такое впечатление, что у него в городе никаких дел не было. И он в основном печатал на своей машинке или же проводил время, играя в шахматы с мужчинами, походившими на немцев, которые часто посещали его. Ему очень часто звонили по телефону, и он всегда был очень осторожен, стараясь, чтобы его разговоры не мог услышать никто из жильцов дома. С этой целью он удлинил провод со второго этажа, чтобы можно было говорить из своей комнаты на 1-м этаже.

В январе 1932 г. муниципальной полиции стало известно, что Зорге является членом Тихоокеанского секретариата профсоюзов. Незадолго до получения этой информации, Зорге переехал в апартаменты № 9 в пансионе Реми по Rout Remi, где проживал до конца декабря 1932 года.

В начале января 1933 г. Зорге выехал в Мукден и Дайрен, как сообщают, для сбора материалов, которые он собирался использовать для написания книги "Мирное японское вторжение в Китай"»²³⁹.

Удивительных и важных моментов в этом отчете два. Во-первых, лишь из-за одного, зафиксированного полицией, контакта с представителем Коминтерна Рихард Зорге попал в крайне опасную категорию потенциальных «агентов Коминтерна», что грозило ему арестом, а всей резидентуре грандиозным провалом. Виновником этого опасного контакта был не «Рамзай», а Москва, исправно присылавшая запреты на поддержание связей с сотрудниками ИККИ и ОМС и одновременно требующая их нарушения. И лишь благодаря тому, что это было подозрение, не подкрепленное никакими доказательствами, наш герой в очередной раз избежал катастрофы. Во-вторых, не может не вызывать изумления рассеянность английской контрразведки и французской полиции, упустивших Зорге еще в 1932 году, но в мае 1933-го считавших, что он еще в Шанхае. Когда в конце июля 1933 года англичане решили проверить, вернулся ли Зорге в Шанхай из Кантона, оказалось, что по указанному в справке адресу проживает не Рихард, а Вольфганг Зорге — тоже немецкий журналист, однофамилец, к которому Рихард не имел ника-

кого отношения, но с которым его нередко путали. След же «Рамзая» был безнадежно потерян, так как англичане «совершенно точно установили», что он в это время находился... в Кантоне²⁴⁰. Невероятно, но очевидно: не только разведчики допускали халатность и неосторожность в своей тайной деятельности. Их противники со стороны контрразведки, и не только европейцы, нередко бывали не менее расслаблены. Похожий случай произошел, например, весной 1926 года в Токио, когда оттуда вынужден был бежать по вине своего недалекого, в профессиональном смысле, руководства нелегальный резидент Разведупра и прямой предшественник Зорге Василий Ощепков. Японская тайная полиция долго и упорно продолжала разыскивать его в Токио, тогда как он уже несколько недель находился во Владивостоке, совершенно легально, но очень оперативно покинув Японию²⁴¹.

В мае 1935 года шанхайская резидентура Четвертого управления Штаба РККА все-таки провалилась. Резидентом в тот период был Яков Бронин, и до этого оказывавшийся на грани провала по собственной неосторожности и из-за головотяпства Центра*. Его арестовали, приговорили к пятнадцати годам тюрьмы, и от смерти он спасся только чудом: именно «Абрама» поменяли на сына Чан Кайши Цзян Цзинго, в обмен на которого лидер Гоминьдана в свое время отказался выдавать «супругов Нуленс». Резидентура была разгромлена. В Москве провели «разбор полетов», в результате которого родилось «Заключение по шанхайскому провалу 1935 года». Несмотря на то, что от смены резидентов до провала прошло около полутора лет и все недостатки в резидентуре «Рамзая», хорошо известные руководству, можно было исправить, во многих грехах был обвинен именно Зорге. Ему снова припомнили чрезмерно широкую разведывательную сеть, состоящую из агентов-китайцев, которых «Рамзай» не мог полностью контролировать, и вовлечение в работу известных левых типа Агнес Смедди, и связи с представителями КПК.

* Направляясь из Москвы в Китай через Европу, в Германии Бронин вынужден был бежать из поезда, так как проводник обратил внимание на неправильно оформленный паспорт и плохой немецкий язык якобы австрийца «Абрама».

Руководство сочло, что Зорге пренебрегал правилами конспирации, из-за чего многие агенты знали его адрес, но так и не разъяснило, как это было связано с провалом Бронина. Всплыли на свет божий предупреждения «Зеппеля» о том, что английская контрразведка считает Зорге агентом Коминтерна, явно выдуманная в Москве попытка тех же англичан «взять на арапа» Зорге, когда он лежал после аварии со сломанным плечом в госпитале, а они потребовали выдачи им «советского агента», и многие другие как реальные случаи, так и просто слухи, потребность в которых в 1936 году, когда составлялось «Заключение...», уже отчетливо ощущалась. «Резидентура Рамзая, несомненно, находится под наблюдением японцев», — писал автор «Заключения...» полковой комиссар Павел Фокич Воропинов, настаивая на том, что «Рамзай» раскрыт и через него японцы «подсовывают нам дезинформацию»²⁴².

В 1936 году руководство Четвертого управления, насколько это вообще возможно в разведке, поверило Зорге, а не Воропинову (последний был вскоре уволен из разведки за профнепригодность, что не спасло его, впрочем, от расстрела в 1937 году). Тогда во главе Разведупра еще стояли люди, хорошо понимающие, что они сами не всегда бывают правы, а уникальный резидент с блестящим образованием, опытом работы за границей по линиям двух разведок, знанием нескольких языков, великолепный специалист по Дальнему Востоку, авторитетный журналист, яркая и неординарная личность, а главное — абсолютно преданный Советскому Союзу, делу построения коммунизма, кристально честный человек — слишком редкая удача, чтобы ее упускать. Ведь, по большому счету, «верили — не верили» — это вообще не про разведку. Центр не может и не должен безусловно доверять агенту, проверяться должно всё и вся. И тем не менее к концу китайской командировки Зорге считали надежным товарищем, его признали не просто как агента, разведчика, а как резидента и мастера вербовки, сбора и анализа информации.

НЕТ ПРИЧИН ОТПИРАТЬСЯ...

О своем прибытии в Москву из Шанхая в декабре 1932 года, последовавших за этим событиях и своей реакции на них Зорге оставил весьма любопытные воспоминания: «Вернувшись из Китая, я посетил начальника Четвертого управления Берзина и его нового заместителя, которые радушно приняли меня. Они оба были удовлетворены работой, проделанной мной в Китае, и теперь хотели подробно обсудить мою будущую деятельность. У меня не было причин отпираться и, кроме того, не было никаких других занятий. Время от времени меня вызывали, чтобы обговорить некоторые вопросы, но чаще Берзин или его заместитель приезжали ко мне в гостиницу* или же приглашали меня к себе домой»²⁴³.

Помимо шефа военной разведки Яна Карловича Берзина, с вернувшимся резидентом, как мы видим, тесно общался некий «его заместитель». Это был уникальный специалист по Дальнему Востоку, начальник 2-го (агентурного) отдела Четвертого управления Борис Николаевич Мельников. По происхождению забайкальский казак, Мельников в 1917 году окончил артиллерийское училище и вышел из него прапорщиком, а потом стал подпоручиком военного времени, уже будучи на тот момент членом партии большевиков. Занимая ряд значительных должностей у большевиков, с 1918 по 1920 год он неоднократно арестовывался японцами и китай-

* По данным Фредерика Дикина и Георга Стори, это была гостиница «Москва», то есть статус «Рамзая» повысился, и он был отделен от своих бывших коллег по спецслужбам, проживавших в «Люксе» на Тверской. Юлиус Мадер считал, что это была «Новомосковская», ставшая позже «Бухарестом».

цами, чудом избежал смертной казни, стал командующим войсками Приамурского военного округа и председателем областного бюро партии большевиков. С 1922-го Мельников начал службу в военной разведке. Причем экспертом в дальневосточных делах он оказался столь незаменимым, что по специальной договоренности между НКВД и Наркоматом обороны исполнял одновременно функции и разведчика, и дипломата высокого ранга (вплоть до должностей генерального консула СССР в Харбине и временного поверенного в делах Советского Союза в Токио)²⁴⁴. Для подготовки Зорге к новой ответственной миссии потребовалась помощь этого, возможно, самого опытного и знающего специалиста по Дальнему Востоку в Четвертом управлении*. И не только его.

Тут следует вспомнить, что Зорге был не только разведчиком, но и членом советской Коммунистической партии. Жизнь его была подчинена забытому ныне принципу «партийной дисциплины». Поэтому его фразу «не было других занятий» следует понимать как «партия пока не дала никаких других поручений или заданий». Но партийным руководителям незначем было искать иное применение разведчику, если его миссия удалась, а, значит, именно так были расценены командировки Зорге в Китай.

Зорге в своих «Тюремных записках» тесно увязывал свое военное задание именно с одобрением его партией, и позже это даже вызовет неудовольствие руководства военной разведки. «Как член партии я сразу сообщил в ЦК о своем возвращении, — вспоминал наш герой. — Я вторично встретился со Смолянским, который курировал мою работу с 1929 года. Я сделал доклад для узкого круга сотрудников Отдела [международных связей] и оформил все необходимые партийные процедуры. Там мою работу тоже похвалили. Смолянский говорил, что в партии сложилось очень хорошее впечатление обо мне. Он два или три раза посещал меня, пока я был в Москве, и помогал мне в подготовке к новой миссии. Он с

* В 1937 году Бориса Мельникова арестуют как «японского шпиона», довольно быстро заставят «сознаться», приговорят к смертной казни, но еще около года — вплоть до расстрела в июле 1938 года будут использовать его знания и опыт в разведывательной работе.

большим энтузиазмом занимался моей предстоящей поездкой в Японию и много говорил о ее важности. В его полномочия не входило давать мне указания, однако мы с ним совместно обсуждали проблемы, возникшие между Японией и СССР после инцидента в Маньчжурии. Он, как и большинство других членов партии, опасался нападения Японии на СССР»²⁴⁵.

В этих воспоминаниях, написанных, напомним, не только и не столько для потомков, сколько для японских следователей и прокурора, Зорге настойчиво подчеркивает важность своего общения с Григорием Смолянским и другими представителями Коминтерна. Складывается впечатление, что и свою миссию в Китай, и последовавшее потом назначение в Японию «Рамзай» воспринимает как очередную «партийную командировку», что, конечно же, было не так или, по крайней мере, не совсем так. Скорее всего, Зорге следовал своей политике введения в заблуждение следствия относительно истинной принадлежности резидентуры, пытаясь сместить фокус внимания японцев с военной разведки на разведку партийную. Отсюда и странные пассажи о второстепенности, по сравнению со Смолянским, общения с главой Четвертого управления Яном Берзиным: «Ведя со Смолянским такие разговоры, я в то же время завершил отчет для Берзина о своей деятельности в Китае, но мое желание не задерживаться более в Москве не принималось во внимание. Пока же вновь и вновь велись разговоры о зарубежной работе. Даже когда я полушутя спросил, может, найдется для меня какая-нибудь работенка в Японии, Берзин ничего не ответил мне. Однако через несколько недель он сам с воодушевлением поднял эту тему. Он сказал, что руководители ЦК партии, так же как и он, проявили интерес к моей деятельности в Японии, и посоветовал мне немедленно приступить к подготовке. Видимо, после обсуждения военным руководством в Восточном отделе снова решили поручить мне задание в военной области. Берзин после беседы с партийными лидерами самого высокого уровня сообщил мне краткое содержание моих задач в политической сфере. Их план состоял в том, чтобы поручить мне детально разобраться с обстановкой в Японии, непосредственно на месте тщательно изучить возможности разведывательных операций, затем при необхо-

димости кратковременно вернуться в Москву и после этого окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности. В московском центре считали работу в Японии чрезвычайно сложной, но важной, и потому рассматривали такой подготовительный этап как абсолютно необходимый»²⁴⁶.

Не до конца понятно, действительно ли Зорге изначально видел свою командировку в Токио как выполнение политического задания по уяснению обстановки в Японии, или ему таким представлялось это спустя годы, ибо именно к такому состоянию дел он и пришел в итоге. Несомненно другое: *военная разведка не могла не ставить перед своим резидентом военных задач*. Понятно, что сказанное Зорге в тюрьме было сказано для прокуроров. В реальности же Центр если и относился к самоопределению «Рамзая» сквозь пальцы, то только до определенного этапа и — затем — с нового, столь же определенного момента.

С иной стороны, сама идея командировки в Японию, на страницах большинства воспоминаний возникающая как бы сама собой, действительно являлась результатом общего политического и военного анализа событий, разворачивающихся на Дальнем Востоке. Еще находясь в Шанхае, Зорге фактически уже начал работать против Японии, и шанхайская резидентура потом еще долго рассматривалась руководством военной разведки и Наркомата обороны как форпост наблюдения за намерениями Токио в континентальной Азии. Сменивший Зорге в Шанхае Яков Бронин в конце 1933 года получил указания из Москвы начать «работу по созданию самостоятельного, параллельного рамзаевскому аппарата...». Это обосновывалось следующим образом: «Подчеркиваем напряженность обстановки на Дальнем Востоке и требуем сосредоточения Вашего особого внимания на островах, ибо главные противники там... Мы считаем, что Ваш город (Шанхай. — А. К.) не только в мирное, но и в особенности в военное время будет являться основным и важнейшим центром по нашей работе против хризантемщиков (то есть японцев — подданных «хризантемового трона». — А. К.)»²⁴⁷. В 1934 году Центр еще не раз подтверждал Бронину свою приверженность концепции использования Шанхая как основного центра работы против Японии, что вполне логично, поскольку разведка вряд ли может довольствоваться одним

источником информации по имеющему первостепенную важность вопросу, и к тому же основная часть резидентуры, доставшаяся Бронину «по наследству», была сформирована Зорге. Часть агентов была связана с Японией, и в дальнейшем «Абрам» попытался использовать их в работе на «островах», как обычно называли Японию в Центре. Со временем стало ясно, что такая постановка задания существенных положительных результатов не принесла, а в 1935 году «Абрам» провалился, был арестован китайской контрразведкой, поставив под угрозу японские и китайские связи Зорге.

Пока же «Рамзай», миссия которого, как мы видим, в начале 1933 года не считалась исключительной, приступил к консультациям со специалистами. Помимо Мельникова, это был Василий Васильевич Давыдов — сотрудник разведки с 1921 года, много работавший в Центральной Азии, занимавшийся организационными вопросами токийской резидентуры, и, если верить самому Зорге, сотрудник и Коминтерна, и ЦК ВКП(б)*. А также Карл Радек**. Однако, чем конкретно он мог помочь «Рамзаю» в подготовке миссии в Токио, совершенно неясно. Но: «Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение длительного времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии. Радек проявлял глубокий интерес к моей поездке. Я только что вернулся из Китая, и он рассматривал меня как специалиста по вопросам китайской политики, поэтому наши встречи были полезными и интересными. Ни Радек, ни Алекс не навязывали мне своих указаний, они только излагали свои соображения. Я смог встретиться с двумя сотрудниками Наркоминдела, которые бывали в Токио, и услышал от них много подробностей об этом городе. Однако я не знаю ни их фамилий, ни того, чем

* В 1938 году Василия Давыдова расстреляли.

** Карл Радек — «золотое перо партии», австрийский еврей, бывший одним из вдохновителей «спартакистского» восстания в Германии в 1919 году, незадолго до этой встречи с Зорге был восстановлен в рядах большевиков после исключения за поддержку Троцкого, работал в «Известиях» и, кажется, снова набирал политический вес (его убьют в тюрьме, куда он попадет во время сталинских репрессий, в 1939 году).

они занимаются. Наши разговоры ограничились обменом самой общей информацией. Кроме того, я, с разрешения Берзина, встречался со своими старыми друзьями — Пятницким, Мануильским и Куусиненом. Они узнали от Берзина об обстоятельствах моей работы в Китае и испытывали чувство большой гордости за своего "питомца". Наши с ними разговоры также касались только общей политической ситуации, и мы общались просто как частные лица, как друзья. Пятницкий, услышав от Берзина о моих планах в Японии, сильно беспокоился, что я, возможно, столкнусь с различными трудностями, но, увидев мой волевой настрой, был очень обрадован»²⁴⁸.

«Алекс», которого упоминает «Рамзай», — профессиональный разведчик Лев Александрович Розенталь («Борович», «Алекс», «Лидов»), много работавший в Европе, в том числе в Германии, и тоже связанный с Коминтерном. От него Зорге действительно мог получить массу полезных советов специфического характера, а самому «Алексу» должны были оказаться полезны рассказы «Рамзая» о Шанхае. После провала Бронина именно «Борович» будет назначен в апреле 1936 года новым резидентом в Шанхае. Правда, ненадолго...

«Двое сотрудников Наркоминдела» — сложнее определяемые персонажи той истории, и на эти роли претендуют сразу несколько человек, но точно сказать, кто это был, затруднительно. Да и сама подготовка Зорге к отправке в Японию до сих пор не описана полностью и, по-видимому, этого никогда не произойдет. В свое время соответствующие документы пытался найти бывший сотрудник ГРУ Михаил Иванович Сироткин, сыгравший неоднозначную роль в судьбе «Рамзая», но и его вердикт оказался неутешительным: «План организации резидентуры в Токио (1933 г.), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом.

Лишь сопоставление отдельных архивных документов — записок, оргписем, резолюций и т. п. — дает возможность воссоздать в общих чертах картину предварительного планирования и последующего развития схемы организации резидентуры и проследить практическую реализацию намеченных мероприятий»²⁴⁹.

Далее Сироткин на основе собранных обрывочных материалов приходит к ответу на важнейший вопрос: *«Было ли со стороны Центра ошибкой решение послать резидентом в Токио все же именно "Рамзая" (выделено М. И. Сироткиным. — А. К.) — после того, как он всего лишь год назад был отозван из соседней с Японией страны под угрозой расшифровки?»*

Мы помним, что сама постановка вопроса вызвана тем, что из Шанхая «Рамзай» уезжал, будучи на грани ареста, и только дальнейшие события показали, что его резидентура была вне опасности. Она оказалась провалена лишь два года спустя и не по вине Зорге, а из-за катастрофических ошибок его преемника — Якова Бронина. Формально руководство могло предъявить бывшему резиденту не обвинения, а претензии, да и те касались, по большей части, его стиля руководства, но не оперативных ошибок. Даже пресловутая, шокирующая многих «твердокаменных большевиков» склонность к авантюризму могла быть записана в «плюс» Зорге. Ее можно было рассматривать как проявление энергичности и решительности. А если шанхайский резидент в какие-то моменты и брал на себя слишком много или действовал излишне рискованно, то это была, во всяком случае, вина не только его, но и Центра, неспособного или неготового руководить таким сотрудником. Но это можно и нужно было исправить в любом случае: Зорге надо было лучше обучать, лучше понимать и тщательнее контролировать.

Что же касается профессиональных качеств — как разведчика и как журналиста, ибо изначально в качестве легального прикрытия Зорге в Японии другие варианты и не рассматривались, то трудно было найти лучшую кандидатуру, чем «Рамзай». За его плечами к 1933 году уже числились пять лет успешной работы в Коминтерне на должностях, связанных с добыванием секретной информации, и три года службы в военной разведке в качестве агента-вербовщика и резидента.

Во всех случаях отчеты и доклады Зорге отличались высоким уровнем понимания текущей ситуации, чаще всего он давал в них верные выводы и прогнозы, а его знание Дальнего Востока, на 1933 год — Китая не могло остаться незамеченным не только читателями германских газет, но и руководством советской разведки и, шире, Советского государства.

Другое дело, что препятствием для назначения «Рамзая» в Токио могли стать объективные факторы внешнего порядка. Михаил Сироткин перечислил их по пунктам:

«1) угроза со стороны Берлина: возможность того, что берлинские полицейские органы заинтересуются личностью Зорге после того, как в газетах начнут появляться корреспонденции из Японии и статьи за его подписью. Полицейская картотека может дать справки о прежней деятельности "Рамзая" в Европе по линии Коминтерна;

2) возможность того, что "Рамзай", в результате своих шанхайских ошибок, взят на учет японской контрразведкой и сразу же будет находиться под наблюдением;

3) угроза из Шанхая — по линии связи между немецкими колониями: возможность передачи информации о "неблаговидной" советско-коммунистической деятельности "Рамзая" в Шанхае»²⁵⁰.

Что касается первого пункта, то выросший в СССР Сироткин не понимал, как и большинство его сослуживцев — начальников Зорге, что в 1920-е годы многие активные европейские функционеры той или иной партии порой кардинально меняли свои убеждения, по-новому оценивая экономическую и политическую обстановку в мире под влиянием войн, знакомства с реалиями победившего в России военного коммунизма или просто забывая под грузом лет и житейского опыта о своих юношеских романтических увлечениях марксизмом. И, если до середины 1920-х годов ни у кого не было сомнений в симпатиях Зорге к коммунистам, это совсем не означало, что почти десять лет спустя его взгляды никак не изменились. Там, в Европе, в отличие от Советского Союза, это долгое время не было слишком опасно и не всегда наказуемо. В конце концов, первая жена Зорге — Кристина совершенно спокойно вернулась в Германию, откуда уехала только, когда угроза со стороны гестапо стала действительно реальной, — в середине 1930-х. Зорге же своими публикациями из Шанхая создал себе имидж вполне респектабельного журналиста, специалиста по аграрному хозяйству Китая, а его «друзья» из числа военных советников Чан Кайши могли бы подтвердить искреннюю приверженность доктора Зорге правым идеям.

Относительно опасности взятия «Рамзая» под полицейское наблюдение по прибытии в Токио, Москве не хватало

понимания, что это была не опасность, а реальность тех лет: каждый приезжавший тогда в Японию иностранец оказывался в фокусе пристального внимания местной полиции и контрразведки, избежать которого не было никакой возможности. К этому стоило быть готовым — иначе просто бессмысленно было посылать в Японию людей для подпольной работы. К тому же Зорге должен был приехать с «железной» легализацией в качестве верноподданного немецкого журналиста и первое время — это было самое мудрое решение во всей истории с «Рамзаем» — должен был потратить только на «врастание» в токийскую жизнь: легализацию, установление явных и тайных связей, вхождение в мир японской политики.

Таким образом, экстремальную или, если так можно выразиться, незапланированную опасность представлял лишь третий пункт: «угроза из Шанхая». Мы до сих пор не знаем, как, каким образом предполагалось ликвидировать эту опасность в случае ее возникновения: никаких документов на сей счет не опубликовано. Поверить в то, что такого инструктажа с «Рамзаем» не проводилось, кажется невозможным — слишком явной была эта угроза, но бывало всякое.

Так или иначе, к середине мая основные организационные мероприятия по формированию новой, японской резидентуры «Рамзая» были закончены. В ее состав помимо резидента были включены знакомый нам по Шанхаю и еще не знающий о том, что его судьбу уже решили в Москве, японец Одзакэ Хоцуми («Отто»), серб Бранко Вукелич («Жиголо»), немецкая еврейка Ольга Бенарио («Ольга») и радист Бруно Виндт («Бернгардт»). Планировался и еще один человек — китаец, «знающий язык островитян», то есть японцев, которого пока никак не удавалось подобрать. Из всех этих персонажей для исследователей дела Зорге долгое время неизвестными оставались двое: «Бернгардт» и «Ольга».

Бруно Виндт — бывший, как и Клаузен, когда-то радистом германского флота, был завербован на идейной основе совсем недавно и только в марте 1932 года прибыл в Советский Союз. В Токио, в соответствии с нехитрой легендой, сочиненной на Арбате, ему предписывалось открыть немецкую экспортно-импортную торговую фирму.

«Ольга» — Ольга Бенарио (Гутман, Престес, Ольга Львовна Синек, Эва Крюгер, Мария Бергнер-Вилар и др.) роди-

лась в 1908 году в Мюнхене в семье адвоката и с 1923 года, то есть с пятнадцатилетнего возраста приняла участие в молодежном коммунистическом движении Германии, была хорошо известна баварской полиции в качестве агитатора. В 1925 году она вступила в КПГ и через год была уже во второй раз арестована. Вскоре она не только вышла на свободу, но и выкрала несколько членов КПГ прямо из зала суда, а после того, как полиция «села на хвост» ей и ее гражданскому мужу, перебралась в Советский Союз.

По степени авантюризма и фанатичной преданности коммунистической идее Ольга Бенарио вполне могла бы соперничать с самим Зорге. Как и ему, ей тоже было «целого мира мало». Ольгу уже знали и искали по всей Европе, работать там дальше было абсолютно невозможно, а вот далекая Япония представлялась весьма интересным полем деятельности для этой 25-летней женщины, готовой на все ради победы мирового коммунизма. Там, в Токио ей предстояло сыграть роль жены Зорге, причем паспорт для нее изготовили в Москве по подлинным документам... Кристины Герлах-Зорге. Однако этим планам не суждено было осуществиться. По неизвестной причине Ольга Бенарио в Японию так и не поехала*.

Можно только гадать, как сложилась бы судьба резидентуры «Рамзая», если бы резиденту помогала такая женщина, как Ольга Бенарио, но 15 мая 1933 года Рихард Зорге, покинув Москву, отправился в Германию без нее. Ему нужны были новые документы.

* Вместо этого в 1934 году она отправилась в Бразилию, где в качестве помощницы лидера местных коммунистов Луиса Карлоса Престоса (он прибыл с ней вместе из СССР) приступила к подготовке социалистической революции. План не удался, Ольга была арестована и уже в тюрьме родила дочь Аниту. Неистовая коммунистка была депортирована в Германию, где попала в концлагерь Равенсбрюк, где в 1942 году стала жертвой садистских медицинских опытов, проводившихся нацистами над людьми. Сегодня ее именем названы улицы в Берлине и Бернбурге, в Бразилии о ней снят художественный фильм (почти одновременно с французским фильмом о Зорге) и поставлена опера, а ее первая биография написана помощницей Зорге — Рут Вернер.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КРЫША

1 июня 1933 года «Рамзай» совершенно легально зарегистрировался в Берлине по адресу своей матери (что она знала о деятельности сына — неизвестно, но, скорее всего, считала его не особенно удачливым искателем приключений, «коммунистом-идеалистом»). Помимо членов семьи Зорге Рихард встретился со своей бывшей женой Кристиной, наконец официально оформив с ней развод (Кристина вспоминала, что это произошло в 1932-м). Как раз в это время он переслал ее паспорт в Центр — для изготовления подделки для Ольги Бенарио²⁵¹. Очевидно, Кристина хорошо представляла себе, чем занимается ее, теперь уже бывший, муж, раз согласилась на это. Все остальное время Зорге посвящал подготовке к командировке, для чего ему еще в Москве были даны контакты резидентов военной разведки в Берлине. Через одного из них — Оскара Стиггу — «Рамзай» получил адрес своего агента в Токио Бранко Вукелича, с которым пока знаком не был, проживавшего в неких «апартаментах Бунга» в районе Отяномидзу, и рабочий адрес старого друга — Одзаки, работавшего в газете «Осака Асахи». Кроме того, Зорге было передано предупреждение о том, что один из связных его старой шанхайской сети перебежал к гоминьдановцам и, если он помнил Зорге (видел он его только один раз), можно было ожидать неприятных последствий. Однако ни выводов из этой истории сделано не было, ни самих последствий, по счастью, не случилось, и наш герой вплотную приступил к легализации своего нового положения, как немецкого журналиста, отправляющегося в длительную командировку в Японию. Одним из важнейших пунктов в этом процессе числилось знакомство и получение рекомендаций от профессора Карла Хаусхофера. И здесь

возникает еще один важный и интересный вопрос: кем был Зорге на самом деле?

Точнее так: был ли он только разведчиком, использовавшим в качестве прикрытия работу журналиста, или журналистом, ставшим разведчиком? Сейчас, когда сама по себе журналистика практически дискредитирована как профессия и представления о ней в массовом сознании сводятся к «желтому репортерству», вопрос этот может показаться странным. Непростым было отношение к журналистике и в первой половине XX века, но тогда журналистами создавались серьезные аналитические работы, и удельный вес таких авторов был, возможно, несколько выше, чем сейчас. Так или иначе, Зорге, во время работы в Китае составивший себе имя как специалист по аграрному вопросу и много писавший на эту тему для газет (пусть в целях прикрытия своей основной деятельности), перед новой командировкой решил резко сменить профиль. Зорге почувствовал вкус к исследованию глубин дальневосточной политики и силы для осуществления этого замысла. Он начал искать контакты с журналом Хаусхофера. Это был вызов, брошенный им, прежде всего, самому себе, и вся дальнейшая работа нашего героя как журналиста свидетельствовала о том, что он воспринимал этот вызов исключительно серьезно, относился к темам изучения вдумчиво, как дотошный и внимательный исследователь и, как это ни странно, настолько объективно, вне идеологических шор, насколько это вообще было возможно в то время и в его ситуации. Не случайно, как заметил отечественный историк Василий Молодяков, сборник статей Зорге, выпущенный в 1971 году издательством МГУ, наполовину состоял из статей 1930-х годов и, кстати, никогда впоследствии не переиздавался²⁵². И уж конечно не потому, что входившие в него материалы утратили ценность. Они то и дело появляются в других изданиях «поодиночке», но вместе — больше никогда, а жаль: они создают совершенно непривычный нам образ их автора.

На этого «другого» Зорге на волне популярности его дела в послевоенные годы впервые обратил внимание американский историк Чалмерс Джонсон. Василий Молодяков развил тему, подготовив обширные и высокопрофессиональные материалы о Зорге не только как о журналисте, но и как

о глобально мыслящем специалисте в изучении отношения государства к пространству. В этом свете особенно важным становится вопрос сотрудничества Зорге с журналом Хаусхофера «Геополитика», позднее — «Цайтшрифт фюр геополитик» («Zeitschrift für Geopolitik»), да и неплохо было бы понять, что за человека позже (как считает Василий Молодяков, без достаточных на то оснований) стали именовать «серым кардиналом» рейха. Ведь «Рамзай» прибыл в Японию, имея при себе рекомендательные письма от Хаусхофера, и они открыли ему двери во многие влиятельные круги. Почему?

Карл Хаусхофер (1869—1946) был кадровым военным, выпускником Баварской военной академии. В 1909—1910 годах он исполнял обязанности военного атташе в Токио, куда попал уже после службы в Индии и Китае. Неудивительно, что Восток с этого времени занял значительное место в мыслях тогда еще майора Хаусхофера. В 1913 году вышла его первая книга «Дай Ниппон (Великая Япония, официальное самоназвание страны в ту эпоху. — А. К.): Размышления о вооруженных силах, месте в мире и будущем Великой Японии»²⁵³, но слухи о его близости к ультраправым организациям в Токио — не более чем позднейшие вымыслы. В том же году Хаусхофер подготовил докторскую диссертацию, а затем участвовал в Первой мировой войне, выйдя из нее в отставку живым, здоровым и в звании генерал-майора. Военный пенсионер нашел себе место приват-доцента Географического института Университета имени Людвига и Максимилиана в Мюнхене, где защитился по теме «Основные направления географического развития Японской империи. 1854—1919 годы», а с 1923 года начал вести там же спецкурс по геополитике. Одним из его слушателей, а затем учеником, ассистентом и другом стал будущий идеолог германского нацизма Рудольф Гесс. Причем дружба эта продолжалась вплоть до полета Гесса в Англию в 1941 году, за которым, по мнению Молодякова, стояли как раз Хаусхофер и его сын Альбрехт. В 1933 году, после прихода к власти нацистов, именно Гесс лоббировал получение своим бывшим учителем степени ординарного профессора и открытие в Мюнхенском университете кафедры геополитики, а позже Института геополитики (правда, в обоих случаях генерал-профессор

созданные структуры не возглавлял, лишь входя в коллективное руководство ими)²⁵⁴. Таким образом, Хаусхофер, хотя в реальности и не являлся идеологом экспансионистской политики гитлеровской Германии, но все же находился очень близко ко второму, после фюрера, человеку в рейхе, о чем, разумеется, знали, например, в германском посольстве в Токио, куда Зорге предстояло доставить свои «верительные грамоты», и что создавало вокруг имени вновь прибывшего журналиста ореол таинственности и причастности к высшим сферам власти.

В 1926 году в журнале «Геополитика» публиковалась Агнес Смедди, которая могла порекомендовать Зорге отставному генералу как нужного специалиста, хотя вполне вероятно, что корреспонденции Зорге из Китая могли быть известны в Мюнхене и без ее протекции²⁵⁵. В свою очередь Хаусхофер никогда не забывал о своих связях с Востоком и особенно с Японией. Более того, так совпало, что не позже июня 1933 года он консультировал назначенного на далекие острова в качестве офицера-стажера профессионального разведчика подполковника Ойгена Отта — человека, которому будет суждено на всю жизнь оказаться связанным с «делом Зорге». Логично предположить, что Отт интересовался опытом службы Хаусхофера в Японии, работой о японском шпионаже, которую по поручению своего наставника готовил Гесс, и, конечно, воззрениями отца германской геополитики на перспективы сотрудничества Берлина и Токио.

К тому времени Хаусхофер был уже признанным мэтром, выступавшим за союз континентальных держав, прежде всего Германии и России (что полностью согласовывалось и с тогдашним вектором СССР по сотрудничеству с Германией), направленный против Великобритании и США, проводивших «политику анаконды», то есть удушения Евразии. Третьей точкой на «оси», способной противостоять «анаконде», Хаусхофер считал Японию. По мнению профессора, географическое расположение этой страны, которую он относил к континентальным, в отличие от Англии, требовало объединения их в единый политический блок: «Только прочная связь государств по оси Германия — Россия — Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англо-саксонского мира... Только идея Евразии,

воплощаясь политически в пространстве, дает нам возможность для долговременного расширения нашего жизненного пространства»²⁵⁶. Эта, возможно, в некоторой степени, иррациональная идея позволяла Германии идти вперед, отталкиваясь в политических устремлениях от географического положения страны и игнорируя, по крайней мере — до определенного времени, идеологические разногласия с потенциальным союзником. Считается, что именно у Хаусхофера Гитлер позаимствовал выражение «пространство как фактор силы», а сам геополитик вскоре после подписания пакта Молотова — Риббентропа писал в письме Гессу с прямотой старого прусского служаки: «Ради геополитических интересов, которые и им (русским. — А. К.) тоже открыли суть спасительной политики Старого Света, можно им простить бывшее, хотя игра с чертом требует предусмотрительности. Наши желтые друзья (японцы. — А. К.) тоже учатся у нас... вместе с чертом охотиться на пиратов (англичан и американцев. — А. К.)»²⁵⁷.

По выражению Юлиуса Мадера, едва «за Ойгеном Оттом успела закрыться дверь кабинета Хаусхофера в Мюнхенском университете, как в нее постучал Рихард Зорге». О том, что было дальше, Мадеру 29 сентября 1964 года рассказал бывший главный редактор журнала Хаусхофера Курт Фовинкель: «...Мне известно лишь, что Зорге сообщил профессору Хаусхоферу о своей предстоящей длительной командировке в Японию и выразил готовность присылать оттуда статьи для "Цайтшрифт фюр геополитик". Поскольку Хаусхофер по-прежнему ощущал себя прочно связанным с Японией, и поскольку мы придавали большое значение работе специалистов на месте событий, он с радостью принял это предложение...

Я полагаю, что Зорге говорил на эту тему с профессором Хаусхофером в Мюнхене. Вероятно, они обсуждали и круг тем, вызывавших у нас заинтересованность в таком сотрудничестве... Лично я видел Зорге до его отъезда всего один раз... Мы рассматривали Зорге прежде всего как корреспондента в Японии, обладающего специальными знаниями в области экономики...»²⁵⁸

Утверждение Фовинкеля об экономической направленности интересов нашего героя, как внештатного корреспон-

дента в Японии, основано на материалах китайского периода. Из Японии доктор Зорге писал для профессора Хаусхофера на совсем иные темы: «Преобразования в Маньчжоу-Го», «Японские вооруженные силы» (с подглавками: «— Их положение. — Их роль в политике Японии. — Военно-географические следствия») и «Гонконг и Юго-Западный Китай в японо-китайском конфликте». С 1933 по 1939 год Зорге подготовил 21 аналитическую статью для немецких журналов, включая восемь больших материалов в «Геополитике» (среди них была публикация в специальном номере к семидесятилетию Хаусхофера)²⁵⁹. Тематически их можно разбить на несколько больших групп:

- о японской внешней политике и торговле — 30 процентов от общего числа подготовленных материалов;
- о внутренней политике — 20 процентов;
- о японских вооруженных силах и стратегии их использования — 20 процентов;
- о сельском хозяйстве Японии — 20 процентов;
- об экономике Японии и ее влиянии на внутривосточную ситуацию — 10 процентов.

Интересно, что, по свидетельству того же Фовинкеля, выполнявшего функции главного редактора, его токийский корреспондент направлял свои рукописи не ему, а напрямую Хаусхоферу в Мюнхен. Фовинкель отмечал: «Хаусхофер никогда не правил рукописи, я изредка лишь слегка подправлял стиль»²⁶⁰.

Доверие лучшего друга Гесса к Зорге было столь высоко, что еще в самом начале сотрудничества, только ожидая от своего будущего корреспондента в Токио материалов для журнала, он снабдил его рекомендательным письмом своему давнему знакомому, бывшему вице-министру иностранных дел Японии, а в то время — послу в США Дэбути Кацудзо. Зорге направлялся в Японию через Америку, и такая рекомендация сослужила ему отличную службу, так как благодаря ей он получил, в свою очередь, письма от Дэбути в японский МИД²⁶¹. Германскому послу в Токио доктору Форечу Зорге представил соответствующее послание от самого Хаусхофера. Вполне вероятно, что профессор информировал инициативного и разделяющего его убеждения журналиста о состоявшемся визите к нему подполковника Отта:

единомышленники в идеях геополитики, они должны были помогать друг другу на далеких островах. Во всяком случае, Зорге еще в Германии знал о миссии Отта, о том, кто этот человек и что его поддерживает Хаусхофер.

Закончив с большой политикой, наш герой договорился о работе на либеральную газету «Теглихе рундшау» («Tägliche Rundschau»), получив рекомендательное письмо от ее ведущего автора доктора Зеллера. Последний тоже был ветераном Первой мировой войны и согласился представить старого солдата и специалиста по Китаю доктора Зорге... своему фронтовому другу подполковнику Отту, как «полностью заслуживающего доверия как в политическом, так и в человеческом плане»²⁶². Этот важный факт Зорге вспомнит много лет спустя на следствии: «В то время немцы за границей с подозрением относились друг к другу. И потому, если мне нужно было, чтобы Отт доверял мне, письмо, подобное зеллеровскому, было просто необходимо»²⁶³. Едва прибыв в Токио, Зорге найдет Отта и познакомится с ним, используя «грамоту» Зеллера и упоминание о встрече с Хаусхофером: великолепный повод долгой прочной дружбы и плодотворного сотрудничества.

Помимо перечисленного, Зорге договорился о работе в качестве внештатного корреспондента еще в нескольких немецких изданиях: «Франкфуртер цайтунг», «Берлинер бёрзен-курир», «Дойче фольксвирт», «Мюнхнер иллюстрирте прессе», в голландских «Хот фатерлянд» и «Алхемейн ханделсблад». Все это разительно отличалось от обычного в то время процесса получения «сапога», то есть липовых документов прикрытия сотрудниками советской разведки, и который прошел сам Зорге, отъезжая в Китай в 1929 году. При чем отличия эти были исключительно тесно связаны именно с личностью Зорге, его профессиональными возможностями и интересами как журналиста и политолога, и инициированы им самим. 3 июля 1933 года он сообщал в Центр: «...в теперешний мой приезд в Берлин я имел большой успех. Я имею две крепкие связи с очень важными германскими газетами. Одна из них совершенно официально закреплена письменными заявлениями и формулировками. Другая газета заключила со мной, как это обычно ведется, джентльменское соглашение, на основании которого я, не имея

особых официальных удостоверений от этой газеты, могу в любом учреждении сослаться на нее и заключенное соглашение... Это означает, что в этой стране (Японии. — А. К.) на своих визитных карточках я смогу называться также сотрудником этой газеты. Кроме этого сотрудничества в ежедневных газетах, я получил еще корреспондентство в некоторых ежемесячных журналах, что также должно иметь немалое значение»²⁶⁴.

Кроме Германии, Зорге, готовясь к отплытию в Америку, побывал в Швейцарии, Голландии и Франции, где особых успехов в легализации не добился (за исключением достижения договоренностей с упомянутыми изданиями), но, по некоторым данным, еще раз встретился с коллегой из Центра, профессиональным японоведом Владимиром Константиновым, который в Москве консультировал «Рамзая» по вопросам пребывания в Японии (жена Константинова также работала в Четвертом управлении и была японоведом), а затем стал одним из контактов разведчика с Екатериной Максимовой²⁶⁵. В связи с этим в письме в Москву Зорге напоминал: «Прошу помочь мне в следующем личном деле: с этих пор я буду иногда посылать официальной почтой письма А. К. (так в документе. Следует читать: Е. А. (Екатерине Александровне). — А. К.) Максимовой. Это мои личные письма женщине, с которой я жил у Вас дома (что это означает, неизвестно. — А. К.), которую считаю своей женой. Она — работница на заводе термометров Молотова. Ее адрес надо узнать у Вилли Шталя или у Ольги. Очень прошу эти редкие письма передавать по назначению. Я говорил об этом также с Борисом, который обещал, что Вы сделаете мне это личное одолжение. Еще раз сердечный привет. Рамзай»²⁶⁶.

В Германии Зорге встретился и со своим радистом Бруно Виндтом («Бернгардтом»), приехавшим из Москвы и тоже занимавшимся вопросами легализации для последующей работы в Токио, но не с использованием личных связей, а при помощи резидентур. Известно, что Зорге беспокоился о том, как идут дела у «Бернгардта», и, возможно, понял, что работать с этим радистом ему будет трудно. Во всяком случае, уже тогда он поднял вопрос о направлении в Токио хорошо знакомого ему Йозефа Вейнгарта: «Подумайте, пожалуйста, о Зеппеле и его позднейшем использовании у меня. При этом

обратите внимание на его переезд и, в особенности, переезд его жены, ибо тут в случае чего может легко возникнуть какая-нибудь неприятность. Здесь нужно обязательно принимать во внимание индивидуальные качества. Позаботьтесь также хорошенько о А. С. (Агнес Смедди. — А. К.), ибо это тоже трудная личность, которая, однако, может принести много пользы»²⁶⁷.

Наконец, в июне Зорге встретился с новым шанхайским резидентом Яковом Брониным. Благодаря опубликованным в 1964 году воспоминаниям последнего, описание той встречи вошло едва ли не во все книги о «Рамзае». Вот оно: «Точность была для нас абсолютным законом. Когда я подошел ровно в назначенное время, Зорге уже был на месте, он сидел за одним из столиков на открытой просторной террасе кафе. Посетителей было всего несколько человек.

Я сразу узнал Рихарда по сообщенным мне данным и приметам, подошел к нему, широко улыбаясь. Скучающему официанту должно было показаться, что это встретились старые друзья. И действительно, мы ими вскоре себя и почувствовали.

Обстановка нелегальной работы за рубежом связывала нас особой товарищеской близостью. Думается, что она сродни тому боевому товариществу, которое объединяло людей на фронте. Это то же "чувство локтя", которое сплачивало всех, кто разными методами и средствами боролся против одного и того же врага — против фашистской гадины, за Советскую Родину, за социализм.

Рихард Зорге был стройным, статным, представительным человеком, выше среднего роста.

Где-то я прочитал, что у него было "чуть грустное" выражение лица. Это неверно. Может быть, так получается по фотографиям, но это явно не соответствует действительности. Его светлые глаза, черты лица, жесты, мимика — все выражало волевою решительность, интенсивную работу мысли, убежденность в своих суждениях, пронизательный острый ум. Это интересное, значительное лицо очень запоминалось... Рихард был энергичен, но не суетлив, был конкретен и деловит. Не навязывал своего мнения, но убеждал логикой и продуманностью предлагаемых мероприятий. Был живым, интересным собеседником, любил шутку.

Мы относительно быстро договорились по оперативным вопросам (разговаривали по-немецки). Рихард пришел на встречу с готовыми, хорошо обоснованными предложениями, быстро согласился с некоторыми моими поправками, и мы перешли к обмену мнениями о политической ситуации в мире»²⁶⁸.

Первая встреча двух резидентов, судя по всему, прошла во вполне дружеской обстановке, и Зорге, очевидно, поверил и доверился Бронину. Время покажет, что это было ошибкой, но пока «Рамзаю» надо было заниматься решением насущных вопросов, и примерно через месяц, так и не дождавшись легализации Вейнгардта и прикомандирования к резидентуре «Ольги», «Рамзай» отправился из французского Шербурга пароходом в Нью-Йорк. Оттуда Зорге перебрался в Вашингтон, где решил вопрос с обменом рекомендаций к Дэбути на рекомендации в МИД Японии, и выехал в Чикаго. Там «Рамзай» встретился с агентом Четвертого управления «Доном» и договорился с ним об отправке из Америки на родину англоговорящего японца. «Дон» — Джон Шермен был американским коммунистом, и человека для Зорге он нашел в рядах Коммунистической партии США, что, как обычно, строжайше было запрещено всеми возможными инструкциями. После этого «Рамзай» пересек границу еще раз и прибыл в канадский Ванкувер, где благополучно сел на пароход «Императрица России», следующий регулярным рейсом в японский порт Йокогама.

В это же самое время радист Виндт привычным путем отправился пароходом из Европы в Шанхай, откуда должен был попасть в Японию и развернуть там радиосвязь для новой резидентуры «Рамзая». Как он должен будет это делать, не знали ни радист, ни его начальники в Москве. Вопросы прохождения радиоволн, преодоления помех, достаточности мощности передатчика и приемника, план-программа радиосвязи — обо всем этом в Центре просто забыли, понадеявшись, что дело утрясется как-нибудь само собой. А если не получится, то Виндт должен был связываться с Москвой через Шанхай, для чего во время остановки там ему надлежало решить технические вопросы с шанхайским радистом, который, однако, на условленную встречу вовсе не явился. Тем не менее осенью 1933 года токийская нелегальная резидентура

советской военной разведки должна была начать работать. Связь с ней, помимо радио, планировалось осуществлять два раза в месяц через курьеров, переписка была предусмотрена на немецком и английском языках, шифр ее был известен только Зорге, а общий бюджет запланировали в размере тысячи американских долларов в месяц — ничтожный размер для жизни в Японии того периода²⁶⁹.

6 сентября 1933 года Рихард Зорге снова ступил на японскую землю в порту Йокогама — резидентура «Рамзая» в Токио начала свое существование.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ: ПАРОЛИ, ЯВКИ, СВЯЗИ

Прибыв из Йокогамы в Токио, Зорге остановился в отеле «Санно» — недавно построенном в полностью европейском стиле и расположенном на расстоянии пяти-десяти минут пешей прогулки от германского посольства. Мадер пишет, что наш герой отвел несколько дней на знакомство с городом, что выглядит несколько странно, так как в Токио Рихарду уже доводилось бывать, а вот поспешить с регистрацией в дипломатической миссии Германии стоило. 65-летний посол Эрнст Артур Фореч собирался на пенсию и, что называется, «паковал вещи». Тем не менее он принял прибывшего журналиста без определенного места работы (сегодня сказали бы — фрилансера), но с определенно хорошими рекомендациями, узнав, что у того, в числе прочих, имеется письмо от самого Хаусхофера. Сотрудникам посольства стало известно и о рекомендациях для Амау Эдзи — шефа департамента информации МИД Японии, что сразу включало Зорге в список журналистов, допущенных на еженедельные пресс-конференции этого японского чиновника. Запросив приема у главы посольской организации национал-социалистов (НСДАП), гость из Европы окончательно снискал расположение и доверие большинства немецких дипломатов. У Рихарда сразу сложились приятельские отношения с секретарями посольства Гааз и Мельхером и торговым атташе Кноллем. В свою очередь пресс-атташе посольства отправил в Берлин телеграмму, перехваченную японской контрразведкой и сохранившейся до наших дней в японском архиве: «6 сентября из Америки в Японию прибыл доктор Зорге. Он собирается остаться в Японии на длительный срок в качестве корреспондента многих газет...»²⁷⁰ Далее шло перечисление уже знакомых нам изданий, с которыми у Зорге были достиг-

нуты письменные договоренности (интересно, что журнал Хаусхофера и престижная «Франкфуртер цайтунг» в этот список не вошли).

Подход Зорге к новым друзьям был уже апробирован в Шанхае. Он хорошо знал свои возможности, умел быстро дать оценку ситуации и своему визави, вычислить его сильные и слабые стороны и использовать их в своих целях. Для тех, кто нуждался в информации, Зорге был настоящим кладом, ибо, в отличие от дипломатов, закосневших на государственной службе, отличался широтой взглядов и знакомств, да к тому же имел большой опыт жизни в Китае — стране, на которой тогда концентрировалось внимание всей Азии. Для любителей выпивки и женского общества Рихард становился лучшим другом и душой компании, ибо никогда не чурался ни того ни другого. Наконец, прошло лишь 15 лет после окончания мировой войны, а многие ровесники Зорге, как и он, пережили ее на фронте. Они с первого взгляда могли понять, что означает его хромота, и ценили солдатскую прямоту высказываний и действий дерзкого журналиста.

Если обратиться к японским сравнениям, Зорге, вероятно, можно было бы назвать настоящим мастером «шпионского дзюдо». Входя в контакт с противником, он, маскируя свои истинные намерения и выдавая силу за слабость, «брал захват», из которого трудно было вырваться, мастерски используя свои знания о противнике, расшатывал его, выводя из равновесия, и «проводил прием» — добывал информацию.

Полученные данные по отдельности вовсе не обязательно должны были быть секретными (и этого долгое время никак не могли взять в толк в Москве). Они становились действительно значимыми после того, как «Рамзай» должным образом пересматривал их, анализировал и соединял, создавая общую, недоступную другим политическую картину и стараясь добиться понимания Центра: «...благодаря исследованиям я мог вырабатывать собственные суждения о положении в экономике, политике и военной сфере, а не только просто получать необходимую информацию, аккуратно ее передавать. Многие мои радиোগраммы и письменные донесения содержали не только подлинную информацию, но и результаты анализа, проведенного на основе отрывочных сведе-

ний. Я всегда был предельно откровенен. Когда я считал, что моя точка зрения или политический анализ были правильны и необходимы, я без каких-либо колебаний передавал их в Москву. Москва также поощряла подобную практику. Мне даже неоднократно давали понять, что высоко оценивают мои аналитические способности.

Было бы неверно думать, что я без разбору посылал в Москву все собранные материалы. Я лично тщательно просеивал их и отправлял только те, которые не давали повода для критики. Это требовало больших затрат дополнительного труда. То же самое относилось и к анализу политической и военной обстановки. Способность отобрать таким образом материал, дать полную оценку той или иной проблеме, выработать обобщенную картину событий является необходимой предпосылкой для того, чтобы разведывательная деятельность стала по-настоящему полезной. Только занимаясь серьезными и тщательными исследованиями, можно добиться, чтобы она с самого начала стала такой»²⁷¹.

Но это все будет потом, нескоро. Пока, в конце 1933 года, Зорге как журналисту-аналитику, как будущему японоведу-политологу, еще предстояло набрать вес и силу. Он взялся за дело с привычной расторопностью. Через 12 дней после того как наш герой прибыл в Токио, в вечернем выпуске «Берлинер бёрзен-курир» уже появилась его первая статья «Линия жизни Японии». По жанру это был отнюдь не репортаж и не путевые заметки германского глоубтроттера. Зорге попытался проанализировать скрытые причины и механизмы японской экспансии в Азии, обратив особое внимание на разницу в подходах внешней политики Токио по отношению к европейским странам, Америке, СССР, Монголии и Китаю. Вывод статьи гласил: «Руководство японской политической сегодня почти полностью сосредоточено в руках милитаристских националистических группировок (чтобы не использовать здесь слишком "западное" понятие "фашизм")... У Запада имеются все основания с максимальной серьезностью отнестись к подкрепленному императорским воззванием заявлению о том, что Маньчжоу-Го означает для Японии "линию жизни"».

27 ноября в той же газете была опубликована следующая статья доктора Зорге «Национальный кризис Японии», где

автор занялся анализом внутривластных и экономических проблем страны пребывания. Конечно, можно было подумать, что автор этих материалов был неофитом, решившим на свой страх и риск ринуться в пучину гаданий и предсказаний на экзотической японской почве (именно так и решили в Москве — таких авторов и сегодня пруд пруди). Но в случае с Зорге достаточно сказать, что статьи токийского журналиста привлекли внимание серьезных немецких экспертов в области экономики и политики, и, что особенно важно, ими заинтересовался только что назначенный посол Германии в Японии доктор Герберт фон Дирксен, пожелавший сразу по прибытии в Токио познакомиться с их автором²⁷². Разумеется, доктор Зорге был только рад такой заинтересованности нового посла, тем более что, помимо вопросов легализации, «Рамзай» уже занялся развертыванием шпионской сети.

Еще в сентябре, только прибыв в страну, он встретился с радистом Бруно Виндтом («Бернгардтом»), и, хотя тому удалось нанять подходящую квартиру, разведчикам пришлось впервые столкнуться с тем, что испытанные в международном сообществе Шанхая способы легализации в Японии не работали совершенно. Виндт должен был принять облик мелкого коммерсанта, занимающегося экспортно-импортными поставками между Японией и Германией. Но в Токио нельзя было создать видимость настоящей фирмы, имея на счету лишь несколько сот долларов, выделенных Разведывательным управлением на эти цели, и не располагая никаким опытом работы в коммерческой сфере, тем более за границей, как это и было в случае с «Бернгардтом». В его основной — тайной деятельности все оказалось столь же безрадостно, хотя Виндт и разработал программу радиосвязи с Владивостоком («Висбаденом»). Использовать ее все равно было невозможно — из-за маломощности передатчика до конца 1933 года радиосвязь наладить так и не удалось, причем сигнал «Бернгардта» не достигал не только Владивостока, но и Шанхая, хотя принимать передачи из Китая с грехом пополам Виндт мог²⁷³.

Наступившей зимой была опробована курьерская связь с Москвой — на ближайшее время такая передача данных стала основным способом общения «Рамзая» с Центром. «Первая встреча состоялась в конце 1933-го или в начале 1934 года

в Токио, — вспоминал Зорге. — Она была назначена еще в Москве, перед моей отправкой. Курьер, незнакомый со мной, прибыл из Шанхая, зная мое имя и рассчитывая на германское посольство в качестве канала для установления связи. Он позвонил в посольство и передал письмо на мое имя. Он писал, что в назначенный день я должен прийти в отель "Империял" (в дальнейшем Зорге будет всячески избегать этого отеля, зная, что там существует особенно плотное полицейское наблюдение за иностранцами. — А. К.), где меня по его просьбе будет ждать швейцар и проводит к нему. Встреча состоялась в соответствии с этим планом. На следующий день мы условились отправиться на экскурсию в Никко и обмениваться там посылками, предназначенными друг для друга. Пакет курьера содержал главным образом деньги. Он оставил мне номер своего личного почтового ящика в Шанхае для использования в случае необходимости...

С технической точки зрения материалы, которые мы отправляли в Москву через курьеров, представляли из себя многочисленные ролики фото пленки... Мы туго скручивали пленку, делая ролики насколько возможно маленькими. Когда мы долго (по три-четыре месяца) не отправляли посылку, скапливалось до 25—30 роликов. После начала войны в Европе количество посылаемых нами материалов постепенно сократилось. Это объясняется тем, что мы все шире стали использовать способ передачи результатов нашей работы по радио. Особенно после начала войны Германии с СССР мы заметно уменьшили количество многословных докладов и громоздких документов и стали преимущественно сообщать важные сведения по радио.

Курьеры из Москвы доставляли главным образом деньги...»

Позже места передачи материалов и денег постарались выносить из Токио не только в Никко, до которого из японской столицы около двух часов езды на поезде, но и в соседний Китай, сообщение с которым было хорошо налажено, а японская полиция не могла действовать там так же напористо, как у себя дома. «Место, время и условия встречи согласовывались по радио. Если курьеры не знали друг друга, по радио устанавливались специальные опознавательные признаки, пароли, фразы для взаимного подтверждения. Например, встреча с курьером в одном из ресторанов Гонкон-

га была устроена следующим образом. Курьер, прибывший из Москвы, должен был войти в ресторан в три часа с минутами, достать из своего кармана толстую длинную черную манильскую сигару и держать ее в руках, не зажигая. Наш курьер (в данном случае я), увидев этот условный знак, должен был подойти к стойке ресторана, достать из кармана по форме сильно бросающуюся в глаза курительную трубку и безуспешно попытаться ее раскурить. После этого курьер из Москвы должен был зажечь свою сигару, а я в ответ — свою трубку. Затем московский курьер должен был покинуть ресторан, а я, также выйдя из ресторана, медленно идти за ним в один из парков, где находилось место нашей встречи. Он должен был начать со слов: "Привет! Я — Катчер", а я произнести в ответ: "Привет! Я — Густав". После этого все должно было развиваться по плану.

Второй пример — способ, применявшийся в одной из шанхайских кофеен. В качестве условного знака при этом использовались маленькие свертки: у одного из курьеров был сверток желтого цвета, у другого — красного.

Третий способ использовался в крошечном токийском ресторанчике, куда никогда не заходят иностранцы. Курьер, как запоздавший посетитель, должен был заказать какое-нибудь специфическое японское блюдо. Человек, посланный мной, должен был завязать с ним по этому поводу разговор, спросить, сладкое ли это блюдо, и сказать, что его товарищ Пауль тоже всегда его заказывает. Московский курьер должен был ответить, что он слышал об этом блюде от своего друга Джимми. Произнеся эти заранее согласованные пароли, они должны были затем условиться о передаче материалов...»²⁷⁴

Осенью случилось еще одно очень важное событие: Зорге встретился с одним из основных агентов, ожидавших его в Токио, — «Жиголо». Под этим легкомысленным псевдонимом скрывался человек, который, не просто при первой встрече, а в первые месяцы знакомства и совместной работы, произвел не самое лучшее впечатление на его начальника. «Жиголо, к сожалению, очень большая загвоздка, — сообщал Зорге о нем в январе 1934 года в Центр. — Он очень мягкий слабосильный интеллигент, без какого-либо стержня. Его единственное значение состоит в том, что мы его квартиру... на-

чинаем использовать как мастерскую». Мастерская, то есть пункт радиосвязи — вещь важная, но этого еще слишком мало для того, чтобы быть ценным агентом в группе «Рамзая». А потому даже полтора года спустя Зорге напишет о «Жиголо»: «Он очень разочаровал. Его положение было плохое, так как его легализация была неблагоприятная. Он также не очень был заинтересован в расширении своих связей и, таким образом, он подпал под подозрение как эмигрант. К тому же нужно прибавить его совершенную неопытность и неуверенность и, кроме всего, непревзойденное стремление к "игрушкам". Его жена значительно сильнее...»²⁷⁵

«Жиголо» на самом деле звали Бранко Вукелич (фон Вукелич, д'Вукелич, де Вукелич), родившийся в 1904 году в Хорватии в семье немецкой еврейки и высокопоставленного сербского офицера, выслужившего дворянство. После окончания мировой войны юный Вукелич, учившийся в то время в Загребе, попал под влияние сербских националистов, а затем примкнул к не менее радикальным марксистам. В 1926 году он вместе с матерью, двумя сестрами и младшим братом Славомиром переехал в Париж, где поступил в Сорбонну на юридический факультет, но подпольной деятельности не прекратил и даже дважды арестовывался французской полицией. При этом имеются сведения, что одновременно Бранко являлся секретарем полковника Франсуа де ля Рока — правоконсервативного политика, основателя Французской социальной партии²⁷⁶. Но, как и в случае с Зорге и со многими другими горячими натурами, такой политический «микс» на рубеже 1920—1930-х годов не представлялся чем-то из ряда вон выходящим. Европа бурлила непереваренным наследием мировой войны, расцветал махровый национализм, вполне мирно уживавшийся до некоторых пор с пролетарским интернационализмом, пришедшим из Советской России, ибо последняя под его маркой нередко поддерживала все тех же националистов — лишь бы те называли своим врагом «мировой империализм». В 1930 году Вукелич женился на датчанке Эдит Олсон — девушке весьма серьезной, с характером, увлекавшейся спортом и книгами. Вскоре у них родился сын Поль (Пол), и примерно в это же время Бранко был привлечен к сотрудничеству с советской военной разведкой вслед за своим младшим братом Славко.

После долгих и безуспешных попыток руководства найти ему применение в Европе Бранко Вукелич в начале 1932 года получил приказ отправиться на нелегальную работу в Японию. Молодому, неопытному и не вполне понимающему, на что он согласился, югославу пообещали, что командировка не продлится более двух лет (обычный срок для агентов той поры), а затем он сможет исполнить свое давнее желание — заняться изучением марксизма в Москве. Бранко, неплохо фотографировавший, договорился с парижским еженедельником «Вю» о том, что будет выступать в качестве его корреспондента в Токио, а заодно получил по почте аналогичную аккредитацию от югославской газеты «Политика».

Отплыв из Марселя под самый Новый, 1933 год, в начале февраля вся семья: Эдит Олсон, маленький Поль и Бранко Вукелич прибыла на «Желтые острова»²⁷⁷. Вукеличи сняли в Токио квартиру недалеко от императорского дворца и православного собора Воскресения Христова, что оказалось не самой хорошей идеей: Бранко был православным, как и многие русские эмигранты, селившиеся в округе, и за которыми токийская полиция особенно пристально следила, не без оснований увязывая их русское происхождение с возможной связью с представителями СССР.

Когда в Японию прибыл Зорге, он встретился с Вукеличем в холле гостиницы «Мэгуро», на которую «Рамзай» только что сменил чрезвычайно дорогой номер в «Санно».

Помимо предоставления квартиры для радиостанции, «Жиголо» в начале декабря выполнил еще одно чрезвычайно важное поручение Зорге: разместил в одной из газет, издававшихся в Токио на английском языке, объявление о желании приобрести японские «гравюры работы старых мастеров». Это был пароль, на который откликнулся еще один агент группы «Рамзая», прибывший 13 октября в Токио из Америки — Мияги Ётоку, «Джо». Просьба Зорге прислать ему в Токио англоязычного японца была выполнена.

Подробности жизни Мияги Ётоку, добросовестно работавшего в группе Зорге восемь (!) лет, стали известны только после окончания войны, когда история резидентуры «Рамзая» стала достоянием гласности. Как обычно, несмотря на все запреты на контакт с «братскими коммунистическими партиями», Мияги был завербован в Америке на почве

своих симпатий к марксизму — он являлся членом японской секции американской компартии и там же стал сотрудником местной резидентуры разведывательного управления Красной армии. Но тогда, в 1930-х годах, все, что о нем было известно и Зорге, и даже Центру, исчерпывалось краткими биографическими данными: японец, хорошо говорящий по-английски, художник, много лет жил в Америке, где и был завербован. Даже агентурный псевдоним — «Джо» достался ему в наследство от партийной работы в США, под этим именем его знали калифорнийские коммунисты.

Теперь уже известно, что Мияги Ётоку родился в 1903 году в маленьком городке Наго в глухой японской провинции — на острове Окинава. Его отец в поисках работы, как и многие японцы в те годы, перебрался в США, на Западное побережье, а в 1919 году к нему переехал заболевший туберкулезом Ётоку. Смена места жительства оказалась для юноши бóльшим стрессом, чем он мог ожидать. Раздраженные наплывом монголоидных гастарбайтеров американцы ненавидели их. Те из японцев, которые успели осесть в США поколением раньше и более-менее ассимилироваться, видели в прибывающих соотечественниках конкурентов, смеялись над их неспособностью к изучению английского языка и желанием сохранить национальные традиции. Кроме того, сами по себе окинавцы даже в Японии были почти нацменьшинством из-за особенностей развития этой провинции (слишком долго поддерживавшей тесные связи с Китаем, говорившей на особом диалекте, непонятном жителям центральной Японии) и крайне низкого уровня жизни. Молодой иммигрант из Наго вынужден был искать себя в негостеприимной среде и нашел во внутренней эмиграции: он стал художником в Сан-Диего, и художником вполне успешным. Такая работа позволяла ему держаться несколько в стороне от массовых скоплений соотечественников, занятых на калифорнийских фабриках или фермах, и хотя бы чувствовать себя в некоторой независимости и от них, и от белых американцев. Переехав со временем в Лос-Анджелес, он вместе с тремя товарищами открыл ресторан «Сова». Там стали собираться сочувствующие левым идеям японцы, так же, как и учредители ресторана, недовольные классовым и национальным неравенством, которого они никак не ожидали встретить в Америке.

В 1927 году Мияги познакомился с девушкой по имени Ямаки Тиё, и молодая парочка сняла себе квартиру в доме другой японской иммигрантки — сорокалетней Китабаяси Томо. Все вместе они вошли в состав Общества пролетарского искусства, а Мияги начал еще и выпускать собственный журнал и в рамках этого общества читать лекции по истории искусств. Вполне логично, что осенью 1931 года становившийся все ближе и ближе идеям радикального переустройства мира Мияги вступил в компартию, куда его рекомендовал коминтерновец Яно Цутому. Как часто бывает при рекрутинге, «старшие друзья» Ётоку позволили ему стать членом партии на «льготных условиях»: учитывая его прогрессирующий туберкулез, ему разрешили не посещать партийные собрания, освободили от нагрузок, которые несли другие члены партии, и даже позволили ограничиться устным, а не письменным заявлением о вступлении в компартию США. На деле все это оказалось лишь подготовкой к новой вербовке, и в 1932 году Мияги стал агентом советской военной разведки. Как и сам Зорге, как Вукелич и все остальные будущие члены советской нелегальной резидентуры в Токио, Мияги не планировал изначально работать против какой-либо конкретной страны, тем более против своей родины — Японии. Он был одержим коммунистическими идеями и надеялся лишь найти свое достойное место в рядах борцов, как ему казалось, с мировой социальной, классовой и национальной несправедливостью. Это был еще один идеалист, которого умело использовали значительно более циничные и опытные мастера тайных дел, но Мияги до конца жизни верил в дело, которому он служил, и умер, оставшись при своих убеждениях. После вербовки ему снова позволили на некоторое время расслабиться, но в сентябре 1933 года он получил приказ вернуться на родину, в Японию, уже в качестве разведчика — ненадолго, по обещанию вербовщика, всего на три месяца.

Прибывший в Йокогаму 13 октября 1933 года Мияги поверил в этот нехитрый обман. Он оставил все личные вещи в Америке, имея при себе лишь 200 обычных долларов и один необычный. Эту, последнюю, купюру он и предъявил при встрече в бюро объявлений иностранцу, якобы желавшему купить «гравюры старых мастеров»²⁷⁸. У Вукелича, а ино-

странцем был именно он, в бумажнике нашлась точно такая же купюра, но ее номер был на единицу больше. Они договорились о следующей встрече в Музее изобразительных искусств в Уэно, и туда с Вукеличем пришел еще один иностранец — «мистер Шмидт».

Под именем «Шмидта» выступал Рихард Зорге. В отличие от Вукелича, Мияги ему сразу понравился, и 7 января 1934 года «Рамзай» просил Центр связаться с Америкой и предупредить, что японский художник не вернется домой, в Лос-Анджелес, в ближайшее время: «Я очень рассчитываю на этого молодого человека и имею большое доверие на его надежность (так в тексте. — А. К.) и способности дальнейшего развития. Но на все это потребуется здесь очень много времени»²⁷⁹. Учитывая, что первая личная встреча «Рамзая» с «Джо» состоялась не ранее середины декабря, а скорее всего, ближе к новогодним праздникам, Зорге сумел чрезвычайно быстро оценить надежность и степень полезности нового агента (второе, безусловно, авансом), и принять далеко идущее решение. Все исследователи, начиная с Дикина и Стори, пишут, что Мияги «согласился не без колебаний». Тем не менее его работа с Зорге началась, и первым заданием стала легализация в Токио под собственным именем и с настоящей профессией. Мияги отлично справился с ее решением: как показали дальнейшие события, образ жизни и знакомства художника оказали серьезную помощь в тайной работе всей группы «Рамзая».

Теперь оставалось найти Одзаки Хоцуми. Резидент помнил о нем, но, понимая, что и за Одзаки и, главное, за ним самим может еще тянуться «шанхайский след», пока медлил с установлением связи: «К моим старым друзьям из моего пребывания в Ш. я еще из-за некоторых происшествий в Ш. не решался пойти. Однако подготавливаю этот шаг со всей целеустремленностью и осторожностью. Джое («Джо». — А. К.) мне в этом деле поможет».

В том же письме, отправленном в Москву в январе 1934 года, Зорге впервые сообщил еще об одном интересном знакомстве: «Прикомандированный сюда на полгода полковник Отт от рейхсвера, правая рука Шлейхера, сказал мне в одном разговоре: Япония еще на сегодняшний день не имеет перво-классной армии в европейском масштабе, но она всеми сила-

ми старается стать такой армией... Он считает войну с нами совсем исключенной»²⁸⁰. Это был тот самый Отт, вслед за которым в двери кабинета Хаусхофера только недавно вошел Зорге и к которому у нашего героя имелось рекомендательное письмо от редактора «Теглихе рундшау».

Ойген Отт родился в 1889 году в Германии и после школы сразу выбрал карьеру военного. Во время Первой мировой служил в 26-й Вюртембергской дивизии, особой славы ненискал, но остался жив, а благодаря занимаемой им должности адъютанта был замечен начальством и отправлен на курсы военной разведки. Окончив их, служил в разведывательном отделе III-В германского Генштаба под командой знаменитого шефа шпионов и специалиста по России полковника Вальтера Николаи, а затем поднялся по карьерной лестнице, занимаясь вопросами внутренней и внешней политики, и став помощником тогда еще майора Курта фон Шлейхера. В 1932 году последний ненадолго занял важнейший пост военного министра и рейхсканцлера, а Отт отвечал при нем за вопросы внутренней политики. Взлет Шлейхера и державшегося за его шинель Отта оказался недолгим: в январе 1933 года к власти пришел Гитлер, Шлейхер был убит. Отта от тюрьмы или смерти спасли другие его покровители в армии, отправив в почетную ссылку на ничтожную должность офицера-стажера в 3-й артиллерийский полк японской армии, дислоцировавшийся в Нагое, примерно в 350 километрах от Токио. С одной стороны, это было бегство, с другой — интересная командировка, возвращавшая Отта ко временам его службы в Генштабе, так как перед отправкой в Японию он прошел инструктаж в разведке и контрразведке рейхсвера и получил задачу детально ознакомиться с организацией японской армии. Что же касается собственного отношения к своему удалению из Берлина, то Отт, судя по всему, не был ни противником, ни сторонником Гитлера и нацистов вообще, и служба в далеком Токио давала ему возможность сохранять иллюзию внутреннего нейтралитета. Отвечая на вопрос американских следователей в 1946 году, он заметил: «Партия Гитлера частично состояла из коммунистов, частично из экстремистов. Подобные люди являлись людьми действия, поэтому я уверен, что в национал-социалистическую партию пришли члены коммунистической организации из-за

их желания действовать»²⁸¹. Так что некоторый радикализм во взглядах его нового знакомого — доктора Зорге не должен был шокировать немецкого разведчика. К тому же они оба не случайно оказались на приеме у доктора Хаусхофера, да и супруга германского офицера Хельма Тереза Отт сама в прошлом увлекалась левыми идеями, к чему ее искренне любящий муж относился снисходительно. И уж совсем неверно было бы представлять Отта в виде тупоумного болвана-служаки, которого обвел вокруг пальца советский шпион. Ойген Отт был профессиональным разведчиком, которому не хватало только аналитических знаний о стране пребывания и умения изложить их на бумаге. Это был серьезный, опаснейший противник, но Зорге оказался на голову выше в искусстве обмана. Он точно просчитал подполковника, все его сильные и слабые стороны, включая самые интимные аспекты личной жизни, и в присущем ему стиле «шпионского дзюдо» использовал в своих целях. В каких именно?

Наш герой рассказал о своих задачах в Японии сам: «В целом они сводились к следующему:

1. Пристально следить за политикой Японии по отношению к СССР после Маньчжурского инцидента, тщательно изучать вопрос о том, планирует ли Япония нападение на СССР...

2. Осуществлять тщательное наблюдение за реорганизацией и наращиванием японских сухопутных войск и авиационных частей, которые могут быть направлены против Советского Союза...

3. Скрупулезно изучать японо-германские отношения, которые, как считалось, после прихода Гитлера к власти неизбежно станут более тесными...

4. Непрерывно добывать сведения о японской политике в отношении Китая. Эту задачу можно рассматривать как продолжение моей разведывательной и аналитической деятельности, которую я проводил в Китае...

5. Внимательно следить за политикой Японии по отношению к Великобритании и Америке. Эта задача была особенно важной, потому что до начала японо-китайского конфликта в Москве верили в возможность поворота Японии против СССР при поддержке Великобритании и Америки. В Москве полагали, что идея о совместной войне всех великих держав

против СССР была не из тех, от которых так легко можно отказаться.

6. Постоянно следить за ролью военных в определении внешнеполитического курса Японии, уделяя пристальное внимание тем тенденциям в армии, которые влияют на внутреннюю политику, особенно деятельности группы молодых офицеров, и, наконец, внимательно следить за общим курсом внутренней политики во всех политических сферах.

7. Непрерывно добывать информацию о японской тяжелой промышленности, уделяя особое внимание проблемам развития военной экономики...»²⁸²

Нетрудно заметить, что в решении большей части этих задач германский военный разведчик, служащий в японской армии, мог оказать неоценимую помощь — такой подход Зорге проверил на практике, общаясь с немецкими военными советниками и специалистами еще в гоминьдановском Китае. Но это было лишь начало Большой игры. Пока же Зорге писал: «К сожалению, больше я ничего вам не могу сообщить. Во-первых, я лежу уже три недели больным в постели... Потом я здесь только четыре месяца и четыре месяца для такой страны ничего не значат. Значит, вооружитесь терпением. Самый лучший из вас не смог бы сделать большего за это время в такой обстановке...»²⁸³

ПОЛЕ БИТВЫ — ТОКИО

В письме в Центр от 7 января 1934 года «Рамзай» поделился выводами о специфике работы в Японии: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого шпика в отдельности и применяющиеся каждым из них методы. Думаю, что я их всех уже окончательно стал водить за нос». Это было довольно глупое заявление, по сути — обыкновенное хвастовство. Но Зорге не был одинок в своих иллюзиях. Подобные не подкрепленные ничем амбиции часто одолевают путешественников, приезжающих в эту страну даже со вполне легальными целями. Япония обманчива и коварна в том смысле, что неофиту при первом столкновении с ней кажется, что вот уж он-то точно понял, в чем ее скрытая суть, в чем тайна национального характера и какова на самом деле обратная сторона Японии. Если восхищенный страной и самим собой «исследователь» останется здесь надолго и не пожалеет сил и времени на настоящее изучение «божественных островов», его ждет неизбежное разочарование, а затем снова очарование Японией — но на этот раз уже осмысленное. Зорге попал в ту же ловушку, только с учетом его профессиональных интересов последствия этого просчета могли оказаться значительно серьезнее, чем сожаления о собственных несвоевременных восторгах. Ему показалось, что он разгадал характер и «незамысловатые» методы японской полиции, и эта ошибка могла стоить жизни.

Примечательно, что в 1933 году, как раз когда наш герой начал было убеждаться в своем превосходстве над японской полицией, в Советском Союзе была издана книга ирландского профессора Тэда О'Конроя, преподававшего в различных японских университетах, женатого на японке и жившего в

Токио с 1913 года. Работа довольно противоречивая и в некоторых аспектах — на сегодняшний взгляд — ошибочная и претенциозная. Само ее название — «Японская угроза» — говорит за себя, и не случайно именно она стала одной из трех книг о Японии, хранившихся в личной библиотеке Сталина и единственной, испещренной его многочисленными пометками²⁸⁴. Чего, однако, нельзя отрицать, так это того, что сам О'Конрой имел огромный опыт практического общения с японцами, в том числе с военными, которым он преподавал в Имперской академии военно-морского флота, и с полицейскими. Он имел право по-своему оценивать утверждение своего предшественника в деле «познания японского духа» — знаменитого эссеиста и востоковеда Лафкадио Хирна: «Когда вы поймете — через 4 или 5 лет — что вы вовсе не в состоянии понять психологии японцев, тогда вы начнете разбираться в ней»²⁸⁵, и сам посвятил немало места в книге жизни иностранцев в Японии.

Их на тот момент (1933 год) в Японии проживало совсем немного: около шести с половиной тысяч человек, в том числе около 850 выходцев из России, и 930 немцев. Все они находились под неусыпным наблюдением полиции: «...в то время, когда я имел дело с иностранным отделом центральной полицейской организации, я имел возможность часто наблюдать за слежкой и обращением чинов полиции с иностранцами. Многие европейцы покидали свой отель, чтобы купить папирос или выпить что-нибудь, и в каждом случае они становились предметом наблюдения какого-нибудь мелкого сыщика, состоявшего на службе в полиции. Стоило иностранцу вскочить в трамвай, сыщик следовал за ним. Если иностранец шел пешком, сыщик шел по его пятам. Иностранец не мог укрыться от сопровождения своего сыщика, пока не возвращался в отель»²⁸⁶.

Возможно, Зорге, имевший уже к тому времени богатый опыт работы в разведке, в том числе в Азии, как раз и решил, что раскусил эти нехитрые приемы японской полиции, и это заставило его упомянуть о собственной неуязвимости в письме в Центр. Лишь позже он понял, что все не так просто. Вот, например, что писал О'Конрой о работе британского посольства в Токио (с некоторой поправкой можно экстраполировать эту оценку и на германскую дипломатическую мис-

сию): «Посол окружен шпионами, как я узнал во время моих сношений с полицией, и в отношении его система шпионажа в Японии доведена до совершенства. Шпион "А" может быть назначен для наблюдения за посольством; в этом случае "Б" будет наблюдать за "А", третий шпион "В" получит приказ наблюдать за "Б", а четвертый "Г" наблюдает за первыми тремя. В добавление к тому существуют еще тайные общества, задачей которых является наблюдение за иностранцами. Кроме того, японец всегда рад донести полиции о чем-либо подозрительном в поведении варвара или японца, друга варвара»²⁸⁷.

Спустя почти два года, 1 сентября 1936-го, «Рамзай» — вслед за Хирном и О'Конроем — подтвердит свое новое понимание особенностей разведывательной работы в Японии: *«Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности, что всегда могут произойти такие неожиданные вещи, которых в нормальных условиях совершенно не приходится опасаться. Вас могут, например, ни с того ни с сего задержать, когда вы после 12 часов ночи возвращаетесь из Йокогамы в Токио; ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства... В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет... В малейших частностях жизни вы здесь подвержены необыкновенному произволу»*²⁸⁸.

О «необыкновенном произволе» в деталях рассказал немецкий журналист Фридрих Зибург, колесивший по Японии: «В двух или трех поездках, предпринятых мною вместе с Зорге, нам пришлось иметь дело с прямо-таки несметным числом полицейских в форме и в штатском, ходивших за нами по пятам, проверявших наши документы и заводивших с нами разговоры. В этом не было ничего необычного, ибо боязнь шпионов в этой стране приобрела уже характер подлинной мании. Хотя я имел самые надежные рекомендации японских властей и мог считаться личностью вне всяких подозрений, все же японские полицейские беспрестанно досаждали мне своим интересом к моей персоне.

Нередко во время утреннего бритья в моем гостиничном номере появлялся довольно нечистоплотный молодой человек со множеством авторучек в нагрудном кармане; бес-

прерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, он представлялся полицейским агентом и выражал надежду, что я чувствую себя в Японии в полной безопасности. То же самое происходило со мной и во время экскурсий, в общественных парках и даже в храмах...

Публике без конца читают наставления об опасности шпионажа. Постоянно проводятся специальные курсы обучения и публикуются соответствующие инструкции. Мне самому довелось как-то побывать на одной из лекций: японский полицейский офицер выступал перед гейшами, призывая их также включиться в борьбу со шпионами...

Впоследствии мне разъяснили, к чему сводились эти инструкции. Ну, во-первых, шпиона, — разумеется, являющегося представителем белой расы, — следовало сразу же распознавать по внешнему виду. Согласно представлениям японской контрразведки, этот внешний вид в точности соответствовал облику шпионов из старых приключенческих фильмов. Со всей серьезностью этим девушкам втолковывают, что, если в чайный домик заходит мужчина в пальто с поднятым воротником и в дорожной шляпе, с короткой трубкой в зубах, а то и с моноклем в глазу, значит, это непременно шпион. Я привожу все это в качестве примера того наивно-го схематизма, который японские власти перенесли на комплекс шпиономании.

Вместе с Зорге я побывал также в городах Киото, Нара и Ямада, где мы осматривали священные храмы. В поездках к нам то и дело обращались какие-то люди, пользуясь несколькими фразами на ломаном английском или немецком языках, и просили у нас визитные карточки. На вокзале в Ямада нас обступила целая группа полицейских в форме; непрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, они записали наши биографические данные...

Как-то раз один из полицейских даже попросил разрешения осмотреть наши авторучки. Позже я узнал, что японцы испытывают особый страх перед авторучками, ибо считают, что с их помощью шпионы производят фотосъемку или разного рода измерения. Постоянно велись также разговоры об инфракрасных лучах, с помощью которых якобы шпионы проделывали свои темные дела; я не знаю, какая навязчивая идея заставляла японских контрразведчиков думать, что бе-

лого шпиона всегда можно распознать по тому, что он постоянно "фотографирует сверху вниз".

Как бы там ни было, назойливый интерес полицейских ко мне и Зорге во время наших поездок можно было считать нормой поведения по отношению к двум известным европейским журналистам. Не исключено, однако, что Зорге уже в то время в чем-то подозревали»²⁸⁹.

И, наконец, свидетельство американского журналиста Гарольда О. Томпсона, работавшего в Токио параллельно с «Рамзаем»: «С 1936-го по лето 1941 года я находился в Токио в качестве корреспондента Юнайтед Пресс. Мой корпункт находился на седьмом этаже здания агентства Дэнцу. В том же коридоре располагались рабочие помещения Немецкого телеграфного агентства (ДНБ), агентств Гавас и Ассошиэйтед Пресс. Зорге часто заходил к своим коллегам из ДНБ. Я встречал его и на японских пресс-конференциях... Несмотря на наше поверхностное знакомство, Зорге мне нравился. Он был дружелюбным, отзывчивым парнем... Мне особо запомнился один случай. Японская полиция приставила к Зорге агента для постоянной слежки, как это она проделывала со многими из нас. Однажды этот агент пришел в корпункт, чтобы поболтать с моим помощником-японцем. Последний сказал мне, что полицейский агент пребывает в радостном настроении, так как Зорге попал в мотоциклетную катастрофу и в настоящее время находится в больнице Сен-Люк, отчего у полицейского высвободилось время для личных дел. Я отправился в больницу, где узнал, что Зорге получил лишь незначительные травмы и уже выписан. Когда я сказал об этом полицейскому, он пулей вылетел из комнаты, спеша вновь занять свой "наблюдательный пост". Мне кажется, что за Зорге следили гораздо интенсивнее, чем за большинством из нас»²⁹⁰.

Как вообще возможно работать разведчику в таких условиях? Вопрос далеко не риторический. Более того, до прибытия Зорге в Токио в Москве обязаны были понимать, насколько это трудно. Формально в Японии существовали легальные резидентуры ИНО НКВД и Четвертого управления Штаба РККА, базировавшиеся в постпредстве СССР в Токио и дипломатических представительствах в некоторых других городах, прежде всего портах — Хакодате и Кобе, во главе ко-

торых стояли резиденты, служившие под дипломатическим прикрытием. Ныне доступные данные по организации резидентуры военной разведки в Японии по состоянию на начало 1930 года говорят о том, что ее возглавлял, разумеется, военный атташе Советского Союза в Токио (Виталий Маркович Примаков), а в состав входили 33 человека — посольские сотрудники, агенты и осведомители. После разгрома легальных резидентур в Маньчжурии в ходе конфликта на КВЖД, когда китайцы вломились в здание диппредставительств СССР, невзирая на дипломатический иммунитет, разведчикам в Японии была поставлена задача по скорейшей организации работы с нелегальных позиций. При этом выяснилось, что при общей положительной оценке деятельности военной резидентуры реальное количество агентов ограничено тремя связями, ряд контактов существует только на бумаге и в благих пожеланиях резидента и перевести такую структуру на нелегальную основу совершенно невозможно²⁹¹.

К следующему году положение несколько улучшилось, но все равно, несмотря на многочисленность бумажной шпионской рати, советской разведки в Японии скорее не было, чем наоборот. В докладе, названном «Краткие характеристики к схеме токийской резидентуры», составленном в июле 1932 года, вводится новая терминология по образцу партийного большевистского подполья («сектора» — консульства, в которые входят «ячейки» и «гнезда») и упоминается значительное количество вербовщиков, агентов и связей. И все это снова в значительной степени фикция, так как из пяти секторов два не работали совсем, от третьего за истекшее время было получено только одно донесение, от четвертого все результаты ожидалось лишь в неясной перспективе, и только пятый давал более-менее регулярную и ценную информацию, хотя и там руководитель сектора находился под подозрением у японцев.

В выводах, которые Центр сделал по результатам анализа, говорилось, что:

- 1) «резидентура обходится слишком дорого...
- 2) поступающий материал не идет по линии выполнения задания...
- 3) резидентура почти ничего не сделала по созданию сети на военное время.

Отсюда вытекает необходимость:

1) удешевить работу резидентуры путем улучшения качества работы и материалов;

2) заставить резидентуру строить свою сеть по объектам и по важнейшим задачам, стоящим перед резидентурой, а не идти на поводу у отдельных источников;

3) приступить к созданию сети военного времени (то есть нелегальной резидентуры. — А. К.)»²⁹².

Что же касается резидентуры Иностранного отдела ОГПУ-НКВД, то там ситуация была значительно проще: чекисты вообще не имели ни одного постоянно работающего агента-нелегала в Японии вплоть до середины 1934 года, когда был завербован рядовой сотрудник военной жандармерии кэм-пэнтай («Кротов»). Но и в отношении него имелись серьезные сомнения по поводу его возможной подставы японской контрразведкой. Зато чекист Борис Гудзь («Гинце»), служивший в то время в постпредстве СССР в Токио, не знавший языков и вынужденный разговаривать только через переводчика, сумел завербовать самого переводчика советской дипмиссии — японца, получившего псевдоним «Простак»: «Он достаточно хорошо говорил по-русски, и общаться с ним было легче, чем с "Кротовым"». Эта связь (вероятно, тоже подставная) также вскоре была утрачена²⁹³.

Так что, когда в 1933 году Зорге прибыл в Токио, позиции советской разведки были там весьма слабы, а наших нелегальных резидентур вообще не существовало, а вот японцы действовали быстро и активно. Еще когда он жил в отеле «Санно», к нему была совершена попытка проверочного подхода японским журналистом, корреспондентом информационного агентства «Дзидзи» Мицукадо Аритоми. По рекомендации этого человека «Рамзай» сменил «Санно» на «Мэгуро», а потом узнал, что владелец последнего является бывшим (бывшим ли?) агентом тайной полиции. С жизнью в отелях пора было заканчивать, и Зорге снял себе отдельный дом в престижном районе Адзабу, примерно в 15 минутах езды от германского посольства и штаб-квартиры информационного агентства «Рэнго» на Гиндзе (ныне «Дэнцу», здание сохранилось), где располагались местные бюро европейских и американских периодических изданий. На этом постижимая логика выбора места для жизни Зорге заканчивается.

Дело в том, что дом для себя наш герой нашел в семи минутах ходьбы от советского полпредства и в одной — от... полицейского участка Ториидзака, по адресу Накадзака-мати (Нагасака-мати, не путать с Нагасаки!). В японском фильме «Шпион Зорге» полицейские наблюдают за квартирой разведчика в бинокль. На самом деле его дом стоял прямо напротив их окон, и необходимость в бинокле у них отсутствовала. Можно было, конечно, зашторить окна, но зачем выбирать жилье, зная, что оно может (и будет!) нелегально досматриваться полицейскими в любой момент отсутствия там хозяина, совершенно непонятно. Тем более что следить за передвижениями Зорге полицейским теперь было особенно удобно. Столь же неясна причина, по которой резидент выбрал дом поблизости от советского дипломатического представительства. Он не мог не понимать, что миссия вероятного противника, на территории которой находятся две резидентуры, приковывает к себе особое внимание и за ней ведется постоянное и непрерывное наблюдение с нескольких стационарных точек слежения. Полицейские, непрерывно кружащие вокруг нее как на карусели, оправдывали свое японское название «о-мавари-сан» — «господин, ходящий кругами». При этом, как мы знаем теперь, время от времени «Рамзай» будет вынужден поддерживать личный контакт с офицерами легальной резидентуры военной разведки, невероятно рискуя при этом нарваться на «каруселящих». И тем не менее...

Что касается самого дома, то сохранилось несколько его описаний, сделанных в основном женщинами, бывавшими там. Причем, если внимательно читать их, то возникают вопросы даже по точному расположению дома и его нумерации — то ли 30, то ли 29, то ли 31. Чаще всего называют номер 30: «Это был японский деревянный двухэтажный дом. В протоколах допроса Зорге после его ареста содержатся некоторые данные о его доме. На первом этаже находилась гостиная (12 кв. м.), столовая (около 7 кв. м.), кухня, деревянная японская ванна (офуро) и туалет, тоже японский — без унитаза. На втором этаже располагались кабинет с телефоном (12 кв. м.) и спальня (9 кв. м.). Кровать Зорге заменяла стопка японских тюфяков — футонов»²⁹⁴.

Влюбленная в Зорге немецкая пианистка Эта Харих-Шнайдер впервые побывала там незадолго до ареста раз-

ведчика: «В квартире было жарко как в духовке. Очертания пыльных улиц расплывались в нестерпимом блеске солнечных лучей; на террасе, расположенной на крыше его дома, даже по ночам царила невыносимая духота... Из соседних домов доносились звуки радио и детский смех... Дом Зорге затерялся среди жилищ бедных японцев, построенный в небрежном, европейско-японском стиле, он выглядел неряшливо. Две комнаты внизу, вся их убогая обстановка ограничивалась несколькими шаткими столиками, на одном из которых лежал клочок потертого красного бархата... За стенкой находилась кухня. Наверху — его рабочая комната с большим диваном, письменным столом и граммофоном (скорее всего, патефоном. — А. К.), во всю стену от пола до потолка — книжные полки. За дверью — спальня, которую почти целиком занимала широкая двуспальная кровать. К спальне вел узкий коридорчик. Двери обеих комнат верхнего этажа выходили на террасу»²⁹⁵.

Другая, значительно более ранняя посетительница дома Зорге, с которой нам еще предстоит познакомиться поближе, Исии Ханako тоже не обошла в своих воспоминаниях свое первое знакомство с жильем возлюбленного: «...для японцев это был бы жилой дом, принадлежавший человеку из среднего класса. В случае же иностранцев — это лишь обычный дом, ничем не выдающийся и не привлекающий внимания...

В коридоре на втором этаже стоял телефон, по правую руку располагалась терраса, находящаяся над прихожей, слева — комната; он [Зорге] же повел меня в следующую за ней, располагавшуюся в глубине. Это была комната где-то в десять татами (около 16 кв. м., большая площадь для японского дома тех времен. — А. К.), поверх татами лежал скромный ковер, отделяя ее от другой; на "границе" между ними стояли большой рабочий стол и вращающийся стул, у окна напротив — маленький столик, стулья, у стены — низкая кровать, чайный столик. Из большого окна был виден полицейский участок Ториидзака...

На столе стояла печатная машинка, рядом настольная лампа, тут же были разбросаны книги, бумаги, распечатки. В токонома (стенная ниша. — А. К.) висел свиток и стояли цветы, в комнате были портативный патефон и книги. Рядом с токонома стояли часы, на других стеллажах и в выдвижных

ящиках лежали книги и фотоаппарат. И повсюду, включая стены и фусума (легкие раздвижные перегородки между комнатами. — А. К.), висели карты. На свободном месте кое-как булавкой был приколот большой лист с изображением Будды. До пола свисали темно-красные бархатные шторы, и они придавали какое-то спокойствие этому кабинету, чувствовалось, что это — рабочее место человека, занятого умственным трудом»²⁹⁶.

А сам «Рамзай» в письме Екатерине Максимовой описывал свое жилище так: «Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу, совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых окон, на полу — плетеные коврики. Дом совсем новый, и даже современнее, чем старые дома, и довольно уютен.

Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все нужное: варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно... Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству»²⁹⁷.

Но письма Кате, встречи с Ханако и Этой были еще впереди. Зимой 1934 года, переехав в дом напротив полицейского участка, встретившись с «Бернгардтом», познакомившись с Вукеличем и Мияги, Зорге был почти готов начать работу. Теперь можно было приступить к розыску самого главного члена его группы — Одзаки Хоцуми.

ОНИ НАШЛИ ЗОРГЕ

Едва прибыв в Японию, Зорге задумался о поисках путей выхода на своего старого шанхайского друга. Когда стало ясно, что процесс легализации вполне успешно тронулся с места, можно было всерьез заняться восстановлением контакта с человеком, который проработал с «Рамзаем» так недолго, но оставил в его памяти столь яркий след. Однако Одзаки жил и работал в Осаке, далеко от Токио, и Зорге не мог выехать туда, не придумав логичного объяснения своей поездке. Его встречу с тамошним журналистом наверняка зафиксировала бы полиция, и на этом вся операция могла закончиться. Для возобновления связи нужен был не иностранец, а японец, находящийся вне подозрений, и с появлением Мияги такая возможность появилась.

Художник прибыл в Осаку весной 1934 года, разыскал бюро газеты «Осака Асахи» и попросил передать для Одзаки Хоцуми свою визитную карточку на имя некоего Минами (в одних источниках — Канъити, в других — Риути). Получив ее, Одзаки насторожился. Он жил в последнее время в страхе, что полиции станут известны его связи с левыми в Шанхае, а оттого поначалу принял «Минами» за полицейского провокатора. Тем не менее формального повода увильнуть от встречи не нашлось, и Одзаки согласился. В тот же вечер в ходе беседы, проходившей в китайском ресторане неподалеку, журналист выяснил: «Минами» на самом деле — американский коммунист Мияги Ётоку, прибывший в Осаку по поручению того самого «мистера Джонсона», с которым Одзаки так сдружился в Шанхае²⁹⁸. Страх прошел, он, видимо, даже почувствовал нечто вроде воодушевления и стал ждать встречи с самим «Джонсоном», не зная, что тот прибыл в Токио как Зорге. Одзаки вообще в то время еще не знал его настоящего имени.

Установив с помощью Мяги контакт с Одзаки, Зорге отправился в регион Кансай, где находится Осака, как турист. Там он наконец-то встретился со старым другом. Они вместе посетили всемирно известные достопримечательности, где всегда много иностранцев и высокие белые люди не так сильно бросаются в глаза. Одзаки и Зорге вместе покормили ручных оленей в парке Нара и полюбовались цветущими лотосами в саду храма Хэйан в Киото, а заодно договорились о продолжении совместной работы. Позже, во время допросов в тюрьме, японский журналист признается, что именно в парке Нара он «...с готовностью согласился присоединиться к группе, хотя и был полностью осведомлен о том, что Зорге вместе с Мяги Ётоку и другими создал в Японии разведывательную группу со штаб-квартирой в Токио с целью поиска и сбора различной информации о наших (японских. — А. К.) военных, дипломатических, финансовых, политических, экономических и других делах, а также военных секретов и секретов, относящихся к военным ресурсам, — и эта информация должна была передаваться московским властям»²⁹⁹. С одной стороны, такое мгновенное согласие работать на иностранную шпионскую организацию у себя на родине почти невероятно, учитывая глубокий внутренний патриотизм японцев и их страх перед общением с иностранцами, чрезвычайно сильно развитый в те годы. Возможно, именно это признание Одзаки настолько сильно покорило потом следствие и суд, что сыграло важную роль при вынесении ему приговора. С другой — эпоха великих потрясений и борьбы против социальной несправедливости не миновала и Японию. И в этой стране левые, либералы имели возможность искать приложения своих сил с целью изменить мир к лучшему и делали это, преодолевая сопротивление довольно скованного, традиционалистского общества. Многим интеллектуалам Японии той эпохи не нравился избранный страной милитаристский курс, и некоторые из них, как мы видим, искренне верили, что, сотрудничая с Коминтерном или иным советским разведорганом, они спасают мир. Наконец, очевидна глубокая и взаимная личная дружеская и деловая симпатия, еще в Китае установившаяся между двумя этими необычными, широко, масштабно мыслящими людьми — Зорге и Одзаки. Складывается впечатление, что япон-

ский журналист лишь ждал момента и человека, которого он уважал и которому верил, чтобы тот укрепил его дух и силой убеждения заставил вернуться на путь борьбы против милитаризма. И Зорге пришел.

Так совпало, что талант Одзаки как политического аналитика именно в это самое время был признан и руководством «Асахи». В сентябре того же года было принято решение эффективнее использовать его знание китайских проблем, тем более что в качестве обычного репортера Одзаки так и не снискал журналистской славы. Он был переведен в Токио и оставлен в штате газеты, но с совершенно другими обязанностями, возможностями и связями. «Асахи симбун» — один из крупнейших медиаконцернов Японии, предпринял успешную попытку заняться изучением Китая более профессионально — с целью предложения консультаций своих политологов правительству Японии. «Под крышей» газеты было создано «Тоа мондай тёса кай» — «Общество изучения проблем Дальнего Востока», и Одзаки стал в нем одним из главных специалистов. Он переехал с семьей в столицу, получил более высокий оклад, но главное — значительно больше свободы и времени, чем у обычного корреспондента, а вскоре обзавелся и обширными связями на самом высоком политическом уровне. Для Зорге, а шире — для советской разведки и вообще для СССР, это был по-настоящему царский подарок, пусть и не оцененный сразу по достоинству.

Впрочем, сам «Рамзай» с самого начала хорошо осознал, насколько важен для него Одзаки, и, в отличие от московских начальников и японских следователей, трезво оценивал его возможности в части добывания военных секретов, понимая, что ценность его лежит в иной плоскости. «Одзаки получил прекрасное образование, — писал Зорге. — Обширные знания и твердость взглядов сделали его одним из тех редких людей, которые сами были источником информации. Беседы и дискуссии с ним были очень содержательными. Я часто отправлял в Москву как весьма ценную информацию его многие суждения по тем или иным вопросам будущего развития ситуации. В тех случаях, когда я сталкивался со сложнейшими, специфическими, чисто японскими проблемами и у меня не было полной уверенности в их понимании, я полагался

на его мнение. В двух или трех случаях я советовался с ним, окончательно принимая важные решения, касающиеся сути моей работы. Таким образом, Одзаки был исключительной личностью и сам по себе должен рассматриваться как прямой источник информации. Я очень многим обязан ему». Что же до кражи военных тайн, то вот слова Зорге: «Я думаю, что максимум одно или два сообщения Одзаки содержали общие военные и политические сведения, полученные от действующих офицеров японской армии. По-моему, офицеров интересовало мнение Одзаки как специалиста по Китаю. Конечно, Одзаки тоже пытался получить от них информацию, но как бы там ни было, постоянных источников военной информации у Одзаки не имелось...

Как широко известный ранее газетчик, Одзаки имел много знакомых среди японских журналистов. Полагаю, что большинство из них были его коллегами, когда он работал в газете "Асахи симбун". От общения с ними он получал много информации, главным образом политического характера. Впрочем, в двух-четырёх случаях прошла политическая информация, связанная с военными вопросами. Думается, что у него были связи и с Информационным бюро Кабинета министров, а до этого — и с Информационным департаментом Министерства иностранных дел. Полученные из этих источников сведения содержали главным образом данные о текущих политических событиях, информация же по вопросам фундаментальной политики была очень редкой»³⁰⁰.

Со временем Одзаки привлек к сотрудничеству еще двух соотечественников: Синодзука Торао («Специалист»), бывшего артиллерийского офицера, намечавшегося Москвой в качестве именно специалиста по военно-техническим вопросам, но не сумевшего стать таковым, и старого знакомого по Шанхаю — Каваи Тэйкити («Ронин»), который теперь был близок к ультранационалистическим обществам. Каваи испытывал чувство признательности к Одзаки, который много сделал для него в Китае, и само по себе это было достаточной мотивацией для его работы на группу Зорге. При этом с самим «Рамзаем» он не был связан, замыкаясь на Одзаки, а позже на Мияги. Информация от него главным образом подкрепляла интересные выкладки по развитию внутривнутриполитической ситуации в Японии, которые делал Зорге и которые, в

свою очередь, сделали имя ему как специалисту по японской политике³⁰¹.

К сожалению, именно этой — политической — ценности Одзаки и его агентов долго не могли уяснить в Москве. Центр, вразрез с ожиданиями самого «Рамзая», требовал от резидента не столько политической, сколько военной и военно-технической информации. И снова в самый нужный момент сработали обаяние Зорге, его запутанная биография, профессиональные навыки и немного удачи. Подполковник Ойген Отт после полугодовой стажировки в Нагоя вернулся в Германию, где представил доклад явно не только об успехах японского артиллерийского полка, в котором он проходил службу. Об этом свидетельствует то, что рапорт Отта был доложен министру обороны рейха Вернеру фон Бломбергу, а тот настоял на личном докладе Отта самому Гитлеру. Итогом встречи с фюрером стало присвоение в прошлом опальному Отту звания полковника и назначение его военным атташе в Токио³⁰².

Вернувшийся в зените славы в Японию ранней весной 1934 года Отт встретил в посольстве Зорге. На этот раз атташе был не один, он привез в Токио свою семью, и эта встреча стала сюрпризом для всех. Оказалось, что Отту нет необходимости представлять Зорге свою жену Хельму — дочь доктора Р. Бодевига, состоявшую до того в браке с немецким архитектором-коммунистом Эрнстом Маем и прекрасно знавшую товарища мужа, весельчака и любимца женщин Рихарда³⁰³. Очень высокая и элегантная блондинка, настоящее олицетворение «новой арийской расы», Хельма остерегалась упоминать при ком бы то ни было о своих левых взглядах в прошлом, но здесь, в Японии, она могла немного расслабиться. Тем более положение жены военного атташе давало ей некоторый карт-бланш, а неожиданная встреча с Зорге стала настоящим подарком судьбы. Теперь Хельма нашла человека, который знал о ней, возможно, больше, чем ее муж, от которого можно было не таиться и которому она симпатизировала настолько, то вскоре их отношения стали чрезвычайно близкими. Она тоже бывала дома у Зорге, и существует фото, на котором он запечатлен на фоне вышитых ее рукою занавесочек. Полковник Отт довольно скоро узнал о визитах своей супруги к Рихарду, но внешне отнесся к про-

исходящему с поистине нордическим спокойствием — казалось, что завязывающаяся дружба с Зорге ему важнее верности жены³⁰⁴. Только в кругу самых близких людей он мог открыто позволить сожалеть о том, что его счастье с женой оказалось внезапно прервано. Германский разведчик очень страдал в то время и часто повторял Зорге: «Жена хотя бы один раз, но должна вернуться ко мне». Это удивительным образом сочеталось с верой полковника в самого Зорге, который, как считал Отт, абсолютно предан ему, потому что они «любят одну и ту же женщину»³⁰⁵.

К журналисту начал открыто выказывать свое благоволение и новый посол — Герберт фон Дирксен. Все трое — Отт, Дирксен и Зорге были участниками войны и даже оказались награждены Железными крестами — своеобразным символом причастности к тяжелой и опасной эпохе. То, что они пережили опасности в совершенно разном положении, должностях и званиях (возможно, встретить Зорге Дирксена в траншее, он и ему бы намылил шею), сейчас уже не было важно. Все они теперь стали просто ветеранами. Впрочем, шансов встретиться на фронте у Зорге и Дирксена не было. Будущий посол, родившийся в 1882 году, провел войну в тылу, и даже там она на него оказала серьезное влияние в интеллектуальном плане, пробудив интерес к внешней политике. Проработав 20 лет в немецком Министерстве иностранных дел, он стал опытным и искусным дипломатом, однако прибыв в Токио, быстро понял, что здесь ему придется нелегко: он не знал языка и не понимал (к его чести, отдавая себе в этом полный отчет) дальневосточного менталитета этого удивительного народа. Кроме того, в посольстве отсутствовали высококлассные специалисты по японской политике, а военный атташе был только что назначен, и, несмотря на высокую оценку его предыдущей работы в Японии Гитлером, Отту самому требовалось еще очень много времени и усилий, чтобы вникнуть в японские проблемы. Поэтому фон Дирксен пошел по пути наименьшего сопротивления, в чем-то повторяя пусть своего предшественника, благо богатейшая японская культура и положение Германии, как одной из самых дружественных Японии стран, к тому располагали. «Мои самые приятные воспоминания о Токио, — утверждал позже граф, — связаны с часами, а иногда и днями, прове-

денными за изучением или коллекционированием произведений восточноазиатского искусства»³⁰⁶. Политикой же должен был заняться кто-нибудь другой.

Еще одним ветераном войны, побывавшим даже во вражеском плену, был только что назначенный на должность военно-морского атташе и прибывший весной 1934 года в Токио капитан Пауль Веннекер (Венекер)³⁰⁷. Военный моряк нашел в лице Зорге (тот называл Веннекера «Паульхеном») самого преданного друга, и Рихард отвечал ему взаимностью: «Это был человек военный, благородный, с характером. Однако вопросы политики были совершенно выше его понимания, и потому я мог быть ему кое в чем полезным. Веннекер, подобно мне, был холостяком, и мы вместе посещали такие места, как Атами (курорт на горячих источниках недалеко от Токио, славившийся в том числе некоторой неформальностью отдыха. — А. К.), и стали добрыми компаньонами»³⁰⁸.

Наконец, пятым героем этой истории стал так же появившийся в Токио в 1934 году корреспондент главной нацистской газеты «Фёлькишер беобахтер» («Völkischer Beobachter») молодой князь Альбрехт фон Урах. Он не служил в армии, будучи 1903 года рождения, но оказался с легкостью причислен друзьями к их фронтовому братству потому, что по удивительному стечению обстоятельств его отец, провозглашенный, но не ставший литовским королем, в войну успел побывать командиром и Отта, и Зорге. Фон Ураху, как и фон Дирксену, Отту, Веннекеру и некоторым другим, позарез нужна была помощь соотечественника, который бы разбирался в японских проблемах лучше их, кто уже стал профессионалом в дальневосточных делах и мог дать им совет, консультацию такого уровня и с таким тактом, что каждый из них не побоялся бы и не постеснялся отправить полученную информацию в Берлин за собственной подписью. И они нашли Зорге.

Каждый, кто возьмется сегодня писать статью, книгу или снимать фильм о Рихарде Зорге, представляя его неуравновешенным авантюристом, бабником и алкоголиком, должен задать себе простой вопрос: как могло случиться, что этот человек вызвал такое доверие и расположение к себе опытного дипломата, двух профессиональных разведчиков

и многих других людей, что они, даже видя какие-то его недостатки, с легкостью их прощали, обращая внимание лишь на его совершенно очевидные для них достоинства? Как он, если бы был лишь искателем приключений, заикленным на выпивке и женщинах, восемь лет смог вести такой образ жизни, что даже в 1951 году его старый друг Ойген Отт, деливший с ним не только жену, но и тайны рейха, продолжал недоумевать: «Дело Зорге просто ошеломило меня. *В течение всех этих лет я ни секунды в нем не сомневался...* Как бы там ни было, я по сей день не могу понять, как у него хватило сил на эту игру»³⁰⁹.

Отчасти ответ на этот вопрос дал сам доктор Зорге в своих «Тюремных записках». Ответ несложный, куда труднее было реализовать его на практике. Зорге поставил себе задачу стать профессионалом в исследовании Японии, незаменимым для важнейших сотрудников германского посольства в Токио, и очень быстро с этой задачей справился, не останавливаясь, впрочем, на достигнутом: «Такая работа, разумеется, требовала непрерывного и исчерпывающего анализа и изучения японских проблем. Если бы я проявил неспособность оценивать возникавшие проблемы и принимал ошибочные решения, я, вероятно, стал бы посмешищем в глазах моих японских сотрудников. Если бы считалось, что я не обладаю аналитическими способностями и обширными знаниями, то я, пожалуй, никогда не смог бы занять столь прочное положение, какое было у меня в германском посольстве.

Вот почему я с первого же шага по прибытии в Японию стал энергично развивать последовательное изучение ее проблем...»

Зорге писал, что знания, которые он получил благодаря упорному самостоятельному изучению Японии, не уступали тому, что мог бы дать ему немецкий университет, но признал, что у его самообразования был весьма существенный пробел: плохой японский язык, который тоже пришлось осваивать на ходу. Со временем Зорге научился бегло говорить по-японски, пусть и не слишком хорошо, но он понимал своих собеседников, а они его, но вот иероглифика так и осталась за пределами его самообучения. Впрочем, на первых порах ему это и не требовалось, особенно, в германском посольстве.

Зорге были хорошо знакомы законы экономики, политики и мировая история. За три года жизни в Китае он приобрел обширные и довольно глубокие знания об этой стране. Так как Япония уже тогда виделась лидером Дальнего Востока, то уже в Китае наш герой принялся и за ее изучение, даже написав о Японии несколько работ. При этом все свои исследования он проводил, не афишируя, но основывая их на марксистской теории развития государства, тестируя их на ней, что придавало его работам дополнительные актуальность и оригинальность.

В то же время он прекрасно понимал, что изучение современности возможно только при прочных основательных знаниях истории Японии, начиная с ее древнейших времен. Много позже он рассказывал следователю: «Во время моего ареста у меня дома было от 800 до 1000 книг, что, похоже, явилось источником значительного раздражения для полиции. Большая часть этих книг была посвящена Японии. Создавая свою библиотеку, я собирал все издания японских книг на иностранных языках, которые мог достать; лучшие книги, написанные иностранцами о Японии, и лучшие переводы основных японских художественных произведений. Например, у меня были английский перевод "Ниппон сёки" (книга, высоко ценимая коллекционерами), английский перевод "Кодзики", немецкий — "Манъёсю", английский — "Хэйки моногатари", перевод выдающегося, с мировой славой произведения "Минамото-симоногатари" и др. Я с большим усердием занимался японской древней историей (к которой даже сейчас я испытываю интерес), древней политической историей, а также древней социальной и экономической историей. Я скрупулезно изучал эпохи императрицы Дзингу, Вако и Хидзёси, довольно многое написанное мной основано на материалах истории экспансии Японии с древних времен. В моих исследованиях очень пригодились многочисленные прекрасные переводы по древней японской экономике и политике».

Накладывая полученную информацию на матрицу знаний о всеобщей мировой истории и проверяя марксистскую теорию на практике, Зорге мог делать далекоидущие выводы о путях развития Японии. Он тщательно изучал развитие в Японии сельского хозяйства и старался узнать что-то о ее,

покрытой завесой секретности, тяжелой промышленности. В этом ему помогали знакомые японцы, прежде всего Одзаки и Мияги, переводившие и разъяснявшие наиболее интересные открытые публикации из периодической печати и полученные из библиотек. Книги и журналы библиотеки германского посольства в Токио, личной библиотеки посла и библиотеки Восточно-Азиатского общества в Токио, располагающих обширной научной литературой, также были в полном распоряжении Зорге и активно им использовались в работе.

Кроме того, как настоящий исследователь, Зорге много трудился «в поле»: «...Мои собственные многочисленные поездки, возможно, в какой-то мере также пригодились для исследования Восточной Азии. В последнее время из-за полицейских ограничений поездки стали совершенно невозможными, но ранее, примерно в 1938—1939 годах, путешествовать по Японии можно было сравнительно просто, поэтому я часто выезжал, но не для обычного осмотра мест, а для обследования важных городов и районов. *Однако целью моих поездок была не разведывательная деятельность, а стремление узнать землю и ее народ. Я хотел к тому же сильнее развить в себе способность непосредственного восприятия как базу для изучения истории и экономики.* Таким образом, я спланировал поездку на побережье Японского моря и объездил районы от Ниигата на запад. Кроме того, я часто посещал Нара и Киото, подробно осмотрел полуостров Кии. Через Кобе, Осаку, побережье внутреннего Японского моря, Сикоку я совершил турне по побережью острова Кюсю вплоть до Кагосимы. По воскресеньям я часто путешествовал пешком и попутным транспортом из Токио до Атами и западнее. Целью таких пеших походов было выяснение положения с урожаем риса в разных местах в различное время года. Результаты обследования были важны для моей работы в газете "Франкфуртер цайтунг" и журнале "Геополитик"...

В результате этих исследований я мог оценивать достоверность информации и слухов. Обладание такой способностью было исключительно важным в моей секретной деятельности потому, что на Дальнем Востоке к тайной информации примешивалось гораздо больше слухов и предположений,

чем в Европе. Если бы я не смог отделять достоверную информацию от ошибочной, я, несомненно, получил бы крупный выговор...

Изучение Японии имело большое практическое значение для моей разведывательной деятельности, но одновременно оно было абсолютно необходимо и как маскировка для нелегальной работы. Если бы я не занимался изучением Японии, то, вероятно, никогда не смог бы занять то прочное положение, которое было у меня в германском посольстве и среди немецких журналистов. Мое положение в посольстве определялось не только дружескими связями с его сотрудниками. Напротив, некоторые сотрудники возражали против моего влияния в посольстве и даже открыто возмущались по этому поводу. Я занял такое положение в посольстве главным образом благодаря большой общей эрудиции, исчерпывающим знаниям о Китае и детальному изучению Японии».

Если бы Рихард Зорге этим не занимался, он остался бы одним из рядовых немецких журналистов, работавших в Токио, и не смог бы занять позицию «человека, который знает о Японии всё». Именно благодаря фантастическим результатам своего самообразования он добился положения, когда многие сотрудники германского посольства, начиная с самого посла, обращались к нему по самым разным вопросам, включая конфиденциальные, понимая, что только у Зорге может быть ответ или ценная рекомендация. Разумеется, что и для легализации, для его журналистской работы это было совершенно бесценно, и в скором времени доктор Зорге стал считаться наиболее знающим немецким журналистом в Японии. Он стал нужен всем в посольстве, а вскоре необходим каждому немецкоязычному читателю, алчущему информации об этой стране на грани научного японоведения и аналитической журналистики. Все они нашли Зорге: «Газета "Франкфуртер цайтунг", на которую я работал, часто хвалила меня и заявляла, что мои статьи повысили ее международный престиж. Газета "Франкфуртер цайтунг" в германском журналистском мире отличалась самым высоким уровнем и с точки зрения содержания статей превосходила прочие газеты. Это не только мое мнение. Так же считали и в германском посольстве, и в Министерстве иностранных дел Германии, да и все образованные немцы»³¹⁰.

Что же касается разведывательной деятельности, то первый экзамен в Токио был сдан, когда в марте 1934 года «Рамзай» отправил в Москву скопированный многостраничный политический доклад посла Дирксена о «Видах на сохранение мира в Восточной Азии», подготовленный тем для высшего руководства рейха³¹¹. Второй — когда в целях улучшения легализации и укрепления своих позиций в посольстве 1 октября того же года Зорге стал членом НСДАП — нацистской партии, получив партийный билет № 2751466, подтвердив Центру, что отныне его личность вне подозрений гестапо³¹². Третий — 9 ноября, когда впервые на стол Сталину положили документ из Токио, подписанный «Рамзаем». Это была копия секретного и сугубо военного по характеру доклада полковника Ойгена Отта начальнику Управления военно-морских сил Имперского министерства обороны капитан-лейтенанту Хельмуту Бринкманну³¹³.

ПРОСТО ЧЕРТОВСКИ ТЯЖЕЛО ЗДЕСЬ

Сегодня нам кажется — через призму звания Героя Советского Союза и ореол знаменитого разведчика, которым окружено имя Зорге более чем полвека, что тогда, в 1934-м у него все сразу получилось и достигнутыми результатами остались довольны и сам «Рамзай», и его московское начальство. Увы, все было отнюдь не так просто и однозначно.

Еще в марте Зорге сумел передать в Центр, что состояние радиосвязи отвратительное: радист «Бернгардт» не слышал Владивосток, и с огромным трудом удавалось наладить радиообмен с Шанхаем. Эффективно работать в таких условиях было невозможно. Обещанная поддержка от ряда немецких газет, чьим корреспондентом позиционировал себя наш герой в Токио, тоже не сработала — материалы Зорге оказались востребованы не настолько, насколько он рассчитывал, будучи в Германии, а это значит, что возникли серьезные проблемы с легализацией. Осечка случилась по причине некоторой нерасторопности обеих сторон. Хорошей иллюстрацией произошедшего может служить ответ главы редакционного совета «Франкфуртер цайтунг» Оскара Штарка на запрос германского МИДа о характере сотрудничества газеты с токийским журналистом: «До марта 1936 года мы совершенно ничего не знали о жизни г-на Зорге в Токио. В марте мы получили от него письмо, датированное *4 февраля 1936 года*... В этом письме г-н Зорге сообщал, что некоторые люди в германском посольстве в Токио обращали его внимание на тот факт, что у нашей газеты нет своего корреспондента в Японии, и потому он взял на себя смелость спросить, не будем ли мы заинтересованы в том, чтобы время от времени получать от него материалы по вопросам политики, экономики и общих тем, касающихся Японии и Маньчжурии. В случае если

нам необходимы личные рекомендации, он перечислил следующих людей, готовых предоставить их нам: посол Дирксен и полковник Отт — военный атташе германского посольства в Токио. К письму была приложена статья.

4 марта г-н Зорге, до сих пор не получивший ответа, отправил нам другую статью с кратким пояснительным письмом к ней. В своем ответе, датированном 4 апреля 1936 года, газета утверждала, что была бы рада, если бы г-н Зорге продолжил работу на нее, но просила высылать как можно больше статей описательного характера о Японии, если это возможно.

В письме, датированном 7 октября 1936 года, г-н Зорге сообщил, что подпись, которую мы выбрали для его статей — "от нашего корреспондента", его не устраивает и что он просит нас или отказаться от подписи вообще, или же выбрать какую-то другую, более обычную ссылку. Тогда газета ответила, что согласна была бы считать его своим корреспондентом, но сможет сделать это только в том случае, если будет уверена, что он состоит в Германской ассоциации прессы. Позднее, 4 марта 1937 года, газета узнала от г-на Зорге, что он обратился с просьбой о приеме его в члены Ассоциации прессы, но что это *дело долгое и требует времени...* 28 марта 1937 года г-н Зорге сообщил, что для того чтобы ускорить свое вступление в Ассоциацию прессы, он обратился в германское посольство в Токио с просьбой помочь ему, снабдив некоторыми бумагами (он считался немцем, живущим за пределами Германии), и что посольство любезно обещало ему свою поддержку. Много времени спустя, 14 марта 1940 года, газета узнала, что г-н Зорге принят в Германскую ассоциацию прессы в качестве журналиста...

В ходе переписки с ним также выяснилось, что он часто посылает статьи в Германию через посольство. Более важным, однако, было впечатление, полученное и от переписки с г-ном Зорге, и от его журналистских работ, а именно, что он весьма серьезная и вдумчивая личность, одаренная как пониманием тонкостей газетной работы, так и политической проницательностью. Вдобавок из бесед с людьми, вернувшимися из Японии, стало ясно, что Зорге действительно пользуется глубоким уважением в посольстве и считается одним из самых информированных людей в Токио.

Однако никакого соглашения, которое повлекло бы более близкие отношения с г-ном Зорге, не заключалось. В нескольких письмах ему дали понять, что его работы высоко ценятся в редакции. Он не получал какой-либо фиксированной оплаты, а лишь гонорар за каждую статью и телеграмму в отдельности...»³¹⁴

Вероятно, с другими газетами, для которых писал Зорге, складывались аналогичные отношения. Пробираясь через особенности связи между Европой и Японией и бюрократические проволочки, он писал, писал много — только для «Франкфуртер цайтунг» в общей сложности 163 статьи, но в 1936 году было опубликовано только семь из них³¹⁵.

Нашему герою снова надо было придумывать объяснение средствам, на которые он живет, и каким-то образом поддерживать свой официальный статус журналиста. Похожие проблемы возникли и у «Бернгардта», которому все никак не удавалось открыть свое дело, и это выглядело подозрительным с точки зрения японских разрешительных органов. Зорге просил еще одного радиста и при этом умолял обратить внимание на такую бытовую «мелочь», о которой не подумали заранее в Центре, хотя она и сегодня важна для многих иностранцев, приезжающих в Японию: «Если иностранцы, то, пожалуйста, не слишком большого роста. Б[ернгардт] и я, мы обращаем повсюду на себя внимание большим ростом».

Конец письма был выдержан совсем в извинительно-трагических тонах:

«Мы здесь чрезвычайно нетерпеливы. Мы чрезвычайно угнетены тем фактом, что до сих пор не имеем связи... Мы все делаем, что в наших силах. На это Вы можете положиться. Однако положение чрезвычайно тяжелое и настолько новое, что я до сих пор ничего большего создать не мог. Просто чертовски тяжело здесь. С сердечным приветом всем вам.

*Рамз.»*³¹⁶

Вместе с этим письмом Зорге отправил и большой доклад с общей оценкой военно-политического положения Японии — это было все, что он был способен дать в тот момент. Москву полученный материал не устроил категорически. Глава Разведывательного управления Берзин разнес его в пух и прах: «Рамзай нам ничего нового не дает... Не для того он послан, чтобы давал нам подобные доклады. Он должен

давать совершенно другое, а именно конкретный материал о подготовке Японии к войне, о состоянии вооруженных сил Японии, их вооружении и т. д.». Прекрасно понимая, что у разведчика «еще нет источников, могущих дать документальный материал из частей и штабов», Берзин тем не менее требовал от него не менее фантастического результата:

«а) Конкретное освещение /с цифрами/ работы военных заводов;

б) обеспечение сырьем и топливом;

в) состояние жел[езных] дорог и морского транспорта;

г) постройка складов, баз, оборудование портов отгрузки;

д) организация и состояние ПВО;

е) состояние японской деревни и аграрный вопрос».

Берзину, будто бы никогда и не слышавшему о режиме секретности в переведенной на военные рельсы Японии, о ее полицейском контроле, с Арбата все виделось намного проще, чем обстояло на самом деле: «Освещение этих вопросов не требует агентуры, дающей документы; нужна агентура, наблюдающая за определенными пунктами, следящая по маршрутам и собирающая данные в официальных статистических и т. п. учреждениях или выясняющая ряд вопросов расспросами. Такую агентуру он уже может иметь, такую должен иметь и работу должен давать серьезную, а не заметки журналиста». Начальник советской военной разведки как будто забыл, что ее легальной резидентуре в Японии годами не удавалось ответить на эти вопросы, и требовал их решения от разведчика, прибывшего в страну шесть месяцев назад, работавшего не за посольской стеной, а в открытом городе, на себе ощущавшего, какой огромной неразрешимой проблемой может оказаться просто высокий рост нелегала.

Присылка в Москву копии доклада посла Дирксена ничего не изменила, и Зорге слабо защищался, говоря о так и не налаженной радиосвязи и о невозможности грамотно легализовать радиста: «...должен подчеркнуть, что это все гораздо труднее и идет гораздо медленнее, чем мы этого желали и думали... *Особенно трудно здесь из ничего кое-что создать...*»³¹⁷ «Кое-что» это еще и связь с Одзаки, находившаяся пока в стадии становления. Мяги же, полгода назад вернувшийся в Японию после долгой жизни в Калифорнии, сам нуждался в адаптации к родине и только начал искать полезные кон-

такты. По сути, Зорге в тот момент оставался один, без связи и без помощников. Именно поэтому «Рамзай» настойчиво просил подкрепления и еще одного радиста. В конце душевного лета 1934 года в Токио прибыл немецкий еврей Гюнтер Штайн («Густав») — талантливый журналист, эмигрировавший в Англию, а затем завербованный в Берлине и получивший задание помочь Зорге. В будущем Штайна не без оснований будут подозревать в работе еще и на американцев с англичанами, а пока он приехал в качестве корреспондента крупнейших британских газет и вполне успешно легализовался (его жена Маргарет была христианским миссионером и в этом качестве тоже собирала информацию). Штайна, как и Зорге, по праву считали специалистом по японским делам, а его книга «Сделано в Японии» была издана не только в Европе, но и в Советском Союзе — издатели, конечно, не знали, кем является ее автор на самом деле. Со временем Штайн стал ценным помощником Зорге, хотя тот и отрицал на следствии принадлежность «Густава» к резидентуре «Рамзая»: «Он симпатизировал нам, но никогда не был настоящим членом моей группы. Однако практически он активно сотрудничал с нами.

Штейн был близко знаком с послом Дирксеном, которого знал еще с Москвы. Посол считал его умным человеком и значительной персоной. Кроме того, для нашей работы ценным было то, что у него как представителя британской газеты были связи с послом Великобритании. <...> Он мог добывать в посольстве информацию, связанную главным образом с общей дипломатической политикой. Иногда у него бывала возможность лично побеседовать с послом и военно-морским атташе посольства. Штейн был очень дружен со всеми иностранными журналистами, особенно с английскими и американскими, от которых получал различную интересную информацию. В последнее время он имел тесные связи с информационным агентством "Домэй", в связи с чем через это агентство, как и Вукелич, мог добывать сведения об общей политической атмосфере и различных скрытых политических действиях. К тому же он сам был ценным источником информации, так как очень скрупулезно изучал экономическую ситуацию в Японии и писал прекрасные книги об этом. Благодаря его исследованиям прояснились многие факты

экономической жизни, до тех пор не вполне понятные. В сферу его личных профессиональных интересов входили внешняя торговля и финансы Японии»³¹⁸.

Но это все будет потом. Пока же «Рамзай» продолжал набирать политический вес в германском посольстве, пользуясь еще только крохами с секретного стола и отправляя в Москву все, что удавалось найти, что казалось ему ценным с точки зрения поставленных Берзиным вопросов. Начальство же продолжало требовать невозможного. Например, в ответ на один из отправленных документов, в котором упоминалась новая японская пушка «Тип 93», Зорге получил целый список заданий по выяснению технических данных орудия, местах его изготовления, о воинских частях, которые его получают, и т. д. Нет сомнений в том, что для военной разведки все это являлось очень ценной информацией, но как ее должен был получить немецкий журналист Зорге, навсегда осталось загадкой и для него самого. При этом сам «Рамзай», как и в Шанхае, в каждом сообщении в Центр обязательно указывал, что его работа была бы невозможна без помощи членов группы, и благодарил их, обращая внимания Берзина на заслуги своих товарищей — пока еще в значительной мере авансом.

Между тем Берзин и сам получал информацию о «Рамзае» от сотрудников шанхайской резидентуры — бывшего заместителя Зорге Карла Римма («Пауля»), бездействие и безграмотные поступки которого в свое время пытался затушевать его начальник, и от нового резидента — Якова Бронина («Абрама»). Курьер шанхайской резидентуры Гельмут Войдт («Коммерсант») в августе ездил в Токио за почтой и беседовал с «Рамзаем». Неосторожный в общении с, как он думал, друзьями, Зорге позволил себе разговориться с курьером на политическую тему: они обсудили недавний приход к власти в Германии нацистов, и Зорге критически высказался о пассивной роли немецких коммунистов, Коминтерна и Советского Союза. «Коммерсант» передал содержание разговора своим начальникам, а те — и Римм, и Бронин — отправили соответствующие письма (почти как «от коллектива трудящихся резидентуры») в Москву, Берзину, по собственной инициативе проявив «политическую бдительность» и став основоположниками в деле написания доносов на

человека, который считал их своими товарищами и единомышленниками: «Рамзай высказал политически неверные взгляды...»³¹⁹ До 1 декабря — убийства Кирова в Ленинграде оставалось еще несколько месяцев, как принято говорить, «маховик массовых репрессий» еще не был запущен, но невзрачные серые листки с обвинениями Зорге в политической близорукости уже легли в его личное дело. Впрочем, строго говоря, это было не первое критическое сообщение о Рихарде, направленное его коллегами в Москву. Летом 1932 года, когда он еще работал в Китае, Зорге удалось совершить долгую и довольно опасную трехнедельную поездку во внутренние районы этой страны. Возвращаясь через Тяньцзинь, он встретился с прибывшим туда по его просьбе харбинским резидентом — «Альфой». Через несколько дней «Альфа» написал в Москву (стиль автора сохранен без изменений. — А. К.): «Два слова о Рамзае. Он на нас оставил нехорошее впечатление. Я ему предложил, воспользуясь пребыванием здесь, написать для дома обстоятельный доклад о своей работе, ибо времени у него здесь достаточно, а мы его отправили бы в натуральном виде без всякого фотографирования и пр. Он ответил, что была о его работе полная информация и нет надобности писать. По-моему, пьет он больше, чем положено по штату. Здесь он здорово этим делом занимался. В одно прекрасное утро пришел к нам... с разбитой скулой. Оказывается, он дрался с какими-то хулиганами, котами (сутенерами. — А. К.) девиц в кабаре "Фантазия".

У нас с Фрицем такое мнение, что его следовало бы отозвать при первой возможности. Что касается контроля над ним, то можно было бы передать нам»³²⁰.

Это письмо — по сути своей настоящий донос малограмотного агента «Альфа», чьи советы пренебрег «Рамзай» и который очень хотел подчинить себе излишне самостоятельного немца, — тоже подшито в деле нашего героя. Оно тоже со временем могло сыграть (мы никогда не узнаем этого точно) свою роль в возникновении необоснованных сомнений в надежности Зорге у московского руководства. Вряд ли это произошло именно тогда — на рубеже 1934—1935 годов, но, так или иначе, первая командировка «Рамзая» в Японию подошла к концу. Правда, ни он, ни «Бернгардт», ни кто-либо еще из членов его группы об этом пока не знали.

В Шанхае провалилась резидентура «Абрама» (Бронина). Поскольку большая часть агентов перешла к нему как бы по наследству от Зорге, подозрение в том, что сам «Рамзай» тоже известен китайской, а возможно, и японской полиции, нельзя было сбрасывать со счетов. В феврале 1935 года назначенный из НКВД на должность заместителя начальника военной разведки бывший контрразведчик Артур Христианович Артузов представил Ворошилову проект «Указаний Разведывательного управления», в котором шла речь и о работе нелегальных резидентур. Помимо всего прочего, там имелись пункты, которые могут открыть нам глаза на некоторые события, произошедшие с Зорге позже. Например, в пункте 2 говорилось, что «в случае провала [нелегальный] резидент и его аппарат не имеют права обнаружить перед следственными властями своего какого бы то ни было отношения [к СССР]...», а пункт 3 подчеркивал: «Признание в случае провала резидента или его сотрудника перед следственными властями какого бы то ни было своего отношения к СССР должно рассматриваться как акт измены Родине...»³²¹ Пункт 6 гласил: «Связь между собой отдельных резидентур, а также их работников запрещается», и это входило в коренное противоречие с действующей практикой самого Разведупра, который назначил «ответственным» за резидентуру в Токио резидентуру в Шанхае, через которую и поддерживалась вся связь с Зорге в 1933—1935 годах.

2 июля 1935 года «Рамзай», тщательно обосновав свой отъезд в германской диаспоре в Токио необходимостью перезаключения договоров с немецкими газетами и журналами, сел на пароход, отбывающий в Соединенные Штаты. Там, сменив паспорт, он отправился во Францию, а оттуда в Москву, где и узнал о претензиях, предъявляемых к нему руководством и об опасениях за его судьбу и судьбу резидентуры.

Сам Зорге невысоко оценивал возможности выхода на его след шанхайской полиции: «...я считаю совершенно невероятным, что мы задеты. Даже если арестованные китайцы будут говорить о прошлых делах, они не могут дать такие данные, которые бы поставили меня в связи с этим делом. Б[ернгардту] со стороны китайцев вообще нечего бояться. Единственная опасность заключается в том, что у А. могли быть найдены данные, которые бы подробно говорили обо

мне или Б. <...> Насколько это соответствует правде, не могу судить». Но к нему были и другие претензии.

Когда принималось решение об отзыве «Рамзая» и ликвидации его резидентуры в Японии, начальником 7-го, японского, отделения разведки РККА являлся Михаил Кириллович Покладок. Помощь в анализе работы Зорге начальнику японского отделения оказывал его заместитель Михаил Иванович Сироткин. Анализируя деятельность «Рамзая» в Японии, Покладок, уже после прибытия резидента в Москву, сделал следующие выводы:

«1. Работа Рамзая не может быть признана хорошей. Не всегда имелось серьезное отношение к разработкам. Использовались преимущественно легальные материалы.

2. Крайне плохо использовались связи с иностранными кругами (если они были на самом деле).

3. Подготовка Рамзая для самостоятельной работы не достаточна, необходимо ее значительно повысить»³²².

Покладок был не в восторге не только от результатов работы Зорге, но и от его личности. 5 августа он составил письменные «Впечатления о Рамзае»: «Несколько встреч, которые я имел с Рамзаем, произвели на меня не совсем хорошее впечатление, остающееся и сейчас и несколько не рассеивающееся. Крайне импульсивный, подвижный, разговорчивый и в то же время скрытный, он представляется мне неискренним и каким-то двойственным человеком, что-то не договаривающим. В разговорах и жестикуляции много показного и актерского; его беспокойные, непрерывно бегающие глаза не останавливаются долго на посреднике (так в тексте. — А. К.) и не располагают к себе... Но это личное впечатление может быть и ошибочным, хотя я лично побоялся бы довериться Рамзаю в ответственный момент, [не знаю] почему, но я ощущаю в себе большое недоверие к нему...

Теперь более точные и конкретные факты:

1) Рамзай весьма слабо знает политическую и экономическую обстановку в Японии, является, в известной мере, дилетантом.

2) Агентурная обстановка в Японии усвоена им тоже недостаточно хорошо, во всяком случае, он ничем не помог нам в этой нами еще недостаточно изученной отрасли.

3) Его связи с иностранными военными и дипломатическими кругами использованы им слабо, что подчеркивает довольно прохладное отношение к делу, а фотографирование и пересылка нам легальных материалов говорит об отсутствии глубокого критического анализа и достаточного знания имеющихся в Японии и попадающих к нему материалов.

4) Резко выраженные элементы болезненного самолюбия и самомнения не всегда позволяют ему до конца выслушать чужое мнение, а отсюда большая доля верхоглядства, если учесть и замечания предыдущих строк.

Выводы:

1) До отправки на работу за рубеж Рамзай нуждается в тщательной и серьезной проверке.

2) Необходимо дать серьезную подготовку Рамзаю, без чего его деятельность не дает нужного [результата].

3) Точно установить сферу его деятельности»³²³.

Сегодня уже мы, анализируя записки Покладака, можем сказать, что этот человек, не имевший практического опыта нелегальной работы в Японии (как и Отт, он служил некоторое время там в качестве офицера-стажера при одной из воинских частей и тоже был замечен и выдвинут после этого на руководящую должность в разведке), не понял особенностей, которые пришлось учитывать Зорге. Не было сделано даже попытки рассматривать полуторагодовое пребывание «Рамзая» в Токио как период подготовки резидентуры, глубокого внедрения резидента в японскую среду. Покладок исходил из принципа «дай здесь и сейчас», не желая понимать масштаба и особенностей именно нелегальной работы. При этом его требования были явно завышены. Интересно, что, написав резко отрицательную характеристику, он сделал в целом правильные выводы: если в отношении разведчика имелись хоть какие-то сомнения, его необходимо было проверить, ему надо было точно указать сферу его деятельности с учетом имеющихся наработок и, наконец, организовать дополнительную подготовку. Со всем этим трудно спорить, вот только... только дальше снова все пошло не так.

13 августа, через неделю после подписания справки на «Рамзая», начальник Четвертого управления Урицкий утвердил «План работы резидентуры тов. Рамзая». Основной задачей в нем значилось постоянное информирование Москвы

о военных мероприятиях японцев на основе имеющихся у Зорге связей, а также налаживание радиосвязи с Владивостоком, чего до сих пор так и не удалось добиться. Еще одна главная задача: «направить все свое внимание на конкретные мероприятия по подготовке войны против СССР...»³²⁴ В плане были детализированы конкретные задания, разработан маршрут возвращения в Японию, схема организации связи и повторной легализации под тем же прикрытием — немецкого внештатного журналиста — фрилансера. При этом никаких упоминаний о «Шанхайской угрозе» в документе не было — о причине, по которой резидентура едва не была ликвидирована, все в одночасье будто бы забыли. Стоит ли говорить, что никакую дополнительную проверку и никакой дополнительной подготовки Зорге не проходил. Центру позарез нужна была информация из Японии, отношения с которой развивались из рук вон плохо и в любой момент могли привести к войне. Никто, кроме «Рамзая», такую информацию дать не мог, и 16 августа 1935 года Зорге срочно вылетел самолетом из Москвы в Голландию. Более того, приказом наркома обороны Союза ССР «тов. Зонтер Ика Рихардович» за успехи в службе был награжден именными золотыми часами, а Покладок на время оставил свои претензии при себе³²⁵.

Бруно Виндт («Бернгардт») остался в Москве — его, так и не сумевшего организовать радиосвязь из Токио, решили заменить давним знакомым Зорге по Китаю — Максом Клаузенем.

22 сентября Покладок представил рапорт о Зорге на имя начальника восточного отдела, в котором повторил свои сомнения относительно честности «Рамзая», его способностей как разведчика, дополнительно обратил внимание на «его широкий образ жизни», что было справедливо, и резюмировал, но уже совсем несправедливо: «У меня сложилось впечатление, что Рамзай относится к числу лиц, любящих хорошо пожить, ни в чем себе не отказывая и не очень усидчиво и серьезно работая; довольно поверхностный по своей подготовке и несколько легкомысленный по своему характеру, при присущей ему скрытности, едва ли сможет он принести большую пользу и в будущем потребует над собой самого бдительного наблюдения и твердого руководства»³²⁶.

Начальник отдела Карин справедливо задал автору доклада встречный вопрос: о чем тот думал, когда принял решение о возвращении Зорге в Токио? Ответ был по-армейски незатейлив: «Я был в госпитале 13.8—26.8.35» — очевидно, Покладок «забыл» помешать отправке Зорге. Точно так же он забыл оформить поступление «Зонтера» на службу в Четвертое управление: награжденный золотыми часами, Зорге думал, что числится там в распоряжении, но на самом деле его *работа в советской разведке так никогда и не была оформлена официально.*

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Рихард Зорге прибыл в Москву в конце июля 1935 года. 27 июля, заполняя служебную анкету в Четвертом управлении, в графе, раскрывающей семейное положение, он записал: «женат — Максимова Екатерина Александровна». Но еще 18 августа 1933 года, при отправке Рихарда в первую японскую поездку, Катя получила удостоверение в том, что «...она действительно является женой военнослужащего — командира РККА тов. ЗОНТЕР И. Р., находящегося в длительной командировке»³²⁷. С сегодняшней точки зрения, это была «липа», или, как сказали бы сами разведчики, «сапог» — фальшивый документ, который должен был обеспечить права Екатерины Максимовой на некоторые льготы, положенные женам военнослужащих, например, при оплате коммунальных услуг, но прежде всего для получения его денежного довольствия во время нахождения супруга в командировке. Как мы помним, Зорге и Максимова никогда не оформляли свой брак, а «Ика Рихардович Зонтер» не только не был командиром РККА, но и вообще не числился в штатах советского военного ведомства. Так что получение Екатериной документов, затем жилья и денег стало возможным лишь благодаря доброй воле руководства Четвертого управления. Однако не все так просто. В соответствии с действовавшим с 1926 года Кодексом РСФСР о браке, семье и опеке, совместная жизнь супругов без регистрации в загсе была приравнена к браку, официально зарегистрированному государством, и фактический брак мог быть признан имеющим юридическую силу по судебному решению. До такого решения взаимоотношения Зорге и Максимовой так и не дошли, но не по их вине. При всей неоднозначности истории знакомства Кати и Рихарда, они со временем, судя по всему, действи-

тельно искренне полюбили друг друга. Важно, что Зорге назвал ее женой, как минимум выделяя таким образом из числа других своих женщин.

О том, как развивались их непростые взаимоотношения, многое могут рассказать письма, а их было отправлено немало — получился настоящий роман, написанный в эпистолярном жанре. По состоянию еще на конец марта 1934 года, а это спустя всего шесть месяцев после прибытия в Японию, Зорге уже написал Кате десять (!) писем. Безусловно, это служит свидетельством его глубокой привязанности к этой женщине, которую он любил и никогда не забывал, несмотря ни на какие связи — мимолетные или продолжительные — с другими женщинами, к которым он тоже мог испытывать разной степени глубины и продолжительности нежные чувства.

К сожалению, писем Рихарда Екатерине Максимовой опубликовано совсем немного, некоторые из них еще дожидаются своего часа. Но, прежде чем обратиться к ним, вернемся еще раз к воспоминаниям сестры Кати — Марии.

«Когда он (Рихард Зорге. — А. К.) последний раз уезжал из Москвы (это было в 1935 году), Катя очень просила его взять ее с собой. Но он сказал: "Нет. Я этого не могу сделать, так как, во-первых, это очень сложно, а во-вторых, и очень опасно для тебя. А кроме того, это помешает мне в работе, и я не смогу уделять тебе столько внимания, сколько надо"».

Катя знала, что Рихард разведчик и что он едет на выполнение очень сложного и ответственного задания...

Когда Рихард уезжал в Японию, он принес домой большую пачку денег (долларов). Катя, увидев это, поразилась и спросила:

— Как тебе доверяют такие суммы денег?

А он ей ответил:

— Мне доверяют, Катюша, значительно больше, чем эти деньги...

...он сказал сестре, что часто он ей писать не сможет, но он будет посылать ей посылочки, в которые будут вложены или фотографии, или еще какие-то вещи — сувениры и проч., по которым она всегда сможет определить, где он находится.

У сестры было много фотографий без надписей (китайских, японских и др.), которые были присланы ей Рихардом и по которым она определяла его местонахождение»³²⁸.

Рихард Зорге ошибся: он писал Кате часто, даже очень часто, учитывая его занятость и необходимость соблюдения конспирации при отправке этих писем, хотя само по себе это уже было нарушением конспирации. Давайте еще раз прочтем те из этих посланий, что нам сегодня известны, и попробуем разглядеть в них чувства не «советского Джеймса Бонда» и «жены военнослужащего», а обычных людей, надеющихся на то, что «все когда-нибудь кончится», и верящих в возможность нормальной семейной жизни.

Итак, послание от конца марта 1934 года:

«Дорогая Катя.

После своего отъезда я пишу уже 10-е письмо. Я не знаю, получила ли ты их. Это очень и очень плохо, ибо я не знаю, остается ли, по крайней мере, в силе то, о чем мы говорили и что ты мне сказала перед отъездом. Я много думаю о тебе и убежден, что мы все-таки увидимся и будем жить вместе и не только несколько месяцев. Обо мне не беспокойся. Хотя жизнь здесь и собачья, но мне живется хорошо. Понятно, тяжело, но это ничего. Заботься о себе и веди не такой собачий образ жизни, как я. Это самое важное. Будь довольна, что ты можешь жить в СССР. Пиши, пожалуйста. Через мое учреждение, зайди там и скажи, что ты моя жена. Тогда твои письма будут мне, по возможности, посылааться. Итак, Катя, будь здорова и не забывай меня совсем. Жму крепко твою руку и целую тебя. Прилагаю к своему письму 10 ам. дол. Купи на них себе что-нибудь.

Ика»³²⁹.

Надо сразу заметить, что между Катей и Рихардом существовал языковой барьер, который им удалось преодолеть устно, но который оставался на бумаге. Зорге писал свои письма по-немецки, а она отвечала ему по-французски. До середины 1938 года письма Максимовой в Москве передавал знакомый Зорге по встречам в Москве и Париже, помощник начальника японского отделения Разведупра Владимир Михайлович Константинов — в будущем известный японовед, доктор наук³³⁰. Он же, вероятно, переводил Кате с немецкого языка, который она знала недостаточно хорошо, хотя из писем видно, что между ними существовал и еще какой-то канал, неизвестный начальникам Рихарда.

Пробыв в Москве около трех недель, «Рамзай» вернулся в Японию. Очевидно, что, несмотря на столь короткое время, которое Рихарду и Кате удалось быть вместе, их отношения довольно сильно изменились. Можно сказать, они заново влюбились друг в друга, их чувства стали более глубокими и яркими. Кроме того, Рихарду, судя по некоторым обмолвкам, довелось в это время пообщаться с родственниками Кати, которые, возможно, приезжали в Москву. Вскоре после его отъезда она получила от него очередное письмо, написанное 31 августа в Нью-Йорке по дороге в Токио:

«Моя любимая Катюша!

Теперь я снова в большом городе с высокими домами. Все прошло гладко, и я рад вернуться сюда, потому что здесь — это самое легкое (так в тексте. — А. К.). Вероятно, я люблю этот город и по этой причине, не только из-за больших домов. Но долго я здесь не останусь. Потом будет труднее. Я отложил для тебя маленький черный чемоданчик с кое-какими маленькими вещичками. Но я не могу сказать, когда ты их получишь, и получишь ли вообще... Будем надеяться — это произойдет. Я буду пытаться здесь что-нибудь сделать, чтобы ты время от времени могла получать от меня кое-какие известия. Если это не удастся, тебе придется много месяцев ждать, прежде чем ты по старым каналам сможешь что-то услышать обо мне. Если даже случится так, что тебе придется долго ждать, не волнуйся обо мне. Все будет хорошо, и даже это время закончится. Я очень, очень много думаю о тебе. Я даже представить не мог, чтобы такой старый парень, как я, мог так сильно привязаться к человеку, как я привязался к тебе. В этот раз это намного больше, чем тогда, так как и для меня все яснее, и я знаю, как ты ко мне относишься. Надеюсь, что у тебя дома поймут, что я не мог иначе и должен был быть здесь. Было бы жаль, если бы они на меня рассердились. Ты могла бы сердиться на меня, но ты же понимаешь и знаешь, что мне пришлось так же трудно, как тебе, особенно в этот раз. Следи за собой и береги себя. Я был бы очень рад. Намного больше, чем ты думаешь. Я мало об этом говорил, чтобы не убеждать и не уговаривать тебя, но радоваться я бы стал очень. Я попытаюсь снова написать тебе, прежде, чем наступит долгое молчание. Не говори Алексу ничего о письмах, которые приходят не через него. Так лучше...»³³¹

Рихард Зорге и Екатерина Максимова. Москва. 1935 г.
Восстановленное фото

Неясные фразы в конце письма — намеки на сообщение Кати о том, что, возможно, она беременна от Рихарда. Зорге был счастлив и хотел ребенка, и в дальнейшем Катя подтвердила свое предположение. Владимир Константинов вспоминал, что она покупала детские вещи и через несколько месяцев поставила в комнате детскую кроватку³³².

В начале 1936 года Зорге писал Кате уже из Токио:

«Моя дорогая К.

Один друг, которого Вилли (разведчик Вилли Шталь. — А. К.) видел до этого, сообщил мне, что "все в порядке". Если я правильно понял, то это означает, что наши желания... превращаются в жизнь. Я страшно обрадовался и организовал с этим другом приятельскую пирушку, который не знал, почему я так особенно радуюсь.

Иногда я представляю себе, как могло бы быть хорошо — быть снова рядом с тобой. Меня всегда охватывает ярость, когда я думаю, как долго это еще может продолжаться. Я бы охотно послал тебе кое-какие вещи, но пока не нашел для этого никакой возможности, надеюсь, таковая появится с течением времени.

Я слышал, что денежное состояние у вас скоро изменится. Пожалуйста, поговори с Вилли, как *может быть изменена договоренность с моими людьми, так, чтобы ты действительно имела какую-нибудь помощь. Я готов к любому урегулированию* и прошу тебя ни в коем случае не церемониться... Иначе я буду волноваться, не лишена ли ты чего-то, чего не должна быть лишена... Прилагаю несколько фотографий о моем отпускном путешествии. Две маленькие из Гонолулу...»³³³

9 апреля 1936 года окончательно обосновавшийся в Токио и очень занятый последними событиями в Японии Зорге писал жене:

«Милая моя Катюша!

Наконец я получил от тебя радостную весть, мне передали твои письма. Мне также сказали, что ты живешь хорошо и что получила лучшую квартиру. Я очень счастлив всем этим и невероятно радуюсь вестям о тебе.

Единственное, почему я грустен, это то, что ты одна все должна делать, а я при этом не могу тебе чем-либо помочь, не могу доказать свои чувства любви к тебе. Это грустно и,

может быть, жестоко, как вообще наша разлука... Но я знаю, что существуешь ты, что есть человек, которого я очень люблю, и о ком я здесь, вдали, могу думать, когда мои дела идут хорошо или плохо. И скоро будет кто-то еще, который будет принадлежать нам обоим.

Помнишь ли ты еще наш уговор насчет имени?

С моей стороны, я хотел бы изменить этот договор таким образом: если это будет девочка, она должна носить твое имя. Во всяком случае, имя с буквы "К". Я не хочу другого имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда ко мне хорошо относилась. Или же дай этому новому человеку два имени, одно из которых обязательно должно быть твоим. Пожалуйста, выполни мое желание, если речь будет идти о девочке. Если же это будет мальчик, то ты можешь решить вопрос о его имени.

Я, естественно, очень озабочен тем, как ты все это выдержишь и будет ли все хорошо. Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки, получил известие.

Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет — совершенно неопределенно. Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я тебя оставил одну. Потом я постараюсь исправить все это моей большой любовью и нежностью к тебе.

У меня дела идут хорошо, и я надеюсь, что тебе сказали, что мною довольны.

Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую.

Твой Ика»³³⁴.

К сожалению, надеждам на маленькое семейное счастье не суждено было осуществиться. Влюбленные хотели жить вместе, но Зорге уехал. Они ждали ребенка, но беременность окончилась неудачно, детей у Зорге и Максимовой так никогда и не было. На отношение Рихарда к жене это никак не повлияло. Он продолжал передавать ей деньги и небольшие подарки и сувениры из Японии. Некоторые из них сохранились в семье сестры Екатерины Максимовой, позже были переданы ею в Музей политической истории в Ленинграде и доступны сегодня его посетителям (часть хранится в филиале музея «Гороховая, 2»). Там же находятся и многочисленные фотоснимки из семейного архива Кати, в том числе

сделанные и самим Зорге. Два из них запечатлели Васильевский спуск в центре Москвы со здания на противоположном берегу реки (ныне это гостиница «Балчуг»). Будучи в Москве, Зорге добился от руководства Четвертого управления обещания выделить Кате новое, по тем временам очень хорошее, жилье — большую и светлую комнату на четвертом этаже (в то время — верхнем) общежития политэмигрантов «Красная звезда» на Софийской набережной (ныне дом 34, строение 1) — по совпадению, это как раз напротив «Балчуга». Но туда Катя переехала в марте 1936-го. Письмо с реакцией на потерю ребенка было отправлено Зорге в конце весны того же года:

«Моя дорогая Катюша!

Получил из дома короткое сообщение и теперь знаю, что все произошло совсем по-другому, чем я предполагал. Пожалуйста, извини меня, но на основании двух предыдущих известий от тебя мне казалось, что все благополучно. И надо добавить, что я этого очень хотел.

Скоро я должен получить от тебя письмо, рассчитываю — через 3—4 недели. Тогда я буду в курсе дела и буду вообще знать, как у тебя дела и чем ты занимаешься. Твои письма меня всегда радуют, ведь так тяжело жить здесь без тебя, да еще почти в течение года не иметь от тебя весточки, это тем более тяжело. Те немногие дни сделали наши отношения более определенными и более крепкими. Я очень хочу, чтобы это состояние постоянной разлуки теперь длилось не так долго и чтобы мы выдержали это.

Я мучаюсь от мысли, что старею. Меня охватывает такое настроение, когда хочется скорее домой, домой в твою новую квартиру. Однако все это пока только мечты, и мне остается положиться на обещанное, а это значит — еще выдержать порядочно времени.

Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать.

Напиши мне, пожалуйста, о твоей комнате, в каком районе она расположена, и как ты в ней устроилась?

Вообще прошу, позаботься о том, чтобы при каждой представляющейся возможности я имел бы от тебя весточку, ведь я здесь ужасно одинок. Как ни привыкаешь к этому состоянию, но было бы хорошо, если бы это можно было изменить.

Будь здорова, дорогая.

Я тебя очень люблю и думаю о тебе не только когда мне особенно тяжело. Ты всегда около меня.

Сердечно жму руку, целую тебя.

Большой привет друзьям —

твой Ика»³³⁵.

Вскоре вслед за этим письмом у Ики возник повод отправить Кате новое послание:

«Милая Катюша!

Наконец-то я получил от тебя два письма. Одно очень печальное, видимо, зимнее, другое более радостное — весеннее.

Благодарю тебя, любимая, за оба, за каждое слово в них. Пойми, это был первый признак жизни от тебя — после долгих дней, а я так жаждал этого.

Сегодня я получил известие, что ты поехала в отпуск. Это должно быть прекрасно, поехать с тобой в отпуск. Сможем ли мы это еще когда-либо осуществить? Я так хотел бы этого! Может быть, ты и не представляешь, как сильно? Нет, ты, конечно, это понимаешь, и я не нуждаюсь в словах. Рад, что ты имеешь новую квартиру, хотел бы в ней пожить вместе с тобой... Когда-нибудь это время и наступит.

Здесь сейчас ужасно жарко, почти невыносимо. По временам я иду к морю и плаваю, но особенного отдыха здесь нет. Во всяком случае, выгодная работа по мне, и если ты у нас спросишь, тебе ответят, что довольны и что я не на последнем счету. Иначе это не имело бы смысла для тебя и для всех нас дома. Были здесь напряженные времена, я уверен, что ты читала об этом в газете, но мы миновали это время хорошо, хотя мое оперение и пострадало немножко. Но что можно требовать от старого ворона, постепенно он теряет свой вид.

Я имею к тебе большую просьбу. Катюша — пиши мне больше о себе, всякие мелочи, все, что ты хочешь, только больше. Напиши также, получила ли ты все мои письма от прошлого года, и также напиши, получила ли ты мои пакеты? С каждым письмом я отправлял и пакет. Напиши также, используешь ли ты вещи? Что тебе особенно нужно, твой размер ботинок, вообще, что нужно купить? В чем нуждаются также друзья, особенно В. и маленький Ф. ...твоя семья... и

приятельница... которая не хочет выходить замуж, так как ее не интересуют мужчины. Может быть, она и права, но она забывает, что Катюша меня уже интересуется...

Ну, пока, всего хорошего! Скоро ты получишь еще письмо и даже отчет обо мне. Будь здорова и не забывай меня. Передай от меня привет директору, который мне по временам пишет кое-что приятное... друзьям. Шлю сердечный привет, жму руку и целую»³³⁶.

Катя отгуляла отпуск и, видимо, очень коротко сообщила об этом мужу. Мы не имеем этого письма, но знаем, что он писал ей. Мучимый августовской невыносимой духотой, Рихард отвечал из Токио:

«Милая К.!

На днях получил твое письмо от 6.36. Благодарю за строчки, принесшие мне столько радости. Надеюсь, что ты хорошо провела отпуск. Как хотел бы я знать, куда ты поехала, как провела время, как отдохнула? Была ли ты в санатории по путевке твоего завода или моего учреждения, а может быть, просто съездила домой? На многие из этих вопросов ты не сможешь дать ответ, да и получу я его тогда, когда будет уже холодно и ты почти забудешь об отпуске. Между тем я пользуюсь возможностью переслать тебе письмо и небольшой подарок. Надеюсь, что часы и маленькие книги, которые я послал, доставят тебе удовольствие.

Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде и после всех событий, имевших здесь место. Ты понимаешь, что все это не так просто. Однако дела мои понемногу движутся.

Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно из-за влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи.

Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу — совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых стен. На полу плетеные коврики. Дом совсем новый и даже "современнее", чем старые дома, и довольно уютен. Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все, что нужно, варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно.

Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-либо случиться, а потому, что ты одна и так далеко. Я постоянно спрашиваю себя — должна ли ты это делать. Не была ли бы ты счастливее без меня? Не забывай, что я не стал бы тебя упрекать. Вот уже год, как мы не виделись, в последний раз я уезжал от тебя ранним утром. И если все будет хорошо, то остался еще год. Все это наводит на размышления, и поэтому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и, более чем когда-либо, хочу вернуться домой, к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте и знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог у меня принять дела здесь по продолжению важной работы.

Ну, милая, будь здорова!

Скоро ты снова получишь от меня письмо, думаю, недель через шесть. Пиши и ты мне чаще и подробней.

Твой Ика»³³⁷.

В октябре 1936-го еще одно лиричное послание улетело в Москву:

«Милая К.

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Одновременно посылаю тебе и пакет с подарками. Среди вещей имеется также и большая шерстяная фуфайка, которую ты можешь дать Вилли, если она ему нужна, или кому-нибудь другому; возможно, что она нужна твоему брату. Передай от меня Вилли и друзьям сердечный привет. Как можно скорее сообщи номер твоих ботинок, чтобы я смог, наконец, тебе послать их. Они здесь относительно дешевы. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке. Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо. Но все это когда-нибудь изменится, т. к. г-н директор заверил меня, что он выполнит свое обещание. Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь, и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима по крайней мере внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти что под открытым небом: если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают

лаять, и детишки плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить с каждым месяцем увеличивающееся детское население по соседству. Как ты видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще, тут много своеобразия, с удовольствием рассказал бы тебе, чтобы вместе посмеяться, ведь когда все это наблюдаешь вдвоем, вещи выглядят совсем иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что скоро ты будешь иметь возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что "твой" является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу себе представить, что я к тому же еще и "милый" парень. Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют.

Всего хорошего, люблю и шлю сердечный привет.

Твой И.»³³⁸.

Летом 1938 года «семейный курьер» Зорге Владимир Константинов был арестован по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии. Неизвестно, кто передавал письма следующие два года, но выполнявший эту функцию с июля 1940-го Михаил Иванович Иванов («Иден») вспоминал: «По телефону я договорился о встрече, и она ждала меня у входа в общежитие. Я увидел красивую женщину лет тридцати с волосами каштанового цвета, уложенными в пучок. Открытое улыбающееся лицо, большие внимательные глаза свидетельствовали об искренности и приветливости. Она подала руку и представилась: "Катя!"

Мы поднялись на последний этаж и вошли в уютную комнату с квадратным столом и парой стульев, тщательно прибранной кроватью за ширмой и комодом с нависающим над ним зеркалом. В углу стояла этажерка с книгами, а недалеко от входа на тумбочке располагался керогаз, на котором стоял чайник.

Потом я еще несколько раз навещал Катю, а иногда мы встречались с ней на бульваре, на скамейке у памятника Гоголю, где обычно проводились встречи с членами семей разведчиков.

Я встречался с Екатериной Максимовой для передачи (и перевода) писем, небольших денежных пособий, праздничных наборов (вот для чего нужно было удостоверение жены военнослужащего. — А. К.). Постепенно мы станови-

лись друзьями, все чаще в разговорах касались "запретных тем". Однако полного доверия не могло быть. Мы двигались по хрупкому льду наших полуофициальных, полудружеских отношений. Я чувствовал, что она хотела меня о многом расспросить, однако делал это крайне осторожно. Естественно, что и я не мог особенно "распространяться".

Однажды я спросил Екатерину Александровну: "А были ли у вас с Рихардом дети?" Помолчав немного, она ответила, что их не было, а потом, вздохнув, добавила: "А теперь уже и не будет..." Я понял, что продолжать разговор на эту тему неудобно. Как-то я спросил, встречалась ли она с Христиной Говерлах (Кристиной Герлах. — А. К.), была ли с ней знакома. Она ответила коротко: "Не помню". На вопрос, как она познакомилась с Рихардом и когда это было, лаконично ответила: "Давно, у друзей..."

Помню, одна из встреч состоялась накануне праздника 7 ноября. Екатерина Александровна побежала в булочную, а я... просматривал альбом с фотографиями, сделанными во время прогулок Рихарда с женой по Москве. С фотографий смотрел красивый, яркий, высокий человек, элегантно одетый, улыбающийся. Вернувшись с румяными бубликами и пакетом фруктового сахара, она осторожно спросила меня: "Неужели *ваш* Рихард такая личность, что никто в Москве не может обойтись без его услуг там, за рубежом? Он ведь так давно не был в отпуске..." Но тут же, как бы спохватившись, оборвала разговор и убежала к кипящему на керогазе чайнику.

Она была мягкая и стеснительная, эта Катя. *Ввиду исключительных заслуг Зорге*, в нарушение всех инструкций и предписаний, ей было разрешено писать мужу письма без перевода и обработки цензурой. "Без правки и с ее ароматом", — так говорил Зорге перед своим отъездом... Я был невольным свидетелем интимных нежных выражений, естественных в семейной переписке. И мне, и ей было неловко, когда я деревянным голосом озвучивал ласковые слова, сидя за накрытым скатертью столом, на котором стояли чашки с чаем и скромное угощение...

"Подумаешь, тоже мне нежности..." — стыдливо говорила Катя, а я болван болваном сидел и ждал, когда она, на миг задумавшись, кивала мне, разрешая продолжить перевод.

В другой раз она, рассказывая, что Рихард рекомендовал ей серьезно изучать немецкий или другой европейский язык, спросил, может ли она когда-нибудь стать помощницей Рихарда в его опасном деле? Подобные вопросы не входили в мою компетенцию, а говорить от себя не хотелось. Поэтому я многозначительно показал пальцем на потолок: "Все зависит от начальства и Господа Бога". Мой жест она поняла и к этой теме больше не возвращалась.

Последний раз я был на квартире у Екатерины Максимовой на Софийской набережной перед Новым (1941) годом. Встреча была продолжительной, говорили о разном. Я сообщил, что на определенное время вынужден покинуть Москву. В ее глазах засветился немой вопрос: "Туда?" Я молча кивнул. Пожелав Кате счастья в новом году и успехов в работе на ее заводе "Точизмеритель", я попрощался. В тот раз вниз, до вахтера, Екатерина Александровна меня не провожала, а постояв на ступеньках верхнего этажа, подняла руку и осенила меня прощальным жестом, как крестным знамением, так издавна провожали в далекий путь на Руси...»³³⁹

Вот одно из писем, которые переводил Михаил Иванов Екатерине Александровне. Оно датировано осенью 1940 года, но, по неясной причине, события, в нем описанные, относятся к значительно более раннему периоду: к весне и лету 1938-го. Тем не менее передаем его так, как оно дошло до нас:

«С просьбой возможно скорейшей передачи Максимовой.

Дорогая КАТЯ!

Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то я был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести отпуск.

Однако я до сих пор здесь. Во всяком случае, я убежден, что речь идет о нескольких месяцах, в худшем случае, буду в феврале уже дома. Однако я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивляюсь, если ты отказалась от этой собачьей жизни и вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Я не могу на тебя обижаться. Так что мне не остается ничего более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива

осуществить нашу, пятилетней давности, мечту: наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю, даже в том случае, если ее неосуществимость является полностью моей виной, или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи.

Между тем уже миновала короткая весна и жаркое изнуряющее лето, которое здесь, в этой стране, очень тяжело переносятся, особенно при постоянной напряженной работе. И совершенно особенно при такой неудаче, какую я имел.

У меня был очень болезненный несчастный случай, несколько месяцев я лежал в больнице. Правда, теперь уже все в порядке, и я снова работаю по-прежнему.

Во всяком случае, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что когда я вернусь домой, то большой красоты ты не получишь. Я сейчас скорее похожу на ободранного рыцаря-разбойника. Кроме пяти ран от выстрела с времен войны, я имею кучу поломанных костей и шрамов.

Бедная Катя — подумай обо всем этом получше. Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог этого; я должен был жутко много перенести. И при всем этом работать. Но я думаю, что я работу выполнил и могу спокойно этим гордиться. Ты ни разу не писала, получила ли ты те красивые подарки, которые я тебе посылал.

Вообще, уже скоро год, как я о тебе ничего не слышал.

Разве это нельзя организовать через мою фирму? Пожалуйста, поговори об этом с начальником! К сожалению, станет все труднее тебе что-либо послать. Так что ты вынуждена подождать, пока я приеду. Постепенно я подбираю для тебя некоторые вещи.

Что ты делаешь? Где теперь работаешь?

Возможно, что ты сейчас уже крупный директор, который наймет меня к себе на фабрику, в крайнем случае, в мальчики рассыльные? Ну ладно, уж там посмотрим.

Основное сейчас — приехать домой, ибо здесь собачья жизнь в буквальном смысле этого слова. Будь бы это еще другая страна! А эта, поberi ее черт.

Ну, будь здорова, дорогая Катя, самые наилучшие сердечные пожелания. Не забывай меня, ибо я уже и так достаточно печален. Целую крепко и жму руку.

Твой...»³⁴⁰

Это была печальная и трагическая история любви, окончившаяся в лучших японских традициях: гибелью обоих возлюбленных. Но, если Зорге действительно любил в середине 1930-х годов, а может быть, и до конца своей жизни, одну только Екатерину Максимову (что не мешало ему иметь близость со многими другими женщинами), то его точно любила не только Катя.

ДОРОГОЙ РАМЗАЙ

4 октября 1935 года Рихарду Зорге исполнилось 40 лет. Он вступил в довольно зрелый возраст, не имея ни семьи, ни детей, которых хотелось бы увидеть, ни дома, куда стремился бы вернуться. Возможно, именно поэтому так сильна оказалась его привязанность к Екатерине Максимовой. И когда Рихард узнал, что Катя беременна от него, он действительно искренне обрадовался, но... Тяжело переживая разлуку с Катей, Зорге — сильный, красивый, энергичный мужчина в расцвете лет — хотел жить и, даже искренне тоскуя, все еще желал получать от жизни всё. Тем более что находилось немало женщин, готовых быть рядом с ним.

Свой день рождения наш герой отправился праздновать, хотя и в одиночестве, но туда, где очень любили бывать его соотечественники — немцы. В пятом квартале района Гиндза существовал, как написали бы в современном путеводителе, «аутентичный германский ресторан» — «Рейнгольд» («Золото Рейна»). Хозяином его был Хельмут Кетель, бывший немецкий моряк, попавший в японский плен в Циндао во время Первой мировой войны, а после освобождения так и не вернувшийся на родину. Осев в Токио, он открыл в лучшем квартале города дорогой ресторан немецкой кухни, прославившийся не только импортируемым с его родины пивом, но и японскими официантками, переодетыми в немецкие платья, — такое сочетание привлекало и иностранцев, и японцев, а потому их в ресторане было примерно поровну. Впрочем, в «Рейнгольде» работали не только официантки. Часть девушек (все они носили немецкие псевдонимы) трудилась в качестве хостес — в японском понимании этого слова. Хостес не встречали клиента, но подсаживались к нему за столик и разговаривали с ним «за жизнь», все время подливая

алкоголь. Японским мужчинам, чьи специфические отношения в семье не предполагали оживленного общения с женами, хостес были необходимы для снятия психологического стресса от работы (этот бизнес и сейчас процветает в Японии), и они с удовольствием болтали с молоденькими девицами с экзотическими «именами» и в красивых платьях. Чем дольше разговор — тем больше выпивалось алкоголя, теснее становилось общение и выше чаевые — зарплаты современные гейши не получали вовсе, что стимулировало их развивать качества «ресторанных психологов».

4 октября 1935 года в «Рейнгольд» пришел Зорге и занял место в глубине ресторана. К нему подошел хозяин — «папаша Кетель», как его здесь называли, заговорил, а потом позвал одну из хостес, известную как «Агнес», приказав ей принести бутылку сакэ. Вот как она сама описала эту встречу:

«Я поставила перед клиентом заказанное им сакэ, притащила еще один стул, поставила его сбоку стола и села. Он, судя по всему, был немцем... Смуглолицый, с каштановыми вьющимися волосами. Выдающийся вперед лоб и высокий нос были такими мощными, что казалось, будто он сердится. Во взгляде голубых глаз читалась печаль, но одновременно ощущалась и большая сила. Рот его был крупным и выразительным, и все лицо казалось отважным и неустрашимым. Он был одет в серый пиджак и синий, без рисунка, галстук: просто и довольно скромно, а широкие плечи говорили о крепком телосложении. Он посмотрел на меня, улыбнулся и заказал шампанское. Папаша, посмеиваясь, обратился ко мне:

— Агнес, этому человеку сегодня исполняется сорок лет. У него сегодня день рождения.

Гость кивнул и ответил по-японски:

— Да, да, так и есть.

Мы открыли шампанское и выпили вдвоем за именинника. Гость наклонился и пристально посмотрел на меня:

— Вы Агнес?

— Да.

— А меня зовут Зорге.

Он протянул мне руку. И я, пожимая эту большую руку, даже несколько удивилась несоответствию его немного сурового лица и мягкого голоса. Голос был чуть хриловатым,

Хостес ресторана «Рейнгольд».

Рисунок японского писателя Нагаи Кафу. 1932 г.

красивым, но определенно не тенор и не баритон. Однако то, как спокойно и уверенно он держал себя, как говорил, выдавало в нем человека глубоко интеллигентного. Даже голос в полной мере не передавал этой духовной глубины»³⁴¹.

Можно себе представить грустную ироническую улыбку нашего героя, когда спустя три года после отъезда из Шанхая он вновь встретился с женщиной по имени Агнес. Только теперь это был совсем другой человек — не закаленная подпольем неистовая социалистка из Америки, а внешне ничем особо не примечательная японская девушка-хостес. И, конечно, Агнес не было ее настоящим именем. Под этим «рабочим псевдонимом» в «Рейнгольде» работала Миякэ Ханako. Впоследствии она сменила фамилию на Исии и после войны стала известна всему миру как Исии Ханako — «японская жена Зорге».

Ханako родилась в 1911 году в маленьком городке Курасики в отдаленной японской провинции на западе острова Хонсю. В 1933 году она отправилась на поиски работы в Токио, где в конце концов устроилась в ресторан папаши Кетеля. Там два года спустя и произошло ее знакомство с Зорге. Конечно, она никогда не была его женой, но связь между ними продолжалась до самого ареста «Рамзая» и стала настолько прочной, что даже смерть Рихарда не смогла нарушить ее. Ханako оказалась одной из немногих, кто не только пережил войну и послевоенную славу Зорге в Советском Союзе. Она дожила практически до наших дней, мирно скончавшись в Токио весной 2000 года. Вклад Ханako в дело восстановления памяти своего возлюбленного оказался столь велик, что в каком-то смысле она действительно заслужила право называться его женой и была признана в этом качестве в Советском Союзе. В отличие от многих других знавших Зорге людей, Ханako — единственная (за исключением, пожалуй, главы протокола германского посольства Отто Мейснера), кто много и охотно рассказывал именно о Рихарде, как о главном герое своей жизни, а не второстепенном персонаже собственной биографии. К сожалению, эти рассказы, оформленные ею в три книги под общим и очень точно выражающим отношение автора к герою названием «Зорге как человек», многократно цитировались и продолжают цитироваться, но, как правило, в несколько искаженном виде, так

как целиком они на русский язык не переводились. Более того, в переведенные куски вносились серьезные коррективы, вызванные, вероятно, воспитательно-идеологическими мотивами. Например, из хостес Ханako превратилась в официантку, поскольку японские хостес до сих пор многими иностранцами, не знакомыми с реалиями японского быта, приравниваются к проституткам, что совершенно неверно и несправедливо. Писали даже, опираясь якобы на ее же слова, что она жила с Зорге по контракту, что они вместе слушали у нее дома русскую музыку, и прочую нелепицу, которую, к сожалению, оказалось очень трудно проверить. Но что же на самом деле рассказала Исии Ханako?

В первую их встречу она стала человеком, который, пусть и по служебным обязанностям, но скрасил одиночество нашего героя, отпраздновал с ним его день рождения. Именинник много пил и был оживлен — как ни странно, в чем-то ее описание его поведения совпадает с описанием Покладака, только в случае Ханako оно несет ясный отпечаток симпатии. Учитывая, что она почти не говорила на европейских языках, а он, еще не зная японского, говорил то по-немецки, то по-английски, общаться им было непросто. Тем не менее она поняла, что он хочет сделать ей подарок. Ханako, любившая музыку и мечтавшая стать певицей (отсюда такое внимание к его голосу), попросила грампластинку (просьба о подарках, адресованная гостю, не является чем-то исключительным, для хостес это нормальное поведение). «Завтра купим вместе, — сказал он, вытащил записную книжку, записал время и место встречи и пометил себе "не забыть!"».

После этого именинник, оставив щедрые чаевые, уехал. На следующий день они встретились у музыкального магазина «Дзюдзия», недалеко от «Рейнгольда», и Зорге купил Ханako три пластинки с записями популярного итальянского тенора Беньямино Джильи, а себе — сонату для скрипки и фортепьяно Моцарта в исполнении Шимона Гольдберга и Лили Краус, которую тоже вручил Ханako, посоветовав послушать его любимую музыку. Затем они вместе отправились в небольшой немецкий ресторан «Ломайер», открытый таким же эмигрантом, как и Кетель, но где, в отличие от «Рейнгольда», собирались почти исключительно иностранцы. Там Рихард рассказал Ханako, что является немецким корреспон-

дентом «Франкфуртер цайтунг», и даже показал место, где работал — в здании японского информационного концерна «Домэй цусин», в двух шагах от «Ломайера». С этого дня начались мягкие, но настойчивые попытки ухаживания Зорге за Ханako. Он стал очень редко заходить к папаше Кетелю, но часто встречался с девушкой в городе, где они проводили время, гуляя по парку Хибия, обедая или ужиная в «Ломайере» и покупая новые пластинки, благо их музыкальные вкусы совпали³⁴².

Эти отношения — еще вполне дружеские и невинные — никак не конфликтовали с тем, что Зорге в это самое время писал трогательные письма Кате. Скорее уж Хельма Отт, роман с которой еще продолжался, могла бы ревновать к Кате, если бы знала о ней. Впрочем, вскоре Зорге оставил жену посла — возможно, повлиял визит домой и весть о том, что Катя беременна. Да и Ханako не собиралась расставаться со своим новым знакомым, к увлечению которого модными марксистскими идеями девушка относилась снисходительно. И хотя Рихард уже стал для молодой японки дорогим человеком, вплоть до событий конца зимы и весны 1936 года ничто не предвещало, что отношения между ними каким-то образом изменятся. Тем более что у Зорге было много других важных забот. Главной из них после возвращения из Москвы в начале осени 1935 года стало налаживание радиосвязи с «Висбаденом». Непосредственным решением этого вопроса занялся старый друг Рихарда Макс Клаузен.

В 1933 году Клаузена вместе с женой отозвали в Москву из Мукдена, некоторое время продержали на работе в радиошколе разведки, после чего уволили и отправили подальше от столицы — в АССР немцев Поволжья, где бывший специалист по связи с Центром стал механиком Краснокутской машинно-тракторной станции и занялся радиофикацией местных колхозов. Причина ссылки была проста: женитьба Макса на бывшей «белоэмигрантке» Анне Жданковой, которая теперь везде сопровождала мужа. К тому же резидентура, где работал Клаузен последнее время, не отличалась обилием и качеством переданной информации. «Ганс» отправил из Мукдена всего лишь около пятнадцати сообщений и полностью провалился как коммерсант, не сумев вернуть ни цента из вложенных Москвой в его фирму по продаже

мотоциклов четырех тысяч долларов — весьма крупной по тем временам суммы. Тем не менее новый начальник Четвертого управления комкор Семен Петрович Урицкий, сменивший на этом посту Берзина в апреле 1935 года, обратил внимание подчиненных на нечуткое отношение к кадрам и приказал вернуть Клаузена на работу в разведку. Можно предположить, что после своих злоключений Макс не питал особой любви к бывшим начальникам, но Москва для немецкого радиста казалась все же более интересным и приятным для жизни местом, чем Краснокутская МТС. Уже на Первомайском параде 1935 года Клаузен бодро шагал по брусчатке Красной площади во главе группы китайских коммунистов, обучавшихся в советской столице радиodelу³⁴³.

После праздника радист получил в ученики вместо китайцев семейную пару шведов, но летом в Москву приехал Зорге и настоял на том, чтобы Макса передали ему вместо Бруно, а Клаузен, в свою очередь, добился того, чтобы с ним отправили не фальшивую, а настоящую жену — Анну. Сам он 3 октября отправился в Японию через Финляндию, Швецию, Голландию, Францию, Австрию и США, используя несколько «липовых» паспортов (причем один был подделан настолько плохо, что пришлось возвращаться в Москву и срочно менять его). В Америке Макс с огромным трудом удалось получить подлинные документы на свое имя (его псевдонимом для Центра стал «Фриц»). Измотанный, не раз побывавший на грани провала и потому сильно напуганный, Клаузен прибыл в Японию 28 ноября 1935 года на пароходе «Тацута-мару» из Сан-Франциско и поселился в токийском отеле «Санно». Прямо на следующий день он зарегистрировался в немецком консульстве и клубе соотечественников, где встретил Зорге и договорился с ним о следующем свидании. Еще через несколько дней «Рамзай» познакомил «Фрица» с Вукеличем, с Гюнтером и Маргарет Штайн, и Макс впервые опробовал их квартиры в качестве пункта радиосвязи с Владивостоком. Около двух месяцев ушло на установление надежного радиоканала, к середине февраля удалось добиться желаемого, но так и не достигнутого в предыдущие полтора года результата: «Висбаден» был услышан и отозвался на позывные «Рамзая» — как никогда вовремя, после чего снова, к все возрастающей досаде разведчиков, связь пропала.

Зимой 1935/36 года радиосвязь с Центром оказалась вопросом первостепенной важности из-за экстраординарных событий, разворачивавшихся в Токио. Внутриполитическая ситуация в Японии обострилась донельзя: значительная масса военных, преимущественно командиров младшего и среднего звена — выходцев из бедных слоев крестьянства и провинциальных рабочих, хорошо знакомая с истинной картиной экономического кризиса, винила в нем высшее руководство армии и правительство, которые, по их мнению, погрязли в коррупции. Молодые и энергичные офицеры считали, что императора вводят в заблуждение относительно истинного положения в стране, и требовали более активной роли армии, то есть себя, в управлении страной. Япония встала на стартовую черту для мятежа, исход которого был крайне важен для всего мира и который мог спрогнозировать только очень хороший аналитик.

Проработавший в Токио, в аппарате советского военного атташе два года, Покладок считал, что «Рамзай» является дилетантом в вопросах японской политики — как внешней, так и внутренней. Похоже, что он попросту не понимал, о чем ему пишет резидент. Между тем Зорге еще до отъезда в Москву подготовил для Хаусхофера большую статью под названием «Японские вооруженные силы», в которой исключительно точно прогнозировал развитие ситуации. Выход статьи совпал с возвращением друга полковника Отта в Токио, и — снова в отличие от Центра — здесь сразу оценили глубину анализа доктора Зорге. Статья была посвящена политической составляющей японской армии и флота и определяла основные направления развития японских вооруженных сил на ближайшие годы. Помимо всего прочего, «Рамзай» связал внутренние проблемы армии, идеи наиболее влиятельных группировок офицеров с традиционными взглядами военных на соседние государства и назвал наиболее вероятных противников Японии в предстоящей войне: «В основе активной внешней политики вооруженных сил в период с начала обновления вплоть до мировой войны лежал один и тот же большой генеральный план: *безопасность японской островной империи обеспечивается присоединением новых территорий* (выделено Р. Зорге. — А. К.). <...> ...старый географический враг — Россия превратился еще и

в вызывающего глубокие чувства врага японской системы. Полное значение этой двойной вражды может понять лишь тот, кто вспомнит, с какой сосредоточенностью японская армия ведет сейчас в Японии борьбу за чистоту и углубление идеи императорской власти. Если большевизм так или иначе является самым худшим врагом монархии, то как раз японская императорская идея должна делать из него в глазах японской армии заклятого врага системы...»

С другой стороны, писал Зорге, неизбежная экспансия Японии на континент приведет ее к столкновению с Соединенными Штатами, чьи интересы на Дальнем Востоке становятся все более определенными: «Америка является проблемой для японских вооруженных сил почти исключительно лишь настолько, насколько она может помешать осуществлению [их] планов на Азиатском континенте». Что касается стратегии, то именно контроль за выбором Японии между этими двумя важнейшими парадигмами станет главной задачей группы «Рамзая», и прежде всего лично Зорге и Одзаки, на все оставшееся до их ареста время. Причем эту задачу себе и своей группе Зорге поставил сам, а не по указанию Центра. Касаясь основных проблем ближайшего периода, автор исключительно точно указал на растущее внутреннее напряжение в войсках, да и в стране в целом, снять которое удастся, скорее всего, лишь каким-то решительным способом: «Японские вооруженные силы смело и энергично вмешались в царившие уже многие годы застой и косность политической жизни в стране. Другие силы из гражданского населения, к сожалению, еще и сегодня недостаточно развиты, чтобы взять на себя эту задачу». Зорге уверенно предрекал: «Каждый, кто внимательно следит за развитием Японии, знает, что это состояние противоречий и внутренней нерешительности не может продолжаться долго. Во внутренней политике что-то неизбежно должно произойти. И японская армия, являющаяся — по крайней мере сегодня, единственной значительной силой, которая ищет новые пути, будет играть в этих возможных грядущих внутривластных изменениях решающую роль»³⁴⁴.

Прогнозы аналитика сбылись очень скоро. Ранним утром 26 февраля 1936 года в Токио начался военный мятеж, названный по японскому прочтению даты «Ни-ни-року дзи-

кэн» («Инцидент 2.26»). Офицеры среднего командного состава 1-го и 3-го пехотных полков, 3-го гвардейского полка и некоторых других частей, расквартированных в Токио (всего 22 человека), вывели своих подчиненных (около полутора тысяч солдат и унтер-офицеров) на улицы японской столицы и блокировали ряд важных объектов. Мятежные офицеры (солдаты вообще не понимали, что происходит, так как им объявили, что это учения) захватили здание парламента, Военного министерства и Министерства внутренних дел. Попытки овладеть резиденцией премьер-министра и императорским дворцом были отбиты верными правительству войсками. Предварительно мятежники составили список из дюжины высших должностных лиц, включая премьер-министра Окада, которые «мешали развитию страны» и которых требовалось убрать с пути реформ. Большинству из них удалось выжить, но министр финансов и министр — хранитель печати были убиты, а бывший начальник штаба флота главный камергер двора адмирал Судзуки тяжело ранен. На этом энергия мятежников иссякла.

Как только императору стало известно о восстании, он приказал самым решительным образом подавить его, но гвардия, лояльные правительству пехотные части и переброшенный в Токио морской десант колебались еще два дня. Дошло до того, что император пригрозил командующему гвардией взять руководство операцией на себя, но утром 29 февраля (1936 год был високосным) зачинщики мятежа сдались сами, а обманутые ими войска вернулись в казармы, и никаких репрессий в их адрес не последовало. Два офицера из числа руководителей восстания покончили с собой, еще семнадцать были осуждены и вскоре повешены, но искушенные в политике люди понимали, что настоящие «кукловоды» остались в тени. Тем не менее последствия этого неудавшегося государственного переворота оказались весьма серьезными. Кадровые изменения произошли в Военном министерстве, а военное положение, введенное во время мятежа, сохранялось в Токио до лета, но главное, «молодые офицеры», как стали называть лидеров мятежа, показали, что армия крайне недовольна недостаточной решимостью руководства Японии в планах по завоеванию Китая и засильем крупного, никому не подотчетного, капитала.

Уже через несколько дней после этих событий в журнале Хаусхофера появилась статья под названием «Армейский мятеж в Токио», подписанная «Р. З.». Материал был разбит на две части. В репортажной доктор Зорге рассказал о ходе «Ни-ни-року дзикэн», сообщив в том числе: «Японская сторона попросила покинуть немецкое посольство, так как во время боевых действий оно окажется в самой опасной зоне. Конечно, немецкое посольство отвергло эту просьбу, только подвалы были проверены на прочность на случай артиллерийского обстрела». В аналитической же — сумел внятно объяснить истоки мятежа и его последствия, определив главное из них как дальнейшее возрастание роли военных в управлении страной и стремление Японии к захвату новых территорий — то, что сам для себя Зорге назвал придуманным им термином «перманентная экспансия»³⁴⁵.

Эта статья, вышедшая так скоро и всесторонне осветившая проблему (что удалось Зорге в значительной степени благодаря существенной помощи Одзаки и Мияги), заметно повысила его репутационный уровень не только в германской прессе, но и даже, прежде всего, в немецком посольстве в Токио. Помимо обзора для Хаусхофера разведчик написал еще один доклад — для германского МИДа. Он сделал это по просьбе Дирксена, Отта и Веннекера, которые первыми смогли оценить важность и глубину суждений журналиста³⁴⁶.

Но самое главное: хотя бы на время, но Москва, получив от «Рамзая» исчерпывающий материал по этому инциденту, вынуждена была резко поменять мнение о своем резиденте, признав, что в Токио у советской военной разведки появились новые сильные позиции. Отдельной похвалы был достоин Клаузен — теперь радиogramмы от «Рамзая» в Центр отправлялись почти каждый день: о развитии политической ситуации в Токио, о слежке за советским посольством и резидентурой НКВД. 13 марта он информировал о том, что посол Дирксен склонен усматривать в действиях мятежников «руку Коминтерна», о чем в Москве немедленно было доложено спецсообщением наркому обороны и руководителям советских спецслужб. Наконец, 17 мая 1936 года в Токио, за подписью главы военной разведки Урицкого, была отправлена шифровка со следующим текстом:

«Дорогой Рамзай.

Шлю Вам привет. Выполнение оставленных Вам задач — идет, по-моему, неплохо. Музыка у Фрица (радиосвязь, налаженная Клаузенем. — А. К.) — великое дело. За все эти Ваши дела от лица фирмы — спасибо.

Имейте в виду, что Ваша полезная коммерческая деятельность (работа резидентуры. — А. К.) известна нашему старшему любимому шефу (Сталину. — А. К.), и он следит за ней, выделяя ее из других.

Наша крайняя нужда и великая необходимость, чтобы Вы еще прочнее закрепились и дали в своей работе еще больше прибыли. Шлю Вам лучшие пожелания.

*Директор*³⁴⁷.

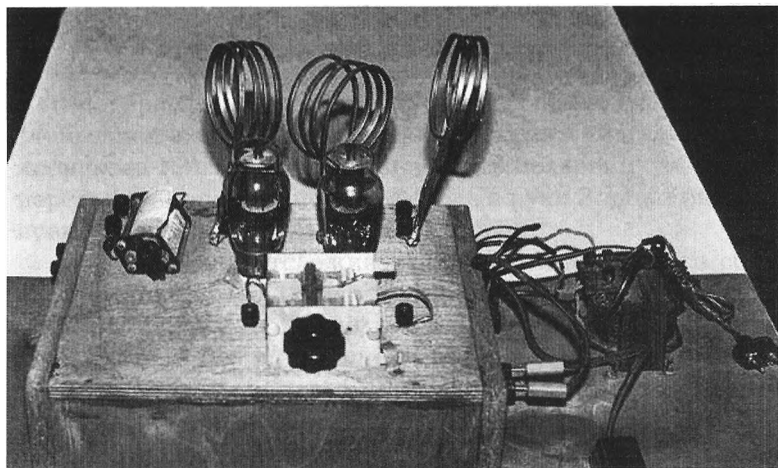
Ободряющий тон радиogramмы объяснялся новой информацией, полученной «Рамзаем» вскоре после февральского путча и оперативно переданной в Москву. Доверие Отта к Зорге в те дни поднялось до самого высокого уровня, и он даже выделил советскому разведчику отдельный кабинет в посольстве, чтобы тот мог спокойно заниматься там с важными документами, в том числе с теми, которые предоставлял ему посол, желавший получить от своего друга сначала подсказку, а затем, нередко, и полностью готовый отчет по тому или иному вопросу, интересующему Берлин. И однажды, через некоторое время после событий «Ни-ни-року дзикэн» Отт пригласил Зорге к себе и попросил зашифровать телеграмму, составленную им в Генеральный штаб вермахта с изложением своего мнения относительно сверхсекретных переговоров, которые велись в Берлине между министром иностранных дел Германии Риббентропом, шефом военной разведки рейха адмиралом Канарисом и японским военным атташе в Германии полковником Осима³⁴⁸. Рихард согласился, а позже, когда пришел ответ из Берлина, Отт ознакомил своего друга и с ним. Их дружба и сотрудничество вступили в новую, особо доверительную, фазу. Москва получала теперь информацию, по немецким понятиям, высшего уровня секретности.

Карл Отто Браун, который в июле 1938 года был назначен атташе по культуре, когда уже Отт стал послом, с крайним недоумением наблюдал следующую картину: «Однажды в воскресенье в сентябре 1938 года я принес длинную телеграмму,

Макс и Анна
Клаузен
на токийской
улице

Модель рации
Клаузена,
собранная
им после войны
во время дачи
свидетельских
показаний

содержащую государственную тайну, послу Отту в резиденцию, которая была отделена от канцелярии садом. Было полдесятого вечера. Отт сидел с Зорге под торшером и играл в шахматы. После того как посол прочел сообщение о Судетском кризисе, я хотел вернуть документ в сейф канцелярии, но Отт попросил меня оставить телеграмму, показав на сейф в своем кабинете на первом этаже.

Я покинул помещение с неприятным чувством, что Отт мог показывать секретные материалы не имевшему к ним допуска журналисту из "Франкфуртер цайтунг". Во время пролистывания Зорге мог запомнить фразы оттуда... Это означало серьезное нарушение послом дипломатических и военных должностных инструкций»³⁴⁹.

В РАСПОРЯЖЕНИЕ РУ НЕ ЗАЧИСЛЕН...

Барон Осима Хироси вел в Берлине переговоры, важность которых значительно превосходила обычный масштаб компетенции военного атташе. Речь шла о стратегическом сотрудничестве Японии и Германии, и то, что «Рамзай» оказался в курсе этих переговоров, имело огромное значение для Москвы, хотя он и не являлся единственным источником информации о них. При решении вопросов стратегического сотрудничества Берлина и Токио затрагивалась и тема возможного военного противостояния Японии и СССР в районе Маньчжурии и Монголии. Именно в это время, 12 марта, Москва и Улан-Батор срочно подписали протокол о взаимопомощи, тем самым продемонстрировав Японии, что любой вооруженный конфликт Маньчжоу-Го с Монголией, который готова была решительно поддержать Квантунская армия, неизбежно выльется в боестолкновение с не менее серьезно настроенной РККА. 4 апреля «Рамзай» дополнительно сообщил в Москву, что в Токио приняли сигнал из СССР, командование японской армии создает опасность войны и не допустит перерастания мелких пограничных стычек на границе с Монголией в крупномасштабное сражение. Информация из японского Генштаба предназначалась полковнику Отту для передачи в Берлин, а потому попала в руки Зорге и была отправлена в Москву³⁵⁰.

Вернувшись к отслеживанию японо-германского сближения, в период с 17 мая по 19 июня «Рамзай» отправил из Токио целую серию подробных радиogramм, раскрывающих детали позиции нацистов на переговорах с Осима в Берлине. Важным нюансом при этом являлось то, что Германия была крупнейшим кредитором и поставщиком оружия для армии Чан Кайши, противостоявшей Японии в Китае,

но по этому вопросу не было единодушия в самом Берлине, что давало надежду Токио. Уладить «недоразумение» в пользу Японии, окончательно и бесповоротно сделать Германию своим союзником, а не силой стоящей за Гоминьданом, являлось одной из главных задач барона Осима. Не зная, конечно, всех деталей переговоров, Зорге склонялся к выводу, что инициатива в переговорах исходит от японской стороны, а Германия, наоборот, никуда не торопится, не желая раньше времени ссориться с Англией, которая и без того недовольна активностью Японии в Азии и несколько свысока поглядывает на своих новоиспеченных дальневосточных союзников.

Вся эта информация консолидировалась в Разведывательном управлении Штаба РККА — Разведупре (РУ), как теперь официально именовалась советская военная разведка, подвергалась дополнительному анализу и докладывалась Сталину, Ворошилову и другим важным адресатам. В таких случаях отношение к полученным материалам высказывал только один человек. И на сводке материалов от 19 июня была представлена резолюция, ставящая под сомнение как минимум всю работу Зорге, а как максимум его искренность:

«По-моему, это дезориентация, идущая из германских кругов.

*И. Сталин*³⁵¹.

Шеф военной разведки Урицкий, направляя материал, вызвавший сомнения вождя, наркому обороны Ворошилову, заметил, что он получен от резидента в Токио, «обычно дававшего доброкачественную информацию и неоднократно — подлинный секретный документальный материал». Таким образом «Директор» Центра открыто выступил в защиту резидента, приложив к своей записке новые секретные материалы, полученные «Рамзаем», и дав обширные пояснения, сводившиеся к поддержке взглядов Зорге на японо-германские переговоры. К тому же изложенные «Рамзаем» факты подтверждались нашими источниками в других странах. Одновременно комкор, будучи опытным управленцем, дописал в конце, что полностью исключить риск дезинформации невозможно, и запросил указаний — передавать ли сообщения Зорге Сталину, как и раньше. Сталин, и Ворошилов вняли доводам главы военной разведки — «Рамзай» продолжал

передавать информацию о подготовке Японии и Германии к заключению Антикоминтерновского пакта³⁵². Наибольшей плотности радиообмен с Зорге достиг осенью 1936 года — вплоть до 25 ноября, когда договор между Берлином и Токио был заключен. Заслуги группы «Рамзая» стали столь очевидны, что в декабре Урицкий отправил на имя маршала Ворошилова совершенно секретное представление № 20906 сс:

«Докладываю:

В течение двух с лишним лет в качестве неофициального секретаря германского военного атташе в Токио ведет работу в чрезвычайно трудных условиях наш работник, член ВКП(б) ЗОНТЕР Ика Рихардович.

Этот товарищ все время снабжает нас материалами и документами о японо-германских отношениях. <...>

Вместе с ним работает в качестве радиста т. КЛАУСЕН (так в документе. — А. К.) Макс, который непрерывно, в тяжелых агентурных и технических условиях поддерживает с нами радиосвязь.

Следует отметить, что оба эти товарища в критический момент событий 26.2.36 г. в Токио поддерживали с нами бесперебойную радиосвязь и держали нас в курсе всего происходящего.

В настоящее время работа этих двух товарищей приобретает особое значение, но на почве длительной работы в тяжелых условиях, на почве длительного отрыва от Советского Союза у них чувствуется большая моральная усталость. Заменить их в данное время невозможно. Для пользы дела необходимо продлить работу этих товарищей, закрепив их на тех позициях, на которых они находятся.

*Прошу вашей санкции на награждение этих товарищей орденами "Красной Звезды", что ими, безусловно, заслужено и явится для них стимулом для напряженной работы в особых условиях»*³⁵³.

Помимо того что это был изумительно смелый шаг — отправить представление к награде на группу, только что заподозренную Самим в подаче дезинформации, важно заметить и другое: для Ворошилова Зорге был «Икой Рихардовичем Зонтером». Не исключено, что и Сталин, во всяком случае в то время, знал только это имя источника в Токио. И — нет, орденов ни Зорге, ни Клаузен не получили.

Почему «награда не нашла героев», сегодня точно ответить невозможно. Ясно только, что в самом Разведывательном управлении у «Рамзая» были не только друзья и даже покровители (как минимум один — Урицкий, объективно оценивавший результаты работы резидента, и не боявшийся вступить за него перед самим вождем), но и недоброжелатели. Позиция начальника 7-го отделения Михаила Покладока уже известна. Его заместитель — Михаил Сироткин вторил своему шефу даже в описании облика и манер Зорге, но почему-то делал это спустя семь месяцев после отъезда разведчика из Москвы и в то самое время, когда от того шла наиболее ценная информация, как будто просто напакостить хотел: «Внешне впечатление "Рамзай" производит невыгодное: бегающий взгляд, избегающий встречи со взглядом собеседника, чрезвычайная суетливость, горячность и поверхностность суждений. Наряду с этим чрезвычайный апломб и развязность». Понимая, впрочем, что одного неприятия внешности мало, Сироткин «забивал гвозди», не обращая внимания на то, что противоречит своим же, более высоким руководителям: «До июля 1935 года я неоднократно получал и обрабатывал материалы, поступавшие от "Рамзая". 90% всех этих материалов не имели почти никакой ценности...

В феврале... "Рамзай" сообщил, что Отт привлекает его к шифровке своих телеграмм, не доверяя больше никому. Если это не просто хвастовство, то бесспорно *Отт использует "Рамзая"* вовсю, либо просто купив, либо пассивно, доведя до ослепления своим "доверием"»³⁵⁴.

Бдительный помощник начальника отделения Михаил Сироткин искренне не верил Зорге, отвергая любую возможность честной работы резидента: он не только не считал ценными материалы, за которые начальник разведки Урицкий просил наградить разведчиков орденами, но и был уверен, что Зорге предатель, продавшийся немцам, а потому любой материал от него, вне зависимости от его ценности, заведомо являлся дезинформацией. Это был замкнутый круг, разорвать который можно было только удалив из него Зорге.

Не успокаивался и Покладок. 21 апреля он подготовил очередной анализ деятельности «Рамзая» в Шанхае, где справедливо указывал на недостатки сети, уже и без того хорошо известные всем, кто был с этим делом связан: раздутый ап-

парат агентуры, тесно связанной с китайскими коммунистами, слабая конспирация и т. д. Но на базе этого доклада Покладок написал еще один, отдельный, отправленный 15 мая на имя Урицкого. Это довольно странный документ, многие части которого противоречат друг другу. Например, его автор сообщает, что в Японии действуют три резидентуры военной разведки (помимо «Рамзая»), но тут же добавляет, что на самом деле «...единственное, что к тому времени [к началу 1936 года] сохранилось, это резидентура "Рамзая"».

Покладок писал, что главное ее «достоинство... — серьезная и своевременная информация о положении в Японии», и тут же отмечал, что источники резидентуры используются «малоэффективно». Вопросы, кем и почему они так используются, он не ставил.

Главным минусом резидентуры начальник японского отделения называл личность самого резидента — в прошлом немецкого коммуниста и резидента в Шанхае, где его знали слишком многие. Покладок делал парадоксальный вывод: «Задача отдела подыскать замену Рамзая с тем, чтобы постепенно перенять у него все, что им создано, вплоть до источника "Кот", если это удастся». Но как это могло удасться, если источник «Кот» — это тот самый полковник Ойген Отт, которого связывали с Рихардом Зорге, и только с ним одним, личная дружба и полное доверие? Каким образом Покладок собирался внедрить на место Зорге другого разведчика, назначить послу нового друга, сам автор доклада понятия не имел, в чем тут же честно признавался: «Таким кандидатом отдел на сегодняшний день не располагает...»³⁵⁵

Соглашаясь, что главное достоинство группы Зорге — информация о положении в Японии, то есть данные политического и экономического характера в первую очередь, Покладок продолжал забрасывать «Рамзая» заведомо невыполнимыми военно-техническими задачами военно-технического характера: достать секретные чертежи, схемы управления огнем, данные по оснащению вооружением конкретных частей японской армии, неизменно фиксируя в докладах руководству неспособность резидента эти задания выполнить. Это несмотря на то, что только за январь—апрель Клаузен передал в «Висбаден» 40 информационных телеграмм, среди которых были и материалы сугубо военно-

го характера. 12 отдельных сообщений «Рамзая» были оценены как не имеющие практической ценности. Этот вывод Покладок сделал ровно в те дни, когда Урицкий сообщил Зорге о том, что его материалы докладываются лично Сталину, и попросил развивать личные отношения с полковником Оттом:

«Присланные Вами материалы из фирмы Кота представляют для нас несомненный интерес. Кроме того, они создают уверенность в том, что Вам и в дальнейшем удастся получить от Кота, а возможно, и его главного хозяина еще более важные документы и сведения. Однако мы должны напомнить Вам о соблюдении двойной осторожности как с самим Котом, так и с его родственниками. Вы ни в коем случае не должны недооценивать активной работы нацистов по доскональной проверке всех членов колонии...

*Все присланные Вами материалы являются ценными»*³⁵⁶.

Ценность материалов обеспечивалась главным образом их происхождением — в 1936 году самым важным источником Зорге оставался полковник Отт, и триумф Зорге после «Ни-ни-року дзикэн» укрепил желание военного атташе поближе сойтись с информированным журналистом. Надо отметить, что не только самообразование и консультации с Одзаки и Мияги помогли нашему герою точно сориентироваться в хитросплетениях внутренней японской политики и взаимоотношений различных фракций военных. В мае 1935 года Одзаки пригласил к сотрудничеству Каваи Тэйкити, уже работавшего с группой «Рамзая» раньше. Каваи познакомился с Мияги и хотя не «дал» особенно много важной информации, но именно он месяц спустя сумел начертить схему взаимодействия различных группировок в Военном министерстве Японии. О том, насколько это оказалось ценным для Зорге, свидетельствует то, что в нарушение всех инструкций он не уничтожил ее, и документ был изъят полицией при обыске его дома в 1941 году, став важной уликой против всей группы³⁵⁷. Тем более неприятной оказалась для «Рамзая» новость о том, что «Ронин» арестован токко.

Это произошло 21 января — почти ровно за месяц до попытки путча. Причиной задержания стали подозрения в поддержке коммунистов и шпионаже на территории Китая, а потому Каваи был переправлен сначала в Шанхай, а затем в Чунцин, где началось следствие над ним, которое с полным

правом можно назвать изумительно бестолковым. Каваи был арестован по доносу, но ни сам доносчик, ни следователи не смогли подтвердить фактами обвинение в содействии китайской Коммунистической партии, и в июне того же года Каваи освободили. Он «лег на дно» в Китае, прервал все связи со старыми знакомыми и вернулся в Японию лишь в 1940 году. Знать об освобождении Каваи Зорге не мог, по крайней мере в первое время, а значит, большую часть 1936 года он провел в беспокойных ожиданиях отголосков шанхайского дела «Ронины».

Верный своему принципу высоко ценить друзей и агентов, Зорге в начале весны отправил в Центр сообщение об аресте Каваи, в котором выразил уверенность в том, что японец его не выдаст (это вызвало самые серьезные сомнения у Урицкого и Артузова), и попросил «заботиться об этом верном, простом и сильном товарище». Заодно он сообщил о собственном, совершенно случайном, задержании полицией на четыре часа в дни путча, чем заставил изрядно понервничать Центр, и о многочисленных арестах японских левых, с которыми хотел бы поддерживать контакты в будущем, последовавших вслед за подавлением мятежа. Артузов на это едко заметил на полях расшифрованного сообщения: «Если бы не 26.П, то Р. со своей левой компанией уже давно провалился бы. На счастье, полиция сделала глупость и изолировала левых от Р. вместо того, чтобы наблюдением расшифровать все дело»³⁵⁸.

Вообще, радиообмен между Центром и «Рамзаем» после инцидента 26 февраля вплоть до конца 1936 года был исключительно обильным на организационные указания. Нельзя не признать, что Зорге, привыкший в Китае к тому, что Москва постоянно сама себе противоречит, одной рукой запрещая, а другой поощряя контакты с местными коммунистами, нацелился на привлечение для работы с резидентурой японских левых. Однако на этот раз Центр был непреклонен и категорически запретил ему подобную самодеятельность вне зависимости от того, казались такие связи самому «Рамзаю» перспективными или нет. В то же время резидент должен был оценить изменение тона руководства из Москвы в общении с ним. Письма из Центра, содержащие массу инструкций, указаний и запретов, в целом были написаны очень кор-

ректно, а нередко даже выдержаны в духе теплых отеческих наставлений — особенно, если письмо было подписано «Директором», то есть Урицким, а не «Вице-директором» — Артузовым, который держался более сухого и деловитого тона (и «Рамзай» отвечал ему тем же). Если последний обращался к Зорге «Дорогой Рамзай», то Урицкий выдерживал совершенно елейный стиль. Настойчиво обозначая при этом позицию руководства, писал:

«Дорогой мой друг Рамзай...

Как ни велика задача нашей фирмы, как ни обязаны мы отдавать себя безраздельно нашему великому делу, все же я умею Вас понять в Вашем одиночестве и оторванности и с глубокой благодарностью от всей нашей фирмы и корпорации отношусь к Вашему подвигу, имеющему решающее значение для нашей фирмы. Поэтому я считаю себя обязанным еще раз сообщить, что и эта последняя Ваша почта была для нас чрезвычайно ценной и прибыльной для фирмы...

Я еще раз хочу подчеркнуть Вам, мой славный друг, что занимаемая Вами позиция есть Ваш большой успех и большего ничего не нужно. Я еще раз подтверждаю, что Вы не должны расширять свою клиентуру...»³⁵⁹

Пожалуй, единственной оплошностью, оговоркой Урицкого как психолога, а надо признать, что ему удалось подобрать верный ключик к нервному и самолюбивому резиденту, было то, что в ответ на просьбу позаботиться о жене, он обещал позаботиться о *подруге* Зорге. Несчастье с Катей, потеря ребенка наложились на самый беспокойный, насыщенный важными событиями в работе, период 1936 года, и Рихард, естественно, сильно переживал по этому поводу. Впрочем, ни о какой реакции Зорге на «подругу» неизвестно*. Очень редко встречался он в тот период и с Ханако, огра-

* Возможно, со стороны Урицкого это и не было оплошностью, если считать, что в те времена слово «подруга» было не антонимом слову «жена», а скорее синонимом. То, что реакция Зорге неизвестна, позволяет нам предположить, что, возможно, ее и не было, что он не придавал этим словам особого значения, не увидел в них снижения статуса Кати. А может быть, поскольку он знал, что Катя получает деньги и прочие блага от Центра как его жена, его не слишком волновало, как внешне к этому относится Урицкий.

ничиваясь посиделками в «Ломайере» (то, что он почти не заходил в «Рейнгольд», свидетельствует о том, что девушка рассматривала его как личного друга, а не клиента), где они обедали и 26 февраля. Затем Рихард надолго пропал и лишь в июле внезапно появился у папаша Кетеля. Он подарил Ханак дорогой немецкий фотоаппарат и пригласил на свидание, а затем и к себе домой, но близки они стали лишь осенью 1936-го³⁶⁰.

Изменились семейные обстоятельства и у Клаузена. Его жена Анна 2 марта выехала из Москвы в Китай по поддельным документам, как обычно, оформленным крайне небрежно и с серьезными ошибками. Только в начале августа Макс с огромным трудом смог забрать супругу из Шанхая и перевезти ее в Токио, после чего постарался создать образ преуспевающего немецкого бюргера, члена токийского отделения нацистского «профсоюза» — организации «Германский трудовой фронт», горящего желанием наладить сбыт германской техники японцам. Анна была полностью в курсе настоящей работы мужа и в будущем по приказу «Рамзая» не раз брала на себя функции курьера при передаче связникам в Китае фотоматериалов и секретных документов, получая от них взамен деньги и инструкции для группы. Макс в это время продолжал совершенствовать радиосвязь с «Висбаде-ном», передавая весьма объемные сообщения — до пятисот групп текста, которые предварительно зашифровывал для него резидент, отдавая этой работе по три-четыре часа — поистине, подвиг, достойный титанов³⁶¹.

Детальная оценка почты «Рамзая», передаваемой с курьером в Москву через Шанхай, была сдержанной. Например, в июньском пакете среди двадцати шести материалов шесть были признаны особо ценными и ценными, остальные — средней и малой ценности³⁶². Общая интенсивность добывания и пересылки информации группой «Рамзая» постоянно увеличивалась. Весь 1936 год Зорге и его товарищи работали изо всех сил, снова сталкиваясь с противоречивыми указаниями Москвы. В конце октября Артузов в одном письме в первом пункте умудрился еще раз запретить связь «Рамзая» с японцами, а в четвертом — потребовал завербовать бывшего офицера японской армии («Специалист»), знакомого Одзак. Через несколько дней в Токио полетела очередная

депеша, в которой было предписано прекратить общение Зорге с Одзаки и передать его вместе со «Специалистом» на связь прибывшей в Японию Айно Куусинен — жене одного из лидеров Коминтерна, бездарной и склочной дамочке, воспринимавшей командировку в Токио как светский вояж. Еще один важный контакт — Мияги, было приказано передать Гюнтеру Штайну. Фактически руководство разведки оставляло «Рамзаю» один главный источник информации — полковника Отта, не понимая, что Зорге работает не в привычном для резидента амплуа простого сборщика информации, а настойчиво старается сыграть роль аналитического центра, пропуская через себя всю информацию, собранную группой, и формируя ее по собственному усмотрению.

«Рамзай» все еще пытался выполнить все указания Центра как можно лучше, в то же время пересматривая их через призму реальной обстановки (например, отказавшись выходить в эфир с одного и того же места, как требовала Москва, поскольку это противоречило элементарным правилам безопасности). Противоречивость и вздорность некоторых приказов, на которые приходилось как минимум реагировать, отбирали у него много сил. Не случайно шанхайский резидент Лев Александрович Розенталь («Алекс», «Борович», «Лидов») 9 ноября докладывал в Москву, ссылаясь на слова Гюнтера Штайна: «Рамзай находится на границе истощения своих нервных ресурсов. Иногда у него бывают срывы, когда он поддается, и тогда он прибегает к рюмке. Он очень болезненно переживает отрыв от корпорантской (так в тексте. — А. К.) жизни и необходимость играть роль, которая выпала ему на долю... Он тратит на работу с Котом очень много нервов и приходит от него иногда в полном истощении...

Очень просил бы... отметить особым образом работу Рамзая. Нельзя ли представить его к ордену? Это, несомненно, подняло бы его дух и укрепило бы его на работе в очень сильной степени»³⁶³.

И снова, уже во второй раз, никакого ордена Зорге не получил. Наоборот. Близился роковой для СССР 1937 год. Его приближение было заметно даже в Токио. 31 августа Урицкий отправил Зорге большое послание «в порядке политической информации», в котором сообщал о завершении процесса по делу «Троцкистско-зиновьевской террористической банды»,

кратко пересказав в нем передовицу «Правды», выступившей с заявлением по результатам процесса. Одновременно Урицкий потребовал от «Алекса» «прощупать настроение» Зорге в связи с сообщением о деле «врагов народа». «Борovich» при ближайшей встрече, состоявшейся лишь в октябре, коллегу «прощупал», но ничего предосудительного не заметил. Однако «дорогой директор» уже подшил в дело Зорге очередную справку о том, что «Рамзай» сотрудником советской военной разведки не является, воинского звания не имеет, а потому к Разведупру отношение имеет косвенное, являясь, по сути, лишь завербованным агентом, выполняющим функции резидента³⁶⁴.

ПОЛУТОРНЫЙ АГЕНТ

К началу 1937 года в Москве главным источником информации Зорге безусловно считали немецкого военного атташе Ойгена Отта. И, хотя при этом игнорировался значительный вклад Одзаки и Мияги в понимание «Рамзаем» японской политики, отчасти это было справедливо — ведь на тот момент основные, самые ценные сведения Зорге черпал в посольстве. Отношения между Рихардом и Ойгеном крепили все больше, причем роль ведомого, младшего товарища в этом дуэте досталась господину военному атташе.

Помимо уже ранее цитированных сохранилось еще несколько свидетельств того, насколько полковник Отт доверял своему другу, чуть было не ставшему членом семьи в маяковско-бриковском понимании. Одно из них носит полужанровый характер, но не надо забывать, что многие события, о которых идет речь в этой книге, вообще происходили на грани реальности. Журнал «Шпигель» впервые в 1951 году рассказал о том, как Зорге и Отт оказались на даче, которую последний арендовал в местечке Акия близ городка Дзуси на полуострове Миура на высокой скале над морем. Побережье Миура было (и остается поныне) одновременно излюбленным местом отдыха иностранных дипломатов и районом повышенной активности японских военно-морских сил. На противоположном берегу, а полуостров совсем небольшой, в Йокосуке, располагалась крупнейшая база императорского флота (она и сейчас там же, только теперь с ней соседствует такая же огромная американская). Не случайно в этих же местах, например, изучал язык и силы вероятного противника будущий шеф японского направления американской военно-морской разведки адмирал Эллис Марк Захариас³⁶⁵. И неудивительно, что военная

полиция кэмпэйтиай установила жесткий контрразведывательный режим в некоторых местах побережья полуострова, и время от времени с излишне любопытными иностранцами возникали конфликты разной степени серьезности и опасности. Случались они и с немцами. Так, однажды две японские девушки из «Рейнгольда» (Ханако среди них не было) сопровождали германских дипломатов во время прогулки в Йокосуку и там вместе сделали несколько снимков на фоне порта, после чего немедленно были задержаны полицией. Папаше Кетелю стоило немалых усилий выволить их на свободу, а всем остальным членам германской общины в Японии это стало хорошим уроком³⁶⁶. Ну, или почти всем...

С Зорге едва не случился подобный инцидент, когда он приехал в гости к Отту и они вместе решили прогуляться как раз у очередной запретной зоны. Наш герой всегда интересовался состоянием дел в аграрной сфере и на берегу сделал несколько снимков типичных сельских картин. Процесс фотографирования засекли агенты полиции, неустанно следовавшие за иностранцами. Они бросились к журналисту, чтобы отобрать у него пленку. Зорге успел перемотать кассету, вытащить ее из «Лейки» и на глазах у полицейских передал ее Отту, а тот вместо пленки предъявил им свое удостоверение, свидетельствующее о дипломатической неприкосновенности. Спорить с военным атташе едва ли не единственной дружественной Японии державы сыщики не решились, а что касается Зорге, то полковник представил его своим помощником, и на этом инцидент был исчерпан³⁶⁷. Очевидно, что это была не только помощь соотечественника соотечественнику, но и, если так можно выразиться, демонстрация отношений единомышленников к японской полиции.

Интересные воспоминания о дружбе Отта и Зорге сохранил связанный с немецкой военной разведкой доктор Клаус Менерт, весной 1936 года побывавший в Токио по делам службы: «В один из дней нашего... пребывания в Токио мы получили от супругов Отт приглашение на завтрак. Появился еще один гость. "Мой друг Рихард Зорге", — представил его Отт. Когда мы затем направились в кабинет хозяина дома, чтобы побеседовать о ситуации в Японии, о происшедшем несколько недель назад мятеже "молодых офицеров", о моих ночных разговорах в Маньчжоу-Го и о Германии, Зорге

снова был с нами. Отта я знал с детства... С ним я мог говорить в открытую. Но Зорге? Разумеется, мне было известно это имя; его опубликованные год назад в *"Цайтшрифт фюр геополитик"* статьи — одна о Маньчжоу-Го, другая о вооруженных силах Японии — оказали мне действительную помощь в ходе подготовки к поездке в Восточную Азию. Однако его присутствие сковывало меня. Он, должно быть, почувствовал это, так как вскоре ушел. "Зорге — отличный знаток Японии, — сказал Отт, когда мы остались наедине, — и мой близкий друг, заслуживающий абсолютного доверия".

Зорге присоединился к нам и во время одной из воскресных прогулок в окрестностях Токио. Но я уже перестал относиться к нему с недоверием. Зорге был отлично информирован и превосходно умел рассказывать. В один из последующих дней состоялась еще одна прогулка... Зорге, работавший в то время над статьей о сельском хозяйстве Японии, блистал своими познаниями... И впоследствии мы с ним неоднократно встречались, помимо прочего также и в обществе военных атташе Кречмера, Веннекера и Гронау — для него были открыты все двери. *Почти все предоставляли Зорге различную информацию в обмен на интереснейшие сведения, получаемые от него.*

Когда я в июне 1941 года вновь приехал в Токио (проездом с Гавайских островов в Шанхай), Отт уже был послом. Где бы я ни виделся с ним — в его служебном кабинете или в резиденции посла — почти всегда при нем находился Зорге...»³⁶⁸

В связи с упоминанием Менертом работ Зорге для *"Цайтшрифт фюр геополитик"* нельзя не отметить, что близость Отта к школе геополитики профессора Хаусхофера со временем заставляла его чувствовать себя все более в стороне от мейнстрима нацистских взглядов на будущее мира. Хаусхофер и его последователи, а «Кота» и даже «Рамзая» в некотором смысле можно отнести к таковым, являлись сторонниками континентального блока Берлин — Москва — Токио. В 1930-е годы, особенно в их первую половину, сотрудничество между Германией и Советским Союзом в самых разных областях, включая военную, развивалось очень активно, и в симпатиях к такой линии не виделось ничего необычного. Лишь со временем, с формированием оси Берлин — Рим — Токио, окончательно стало ясно, что Советский Союз является наи-

более вероятным противником для рейха. Тем не менее Отт и Зорге изначально были и оставались близки в своих геополитических воззрениях, и здесь во многом они были единомышленниками.

Сам Отт, до конца жизни тщательно избегавший любых публичных воспоминаний о «друге Рихарде», все-таки сделал несколько признаний. Все они носили несколько странный характер или, попросту говоря, бывший немецкий разведчик блефовал перед журналистами, что вполне естественно, учитывая неоднозначность ситуации, в которую он попал по вине своего друга. Так, например, Отт заявлял: «Для меня было сложно вести наблюдение и составлять рапорты о состоянии и обучении японской армии: все происходившее в ней было словно отгорожено железным занавесом. Я не имел времени заняться японским языком, поэтому был особенно рад знакомству с Зорге, языковые познания которого облегчали ему контакт с японцами и получение от них информации». На самом же деле, как мы знаем, немецкий офицер начал пользоваться аналитическими услугами своего друга задолго до того, как тот освоил разговорный японский язык (читать и писать по-японски Зорге так и не научился).

Пытаясь выставить себя в наиболее выгодном свете, Отт не только не рассказывал о финансировании поездок советского разведчика, но и «вспоминал», что вообще относился к Зорге с подозрением и даже якобы приказал следить за Рихардом: «Иногда на него что-то находило, и он на время исчезал; по моему поручению за ним месяцами велась слежка»³⁶⁹. Это более чем сомнительное откровение (если только Отт не имел в виду территорию посольства), так как подобная слежка совершенно невозможна в токийских условиях, где каждый европеец выделялся из толпы так, как будто он шел с транспарантом, а поручить что-либо японской полиции Отт не имел никакого права, и впоследствии мы узнаем еще об аналогичном опыте советских чекистов. Немецкий разведчик-дипломат мог думать, что обладает тесными связями с ней или с военной жандармерией кэмпэйтэй, но это не значит, что японская сторона думала так же.

Да и журналист Фридрих Зибург, побывавший в Японии в 1939—1940 годах, тоже обратил внимание на то, что пол-

ковник Отт не только не мог и шагу сделать без информированного «помощника», но даже сам отправлял его в командировки: «Если в течение тех месяцев, что я провел в Токио, в мире происходило что-то особенное — будь то в Европе, в Японии или в зонах ее влияния, (будущий) посол Отт обычно тут же вызывал Зорге... Зорге являлся не только очень близким личным другом посла: *он представлял собой важнейший для Отта источник информации*. Последний ранее *даже командировал его за свой счет на Азиатский континент*, где Зорге изучал развитие японской экспансии и анализировал шансы Японии в войне с Китаем».

Неясно, к какому времени может относиться упоминание о такой поездке, но еще в августе—сентябре Зорге действительно провел в Китае около трех недель, посетив Шанхай, Пекин и другие города. Он тогда внимательно изучал на месте перспективы китайского сопротивления японской армии и в этом смысле действительно был ценнейшим источником информации и для Москвы, и для своего друга Отта.

Стоит ли говорить о том, что командировка была использована для встреч со Львом «Боровичем» — «Алексом», которому «Рамзай» передал очередную почту для Центра и, как обычно, получил от него указание и деньги для резидентуры. Впрочем, это была не единственная поездка Зорге в Китай и, возможно, не одну из них оплатила германская сторона. И здесь мы неизбежно подходим к теме, которая долгое время считалась «скользкой» — теме возможного сотрудничества Зорге с абвером или какой-либо еще германской секретной службой.

С хронологической точки зрения, первоисточником гипотезы о том, что советский разведчик на самом деле был двойным агентом является бывший шеф немецкой внешней разведки Службы безопасности (СА) рейха Вальтер Шелленберг. В своих мемуарах, написанных вскоре после войны, он отвел Зорге целую главу, в которой сообщил эту самую «шокирующую правду»³⁷⁰. Следует, однако, иметь в виду, что, по мнению глубоко исследовавшего данную тему Василия Молодякова и ряда отечественных и зарубежных историков, «мемуары» Шелленберга являются неавторской посмертной компиляцией разрозненных записок бывшего разведчика и,

если о каких-то фактах известно только из них, то к такой информации априори надо относиться с особой осторожностью и даже сомнением³⁷¹. В «мемуарах» говорится, что Шелленберг впервые узнал о Зорге в 1940 году от Вильгельма фон Ритгена, главы Немецкого информационного бюро (ДНБ), упоминается, что Рихард работал одновременно на ДНБ и «Франкфуртер цайтунг», но надо четко понимать, что «работал» это значит «писал для них» и совершенно необязательно эти записи должны были содержать секретные данные. Собственно, дальше Шелленберг об этом и говорит: «Он [Зорге] поддерживал с фон Ритгеном личную переписку, причем письма Зорге были, по существу, подробными обобщающими докладами»³⁷².

Дальше следует нечто очень странное. Автор «мемуаров» вспоминает, что фон Ритген обратился к нему с просьбой проверить Зорге на благонадежность, так как очень нуждался в этих самых докладах, но «нацистская партия и почти все зарубежные организации этой партии из-за политического прошлого Зорге всячески препятствовали его деятельности». Не вполне понятно, каким образом могло осуществляться это препятствие, в чем оно выражалось и чем именно было вызвано беспокойство фон Ритгена (получил донос из Токио?). Шелленберг, бывший в то время заместителем руководителя контрразведки гестапо, согласился и ознакомился с имевшимися в германской тайной полиции сведениями о Зорге. Вывод немецкого контрразведчика о советском разведчике оказался интересен, но на редкость нерешителен: «Если и не было никаких доказательств, что Зорге являлся членом коммунистической партии, то также не было сомнений в том, что он симпатизировал ей... В период между 1923 и 1928 годами Зорге был связан с немецкими националистами и крайне правыми кругами и в то же время поддерживал связи с национал-социалистами. Словом, прошлое Зорге, согласно делам, с которыми я познакомился, было довольно запутанным»³⁷³.

Если Шелленберг, составлявший свои записки после войны, когда о деле Зорге уже было известно за пределами Советского Союза со многими нюансами, не блефовал (и если это вообще писал Шелленберг), то придуманная Зорге легенда, тот странный, непривычный и отторгаемый со-

ветской разведкой стиль поведения, когда он поддерживал связи одновременно со всеми — правыми, левыми, нацистами и коммунистами, и не особенно это скрывал, пошла на пользу «Рамзаю». Еще раз напомним, 1920-е годы были «довольно запутанными» в смысле идеологических воззрений в биографии очень многих мыслящих людей, и сам Шелленберг не был исключением. К тому же он, как умный человек и высокий профессионал, не мог не понимать, что сама по себе профессия журналиста требует от ее представителя поддерживать контакты с самыми разными людьми. Так что, собрав массу сведений о Зорге, заместитель главы контрразведки гестапо оказался в тупике: дело яснее не становилось. Да и что это были за сведения, тоже неясно — ведь с 1925 по 1929 год Зорге жил в Советском Союзе, но, судя по словам автора воспоминаний, в деле это никак не было отражено. И как вообще Шелленберг сумел обнаружить связи с националистами, если почти весь указанный им временной промежуток Зорге провел в СССР? Может быть, гестаповец имел в виду то же, о чем вспоминала Рут Фишер, когда говорила, что Зорге внезапно стал изучать нацизм, в то время как прочие марксисты считали это политическое течение не стоящим внимания? А раз изучал, значит, и общался с правыми? Возможно.

По признанию Шелленберга (со всеми упомянутыми выше оговорками), Зорге безусловно являлся выдающимся специалистом по Японии и Китаю и к тому же сотрудничал с самим профессором Хаусхофером, очевидно, разделяя идеи последнего. Это то, что работало на Зорге. Против же говорило не его смутное коммунистическое прошлое, а лишь известное гестапо знакомство с Вальтером Штеннесом (Стеннесом). Последний был воплощением зла для нацистов: двоюродный брат рейхсканцлера Веймарской Германии, многократно награжденный герой войны, во время которой он познакомился с Германом Герингом, лично знавший Гитлера с 1920 года, Штеннес сначала стал одним из лидеров штурмовых отрядов нацистов — СА, но так и не смог принять взгляды Гитлера и дважды восставал против него. Под угрозой смерти Штеннес был вынужден покинуть Германию и в сентябре 1933 года прибыл в Китай, где вскоре стал инструктором личной охраны Чан Кайши, его летного отряда,

затем возглавил разведку Гоминьдана, а с 1938 года вышел на связь с советской разведкой³⁷⁴. На самом же деле Зорге если и был лично знаком со Штеннесом (в Китае они едва не разминутись, но позже Штеннес не раз бывал в Токио), то не поддерживал с ним никаких прочных связей — Шелленберг ошибался. Тем не менее он сделал совершенно неожиданный и абсолютно нелогичный вывод.

Получив информацию от фон Ритгена о том, что теоретически Зорге может быть связан с советской разведкой, он договорился с шефом ДНБ о защите Зорге от подозрений партийного руководства при условии, что токийский корреспондент будет присылать фон Ритгену секретные сведения об СССР, Китае и Японии. Откуда сам фон Ритген взял сведения о связи Зорге с русскими, на чем такое предположение могло быть основано, если изначально речь шла лишь о недоверии к Зорге со стороны НСДАП, Шелленберг не упоминает вовсе, и это тоже выглядит более чем странно. Кроме как попыткой придумать прошлым числом оправдание собственного просчета это объяснить не получается.

Тем не менее, рассказывал Шелленберг, глава Имперского управления безопасности (РСХА) Рейнхард Гейдрих якобы согласился с этим предложением, внеся встречное, и обязал взять Зорге под наблюдение и тщательно проверять всю присылаемую им информацию. Первое условие Шелленберг выполнить не мог: Япония — не Германия и даже не Швейцария. Как и Отт, он, если бы даже очень хотел, не мог бы организовать слежку за Зорге в Токио — на это не было ресурсов. Что же касается второго условия, то проверка установила: «Материалы, которые присылал Зорге фон Ритгену, были действительно полезными и по характеру своему таковы, что не могли содержать дезинформацию»³⁷⁵.

Этой фразой Шелленберг (или кто-то другой от его имени) фактически свидетельствует, что Зорге работал на немецкую разведку, и дальше уточняет: «...ни в своих показаниях, ни во время длительного пребывания в тюрьме Зорге ни разу не упомянул о своей работе на Берлин. Объяснить это можно лишь тем, что Зорге, имея тесные связи с фон Ритгеном, не желал раскрывать их Москве. Я пришел к такому заключению после того, как тщательно изучил материалы, присланные Зорге в Берлин; не было ни одного случая, когда

Зорге пытался бы ввести в заблуждение германскую секретную службу»³⁷⁶.

Так неужели Покладок и Сироткин были правы и «Рамзай» — предатель?

Во-первых, стоит еще раз обратить внимание на многочисленные несостыковки в так называемых «мемуарах». Очень похоже, что их автор, хорошо зная о том резонансе, который после войны имело расследование дела Зорге в США и Европе, с одной стороны, постарался обелить себя, действуя в стиле «я все знал, всем обо всем докладывал, но не мог ничего поделать», а с другой — бурно фантазировал на тему собственной осведомленности в этом деле, заодно стараясь заложить под дело Зорге «бомбу» обвинения в работе на германскую секретную службу. Непонятная логика действий, ошибки в датах и очевидная, с высот сегодняшних наших знаний, неосведомленность в реальной биографии Зорге, «за уши притянутая» связь со Штеннесом — все это, скорее, свидетельствует не против Зорге, а против автора «мемуаров», кем бы он ни был. Да, ко времени их публикации Вторая мировая война кончилась. Но война холодная только начиналась, и, как ни банально это звучит, выход в свет воспоминаний гитлеровского разведчика, находящегося в это время под контролем спецслужб США, стал одним из актов ведения информационной войны против Советского Союза.

Во-вторых, никто никогда не оспаривал того факта, что, общаясь с Ойгеном Оттом или другими немецкими официальными лицами, готовя аналитические материалы для Карла Хаусхофера, статьи для европейских газет, Рихард Зорге использовал в том числе эксклюзивную информацию, получаемую и по каналам своей разведгруппы, прежде всего, от Одзаки. Он использовал все имеющиеся у него связи для того, чтобы упрочить свое положение в глазах германских друзей и коллег, и у него это блестяще получилось. Был ли в таком случае «Рамзай» двойным агентом? Ответ очевиден: нет. Рассказ Шелленберга о том, что Зорге должен был передавать в Берлин, да еще не на прямую, а через фон Риттена, то есть по открытому каналу связи, секретную информацию о Советском Союзе — не более чем фантазия, очевидная сразу по нескольким причинам, простейшая и важнейшая из ко-

торых заключается в том, что у Зорге не имелось таких сведений. Чтобы сообщить секретные данные об СССР, он должен был их знать, а ему не было известно практически ничего, что было бы неизвестно немцам. И если уж вести какой-то «математический» отсчет того, каким шпионом был Зорге — двойным, тройным или еще каким-то, то точнее всего и остроумнее это сформулировал Василий Молодяков: Рихард Зорге был... полуторным агентом³⁷⁷.

В самом деле, если немцы не знали, что он является советским разведчиком (даже если поверить «Шелленбергу», они лишь допускали возможность его связи со спецслужбами СССР), и получали от него только ту информацию, которую он хотел им дать, то Москва отлично знала, кто такой Зорге, против кого он работает, и полностью могла контролировать все сведения, исходящие от него. Существуют этому и документальные подтверждения.

Как только Центр принял Отта-«Кота» в качестве основного источника «Рамзая», Зорге было сообщено об этом в письменном виде и выдан самый официальный карт-бланш на дальнейшую работу с германским военным атташе. 25 июля 1936 года заместитель начальника Разведупра Берзин подписал шифровку в Токио для Зорге и Штайна: «...Другое дело укрепление Вашего положения в стране и у Кота, и у новых друзей Густава. Здесь полезно знание журналистики. И Кота, и друзей Вы и Густав можете снабжать всевозможными статьями и прогнозами касательно положения в Ваших краях. И чем добросовестнее и аккуратнее Вы это будете делать, тем прочнее свяжетесь с ними. Не дублируйте только полностью работы. А то может случиться, что Кот поделится с друзьями, и обнаружится, что "ласковый теленок двух маток сосет"». Могут получиться неприятные осложнения»³⁷⁸.

В тот же день Артузов написал еще одно послание Зорге, снова обратившись к важнейшей теме сотрудничества с военным атташе Германии в Токио: «Помните, что самой основной Вашей задачей продолжает оставаться — сохранение и укрепление исключительных отношений, созданных Вами с Котом, наиболее глубокое вращение в немецкие круги, которые в моменты наиболее тяжелой обстановки окажутся Вашими единственными источниками информации исклю-

чительной важности и обеспечат в то же время наиболее надежную для Вас крышу. Эту важнейшую и решающую задачу Вы всегда должны иметь перед собой»³⁷⁹. Весь этот абзац был подчеркнут в письме самим Артузовым.

Зорге оставалось только исполнить указание «господина Вице-директора», как именовался Артузов в шифровках, и избежать при этом осложнений — осложнений, которые могли быть вызваны его запутанными отношениями с немецким полковником Оттом, видимость которых так старался создать для потомков автор «мемуаров Шелленберга».

МОСКВА-37 И ДАЛЕЕ...

Подъем по служебной лестнице Ойгена Отта продолжался. Лишь в апреле 1934 года ставший полковником, 1937-й он встречал и получал поздравительные письма уже в генеральском мундире. Это был пик карьеры талантливого разведчика и организатора, сумевшего, как ему представлялось, добиться главного: привлечь к работе, заставить помогать себе замечательного аналитика и востоковеда — Рихарда Зорге. Учитывая, что Отт, в отличие от того же Зорге, даже не был тогда членом нацистской партии, о таком взлете можно было только мечтать.

Между тем его главный советник, состоявший еще и в совершенно другой партии, получал совсем другие письма и совсем по иному поводу. Зорге еще не знал, что постепенно сменились люди, которые скрывались за безликими подписями сообщений из Москвы. Артузов, подписывавший шифровки в Токио в качестве «Вице-директора», наиболее жестко и даже с сомнением в профессиональной квалификации относившийся к «Рамзаю», был уволен из Разведупра 11 января, а спустя шесть дней направил Сталину огромное письмо с перечнем своих заслуг, в числе которых неожиданно назвал... установление дружеских связей между нелегальным резидентом в Токио и германским военным атташе в Японии³⁸⁰. Чем-чем, а скромностью начальники Зорге, упрекавшие его в хвастовстве, не отличались, и для Сталина это вряд ли являлось откровением.

Еще через несколько недель, в феврале того же 1937 года, за подписью «Директор» во все зарубежные резидентуры военной разведки СССР был разослан циркуляр с повторным и настойчивым сообщением о необходимости ужесточения борьбы с «троцкисто-фашистами», названными

«собаками гестапо», «червями, глистами, которые стремились всосаться в... здоровый советский организм», и к чьим хозяевам были отнесены Троцкий, Гитлер и Гесс. Отдельным пунктом шло указание об «изучении наших людей» и своевременной «сигнализации» об их «ошибках», то есть о доносительстве на тех сотрудников резидентуры, которые каким-то образом дали повод своим товарищам по оружию заподозрить их в симпатиях к «троцкистам»³⁸¹. Естественно, что в условиях зарубежной нелегальной работы проверить правдивость доноса не было никакой возможности, а значит, позволено было всё. Письма Бронина, Римма, а возможно, и каких-то других знакомых Зорге, не имевшие когда-то особых перспектив, теперь могли оказаться важны не только для оценки качества работы «Рамзая», но и, по большому счету, для определения его судьбы: жить Зорге или умереть после пыток от выстрела в затылок на полигоне «Коммунарка» под Москвой — последнем пристанище коминтерновцев и разведчиков его ранга. Но пока «Рамзай» находился в Токио, петля репрессий захлестывала его бывших начальников.

4 мая был арестован готовивший Зорге к заброске в Японию Борис Николаевич Мельников. Обвинение: шпионаж в пользу Японии. 15 мая Мельников полностью признал свою «вину», дав развернутые «показания» о работе на японцев, а заодно и на немцев. На следующий день он продолжил «колоться», сообщив следователю также и о том, что «сдал» японцам «Рамзая»³⁸². Мельникова приговорили к смертной казни 25 ноября, но расстреляли только 28 июля следующего, 1938 года. В 1956 году он был реабилитирован.

13 мая 1937-го арестовали «вице-директора» Артура Христиановича Артузова (Фраучи). Он признался в том, что «являлся шпионом» сразу четырех разведок (японской среди них не было), 21 августа его судили и в тот же день расстреляли.

16 мая взяли бывшего начальника 2-го (восточного) отдела Разведупра комкора Федора Яковлевича Карина (настоящее имя — Тодрес Янкелевич Крутянский). 11 июня он «признал» себя виновным и, помимо целого «букета» других преступлений, «сознался» в том, что передал сведения о «Рамзае» немецкой разведке. Карина судили, приговорили и

расстреляли вместе с Артузовым. Оба они были реабилитированы в 1956 году после специальной проверки, проведенной совместно Следственным комитетом КГБ при Совете министров СССР и ГРУ ГШ.

21 мая на секретном совещании в Кремле с участием руководителей советских спецслужб, а также Молотова, Ворошилова и Кагановича Сталин подвел итог начавшимся арестам и задал направление будущим. Говоря о военной разведке, он был краток и жесток: «Сеть Разведупра нужно распустить, лучше распустить всю. Вызвать людей, присмотреться к ним и после тщательной проверки некоторых из них можно использовать в другом направлении, послать в другие места. Лучше меньше, но проверенные и здоровые»³⁸³.

26 мая был арестован только что прибывший из Токио полковой комиссар Аркадий Борисович Асков, проработавший под дипломатическим прикрытием в Японии в общей сложности около десяти лет. Обвиненный в шпионаже в пользу этой страны, он, помимо всего прочего, сознался и в том, что выдал японцам резидентуру «Рамзая». 2 сентября его судили и расстреляли. В 1956 году Аскова реабилитировали.

Ничего этого Зорге, конечно, не знал. Кое-какие слухи могли доходить до него через западную прессу, что-то просачивалось через Китай, о чем-то он догадывался. Но знать то, что знаем сегодня мы, он не мог. Все аресты разведчиков и контрразведчиков, следствия, процессы проходили в обстановке секретности. На поверхности оказывались лишь сообщения в газетах о судах над «вредителями», «троцкистами», «бухаринцами» и прочими «врагами народа» — а это, что ж, нормальный исторический процесс... Да, это было странно, непонятно, даже ужасно, но Зорге был преданным членом партии и обязан был доверять ей. И доверял, в чем и уведомлял Москву.

29 июня Центр получил от «Рамзая» шифровку о том, что «они все [агенты резидентуры] выражают глубочайшую симпатию... и считают, что мобилизация всей партии на борьбу с диверсантами и врагами народа, партии и ее вождей — раздавит врагов раз и навсегда».

19 июля был арестован знавший Зорге Лев Александрович Розенталь. На первом же допросе он «чистосердечно признался», что Зорге и Гюнтер Штайн являются агентами

германской разведки³⁸⁴. 25 августа Розенталя-«Боровича» судили и расстреляли. Реабилитировали его в 1956 году.

7 августа в Хабаровске взяли начальника разведки Особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА) полковника Покладака — того, который с самого начала не доверял Зорге, считая его предателем. Через десять дней Покладок подписал «признание», где сообщал следствию о том, что является троцкистом и агентом японской разведки. Удивительно, но сознаваясь в своем участии в нелегальной троцкистской организации, о Зорге он поначалу высказался уклончиво: «Подозреваю, что в нее входил и Рамзай», не забыв, однако, особо отметить, что «Рамзай» был связан с «врагом народа» Радеком³⁸⁵. Но нерешительности бывшего начальника японского отделения военной разведки хватило ненадолго.

Покладака допрашивали несколько месяцев. Вконец сломленный, он начал «давать» развернутые показания, поражающие количеством втянутых в уголовное дело людей и детализацией фантазий следователя. 7 апреля уже следующего, 1938 года Покладок, обвиняя в работе на японцев своего коллегу Андрея Алексеевича Лейферта, заявил, что тот держал связь с немецкой разведкой в Токио через Зорге. Более того, якобы именно через Лейферта Покладок, работавший, по собственному признанию, уже и на немцев, получил задание из Берлина перевести «Рамзая» из Шанхая в Токио — такому уровню измышлений мог бы позавидовать даже автор «мемуаров Шелленберга». Интересная деталь: рассказывая о том, как ему это удалось, Покладок смешивает реальность с выдумкой (или наоборот): «...этот перевод я удачно маскировал тем, что "Рамзай" в Шанхае фактически был уже расшифрован как советский агент. Впоследствии мне стало известно, что "Рамзай" в Токио вращался исключительно в немецких дипломатических кругах, был непосредственно связан с германским военным атташе полковником ОТТ, германским послом и главой германских фашистов в Токио ВЕЙЗЕ*...

* Рудольф Вейзе на самом деле был представителем информационного агентства ДНБ в Токио.

Я знал, что информация, поступавшая от "Рамзая" в РУ РККА, была явно дезинформационной. Даже тогда, когда немцы и японцы обменялись проектами так называемого антикоминтерновского договора, "Рамзай" в своих сообщениях доказывал невозможность японо-германского соглашения. Был и другой пример, когда "Рамзай" прислал 7 страниц доклада германского военного атташе в Японии о японской армии, заверяя, что на этих 7 страницах весь доклад изложен полностью. Вскоре по другой линии, уже из Берлина был прислан в РУ РККА полный доклад на 40 страниц, причем, при сличении первые 7 страниц были точной копией, присланной "Рамзаем". Это является явным доказательством того, что "Рамзай" посылал в РУ РККА только то, что ему давали сами немцы для дезинформации...

"Рамзай" был рекомендован на работу в РУ РККА РАДЕКОМ. В Берлине у "Рамзая" имеются жена и отец, у которых в 1927 году останавливался БУХАРИН во время своей поездки в Германию».

В конце допроса Покладок назвал членами японской разведывательной сети в СССР четырнадцать своих бывших коллег, среди которых особо выделил Карла Римма — как «близкого друга "Рамзая"»³⁸⁶. Через два дня Михаила Покладок признали виновным и расстреляли. В 1957 году была установлена его невиновность.

Тем временем 8 октября Зорге отправил в Центр две шифровки. В первой из них он сообщал, что встречался в Токио со «специальным информатором Риббентропа — Хаузофером (так в русском переводе этого сообщения. — А. К.)», имея в виду сына геополитика — Альбрехта, и получил непосредственно от него информацию о «важном решении» относительно развития японо-германского сотрудничества. В Москве, в свете «разоблачений» НКВД и подозрений, которые падали уже на весь старый аппарат военной разведки, включая резидентуру «Рамзая», эта шифровка попала в перечень сомнительных сообщений. Удивительно, но вторая радиограмма Зорге, отправленная в тот же день, удостоилась резолюции «Включить в спецсообщение». В ней «Рамзай» раскрыл содержание доклада Отта в Берлин, в котором выражал уверенность, что Япония, хотя и хочет воевать с Советским Союзом, из-за трудных боев в

Китае еще некоторое время не будет иметь на это физической возможности³⁸⁷.

Прошло всего три недели, и 1 ноября покровительствовавший Зорге бывший шеф Разведупра Семен Петрович Урицкий, смещенный к тому времени на должность заместителя командующего войсками Московского военного округа, оказался за решеткой. Каяться в вымышленных грехах — тогда еще имея в виду под ними просто недостаточно хорошую работу, начал Сталину через два дня после увольнения из разведки — 11 июня. Через две недели после ареста признал себя шпионом, якобы работавшим сразу на четыре вражеские разведки, и врагом народа. Зорге в показаниях он не вспомнил. 1 августа 1938 года признан виновным и сразу же расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Многолетнего «директора» Четвертого управления армейского комиссара Яна Карловича Берзина взяли 28 ноября. Урицкий много чего наговорил на него во время допросов. Берзин этого не знал, конечно, но человеком был опытным, догадывался (и не только по поводу Урицкого) и оказался морально сломлен еще до ареста. Сразу признал себя виновным во всем, что только мог придумать следователь, и активно тому помогал: в руководстве «шпионско-латышской организацией в СССР» (назвал 74 фамилии «врагов народа» прибалтийского происхождения, в том числе Карла Римма и его жену Любовь), в работе на иностранные разведки, прежде всего германскую, а заодно (опосредованно, через членов своей «агентурной группы») и на английскую, и на японскую. В начале февраля 1938 года собственноручно дал обширные, развернутые показания на Зорге, в которых в том числе объяснил свое решение командировать «Рамзая» в Токио: «Работая в Шанхае, Зорге давал удовлетворительную информацию по Китаю и завязал ряд знакомств и связей среди китайцев. В связи с трудностью организовать агентурную разведку на Японию у меня возникла мысль использовать его для работы по Японии, т. к. с положением на Дальн. Востоке он вполне ознакомился и создал там себе прочное положение журналиста». Берзин-«Старик» отмечал, что инструктаж Зорге по работе в Японии проводил Борис Мельников, причем на усмотрение «Рамзая» оставался выбор города, «где ему удобнее по местным условиям проживать, установить радиосвязь

с нами и вести военную разведку по Японии». Обвиняемый отметил, что резидент слишком долго не мог наладить нормальной работы, ссылаясь на «местные трудности», и что «Старик» даже предлагал отозвать «Рамзая» на время или окончательно, но в итоге в помощь ему послали Анну Куусинен — «Ингрид». На этом реальность в показаниях Берзина кончалась и начиналась мифология предательства.

Согласно показаниям «Старика», в группу Зорге входил радист-китаец, а еще в 1937 году Берзину стало известно, что «Рамзай» вместе со всей резидентурой и рацией (!) «переселились на квартиру германского военного атташе в Токио», который якобы являлся агентом Зорге, в то время как других связей за последним «не числилось». Он сообщил также, что давно подозревал «Рамзая» в работе на немцев и намекнул, что прикрывал Зорге Урицкий. Подозрения «Старика» опять же — якобы — разделял и вызванный из Шанхая «Алекс» («Борович»). Берзин договорился до того, что обвинил Зорге в провале Бронина в Шанхае в 1935 году. Бывший глава советской военной разведки резюмировал: «...по имеющимся в Р.У. материалам известно и видно, что Рамзай-Зорге является агентом германской разведки и как таковой являлся также агентом японской разведки и что Рамзай дезинформировал Р.У., и отпускаемые ему довольно большие средства на работу фактически отпускались германскому агенту»³⁸⁸. 29 июля 1938 года Берзина расстреляли. Реабилитирован он был в 1956 году.

11 декабря 1937-го арестовали полковника Карла Римма — бывшего заместителя Зорге в Шанхае. 20 июля следующего года он, «признавшийся» в работе на немецкую разведку, назвал Рихарда Зорге агентом Берлина, Лондона, а заодно и... Москвы: по мнению Римма, Зорге раскрыл себя как советский агент в «белогвардейских русских барах» Шанхая³⁸⁹. 22 августа 1938 года Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

14 декабря временно ставший во главе Разведупра старший майор госбезопасности Семен Григорьевич Гендин (его расстреляют в феврале 1939-го) представил Сталину обширный доклад о военно-политической обстановке в Японии. Сведения для доклада были собраны «источником, не пользующимся полным нашим доверием, однако некоторые его

данные заслуживают внимания». Гендин аккумулировал в докладе сведения, полученные Зорге от Отта, и сделал важный, пусть и несколько обтекаемый вывод о том, что «выступление Японии против СССР может последовать в непродолжительном будущем», хотя положение Японии, и без того сталкивающейся с огромным количеством проблем, в таком случае обострится еще больше. Многостраничная записка Гендина была наполнена точнейшими деталями, ссылками не только на мнение Отта, но и на данные из японского правительства (!), полученные от Одзаки (для Сталина — «хорошо осведомленный японец-журналист») и британского военно-морского атташата в Токио (здесь, скорее всего, постарался Мияги или Вукелич). В докладе сообщалось об изменении планов японского Генштаба по ведению войны с СССР, включая детали оперативно-тактического характера (материалы были получены от Отта), и давалась оценка реальности этих намерений. Наконец, Зорге, ссылаясь на свой разговор с внуком князя Сайондзи — последнего из пожизненных тайных советников императора и бывшего премьер-министра, предупредил Москву о том, что в Токио ведутся «серьезные разговоры» о «сепаратистских настроениях» командующего ОКДВА маршала Василия Блюхера. Настолько серьезные, что японцы планируют, в случае начала войны с СССР, заключить с ним сепаратный мир на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что «разговоры» в Токио можно было считать слухами и, во всяком случае, необходимо было дополнительно проверять, для Сталина, чрезвычайно обеспокоенного возможностью возникновения в СССР «заговора маршалов», такая информация являлась исключительно ценной — он мог интерпретировать данные Зорге по собственному желанию.

Несмотря на осторожное предисловие Гендина относительно «не полного доверия» к источнику, Сталин отнесся к полученной информации если и не с доверием, то с полным вниманием. Свидетельство тому — резолюция, которую он ставил только на исключительно ценных и важных для него материалах: «Мой архив. И. Ст.»³⁹⁰. Кажется, что оба — и Гендин, и Сталин понимали: недоверие к источнику, скорее всего, является «перегибом на местах», и оба — один подавая доклад, а второй принимая его — совершали странный

и страшный ритуал соединения внутреннего понимания истинности информации, а значит, искренности источника, с демонстрацией официального недоверия к нему.

Тем временем разгром военной разведки, в том числе ее японского направления продолжался. Летом 1938 года были арестованы, но чудом выжили японоведы Александр Клётный и Владимир Константинов — последний принимал активное участие в курировании группы «Рамзая» и хорошо знал его лично. Следом взяли заместителя начальника 2-го отдела Разведупра, уникального специалиста Павла Дмитриевича Шленского — его расстреляли через два года. 20 ноября 1938-го уволили со службы, а через 11 месяцев арестовали испытывавшего острую личную неприязнь к Зорге майора Михаила Сироткина. Уже через два дня последний, признавшись в работе на японскую разведку, сообщил, что выдал ей сведения о резидентуре «Рамзая». 17 января 1940 года Сироткин собственноручно подтвердил эти показания о передаче этой информации, дав развернутую характеристику Зорге. В ней он отметил, что лично видел его один-единственный раз в жизни, но по сообщениям Римма знал, что в Шанхае некоторые представители местной германской колонии называли Зорге «сомнительным немцем из Баку». По данным же Бронина, продолжал Сироткин, «Рамзая» вполне можно было отнести к «правым уклонистам», а жена радиста токийской резидентуры и вовсе — «белогвардейка из Шанхая», а значит, верить нельзя никому³⁹¹.

Таким образом, нелегальный резидент военной разведки в Токио, материалы которого в это же самое время докладывались высшему руководству армии и страны под псевдонимом «Рамзай» или, в крайнем случае, за подписью «Ика Зонтер», стал известен следователям НКВД под своим подлинным именем и со многими деталями биографии.

28 октября 1940 года над Сироткиным состоялся суд, который проходил совсем не так формально, как это практиковалось в 1937—1938 годах. На заседании обвиняемый обратил внимание судьи на свои заслуги в деле «изобличения» Зорге, отметив: еще с 1935 (!) года «неоднократно писал доклады Наркому внутренних дел о РАМЗАЕ... писал о том, что он является двойником... доказал, что РАМЗАЙ двойник и его оставили как двойника».

Сироткин, как и большинство его коллег, за исключением Клётного и Константинова, был приговорен к расстрелу. Однако ему повезло. Через две недели его приговор оказался пересмотрен, и высшая мера заменена пятнадцатью годами лишения свободы*. Отсидев одиннадцать из них, Михаил Иванович Сироткин вышел на свободу. За это время он написал 33 заявления об ошибочности приговора и отказался от всех своих ранее данных показаний (как и Клётный, и Константинов). Проверка военной прокуратуры, проведенная в 1954 году, подтвердила невиновность Сироткина. Он был реабилитирован и благополучно дожил до 1964 года, когда Рихард Зорге, «изобличению» которого он отдал столько лет и сил, стал Героем Советского Союза. За 25 дней до публикации указа о награждении Зорге Сироткин подал в руководство ГРУ докладную записку, где рассказал, что следователь требовал от него признания в том, что «Рамзай» был шпионом. Сироткин упорствовал и на два месяца был направлен на «обработку» в страшную Сухановскую тюрьму, после чего подписал все требуемые показания³⁹². О том, почему он до этого на протяжении пяти (!) лет так усердно пытался уничтожить Зорге, бывший заключенный не стал распространяться.

Обилие показаний, данных на Зорге его бывшими коллегами, неизбежно привело к тому, что 28 февраля 1939 года в ГУГБ НКВД СССР было заведено дело № 21304, в котором были собраны эти и другие сведения. Мнение расстрелянных «шпионов» Урицкого, Артузова и Карина о том, что Зорге является «безупречным работником, самым лучшим резидентом, достойным... по меньшей мере, ордена», в данном контексте звучало обвинением ему³⁹³. Ведь хвалили и представляли к награде сами «бывшие шпионы». У чекистов

* Интересно, что при оправдании Сироткина всплыли документы по незаконному аресту и последующему освобождению родного брата члена резидентуры «Рамзая» Бранко Вукелича — Славко. Вернувшийся из Испании в Москву военный разведчик Славмир (Славко) Вукелич в сентябре 1938 года был арестован органами НКВД по обвинению в связях с контрреволюционными элементами. Несмотря на обычное «признание» арестованного, в августе 1939-го НКВД сочло его невиновным, и Славко был освобожден. Через год он умер в военном госпитале в Москве.

теперь было сведений о Зорге едва ли не больше, чем у его новых начальников и коллег. Они точно «знали», что он является германским агентом. Но, как мы уже убедились, «Рамзай» был нелегальным резидентом, слишком независимо относившимся к тем или иным распоряжениям Центра, в том числе относящимся к вопросам его возвращения в Москву. И это была единственная причина, по которой он не мог быть немедленно отправлен в тюрьму.

ЕСЛИ Я КОГДА-НИБУДЬ ВЕРНУСЬ...

Хотя Зорге не мог знать точно, что происходит в Москве, кто из его бывших начальников и коллег арестован, кто дает на него показания, а кого уже и нет на белом свете, но по неровному тону сообщений Центра, постоянно меняющемуся стилю, а главное, по все более и более запутанным указаниям, претензиям, невнятным заданиям он, конечно, догадывался, что происходит что-то сильно мешающее работе и взаимопониманию. «Рамзай» был взвинчен, доведен до крайних степеней бешенства и отчаяния еще и из-за необходимости контактировать с «Ингрид» — Айно Куусинен, ничего не смыслившей в разведке, но пытавшейся давать советы резиденту, из-за перебоев со связью (радио то работало, то нет), что сводило на нет многие усилия по добыче ценной информации, из-за того, что ему формально были запрещены контакты с местными японцами (а как работать нелегальному резиденту?), но главное — из-за необоснованных подозрений, которые он очень остро чувствовал.

1 января 1937 года он направил короткую радиограмму о «тяжелом кризисе в воздушном сообщении», то есть в радиосвязи, и попросил Москву прислать второго радиста, чтобы улучшить ситуацию³⁹⁴. Одновременно Зорге выразил свое возмущение в другом, большом письме, адресованном руководству и переданном через Анну Клаузен «Боровичу», особо акцентировав внимание на том, что видит у Центра «тягчайшее недоверие и подозрение, выражаемое старому члену объединения и фирмы, ведущему большую серьезную работу». Вместе с письмом, адресованным в «Шоколадный домик», Анна передала «Боровичу» послание, предназначенное ему лично. Из этого, второго, письма видно, что Зорге полностью доверял коллеге и не стеснялся в выра-

жении перед ним своих самых сокровенных мыслей, делая это, видимо от переизбытка эмоций, путано и косноязычно: «Почему люди дома делают мне всегда такие мелкие дрянные свинства? Откуда это непостижимо гнусное, характерно грязное и политически просто троцкистское недоверие и подозрение против меня? По крайней мере, не надо мне этим бить в спину, если я здесь по горло в грязи и так и так из-за разорванной связи просто не знаю, мужик я или баба. Если я когда-нибудь вернусь домой из этой страны, можешь быть уверенным, что я туда ударю, а именно политически (так в документе. — А. К.), где я вскрыл организационное и политическое отклонение, которое организационно в наших местных отношениях является опрометчиво опасным и политически просто противоречит генеральной линии (бьет в лицо)»³⁹⁵.

«Большая серьезная работа» выражалась в предоставлении материалов уже стратегического характера. Конечно, сложно было сиюминутно определить их ценность, верно спрогнозировать степень актуальности полученной информации. Это мы сегодня понимаем, что отправленная в январе 1937 года информация Зорге о том, что немцы начнут войну против Советского Союза не ранее чем через четыре-пять лет, оказалась верной, а тогда... Впрочем, и тогда эти данные были доложены высокому руководству в спецсообщении³⁹⁶.

Что же до обещания Зорге «ударить политически по отклонениям» Центра, то можно по-разному трактовать его. Следует лишь помнить, что наш герой не был оторван от своей эпохи. Наоборот, он был ее порождением, воплощением, инструментом. В чем-то идеальным (во всяком случае, в своем стремлении к светлому будущему), в чем-то — нет, но плотью и кровью своего времени. И время поступало с ним по своим законам: «ударить» по Центру Зорге никто не дал бы, а самого его спасали от смертельного удара только удаленность от Москвы, нелегальное положение да нежелание выполнять приказы начальства, если он считал их неверными. В Центре же как раз в это время задумались о том, не засиделся ли «Рамзай» в Токио и не пора ли с ним разобраться дома. В отправляемых резиденту письмах Урицкий, в бытность свою «Директором», и начальники рангом пониже трогательно, порой как ребенка, успокаивали Зорге, называли его подо-

зрения в недоверии «плодом печального недоразумения», выражали ему поддержку («ни к кому из наших работников нет такого уважения и теплого отношения, как к Вам») и в феврале 1937 года пообещали, что «Рамзай» и «Фриц» будут награждены «высшей наградой». Такое радение за агента могло бы вызвать уважение или даже умиление, но...

Одновременно этими самыми же людьми разрабатывался вопрос о замене Зорге Гюнтером Штайном и создании в Японии разведывательной сети из японцев зарубежного, прежде всего, американского происхождения³⁹⁷. Вот только непонятно, кто бы этими японцами руководил. В свое время и против Штайна, и против Зорге выступил бдительный Лев «Борович», написавший пространный донос о связи первого с Карлом Радеком. Для связного Зорге, примерно представлявшего, что происходит в Москве, это в значительной мере был способ самозащиты. «Борович», сам бывший когда-то секретарем Радека, уже знал, что 30 января тот был приговорен к расстрелу. Высказывая в отношении Штайна и Зорге «сомнения политического характера»³⁹⁸, он безуспешно пытался таким образом очиститься и прикрыться доносом как щитом.

Вне зависимости от сомнений «Боровича», Покладака, Урицкого и всех остальных, другого «Рамзая» у Разведупра не было. Отношение к нему в «Шоколадном домике» дошло до уровня раздвоения сознания. В апреле 1937 года в Москве был составлен подробный отчет о получении с помощью «Рамзая» материалов по освещению секретных переговоров Японии и Германии и заключению Антикоминтерновского пакта. Анализ этот оказался невероятно противоречивым. С одной стороны, «Рамзай» был назван «ценным источником», с другой — доклад рекомендовал «пользоваться им... с сугубой осторожностью». Как это можно совместить, никто не понимал, и рискнувший принять то или иное решение, сам оказывался на краю пропасти. Да, было признано, что в ходе ведения переговоров Зорге прислал массу ценных материалов, полученных от полковника Отта, посла Дирксена, германского разведчика Хака и других важных информантов. Но при этом особо отмечалось, что Зорге ничего не было известно о секретном протоколе, прилагавшемся к Антикоминтерновскому пакту, а также о некоторых других важных

деталей переговоров. Руководителями советской разведки это было истолковано как возможная сознательная дезинформация Зорге со стороны Дирксена и Отта, что не соответствовало действительности, хотя бы потому, что в расчет не принимались такие простые вещи, как возможная неполная информированность самих Дирксена и Отта и ряд других факторов³⁹⁹.

Обстановка обострилась со сменой руководства японским отделением Разведупра: Покладок отправился служить на Дальний Восток, и его сменил хорошо знакомый Зорге по Китаю энтузиаст дальних походов Август Юрьевич Валин-Гайлис. Для «Рамзая» это выразилось в том, что от него стали требовать еще больше сугубо военно-технических документов, раздобыть которые он был не в состоянии, так как не имел прямых выходов на японских военных. Иметь такие связи ему категорически запрещал сам Центр, тут же требуя предоставления секретных данных, которые можно было получить только от них. Мияги Ётоку — единственный полностью одобренный контакт Зорге — еще в 1936 году было предписано передать Штайну. Одзаки находился в странном положении — о нем в Центре знали, но явно недооценивали и вообще не очень понимали, кто он и зачем нужен. Между тем он имел связи с военными и в течение 1937 года именно он сумел передать «Рамзаю» важные сведения об организации японских спецслужб на островах и на материке, в том числе материалы о подготовке разведчиков в Японской военной миссии в Харбине, нацеленной на работу против Советского Союза⁴⁰⁰.

Кроме того, из-за проблем с радио (помимо того, что почти ничего не было слышно, для выхода в эфир постоянно менялись точки, и Клаузен чуть ли не каждый день перевозил с квартиры на квартиру громоздкую радиостанцию в условиях полицейского наблюдения — неудивительно, что у него первого начали сдавать нервы) и с курьерской связью практически все документы, передаваемые Зорге в Москву через Шанхай, ко времени доставки успевали безнадежно устареть. И это тоже ставилось в вину ему — резиденту, который, естественно, не мог ничего с этим сделать.

7 июля в пригороде Пекина, у моста Марко Поло произошла перестрелка между японскими и китайскими во-

енными — мост находился на линии разграничения между Квантунской армией и войсками Гоминьдана. Это была провокация, организованная японцами, и она положила начало так называемой Второй японо-китайской войне. Сегодня китайская историография называет именно эту дату началом Второй мировой войны, и, думается, это справедливо. Боевые действия, по началу развернувшиеся весьма энергично, вскоре перешли в пассивную стадию, и это, странным образом, сыграло на руку Зорге. Во всяком случае, так утверждали Дикин и Стори, ссылаясь на неопубликованную у нас часть воспоминаний самого «Рамзая»: «Дирксен и Отт были настроены оптимистично, утверждая, что Гоминьдан необычайно слаб. Но я придерживался мнения, что враждебные действия будут продолжаться еще долго, и что силу Гоминьдана не следует недооценивать. Ни Дирксен, ни Отт не соглашались со мной. Однако ход событий обернулся так, как я и предсказывал. И потому и Дирксену, и Отту пришлось признать, что я был прав, и мои акции в посольстве соответственно выросли»⁴⁰¹. Вполне вероятно, что выводы Зорге по этому вопросу оказались верны, потому что основывались не только на его размышлениях о возможных путях развития китайского кризиса, но и на инсайдерской информации, поступавшей от Одзаки.

Аналитик из «Асахи» в то время особенно ярко проявил себя в окружении принца Коноэ Фумимаро, только 4 июня занявшего пост премьер-министра Японии. Одзаки, признанный специалист по Китаю, работавший в Обществе изучения Сёва, основанном под крылом Коноэ, выносил экспертные суждения, руководствуясь собственным видением ситуации и профессиональным анализом. То, что они в какой-то момент пошли вразрез с официальным мнением кабинета Коноэ, только повысило уровень доверия к Одзаки: именно его прогнозы оказались точнее. С ним откровенно общался внук влиятельного аристократа Сайондзи Кинкадзу, имевший особые отношения с принцем Коноэ и бывший в курсе некоторых непубличных деталей и скрытых векторов развития японской политики. Кроме того, школьный товарищ Одзаки (а в Японии это исключительно важный фактор) Усиба Томохико стал личным секретарем премьер-министра Коноэ. Он свел бывшего одноклассника с главным секрета-

рем кабинета министров Кадзами Акира. Какую функцию выполнял при них Одзаки, он рассказал потом сам: «Посторонние считали меня, как я всегда чувствовал, своего рода кадровым офицером при Казами (Кадзами. — А. К.). У Казами был замечательный политический инстинкт. Он никогда откровенно не выражал свои собственные взгляды. Он выражал их лишь окольным путем, и потому было необходимо понимать стиль его мышления и чувствовать его, чтобы знать, что он действительно думает. И я развил в себе способность судить об общем направлении его мыслей по лаконичным высказываниям или же по тому, что он оставлял недосказанным, о чем умалчивал». Этот особый японский стиль молчаливого коммуницирования в группе был великолепно освоен Одзаки и позволял ему не только знать и понимать всё, о чем умалчивали политики, но и такими же молчаливыми полунамеками давать советы, рекомендации, подправлять их — политиков, решения.

Стоит ли говорить, что таким образом ценность Одзаки для Зорге и вообще для советской разведки — как источника информации стратегического уровня — достигла невероятных высот: «Зорге часто спрашивал меня, каково мнение Казами по основным вопросам, и я обычно *давал мгновенный ответ*. Именно благодаря моему ежедневному контакту с Казами я мог представить себе, о чем он думает»⁴⁰². Снова и снова приходится признать, что проблема, но не Одзаки, а Разведупра, заключалась в том, что если Зорге летом 1937 года, может быть, и не вполне отдавал себе отчет о невероятных перспективах своего друга, но ясно чувствовал это, то в Москве этого не понимали совсем.

Ситуация с доверием резидентуре «Рамзая» усугубилась после возвращения в Москву из длительной командировки в Токио Михаила Сироткина, ставшего в июле начальником японского отделения Разведупра. В середине месяца Сироткин записал, что вопрос об отзыве «Рамзая» и замене его на «Густава» — Штайна, решен — хотя и принципиально, но только теоретически. Теперь для практического претворения этой комбинации Штайну вместе с Зорге необходимо было приехать в Москву за инструкциями. Сегодня можно безошибочно утверждать, что первого ждало новое назначение, второго — арест. Не случилось этого по той лишь при-

чине, что феноменально последовательный в своей непоследовательности Центр прислал «Рамзаю» распоряжение на возвращение, которое он обязан был выполнить, оставив вместо себя... «Густава».

Зорге отказался — как раз в это время он замещал в Токио главу германского информационного агентства ДНБ Рудольфа Вайзе, и для оставления должности нужно было разрешение Берлина. Уехать в такой момент, не выполнив элементарных правил конспирации, означало бы разрушение всего, что было наработано в предыдущие годы легализации. В сентябре Центр повторил свой приказ. На этом настоял невзлюбивший Зорге Сироткин, 4 сентября еще раз напомнивший руководству о том, что «резидент Разведупра в Токио “Рамзай” (ЗОРГЕ) является если не двойником, работающим и на нас, и на Германию, то в лучшем случае марионеткой в руках японно-германской контрразведки»⁴⁰³. 7 сентября на резидентуру «Рамзая» была составлена очередная справка для руководства Разведупра, в которой на основании одних только голых подозрений и допущений делалось заключение о том, что шпионская деятельность Зорге известна и японской контрразведке, и «врагам народа» Карину, Валину, «Боровичу» и другим, которые уже были арестованы в Москве по точно таким же безосновательным подозрениям и под пытками давали показания. Уникальный случай проникновения в германское посольство и завязывания тесной дружбы с военным атташе Оттом был расценен в справке как операция немецкой разведки: «...Рамзай сам стал предателем». При этом «Ингрид»-Куусинен ставилось в вину то, что она, будучи послана «в Японию со специальной задачей завербовать одного из офицеров Генштаба или крупных чиновников» (как мыслили себе выполнение такого приказа в «Шоколадном домике»?!), со своей задачей не справилась и вообще «практически ничего не сделала». То есть и неудача заведомо провального задания оказалась плоха, и победа — провокация. Но «главное то, что нельзя доверять Рамзаю и по политическим соображениям». Вывод был краток: «Резидентуру Рамзая надо ликвидировать в кратчайший срок. Рамзая, Густава, Ингрид и Фрица вызвать в СССР и тщательно проверить. С остальными связь порвать и от какого бы то ни было использования в дальнейшем отказаться»⁴⁰⁴. Кажалось, что это конец.

Одзаки Хоцуми — неформальный советник премьер-министра Японии
принца Коноэ

Удивительно в отчете было не то, что его авторы забыли о неоднократных предложениях своего же руководства наградить Зорге и Клаузена — как раз в это время начальники в РККА и НКВД менялись как перчатки, и у получившего сегодня орден завтра он мог быть изъят при обыске и сдан по цене металлолома (обычная практика тех лет), и не то, что в предыдущей справке при всех подозрениях в адрес «Рамзая» его деятельность все же оценивалась высоко, и даже не то, что в докладе расписывалась работа существующих только на бумаге резидентур (похоже, и в разведке без очковтирательства никуда). Удивительно, что авторы справки забыли: «старший любимый шеф» — Сталин — лично следит за деятельностью нелегальной группы в Токио и внимательно читает некоторые его донесения. Складывается впечатление, что те, кто хотел уничтожить Зорге, закусили удила и ни на что не обращали внимания.

Вскоре в дело был подшит анонимный донос на «Рамзая», в котором оказались спутаны его биографические данные, но зато отмечалось: он имеет связи с троцкистами, его корреспонденция из Токио не содержит ничего ценного, и к тому же Зорге элементарный мелкий жулик — обманывает Москву в финансовых отчетах — если не получится взять на политике, можно арестовать за хищения⁴⁰⁵.

5 октября «Рамзай» доложил, что отправил наконец-таки бывшую абсолютно бесполезной в Токио Айно Куусинен в Москву (там она была арестована и осуждена, но выжила). 14 октября должен был выехать Штайн, а следом и сам Зорге. И вдруг 7 октября он получил радиограмму о том, что должен задержаться в Токио до весны⁴⁰⁶. Наш герой так и не узнал никогда, что это, возможно, был лучший в его жизни подарок ко дню рождения.

Уже на следующий день Зорге подготовил две телеграммы в Москву. В первой он рассказал о встрече с сыном генерала Хаусхофера, который провел в Токио два месяца, обсуждая с политическим руководством «Островов» возможности дальнейшего германо-японского сотрудничества. Телеграмма легла на стол московского начальства с пометкой «источник требует проверки». Вторая — по непонятной причине — избежала этой участи. В ней речь шла о высказанном мнении Отта и Дирксена: Япония хочет, но не может воевать с СССР

в ближайшее время, так как «трудная война с Китаем таит возможность отвлечь ее от главной цели»⁴⁰⁷. «Рамзай» продолжил работу.

Не заменили его по одной-единственной причине: не на кого было менять, а объем работы с каждым днем все увеличивался. К концу 1937 года политическая и военная обстановка на Дальнем Востоке обострилась еще больше. Поток сведений, шедший от «Рамзая» из Токио, в данной ситуации являлся не только единственным, но и действительно ценным источником информации. Зорге постоянно в чем-то подозревали в Москве, но при выборе между двумя вариантами: а) не получать совсем ничего и б) получать и проверять данные от «Рамзая» на предмет возможной дезинформации, Москва предпочла второй вариант. В результате Зорге остался в двойственном положении: сообщаемые им сведения являлись в одно и то же время и сомнительными, и ценными. Самому ему об этом знать не следовало, но, конечно, он чувствовал, что отношение Центра к резидентуре и лично резиденту сильно изменилось. Получив радиограмму с указанием остаться до весны, Зорге воспринял это как точное и обязательное объявление финального срока своей командировки, согласился с решением Центра на возвращение и даже попросил вернуть его «ранее намеченного срока в том случае, если он установит до весны, что война [Японии] против СССР невозможна»⁴⁰⁸.

Сироткин в это время еще лелеял надежду уничтожить резидентуру «Рамзая» и его самого. Очень вовремя вернулась Айно Куусинен. По просьбе Сироткина эта дамочка — пустышка, чрезвычайно высоко ценившая себя и столь же низко других, подготовила письменное «мнение» о Зорге, которое удачно ложилось в канву представления о резиденте у самого Сироткина и которое поражает тем, как можно одни и те же факты, наблюдения, впечатления подать совершенно по-разному: «Местом встречи была его квартира, маленький, грязный и неотопливаемый домик на задворках. Мы встречались обычно раз в месяц, и я должна сказать, что всякий раз возвращалась со свидания со смешанными чувствами. Как я уже сказала, я имела большие связи и могла многое слышать и о многом узнавать из хороших источников, но он никогда не интересовался тем, о чем я рассказыва-

ла. Он не задавал вопросов, не давал советов и не просил от меня информации. Мысленно я сравнивала его пассивность и поведение тов. Абр.[ама-"Бронина"] в Шанхае (1934), задававшего тысячи вопросов и постоянно просившего меня что-нибудь узнать.

Квартира Р. выглядела ужасно, и он встречал меня всегда полуодетый, лежа в кровати. На стуле всегда стояла бутылка виски и стакан, а сам он был всегда выпивши. Мне вспомнились слова одного товарища из Коминтерна, рассказавшего мне, что Р. употребляет не только алкоголь, но и другие наркотики (так в документе. — А. К.)...

Видела его несколько раз в обществе мужчин, неизвестных мне, одетых так же плохо, как он сам. Я никогда не видела его с иностранными журналистами или с немцами хорошей репутации. Неоднократно я указывала ему на необходимость лучше одеваться, но он находил это излишним.

Все эти мелочи создавали впечатление, что он не на высоте большевистской морали и не уважает свою работу...

Я должна еще сказать, что перед отъездом из Москвы в 1936 г. Борович спросил меня о политической линии Рамзая, и я сообщила ему о правом уклоне Р...»⁴⁰⁹

Товарищ «Ингрид» должна была бы еще проверить даты и напомнить начальству, что задававший ей в 1934 году «тысячи вопросов» и, очевидно, получавший тысячи ответов, «Бронин» с 1935 года сидел в китайской тюрьме, откуда его удалось вытащить только в 1937-м, обменяв на сына Чан Кай-ши. Но в любом случае донос «Ингрид» на «Рамзая» помог ей не сильно: Айно Куусинен арестовали 31 декабря 1937 года. Освобождена и реабилитирована она была лишь в 1955 году.

Зорге об этом тоже, конечно, ничего не знал. Кажется, к началу 1938 года он вообще перестал понимать, что происходит в Москве. Силы его были на исходе.

СТОЛКНОВЕНИЯ

В декабре 1937 года японские войска взяли столицу Гоминьдана Нанкин. Началось массовое убийство мирного населения, вошедшее в историю как «нанкинская резня». Успеха в военных действиях против Китая резня не принесла, как не приносит ее любой бессмысленный акт жестокости. Правительство Китая переехало в Чунцин, и сопротивление японским войскам отнюдь не уменьшилось. Переговоры о мире с Чан Кайши зашли в тупик, война затягивалась, и Зорге сообщил в Москву, что существует опасность свержения кабинета Коноэ недовольными его нерешительностью военными. В тот же день, 20 января, «Рамзай» передал, а 27 января подтвердил новыми данными: посол Дирксен сложил свои полномочия и покидает Токио, и обстановка в посольстве может измениться. Но не это главное. Есть сведения о том, что, если японцы заключат мир с Китаем, война с СССР становится почти неотвратимой. Тенденция при этом такова: чем дольше Япония будет откладывать начало войны, тем в более выгодном положении окажется Советский Союз, который сумеет осуществить необходимые приготовления к обороне. Пока Япония не готова, ей нужны еще год или два, чтобы осмелиться на крупномасштабные действия против СССР⁴¹⁰.

Дирксен, завершив работу в качестве чрезвычайного и полномочного посла Германии в Японии, убыл на родину. С подачи недавно возглавившего Верховное командование вермахта генерала Кейтеля (одного из будущих авторов плана «Барбаросса», а в более отдаленной перспективе — подписанта капитуляции Германии в мае 1945 года) новым послом был назначен знаток Японии и человек, сумевший убедить Гитлера и его окружение в своей преданности рейху, — Ойген Отг⁴¹¹. Вскоре Гитлер лично поздравил Отта с

этим назначением в Берлине. Ходили слухи, что фюрер собственноручно прикрепил к его мундиру значок члена нацистской партии, хотя официально друг Зорге вступил в НСДАП только в августе. Стоит ли говорить, какое торжество должны были испытать, узнав эту новость, Рихард Зорге и все его московское начальство. Военным атташе на смену Отту был назначен майор Шолль (в документах иногда — Шолл), уже работавший в Японии и тоже не допускавший мысли о том, что деятельность его аппарата возможна без помощи столь авторитетного эксперта, как доктор Зорге.

4 февраля, в день назначения Отта послом, его лучший друг Зорге прибыл в Гонконг (по некоторым данным, через Манилу, что странно — Филиппины были в то время под протекторатом США). Официально: по просьбе Отта для составления политического доклада о положении в Южном Китае. Сугубо секретно — для передачи курьеру из Москвы тридцати восьми микрофильмов с 1212 снимками секретных материалов на них и приема от него денег на существование резидентуры⁴¹². На время отсутствия «Рамзая» в Токио «старшим в лавке» остался Клаузен. Он сам зашифровывал и отправлял материалы, заранее подготовленные, но не обработанные Зорге (их было не менее пяти). По загадочной причине Клаузен передал их с двухнедельной задержкой, так что Центр окончательно запутался не только в анализе сообщенных данных, но и в их источниках, ошибочно решив, что «Фриц» тоже добывает информацию, а не только передает готовую.

При встрече с курьером «Рамзай» категорически потребовал заменить себя, «так как за пять лет сильно измотался». Он спрашивал о здоровье жены, передал ей подарок и письмо, а к почте в адрес начальника Разведупра приложил специальное сообщение, в котором отмечал, помимо всего прочего, что она содержит «преимущественно подлинные документы из бюро Отта и Дирксена». Перефотографировать их придется в посольстве, в опасности быть замеченным, и — Зорге не стеснялся похвалить себя — только такие «ловкачи», как он, могут совершать подобное, сохраняя спокойствие.

По поводу спокойствия Зорге лукавил. 26 марта он отправил сообщение, в котором напоминал, что по договоренности, достигнутой осенью, он остается в Японии до тех пор,

пока не выяснит, начнется ли война против Советского Союза весной или летом 1938 года. Теперь он с чистой совестью мог заявить: «Война с СССР не начнется ни весной, ни летом 1938 г. Предвидеть события дальше этого срока, разумеется, вне человеческих возможностей. Исходя из этого, я полагаю себя вправе просить Вас о подготовке моего отъезда...

Прошу Вас, дорогой Директор, дать свое принципиальное согласие на то, что я могу рассчитывать на поездку домой весной...

Причины моего настойчивого желания поехать домой Вам известны. Вы знаете, что я работаю здесь уже пятый год. Вы знаете, как это тяжело. Вы знаете также, что в течение ряда лет до этого я работал в тяжелых условиях, что я живу без семьи, и это не может продолжаться слишком долго. Кроме того, я уже не молодой человек. Мои старые ранения без регулярного лечения дают о себе знать. Из всего этого надо сделать вывод, что мне пора ехать домой и остаться там на постоянную работу. О возвращении сюда не может быть и речи. Это практически невозможно...

Прошу передать привет моей жене и сообщить ей, что я скоро буду освобожден...»⁴¹³

Ответ, направленный «Рамзаю» 29 апреля, был прям и прост: «В отношении возвращения домой — в наст. время, в условиях назревающего воен. кризиса — невозможно. Ваша задача исключительно важна. Заменить Вас нечем»⁴¹⁴.

Вероятно, Зорге, получив этот ответ, был разбит морально, психологически. Он все-таки надеялся, искренне верил в возвращение домой, но... Возможно, именно это письмо привело к тому, что вскоре он разбился и физически. То, как именно это произошло, до сих пор до конца неясно, но в целом предыстория аварии такова. В Токио Зорге купил у своего друга Клаузена мотоцикл «Цюндапп»*: переложив таким образом деньги из одного кармана резидентуры в другой, он

* Эта марка мотоцикла упоминалась в послевоенных показаниях ради-ста: вероятно, это были мотоциклы моделей К-350, К-500 или КS-500. При этом в японском фильме «Шпион Зорге» 2003 года советский разведчик ездит на байке от БМВ, а в буклете, выпущенном к премьере картины, особо упомянуто, что Зорге предпочитал именно БМВ.

сделал рекламу фирме своего радиста и помог сам себе. Дело в том, что, если попытаться пройти по токийским адресам Рихарда Зорге, а сегодня их не так уж сложно восстановить, окажется, что большинство сконцентрированы в небольшом квадрате в районе Западной Гиндзы: офис «Домэй цусин» (здание сохранилось), рестораны «Рейнгольд», «Ломайер», «Фледермаус», даже магазин грампластинок «Дзюдзия». Рядом отель «Империял» и парк «Хибия», где до сих пор существуют «баварский домик» и цветочный магазин, в котором Зорге покупал своим дамам букеты (все это в перестроенном виде, но ровно на тех же местах, что и 80 лет назад). Чуть в стороне — клуб «Фудзи», где наш герой тоже любил бывать, еще дальше, но в противоположную сторону — посольство Германии, на месте которого выстроен комплекс зданий Парламентской библиотеки. Ежедневные пешие переходы по этим маршрутам отнимали бы слишком много дорогого времени. К тому же для человека, у которого одна нога короче другой, они довольно утомительны. Ездить по Токио на автомобиле — возможно, и Зорге пользовался машиной, но на узких улочках и в ежедневной толчее есть транспортное средство куда лучше и во сто крат удобнее: мотоцикл. Поэтому для страстного любителя этого вида транспорта «Цюндапп» был жизненно необходим, вот только правила дорожного движения Зорге соблюдал далеко не всегда, да и вообще он не очень любил соблюдать правила — любые.

В соответствии с канонической советской версией, 12 мая Зорге получил внезапное и срочное сообщение от Одзаки: «Японский Генеральный штаб поручил военному атташе Осиме вести переговоры о взаимопомощи в войне против Советского Союза! Есть документы. Встреча на Гинзадори у аптеки». Несмотря на позднее время, Рихард вскочил на мотоцикл и помчался⁴¹⁵. Далее, якобы возвращаясь домой после randevu, закончившегося около двух часов ночи, Зорге не справился с управлением и, наехав колесом мотоцикла на камень у стену американского посольства недалеко от поста охраны на проходной, выходящей в сторону Тораномон, потерял управление и рухнул.

Версия странная. Не говоря уже о том, что никакой «Гинзадори» в природе не существует и никогда не было (хотя такой указатель — специально для туристов — и установлен

на одной из улиц в этом районе), место и время для передачи секретных материалов (два часа ночи в центре Токио) несколько удивляют: рестораны и бары закрыты, людей на улицах нет, за исключением разве что полицейских, которых тарактенье иностранного «Цюндаппа» должно было привлекать, как ос на мед. Какие документы относительно переговоров Осима в Берлине (о которых Зорге и так знал от Отта) могли оказаться у Одзаки, совершенно непонятно, особенно, учитывая, что документы эти якобы были на английском языке, — мы увидим это дальше. Так что приведенное описание находится ближе к ненаучной фантастике, чем к реально произошедшим событиям.

Западные авторы видят произошедшее иначе и, надо признать, более объективно, если не считать основного посыла — возвращение Зорге из Гонконга состоялось в феврале, а не в мае, и праздновать его четыре месяца он никак не мог. Тем не менее: «Свое возвращение в Японию [из Гонконга] он отпраздновал в привычном стиле — в “Рейнгольде” с Урахом. В два часа ночи, когда бар, наконец, закрылся, Зорге уселся на мотоцикл, купленный им у Макса Клаузена. Машина доставляла ему массу удовольствия и некоторое беспокойство его друзьям, поскольку даже когда Зорге был трезвым, он гонял на ней с огромной скоростью по узким улицам города.

Усадив Ураха на заднее сиденье, Зорге помчался к “Империял-отелю”. Он попросил Ураха сопровождать его в “налете” на квартиры тех жителей, которые известны были хорошими запасами спиртного в своих барах, однако на этот раз Зорге отправился на свою собственную квартиру, где выпил целую бутылку виски. А потом предложил другу отвезти его домой на заднем сиденье мотоцикла. (Это был один из вечеров, когда Ханако-сан не было в его доме.) Урах благоразумно отказался, и Зорге отправился один.

У Тораномон, за зданием офиса ЮМЖД он свернул влево с широкого проезда и, поддав газу, помчался вверх по улице вдоль стены, окружавшей американское посольство, — по дороге, если и отличавшейся от грязной грунтовой колеи, то ненамного. Он потерял контроль над машиной и врезался головой в стену.

К счастью для Зорге, место аварии находилось в пределах слышимости, если не видимости полицейского в будке

у ворот посольства. С тяжелыми ранениями, истекающий кровью от ран на лице, Зорге, однако, не потерял сознания и сумел назвать полиции адрес Ураха. Полиция позвонила в "Империял-отель", и Урах тут же приехал на место происшествия. Когда он прибыл, Зорге едва мог говорить, но все же сумел прошептать: "Скажи Клаузену, чтобы он немедленно приехал". Клаузен поспешил в госпиталь Святого Луки, куда доставили пострадавшего Зорге»⁴¹⁶ (как раз об этом эпизоде в связи со слежкой за Зорге рассказывал уже знакомый нам американский журналист Томпсон*).

То, что случилось дальше, обе стороны — и наша, и американская — описывают примерно одинаково, ибо исходят из одних и тех же рассказов Макса Клаузена, оказавшегося единственным дожившим до наших дней свидетелем последующих событий: «Сильно побитый, но не потерявший самообладания, он (Зорге. — А. К.) протянул мне отчеты на английском и американскую валюту, находившиеся в его кармане, которые нельзя было показывать посторонним, и только освободившись от них, потерял сознание. Из госпиталя я прямиком отправился к нему домой, чтобы забрать все его бумаги, имевшие отношение к нашей разведывательной деятельности, прихватив и его дневник. Чуть позже сюда прибыл Вейс (Вайзе. — А. К.) из ДНБ (чиновник германской службы новостей), чтобы опечатать всю собственность Зорге, чтобы никто не мог ничего тронуть. Я вздрогнул, подумав, что вся наша секретная работа выплыла бы наружу, приди Вейс раньше меня»⁴¹⁷.

Совершенно непонятно, откуда у Зорге в карманах оказались «отчеты на английском» и валюта. Необъяснимо, почему Вайзе должен был знать о тайниках Зорге, который тщательно прятал секретные документы, зная, что дом под-

* И в этом описании тоже многое не сходится. Мы (автор книги и его добровольный помощник — известный и опытейший токийский байкер) несколько часов описывали круги вокруг американского посольства, благо оно сегодня стоит там же, где находилось и в 1938 году, пытаюсь понять, откуда мчался ночной мотоциклист в мае 1938-го и что могло привести его к аварии. В любом случае никак не получается представить, как можно врезаться в стену посольства, если ехать со стороны дома Зорге, а значит, история про виски и предложение покататься, сделанное Ураху, — выдумка.

вержен негласному досмотру, а прислуга, скорее всего, работает на полицию. Учитывая, что дальнейшие рассказы Клаузена сводились к тому, что он вынужден был долгое время выполнять функции резидента и тем самым спас от провала всю группу, все это выглядит чистой воды фантазией радиста, который решил добавить бонусов к собственному реноме и которого ко времени признаний никто уже не мог проверить.

Зорге провел в госпитале Святого Луки около двух недель. У него оказалась сломана челюсть и выбиты почти все передние зубы — пришлось ставить металлические и золотые протезы. Лоб пересек глубокий шрам, из-за которого в осеннем письме Кате Максимовой он писал, что его лицо как у «ободранного рыцаря-разбойника». Один из знакомых сказал, что «шрамы на лице Зорге делали его похожим на японскую театральную маску, придавая его лицу почти демоническое выражение». Но времени на окончательное выздоровление не было.

Несмотря на вязнущую войну в Китае, Токио уже рассматривал перспективы войны на еще большем удалении от метрополии и в несравнимо худших условиях Сибири. Относительно немногочисленная Квантунская армия (во всеи дивизий в середине 1938 года) рассчитывала на успех, подстрекаемая обманчивой исторической памятью своих командиров, уверенных, что новая война с Россией будет протекать столь же легко, как и в 1904 году, и надеждой на то, что события в Европе (прежде всего японцы тут рассчитывали на помощь Германии) не дадут Советскому Союзу полностью сосредоточиться на проблемах Дальнего Востока. Некоторые сведения, становившиеся доступными японской разведке, укрепляли Токио в мыслях о возможной победе над Советским Союзом, что называется, «малой кровью».

13 июня 1938 года границу с Маньчжоу-Го перешел начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности 3-го ранга (генерал-лейтенант) Генрих Люшков. Он бежал, напуганный вполне реальной возможностью расстрела в ходе политических репрессий и как никто хорошо понимавший систему их функционирования: за ним самим числились тысячи уничтоженных без всякой вины и доказательств людей. Добравшись до

японцев, Люшков выложил им всё, что знал о контрразведывательной, разведывательной и оборонной системе СССР, причем не только на Дальнем Востоке, но и во всех регионах, где ему довелось послужить, включая данные о деятельности НКВД на Украине, сведения о резидентурах в Европе и системе охраны дачи Сталина в районе Сочи. По прибытии в Токио Люшкову была организована пресс-конференция в отеле «Санно», где когда-то останавливались Зорге и Клаузен, и «Рамзай» присутствовал на ней, а позже ознакомился со стостраничной справкой, подготовленной в германском посольстве при участии полковника абвера Грайлинга, специально прибывшего из Берлина, майора Шоля и посла Отта, дав потом в Центр подробный и обширный отзыв о Люшкове⁴¹⁸. Это сообщение особенно заинтересовало Москву, и вскоре Зорге получил задание сделать все возможное, чтобы раздобыть документы немецкой разведки и данные о новом исключительно ценном для японцев перебежчике — начальнике артиллерии советской 36-й мотострелковой дивизии майоре Германе Францевиче Фронте. Дело было взято на контроль лично Сталиным. Зорге удалось переснять 90 из 250 страниц показаний Люшкова японским контрразведчиком. Фото пленка была отправлена в Москву.

Переход Люшкова к японцам подогрел воинственные настроения обеих сторон — и Японии, и Советского Союза. Обстановка на границе накалялась каждый день. «Рамзай» продолжал получать данные о подготовке к войне с СССР от Отта и Одзаки. 15 июля 1938 года он передал, что, помимо войск, скованных боевыми действиями с китайцами, Квантунская армия планирует в будущем выделить 27 дивизий специально для войны с СССР⁴¹⁹. Пока этих дивизий не существует, можно оставаться спокойными относительно крупномасштабных действий на границе с Маньчжоу-Го, но мелкие вылазки квантунцев будут осуществляться непрерывно с целью разведки готовности Красной армии и советских пограничников к отражению внезапной атаки. Так и произошло: военные зафиксировали 124 нарушения границы со стороны японцев на суше, 120 — на море, 40 — в воздухе за первые семь месяцев 1938 года. 19 из них закончились боестолкновениями с применением оружия⁴²⁰. Нельзя не отметить, что советская сторона также воспринимала эти попытки прощу-

пать границу как дополнительную возможность для боевой проверки в реальных условиях. Иными словами, нервы обоих противников были на пределе, и крупный конфликт представлялся неизбежным.

11 июля советские пограничники, руководствуясь приказом командования, считавшего, что линия госграницы проходит не там, где ее представляли японцы, оборудовали окоп и проволочные заграждения на сопке Заозерной близ озера Хасан в юго-западной части Приморья, в 130 километрах от Владивостока. Японцы считали этот горный хребет своей территорией и заявили протест советской стороне. 15 июля советский пограничник застрелил на сопке японского жандарма, но японцы ждали еще две недели, прежде чем вытеснили пограничников и захватили высоты на советской территории. 1 августа задача выбить японские войска была поставлена уже регулярной Красной армии.

Зорге в тот день отправил телеграмму в Москву, которую не удалось полностью расшифровать из-за помех в связи, но смысл ее заключался в том, что он сожалеет: его многочисленные попытки предупредить руководство разведки не помогли улучшить боеготовность советских войск, и нападение японцев все равно оказалось неожиданным. Кроме того, действия японской армии произвели благоприятное впечатление на иностранных военных. Через два дня Зорге добавил: «Японский Генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Сов. Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь»⁴²¹. Однако уже к 10 августа настроение японцев и иностранных военных специалистов изменилось: советские войска выдавили японцев с высот у озера Хасан, а 11 августа было установлено перемирие. Несмотря на одержанную победу, Красная армия понесла значительно бóльшие потери, чем японская, но по результатам ее действий был произведен серьезный анализ и сделан вывод (в виде совершенно секретного приказа наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 года), что «только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, по-

литработников и бойцов». Основными причинами неподготовленности были названы растаскивание личного состава на посторонние хозяйственные работы, крайне низкая боевая подготовка войск, неспособность пехоты и танкистов к действиям в реальном бою в условиях Дальнего Востока. Виновным, как и должно быть в армии, был признан человек, полностью отвечающий за боевую подготовку вверенных ему частей и соединений, — командующий Краснознаменным Дальневосточным фронтом маршал Василий Константинович Блюхер⁴²².

Вряд ли информация Зорге учитывалась при подготовке этого приказа, но 2 сентября он доложил в Москву о том, что японский Генштаб провел свой анализ действий Красной армии, который практически полностью совпал с мнением Генштаба РККА с тем только добавлением, что у советской стороны особенные проблемы с организацией боевых действий ночью, а также «у Красной Армии недостает смелости для рукопашных атак»⁴²³.

В ответ «Рамзай» получил задание по детальному уточнению состава и дислокации соединений Квантунской армии в Маньчжурии. Это удалось выполнить благодаря помощи германского военного атташе майора Шолля, к середине ноября вернувшегося из ознакомительной поездки в Маньчжурию. 16 ноября Зорге передал в Москву полное описание Квантунской армии, а 27 ноября сделал важное дополнение, подготовленное при участии Мияги: в случае наступления советских войск японцы ожидают удара из Приморья (от Владивостока) и из Забайкалья (со стороны Читы), а вот наступление на Мукден из Монголии считают невероятным. И наоборот, в случае начала войны японцы будут атаковать по тем же направлениям, причем, первоочередной и наиболее вероятной целью станет Владивосток.

Шоль ознакомился и с организацией разведки Квантунской армии, которой дал высокую оценку и систематизировал, разбив на три основные составляющие: наблюдение с линии границы, работа с русскими, живущими на территории Маньчжурии и, особенно, имеющими родственников в СССР, а также осуществляемые через разведцентры в Дайрене и Шанхае установочные связи с евреями в Советском Союзе и Америке, поддерживающими контакты в Китае.

Этот отчет тоже лег на стол руководству Разведупра, скопированный и переправленный в Москву «Рамзаем»⁴²⁴.

3 сентября Зорге доложил в Москву о ходе подготовки создания Тройственного союза между Германией, Италией и Японией. 10 декабря он подтвердил: «...в ближайшее время между Японией, Италией и Германией будет заключен тройственный военный пакт. Он будет якобы направлен против Коминтерна, фактически же он будет направлен против СССР, но предусматривает также давление и на другие страны»⁴²⁵. Италия дала согласие на подписание пакта только 23 дня спустя после этой радиограммы «Рамзая».

Интенсивность работы резидентуры к концу 1938 года возросла настолько, насколько актуальна стала тема военного противостояния Советского Союза и Японии. Всем было понятно, что военный конфликт если и за горами, то либо за приморскими сопками, либо за хребтом Большого Хингана. Война близилась, «Рамзай», имеющий теперь среди своих связей нового посла Германии Ойгена Отта, а среди агентов — советника принца Коноэ, был слишком необходим родине, чтобы просить о возвращении. Он это знал и попросил лишь 30 суток отпуска. Получив их, Зорге исчез из Токио. 15 января 1939 года он вернулся и снова приступил к работе.

Спустя много десятилетий, 20 мая 2015 года стало известно о подарке, который один из самых заметных нацистов Токио получил к своему дню рождения 4 октября 1938 года. Из Берлина пришел пакет с фотографией министра иностранных дел Иоахима Риббентропа и сопроводительным письмом канцелярии МИД Германии:

«Дорогой партайгеноссе доктор Зорге!

По поручению господина рейхсминистра фон Риббентропа посылаю вам в качестве особого признания фотографию господина рейхсминистра с его собственноручной подписью. Господин рейхсминистр благодарит вас за выдающуюся работу в германском посольстве в Токио и передает также сердечные поздравления по случаю вашего дня рождения. Хайль Гитлер»*.

* В 2015 году письмо и фотография были куплены в токийском букинистическом магазине покупателем, оставшимся неизвестным.

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

5 января 1939 года кабинет принца Коноэ подал в отставку: группа решительно настроенных военных снова была возмущена его колебаниями во внутренней, но прежде всего во внешней политике. Несмотря на объявление в ноябре 1938 года планов о создании Великой Восточной Азии, в которой Япония должна будет сыграть ведущую роль источника прогресса (что на практике означало колонизацию со всеми разнообразными и разнонаправленными вытекающими обстоятельствами), правительству Коноэ, по мнению военных, не хватало воли для прямых действий в этом направлении. Правительство возглавил юрист, бывший председатель Тайного совета барон Хиранума Киитиро. Военные надеялись, что 71-летний премьер окажется более покладистым в выполнении их требований, и 23 января 1939 года «Рамзай» предупреждал Москву о желании Квантунской армии снова поиграть мускулами: «...Майор Шольц сообщил послу Отт о растущем мнении в Генеральном штабе за действия в северном направлении и ускорении организации армейских групп в Маньчжурии. Он считает, что это указывает на новую подготовку против СССР... Но я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затевать войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае.

*Я полагаю, что японцы весной пойдут на военные провокации, которые приведут к местным инцидентам. Это будет сделано для того, чтобы отвлечь радикальные группы от войны в Китае, что диктуется необходимостью противодействия с той целью, чтобы не показать своей слабости»*⁴²⁶.

Зорге оказался абсолютно прав. Новым театром военных действий, избранным квантунцами для очередного прощупывания Красной армии, на сей раз стало противоположное

от Хасана и Владивостока направление — Монголия. На восточной границе этого советского сателлита, в районе реки Халха (монгольское название — Халхин-Гол) располагались заставы монгольской армии — с одной стороны, и маньчжурской — с другой. С января 1939 года японские разведчики (маньчжурские баргуты) начали прощупывать оборону монголов в районе господствующей там высоты Номонхан. 11 мая японо-маньчжурские войска выдавили монгольские заставы к Халхин-Голу. На следующий день вооруженные столкновения перешли в постоянную фазу и японцы вклинились на территорию Монголии. 22 мая войска Монгольской Народной Республики (МНР) отбросили захватчиков, но 28—29-го японцы, получив подкрепление, перешли в контратаку. Начался крупномасштабный военный конфликт, иногда именуемый Монгольской войной.

Внимание Москвы и руководства разведки переключилось на Монголию не сразу. В начале года ведомство пережило очередные потрясения. Еще до того, как в апреле оно было переименовано в Пятое управление Штаба РККА, у него сменилось руководство, причем не однажды. После ареста в ноябре 1938 года исполняющего обязанности начальника Разведупра Семена Григорьевича Гендина его место занял комдив Александр Григорьевич Орлов — профессиональный военный и разведчик. 30 апреля 1939 года и он был арестован по ложному обвинению в антисоветской деятельности. Новым хозяином «Шоколадного домика» стал бывший военный летчик Иван Иосифович Проскуров, которому требовалось много времени, чтобы вникнуть в новую, совершенно незнакомую ему специальность. К тому же вдалеке от Монголии, в Европе в этот самый момент разворачивались события, определяющие судьбы мира на следующие годы: шли интенсивные тайные переговоры бывшего японского военного атташе генерала Осима, ставшего послом в Берлине, о заключении союза, направленного против СССР. Зорге был в курсе происходящего и информировал Москву как обычно, не зная о переменах в «конторе любимого Директора». 9 апреля он сообщал: «Осима опять поднял вопрос о военном пакте, потребовав ответа от японского правительства. После долгого обсуждения Япония решила согласиться на военный пакт, направленный только против СССР...

Посол Отт узнал в Министерстве иностранных дел, что японцы не пойдут на то, чтобы окончательно утратить хорошее отношение со стороны Америки, согласившись присоединиться к пакту против демократических стран.

Посол Отт считает, что Японию все-таки заставят присоединиться к этому пакту»⁴²⁷.

С отставкой кабинета Коноэ Одзаки формально утратил доступ к правительственной информации, но его неофициальный статус эксперта по китайским делам позволял и далее получать данные стратегического характера. 26 апреля Зорге, с прямой ссылкой на него, передавал: «Отто получил сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или, если СССР в войне присоединится к демократическим странам...

Эти разъяснения были отправлены послу Осима. Ответ от него еще не получен».

Сам по себе факт двойного подтверждения столь важной информации — и через германское посольство, и через «круги, близкие к японскому правительству», заслуживал особого внимания. Не говоря уже о содержании шифровок, которые были доложены специальным сообщением Сталину, Ворошилову, Молотову и другим лидерам Советского Союза⁴²⁸. А 31 мая, во время начала настоящей войны на Халхин-Голе, Зорге передает в Москву еще одну важную радиограмму, в которой сообщает о надвигающейся войне в Европе: «...Японцы хотят избежать неприятностей с Англией и Америкой. Прибывшие в Токио немцы-фашисты, близко стоящие к Герингу, говорили о том, что дальнейшее продвижение Германии будет производиться в Европу.

Данциг будет захвачен в сентябре 1939 года.

В этом же году Германия отберет у Польши старую немецкую территорию и отбросит Польшу на юго-восток Европы в Румынию и Украину. Германия не имеет прямых интересов на Украине. В случае войны Германия с целью получения сырья захватит и Украину. Прибывший с визитом в Токио германский военный атташе в Москве генерал Костеринг

сказал военному атташе в Токио, что главным и первым противником в настоящее время является Польша и уже после — вторым — Украина»⁴²⁹.

Данные о захвате Данцига и начале войны с Польшей, от которых, напомним, идет традиционный отсчет Второй мировой войны, были точными. Информация о возможной неполной оккупации Польши — нет. Тем не менее вектор развития европейских событий был предсказан «Рамзаем» верно, и к этому мнению (пусть наверняка и не единственному) стоило бы прислушаться. Прислушивались ли? Нет.

Когда в 1964 году сотрудниками КГБ СССР и ГРУ ГШ ВС СССР проводилась проверка дела Зорге, было зафиксировано объяснение одного из доживших до нее бывших офицеров Пятого управления о том, что именно в этот период — в середине 1939 года — Центр думал о сообщениях Зорге из Токио: «Дело в том, что люди, руководившие "Рамзаем", относились к нему с политическим недоверием и часто игнорировали его разведывательную информацию. Мне пришлось быть свидетелем такого отношения.

Дело дошло до того, что полученные доклады от "Рамзая" часто не переводились и не передавались в Информацию месяцами.

Припоминаю случай, когда доклад "Рамзая" с информацией о подготовке войны Германией против Польши пролежал в сейфе начальника агентурного отделения по японскому направлению П. несколько месяцев без движения и был переведен, когда война уже началась. Материал потерял свою значимость... Когда речь заходила о "Рамзае", П. всегда махал на него рукой как на безнадёжного и выражал явное недоверие к нему»⁴³⁰.

Может быть, в середине 1960-х бывшие сотрудники разведки «сменили масть» и говорили то, что, как они чувствовали, было нужно сказать в сложившихся политических условиях? И да, и нет. Сопоставление отметок на входящей информации от Зорге свидетельствует о том, что его доклады не читали, не изучали и не эскалировали для доклада руководству месяцами (одновременно упрекая в том, что, якобы по вине «Рамзая», актуальная информация от него задерживается).

Вот, например, важнейший доклад Зорге на имя начальника Пятого управления от 4 июня 1939 года:

«Дорогой Директор!..

Основным вопросом здесь, нам кажется, является задача распространения антикоминтерновского пакта на другие страны, т. е. практически также на Англию и Францию.

Из последних информации немецкого посла совершенно ясно, что японцы не будут себя так безусловно связывать, как Германия и Италия, однако в своей политике на Дальнем Востоке они будут держать равнение на более тесную связь с Италией и Германией...

Германия так погрязла в своем готовящемся завоевании Польши и в своей борьбе против Англии, что она почти не проявляет интереса к войне против СССР, да и едва ли в ближайшем будущем будет проявлять.

...война против Китая, т. е. дальнейшее пребывание там и желание закрепиться оказалось слишком большим напряжением для Японии, так что об одновременной войне против СССР без поддержки Германии не может быть и речи...

Япония не может, и это твердо (подчеркнуто в документе. — А. К.), стать в несколько лет великой державой с военным хозяйством и одновременно находиться в войне с Китаем и Англией или СССР...

Следовательно, версия о военной сделке против СССР на ближайшее будущее заслуживает мало доверия. Тем не менее надо сказать, что различные столкновения больших масштабов могут иметь место в любое время, т. к. самостоятельность Квантунской армии возросла, а также выросла ее склонность устраивать шумиху. *При этом снова должно быть обращено внимание на то, что каждое местное поражение, каждая местная поблажка со стороны СССР повысит склонность японцев к новым столкновениям.*

С японцами и, особенно с японской армией, вообще можно вести переговоры только при помощи палки...

В течение нескольких последующих месяцев должна решиться судьба Польши. Тогда, конечно, после разгрома Польши германской армией всплывут новые, непредвиденные, необозримые возможности развития, которые могут оказать определенное влияние на действия Японии...

Резолюция на этот важнейший доклад (от 4 июня 1939 года!) была наложена... 8 октября. И это никак не вина Зорге, что его мнение и сведения, полученные героическим и

рискованным трудом, не были интересны Москве. Что уж говорить о второй, организационной, части письма, где резидент снова взывал к Центру, аки вопиющий в пустыне: «...нужда в помещении для посольства, а также аппарата ВАТ такова, что я для себя прежде на месте проводимой работы, учебной и особенно художественной съемки, не могу найти никакого места. Из месяца в месяц становится тяжелее составлять почту, и с июля месяца не вижу никакой возможности найти какое-либо место, где бы мог продолжать работу последних лет.

Вы должны понять одно: из помещений аппарата посольства и ВАТ возможность взять что-либо с собой при здешних жилищных и охранных условиях почти исключается совсем. При здешних условиях даже лучший мой друг не решится выдать из аппарата посольства и ВАТ простого куса бумаги. Для этого здесь слишком трудные общие полицейские и охранные условия...

У меня такое впечатление, что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем или, по крайней мере, на долгое время.

Пока не будет иметь места новая ориентация или полная реорганизация, ничего добиться нельзя будет. Вернейшим я считаю — новые начинания с новыми силами.

Мы же постепенно становимся использованными, ненужными в отношении наблюдательных учреждений и важных лиц...

Фрицу в его работе пока везет. Связь и его легализация очень хороши. Однако и здесь я могу повторить мою старую просьбу еще раз: *посылайте новых людей, по меньшей мере, в качестве помощников, которые после смогут служить заменой. Это же не дело, что практически всю работу ведут я и Фриц. Мы должны были много лет тому назад получить помощь, которая бы потом развилась в смену и привлекла бы новых помощников. Не забывайте, что я уже 8 лет здесь живу и 9 на Дальнем Востоке, с очень непродолжительным пребыванием дома. Тяжелый несчастный случай год тому назад я преодолел, тем не менее девять лет вне... дают себя чувствовать все больше и больше.*

Пожалуйста, передайте Кате привет от меня. Я очень сожалею, что так долго обнадеживаю ее своим приездом. Ог-

нако ответственность за это, дорогой Директор, несете Вы сами.

Мы есть и остаемся Ваши старые, верные и послушные сотрудники.

Тысячу приветов всем вам, там дома».

Известна реакция руководства именно на вторую часть письма «старого, верного и послушного сотрудника»: «Генерал Проскуров И. И. приказал: Основательно продумать, как компенсировать отзыв Рамзая. Составить телеграмму и письмо Рамзаю с извинениями за задержку с заменой и изложением причин, по которым ему необходимо еще поработать в Токио. Рамзаю и другим членам его организации выдать единовременную денежную премию»⁴³¹. Что касается Польши, то в тот самый день — 8 октября она была полностью оккупирована и значительная ее часть присоединена к Германии. Доклад «Рамзая» утратил всякую актуальность, что сильно раздражало Центр, считавший, что... Зорге просто не работает.

21 августа ему было отправлено сообщение с укором в том, что качество предоставляемой им информации ухудшилось, объем уменьшился, а летом она якобы вообще не поступала. 1 сентября «Рамзай» получил оскорбительное по сути поучение от начальника Пятого управления, в котором ему в ультимативной форме предписывалось получить информацию в немецком посольстве так, как будто ее там выдавали по талонам: «Качество вашей информации о текущих военных и политических проблемах в течение лета постепенно становилось все хуже. За этот период Япония предприняла ряд важных шагов в подготовке нападения на Советский Союз, но мы не получили от вас сколько-нибудь значимой информации. Поскольку германское посольство хорошо информировано по этой теме, будьте добры получить информацию у них и сообщить нам по радио не откладывая. Поскольку вы очень опытни в своей работе и ваше положение необычайно высоко, мы просим и ожидаем обширной, достаточно свежей информации от вас по военным и политическим проблемам. Но вы остаетесь в стороне, посылая нам информацию, не представляющую особой ценности.

Мой дорогой Рамзай, я вновь обращаюсь к вам с просьбой изменить ваш метод собирания информации... Так и только

*так ваше пребывание в Японии будет иметь хоть какую-то ценность для нашей работы»*⁴³². «Дорогой Рамзай» мог по концовке письма решить, что до сих пор ценности в его пребывании в Токио так и не было найдено...

Между тем в течение всего лета Зорге продолжал сообщать в Москву о состоянии консультаций по Трехстороннему пакту. 24 июня он передавал в Центр: «Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте продолжаются. Последние японские предложения, по сообщению германского посла Отг и военного атташе Шолль, содержат следующие пункты:

В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР.

В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии.

В том случае, если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), то Япония по-прежнему будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки. Но если интересы Тройственного союза потребуют... (2 слова искажено), то Япония присоединится немедленно к войне.

Эта последняя оговорка сделана с учетом позиции СССР, который, видимо, будет втянут в европейскую войну, а также ввиду неясной позиции США. Активные военные действия Японии будут ограничены: во втором и третьем случаях Япония не выйдет дальше Сингапура. Согласно первого пункта, все японские силы будут брошены против СССР».

Эта радиোগрамма была прочитана «быстро» — всего за пять дней⁴³³.

13 августа Зорге передал важнейшие сведения, имеющие отношение ко все еще продолжающемуся конфликту на Халхин-Голе, который со дня на день грозил перерасти в полномасштабную японо-советскую войну. Бранко Вукелич — «Жиголо» побывал в районе боев в качестве французского журналиста и своими глазами увидел происходящее с японской стороны. Помимо самых разных деталей, Вукелич узнал главное: «...от японского императора поступило распоряже-

ние — не увеличивать военные действия на маньчжурскую границу, как это намеревалась сделать Квантунская армия»⁴³⁴. Это был сигнал к тому, что Япония не готова к полномасштабному конфликту и руки у Красной армии развязаны. Неизвестно, было ли донесено сообщение «Жиголо» до высшего руководства, но через неделю, 20 августа советская сторона начала решительное наступление, закончившееся 28 августа полным разгромом японской группировки в районе Халхин-Гола. И снова мир отвлекся от событий в Монголии из-за чрезвычайно важных изменений в европейской большой политике: 23 августа главы дипломатических ведомств Советского Союза и Германии подписали Договор о ненападении, вошедший в историю как пакт Молотова — Риббентропа, снабженный секретными протоколами, предусматривающими раздел части Европы на сферы влияния между договаривающимися сторонами.

В Японии же известие о заключении советско-германского соглашения привело к очередному внутривластическому кризису и усилению противостояния военных и представителей олигархического капитала. 26 августа посол Осима даже вручил немцам протест в связи с заключением пакта, но было поздно. Отношения между Германией и Японией, которая сочла себя обманутой верным союзником, испортились, а 30 августа правительство Хиранума ушло в отставку. В Токио еще более заметно стало стремление военных подписать с Советским Союзом пакт, аналогичный германскому, особенно после катастрофического для них разгрома на Халхин-Голе, ставшего настоящим шоком для квантунцев. В течение всего сентября Зорге регулярно ставит Центр в известность о новых веяниях в японских правительственных кругах, а заодно ведет непрестанные беседы с послом Оттом и военным атташе Шоллем, которые тоже начали склоняться к мысли о необходимости подписания договора о ненападении между СССР и Японией и, более того, попытались донести свои мысли до японской стороны⁴³⁵.

16 октября Отт направил своему новому шефу — Риббентропу подробный политический доклад о состоянии дел в Японии вообще и среди японских военных прежде всего. 2 ноября Зорге в радиограмме кратко раскрыл его содержание: «...поскольку, как и ожидалось, Генштаб решил поддер-

живать дружественные отношения с Германией и последовать примеру Германии в отношении СССР, постольку общее урегулирование отношений Японии с СССР рассматривается как абсолютно необходимое». Весь этот радующий глаз Кремля отрывок был отчеркнут начальственной рукой прямо на полях расшифрованной телеграммы. Теперь военные интересы Японии должны были ограничиться — по крайней мере, в ближайшее время — Китаем, и 24 ноября Зорге подтвердил, что в японском Генеральном штабе с полным вниманием рассматривается вопрос о разделе Китая на три сферы влияния: Японии, СССР и Чан Кайши⁴³⁶.

Еще в октябре Зорге подготовил большой доклад для Центра, передать который, с учетом трудностей, возникших из-за обострения войны в Китае, удалось только в начале декабря. Причем встреча состоялась не за пределами Японии, как обычно, а в ее сердце — в Токио, во время спектакля популярного женского театра «Такарадзука», а связным выступил сотрудник легальной резидентуры, работавший под «крышей» советского консульства, Сергей Леонидович Будкевич («Осима», «Кротов»). Получивший перевод документов только 20 января следующего, 1940 года генерал Прокуроров отметил в нем слова «Рамзая»: «Серьезной военной опасности со стороны Японии больше не представляется. Напротив, я вижу здесь приближающиеся внутренние разногласия и серьезное обострение хозяйственного кризиса...

[Хозяйственные трудности, длительность китайского конфликта, поражение в Номонхане и, наконец, германо-советское сотрудничество] сильно покачнули позицию армии внутри руководства Японии, а также и в самом народе. Армия дискредитировала себя в военном отношении как во внутренней, так и во внешней политике. Теперь руководство переходит в руки дворцовой клики и, частично, к крупным капиталистам»⁴³⁷.

Но если военная опасность Японии после событий на Халхин-Голе и ввиду усиления внутреннего кризиса несколько ослабла, то опасность провала группы «Рамзая» с этого момента, наоборот, сильно возросла.

КАМИКАДЗЕ

Все это время наш герой, в отличие от китайских времен, не забывал о своей легализации. Он писал статьи, отправлял в Германию и Голландию информационные сводки, вел насыщенную жизнь журналиста-стрингера. Осень 1939 года в этом смысле оказалась отмечена двумя его знаковыми материалами. Первый назывался «"Ветер богов". Отношение Японии к европейской войне» и был подготовлен для «Франкфуртер цайтунг».

Статья вышла 22 октября и начиналась с объяснения термина «ветер богов», что по-японски звучит как «камикадзе». Это выражение появилось в конце XIII века, когда сильнейшие тайфуны дважды топили монгольский флот хана Хубилая, пытавшегося завоевать Японию*. В 1939 году Зорге писал о том, что с «божественным ветром» одна из японских газет сравнила начавшуюся войну в Европе. К тому времени японцы, оказавшиеся после заключения между Москвой и Берлином Пакта о ненападении почти в полной мировой изоляции, чувствовали себя все более неуверенно, затягивалась война в Китае, все туже стягивалась петля внутреннего политического и экономического кризиса. В такой ситуации начало большой европейской войны отвлекло внимание ми-

* До использования слова «камикадзе» в отношении смертников оставалось более пяти лет — лишь в конце Второй мировой войны американцы нарекут так летчиков-смертников, по-своему прочитав иероглифы «симпу», которыми их называли японцы. Эти слова пишутся одними и теми же иероглифами, но в Японии до 1945 года было принято, говоря о смертниках, произносить «симпу», а вспоминая «ветер богов» — «камикадзе». С легкой руки американских военных японистов два варианта чтения смешались, и ныне о «симпу» за пределами Японии мало кто знает.

ровой общественности и крупных политических игроков от Японии, что дало ей шанс если не прояснить свою политику в отношении Советского Союза, Соединенных Штатов и Англии, то, по крайней мере, еще раз более активно проявить себя в Китае — пока Европа была полностью поглощена собственными проблемами⁴³⁸.

Мысли, изложенные в первой статье, Зорге развил и углубил во второй, «“Императорский путь”». О назначении японской внешней политики», опубликованной в той же газете несколькими днями позже. В заголовке обыгрывалось название одной из наиболее влиятельных общественных организаций Японии, в которой состояли многие военные, — «Фракции императорского пути». В ней немецкий журналист высказывал надежду, что после поражения при Халхин-Голе «Японии стало так же ясно, что ее главным противником в Восточной Азии является Англия, а не Советский Союз...».

«Не нужно забывать, — писал Зорге, — что со времен “маньчжурского инцидента” и создания Маньчжурской империи японская армия возвела необходимость военно-хозяйственной, политической и чисто военной подготовки к войне с Советским Союзом прямо-таки в догму. Хотя неизменной целью японской экспансии на протяжении чуть ли не тысячелетий служит Китай, японская армия полагала, что в войне с Китаем найдена возможность “генеральной мобилизации” для считавшейся неизбежной борьбы с Советским Союзом. Форсировавшееся на протяжении ряда лет вооружение было сориентировано главным образом на русского противника, а военная и идеологическая сила и роль Квантунской армии превзошли все пропорции. Армия, однако, не удовлетворялась только выполнением этой по преимуществу военной задачи. Она использовала свое положение в японском государственном руководстве, чтобы сделать эту войну с Советским Союзом фундаментом идеологического сплочения японского населения. Японская армия стала главным носителем идей “всемирной миссии японского духа”, “императорского пути”, которым обосновывались все ее великоазиатские экспансионистские цели.

Европейская война с ее драматической перегруппировкой фронтов внезапно спутала так же внешнеполитические

планы и подготовительные мероприятия японской армии касательно Советского Союза. *Тенденция признать главным врагом японской политики в Китае Англию и поставить себе задачей "успокоение" отношений с Советским Союзом проявляется теперь все яснее, в том числе и в армии...*

...Однако большие успехи германского оружия явно способствуют падению английского престижа на Востоке. Мысль об изгнании Англии с ее позиций в Китае становится все более привлекательной. Надежда на возможность достигнуть с Англией и Соединенными Штатами единства по китайскому вопросу, которое удовлетворило бы вооруженные силы и население Японии, исчезает на глазах. Поэтому и оппозиция могла бы изыскать возможность выдвинуть свое старое требование о решительных действиях против Англии в Китае, усиленных политикой, которая позволила бы не беспокоиться о тылах на Севере или даже могла бы создать дополнительные гарантии посредством широкого преобразования отношений с Советским Союзом»⁴³⁹.

Фактически автор статьи уже верно спрогнозировал вектор развития японской политики рубежа 1939—1940 годов, когда армия, все еще одержимая надеждой сразиться с СССР на севере Маньчжурии, вынуждена была согласиться с общим имперским курсом на войну с Америкой и Англией. В этом смысле камикадзе военных событий в Европе стал спасительным тайфуном для Советского Союза и окончательно определил дальнейшее направление и характер действий «Рамзая»: не добывание информации, а делание политики — используя силу политического тайфуна, наш герой надеялся открыть дверь, выпустить военный сквозняк на юг и спасти родину от войны.

29 декабря вышел очередной большой аналитический материал Зорге, название которого говорило само за себя: «Призрак "черных кораблей". Японо-американская напряженность». В нем снова зашла речь о «камикадзе европейской войны»: «Соединенные Штаты причинили японцам тяжелейшее оскорбление тем, что обращаются с японскими иммигрантами как с "нежелательными азиатами". Это Соединенные Штаты уже в 1902 году добились принятия политики "открытых дверей" в Китае, нацеленной против Японии, Германии и России. Эта политика привела после мировой

войны к заключению направленного непосредственно против японской политики в Китае пакта девяти держав, который уже вынудил Японию однажды к уходу из Китая, а сегодня вновь используется Соединенными Штатами в качестве оружия против Японии. Казалось, европейская война — “ветер богов Японии” — устранила последние воздвигавшиеся за границей препятствия к окончанию войны в Китае и к решению китайского вопроса в японском духе. Англия и Франция вышли из игры...” Читая эти строки, трудно отделаться от мысли, что Зорге, будучи вдохновенным, неистовым пропагандистом, умел специально расpalить аудиторию, с наслаждением беря раны японского имперского тщеславия. Не случайно в начале своей журналистской работы в Токио он столкнулся с жестким неприятием своего стиля со стороны японского Министерства иностранных дел и по требованию Москвы был вынужден смягчить свою критику в адрес японских властей.

«Соединенные Штаты требуют от Японии извинения и возмещения ущерба, — писал Зорге далее, — вызванного якобы имевшими место шестьюстами с лишним случаями посягательства на американские права в Китае, в чем, по американскому утверждению, виновны японская армия и военно-морской флот. Кроме того, они требуют гарантии от повторения таких “инцидентов” посредством строжайшего соблюдения международных договоров об “открытых дверях, территориальной неприкосновенности и суверенитете Китая”. <...> сведенное к своей прозаической сути, требование американского посла означало прекращение всех военных акций Японии в Китае, вывод японских войск, отказ от уже созданного монопольного хозяйственного и политического положения Японии, а стало быть, ликвидацию государственных трестов и созданных под крылышком японских оккупантов “временных правительств” и “автономных административных органов”. Американцы, правда, намекнули, что они готовы заключить “новый” пакт девяти держав, в котором могли бы быть учтены особые интересы Японии в Северном Китае.

На случай, если Япония не примет эти требования, была заготовлена угроза невозобновления расторгнутого торгового договора между обеими странами и указано на возможность применения хозяйственных “санкций”...

Японское правительство, вопреки всем своим склонностям, не может выполнить требования Соединенных Штатов. Отказавшись от Южного и Центрального Китая, оно вызвало бы опасность тяжелых внутренних потрясений. Оно лелеет надежду, что Америка "блефует" и еще возвратится к приемлемым отношениям. Пока оно стремится прийти с Соединенными Штатами к промежуточному решению, способному создать замену торговому договору, срок которого истекает 26 января, благодаря чему можно было бы избежать такого состояния, когда обе страны не связывали бы больше никакие договорные отношения..."⁴⁴⁰

Нетрудно догадаться, что разъяснения относительно глубинных процессов внутренней и внешней японской политики Рихард Зорге, как обычно, получал от своего старинного друга и агента «Отто». Еще в начале июня, как раз когда «Рамзай» отправлял свой доклад и снова просил замену, в положении Одзакис Хоцуми произошли важные изменения. Теперь он стал консультантом Исследовательского отдела Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД, Мантэцу). Сугубо гражданское название организации не должно вводить в заблуждение: именно Мантэцу служила своеобразным локомотивом продвижения Японии в Китае. Ее интересы в значительной мере отстаивало командование Квантунской армии, с которым руководство дороги работало в полном согласии и атмосфере дружелюбного взаимопонимания. ЮМЖД являлась по сути крупнейшим в Японии холдингом с 50-процентным участием государственного капитала, при этом практически вся основная сфера его интересов находилась на территории зарубежного государства, да еще того, с которым все эти годы велась война. Около половины всех японских капиталовложений в Китае приходилось на долю Мантэцу и тридцати трех ее дочерних компаний. По меткому выражению Юлиуса Мадера, «ЮМЖД и японская Квантунская армия, дислоцированная в Китае, напоминали сиамских близнецов: вряд ли кто-то мог с уверенностью сказать, кто больше стремился к расширению своего господства и к нападению на дальневосточные районы Советского Союза — монополисты ЮМЖД или генералы Квантунской армии»⁴⁴¹. Не случайно в штате Мантэцу состояло множество военных, разведчиков и полицейских: они контролировали

деятельность компании, а компания учитывала их интересы. И так же не случайно серьезно изучающие историю ЮМЖД исследователи считают пресловутый «меморандум Танака» — документ, якобы описывающий планы Японии по завоеванию Восточной Азии, фальшивкой, изготовители которой вполне могли иметь тесную связь именно с Мантэцу, так как местами «меморандум» слишком уж похож на отчет этой организации⁴⁴². Вынужденная не просто действовать в столь экстремальных условиях, но и стремящаяся получать в них высокую прибыль и постоянно расширять сферу своего влияния, Мантэцу одновременно являлась мозговым центром по исследованию Китая в первой половине XX века. Теперь важную роль в стратегическом планировании деятельности ЮМЖД был призван сыграть приглашенный на работу Одзаки. А с августа он стал еще и редактором «Ежемесячного отчета» этого акционерного общества, на законных основаниях получив допуск к не просто секретной и совершенно секретной (в том числе сугубо военного характера), но и к стратегической информации. Учитывая, что новое назначение если и повлияло на рейтинг Одзаки в группе советников принца Коноэ, то в положительном ключе, возможности группы «Рамзая» с этого момента еще больше расширились.

Несмотря на уход Коноэ в отставку, по-прежнему, два раза в месяц, по средам, около восьми утра принц встречался за завтраком со своими советниками (не более десяти-двенадцати человек) и обсуждал с ними животрепещущие политические вопросы. Эта практика существовала с середины 1937 года, когда Коноэ был назначен премьер-министром, с ноября стала постоянной, а с 1940-го — еженедельной. Тогда группа, в которую входил Одзаки, была переименована из «Общества завтраков» (Асамэсикай) в «Общество среды» (Суйёкай). Уже знакомый нам однокашник Одзаки Усиба Томохико позже рассказывал следователям: «...Мы собирались регулярно по средам в помещении генерального секретаря кабинета министров и обменивались мнениями. Наши собрания продолжались и после отставки первого кабинета Коноэ, в период существования кабинетов Хиранума, Абэ и Ионаи. Тогда мы собирались либо в отеле "Мампэй", либо в доме Кинкадзу Сайёндзи. В период существования второго и третьего кабинетов Коноэ наши собрания проводились в

официальной резиденции премьера... Премьер-министр Коноэ через Киси и меня... узнавал мнения участников этих собраний, которые они высказывали совершенно свободно. Собственно, с этой целью и было создано Асамэсикай. Его участники высказывали свои мнения и давали свои прогнозы как по внутренним, так и внешним проблемам»⁴⁴³.

Именно в неформальном общении Одзаки находил для себя наибольшую свободу самовыражения. «По натуре я общительный человек, — писал он о себе. — Я люблю народ, нахожу общий язык с большинством людей, более того — я стараюсь высказывать дружелюбие по отношению к людям. Поэтому круг моих знакомых не только широк: с большинством из них меня связывают узы самой тесной дружбы. Мои друзья служили источниками получаемой мной информации»⁴⁴⁴. Среди названных Одзаки друзей числились и князь Сайондзи, и Усиба, и китаист Фунакоси Сумио, и издатель, член националистического «Общества реки Амур» («Черного дракона», как часто называли его в пропагандистской литературе) Мидзуно Сигэо, и еще около полутора десятков человек, ставших разной ценности источниками информации для группы Зорге и позже привлеченных по «делу Зорге» как соучастники или свидетели.

Поддерживал контакты Одзаки и с Мияги Ётоку. Последний нанялся учителем рисования к маленькой дочке Одзаки, и это стало отличным прикрытием для воскресных встреч двух советских агентов. В свою очередь информатором Мияги являлся автор пятитомной «Истории человечества», доктор медицины, известный японский антрополог Ясуда Токутаро. Больной туберкулезом Мияги нуждался во врачебной помощи и первым пришел к нему. Ясуда вспоминал потом: «Друзья сказали мне, — заявил гость, — что с вами можно советоваться не только о болезнях». Просидев у врача в тот вечер допоздна, Мияги рассказывал ему о планах японского правительства и намерениях Гитлера, попросив, ни много ни мало, помочь «сорвать планы уничтожения СССР, предотвратить японскую войну». Потом Мияги стал заходить раз в неделю, а затем и каждый день⁴⁴⁵.

Резкое расширение круга японских агентов, информаторов, связей поощрялось резидентом «Рамзаем» и с начала 1939 года одобрялось Центром⁴⁴⁶. Неясно, почему такое раз-

решение вдруг было дано в противоположность еще вчерашним строгим запретам на контакты с «туземцами». Скорее всего, важнейшими из причин являлись две, противоречащие друг другу: первая — явная нехватка материалов по внутренней и внешней политике Японии, получить которые можно было только с помощью японцев; вторая — неоднократная смена руководства военной разведки и тенденция к использованию группы «Рамзая» в качестве группы добывания военно-технической информации.

Вероятно, основной была причина номер один. Во всяком случае, уже в январе 1939 года Зорге получил приказ завербовать одного-двух японских офицеров. Приказ, всего лишь в очередной раз говорящий о том, что даже сотрудники японского отделения Разведупра, ранее работавшие в Японии (пусть и за посольской стеной или стажерами при воинских частях), так и не поняли, с каким противником в лице представителей японской армии имеют дело. Завербовать японского офицера, элиту общества, носителя самурайского духа — теоретически это возможно, если сложатся вместе несколько удачных для вербовщика обстоятельств. Но сделать это на заказ, в точно установленный срок — слишком смелая задача для умного человека. К тому же сам Зорге найти кандидатов для вербовки не мог — мешал языковой барьер, да и служебное положение обеспечивало ему знакомство разве что с японским послом в Берлине генералом Осима и другими высшими и старшими офицерами японской армии⁴⁴⁷. Это были сугубо журналистские контакты, и глупо было бы даже думать о том, что кто-то из них ни с того ни с сего вдруг захочет работать на потенциального военного и постоянного идеологического противника. Малейшее движение в этом направлении неизбежно стало бы достоянием контрразведки и стоило бы «Рамзаю» головы, и он просто проигнорировал это требование Центра. При всей любви Зорге к риску смертником-камикадзе он совсем не был. И все же Москва не остановилась в своих инициативах. Через два с половиной месяца, в начале апреля, Центр не только повторил свое требование, но и вдвое увеличил количество офицеров, которые срочно должны были начать работу на советскую разведку: «...эту задачу реализовать во что бы то ни стало». Тогда «Рамзай», понявший уровень представлений своего началь-

ства о вербовочных возможностях и вообще о реалиях Японии, попросту соврал в ответ. Он сообщил о том, что группа «Рамзая» в ближайшее время «получит связь с работниками Генерального штаба» через капрала-резервиста Косиро Ёсинобу, вернувшегося в запас из Квантунской армии, и которого заверовал «Джо» — Мияги⁴⁴⁸. Каким именно образом отставной капрал может быть связан с разработчиками военной стратегии и оперативно-тактических планов, «Рамзай» предпочел не пояснять.

29 октября нашему герою подготовили на Арбате большое письмо, отредактированное и подписанное лично Проскуровым-«Директором». Верный в данном вопросе традициям своих предшественников, он попытался польстить Зорге и взбодрить его, заодно пообещав — бог знает, в какой раз, что работа в Японии подходит к завершению и в конце 1940 года разведчика, наконец, заменят: «Я верю, что в этот последний год Вы приложите максимум усилий для добывания ценных сведений, освещающих политику и мероприятия зеленых (японских военных. — А. К.) в изменившейся международной обстановке и строительство вооруженных сил. Пока что, не имея возможности лично встретиться с Вами, я могу в письменной форме заверить Вас, что Ваша работа на пользу нашей родины будет высоко оценена. Ваша страна никогда не забывала своих незаметных героев, которые лучшие годы своей жизни отдают работе в труднейших условиях...» Следом шла постановка все той же невыполнимой в милитаристской Японии задачи: «...за оставшееся время прошу вас развернуть энергичную работу по вербовке новых, ценных источников, главным образом в военных кругах грин-бокса (Генерального штаба. — А. К.)».

По неизвестной причине это письмо так и не было отправлено Зорге. Вместо него послали короткую шифровку с ободрением, благодарностью, сообщением о выплате единовременной премии и переформулированной задачей: теперь «Рамзая» обязали самого подыскать себе замену в германском посольстве или... сделать своим преемником Клаузена⁴⁴⁹. Мало того что Зорге все это время просил заменить не только себя, но и радиста. Теперь, по мнению Москвы, каким-то чудесным образом Клаузен должен был превратиться в специалиста по Дальнему Востоку, друга и со-

ветника посла Отта, человека, которому особенно покровительствует жена генерала и т. д. Зорге мог только вздохнуть, согласиться и поставить отметку на календаре: возвращение на родину — конец 1940 года. Вместо Клаузена, в качестве замены он предложил другого разведчика — «Коммерсанта» Гельмута Войдта, но и это привело бы к тому, что годами строившаяся резидентура «Рамзая», основанная не только на преданности общему делу, но и на личных дружеских отношениях резидента с агентами, просто рассыпалась бы в прах. «Ветром богов», который отвлек внимание Центра от проблем с добыванием военно-технической информации, стали неприятности с курьерской связью.

Осуществляемая обычно с помощью Анны Клаузен или других членов группы через Шанхай или Гонконг связь с августа 1939 года стала невозможна. В условиях активизировавшихся военных действий всякое путешествие в Китай без надежного прикрытия выглядело подозрительно. Курьерская служба, основная опасность которой падала на Анну Клаузен, и до этого была тяжелой, смертельно опасной и отвратительной работой. Попробуйте представить себе, как это было, по воспоминаниям жены радиста об одной из поездок в Шанхай в 1938 году: «На этот раз почты было больше. Одну часть фильмов я привязала на живот (зашив предварительно в тонкую тряпку. — А. К.), а другую между ног (последнее было мало удобно). Ехала я на японском пароходе. Перед Шанхаем пассажиров попросили собраться в салон 1 класса, и контроль приступил к обыску. Когда пропустили всех мужчин, пришли четыре японки и стали ощупывать женщин. Четырех женщин, в том числе и меня, обыскивать не решились. Нас задержали до тех пор, пока не осмотрели всех. Я старалась быть спокойной, но ноги в коленках дрожали, лицо горело так, как будто горели мои волосы. Я старалась сообразить, как же найти выход из этого положения. Я видела неминуемую гибель всей организации, всех людей, поэтому испытывала невыразимый, невысказанный ужас в предвидении катастрофы. Я старалась думать, но думать и придумать что-нибудь не могла. Один был выход — не дать себя живой в руки. Я приготовилась прыгнуть в море, и это можно было сделать. Мы стояли у двери на палубу. Японец, стоявший против нас, попросил не расходиться, но я все-таки немного отделилась

от остальных, приготовляясь прыгнуть за борт. Я видела, как японки ощупывают у оставшихся женщин бока и живот, и твердо намерилась не допустить их до себя. И вот выпустили последнюю пассажирку. Контроль двинулся внутрь зала...

Японец, который нас караулил, указал контролю, что тут еще есть непроверенные, но контроль кивнул головой в знак того, чтобы меня отпустили. Японец поклонился и ушел. Я не знала, верить мне в чудо или нет. Я задыхалась от радости. Через минуту брызнул пот. Платье мое промокло и прилипло к телу. То и дело утираюсь платком, т. к. с лица буквально течет»⁴⁵⁰.

Теперь, из-за постоянного урезания сметы резидентуры и начавшейся инфляции, у «Рамзая» попросту не хватало денег и на эти экстремальные поездки. Поэтому и было принято решение об организации контакта сотрудников нелегальной резидентуры (в первый раз ими стали Макс и Анна Клаузен) и офицера резидентуры легальной (Сергея Будкевича) прямо в Токио. Это тоже был вариант камикадзе — в том самом, привычном нам смысле: Клаузены могли стать смертниками в случае задержания японской контрразведкой, и выпрыгнуть в море посреди японской столицы не было никакой возможности. И все же встреча, для которой Будкевич отправил два билета в театр «Такарадзука» на сеанс в 19.00 29 ноября, состоялась и прошла успешно. Вдохновленный успехом Центр тут же назначил вторую встречу. Поверить в то, что профессиональные разведчики действовали хуже дилетантов, совершенно невозможно, но так было. А уже 2 декабря, то есть всего через три (!) дня после первого контакта с представителем легальной резидентуры, Клаузен снова встретился с сотрудником военной разведки, работавшим в Токио под легальным прикрытием. Причем все было организовано точно так же: билеты высланы обычной почтой на домашний адрес Клаузена. То, что почта могла просматриваться, что за каждым сотрудником советской дипломатической миссии следовало наружное наблюдение японской полиции, не остановило наших военных. Дальше — больше: несмотря на то, что с каждым днем обстановка в Японии становилась все хуже, тяжелее, опаснее, встречи продолжались. Всего за 1939—1941 годы сотрудники резидентуры «Рамзая» и дважды — он сам, лично, не менее десяти (по некоторым данным,

четырнадцать) раз встречались с офицерами советской разведки в театрах, ресторанах и дома у Клаузена. Апофеозом нарушения конспирации стали случаи, когда связной из посольства приезжал на встречу прямо в автомобиле советского военного атташе. Как говорится, комментарии излишни.

Впрочем, в Москве в то время Зорге тоже не чувствовал бы себя в безопасности. В декабре 1939 года помощник начальника японского отделения Попов составил очередную справку на резидентуру «Рамзая». В ней не было ничего нового: «...Если ЗОРГЕ двойник, то и вся его группа — двойники, но, во всяком случае, работают не на Японию, а скорее, на Германию»⁴⁵¹. В этой формулировке, возможно, и содержится ответ на вопрос, почему к «Рамзаю» и его людям относились с таким безразличием, не вникали в особенности их работы, давали идиотские задания, заранее помещая разведчиков в условия, в которых они не могут выполнить приказ и будут признаны виновными в этом, не налаживали надежную, законспирированную и своевременную связь с группой, предпочитая валить все собственные ошибки и просчеты на нашего героя...

Уже три года Зорге и его люди были под подозрением, и с каждым днем все они все больше и больше становились камикадзе — смертниками.

ПЕРЕГОВОРЫ

Очередное противоречие в оценке ценности и правдивости информации, поступавшей от резидентуры «Рамзая», наглядно проявилось в начале января 1940 года. На основе трех радиোগрамм Зорге было составлено спецсообщение в Коминтерн о том, что в ближайшее время в Токио произойдет отставка действующего кабинета премьера Абэ, что Япония ведет активные переговоры о мире с Чан Кайши и чего-либо нового в отношениях этой страны с США, Германией и СССР в обозримом будущем ожидать не приходится. Начинаясь сообщение с фразы: «По агентурным данным, заслуживающим доверия...»⁴⁵² Очевидно, что важность источника и, соответственно, решения о том, как относиться к нему, не только не падала, но и возрастала пропорционально тому, как ухудшалась политическая обстановка вокруг Советского Союза.

В ноябре 1939 года началась бесславная советско-финляндская война. Она закончилась 12 марта 1940-го, а 3 февраля Зорге предупреждал свое руководство о том, что посол Отт обеспокоен политическими последствиями этой войны для СССР, которые могут проявиться на его дальневосточных рубежах: «Во-первых, японцы убеждены, что Советский Союз в этой войне потерпел большое поражение, несмотря на огромные силы, брошенные на запад. Таким образом, снова появляются старые идеи об агрессии в Сибири.

Во-вторых, Генштаб вряд ли мог перенести поражение у Номонхана. Кроме того, после убеждения, что финны, по крайней мере, оказывают успешное сопротивление Красной Армии, Номонханское поражение делается еще более непереносимым, к тому же все газеты сочиняют большие истории о победах финнов...

Я настойчиво предвижу необходимость подготовки дальневосточных границ ко всяким возможным осложнениям»⁴⁵³.

Вот только Центр ждал от «Рамзая» и «Кота» не «предвидений», а списка завербованных им — «Рамзаем» — японских офицеров, сообщая заодно, что обещанные в прошлом году наградные не высланы, а так как нет денег и на поездку курьера в Шанхай, средства придется взять из бюджета на I квартал 1940 года. Пока Зорге пытался своими силами организовать отправку в Шанхай Анны Клаузен, в Москве его самого предложили... «ликвидировать». Дело в том, что в это время в США был арестован военный разведчик Николас Дозенберг («Стропинь», «Петерс» и др.), который дал показания в полиции. Дозенберг лично знал Римма и, теоретически, мог слышать от него о Зорге и о Штайне. Новый начальник 2-го отделения Разведупра майор Герасимов внес предложение: «...ускорить их проверку путем постановки нескольких проверочных заданий... *выявить их истинное лицо и, если результаты будут отрицательные — ликвидировать обоих*»⁴⁵⁴. Михаил Алексеев считает, что под этим словом имелось в виду исключение Зорге и Штайна из числа агентов. Нам остается только надеяться на это.

Неясно, было ли принято решение о проверке «Рамзая». Судя по интенсивности радиообмена и тем задачам, которые ставились перед резидентом, нет. Зорге по-прежнему бомбардировали требованиями о предоставлении военно-технической информации, упрекали в том, что материалы субагента Мияги — Косиро Ёсинобу («Мики») несекретны и «могут быть куплены на рынке в любом количестве», а значит, Косиро обманывает Зорге и резидент напрасно тратит средства. «Рамзай», занятый в тот момент действительно серьезными проблемами политического характера, коротко огрызался: «...Вы можете приказать Вашему легальному аппарату попытаться купить ее (якобы несекретную книгу. — А. К.). Мики не обманывает». В феврале Центр пытается проверить искренность «Рамзая» с помощью иностранного отдела НКВД, сравнивая полученные недавно материалы от Зорге и от источника политической разведки в Берлине. Материалы оказались идентичны, и один начальник «Рамзая» сообщил другому: чекисты «заверили, что их работник... является честным и надежным в политическом отношении человеком.

Следовательно, и материал Рамзая тоже исходит не от японцев и приобретен им в германском посольстве в Токио. *Это вселяет некоторую уверенность в Рамзае* в связи с сомнениями в его политической честности». 17 февраля генерал Проскуров принимает решение об отзыве, которое так и не будет осуществлено: «Планировать оставить резидентуру Рамзая без Рамзая из теперешнего состава его людей, *новых к нему не подсовывать, а строить отдельно*».

Ничего нового: резолюция шефа разведки о сохранении резидентуры с одновременной ликвидацией резидента хорошо демонстрирует аналитический тупик Москвы в размышлениях о том, кем является Зорге, какие у него источники информации, как он ими руководит и какую пользу можно из них извлечь. И снова распоряжение осталось только на бумаге. Зорге остался в Токио, но вместо того, чтобы активизировать политическую работу «Рамзая», в которой тот был не просто силен, а становился уникальным специалистом, 7 марта Центр в очередной раз ставит перед ним развернутые цели в первую очередь технического и только во вторую — политического характера: «В ближайшие три месяца главные усилия сосредоточьте на двух задачах: первая и главнейшая добыть документальные сведения и материалы о производственной мощности японской военной промышленности, причем данные должны отражать состояние всей пр-сти и конкретно по каждому арсеналу и заводу. Эти материалы прошу подготовить к очередной встрече в июне...

Вторая, но подчиненная первой, — необходимо добыть документальные материалы о характере начавшейся реорганизации японской армии: какие новые соединения и части создаются, из каких частей они развертываются, их нумерации, штат дивизии и полка, фамилии к-ров дивизий и полков, а также *следует работать над вопросом выявления внешней линии японского правительства*, поставив его так, чтобы можно было предвосхитить события, а не регистрировать постфактум»⁴⁵⁵.

Неудивительно, если после получения этой радиограммы, к которой было приложено подробное объяснение задач с требованием сообщений тактико-технических характеристик новых японских самолетов, Зорге напился. Что ему еще оставалось? Не выполнить приказ или, по крайней мере,

не попытаться выполнить, разведчик не может, а попытка исполнения такого задания в условиях военного времени немедленно привела бы к провалу всю группу. Сегодня известно, что у советской разведки — и политической, и военной, в то время существовали источники в японской армии в Маньчжурии и в Корее, но группа Зорге не была с ними связана, а сам он для всех продолжал оставаться германским журналистом, для которого попытка проникновения в сугубо военные секреты должна была закончиться неминуемым арестом. Единственное, над чем он мог работать плодотворно и, заметим, делал это безо всяких понуканий из Москвы, оставалось выполнение второй части задания — «выявление внешней линии». Тем более к весне у Зорге появился дополнительный информатор именно по военно-политическим делам. Старый друг «Паульхен» — Пауль Веннекер, в 1937 году возвратился в Германию, в 1940-м получил специфический пост германского командующего адмирала в Восточной Азии и назначение в Японию на должность военно-морского атташе — флоты Японии и Германии только что договорились об интенсивном обмене разведывательной информацией относительно СССР и Великобритании. Веннекер сразу же сообщил Зорге, что в Берлине планируют в ближайшее время начать наступление на Францию, Бельгию и Голландию с целью захвата стратегически важного для войны с Англией побережья. Новый военно-морской атташе прибыл в Токио с особым заданием от Риббентропа: «Добиваться такой политики со стороны Японии, что Америка всегда должна быть в опасении, что японцы используют присоединение США к войне для продвижения на юг Тихого океана. Таким образом, чтобы США, не будучи уверенными относительно движения японцев в случае присоединения США к войне, будут все дольше воздерживаться от включения в войну против Германии»⁴⁵⁶.

22 и 29 марта за подписью генерал-лейтенанта Проскурова были составлены очередные спецсообщения военной разведки главе Коминтерна Георгию Димитрову об оценке Антикоминтерновского пакта в Японии и о положении на «Островах» в целом. В обоих случаях начальником военной разведки была употреблена формулировка: «По агентурным данным, заслуживающим доверия...»⁴⁵⁷ Как будто ободрен-

ный этим, всю весну «Рамзай» активно получал, обрабатывал и передавал информацию политического и военно-политического характера. Она касалась, прежде всего, лавирования Японии между Германией, Англией и США в вопросах признания китайского правительства, а после захвата нацистами Дании, Норвегии, Люксембурга и Голландии — планов Японии относительно войны с Советским Союзом. Часть информации поступала от посла Отта, его военного и военноморского атташе, часть — от Одзаки, который в документах резидентуры проходил как «Отто». Практика присвоения агенту псевдонима, напоминающего фамилию другого источника, не может не удивлять, но самое поразительное, как справедливо указывает на это Михаил Алексеев, что в Москве этого никто попросту не заметил. Руководство Зорге в 1939—1940 годах просто не обращало внимания на то, что дешифровщики постоянно путали источники «Рамзая» в телеграммах и часто вместо «посла Отт» писали «Отто», а вместо «Отто» — «посол Отт»⁴⁵⁸. Это совсем не мелочь, как может показаться на первый взгляд, и не случайная, временная невнимательность (путаница продолжалась годами!). Это еще одно яркое свидетельство того, что шефы Зорге в Москве, как уже неоднократно указывалось, не старались понять, вникнуть и разобраться в том, как функционирует токийская резидентура.

В ответ на регулярные упреки в недостаточном освещении сугубо военных и военно-технических вопросов «Рамзай» вяло оправдывался, говоря, что понимает — присланные им сведения по военной промышленности скудны, но он продолжает систематически работать над их сбором, и намекал «от обратного» о своем старом желании вернуться, наконец, на родину: «Само собой разумеется, что в связи с современным военным положением, как я, так и все остальные, отодвигаем на задний план свое желание возвратиться домой. Мы готовы оставаться на своих постах до тех пор, пока в этом будет необходимость. Я тоже вернусь только тогда, когда мне будет найдена соответствующая замена... Почти невозможно столько лет работать нам с одним Фрицем...»⁴⁵⁹

6 июня 1940 года Зорге сообщил резюме собранных им мнений разных категорий германских источников — от «молодых фашистов», ратующих за скорую войну с Советами,

до сторонников хаусхоферовской теории континентального блока (в числе которых были Отт и «правая рука» Риббентропа — Штамер) на тему возможного сотрудничества или противодействия Японии и Советского Союза в случае покорения Германией Восточной Европы. Вывод: «Официально доминирующей точкой зрения является — Япония должна и могла бы быть использована после германской победы как средство давления против СССР». Снова без всякого на то запроса (можно представить, как это раздражало Центр) «Рамзай» сформулировал свои рекомендации Кремлю в сложившейся политической ситуации:

«— Самой действенной помощью Китаю решительно ослабить Японию;

— *Влиять на Германию для создания совместно с СССР политико-экономического блока с Китаем, направленного против Запада и Японии;*

— Если эта политика не удастся, то начать переговоры с США относительно общей антияпонской политики в отношении Китая и Дальнего Востока»⁴⁶⁰.

Наконец, ровно за год до нападения нацистов на Советский Союз — 22 июня 1940 года «Рамзай» передавал: «Советы посла Отта Риббентропу сводятся к тому, чтобы Японии было предложено со стороны Германии начать захват Индокитая, тем самым отвлечь внимание США от Европы и привлечь Японию на сторону Германии»⁴⁶¹.

Предложение созрело, возможно, где-то в ходе бесед Отта и Зорге: подать Берлину идею увлечения Японией планом захвата Индокитая, где располагались французские колонии, где находилась сфера жизненных интересов Соединенных Штатов (их вотчина — Филиппины совсем рядом, где под боком британский Сингапур), и спровоцировать тем самым конфликт Токио, Лондона и Вашингтона, отвлекая Токио от войны с СССР. Тогда ни о каком Приморье японцы уже не вспомнят.

Разумеется, это не был совет «с потолка». В этой рекомендации содержалась трезвая оценка развития политических событий. Сложные торги, которые уже вели к тому времени между собой Советский Союз и Япония, должны были привести в итоге к заключению взаимовыгодного на тот момент договора о ненападении, а значит, угроза японского втор-

жения отводилась — на юг. 2 июля в Москве нарком иностранных дел Союза ССР Вячеслав Молотов и посол Японии Того Сигэнори начали консультации по вопросу составления двустороннего договора о ненападении, и в этот же день Конгресс США принял «Закон об усилении национальной обороны» — фактически о санкциях на поставку продукции военного или двойного назначения в любые страны, за исключением Европы. Япония, остро нуждавшаяся в такой продукции, еще обдумывала смысл и последствия новых американских инициатив, когда 13 июля «Рамзай» передал в Центр сообщение о давлении, которое Отт, генерал Осима и бывший посол Японии в Италии Сиратори Тосио пытались совместно оказать на принца Коноэ, снова ставшего одним из кандидатов на портфель премьер-министра, склоняя его к тому, что интересы Японии лежат в Индокитае, и «в то же время посол Отт настаивал на том, чтобы японцы пришли к взаимному пониманию с СССР»⁴⁶².

В середине июля V управление Наркомата обороны СССР вновь было передано в подчинение Генеральному штабу Красной армии с возвращением ему прежнего названия: Разведывательное. Его начальником стал Филипп Иванович Голиков — человек военный, но плохо образованный и никогда не имевший отношения к агентурной разведке. Так совпало, что 22 июля Зорге подготовил в Центр большой доклад о проделанной работе, прочитанный уже новым «Директором», где, помимо всего прочего, поднял организационные вопросы: о работе в германском посольстве, о Клаузене, который непрерывно болел все последнее время, о Вукеличе, который наконец завоевал доверие «Рамзая», и о нем самом.

Это был настоящий крик души: «...пока продолжается европейская война, я, само собой, останусь на своем посту, конечно, если это Вам желательно. Но так как, по мнению здешних немцев, война скоро кончится, то я все чаще вынужден отвечать на вопрос своих высокопоставленных друзей-немцев, а также иностранцев, что я, собственно, думаю в будущем делать. Учитывая, что вообще не так-то просто в один прекрасный день исчезнуть, не вызвав подозрения своих немецких друзей, я считаю весьма целесообразным, чтобы Вы мне сообщили, чего Вы ожидаете от меня по окончании войны.

Это значит, что я хотел бы, господин Директор, чтобы Вы мне ответили на следующие вопросы: *могу ли я рассчитывать сразу же по окончании войны вернуться в Центр, где бы я мог, наконец, остаться и закончить раз и навсегда свое цыганское существование.* Не забывайте, пожалуйста, что мне уже между делом стукнуло 45 лет, что из них на службе у Вашей фирмы я провел свыше 11 лет за границей, а перед тем на службе у другой фирмы я провел еще 5 лет в путешествиях. Наступает уже время дать мне с моим опытом осесть на какой-нибудь работе в Центре.

Если же Вы не в состоянии сейчас дать мне твердое обещание, что по окончании войны я сразу же смогу уехать домой, то я прошу Вас указать мне срок, скажем, например, три месяца или, в крайнем случае, полгода после окончания войны, после которых наступит конец. Я должен знать эту общую границу времени, ибо очень часто мне задают вопрос о моих дальнейших планах как газета, представителем которой я являюсь, так и посол и другие вышеупомянутые друзья. Газета хочет это знать, чтобы заблаговременно позаботиться о преемнике, издательство, на которое я работаю, хочет знать, когда я закончу для них книгу. А посольство, наконец, хочет об этом знать, так как оно и в будущем надеется работать со мной, т. к. придает моей работе большое значение. Чем известнее и солиднее мне удастся здесь легализоваться, тем труднее становится мне делать уклончивые ответы на вопросы о моих будущих планах по окончании войны, мои ответы должны быть уклончивыми, так как я вынужден отказываться от любой связи, выходящей за пределы ограниченного времени, чтобы наиболее незаметно суметь в один прекрасный день исчезнуть из поля зрения всех моих легализационных связей.

На всякий случай прошу Вас указать мне *твердый срок времени моего пребывания здесь, а именно: смогу ли я уехать сразу же, как кончится война, или я должен рассчитывать еще на несколько месяцев.* При сем прошу не забывать, что я тоже живу здесь безвыездно в течение 7 лет и что я ни разу, как другие "порядочные иностранцы", не выезжал отсюда через каждые 3—4 года в отпуск, что этот факт, наряду с моей бесперспективностью на будущее, может произвести как на иностранцев, так и на немцев дурное впечатление и даже показаться подозрительным.

Заключительные замечания.

Все эти организационные вопросы должны были когда-нибудь быть поставлены. Со своей стороны, господин Директор, Вы должны дать на них ответ. Тем самым, что в связи с болезнью Фрица вопрос обновления здешнего персонала стал необычайно актуальный, не менее важное практическое значение принимает быстрый ответ на все вопросы, касающиеся Жигало (так в документе. — А. К.) и меня. Мы здесь можем гордиться, что сравнительно немного надоедали Вам с организационными вопросами, а посему надеемся на быстрый ответ.

Остаемся, правда, несколько ослабленные здоровьем, тем не менее, Ваши верные сотрудники.

*Рамзай*⁴⁶³.

В тот же день — 22 июля премьер-министром Японии снова стал принц Коноэ, возглавивший также созданную им самим влиятельную общественную организацию «Ассоциация помощи трону». Одзаки остался его советником, и в начале августа Зорге в двух пространных сообщениях доложил в Москву о действительных направлениях внешней политики правительства. Они сводились к стратегии лавирования: новый кабинет надеялся еще больше сблизиться с Германией и Италией, но избежать при этом открытого столкновения с США. Что касается взаимоотношений с Советским Союзом, то Коноэ был решительно настроен заключить с нашей страной пакт о ненападении. При этом в отношении Китая линия была обозначена значительно более жестко и прямо, чем раньше: «...главная задача — уничтожение Чан Кайши, т. к. компромисс невозможен». Сказано красиво, но задача заведомо не имела решения. Японская армия уже слишком глубоко завязла в китайской войне и вне зависимости от желания не могла ни победить Китай, ни уйти оттуда — для последнего непреодолимо велики были интересы той же ЮМЖД и множества других компаний в Китае, да и потеря политического лица для Японской империи была недопустима.

С выполнением первых пунктов тоже все оказывалось не так просто, как выглядело на бумаге. Зорге передавал в Москву: «Японцы намерены расширить сферу своего влияния в Восточной Азии, включая и районы в южной части Тихого океана, и надеются осуществить это без войны. В этом

мероприятии Япония хочет сотрудничать с Германией, но не знает, насколько далеко Германия заинтересована в японском господстве на Тихом океане.

Отт сказал Мацуоке, что Германия сейчас занята в Европе и она будет заинтересована, если Япония займет преимущественное положение во всей Восточной Азии» (подчеркнуто в документе начальником Разведупра Голиковым. — А. К.)⁴⁶⁴.

Отт, с начала года выступавший в Токио активным лоббистом политики континентального блока, что было на руку Москве и, возможно, в значительной мере оказывалось инспирировано идеями Зорге, не был одинок в давлении на Коноэ. В то же время идеи, которые так настойчиво продавливал Отт, не были официальной политикой Берлина, и не исключено, что по этой причине 1 сентября Зорге сообщил о том, что в ближайшие дни можно ожидать отзыва германского посла. Это стало бы серьезным ударом и для самого Зорге, и для Кремля, тем более что японский посол в СССР Того по-прежнему вел торг на ту же тему в Москве и, убывая в начале сентября на родину, получил внятное напутствие от наркома Молотова по поводу возможного заключения договора о ненападении: «Советское правительство вполне понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью...»⁴⁶⁵

По счастью, опасения Зорге не сбылись. Отт остался на своем месте. Хотя в Токио прибыл специальный представитель Риббентропа в ранге посла Генрих Штамер*, доверие к генералу Отту сохранилось. Задачей Штамера оказалось выполнение секретной миссии Берлина, о содержании которой 15 сентября Зорге информировал Москву: «...в отношении нового японского правительства Риббентроп хочет попытаться последний раз добиться с японцами тесного сотрудничества в будущем». Базироваться это сотрудничество должно было на поддержке Японией действий Германии в

* В некоторых документах, скорее всего, тех, которые переводились с английского, — Штамер, в переписке с Центром соответственно — «Штам» или «Стам».

случае «продолжительной войны» в Европе и обещанном последующем дележе Азии: Токио должен был получить северную часть тихоокеанской Азии, Германия — южную, то есть Австралию и Новую Зеландию.

Планы Гитлера и Риббентропа оказались настолько грандиозными, что Штамеру пришлось успокаивать японцев в лице нового министра иностранных дел Мацуока: «Настоящая война может закончиться очень быстро, но серьезная борьба в той или иной форме будет продолжаться в течение десятилетий... Три державы должны быть готовы к самому худшему». В ответ Мацуока запросил содействия Германии в заключении почетного мира с Чан Кайши (явно вразрез с только что объявленной политикой невозможности компромисса с ним) и сближении с СССР. Довольный Штамер обещал, и 19 сентября на стол принца Коноэ лег проект Тройственного союза Германии, Италии и Японии. Мацуока был так обрадован этим, что сам нажал на Риббентропа с целью скорейшего подписания договора, и тому пришлось срочно отправиться в Италию, дабы получить согласие Рима. Обо всех этих событиях практически каждый день сообщал «Фриц» радиограммами в «Висбаден». Зорге работал не покладая рук: он был в гуще событий, непрерывно общался с Оттом, Штамером, военными атташе, получал сведения от них и от Одзаки, обрабатывал их, зашифровывал и передавал Клаузену для отправки — иногда через день, иногда ежедневно, а порой дважды в день. Верный своей привычке, он добавлял в шифровки свои комментарии: «...немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз. В пакте нет ни одного документа, направленного против СССР, что и будет опубликовано. По мнению Отта, после назначения нового посла в СССР японцы будут готовы к тому, чтобы подписать с СССР пакт о ненападении»⁴⁶⁶.

«Рамзай» в тот момент не знал только о том, что авторы пакта рассматривали соглашение вне зависимости от опубликованных в документе заявлений. В те самые дни, когда Зорге сообщал в Москву, что пакт не ставит антисоветских целей, в Берлине было подтверждено, что «этот союз направлен против Америки и России»⁴⁶⁷, а в Токио, что «несмотря на сформулированные условия... участники союза трех держав будут оказывать друг другу помощь в случае, если кто-либо из

них вступить в войну с СССР»⁴⁶⁸. Зорге ошибся и не по своей воле дезинформировал Центр. Несмотря на все усилия, его связей и источников не хватило в тот момент, чтобы вскрыть истинное содержание пакта, правильно оценить ситуацию, сделать верные выводы.

21 сентября он рапортовал о готовности японцев подписать документ, 26-го в Москве временный поверенный в делах Германии в СССР Типпельскирх информировал о договоре Молотова, 27-го в Берлине был подписан Тройственный пакт, а 8 октября Зорге сообщил в Центр совершенно новые данные, уточненную информацию, в корне меняющую картину: «...пакт 3-х государств направлен исключительно против Америки. Однако... этот пакт при новых политических обстоятельствах может быть направлен и против СССР, если Сов. Союз стал бы проводить политику, "нежелательную с точки зрения Германии"». Такое изменение направления пакта, которое не являлось вовсе мотивом для его заключения, может произойти позднее в порядке признания того, что пакт не соответствует требованиям дня»⁴⁶⁹.

16 октября правительство США лишило Японию права покупать у Америки железный и стальной лом, что вслед за предыдущим решением о топливной блокаде ставило островную империю в ситуацию острейшего дефицита средств для работы, прежде всего, военной промышленности. 18 октября Великобритания возобновила ранее приостановленную военную помощь войскам Чан Кайши в Китае, осуществляемую через Бирму. 30 октября «Рамзай» передал: «Из окружения Коноэ ОТТО узнал, что в связи с активностью англо-американцев и внутривнутриполитическим положением, японцы будут вынуждены начать действия против Голландской Индии. Это значит, что позиция СССР в переговорах с японцами относительно пакта о ненападении будет весьма твердая...»⁴⁷⁰

Можно без всякого преувеличения говорить, что в те дни Зорге выступал как член весьма разношерстной команды — группы совершенно разных людей, в одно и то же время «проталкивавших» в высших кругах Японии одну судьбоносную идею: интересы империи лежат на юге, а не на севере Азиатского континента, и если удар будет нанесен, то он должен быть направлен именно туда. Эту мысль ненавязчиво, но настойчиво и убедительно разъяснял премьеру

Коноз советский агент Одзаки, его напутствовал японского посла Того нарком Молотов. Можно даже сказать, что именно ее втолковывали министру Мацуока германские дипломаты Отт и Штамер — пусть и совсем по иным причинам, чем вышеназванные персонажи. Лишь Зорге, находясь в самой гуще событий, какое-то время оставался в тени — до 13 ноября 1940 года. В первую декаду ноября он успел побывать в Китае в качестве иностранного корреспондента и 12 ноября уже из Токио радировал в Центр о том, что Китай крепнет, а японская политика встречает там все бóльшие трудности. В тот же день Зорге отправил еще одну радиограмму в связи со встречей в Берлине Мацуока и Молотова, а на следующий день в газете «Франкфуртер цайтунг» был опубликован его очередной обширный материал, посвященный запутанным узлам дальневосточной политики: «Большой поворот. "Ревизия" японской внешней политики в связи с Тройственным пактом»⁴⁷¹.

В развернутой статье, написанной по-репортерски бойко и по-научному добротнo, Зорге рассказал германским читателям о движущих силах и последствиях заключения Тройственного союза, сделав это так, что у немцев не оставалось сомнений в значимости рейха для определения верного пути развития Японии и в «подлых интригах англосаксов» — известный как журналист, искренне преданный делу национал-социализма, доктор Зорге оставался верен своей репутации. Советский разведчик указывал в статье, что впервые с древних времен Островная империя радикально изменила направление экспансии с Кореи и Северного Китая на совсем другое: «Только воздействие "китайского пространства" как оружия в борьбе, а затем потрясение англо-французских позиций на Востоке в связи с немецкими победами в Европе позволили возникнуть "Великой Восточной Азии" как истинному жизненному пространству Японии с центром тяжести в Среднем и Южном Китае, и юго-западной части Тихого океана...»

Это значило, по мнению Зорге — возможно, излишне оптимистичному, что сменился и потенциальный противник Токио — во всяком случае, на ближайшее время: «Интерес к русскому "запятому врагу" утрачен; на русских даже начинают взирать по-новому, как на возможных дружелюбных

Банкет в Токио по случаю подписания Тройственного пакта.

Цифрами обозначены:

- 1 — посол Германии в Японии Отт;
- 2 — премьер-министр Японии принц Коноэ;
- 3 — специальный посланник Штамер;
- 4 — министр иностранных дел Японии Мацуока;
- 5 — военный министр Японии Тодзио.

1940 г.

соседей. Но тем острее становится теперь столкновение с Англией и Соединенными Штатами, ибо они были властителями "великоазиатского пространства" и, пожалуй, продолжают претендовать на эту роль и сегодня. Именно эти две державы, главным образом, на протяжении десятилетий пытались ради сохранения своих тихоокеанских владений подтолкнуть Японию к экспансии на север континента. Сегодня вполне возможно, что Владивосток, который еще недавно называли "кинжалом, направленным на Японию", утратит свое острие. Сингапур же, напротив, уже сегодня является символом англо-американской враждебности по отношению к японской политике большого пространства на Тихом океане».

Статья привлекла большое внимание читателей не только в Германии, но и за ее пределами. Не исключено, что корни интереса американской разведки к доктору Зорге скрываются как раз в ноябре 1940 года, когда германский журналист впервые открытым текстом сообщил о коренном изменении направления экспансии Японии и фактически назвал географическую цель нового удара: Сингапур — главную базу военно-морских сил Великобритании в Южной Азии, и политическую — Англия и США. Правда, для того, чтобы выйти на полуостров Малакка, требовалось устранить американский флот, царивший на Тихом океане. До нападения на Пёрл-Харбор оставался один год и три недели.

В Москве тем временем составили ежегодную справку на резидентуру «Рамзая». В ней не было практически ничего нового. Отмечалось, что Зорге имеет прочное положение в немецком посольстве в Токио, однако материалы, которые он мог бы получить благодаря этому положению, не вызывают чувства удовлетворения в Центре. Главное: «Ряд сведений, полученных от Рамзая, несомненно носит дезинформационный характер...»

Далее говорилось: «В оценке положения Японии Рамзай настойчиво проводит точку зрения слабости Японии к активным действиям против СССР.

Надежность Рамзая сомнительна...

Резидентура Рамзая основной задачи — добывание документальных данных по вооруженным силам Японии, подготовки Японией войны — не выполняет... (подчеркнуто в документе. — А. К.).

Надежность резидентуры сомнительна...

Резидентура Рамзая является единственным н/л источником получения материалов о внутривластическом положении Японии и мероприятиях японского правительства... значительная часть даваемой Рамзая информации достоверна. Возможно, что Рамзай делает это из стремления поддержать свой авторитет перед РУ и обеспечить себе возможность возвращения в СССР с определенными целями...

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Резидентуру "Рамзая" сохранить, расценивая ее как р-ру двойника...

3. Получаемые материалы рассматривать весьма критически...

5. Сократить расходы по резидентуре "Рамзай" на 1941 год на 30%»⁴⁷².

В Токио летели короткие сообщения по результатам проверки: «Напишите Рамзаю, что его информация ни к черту не годится», «Вашей информацией по военным вопросам за последние 3 месяца не удовлетворен». Зорге психовал, пил, но старался, как мог, пытаться закрыть бреши в военно-технической разведке. 28 декабря он передал точные данные о составе и численности японской армии в Китае, о ведении боевых действий там и точнейшие сведения об авиационном заводе «Мицубиси» в Нагое, о работе военной промышленности Японии и запасах военно-стратегического сырья.

Помимо этого, Зорге информировал Москву о ситуации на западных границах Советского Союза: «Каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР. В случае, если СССР начнет развивать активность против интересов Германии, как это уже имело место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков, Москва, Ленинград. Немцы не хотят этого, но прибегнут к этому средству, если будут принуждены на это поведением СССР. Немцы хорошо знают, что СССР не может рисковать этим, так как лидерам СССР, особенно после финской кампании, хорошо известно, что Красная Армия нуждается по меньшей мере иметь 20 лет для того, чтобы стать современной армией, подобной немецкой. Это мнение, по

заявлению многих, разделяется генералом Козариным в Москве и является мнением человека нового ВАТ Германии в Токио, который был в СССР неоднократно. Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена»⁴⁷³.

До самого конца года «Рамзай» вел интенсивный радио-обмен с Москвой, сообщая о текущих изменениях японской политики, а 27 декабря отправил в Центр тревожную телеграмму о том, что из-за слишком жестких требований СССР к Японии в вопросе о заключении соглашения о ненападении сама перспектива переговоров с Кремлем под угрозой. Правительство Коноэ стремительно теряло популярность, и любые уступки Советскому Союзу были для него сейчас смертельно опасны. Небольшую по объему шифровку переводили в Москве три дня и положили на стол Голикову лишь 30 декабря⁴⁷⁴.

Тогда же Зорге попросил еще тысячу долларов для Клаузена, который не мог закупать товары для своей фирмы в Германии из-за ограничений хождения японской иены. Резолюция была ожидаема: «...зачем ему амы, торгуя с немцами. По-моему, денег не нужно давать»⁴⁷⁵.

ПРОПАГАНДИСТЫ В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ

Когда обычные читатели — не историки, но любители покопаться в загадках ушедшего века, вспоминают имя Зорге, больше всего споров они затевают вокруг рассказа о том, назвал или не назвал он точную дату нападения Германии на Советский Союз, и поверил или не поверил Сталин этому сообщению. Многие даже убеждены до сих пор, что именно это сообщение стало поводом для присвоения Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза. Надеюсь, читателю уже понятно, почему «Рамзай» достоин был стать Героем — вне всякой связи с этим сообщением. Но о событиях 1941 года, конечно, необходимо рассказать подробнее.

Первые из известных нам телеграмм Зорге, отправленных им в последние месяцы работы в Токио, относятся к 18 января. В них он сообщил о нерешительности командования японского императорского флота, изучающего уроки поражения итальянцев от Великобритании в Средиземном море, об отъезде в Европу посла Осима и возможном движении Японии в сторону изменения Тройственного пакта в «наступательный союз» и о приглашении министра иностранных дел Японии Мацуока в Берлин, а также о полученной от Одзакиской важной информации о готовящемся в марте десанте японских сил в Сайгоне⁴⁷⁶. Осложнению ситуации в Индокитае были посвящены радиogramмы «Рамзая» от 27 и 29 января. В них говорилось о растущем давлении Японии на Францию (из местных колоний которой японцы получали необходимый им рис и от которой теперь несложно было получить хорошие условия), а также о содержании секретного доклада английской военноморской разведки, перехваченного японцами, переданного адмиралу Веннекеру и прочитанного Зорге. Из доклада следовало, что Англия не готова воевать с Японией в Юго-Восточ-

ной Азии, не имеет надежд на удержание Гонконга в случае японского наступления и будет тянуть время, делая хорошую мину при плохой игре и надеясь отстоять Сингапур, получив помощь от США⁴⁷⁷. День за днем, неделя за неделей, по мере того, как обострялась обстановка в этом регионе, «Рамзай» информировал Москву о японских планах действий, становившихся известными ему через Отта и «Отто». Сообщал и о том, что посол ожидал распоряжения Риббентропа о начале «подталкивания» японских военных к захвату Сингапура, каковое действие почти неизбежно должно было бы привести к конфликту с Вашингтоном⁴⁷⁸. Эта идея полностью соответствовала политике, осуществлением которой активно занимались Зорге и Одзак и которая не случайно укладывалась в реализацию плана создания в Индокитае «Великой восточно-азиатской сферы сопроцветания» под патронажем Японии. Мысль, которую в июне 1940 года Зорге и Отт настойчиво пытались донести до Берлина, теперь ожидалась ими оттуда же в качестве команды к решительным маневрам: Япония должна открыть боевые действия против Англии, окончательно определив в качестве направления своей экспансии в Азии южное, а не северное. Это могло спровоцировать на войну Соединенные Штаты, во что в Германии в то время не особенно верили, и Советский Союз остался бы в безопасности. По большому счету можно считать, что уже в конце февраля — начале марта 1941 года наш герой выполнил главнейшую миссию в своей жизни, став важной составляющей частью механизма, спасшего его родину от войны на два фронта.

9 и 10 марта Зорге целой серией радиogramм сообщил о развитии событий на этом направлении, резюмируя: «Риббентроп в телеграмме приказал послу Отт принять все меры к тому, чтобы японцы выступили против Сингапура неожиданно...»

Вместе с тем немцы очень заинтересованы в ликвидации трудностей в советско-японских отношениях с тем, чтобы японцы могли быть использованы против Сингапура.

Посол Отт заявил мне, что после своей беседы с офицерами японского генштаба он понял, что наступление японцев на Сингапур зависит от советско-японских отношений⁴⁷⁹.

Немцы спешили, надеясь как можно скорее разделаться в Европе с англичанами. Ради этого можно было и разре-

шить временное укрепление советско-японских отношений: план «Барбаросса» был уже подписан, осуществлялись мероприятия по дезинформации и маскировке переброски германских войск к границе СССР. Однако оставалось еще и желание сохранить Японию как рычаг давления на Москву. Активность Берлина и сложность складывающейся обстановки заставили доложить следующую радиограмму Зорге Сталину: «Телеграмма Риббентропа послу Отт относительно внезапного наступления японцев на Сингапур имеет целью активизировать роль Японии в пакте трех держав.

Князь Урах (специальный немецкий курьер, прибывший сюда несколько дней тому назад, близко связанный с Риббентропом и которого я уже знаю много лет) сообщил мне, что немцы хотят, чтобы японцы выступили против Сингапура только в том случае, если Америка останется вне войны и если Япония не сможет быть больше использована для давления на СССР. Урах заявил далее, что эта точка зрения — использовать в будущем Японию для давления на СССР — довольно сильно распространена в Германии, особенно в военных кругах.

Новый германский ВАТ получил от прежнего атташе письмо, описывающее резко антисоветские тенденции среди высшего немецкого офицерства и кругов Гимmlера. Новый германский ВАТ считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза. По этим соображениям, полагает он, Япония все еще имеет великую миссию против СССР, однако необходимо достигнуть соглашения и добиться выступления Японии против Сингапура.

Новый германский ВАТ тоже стоит за наступление на Сингапур»⁴⁸⁰.

И следом сообщение по поводу визита министра иностранных дел Мацуока в Берлин, тоже доложенное Сталину: «...Коноз видит главную цель поездки Мацуока в следующем:

1. Усиление энтузиазма перед пактом 3-х держав, который быстро ослабевает в Японии после поражения Италии и в связи с задержкой германского вторжения в Англию. Проанглийские и проамериканские круги усиленно работают над тем, чтобы удержать Японию от более тесных взаимоотношений с Германией.

2. Мацуока должен через личные беседы с Гитлером и другими выяснить действительные намерения Германии относительно Англии: будет ли она воевать с Англией или нет. *Руководители Японии продолжают опасаться возможности англо-германского компромисса в случае, если немцы не смогут вторгнуться на острова. В случае такого компромисса Япония должна быть осторожна в отношении своей экспансии на юг. <...>*

5. *Что касается СССР, Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать...*

Мацуока посетит сначала Берлин, затем Рим, Виши, Москву, затем вернется в Берлин и снова посетит Москву»⁴⁸¹.

Немцы надеялись, столкнув лбами Японию и Британию, сохранить мир между Токио и Вашингтоном, чтобы использовать империю для давления на Москву, но расчет оказался ошибочным. 18 марта на совещании у Гитлера, рассуждая о Японии, командующий флотом гроссадмирал Редер подтвердил верность проводимой на Дальнем Востоке политики: «...Япония должна предпринять шаги для того, чтобы как можно скорее захватить Сингапур, поскольку никогда условия не будут более благоприятными... но согласно заявлениям японских офицеров, она приступит к ним лишь, если Германия произведет высадку на английском побережье. Германия поэтому должна напрячь все усилия для того, чтобы заставить Японию действовать немедленно. Если Япония захватит Сингапур, тем самым будут решены все остальные восточноазиатские проблемы в отношении США и Англии (Гуам, Филиппины, Борнео, голландская Восточная Индия). Япония хочет, если возможно, избежать войны против США. Она сможет сделать это, если она в наикратчайший срок захватит Сингапур...»⁴⁸²

29 марта Мацуока встретился в Берлине с Риббентропом, и немецкий министр фактически уговаривал своего коллегу начать войну: «Риббентроп... выразил мнение, что будет лучше, имея в виду ситуацию в целом, не заводить разговоры с русскими слишком далеко. Он не знал еще, как будут развиваться события. Однако одно совершенно очевидно:

Германия ударит немедленно, если Россия когда-либо нападет на Японию. Он готов дать Мацуока эти определенные гарантии, и, таким образом, Япония может продвигаться на юг, в Сингапур, не опасаясь никаких осложнений со стороны России».

Зорге отмечал, что, судя по сообщениям из Берлина, большая часть германской армии уже сконцентрирована на восточных границах империи и находится в полной боевой готовности для нападения на СССР, а русские старательно избегают любых шагов, которые могли бы привести к провокации немцев. Он не мог тогда, в начале апреля, точно сказать даже, будет война вообще или нет, но доводил до Кремля мнение Берлина: *«Если все же Германия когда бы то ни было вступит в конфликт с Россией, с Советским Союзом будет покончено в течение нескольких месяцев. В этом случае Япония, конечно, имеет еще меньше оснований для того, чтобы опасаться чего бы то ни было, если она хочет наступать на Сингапур».*

По сообщению Зорге, к Риббентропу, давившему на Мацуока, присоединился гроссадмирал Редер, который как профессионал описал японскому посланнику «подводные лодки США и сказал, что они настолько плохи, что Японии нечего их опасаться. Мацуока немедленно ответил, что японский флот очень мало боится угрозы со стороны британского флота. Он также придерживается взгляда, что в случае столкновения с американским флотом японский флот сможет разбить его без особых трудностей.

Однако он боится, что американцы не примут морского боя, и таким образом конфликт с США может затянуться на пять лет. Такая возможность вызывает значительное беспокойство в Японии. Риббентроп ответил, что Америка ничего не может сделать против Японии, если будет захвачен Сингапур...»⁴⁸³.

7 апреля Мацуока на обратном пути из Берлина остановился в Москве, где почти неделю вел тяжелейшие переговоры со Сталиным. Наконец, 13 апреля был подписан советско-японский пакт о нейтралитете, развязывающий руки обеим сторонам, после чего был запущен процесс ратификации документа в Москве и Токио. 16 апреля в Токио появилось очередное указание Центра с требованием следить за

«внешнеполитическим курсом и военными мероприятиями японского правительства и командования» (а чем, по мнению Москвы, «Рамзай» занимался все предыдущие восемь лет?) и сообщить о «конкретных мероприятиях по экспансии Японии на Юг»⁴⁸⁴.

18 апреля Зорге сообщил в ответ в Центр, что Одзаки посетил принца Коноэ как раз в тот момент, когда тот получил телеграмму от Мацуока о заключении соглашения с СССР: «Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта... Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался...

...Отто спросил Коноэ относительно Сингапура. Коноэ ответил, что этим вопросом очень интересуются германский посол Отт и другие.

Отто полагает, что если Англия будет терпеть дальнейшие поражения, как сейчас, то вопрос об атаке Сингапура снова встанет очень остро».

Руководство японского отделения Разведупра прокомментировало сообщение «Рамзая» генералу Голикову: «В связи с вышеуказанным *Рамзай просит директив. Отто имеет некоторое влияние на Коноэ и других лиц и может поднимать вопрос о Сингапуре как острую проблему. Поэтому он запрашивает о том — заинтересованы ли мы, чтобы толкать Японию на выступление против Сингапура.*

*Далее сообщает, что он [Рамзай] имеет некоторое влияние на германского посла Отт и может подталкивать или сдерживать его от оказания давления на Японию в вопросе ее выступления против Сингапура»*⁴⁸⁵.

Сейчас это был главный вопрос: сдерживать или торопиться. Война с Германией уже на носу — руководству разведки это было очень хорошо понятно. Не было у Кремля иллюзий и по поводу крепости нового соглашения с Токио. Японские военные и правящие круги «Островов» традиционно представляли Россию как извечного противника. Учитывая то, как в этот период развивались советско-японские отношения, можно было не сомневаться, что в случае войны СССР с Германией Япония немедленно разорвет пакт и ударит в тыл, как только увидит слабость Москвы. 6 мая Мацуока подтвердил эту позицию в беседе с послом Оттом: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных

дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония будет вынуждена, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой Пакт о нейтралитете»⁴⁸⁶. Зорге, разумеется, немедленно сообщил об этом в Москву.

Там, в Центре, получали и другие свидетельства того, что обеими сторонами — СССР и Японией и после заключения пакта о ненападении ведутся интенсивные военные приготовления и для Москвы теперь — в ожидании нападения Германии, особенно важно было повернуть силы Японии на юг. Понятия «агенты влияния» еще не существовало. Резидент «Рамзай» был уникальной для своего места и времени личностью, оказывающей серьезнейшее влияние через Отта на Риббентропа, а через Одзаки на Коноэ. Но генерал Голиков не мог себе представить, что делать с такими инициативами Зорге. А потому решил их на всякий случай пресечь: «Вашей задачей является своевременно и достоверно освещать военные и политические мероприятия японского правительства и высшего командования. *Влиять и подталкивать Коноэ, Отта и др. лиц в Вашу задачу и Отто не входит, и заниматься этим не следует*»⁴⁸⁷. И все же, несмотря на всю «помощь» Центра, «Рамзай» пытался сделать для родины как можно больше, по-своему толкуя термин «не следует»: «Мне было строго запрещено Москвой заниматься другой деятельностью, кроме разведки, а именно — пропагандистской и организационной работой, имевшей политический характер.

Поэтому моей группе и мне совершенно не разрешалось предпринимать какого-либо политического воздействия на любых отдельных лиц или на организации. *Мы беспрекословно выполняли этот запрет, но допускали одно исключение: мы активно воздействовали на мнение людей в отношении мощи СССР.* Пусть даже это нарушение, но совершенно неразумно соблюдать общие ограничения, ничего не предусматривающие в отношении подобных экстраординарных случаев. Если бы Одзаки и я в качестве советников, опытных советников-специалистов по политическим проблемам, принося мощь СССР, подтвердили общее мнение, тогда низкое оценивавшее, наша позиция сразу стала бы опасной...

Одзаки, Вукелич и я на протяжении нескольких лет стояли на этих позициях. Однако с 1941 года стали усиливаться голоса в пользу войны с СССР. Я направил в Москву единственный запрос, поскольку *Одзаки выразил уверенность, что сможет, умело обойдя указанные выше ограничения, повлиять на близких ему людей и активно содействовать становлению мирного курса Японии по отношению к СССР. Он был убежден, что, настойчиво пропагандируя теорию против войны с СССР в группе Коноэ, можно добиться поворота японской экспансионистской политики в южном направлении.*

Мой запрос был сделан в самой общей форме, чтобы сохранить возможности для активных действий Одзаки и других членов группы, но ответ Москвы был отрицательным. Правда, в нем прямо не запрещались подобные действия, но указывалось, что в них просто нет необходимости. После начала войны Германии с СССР в 1941 году обстановка стала становиться все более напряженной. В этой ситуации я подумал, что, даже не истолковывая ответ Москвы как necessarily категорический, ничто не мешает действовать в рамках моей компетенции. А рассматривая формулировку "нет необходимости" в более широком смысле, я посчитал, что нам определенно не запрещено заниматься вышеуказанной деятельностью.

*Поэтому я не препятствовал активным действиям Одзаки в группе Коноэ. Более того, я сам решительно взялся за работу среди немцев, учитывая, что моя позиция по этим вопросам оставалась неизменной в течение нескольких последних лет...»*⁴⁸⁸

Если решение Зорге о беспрекословном исполнении запрета о политическом воздействии на японское руководство и выполнялось до 1939 года, то с июня 1940-го именно такое воздействие стало его основной задачей и еще одним подвигом Зорге. Да и не только Зорге. Вот что пояснил на следствии Одзаки: «...Поскольку у меня были контакты с влиятельными в политике людьми из окружения Коноэ, я считал, что в некоторой степени мог вести политическую пропаганду и работать в защиту Советского Союза. Об этом я сказал Зорге примерно в 1939 г. На это Зорге ответил мне тогда, что лучше не заниматься такими политическими действиями, так как они выходят за рамки нашей основной разведывательной

работы»⁴⁸⁹. Но это — в 1939-м, а дальше ситуация изменилась кардинально, и точно так же изменилось мнение резидента.

Примерно то же происходило и в работе Вукелича, который, конечно, не мог конкурировать с Одзаки по степени воздействия на умы великих мира сего, но мог содействовать достижению общей цели как опытный и авторитетный журналист. «Он также в какой-то степени мог заниматься указанной выше деятельностью, — подтверждал Зорге. — Думаю, что он дискутировал с теми, кто недооценивал мощь СССР, и стремился укрепить курс на мирные договоренности с Советским Союзом. Он часто спрашивал меня, как использовать информацию, отправляемую им по радио во Францию и полученную в ходе своих бесед с сотрудниками агентства "Домэй". В таких случаях я большей частью советовал ему быть поосмотрительнее, мы не ссорились, даже если это воспринималось им с трудом. Кажется, он умело воспользовался инцидентом на Халхин-Голе. Он говорил также о необходимости сближения между Японией и Советским Союзом, поскольку политика США в отношении Японии постепенно становилась все более жесткой. Думается также, что он, обыгрывая вероломное нарушение Германией пакта с СССР и желание быстро его проглотить, стремился показать, насколько эгоистичным и необязательным было отношение нацистов к обязанностям, предусмотренным договором. И, наконец, он постоянно указывал на существование японо-советского пакта о нейтралитете и по меньшей мере создавал атмосферу оппозиции к его отмене»⁴⁹⁰.

Сам Вукелич тоже не отрицал своей пропагандистской деятельности на следствии: «С весны 1941 года по согласованию с Зорге я проводил специальную работу с американским корреспондентом Ньюменом. Мы обсуждали с ним японо-американские отношения, изыскивая возможности сделать американскую политику более благоприятной для Советского Союза. Я старался разъяснить Ньюмену, что германская политика направлена на то, чтобы втянуть Японию в войну против Англии и Америки и превратить ее в пятую колонну Германии. Исходя из этого, я советовал ему написать соответствующую статью. Доверяя мне, Ньюмен написал такую статью, и она была опубликована в "Нью-Йорк геральд трибюн"»⁴⁹¹.

Деятельность Ньюмена, вдохновляемого Вукеличем, привлекла настолько пристальное внимание японской полиции (а может быть, его просто кто-то выдал), что 15 октября 1941 года его должны были арестовать, но по счастливому стечению обстоятельств он вышел из дома до прихода агентов токко и в тот же день убыл на пароходе в США. Интерес контрразведчиков к американцу неудивителен: за короткий срок тот опубликовал три большие статьи, инспирированные группой Зорге, причем в одной из них — «Токио ожидает, что Гитлер двинется на Россию», опубликованной 31 мая, фактически раскрыл военную тайну: «Информация, полученная заслуживающими доверия источниками в Токио, свидетельствует... что единственно возможным временем нападения Германии на Россию является отрезок между завершением сева зерновых на Украине и созревaniem урожая. Они добавляют также, что, если нападение не произойдет в конце июня, оно будет отложено до следующего года»⁴⁹². Был ли Ньюмен еще одним, до сих пор не раскрытым членом группы Зорге, нам неизвестно и сегодня.

«Рамзай, весь май занятый контролем за развитием японо-американских отношений и перспективой перерастания их в вооруженный конфликт, к вопросу нападения Германии на Советский Союз обратился довольно поздно, лишь в середине месяца, и результаты этого обращения вовсе не являлись такими однозначными, как виделось в советскую эпоху. Наш герой сражался тогда, как, вероятно, ему самому казалось, из последних сил. Как раз к этому времени относится одно из последних описаний облика "Рамзая". В конце апреля в аэропорту Ханэда приземлился самолет с министром иностранных дел Мацуока, вернувшимся из европейского турне, ознаменованного подписанием Пакта о нейтралитете с Советским Союзом. На аэродроме министра ожидали многочисленные журналисты и дипломаты. Среди советских находились уже знакомый нам сотрудник легальной резидентуры Виктор Зайцев, знавший Зорге лично, и недавно прибывший в страну офицер военной разведки с документами секретаря консульского отдела советской дипмиссии Михаил Иванов — тот самый, который еще в декабре 1940 года переводил Кате Максимовой письма Рихарда. Михаил Иванович вспоминал об этом годы спустя, и это заметно по чрез-

мерному пафосу его речи, записанной, когда Зорге уже был признан героем, и все же его слова нельзя не привести в этой книге, потому что это — правда: "Толпы репортеров, сотрудников охраны и дипломатов ринулись к только что приземлившемуся самолету, из которого вышел улыбающийся Мацуюка. Консул посольства В. С. Зайцев толкнул меня, кивком указав в сторону. Там неторопливо шел прихрамывающий Зорге — без фотокамеры, даже без полевого блокнота, в безукоризненно выглаженном костюме-тройке с нацистским значком на лацкане. Я мгновенно почувствовал, как одинок он был в этой суетящейся массе жаждавших сиюминутной сенсации репортеров...

Увидев Зорге, я ощутил восторг и скорбь одновременно. Он шел с достоинством и горечью безмерно измученного одинокого человека, чуждого фальшивой суеты политиканов, понимающего глубинную суть надвигающихся грозных событий. Все же — одновременно — он шел как победитель, как автор этой шумной постановки. Это была минута его торжества как стратега и мыслителя столетия" ...»⁴⁹³

ЛИЧНЫМ ОБМЕРОМ...

В начале 1941 года Зорге собрал и переправил в Москву огромное количество информации по военному профилю. 8 января, 1 и 14 февраля он передал в Центр несколько развернутых, очень подробных сообщений, вскрывающих численность, структуру и, частично, вооружение японских войск в Маньчжурии, представлявших непосредственную угрозу для СССР. Это стало своеобразной компенсацией за допущенные ранее пробелы в освещении подобных вопросов. Москва признала присланные материалы имеющими исключительную ценность и отметила, что их источник заслуживает поощрения. Источником являлся Одзаки, а данные о Квантунской армии он получил в бюро ЮМЖД, где ему были доступны настолько точные сведения, что Центр теперь не просто представлял себе Квантунскую армию значительно более отчетливо, чем ранее, но и знал командиров японских частей до полка включительно пофамильно, не говоря уже о сугубо военных деталях⁴⁹⁴.

Дополнительными источниками, как отметил «Рамзай», значительно менее информированными в этом вопросе, стали германский и итальянский военные атташе, а также Мияги, по своим каналам отслеживавший данные о передислокациях соединений японской армии из Японии в Китай и обратно. Об объемах присланных в Москву материалов можно судить по обрывочным данным, сохранившимся в архивах известного ведомства до наших дней: за февраль 1941 года «Рамзай» передал (не считая радиограмм!) 567 фотоснимков секретных материалов, из которых большая часть тогда же была признана «весьма ценными». За май — более 100 печатных листов, включая экономические и производственные данные о японской военной промыш-

ленности. По большей части это была уникальная, максимально детализированная техническая информация, в том числе о разработках новейших типов японских самолетов, но она устраивала Центр лишь частично. Так, в ответ на доклад «О посещении заводов Мицубиси» Москва приказала: «Ввиду важности вопроса *установите личным обмером* действительную площадь заводов, как действующих, так и новостроящихся...»⁴⁹⁵.

Привычная двойная логика Центра, одновременно признающего сообщения Зорге «ценными» и «весьма ценными» и расценивающего его самого как то заслуживающего, то не заслуживающего доверия резидента, вполне ожидаемо проявилась в одном из самых больных вопросов. Верная своему прошлогоднему обещанию, Москва с 1941 года сократила финансирование резидентуры «Рамзая» с января на 30 процентов, а с марта перевыполнила свой план и срезала еще 20. В ответ Зорге довольно робко попросил денег за февраль и сообщил, что, выполняя приказ Центра, изучает возможность вербовки еще одного агента по военной линии, а это потребует дополнительных расходов. Кем был этот человек, резидент не сообщил (мы и сегодня ничего не знаем о нем), но получил ответ без промедлений: вербуйте, и пусть он — завербованный японец — сразу и немедленно сообщит данные о новых истребителе, винтовке и пулемете. Оплата сдельная. Никто никогда не узнал, почему в Москве решили, что неизвестный им кандидат, не только еще не проверенный, но даже установочных данных на которого сообщить не успели, располагает нужными Центру сведениями именно по указанным видам вооружений⁴⁹⁶.

7 февраля «Рамзай» снова запросил финансирования, которое по-прежнему не было получено: «...мы остро нуждаемся в деньгах». 10 февраля: «...мы снова, как, впрочем, и неоднократно за долгие годы работы здесь, остались без денег... При здешних тяжелых условиях работы и при системе здешнего контроля мы считаем необходимым напомнить, что не совсем удобно, если Вы каждый раз будете ожидать с переводом денег пока мы окончательно "прогорим"». Речь при этом шла только о суммах на деятельность резидентуры: оплаты агентов — тех, кто брал деньги, расходы на конспиративные квартиры, пленку, дорогостоящие детали для рации,

переезды, непрерывные походы по ресторанам, ибо в Японии нет иных мест для частных разговоров — такова национальная традиция, и т. д. Средства для легализации разведчики зарабатывали сами.

Чуть позже, в феврале, Зорге снова запросил отпуск:

«Дорогой господин Директор!

Как Вам известно, в прошлом году Фриц был очень тяжело болен. Это просто чудо, что он до некоторой степени снова поднялся на ноги. Но необходимо считаться с тем, что тяжелый сердечный недуг, которым он страдает, может снова вернуться.

В последние месяцы у меня также были очень неприятные сердечные припадки. Плюс к этому — тяжелый грипп.

Так как мы работаем в этой стране непрерывно с очень давних пор, то это естественное последствие нашей работы при здешних исключительно тяжелых условиях совершенно не удивительно. В смысле здоровья мы все здесь в этой стране постепенно сходим на нет. Однако, чтобы этот процесс по возможности продлить, мы просим Вас, как я, так и Фриц, разрешить нам в апреле, самое позднее в мае, трехнедельный отпуск. Мы нуждаемся в нем исключительно сильно. Конечно, в случае, если произойдут чрезвычайные события, мы не возьмем отпуска. Мы просим Вас разрешить нам принципиально трехнедельный отпуск, а уж мы сами решим вопрос о времени.

Мы, наконец, еще раз просим серьезно продвинуть вопрос о заместителе Фрица с указанием данных о его национальности и, вообще, положения с тем, чтобы выяснить возможности его легализации и пр.

Мы просим также навести окончательную точность в вопросе обеспечения нас деньгами. Необходимо, чтобы мы вовремя получали деньги, требуемые нам для работы, небольшой резервный фонд для чрезвычайных расходов, а также, чтобы мы имели постоянный резервный фонд на случай необходимости.

Сердечный привет,

Ваш верный *Рам.*⁴⁹⁷.

Ответ генерала Голикова оказался предсказуем: «Внимательно изучив Ваши материалы за 1940 г., считаю, что они не соответствуют поставленным Вам задачам своевремен-

но вскрывать военно-политические замыслы, вооруженные силы и дислокацию армии зеленых. Большая часть Ваших материалов не секретны и несвоевременны... Ваши источники ценных материалов не дают. Мои указания о вербовке ценных источников зеленых остались невыполненными. Требую активизировать Вашу работу, обеспечить меня оперативной информацией о армии и военно-политических мероприятиях зеленых. Считаю необходимым сократить расходы на Вашей конторе до 2000 иен в месяц (до этого они исчислялись суммой в пять-шесть тысяч иен. — А. К.)... Используйте доходы предприятия Фрица для дополнительного финансирования Вашей работы...»⁴⁹⁸

Это письмо, содержавшее не только неверную, идущую вразрез с мнением экспертов самого Центра, но и оскорбительную оценку деятельности «Рамзая», Голиков написал 17 февраля, а 15-го он наложил резолюцию на сообщение Зорге о том, что, в связи с принятием нового закона об охране военной тайны, работать в Токио станет труднее: «Он и так не очень работает»⁴⁹⁹.

Весь февраль и март, пока резидентура бросала все силы на продавливание японского правительства в отношении атаки на Сингапур, отслеживала, как и требовала Москва, изменения военно-политической ситуации вокруг Японии, пытаясь предсказать эти изменения заранее, шло интенсивное общение на тему выживания разведчиков в созданных Центром условиях. 22 февраля, 1, 5, 8, 15 и 27 марта Зорге жалуется сначала на нехватку, а потом просто на отсутствие денег для работы и делает свои выводы, на которые, приходится признать, он имел право: «Мы на чужбине думаем, что Вы оставляете нас в этой тяжелой стране без всяких средств. Хочу заметить, что впервые за семь лет работы здесь мы таким образом оставлены без внимания...»⁵⁰⁰ И несколько позже: «...если Вы настаиваете на сокращении наших расходов до 2000 иен, Вы должны быть готовы к разрушению того маленького аппарата, который мы создали.

Если Вы настаиваете на сокращении нашего бюджета до 2000 иен, то Вы должны приказать мне уволить Джо и Жиголо, которые были присланы мне распоряжением Центра. Вы должны также приказать мне и Фрицу жить здесь на половинном жаловании...

Если Вы не найдете возможным согласиться ни с одним из этих предложений, я вынужден буду просить Вас отозвать меня домой. Вы знаете, что я просил об этом уже несколько раз. Пробыв здесь 7 лет и став физически слабым, я считаю это единственным выходом из этих трудностей.

Вы можете быть уверены, что, если Вы отзовете меня обратно, я буду с гордостью сознавать, что я первый в этой стране человек, который сумел за 7 лет создать резидентуру, правда, не выполнивший полностью всех Ваших приказаний, однако сделавший много для нашей организации и пролетарского отечества»⁵⁰¹.

Конечно, обиженному и подавленному Зорге не удалось пронять руководство в Москве этой прочувствованной телеграммой. В итоге расходы на резидентуру увеличили только до 2600 иен в месяц, что все равно оказалось меньше, чем определенный резидентом минимум сначала в 3600, а затем в 3200. Что это означало на практике? По сути дела, цена вопроса о получении уникальных данных из Японии, лично от посла Германии в этой стране, от аппарата его военных атташе, от людей, близких к правящим кругам в Токио, информации, которая должна была спасти — и в итоге спасла! — жизни миллионов советских солдат и мирных людей, была определена одним генералом и парой полковников в Москве в 600 иен ежемесячно. В 1940 году минимальная зарплата неквалифицированного рабочего в Японии составляла около 75 иен, аренда квартиры в Токио обходилась в сумму не менее 300 иен, и, похоже, руководство советской разведки не задумывалось о том, что отсутствие 600 иен в месяц (суммы, равной цене съема хорошей квартиры) может стоить жизни бойцам Красной армии.

Что же касается отзыва на родину, который с радостью готов был принять Зорге, то полковник Попов, распоряжавшийся тогда в японском отделении, дал команду: «Указать "Р", что сейчас думать об отзыве не приходится. В такой обстановке хотя бы сколько-нибудь уважающий себя член партии и разведчик не может ставить так вопрос...», а меньше чем через месяц «Рамзай» оказался шокирован очередным пересмотром результатов своей работы, получив от того же Попова записочку: «Вашей работой за последние 3 месяца удовлетворен. Привет от жены. Здорова»⁵⁰².

В конце апреля, когда его впервые увидел воочию в аэропорту Ханэда Михаил Иванов, Зорге написал и отправил в Москву с «тяжелой почтой», то есть через курьера, большое письмо, в котором снова говорил о деньгах и проблемах работы резидентуры. Оно настолько всеобъемлюще по охвату тем, местами деловито, иногда назидательно по отношению к московскому руководству, а местами даже лирично, что есть смысл привести его здесь почти полностью: «...*Когда мы получили Ваши указания о сокращении наших расходов наполовину, мы восприняли их как своего рода меру наказания. Вы уже, вероятно, получили нашу подробную телеграмму, где мы пытались доказать, что это сокращение вдвое, без предоставления нам возможностей расходовать суммы на экстраординарные потребности, равносильно просто уничтожению нашего аппарата...*

Джо и я сам, т. е. двое из четырех, представляющих ядро нашего аппарата, добывают материал сами лично без специальных на то затрат... Фриц и Жиголо (совместно с его прежней женой) являются технически-организационными исполнителями нашего аппарата. Фриц — в области воздуха, а Жиголо и его прежняя жена — в области фоторабот и мастерских для воздуха (то есть квартир для выхода в эфир. — А. К.) и фоторабот.

Если Вы посмотрите наши отчеты, то Вы заметите, что большая часть нашего аппаратного бюджета расходуется на поддержание жизни этих четырех людей...

Второй важной статьей расходов является содержание нашего технического аппарата, т. е. гарантирование воздушной и фотоработы... и здесь сокращение наших расходов едва ли возможно, наоборот, было бы весьма желательно еще более увеличить количество наших мастерских, чтобы при увеличивающихся трудностях иметь большее количество различных рабочих мест (так иносказательно описывалась нужда в радистах и замене Клаузена. — А. К.).

Расходы, падающие на долю связников вне нашего ядра... в лучшем случае составляют 25—30% нашего бюджета. *Резюмируя, приходим еще раз к выводу, что сокращение нашего бюджета на половину... представляет собой уничтожение нашего маленького ядра, а не меру экономии...*

Кроме того, Вы должны всегда учитывать чрезвычайные расходы. Здесь в стране мы не можем достать ни ламп, ни пленки, ни даже материала для одежды. Нам приходится выписывать много материалов из-за границы на валюту. Кроме всего, после столь длительного пребывания в этой стране и климате, наше здоровье уже не на той высоте, что прежде. Если Вы просмотрите наши отчеты за последние три года, то Вы заметите, что наши расходы в связи с болезнями, и большей частью весьма тяжелыми, значительно возросли. *В том случае, если Вы и в дальнейшем нуждаетесь в нашей работе здесь в стране, то мы хотим Вас попросить оказать нам доверие с тем, чтобы мы сами провели сокращение наших расходов так, чтобы от этого не пострадала наша работоспособность. Как уже сказано, мы считаем минимум 3200.*

К сожалению, мы должны обратить Ваше внимание на новую трудность в нашей работе, которая скажется с наибольшей полнотой только в этом году.

Как Вы уже, вероятно, знаете по нашим старым докладом, большая часть материалов исходит от меня, которые мне удастся собрать в рабочих местах германского посла, ВАТ и морск. ВАТ.

Я просто забирался с машинкой (фотоаппаратом. — А. К.) в кармане в одно из помещений этих чиновников, кося одним глазом в сторону двери и прислушиваясь одним ухом к каждому шороху, я щелкал своим аппаратиком. Вы можете себе представить, что это была очень тяжелая, очень опасная и скользкая работа, ставшая сейчас еще более тяжелой. Ибо в течение последних трех лет учреждения германского посольства настолько расширились и появилось такое количество новых людей, что буквально не найти ни одного свободного местечка.

При этих условиях совершенно исключена какая бы то ни было возможность фотографировать весь тот материал, который еще и сейчас мне удастся получить для прочтения. *За все эти годы мне удавалось, несмотря на существенную смену аппарата учреждений, сохранять свое положение человека, пользующегося доверием. Сейчас мне также удастся читать почти столько материала, как и прежде, а может быть, и больше.* Частично, верно, эти материалы ухудшились по качеству. Но, к сожалению, в большинстве случаев я не могу более

их так фотографировать, как выше было описано... Недостаток территории лишает меня возможности не только читать документы, но, тем более, их фотографировать...

Вы должны понимать, что материал и документы, которые мне разрешают читать, я не могу при существующих условиях ни в коем случае выносить за пределы данного учреждения, т. е. брать их на дом или на конспиративную квартиру... Этому мешает суровая секретность и предосторожности против шпионажа туземных шпионов, царящие в вышеназванных учреждениях. Следовательно, это еще одна новая трудность, которую с большим трудом сможет преодолеть такой старый грешник и практик, кипящий не в первом котле, как Ваш покорный слуга.

Наконец, еще одна все более усложняющаяся проблема. Я живу здесь непрерывно более шести лет. До этого я был здесь еще в течение двух лет и возвращался в Центр только на 26 недель. *Все чаще руководящие личности обращаются ко мне с вопросом, почему я не желаю хоть на короткое время проехаться в отпуск в Германию, чтобы посмотреть на месте ситуацию и прочее.*

Второй вопрос, с которым ко мне то и дело обращаются, — это почему я отвергаю предложения газеты, на которую я работаю. Почему я не заключаю с ней твердого контракта. Или почему я отказываюсь от неоднократных предложений Посла получить на время войны постоянную работу. Причины, по которым я не еду в Германию, вызовут с их стороны подозрения... Все это представляет определенную опасность, учитывая мое старое прошлое. Но еще важнее тот факт, что если я свяжу себя контрактом с газетой или с какой-нибудь другой работой, то будет еще труднее закончить работу здесь, чтобы наконец уехать к Вам домой, в Центр и остаться там навсегда... Пока мне удастся отклонять вопросы под предлогом, что я хочу дождаться конца войны или, по крайней мере, такого момента, когда уже можно будет сказать, что из этой войны получится.

Так, например, когда Отт ехал в Берлин, он хотел взять за свои средства меня с собой, не только для компании, но и за тем, чтобы я заключил постоянный контракт с газетой или даже с Министерством иностранных дел. Для меня было трудно отклонить столь доброжелательные намерения Отт.

Итак, все более приближается время, когда Вы должны заняться вопросом отзывать меня и Фрица. *Вы должны уже сейчас всеми средствами готовить замену для нас обоих.* Для обоих, ибо Вы должны себе ясно представить, что мое исчезновение, естественно, обратит на себя внимание, особенно, когда обо мне уже больше ничего не услышат и когда вместо того, чтобы вернуться в Германию, окажусь в Центре. Естественно, что подобное исчезновение и возникшие в связи с этим слухи окажут скверное влияние также и на Фрица, который, будучи членом той же общины и колонии, несомненно, был знаком со мной, а следовательно, *использовал это знакомство с целью легальной и открытой поддержки настоящей работы нашей фирмы.* Возможно, что Фриц мог бы остаться здесь и после моего отъезда, но *надежность есть надежность...*

Так что мы выдвинули в этот раз перед Вами целый ряд вопросов, которые мы, господин Директор, просим Вас как можно скорее разрешить. Такое решение вынести крайне необходимо. Не забывайте, что мы ведем жизнь двойников уже целых 7 лет, которую дальше продолжать исключительно тяжело.

Сердечный привет от всех нас здесь и, особенно, от Вашего Рамзая»⁵⁰³.

Нам неизвестно о какой-либо реакции Москвы именно на это большое, громоздкое послание почти отчаявшегося человека. Дальнейшая переписка Зорге с Центром по организационным вопросам не содержит ничего принципиально нового: очередные требования максимально сократить расходы — с одной стороны, просьбы не урезать бюджета — с другой, запросы по военно-техническим деталям и отчеты по военно-политическим аспектам, радиогаммы, шифровки, пленки, встречи с агентами, передача контейнеров связным из посольства под самым носом у бдительной японской полиции...

Но вот 28 апреля 1941 года Клаузен принял сообщение о том, что с этого дня всей резидентуре присвоены новые клички. Сам он стал «Изопом», а Зорге — «Инсоном». Бытует мнение, что присвоением новых псевдонимов Центр как бы подводил черту под старыми отношениями с «Рамзаем», которые основывались на подозрении его в троцкизме,

связи с «бухаринцами», «двойничестве» и предательстве, и открывал новую страницу общения с резидентом, которому полностью и безраздельно доверял. «В этой шифрограмме Центр впервые сообщил Зорге о его новом псевдониме. Этим жестом РУ как бы закрывало прежнюю историю своих взаимоотношений с Зорге и заявляло о желании начать их с чистого листа...» — писал Юрий Георгиев, относя, кстати, это событие не к апрелю, а к июню 1941 года⁵⁰⁴. Увы, эта ошибка породила очередной миф, который сегодня ничего не стоит развенчать с помощью опубликованных материалов, свидетельствующих о том, что к «Инсону» в Москве относились точно так же, как и к «Рамзаю». Дополнительным доказательством того, что это переименование никак не связано с изменением мнения Центра о работе Зорге, а являлось лишь частью крупных организационных мероприятий по реформированию управления военной разведки в Москве, служит тот простой факт, что одновременно были сменены псевдонимы и сотрудников легальной резидентуры в Токио. Как раз тогда Виктор Зайцев, например, стал «Имаком», а резидент полковник Иван Васильевич Гущенко был «перекрещен» из «Юрия» в «Икара». До начала войны с Германией оставалось меньше двух месяцев.

ПРЕДУПРЕДИЛ ИЛИ НЕ ПРЕДУПРЕДИЛ?

11 апреля 1941 года «Фриц» радировал в «Висбаден» о том, что от источника, близкого к представителю гестапо в Токио, стало известно: после возвращения Мацуока в Токио война между Германией и Советским Союзом может начаться в любой момент, однако окончательного решения не принято. Информация была доложена в Москве наркому обороны маршалу Семену Константиновичу Тимошенко⁵⁰⁵.

6 мая 1941 года Зорге писал: «Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой.

Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты.

Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент, так что Германии останется только собрать урожай.

Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Ар-

мια будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба (этот абзац был вычеркнут в рассылке Разведупра. — А. К.).

Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией.

Однако Отт, который лично против такой войны, в настоящее время настроен настолько скептически, что он уже предложил принцу Урах выехать в мае обратно в Германию»⁵⁰⁶.

Нетрудно заметить, что американскому журналисту Ньюмену, который опубликовал статью в «Нью-Йорк геральд», данные были предоставлены явно с учетом беседы Зорге и Отта. Впрочем, американских редакторов сведения о грядущей войне Германии и СССР не впечатлили, и важнейшую статью задвинули аж на 21-ю полосу. Но и в Москве, где Зорге был отнюдь не единственным и даже не самым важным источником информации о грядущей войне, где его сведения проверялись и подтверждались информацией от разведчиков в Европе, эти радиogramмы «Инсона» по-прежнему относили к материалам, либо совсем не заслуживающим доверия, либо требующим дополнительной проверки. Вероятно, к событиям осени 1941 года относится эпизод, описанный позже Максом Клаузенем: «Очень важным является то, как фашисты напали на Советский Союз. Ведь мы еще за несколько месяцев до этого сообщали, что у границы СССР сосредоточено, по меньшей мере, 150 дивизий и что война начнется в середине июня. Я пришел к Рихарду. Мы получили странную радиogramму — ее дословного содержания я уже не припоминаю, — в которой говорилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался, и воскликнул: "Это уже слишком!" Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если своевременно не подготовится к отражению удара»⁵⁰⁷.

150 дивизий возникают в сообщениях Зорге от 19 мая, когда он, ссылаясь на немецкие источники, отправил в Центр путаную радиogramму о том, что война между СССР и Германией может начаться в конце мая, но «...в этом году опасность может и миновать... Стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта Польши»⁵⁰⁸. Неясно,

по чьей вине, но, скорее всего — Клаузена, шифровавшего сообщение, девять германских армий, сосредоточенных на границе Советского Союза, были названы в послании армейскими корпусами, что вызвало дополнительную путаницу и необходимость нового радиообмена, что в нелегальных условиях всегда плохо. «Рамзай», ссылаясь на американские источники, дал Центру ложные сведения о 900 тысячах единиц личного состава вермахта на границе и одном миллионе человек в резерве — реальная численность немецких войск была занижена примерно втрое. Это при том, что число дивизий совпадало практически точно (по разным данным, немцы имели на Восточном фронте 141 или 149 дивизий⁵⁰⁹). Наконец, сама постановка вопроса: «война может начаться в конце мая» или «может и миновать» вносила не ясность, а путаницу в представление о планах Берлина.

К 30 мая «Инсон» разобрался точнее и, со ссылкой на посла Отта, передал: «Немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95% уверен, что война начнется» — и далее сообщал некоторые косвенные свидетельства того, что скорый конфликт неизбежен⁵¹⁰.

1 июня возникает еще одна загадочная телеграмма: «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе.

Отт заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолла.

В беседе с Шоллом я установил, что немцев в вопросе о выступлении против Красной Армии привлекает факт большой тактической ошибки, которую, по заявлению Шолла, сделал СССР.

Согласно немецкой точке зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена в основном против немецких линий без больших ответвлений, составляет величайшую ошибку. Она поможет разбить Красную Армию в первом большом сражении. Шолл заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии».

В Москве сообщение породило две важные резолюции. В первой генерал Голиков потребовал получить от «Инсона»

подробные разъяснения относительно «большой тактической ошибки» СССР и привести его собственное мнение по этому поводу; во второй указал просто и кратко: «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая»⁵¹¹. По неизвестной причине ответ Зорге пришел только 3 июля. Скорее всего, это было связано с тем, что информацию Шолла мог разъяснить только он сам. Ни Отт, ни кто-либо другой не были и не могли быть в курсе плана «Барбаросса», и Зорге мог сообщить в Центр только то, что знал, или то, что теперь становилось очевидным. Ясности это не добавляло, но и обвинять резидента в целенаправленной дезинформации было неверно. Существует мнение, что упоминание о «левом фланге» являлось «дезой», идущей из Берлина, так как все помнят, что главный удар был нанесен Гитлером в центре и южнее центра советской обороны. Но в директиве Верховного командования вермахта № 21 (план «Барбаросса») черным по белому записано: «...Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот»⁵¹². То, что в ходе немецкого наступления это направление изменилось в соответствии со степенью упорства советской обороны, никак не может стать поводом для обвинения нашего разведчика в злонамеренной лжи — он сообщал то, что мог узнать, недодумывая в таких случаях ничего от себя.

То же самое касается изменения даты немецкого наступления. Сегодня известно, что в той же директиве № 21 готовность к нападению была назначена на 15 мая 1941 года. Многочисленные свидетели и обвиняемые на Нюрнбергском процессе указывали ту же дату, в дневнике же Гальдера в марте 1941 года указывается дата 16 мая (с оговорками), а в мае — 23 мая (ориентировочно)⁵¹³. Точная дата выступления немецких войск держалась в сугубой тайне, и нельзя упрекать Зорге, а тем более обвинять его в том, что он знал не больше немецких генералов. И ответил Москве он, как только смог: «Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок.

Подполковник Шолл сказал тогда, что первый и главный удар будет нанесен немцами по Красной Армии их левым

флангом. Немцы полностью уверены, что главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара. Немцы очень опасались, что Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника, и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара. Главная цель немцев — это уничтожение Красной Армии охватом ее, как это было с польской армией (это совпадало с тем, что сообщалось в телеграмме «Инсона» от 19 мая. — А. К.).

Германский военный атташе сказал мне, что японский Генштаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого пр[отивни]ка и неизбежностью поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее как через 6 недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советском побережье Приморья. Общее настроение народа против действий Германии и присоединения Японии (подчеркнуто в документе. — А. К.).

Ваша дипломатическая деятельность должна быть значительно сильнее, чем это делается другой стороной.

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет и придерживаться пакта о нейтралитете с СССР...

На расшифровке телеграммы «Директор» написал:
«НО-4.

1) Подчеркнутое на стр. 1—2 послать выпиской членам Гос. К. Об. и НГШ.

2) Потребуйте от Рамзая сообщения о япон[ских] военных перебросках против СССР из Китая и самой Японии.

3) Доложите, сколько времени он не давал ответа на наше требование о левом фланге и саму его телеграмму.

Голиков. 3.7.41»⁵¹⁴.

17 июня — когда, в соответствии с более ранней информацией «Инсона», уже должна была начаться война, он присылает новое сообщение в Центр: «Германский курьер... сказал военному атташе, что он убежден, что война против

СССР задерживается, вероятно, до конца июня (подчеркнуто в документе. — А. К.). Военный атташе не знает — будет война или нет.

Я видел начало сообщения в Германию, что в случае возникновения германо-советской войны, Японии потребуются около 6 недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцы потребуют больше времени потому, что это будет война на суше и море (конец фразы искажен)⁵¹⁵.

Наконец, 20 июня Клаузен от имени своего шефа отправляет сразу три радиограммы, одна из которых говорит непосредственно о начале войны: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии так же хорошо, как это было сделано в самом начале... (искажение) потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши.

Инвест сказал мне, что японский Генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны.

Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока с одной стороны и ХираNUMA с другой — застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии»⁵¹⁶.

Эта радиограмма была получена в Москве в 17.05 21 июня, а расшифрована днем 22 июня, отчего потеряла всякую значимость. Ответ на вопрос «предупреждал ли Рихард Зорге Москву о точной дате начала войны?» очевиден: нет, не предупреждал. Он не мог сделать этого просто в силу того, что вообще никто в Токио не знал этой даты. Все ждали войну. Зорге, как и многие его визави, даже мог примерно вычислить период, когда она начнется — конец мая — июнь 1941 года, но... 22 июня стало для нашего героя таким же ужасным днем, труднопереносимым шоком, как и для многих миллионов людей на всей планете.

Макс Клаузен в присущем ему драматическом стиле описывал позже события первых военных дней: «Мы каждый час ожидали всё новой информации, подтверждения и, бо-

лее всего, сообщений о дипломатических и военных шагах советского правительства. Мы сознавали всю важность своего сообщения, но тем не менее мы так и не получили ответа на него. И когда война действительно разразилась, Рихард был в бешенстве. Он спрашивал в замешательстве, ломая голову: "Почему Сталин бездействовал?"»⁵¹⁷.

И вот еще один очень похожий эпизод, относящийся к тем же дням (возможно два разных рассказа Клаузена об одном и том же событии): «...на свои предостережения (о скором начале войны с Германией. — А. К.) Зорге получил ответ всего один раз в форме короткой телеграммы: "Мы сомневаемся в достоверности ваших сообщений"». Расшифровав послание, резидент вскочил с места и, «нервно дергая головой, начал мерить шагами комнату. "Почему они мне не доверяют? Почему игнорируют мои сообщения?"»⁵¹⁸.

Неизвестно, в какой степени правдив был Клаузен в этих своих воспоминаниях, но очевидно, что это был, возможно, один из трех самых тяжелых дней в жизни Зорге. Очевидно, что его нервы не выдержали, он сорвался, и, надо признать, наш герой имел для этого все основания. Восемь лет работы в тяжелейших, невыносимых условиях, восемь лет двойной жизни, когда никому нельзя признаться, кто ты такой, когда годами надо обманывать тех, кто искренне считает тебя другом, а люди, которых ты считаешь своими единомышленниками, старшими и более опытными коллегами, годами не верят тебе — ради чего все это было терпеть? Зачем? Если такие вопросы задавал себе Рихард Зорге 22 июня, то ему очень непросто было найти на них ответ.

Вечером 22 июня молодой немецкий дипломат Эрвин Викерт (в отечественном зоргеведении обычно — Бикард) и военно-воздушный атташе Вольфганг фон Гронау возвращались в Токио из дачного местечка Каруидзава, где состоятельные токийцы спасались от изнуряющей жары. «На станции Уэно мы купили только что вышедший экстренный выпуск газеты. В нем бросался в глаза крупный заголовок: "Германия напала на СССР". Я жил тогда в отеле "Империял" и, зайдя в свой номер, сразу же спустился перекусить в бар. Там я увидел Рихарда Зорге. Он уже был пьян и пытался высказать посетителям бара, что он думает о Гитлере. В баре были американцы, англичане, французы. Всем своим видом

они демонстрировали, что не хотят слушать Зорге. Тогда он начал громко кричать по-английски, что Гитлер — большой преступник, что он напал на СССР после того, как недавно заключил договор о ненападении со Сталиным.

Я сел рядом с Зорге. Никто не слушал его выкрики. Я тихо сказал ему: "Зорге, будь осмотрительней. Кругом американцы, англичане и французы, в баре могут быть сотрудники жандармерии". — "А мне плевать на это!" — ответил он. Когда бармен отказался налить ему очередную порцию виски, Зорге выругался. Он был здорово пьян»⁵¹⁹.

В другом варианте — в позднем, 2007 года, интервью Викерта газете «Ди Вельт», та же история звучит несколько иначе. Дипломат вспоминал: «У меня часто было ощущение, что его надо защищать от самого себя. В день, когда Гитлер напал на Советский Союз, я встретил его [Зорге] в баре отеля "Империял". Он уже много выпил и говорил о гитлеровском нападении как о преступлении. Полицайатташе при посольстве, штандартенфюрера СС и полковника Мейзингера, страшного "варшавского мясника", он называл мудаком [Arschloch] на весь бар. Мои попытки успокоить его были напрасны. Однако он не возражал, когда я снял ему номер и доставил его туда».

Исторический анекдот повествует о том, что, проснувшись, советский разведчик звонил послу Отту и кричал, что Германия проиграет войну, и, понятное дело, снова оказался прав...

Викерт объяснил тогда срыв Зорге воздействием виски и токийской жарой и не был так уж сильно обеспокоен словами и поведением Зорге в тот ужасный день. В том же интервью для «Ди Вельт» он легко объяснил это: «...мы говорили друг с другом [с Зорге] почти каждый день. Я не помню, чтобы он говорил хоть слово о Советском Союзе. И о Сталине он не говорил. Он только в резких выражениях критиковал гитлеровскую политику, но на это никто не возражал, потому что большинство его замечаний были справедливы. Даже Мейзингер, имевший указание следить за ним, не стал изучать его биографию. Напротив, они иногда выпивали вместе. При этом Зорге, конечно, было ясно, что Мейзингер — преступник...

...он [Зорге] при таких разумных взглядах на немецкую политику и положение в войне, закрывал глаза на иллюзорность марксизма-ленинизма»⁵²⁰.

Надо понимать, что к столь справедливому выводу германский дипломат пришел лишь годы, если не десятилетия (что скорее) спустя. А тогда, в 1941-м он не мог ни знать, ни даже подозревать, что эмоциональный взрыв журналиста стократно усилен ощущением, что его многолетняя работа во многом делалась впустую. Зорге понимал, что ему не доверяют, тем более это говорилось ему и напрямую. Он устал. Устал невероятно. Приходил в себя он в объятиях Ханако. Возможно, именно к этим дням относится фрагмент главы «Зорге плачет» из ее книги, в разных вариантах цитируемый многими авторами (и четко относимый ими к 22 июня, хотя никакие даты в источнике вообще не указаны): «Однажды вечером Зорге тихо лежал в кабинете на кровати, положив ладони себе на лоб. Я подошла, присела рядом и пристально посмотрела на него. Он молча плакал. Я была поражена. Я даже представить не могла, что такой сильный мужчина, как Зорге, вообще может плакать. Он весь съежился, повернулся ко мне и уткнулся лицом в мои колени, взял меня за руку и положил мою ладонь себе на голову. Я смотрела на него, не зная, что делать, а он весь собрался в комок, как ребенок на руках у матери. Совсем растерявшись, я то крепко обнимала его голову руками, то в забытии принималась гладить его по спине.

Через какое-то время Зорге успокоился и приподнялся. Вид у него был очень печальный, я спросила:

— Что случилось?

— Грустно, — ответил он односложно и бросил рассеянный взгляд в пустоту.

— Почему грустно? Пожалуйста, расскажите, — попросила я. Зорге прикрыл влажные от слез глаза и как-то жалобно ответил:

— У меня нет друзей.

— Почему? У вас есть Отт-сан, Вайзе-сан, Клаузен-сан. У вас есть друзья! — утешала его я.

— Нет. Настоящих друзей у меня нет, — еще печальнее медленно произнес Зорге. Я не знала, как его успокоить, поэтому больше уже ничего не спрашивала, безуспешно пытаюсь осмыслить бездну того, о чем он умолчал⁵²¹.

Спустя несколько десятилетий Исии Ханако в беседе с русскими журналистами сделала сенсационное призна-

ние, оставшееся незамеченным прессой и исследователями. В одну из встреч с Ханako, и возможно, это случилось в те самые июньские дни 1941 года, он сказал ей: «Когда я умру и тебе понадобятся деньги, иди в советское посольство» и добавил, что со временем они могли бы счастливо зажить в СССР⁵²². Это очень странное признание, но нам уже никогда не узнать, насколько оно было правдиво. Корреспонденту немецкой газеты «Ди Цайт» Исии сказала, что однажды вняла совету уже погибшего друга: «Не в состоянии оплачивать большие счета за лечение от туберкулеза, она обратилась в советское посольство, потому что Зорге много раз настойчиво говорил ей, что ей там помогут, потому что Москва ему, Зорге, очень многим обязана. В посольстве ей отказали: Вы ведь даже не были женаты с Зорге, его настоящая жена живет в Москве»⁵²³.

ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ

Война с Германией началась. Помочь избежать ее Зорге был, конечно, не в силах. Не смог бы он помешать и нападению Японии на Советский Союз. Токио удержали от этого шага миллионы красноармейцев, командиров, генералов, сначала сорвавших блицкриг, а затем и вовсе остановивших нацистов на протяжении многотысячекилометровой линии фронта от моря до моря. Но приложить усилия для того, чтобы Япония как минимум осталась верна своему принципу нападать только на ослабленного противника, а как максимум отвернуть острие ее удара в сторону, Зорге хотел, стремился, чувствовал себя обязанным. Короткий, но невероятно насыщенный промежуток времени — с 22 июня по 18 октября 1941 года стал лебединой песней группы «Рамзая — Инсона» и нашего героя персонально.

23 июня Клаузен принял послание Центра с требованием: «Сообщите ваши данные о позиции японского правительства в связи с войной против Советского Союза». 26-го с трудом пришедший в себя Зорге ответил двумя короткими радиogramмами. Главное содержание первой сводилось к следующему: «Германский посол Отт не имеет приказа давить на Японию вступать в войну. Источник Отто сказал, что японский флот в отношении вступления в войну будет наблюдать и выжидать...» Вторая имела тревожно-мобилизационный дух: «Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу.

*Мацуока сказал Германскому послу ОТТ, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР»*⁵²⁴.

Теперь ничего важнее вопроса о том, куда и когда окончательно ударит Япония, уже просто не было и не могло быть.

Центр торопил, требовал срочных данных о возможном решении Токио о начале войны, сведений о перебросках новых частей и соединений японской армии к маньчжурским границам. Зорге, Одзаки, Вукелич и Мияги старались как могли. 28 июня удалось сообщить: «...Источник Инвест утверждает, что, как только Красная Армия получит поражение, Япония выступит на север, но указал, что Япония желает купить Сахалин мирным путем, как случай (два слова искажены)... политики в период советско-германской войны. Германский посол Отт подтверждал в отношении первой части этого, но Мацуока на вопрос Отт в отношении второй части сказал, что Япония выступит против СССР, как он об этом всегда заверял его...»⁵²⁵

Как мы помним, «Инсон» указал конкретные, насколько это вообще было возможно, сроки возможного нападения Японии на Советский Союз в письме по поводу «левого фланга»: пять-шесть недель. 10 июля, когда прошли две недели, начали, казалось, сбываться худшие ожидания. Сначала Зорге сообщил о том, что Отт получил приказ Риббентропа «толкать Японию в войну как можно скорее», но германский дипломат не слишком этому приказу обрадовался, так как «это была бы только видимость войны, если она начнется теперь». К тому же стало известно, что части 19-й дивизии отправались на север, и это был очень плохой знак. Но еще одна дивизия тронулась с островов на юг, и в том же направлении ушли 37 транспортов с войсками. Во второй радиограмме, отправленной в тот же день, «Инсон» рассказал о прошедшем 2 июля важнейшем совещании в Токио: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал то же самое — что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска.

Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну, но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...

Японские власти начали преследование лиц, не одобряющих германо-советскую войну...»

Резолюция главы военной разведки, наложенная на это сообщение, давала ему такую оценку, которой уже долго не удаивались материалы нашего героя: «Учитывая большие возможности источника и *достоверность значительной части его предыдущих сообщений*, данное сведение заслуживает доверия». Автором «реабилитации» Зорге стал генерал-майор танковых войск Алексей Павлович Панфилов, назначенный временно исполняющим должность начальника Разведупра. Формально остававшийся главой ведомства генерал Голиков в это время убыл по приказу Сталина в Великобританию и США налаживать союзнические контакты, а его предшественник, генерал Проскуров был арестован 27 июня по обвинению во вредительстве (18 октября того же года его расстреляли). Впрочем, «реабилитация» снова оказалась частичной и временной.

«Икар» — легальный резидент Разведупра в Токио Иван Васильевич Гущенко, человек с военным образованием, но без всякого опыта разведывательной работы, 21 июля фактически обвинил Зорге в двойной игре, передав в Центр по радио, что у него «складывается мнение, что Инсон... говорит нам не все, ибо по вопросам мобилизации и переброскам ничего не дает»⁵²⁶. Телеграмма чуть запоздала — еще 14 июля заместителем начальника отдела полковником Поповым была составлена очередная замечательная справка на нашего героя. Замечательная потому, что, как это указано в примечании к ней, исполнил ее полковник Попов «*по памяти*», а генерал-майор Колганов, являвшийся в то время начальником Попова, проверять бумагу не стал, хотя личное дело Зорге лежало у них в отделе! Оттого в бумаге появились новые, поражающие нас сегодня, «открытия». Так, по версии Попова — Колганова (интересно, кто им помогал фантазировать?), родился Ика Рихардович уже не в Баку, а в Германии, зато провел детство «у бабушки в Одессе», «как попал в Разведупр — сведений нет» (то есть их не было в голове у Попова), в Шанхае работал «неконспиративно», «по записям врагов народа... известен английской полиции как советский разведчик» (несмолкающий отголосок Шанхая и визита в госпиталь английской полиции, путавшей двух Зорге). И все это не помешало Попову и Колганову высоко оценить сведения «Рамзая», полученные им в 1941 году. Но так как почти

все бывшие начальники Зорге были обвинены в шпионаже и расстреляны, начальники нынешние сделали вывод: «Японцы или немцы не уничтожают Инсона с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы» и, как обычно: «При соответствующем правильном руководстве и постоянном нажиме на Инсона от него можно добиться регулярной и нужной нам информации, особенно, по политическим вопросам»⁵²⁷.

Тем временем (22 и 30 июля) ничего не подозревавший об этом «Инсон» передал новые тревожные вести как раз по вопросам, в утаивании сведений по которым его подозревал «Икар»: в Японии началась мобилизация, и к середине августа под ружье встанут еще два миллиона человек (это было неверно — на самом деле призвали всего 600 тысяч человек), в первую очередь ранее демобилизованных военнослужащих Квантунской и Корейской армий. К первой радиограмме прилагались подробные сведения об организации, структуре и вооружении новых дивизий. Во второй он указывал, что *«начиная со второй половины августа, Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения кабинета Коноэ, но как долго намерен выжидать японский Генштаб, это трудно сейчас сказать»*.

Источник Инвест убежден, что, *если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят»*.

Помимо «Инвеста» (Одзаки) в радиограмме упоминался «Интари» («Итэри», «Интэри», «Интери») — так теперь звали Мияги Ётоку. Новый начальник Разведупра то ли не получил данных о токийской резидентуре, то ли не слишком интересовался этой проблемой вообще, а потому на полях недоуменно написал начальнику отдела: «Доложите о всех этих источниках — кто они?»⁵²⁸ (подчеркнуто в документе. — А. К.). Если к затребованному докладу прилагалась справка на «Инсона» и агентов, можно представить себе удивление и недовольство генерала Панфилова.

«Инсон» продолжал бомбардировать Москву новыми данными по «утаиваемой» им теме мобилизации. До 12 авгу-

ста, основываясь на информации из германского посольства, отправил в Центр целую серию сообщений о мобилизации в Японии и о численности новых дивизий в Маньчжурии. Но... переданные им сведения являлись ложными. В них присутствовала дезинформация, специально распространяемая японским Генеральным штабом, завышающая число мобилизованного населения страны. Это было действие, разыгранное для единственного зрителя: Германии. Япония пыталась таким образом убедить Отта и военных атташе, что ее армия готова к броску на север и ждет только команды. И Зорге, получавший все секретные данные вместе с послом Оттом, тоже попался на блеф беззастенчивого союзника Берлина. Кроме того, при подсчете войск журналист применил неверную методику при переводе численности мобилизованных солдат в количество боевых соединений. В результате вместо четырнадцати реальных дивизий Квантунской армии, развернутых к тому времени, у «Инсона» получилось целых 24. Несмотря на то, что советский Генштаб засомневался в точности поданных цифр и запросил перепроверку силами легальной резидентуры, вплоть до конца августа «Инсон», опиравшийся на свои источники, был уверен, что прав.

Но вот что интересно: ни ошибка резидента в материалах о мобилизации, ни доклад о его возможной работе под контролем немцев не снижали уровень доверия к нему на самом верху, в Кремле — слишком уж важная информация военного-политического характера и стратегического уровня поступала из Токио в те дни. Известно, например, что на стол Верховного главнокомандующего легла телеграмма «Инсона» от 12 августа: «Немцы ежедневно давят на Японию за вступление в войну. Факт, что немцы не захватили Москву к последнему воскресенью, как это они обещали высшим японским кругам, понизил энтузиазм японцев»⁵²⁹. Получается, справки и даже дезинформация (если ее сразу удастся вычислить) одно, а здравая оценка важности источника, которую мог дать только один человек, — совсем другое?

Так же активно, как весной, уговаривали Японию напасть на Сингапур, Риббентроп и Отт «давили» теперь на японское правительство с целью немедленно начать войну против Советского Союза. Резко сменились государственные приоритеты, сражения на Восточном фронте уже начинали за-

тягиваться дольше обещанных Гитлером пяти-шести недель, и выступление Японии на Дальнем Востоке становилось все более необходимо Берлину. Токио заявлял о своей готовности, обещая: «еще немного и начнем». Дошло до того, что во второй половине августа советские войска в Забайкалье и Приморье были приведены в повышенную боевую готовность, ожидая нападения японцев буквально с минуты на минуту. Причиной стали очередные телеграммы Зорге, которые легли в основу специального сообщения Разведупра:

«О предстоящем нападении Японии на Советский Союз.

По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия, во второй половине августа следует ожидать нападения Японии на Советский Союз.

Источник сообщает: «Прошу вас быть бдительными потому, что японцы начнут войну без каких-либо объявлений в период между первой и последней неделей августа мес."».

При этом в сообщении отмечалось, что окончательного решения японского Генерального штаба, японского правительства и императора о вступлении страны в войну нет. Это, конечно, создавало дополнительную нервозность в Москве, особенно, с учетом получения предыдущих завышенных данных о численности Квантунской армии, заставлявших держать на Дальнем Востоке силы, так необходимые тогда для обороны Москвы и Ленинграда⁵³⁰.

23 августа, перед отъездом в Маньчжурию, Одзаки сообщил еще одну важную новость: «ястребы» японской политики генералы Тодзио и Доихара считают, «что для Японии еще не наступило время вступать в войну... Одновременно, обсуждение вопросов оккупации Таи и затем Борнео в правительственных кругах происходит более серьезно, чем это было раньше...»⁵³¹. А на допросе в японской прокуратуре Зорге позже сказал, что Одзаки и вовсе представил ему ценнейшие сведения с совещания в Военном министерстве, суть которых сводилась к тому, что «...было принято решение не вступать в войну против Советского Союза в течение текущего года. Причем, представители Квантунской армии высказались вообще против войны с Советским Союзом»⁵³². Это была уже почти победа. Но данные Одзаки, полученные, скорее всего, от Сайондзи Кинкадзу, а тем — от офицера по связям между правительством Японии и Генштабом

императорского флота⁵³³, требовалось перепроверить и подтвердить. В них тоже могла содержаться намеренная дезинформация, не говоря уже о том, что настроения японских военных менялись так же быстро, как и ситуация в Европе. Время шло, и, как мы видим, в этот чрезвычайно важный для Москвы период информация, поступавшая от Зорге, носила крайне противоречивый характер.

Одзаки в это время продолжал воздействовать на близких ему людей из окружения Коноэ и убеждать их в необходимости изменить направление удара: «Примерно в конце августа я был приглашен секретарем кабинета министров Усибой и в присутствии его самого, Инукаи и некоторых других изложил свои взгляды по вопросу о том, куда может склониться ситуация в Сибири. Смысл моего высказывания сводился к доказательству бессмысленности нападения Японии на Советский Союз...

Я втайне надеялся, что эта моя точка зрения через секретаря Усибу и других достигнет князя Коноэ и окажет какое-то влияние на политику Японии в отношении Советского Союза...»⁵³⁴

Наконец, данные «Инвеста» подтвердил «Интер» — Мияги: «...Германия уже потеряла время для захвата Москвы, а Квантунская армия потеряла желание вступить в войну»⁵³⁵. 11 сентября «Инсон» не без удовлетворения, вероятно, мог доложить, что японский блеф раскрыт: *«Германский посол Отт потерял всякую надежду на выступление Японии против СССР. Сиратори (бывший посол Японии в Германии, в данное время работает в МИД) сказал Отту, что если Япония начнет войну, то только на юге, где они смогут получить сырье — нефть и металлы. На севере они (предполагаются немцы) не смогут получить достаточно помощи.*

Один из друзей в[оенно]-морского флота сказал Паула [морской атташе германского посольства в Токио], что выступление Японии против СССР больше не является вопросом. Моряки не верят в успех переговоров Коноэ с Рузвельтом и подготавливаются к выступлению против Тай и Борнео. Он думает, что *Манила должна быть взята, а это означает войну с Америкой*»⁵³⁶.

Обстановка на Западном фронте советских войск в сентябре была близка к трагической. Немцы прорвали нашу обо-

рону почти на всех направлениях, и единственной надеждой, единственным резервом Ставки очень скоро могли оказаться так называемые «сибирские дивизии» — соединения, в августе—сентябре 1941 года противостоящие Квантунской армии на Дальнем Востоке. Но в этом для СССР была заключена новая опасность: обнажение границ, скорее всего, стало бы для квантунцев сигналом к атаке. В такой ситуации ценность сообщений Зорге возрастала стократно, но ясности по поводу возможных действий Токио по-прежнему не было. 14 сентября «Инсон» передал в Москву (всего Клаузен в тот день было отправлено семь донесений!) несколько противоречивые сообщения: «По мнению посла Отта выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока...»⁵³⁷, «Источник Инвест... сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооруженные силы будут оставаться в Маньчжурии на случай возможного выступления будущей весной в случае поражения СССР к тому времени»⁵³⁸.

26 сентября вернувшийся из Маньчжурии, из правления Мантэцу, Одзаки, ранее направленный туда лично Зорге, развеял, наконец, туман, напущенный японским Генеральным штабом в вопросе о мобилизации, и назвал верные данные: «Общее количество солдат японской армии в Маньчжурии теперь составляет не менее 700 тысяч человек»⁵³⁹. Теперь данные советского Генштаба и резидентуры в Токио сошлись, и радиограммы Зорге, которые Клаузен отправлял почти ежедневно и по несколько штук, регулярно включались руководством военной разведки в спецсообщения Разведупра, доводившиеся до сведения начальника Генерального штаба и Ставки Верховного главнокомандования (ВГК), то есть до Сталина. Только сейчас обычным стало следующее начало текста: «По агентурным данным из Токио, заслуживающим доверия». И не просто доверия, а самого серьезного внимания.

Внести окончательную ясность в вопрос могло не военное, а политическое видение проблем вступления Токио в войну. И, разобравшись с численностью Квантунской армии, Зорге полностью переключается на них. Теперь война

с Америкой — это то, что могло помочь обезопасить восточные границы Советского Союза, то, к чему следовало стремиться как никогда. Отношения Японии и США становились все хуже с каждым днем. Фактически Вашингтон объявил торговую блокаду Японии, и статья Зорге в номере «Франкфуртер цайтунг» (он успевал в это время писать для газеты обширные аналитические материалы!) так и называлась: «Япония сопротивляется блокаде». Заканчивалась она тревожным пассажем: «В японском сопротивлении есть одна сила, ставящая предел как суровости блокады, так и самой политике окружения, производимой противником. Это японские вооруженные силы. Отнюдь не легко разгадываемый, иногда очень взрывчатый характер японца все время держит врагов Японии настороже, не давая им решиться на беспощадное осуществление блокады и политики окружения. В этом заключается суть японской силы сопротивления»⁵⁴⁰.

3 октября Зорге сообщил, основываясь на данных «Инвеста»: «...если начавшиеся переговоры между Америкой и Японией не дадут результата, уже до середины октября империя нанесет удар по Индокитаю и Сингапуру». Учитывая, что перспектив достижения компромисса между Вашингтоном и Токио не просматривалось, о чем хорошо было известно в Кремле от других источников, дело шло к скорой войне. Телеграмма Зорге вновь была доложена Сталину и другим руководителям Советского государства, а «Инсона» было приказано поблагодарить за присланные в последнее время материалы⁵⁴¹.

В тот же день Зорге отправил еще одно сообщение, на расшифрованной версии которого была проставлена резолюция: «Выяснить... почему же попадает телеграмма к нам на 5 день после ее получения». В заблудившемся почти на неделю в московских кабинетах чрезвычайно важным посланием говорилось о снижении военной активности Квантунской армии и невозможности ее возобновления, по крайней мере, до марта следующего — 1942 года⁵⁴². 4 октября, в день своего рождения — последний, отпразднованный на свободе, Зорге передал из Токио продолжение сведений о передислокации частей Квантунской армии и резюмировал: «...войны в текущем году не будет»⁵⁴³. Это была последняя полученная в Москве шифровка Рихарда Зорге.

Вскоре после того как был разрушен «первый главный миф» Зорге — о том, что он якобы сообщил точную дату нападения Германии на Советский Союз — 22 июня, появился «миф номер два» — о том, что исключительно благодаря информации нашего героя поздней осенью 1941 года Сталин решился перебросить с Дальнего Востока «сибирские дивизии», решившие ход великой битвы под Москвой и, в некотором смысле, исход всей Второй мировой войны. Еще в 1990-е годы против этой версии высказался бывший начальник одного из управлений НКВД Павел Анатольевич Судоплатов. Будучи весьма информированным человеком и высоким профессионалом, он довольно точно сформулировал основные моменты в истории сложных взаимоотношений Москвы со своим агентом в Токио: «К информации, поступавшей по этой линии из кругов премьер-министра Коноэ, и высказываниям германского посла Отта в Москве относились с некоторым недоверием. И дело было не только в том, что Зорге привлекли к работе впоследствии репрессированные Берзин и Борович, руководившие Разведупром Красной Армии в 20—30-х годах. Еще до ареста Боровича, непосредственного куратора Зорге, последний получил от высшего руководства санкцию на сотрудничество с немецкой военной разведкой в Японии. Разрешение-то получил, но вместе с тем попал под подозрение, поскольку такого рода спецагентам традиционно не доверяют и регулярно перепроверяют во всех спецслужбах...

Трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения не использовались нашим командованием. Исключительно важные данные о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре—октябре 1941 года так и осели в наших архивах.

А дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву в октябре 1941 года лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений. Если же информация Зорге при этом и учитывалась, то не играла существенной роли в принимаемом решении. Сообщения о том, что японцы не намерены воевать с нами, регулярно поступали с 1941 по 1945 год от наших проверенных агентов, занимавших должности советника японского посольства в

Москве и начальника службы жандармерии Квантунской армии, который передавал нам документальные данные о дислокации японских соединений в Маньчжурии. Кроме всего прочего, нам удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которой следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось»⁵⁴⁴.

С этими словами трудно спорить. И все же... что касается последней части заявления Судоплатова, то стоит вспомнить: во-первых, информация Зорге о невступлении Японии в войну относилась к более продолжительному периоду — вплоть до весны 1942-го, а не только к октябрю 1941 года (о чем, скорее всего, Судоплатов мог и не знать, ибо числился по другому ведомству — НКВД). Во-вторых, Судоплатов точно не был в курсе относительно политической роли Зорге и Одзаки как модераторов агентов влияния Кремля в японском истеблишменте и об их вкладе в изменение направления планов войны Японии с севера на юг. В-третьих, информация Зорге лета — осени 1941 года по поводу японских военных приготовлений не «осела в архивах», она регулярно, хотя и с преступным опозданием, докладывалась Сталину. Это означает, что, вкупе с многочисленными источниками, часть из которых указал Судоплатов, она играла чрезвычайно важную, если не важнейшую, роль в подкреплении идеи о переброске дивизий при том, что других боеспособных соединений действительно попросту не было. Так что при ближайшем рассмотрении миф оказывается не таким уж мифом: роль Зорге в спасении Москвы пусть и не была решающей, главной, но все же оказалась значительна и крайне важна. Цена его сообщений — спасенные жизни, а что может быть дороже?

«В августе 1941 года, — вспоминал Михаил Иванов, — МИД Японии устроил для дипкорпуса просмотр национальной оперы “Но-о”. По политическим соображениям советский посол на просмотр не пошел, и билеты были предложены 1-му секретарю и мне. Наши семьи в связи с войной были эвакуированы в СССР. Мероприятие происходило в старинном особняке; прибывших гостей отправляли во внутренний сад, где угощали японскими яствами и легкими напитками. Там я вновь встретил Рихарда. Он был в легком тропическом костюме. Как всегда, оставаясь внешне весе-

лым, но внутренне сдержанным, Рихард переходил от одной группы дипломатов и журналистов к другой.

По окончании коктейля вместе со всеми мы прошли в зал и заняли места в заднем ряду. Вскоре начался спектакль, и он весь был поглощен сюжетом представления. В самых патетических местах он то одобрительно, то с возмущением вскрикивал, вызывая расположение японцев, любящих свою старинную оперу. Он был, пожалуй, одним из немногих иностранцев на том приеме, кто с пониманием и неподдельным интересом оценивал музыку и игру актеров»⁵⁴⁵.

Рихард Зорге вообще был одним из немногих — из тех, которым, по известному выражению, обязаны жизнью очень и очень многие. Превосходивший в своем искусстве перевоплощения любых звезд театра, он не знал еще, что его собственное представление уже отыграно. Утром 18 октября 1941 года Зорге был арестован.

КТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?

10 октября 1941 года началось задержание членов группы Зорге. Первым стал Мияги. 18-го — взяли самого «Инсона». Аресты других членов группы — агентов и субагентов продолжались до лета 1942 года. Важнейший вопрос, который до сих пор задают исследователи и на который по-прежнему не найдено удовлетворяющего всех ответа: каковы причины случившегося провала?

Строго говоря, их всего лишь две:

1) японская полиция самостоятельно вышла на советских разведчиков — либо по причине нарушения ими конспирации, либо через почти случайных знакомых кого-то из членов группы;

2) предательство.

Попробуем рассмотреть обе и начнем со второй, тем более что пока именно она считается канонической.

Официальная версия провала до сих пор окончательно не опровергнута, хотя верящих в нее исследователей с каждым годом становится все меньше. Впервые она стала достоянием гласности в 1949 году, когда был опубликован доклад шефа разведки американских оккупационных сил в Японии генерала Чарлза Уиллоуби, основанный на документе специальной полиции токко под названием «Расследование дела о сборе информации относительно Японии группой Коминтерна»⁵⁴⁶. Согласно этой гипотезе, крах советской нелегальной резидентуры начался летом 1941 года, когда 27 июня 1-е отделение токко, занимавшееся борьбой с левым движением и охраной конституционного строя, получило признание в незаконной деятельности от Ито Рицу — японского коммуниста, земляка Одзаки (они даже учились в одной школе) и его коллеги по исследовательскому отделу ЮМЖД.

По каким-то причинам «Отто» никогда не использовал Ито в качестве своего агента, хотя знал о его убеждениях, и, скорее всего, Ито тоже был в курсе того, что Одзаки — «левый», но не более того. Не вполне понятно, когда Ито был арестован, но, по некоторым данным, это случилось еще в ноябре 1940 года, и не ясно, почему в таком случае он так долго молчал именно об Одзаки — или просто не спрашивали?⁵⁴⁷

В любом случае, в соответствии с имеющимися документами, получается, что именно тогда, 27 июня, Ито Рицу якобы заявил, что 56-летняя портниха Китабаяси Томо, жившая ранее в США, является членом японской секции американской компартии. Китабаяси, как мы помним, знала Мияги Ётоку по американскому периоду — он снимал комнату в ее доме, они вели разговоры соответствующего, «антиконституционного» характера, и через эту женщину токко вышла на след художника, а затем очень быстро высветила и всю группу Зорге. По непонятной, опять же, причине Ито Рицу был освобожден через два месяца после дачи судьбоносных показаний и, как ни в чем не бывало, вернулся к своей работе в ЮМЖД — как считают некоторые исследователи, получив задание следить за Одзаки, но затем снова был арестован и привлечен к суду уже по делу Зорге. После войны Ито стал одним из руководителей японской компартии, которая с 1950 года работала в подпольных условиях вне Японии — в Китае. Там, в Пекине, в 1951 году прошло расследование деятельности Ито в военные годы, в том числе и с использованием опубликованных комиссией Уиллоуби материалов, после чего его исключили из партии и выдали китайским властям. Отсидев в местной тюрьме 22 года, он вернулся в Японию в 1975-м и остаток жизни потратил на малорезультативный сбор доказательств своей невиновности, скончавшись с клеймом предателя в 1989 году⁵⁴⁸. Младший брат Одзаки — Хоцуки, уверенный, что именно по вине этого человека погибла группа Зорге и Одзаки Хоцуми в том числе, посвятил Ито книгу под характерным названием «Ныне живущий Иуда», а популярный мастер детективного жанра и влиятельный журналист, специализировавшийся на политических расследованиях, Мацумото Сэйтё дополнил беллетристические обвинения в адрес Ито книгой «Человек, продавший революцию».

К определению роли Ито как предателя склонялся и знавший его по заключению, но не имевший никаких доказательств Макс Клаузен: «В январе 1944 г. в больницу был помещен японский коммунист ИТО РИЦУ. Его камера была напротив моей... Он сказал мне, что был другом ДЖО и ОТТО. Он был арестован в сентябре 1941 г., за месяц до нашего ареста. Первое время я не верил ему, так как прокурор всегда пытался выяснить, о чем я думаю, и я предполагал, что ИТО подослали ко мне. Я и сейчас думаю, что ИТО мог быть причиной нашего ареста... ИТО был арестован в сентябре 1941 г. и знал очень хорошо ОТТО. Когда он разговаривал со мной, он очень нервничал и часто просил меня не говорить другим, что мы с ним разговариваем. Он всегда хотел узнать причину нашего ареста... Может быть, он и хороший человек, но метод, которым допрашивает прокурор, такой хитроумный, что избежать ответов очень трудно»⁵⁴⁹.

Мнение о том, что Ито Рицу стал предателем невольно, было довольно популярно среди множества послевоенных японских левых, не склонных судить так резко, как брат Одзаки или Мацумото Сэйтё. Ито оказался в моральной изоляции, ему было за что бороться, но оказанное на него давление в прессе оказалось настолько серьезным, что при жизни он так и не дождался возможности быть услышанным. Лишь в 1993 году газета «Асахи» опубликовала «политическое завещание» Ито, в котором он утверждал, что не называл имени Китабаяси на допросе, но у полиции существовал некий список вернувшихся из Америки японских коммунистов, в котором, возможно, эта фамилия значилась. «Миясита (следователь токко. — А. К.) заявлял, что именно от меня он услышал имя Томо Китабаяси, — писал Ито. — На самом же деле, в конце июня 1940 г. в полицейском участке Мэгуро я сказал полицейскому из токко... "Кикуё Аоянаги познакомила меня с теткой из Америки по ее просьбе, я встречался с ней дважды"».

«Тетка из Америки» — это и есть Китабаяси Томо, и невозможно себе представить, что Ито встречался с ней дважды, не зная ее имени. Тем не менее для него было принципиально важно даже в завещании указать, что он не называл ее по имени: «Я припоминаю, что позже Такэтора Ито (следователь токко. — А. К.) предположил, что это могла быть некто

Китадзима, поэтому в первоначальном рукописном тексте допроса было проставлено имя Китадзима. Через некоторое время сам Миясита сказал мне: "Эту женщину зовут Китабаяси, и она действительно вернулась из Америки". Я не мог понять, почему полицейский заявил, что услышал фамилию Китабаяси от меня»⁵⁵⁰.

Положение могли бы разъяснить те самые рукописные протоколы допросов — если бы они сохранились, но... в деле Зорге таинственным образом исчезло большое количество интересных материалов, которые помогли бы разгадать сегодня множество загадок. Увы, вместо ясных ответов остается строить догадки. Сам Ито предполагал, что его «признание» использовали для маскировки наличия этого самого списка, который в условиях послевоенной американской оккупации Японии мог породить множество неприятных вопросов к тем, кто составлял его в Америке. Примерно то же самое еще в 1957 году утверждал и допрашивавший Ито следователь Миясита из токко, оказавшийся, однако, неслышанным⁵⁵¹. Получается, Миясита сначала заявил, что слышал имя Китабаяси от Ито, а потом — что это необходимо было сделать, чтобы замаскировать список. Показания же Ито на следствии по делу Зорге не были прочно связаны ни с Китабаяси, ни тем более с Мияги. Наконец, историк Ватабэ Томия, в 1993 году опубликовавший книгу «Клеймо лжи. Крах шпионской версии Ито Рицу», сумел подтвердить наличие в токко списка, состоявшего из трех частей и включавшего около пятисот фамилий, о котором говорили Ито и Миясита, и установить, что негласное наблюдение за семьей Китабаяси велось с весны 1941 года, то есть за несколько недель, если не месяцев, до «признания» Ито Рицу.

Очень похоже, что Ито действительно «подставили», свалив на него вину за гибель сети советских разведчиков и прикрыв таким образом реальный источник информации. В 1997 году японские исследователи опубликовали бумаги бывшего адвоката Фусэ Тацудзи, занимавшегося делами японской компартии в военный период. Среди них оказались четыре доклада токко, относящиеся к 1942 году, из которых следовало, что дело Ито велось таким образом, чтобы «защитить внутренний источник информации», а также «со-

вершенно не соответствует действительности мнение о том, что аресты по делу Зорге осуществлялись только со слов Ито Рицу». В докладах Фусэ упоминался и полицейский инспектор Миясита, принимавший в этой операции самое активное участие и заявлявший, что «в деле Зорге был задействован агент спецслужб»⁵⁵². А многочисленные наградные листы сотрудников токко, обильно цитируемые сегодня в печати, которыми японцы пытались подтвердить версию Ито — Китабаяси, грешат таким количеством ошибок и нестыковок, что невольно наводят на мысли об их специальном редактировании для участия в операции прикрытия японской полиции и контрразведки. Таким образом, исследования современных японских историков вполне убедительно опровергают версию «случайного разоблачения» группы Зорге и точно определяют причину: предательство. Вот только имя настоящего «иуды» до сих пор неизвестно.

Не верили в классическую японо-американскую версию с Ито Рицу и Китабаяси Томо в качестве источника для начала расследования и в Советском Союзе. Уже хорошо знакомый нам Михаил Иванович Сироткин, переживший репрессии и с совершенно новым, отличным от предвоенных лет, настроением занимавшийся делом Зорге в 1964 году, весьма скептически высказывался по отношению к ней: «Что касается самих показаний Ито Рицу, то это является самой слабой частью всей этой версии, плохо продуманной деталью, вскрывающей нехитрую уловку японской контрразведки». Сироткин вполне логично замечал, что для спецслужб естественно создавать ложную картину расследования, скрывая истинные источники информации и методы борьбы с противником, и японская контрразведка справлялась с этой задачей ничуть не хуже, а может быть, и лучше, чем другие. Кроме того, дело Зорге и его группы — «наймитов мирового коммунизма», агентов Коминтерна, раскрытых благодаря предательству их же товарища, должно было стать частью «широкой антикоминтерновской кампании и компрометации японской компартии»⁵⁵³. Последняя задача не была выполнена — процесс Зорге не обрушил японскую компартию, хотя дальнейшие события, связанные с именем Ито Рицу, и имели крайне неприятные для нее последствия, да и сегодня далеко не все японцы с любовью произносят имя

Зорге*. Но, так или иначе, Ито явно никак не был связан с советской нелегальной резидентурой и не мог ничего знать о контактах Китабаяси с Мияги, а того с Зорге. Между тем опубликованные японские официальные документы даже своей хронологией настойчиво подтверждают «раскрутку» дела со стороны Ито.

В соответствии с ними 28 июня 1941 года, на следующий день после «признания» Ито, полицейский пристав Танака Нобору получил приказ о разработке Китабаяси Томо, а 26 сентября — об аресте ее вместе с мужем. Какие компрометирующие документы смогли собрать японские полицейские на женщину, живущую к тому времени в глубочайшей японской провинции и не имевшую там никаких интересных для токко контактов? Пожилая портниха, судя по всему, и сама не очень понимала, что происходит. В тех самых «наградных списках», которым, очевидно, можно доверять только частично, есть любопытная запись о том, что пристав услышал от Китабаяси Камиро (ее мужа) что-то, заставившее его более тщательно допросить женщину. 9 октября, 11 дней спустя после непрерывных допросов «с огромными усилиями», женщину заставили сознаться в том, что она была членом американской компартии (надо ли было следить для этого за ней три месяца?), вместе с ней в Японию вернулся ее однопартиец Мияги Ётоку, и, наконец, от нее услышали: «Я не являюсь шпионом, Мияги является шпионом»⁵⁵⁴.

Мияги Ётоку взяли на следующий день, и очень похоже, что следователь Танака просто вытащил из Китабаяси нужное ему имя — уже известное полиции, но по какой-то причине временно «охраняемое» токко. Однако Мияги приготовил агентам полиции неприятный сюрприз. Больной туберкулезом художник оказался наделен сильной волей и на первом же допросе 11 октября попытался покончить с собой. Улучив момент, он выбросился из окна комнаты для допросов, но упал на дерево, росшее у стены здания, и лишь сломал ногу.

* Автору доводилось встречать японцев, вполне однозначно относившихся к Зорге как к врагу, преступнику, по заслугам «награжденному» петлей.

Полицейский Сакаи прыгнул за ним и тоже получил травму, но Мияги после неудачной попытки умереть держался еще девять или десять дней и лишь потом, видимо, сломался внутренне и начал давать показания. И вот что странно: в представлении о награждении «разговорившего» художника инспектора Такахаси содержится фраза: «Мияги признался, что чувствовал наличие наружного наблюдения». Но ведь его арестовали на следующий же день после указания на него как на шпиона со стороны Китабаяси. Когда же он успел «почувствовать»? И еще: обессиленный Мияги *«подтвердил»* преступления Одзаки и Зорге и в течение короткого срока раскрыл всю картину данного дела, что в высшей степени способствовало проведению дальнейших поисков и арестов». Но если «подтвердил», значит, полиция и так уже «вела» Зорге и Одзаки?

Если верить японским документам, помимо руководителей разведывательной сети, Мияги назвал еще несколько человек, в той или иной степени работавших непосредственно на него: жившего в Китае Ямана Масадзанэ, аристократа Сайондзи Кинкадзу, журналиста Кикүти Хати́ро, жившего на Хоккайдо коммуниста Тагүти, военнослужащего Осиро Ёсинобу, врача Ясүда, лечившего Зорге. Все они со временем были арестованы. Загадочным образом ушел американец Ньюмен (был ли он действительно американцем?), и до сих пор неясно, как и когда его имя появилось в списке подозреваемых. Но, конечно, главное внимание то́кко было приковано к другим участникам группы: Зорге, Одзаки, Клаузену и Вукеличу.

Одзаки арестовали утром 14 октября. Эта сцена не раз уже воспроизведена в книгах и фильмах: в отличие от престарелых Китабаяси и одинокого Мияги, он был женат, имел дочь, и случившееся глубоко потрясло их. В тот день он должен был встретиться с Зорге в ресторане «Азия» на втором этаже токийского представительства ЮМЖД в районе Тораномон. В этом ресторане Одзаки не раз присутствовал на «встречах за завтраком» — с принцем Коноэ, а потом передавал услышанное «соседу» — Зорге. Но увидеться с ним на этот раз не удалось. «У меня в течение нескольких дней были дурные предчувствия, — вспоминал Одзаки в тюрьме, — и в то утро я уже знал, что близок час расплаты. Убедившись,

что Ёко ушла в школу, поскольку мне страшно не хотелось, чтобы дочь присутствовала при этом, я ушел из дома, даже не взглянув на жену и ничего не сказав ей на прощание. Я чувствовал, что с моим арестом все кончится. И все кончилось. Когда меня допрашивали в тот день после полудня, вопросы касались, как я и ожидал, моих отношений с Зорге. Я понял, что раскрыта вся сеть, и сказал себе, что все кончено»⁵⁵⁵.

Одзаки сделал признание, позволившее полиции окончательно понять, с кем она имеет дело, и, как он сам писал, именно после этого, «утром 15 октября 1941 года полчища прокуроров обрушились на нас». И снова: представление к награде пристава Миясита наполнено странными формулировками: «...Как только утром 14 октября 1941 года был арестован Одзаки, он немедленно допросил арестованного и выяснил полную картину дела, что *значительно помогло* аресту Зорге и других иностранцев, а также добыче важных вещественных доказательств.

Если бы признания Одзаки пришли на день позже, а аресты иностранцев, следовательно, задержались бы еще на один день, то Зорге, по меньшей мере, сжег бы большую часть важных вещественных доказательств. Зорге был арестован 18 октября 1941 года». Почему Зорге мог успеть что-то сжечь, если бы Одзаки взяли не 14-го, а 15 октября, и что именно это было — можно только предполагать. Точно известно, что признание далось Одзаки нелегко: «Ввиду того, что Одзаки являлся известным человеком с весьма широким кругом общения, возникло опасение, что весть о его аресте дойдет до Зорге. Пристав Такахаси *подверг Одзаки тщательному допросу.* Допзнание проводилось быстро. Преступник был близок к обмороку, однако его привели в чувство и *продолжали допрос без применения силы*». В результате «было установлено, что Одзаки в течение 10 лет обзаводился сотнями знакомых и друзей, начиная с министров и кончая женщинами, всякими путями узнавал у них ценные государственные и военные секреты и передавал их Зорге. Одзаки признался в шпионской деятельности, которой он занимался в течение 10 лет с 1932 года в пользу Коминтерна».

Чем был чреват «тщательный допрос» (еще один термин, использовавшийся в протоколах для обозначения пыток наряду с «мерами преследования» на весьма образном языке

японских полицейских), можно судить еще по одному похожему документу, свидетельствующему о задержании 29 октября на Хоккайдо субагента Мияги — Тагути: «30 октября во время допроса Тагути откусил себе язык и пытался покончить жизнь самоубийством, но благодаря быстро принятым мерам не сумел осуществить свое намерение».

Советского агента вывели из болевого шока, привели в чувство и заставили писать, раз он не мог теперь говорить: «В конце концов Тагути признался в том, что по рекомендации Ямана познакомился с Мияги. Примерно в феврале 1941 года ему стало известно, что Мияги собирал всевозможную информацию и получал исследовательские материалы военного, дипломатического, политического и экономического характера и все это передавал в Москву. Он признался так же, что передавал Мияги сведения о местожительстве политического обозревателя Сибата Мурамацэ, который находился в подчинении секретаря генерала Угаки Ябэ Канэ, посещал организацию "Мацэ Сейкай" и у входивших в нее начальников политических отделов газет, корреспондентов и других лиц получил сведения о переговорах Того с Молотовым, посла Иосидзава в Голландской Индии о нефти, о переговорах с США, о содержании послания принца Коноэ, о вооруженных силах, дислоцированных во Французском Индокитае, об обстоятельствах переброски в Маньчжурию войск генерал-лейтенанта Ямасита Томобуми, о количестве вооруженных сил, находящихся в Маньчжоу-Го, местонахождении аэродромов в районе Хоккайдо, о затруднительном положении там с продуктами сельского хозяйства, о количестве добываемого угля».

В полицейских документах много слишком настойчивых упоминаний о том, что в отношении арестованных по делу Зорге не применялись пытки, но с неменьшей частотой там можно обнаружить и сожаления по поводу необходимости прекратить допрос в связи с плохим физическим состоянием узников.

Арест Одзаки — влиятельного советника премьер-министра Коноэ и признание его в десятилетней работе на Коминтерн, выявление советской шпионской сети, в которую оказались вовлечены важные фигуры токийского истеблишмента, нанесли тяжелый удар по репутации правительства, которое

и без того находилось на грани краха. 17 октября принц Коноэ ушел в отставку, и его сменил типичный «ястреб» генерал Тодзё. Враги Коноэ даже спустя много лет в послевоенных мемуарах не упускали случая напомнить, что в окружении принца «было полно шпионов и изменников»⁵⁵⁶. Задержание Одзаки и других японцев, в том числе заметных персонажей токийского политического театра, происходило в критическое для Японии время, накануне войны с США, когда из последних сил велись японо-американские переговоры, и сразу после них — на первом этапе этой войны. Неудивительно, что существовала версия о том, что аресты Зорге и других иностранцев были вызваны необходимостью как можно скорее закрыть канал утечки секретной информации из правительства. Ведь даже после ухода Коноэ с поста премьера принц, как и в предыдущих случаях, оставался в гуще политических событий и обладал сведениями и влиянием, весьма интересными для людей, которые, как выяснилось, были агентами другого государства. В таком случае это объяснение вполне логично подтверждает версию о том, что «раскрутка» дела Зорге началась именно с японской стороны. Здесь уже не так важно, был ли «список Китабаяси» или кто-то, внедренный в группу, выдал ее полиции. В этих рассуждениях принципиально другое: провал резидентуры «Рамзая» начался с японской стороны, а потом полиция смогла выйти на Клаузена, Вукелича и самого Зорге. Но так ли это было на самом деле? И существовал ли в действительности предатель, которого так тщательно «скрывала» японская полиция, громоздя одну версию на другую, создавая дополнительные сюжетные ходы, подкрепленные документами, в которых уже больше семидесяти лет не могут разобраться историки. А если допустить, что все было совсем не так?

ВЕРСИЯ ПЕРВОГО ПОРЯДКА

Если не японцы, то кто же? Даже задуматься над ответом на этот вопрос кажется страшно, но давайте еще раз посмотрим на хронологию событий, а потом вернемся к размышлениям на эту тему.

Итак, Зорге, мучимый последнее время сердечными приступами (он не выходил в эфир уже десять дней) и крайне обеспокоенный отсутствием в «Азии» Одзаки и последующим исчезновением Мияги (он тоже не пришел на условленную встречу), 17 октября встретился с Вукеличем и Клаузенем. «Жиголо» безуспешно пытался дозвониться до Одзаки по телефону. «...около 7 часов вечера, — вспоминал Макс Клаузен, — я пришел к Зорге, который находился тогда в постели, чтобы поговорить о нашей тайной работе. Когда я пришел, они с Вукеличем выпивали, и я присоединился к ним, открыв бутылку саке, которую принес с собой. Атмосфера была тяжелой, и Зорге мрачно сказал — как если бы наша судьба была предрешена: "Ни Джо, ни Отто не явились на встречу. Должно быть, их арестовала полиция"». Так Клаузен узнал, что «Джо» — это Мияги, а «Отто» — Одзаки.

Выходя вечером из дома Зорге, радист столкнулся с полицейскими. Они и раньше следили за ним, но обычно старались не делать этого столь нарочито. Утром следующего дня — 18 октября один из них вошел в дом Макса и сразу проследовал в спальню со словами: «Мы бы хотели, чтобы вы отправились с нами в полицейский участок, чтобы ответить на некоторые вопросы об автоаварии, в которую вы недавно попали». Клаузен все понял: «Вспоминая все, что я слышал накануне вечером, я предчувствовал, что раскручивается нечто более серьезное, чем простая автоавария. Я торопливо позавтракал и рассеянно собирался, не способный ясно мыс-

лить, и ушел из дома в сопровождении полицейских. На улице ждала машина, в которой сидели двое в штатском. Когда машина двинулась, но не в участок Ториидзака, а в другом направлении, я предоставил себя судьбе. Меня доставили в полицейский участок Мита»⁵⁵⁷. Оттуда той же ночью Клаузена перевезли в токийскую следственную тюрьму Сугамо.

Рихарду Зорге позавтракать не дали. Арестом руководил детектив Охаси из токко, прибывший в участок Ториидзака в то же утро к пяти часам. Полицейские уже были готовы начать действовать, но перед домом Зорге стояла машина с германскими дипломатическими номерами — руководитель немецкого агентства новостей (у Голякова он «японский корреспондент "Дойче альгемайне цайтунг"») Вильгельм Шульце (Шульц) в этот ранний час записывал экспертное мнение более опытного коллеги по поводу отставки кабинета Коноэ. Представитель токийской городской прокуратуры Ёсикава Мицусада, курировавший действия следственной бригады, решил не рисковать и подождать, пока автомобиль уедет. Как только машина Шульце скрылась за поворотом, детектив Охаси громко закричал: «Мы пришли по поводу недавней аварии с вашим мотоциклом!» Зорге открыл дверь, и опергруппа ворвалась в дом. Журналиста, как он был, в пижаме и шлепанцах, невзирая на его крики протеста, выволокли из дома и втолкнули в машину, чтобы через минуту высадить из нее у полицейского участка. Но и здесь арестованный не задержался — его отправили в тюрьму Сугамо.

Прокурор Ёсикава позже рассказывал: «Мы опасались, что Зорге будет стрелять в нас из пистолета. Несколько дней мы вели наблюдение за его домом. В то утро его посетил представитель германского посольства. После того как этот человек вышел от Зорге, мы вошли в дом и арестовали его»⁵⁵⁸.

Сохранился перечень найденных во время обыска вещей Зорге: «...три фотоаппарата, одну фотокамеру с необходимыми принадлежностями, три фотолинзы (одна из которых телескопическая), фотопринадлежности, черный кожаный бумажник с 1782 долларами, шестнадцать записных книжек с подробностями связей с агентами и финансовыми расчетами, партбилет члена нацистской партии на имя Зорге и список членов партии, проживающих в Японии, Германский статистический ежегодник в двух томах (источ-

ник шифровальных таблиц), семистраничный отчет и схема, составленные на английском языке, и, наконец, самое роковое — две странички машинописного наброска, также на английском, представляющие собой заключительное послание, готовое к отправке в Москву 15 октября. В доме Клаузена был найден экземпляр этого же сообщения, наполовину зашифрованного, что дало основу для начала долгой драмы допросов»⁵⁵⁹. В список включили и огромную библиотеку арестованного, и рукопись книги о современной Японии объемом около трехсот страниц, которую Зорге не успел закончить.

Одновременно с Зорге и Клаузенем был схвачен Бранко Вукелич. Его тоже взяли во время завтрака. Дверь открыла жена, и когда полицейский вошел в комнату, Вукелич предложил ему кофе. Тот отказался и начался обыск. Полицейские нашли комплектующие к рации Клаузена, но не поняли, что это такое, тем более что жена Бранко — Ёсико запутала их, сказав, что это часть фотолаборатории, а то, что ее муж — фотограф, им и так было известно. Вукелича увели, оставив улики, и жена арестованного выбросила рацию в мусор, упаковав так, чтобы мусорщики ничего не заподозрили.

На следующий день сотрудники токко пришли к Анне Клаузен и... поселились у нее, ожидая в засаде гостей из советского посольства. Это значит, что полиции было прекрасно известно, что именно через Клаузенов поддерживается связь между двумя советскими резидентурами — легальной и нелегальной. Анна очень подробно живописала происходившие тогда события: «Только что я собиралась подняться по лестнице, как в этот момент группа полицейских вломилась в дверь. Один из них, как обезьяна, бросился ко мне, поймал меня за руку и вместе с подскочившими другими полицейскими вцепился в меня, не давая мне двинуться. Все другие с большими предосторожностями приступили к обыску. Сначала они боялись прикасаться к предметам, трясли меня за плечи и принуждали сказать, нет ли в доме адской машины. Я сказала, что нет, но они продолжали быть осторожными. В квартиру набилось до двадцати полицейских во главе с прокурором Иосикава. Этот прокурор, подпрыгивая, тряс кулаками, тыкал их мне в лицо и приговаривал: "Говори правду, коммунистка, я тебе покажу..."»

Ключами они открывали шкафы, чемоданы и вот открыли сундук, в котором был спрятан аппарат и все другие вещи и части к нему, лампы к передатчику, шифрованные и незашифрованные радиogramмы и какая-то книжечка на японском языке, фотоаппарат и американские деньги. Когда они обнаружили этот сундук, то двинулись к нему, но один из полицейских что-то скомандовал, и все замерли, из желтых стали зелеными, потеряли дар речи. Они долго молча смотрели друг на друга, даже мои руки отпустили. Я повернулась спиной к шкафу, где в маленьком выдвижном ящике были фильмы, еще не обнаруженные полицейскими... Они искали еще, забрали все, что нашли, и удалились. Со мной осталось только четыре шакала охранять меня, квартиру и особенно телефон. Вообще же они устроили засаду и оставили меня как приманку...

Полицейский у двери в коридор заснул мертвецким сном и внизу, слышу, никто не шевелится. Тогда я вышла в ванную комнату, а оттуда перебралась в комнату, где были спрятаны фильмы, 8 штук, какая-то бумага, написанная Рихардом и принесенная накануне вечером Максом. Я взяла это все и принесла в ванную комнату. Бумагу я разорвала на мелкие клочки и спустила в унитаз, а фильмы засунула в газовую колонку...

Через 13 дней такой жизни полицейские оставили меня одну. Я достала из газовой колонки фильмы и сожгла их в камине. В квартире производили обыск целый месяц. Группы полицейских с фотоаппаратом снимали все подряд. Специалисты рассматривали в лупу все предметы, каждую бумажку, искали оттиски пальцев посторонних людей...»⁵⁶⁰

Основная часть группы Зорге, включая его агентов и субагентов — около тридцати человек, была арестована в период с 15 октября 1941-го до весны 1942 года. Из них семнадцать в итоге были признаны членами советской разведгруппы и более десятка — их вольными или невольными информаторами. Причем, так как среди последних значились представители политической и родовой аристократии Японии, следствие вынуждено было подходить к «раскручиванию» дела очень осторожно. Их разоблачение, а также тень, брошенная арестами на самого Коноэ Фумимаро, могли сыграть на руку определенным армейским кругам в Токио, а прокуратура

сама старалась лавировать между несколькими мощными политическими течениями во властных верхах и к тому же соблюдать определенную политкорректность, так как дело задевало отношения Токио сразу с двумя странами, числящимися в стане союзников (Германия) и соблюдающих нейтралитет (СССР). Поэтому и нам, даже если мы принимаем японскую версию о предателе в рядах группы, стоит поразмышлять и над другими возможными причинами провала, никак не связанными с возможной провокацией токко или кэмпзэтай.

Во-первых, сразу же приходит в голову то, что в Японии отчасти повторилась шанхайская схема, при которой в числе агентов и информаторов резидентуры Зорге оказались коммунисты и люди, чьи симпатии левому движению были хорошо известны полиции. Как и в Китае, Зорге знал далеко не всех из них, а о существовании некоторых совсем не подозревал. Тем более не могло идти и речи хоть о какой-то их проверке, а уровень конспирации целиком и полностью зависел при этом от личной осторожности и энтузиазма членов группы — агентов и субагентов. Безусловно, в обстановке постоянного «закручивания гаек», борьбы с инакомыслящими и, прежде всего, с «мировой коммунистической заразой» в предвоенной Японии токко или кэмпзэтай рано или поздно вышли бы на кого-то из этих людей. Вопрос был только в сроках. Возможно, что именно так и случилось, и операция прикрытия могла быть реализована как для маскировки внедренного в группу агента, так и актуальных в то время методов работы японской контрразведки, включая радиопеленгацию. Машины с антеннами кружили поблизости от точек выхода Клаузена в эфир с 1938 года, и только несовершенство техники не позволяло японским специалистам точно засечь месторасположение радиста. Но рано или поздно это все равно бы произошло.

Во-вторых, эпизод с засадой на квартире Клаузенев напоминает нам о том, что с конца 1939 года резидентура «Рамзая» приказом из Центра была переведена на связь с сотрудниками резидентуры легальной. Сотрудники последней Виктор Зайцев и Сергей Будкевич за время до провала группы Зорге провели не менее десяти (по некоторым данным — четырнадцати) личных встреч с Клаузеном и Зорге

в ресторанах, театрах, в офисе радиста и даже — последние полгода перед арестом — в квартире «Фрица». Поэтому там и была оставлена полицейская засада. При этом ни один из разведчиков, работавших в советской дипмиссии, включая резидентов, их наставлявших, не имел за плечами опыта оперативной работы. Конспирацию они осуществляли исходя из собственных о ней представлений, слабо понимая, какому жесткому наблюдению подвергаются и как от него избавиться. Вспомним: были случаи, например, когда Зайцев выезжал на встречи с Клаузенем *на машине советского военного атташата с дипломатическими номерами*, за которой, разумеется, неотступно следовала полиция.

Надо заметить еще, что Клаузен к тому времени сменил жилье, переехав из дома, расположенного между двумя японскими пехотными полками, где его давно беспокоило обилие военных на улице, в более престижный и спокойный район. Там, по странному совпадению, его соседом оказался советский разведчик, сотрудник военно-морского атташата Носов, за квартирой которого полицией было установлено стационарное наблюдение, а на улице дежурила машина для слежки за его передвижениями по городу. Майор Зайцев почему-то решил, что это как раз очень удачно, так как следовавшие за ним по пятам сыщики, знающие, что он советский разведчик, должны были решить, что он ходит не к Клаузену, а к Носову. Сказать, что это беспечность — не сказать ничего. Это вопиющая безграмотность и непрофессионализм. А если добавить к этому, что за сотрудниками военной разведки в Токио следили не только японские полицейские, но пытались наблюдать и... сотрудники НКВД, за которыми, в свою очередь, тоже шел японский «хвост», то картина рисуется и вовсе безрадостная. Вот как (довольно хвастливо, надо отметить) рассказывал об этом Михаил Иванов: «НКВД, имеющий своих агентов и среди нас, армейских разведчиков, безостановочно следил за нами. Помню, однажды молодой лейтенант-чекист преследовал меня так навязчиво, что я не выдержал и прямо пошел на него в бедном районе Токио: "Дурак, — сказал я ему, — ты через пень-колоду лепечешь по-японски и шпионишь как новичок. Тебя тут же засекут и отделают так, что маму родную не узнаешь. Убирайся в по- сольство и не высывай носа, щенок..." Конечно, после это-

го я имел выговор и сам потерял надолго право выходить за территорию посольства»⁵⁶¹.

Понятно, что слежка за своими в Токио образца 1941 года не укладывается в рамки нормального человеческого мышления, но и действия Иванова, который пошел на скандал с НКВД и таким образом сам себя лишил выхода в город, тоже вряд ли можно назвать хорошо обдуманними. И в связи с упоминанием чекистов нельзя не сказать еще об одной версии провала группы Зорге. В свое время Василий Молодяков выдвинул предположение о том, что Ито Рицу, как коммунист, мог быть связан как раз с резидентурой НКВД в Токио и его «предательство» могло являться лишь частью «великой войны» между разведками — политической и военной. Историк даже получил подтверждение своей версии от анонимного источника. Один из ветеранов военной разведки связался с автором гипотезы и сообщил ему, что «при рассмотрении "дела Зорге" в ГРУ перед его реабилитацией именно эта причина была квалифицирована как главная (но не единственная), после чего о сказанном строго-настрого велели забыть»⁵⁶². Свидетельство смелое, хотя и несколько отдаёт духом «разоблачительных девяностых», когда некоторые профессиональные разведчики, выйдя на пенсию, добирая недополученную на службе романтику, любовно пестовали разнообразные «теории заговоров» и с удовольствием об этом рассказывали (а сейчас пишут книги) исследователям, да и всем желающим тоже. В любом случае никаких, даже косвенных, свидетельств в пользу такого — безусловно, имеющего право на существование — предположения пока не обнаружено, за исключением упомянутого свидетельства Михаила Иванова о слежке за ним в Токио со стороны чекистов.

А вот если японские контрразведчики четко зафиксировали контакты Клаузена с Зайцевым и (или) Будкевичем (тут как раз сомнений нет — фиксировали), то далее расследование могло идти по прямо противоположной, относительно заявленной, линии: от Клаузена к Зорге, а от него к Одзаки, Мияги и всем остальным. Отчасти это подтверждается косвенными данными: Одзаки Хоцуки утверждал, что наблюдение за его братом было установлено как раз зимой 1939/40 года, а Кавай Тэйкити свидетельствовал, что «хвост»

за Мияги и Одзаки шел с весны 1941-го, то есть до начала операции «Ито — Китабаяси»⁵⁶³. Во второй половине 1940 года Зорге, довольно часто встречавшийся с Вукеличем, сам зафиксировал наблюдение за «Жиголо», но, приняв его поначалу за обычную для Японии «профилактическую» слежку, ничего не предпринял.

Когда же Клаузен был арестован, то на одном из первых допросов его напрямую спросили о связях с советскими дипломатами в погонах: «Начальник полиции показал мне альбом с фотографиями членов советской колонии в Токио и спросил меня, для какой цели я имел связь с членами Советского посольства. Он указал на фотографию СЕРГЕЯ (В. С. Зайцева. — А. К.) и спросил: "Кто этот человек?" — "Я не знаю", — ответил я. Тогда он подал знак, и японец, сидевший позади меня, встал и поднял надо мной руку, но не тронул меня»⁵⁶⁴.

Похожие вопросы были заданы и самому Зорге, что свидетельствует о значительно более глубокой осведомленности японской полиции по части контактов нелегальной и легальной резидентур советской разведки, чем принято об этом говорить, и Зорге на них ответил: «Однажды Клаузен был болен, и я лично встречался с курьером в маленьком ресторане около станции Симбаси. Способ связи, который использовался в этот раз, уже описан мною выше. Опознавательным признаком был заказ специфического японского блюда. В 1941 г. встречи стали более частыми. После того как началась война Германии с СССР, мы передавали материалы курьерам особенно часто — через каждые шесть-восемь недель. Однажды лично я присутствовал на встрече в доме Клаузена, чтобы увидеться с курьером.

Я вспоминаю, что на встречи в Токио приезжали два различных курьера. Один был высокий, крепкого телосложения молодой человек, другой, появившийся позднее, выглядел еще моложе и имел прекрасную фигуру. Однако на фотографии, которую показывал мне полицейский офицер во время расследования, я не смог опознать высокого сильного человека. Человек, с которым я встречался, не носил очков. Мужчина на второй показанной мне фотографии несколько похож на человека, с которым я встречался в доме Клаузена, но у меня нет уверенности, что это тот самый курьер. Человек, с

которым я встречался в последний раз, был со всех точек зрения типичный профессиональный курьер, переезжавший из страны в страну. Однако я старался не задавать ему вопросов по этому поводу. Мы расстались с ним, только немного поговорив о войне Германии с СССР»⁵⁶⁵.

«Высокий сильный человек» — Виктор Зайцев позже вспоминал шокирующие подробности установления связи с Клаузенем: «Установить связь с Фрицем пришлось *без всяких паролей*, так как... я знал только место и день с часами встречи. Помня его фотографию и зная его биографию и Рамзая, я связь установил, правда, с большими трудностями, ибо *Фриц не хотел признаваться*, но, после того, как я рассказал ему его биографию...он начал сдавать...» Это тот самый Виктор Зайцев, который, не зная Токио, куда он выходил «очень редко и, как правило, только на явки», не имел времени проверить наличие наружного наблюдения и не мог при необходимости оторваться от него (не зная города — как это сделать?) и, «чтобы не сорвать встречу, выезжал на машине, оставляя ее недалеко от района встречи». В том числе — на машине военного атташе Советского Союза...⁵⁶⁶

Отправка условий конспиративных встреч почтой на дом Клаузену, не менее десятка контактов на виду у контрразведки, в том числе с самим Зорге, отказ сотрудников легальной резидентуры от проверки перед выходом на встречу («не было времени проверяться»), встречи дома у радиста, настойчивое игнорирование любых мер конспирации, да еще вмешательство чекистов — может ли все это не навести на мысли о том, что группа Зорге пала жертвой непрофессиональных действий собственных же коллег из советской дипмиссии?

В 2000 году это предположение впервые озвучил ветеран политической разведки, бывший консультант Юрия Владимировича Андропова, генерал-лейтенант в отставке Сергей Александрович Кондрашов. В 1964 году он участвовал в составлении «Заключения по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге» и спустя 36 лет выступил с докладом, в котором обнаружил ранее неизвестные документы. Главное же заключалось в том, что отставной разведчик пришел к ясному и логичному заключению: «Основной причиной провала явилась *безответственная и порочная система ру-*

ководства резидентурой со стороны бывшего командования Разведупра РККА, вытекавшая из сложившейся в период культа личности необоснованной оценки Зорге как японо-германского шпиона и дезинформатора»⁵⁶⁷.

Служка токко и кэмтэйтай за самим Зорге перестала быть «профилактической» не позже чем летом 1941 года. Поскольку рядом с Рихардом часто находилась японка — Исии Ханакко, полиция и жандармерия первым делом воззвали к ее патриотическим чувствам. К ней уже неоднократно начиная с 1938 года совершались вербовочные подходы, но девушка вела себя независимо и дерзко, и полиция вскоре от нее отставала. Однако в последнее время полицейский прессинг стал более навязчивым. Агенты приходили к ней в отсутствие Зорге, четко представляя, где он в это время находится, и сначала требовали сообщать им о его действиях дома, а в августе, так и не убедив девушку, предложили ей навсегда покинуть Нагадзака-мати. Зорге, поняв, что происходит, осознал степень опасности. Об этом свидетельствует то, что он попытался отправить подругу в Шанхай, но Ханакко не выдали паспорт.

Перед самым арестом Зорге в последний раз встретился с Ханакко. Они поужинали в ресторане «Ломайер», он спросил, приходила ли к ней полиция в последние дни, а значит, уже хорошо понимал происходящее. Выйдя на улицу, Рихард сказал Ханакко на своем ломаном японском:

«— Сегодня, думаю, опасно вы вместе со мной. Полиция смотрит. Нехорошо. Вы возвращайтесь в дом мамы. Потом Зорге в порядке! Если будете думать, я отправлю телеграмму. Поняли? Вам вместе с мамой не будет грустно.

— А вам не грустно?

— Даже если мне грустно, все в порядке! Ну, вы возвращайтесь домой. Передавайте маме привет.

Я пожала ему руку, и мы расстались. Зорге зашагал прочь большими шагами. Отойдя немного, я невольно обернулась, но его уже не было видно, его фигура исчезла на углу улицы в наступающих вечерних сумерках.

Больше Зорге ко мне уже не вернулся...»⁵⁶⁸

МЕЧТАТЕЛЬ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Одзаки Хоцуми перенес арест особенно тяжело. Японские исследователи убеждены и, похоже, не без оснований, что его жестоко пытали, причем, начиная еще с полицейского участка Мэгуро, куда он был доставлен сразу после ареста и где пробыл необыкновенно долго — около двух недель, в отличие от остальных членов резидентуры, почти сразу отправленных в тюрьму Сугамо. Его брат позже утверждал, что за первые 15 дней после ареста Хоцуми, весивший около 70 килограммов, потерял восемь из них⁵⁶⁹.

На допросах, которые велись неким «особым методом», Одзаки падал в глубокие обмороки, но его — возможно, единственного из ядра группы Зорге, терзали еще и муки совести. Мало того что он был японцем и, сотрудничая с межнациональной по составу, но советской по подчинению, резидентурой, автоматически оказывался предателем. В соответствии с особенностями японской психологии он нес исключительную ответственность, так как был не обычным человеком, а вознесенным за свой аналитический талант и знания слишком близко к вершинам власти, к креслу главы правительства. Он чувствовал себя обязанным Коноэ, его секретарям Усиба и Кадзами (последний в 1940 году стал министром юстиции во втором кабинете Коноэ) и другим высокопоставленным коллегам за признание и отчетливо понимал, что теперь подвел их так, что пятно позора ляжет и на них, и на всю семью Одзаки. Свои переживания Одзаки иносказательно выражал в письмах жене, регулярно отправляемых из тюрьмы (всего их было написано 243, и позже они неоднократно переиздавались в Японии отдельной книгой под названием «Любовь, подобная падающей звезде», к сожалению, пока не переведенной на русский язык). И все же... Читая эти письма, хо-

рошо видно, что муки совести Одзаки несколько смягчались пониманием того факта, что на работу к Коноэ в 1937 году он пришел сознательно, уже будучи другом и агентом Рихарда Зорге, убежденным марксистом, рассматривающим новое назначение как шанс помочь коммунистическому движению и как возможность отвести от Японии угрозу войны. Одзаки не предал своих покровителей, он пришел к ним уже чужим по духу человеком и использовал их так же жестко и цинично, как Зорге использовал Отта, Веннекера и других своих немецких друзей. Оба они не были предателями, они были врагами, агентами иностранной разведки. Да, Одзаки заблуждался, свято веря в светлое коммунистическое будущее, и разочарование в коммунистической идее — случись оно при его жизни — было бы горьким, но такая ошибка была не виной агента «Отто», а его бедой.

Одзаки Хоцуми было чуть за 35, когда он вошел в состав «мозгового треста» принца Коноэ, которому и самому-то в 1937-м исполнилось лишь 46 — юный возраст для японского политика. Графу Сайондзи Кинкадзу, одновременно тесно связанному и с Коноэ (дед Сайондзи был наставником будущего премьера), и с Одзаки, — всего 31*. Эти молодые, в общем-то, люди довольно резко отличались от общего фона цвета хаки, все более затягивающего в то время элиту японской политики. Отличались широтой взглядов и более глубоким пониманием всей сложности обстановки, в которой оказывалась Япония. Одзаки и Кадзами были в числе тех, кто верно спрогнозировал перетекание инцидента у моста Марко Поло в полномасштабную войну. Не случайно Кадзами, принимая назначение генеральным секретарем Кабинета министров в правительстве Коноэ, передал в 1937 году бразды правления в «Сёва кэнкюкай» именно Одзаки. На новом посту «Отто» стал одним из авторов концепции «Восточно-азиатской кооперативной организации», а затем, по мнению некоторых исследователей, и соавтором (вместе с членом

* После отбывания срока заключения и окончания войны Сайондзи Кинкадзу эмигрировал в Китай, где вступил в ряды компартии Японии, но спустя десять лет, в 1967 году был исключен из нее «за антипартийное поведение».

«Сёва кэнкюкай» Ябэ Тэйдзи) идеи «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания»⁵⁷⁰. Фактически это было политико-философское обоснование расширения границ жизненных интересов империи, куда включались теперь не только Китай и Корея, но и советский Дальний Восток вместе с Курилами и Сахалином, Восточная Сибирь, Монголия и Тибет, а позже — и Австралия с Новой Зеландией. Да и сам принц Коноэ еще с университетских времен публиковал работы по концепции нового мирового устройства, где первую скрипку будет играть Азия, а не Европа и Америка. Неудивительно, что он явился ревностным сторонником новой парадигмы развития мира — она обосновывала его идеи о господстве Японии в Азии и вообще евразийской ориентации Токио. Антиатлантистские взгляды принца смыкались с геополитическими идеями Хаусхофера, которые в Токио, как мы помним, представляли видный журналист доктор Зорге, посол Германии генерал Отт и специальный посланник Риббентропа доктор Штамер.

Особый взгляд Одзаки на политику Японии проиллюстрирован рассказом его агента Каваи Тэйкити, который относил его к началу Второй японо-китайской войны (1937 год), событию, глубоко потрясшему советника премьера. Журналист рассказал своему другу, что на Западе есть сказка о стальном корабле, плывущем среди льдов Северного Ледовитого океана: в определенный момент это судно «стало ощущать, что какая-то неведомая сила увлекает его в сторону от намеченного курса. Как ни старалось судно стать на курс, все было тщетно. Неодолимая сила стремительно влекла его к острову. То был магнитный остров, и вот судно стремительно ударилось о берег и разбилось на куски...». Одзаки спросил тогда Каваи, не кажется ли тому, что «судьба Японии похожа на это судно»⁵⁷¹, и, несомненно, видел себя в числе тех, кто обязан был помочь японскому кораблю взять верный курс и спасти «Острова» от неминуемой катастрофы. Другое дело, что это был за курс.

Как и Зорге, Одзаки никто не смог бы упрекнуть во внешних проявлениях симпатий к коммунистам, но незадолго до ареста полиции стало известно о значительно более конфиденциальной, чем мысли об уклоняющемся от правильного курса корабле, концепции советского агента: об идее «Обще-

ства нового порядка в Восточной Азии». На допросах в Су-гамо Одзаки пришлось отвечать на вопросы не только о сотрудничестве с Зорге, но и об этом, весьма романтическом, даже утопическом, проекте: «Я считаю, что, как ближайший срок, поворот Японии к социальной революции может произойти с первой или второй половины 1942 г. О таких перспективах я говорил Зорге еще в июле 1941 г. <...> Тесная связь трех наций (Японии, Китая и Советского Союза. — А. К.) будет началом создания содружества наций в Восточной Азии. Я вовсе не думаю, что созданное таким образом государство сразу станет коммунистическим государством. Это может быть государство так называемой "новой народной демократии", основу которой составлял бы суньят-сенизм. В Японии формой переходного государства могла стать социалистическая национальная община, сохраняющая японские особенности».

Под «особенностями» Одзаки имел в виду и сохранение императорской системы — совершенно неприемлемый вариант с точки зрения неяпонских коммунистов, но единственно возможный для японцев, а помощник Зорге, вне всяких сомнений и невзирая на всю его преданность марксистской идее, в первую очередь оставался японцем. На современный взгляд, это может показаться странноватым сочетанием, непознаваемым парадоксом, но на самом деле так и было: все эти десять лет Одзаки был фанатичным коммунистом («Я — коммунист, — говорил он следовательно. — Мы мечтаем о том, чтобы разрушить современную капиталистическую систему, основанную на противостоянии классов, и создать бесклассовое коммунистическое общество») и в то же самое время сторонником сохранения императорской системы в Японии.

Сознательно или нет, но, отвечая на вопросы следователей, он прошлым числом привязывал свою работу на Москву к этой идее, представляя свою разведывательную деятельность и, что гораздо более важно, деятельность политического лоббиста, человека, который едва не сделал японского премьер-министра агентом влияния иностранного государства, как часть реализации концепции построения новой Японии. Одзаки совершенно искренне писал жене из тюрьмы: «Я думал, что нельзя будет избежать войны с США

и Англией (и всеми силами приближал ее. — А. К.). Я всегда ратовал за независимость Азии (от атлантических стран. — А. К.)... В то же время моим идеалом была полная гармония, которая бы царилла между всеми нациями. Единственным моим недостатком было то, что я был мечтателем. Но, как ты сама знаешь, я никогда не мог ограничиться личными интересами»⁵⁷².

Свои взгляды Одзаки аккуратно, но убедительно излагал Коноэ и его помощникам, став в 1938 году внештатным советником Кабинета министров, и, как он сам выразился, «нет нужды говорить, что информация, полученная в Кабинете, передавалась Зорге». Ситуация с допуском японского журналиста к секретным материалам напоминала аналогичное положение нашего героя: для советника премьер-министра не существовало тайн в политике островной империи. Одзаки свободно заходил в кабинеты секретарей премьера и кабинет генерального секретаря Кабинета министров, где знакомился с документами, имевшими отношение к его проблематике, то есть к самому насущному в предвоенной политике Японии вопросу — китайскому. К тому же хозяева этих кабинетов хотели знать мнение Одзаки и по другим самым важным вопросам, а потому он присутствовал при обсуждении серьезнейших для страны тем и, «естественно... сообщал эту информацию Зорге и высказывал ему свою точку зрения на развитие политической ситуации»⁵⁷³.

Когда же на смену этой полуофициальной деятельности пришла еще менее официальная, но не менее ответственная работа в «Асамэсикай», то к числу «агентов влияния» добавился сын убитого в 1932 году премьер-министра Инукаи Кэн, служивший советником Чан Кайши и, естественно, тоже бывший серьезным знатоком Китая. Там и тогда — за завтраками два раза в месяц, а позже и еженедельными, Одзаки мог напрямую общаться с принцем Коноэ. Эти завтраки дорого стоили родственнику императорской фамилии: спустя год после ареста группы Зорге его вызывали на допрос, и тогда Коноэ заявил, что не был с Одзаки даже знаком, как и не осведомлен оказался о его службе в качестве советника Кабинета министров⁵⁷⁴. Дополнительных вопросов к отпрыску рода Фудзивара у следствия, видимо, не возникло. Один из друзей Коноэ позже говорил, что в таком отчаянии

принц пребывал лишь дважды в своей жизни: в день ареста Одзаки и в день объявления капитуляции Японии (15 августа 1945 года)*. При этом сам Зорге на суде выразил удивление, что утечка информации из кружка «Асамэсикай» вообще может рассматриваться как шпионаж — таких неформальных обществ в Японии всегда существовало множество, и сведения, которые на них обсуждались, формально секретными не являлись⁵⁷⁵.

После того как в 1939 году эксперт по китайскому вопросу перешел работать в ЮМЖД, характер секретной информации, добываемой Одзаки, естественным образом изменился, но ее объем не уменьшился. Для Центра это было даже на руку, поскольку с «Отто» с его источниками в Кабинете министров Японии в Москве не знали, что делать, а из Мантэцу он начал поставлять информацию военного характера. Бывший агент признался потом на одном из допросов, что его служба в ЮМЖД была важна для советской разведки, которая теперь получала и планы Квантунской армии, тесно связанной с железной дорогой — связанной настолько, что в исследовательский отдел Мантэцу отправлялись боевые приказы, которые читались теперь Одзаки, переводились на английский и отправлялись в Москву⁵⁷⁶.

Ошибочно было бы представлять Одзаки Хоцуми кабинетным работником, книжным червем, который втихомолку копировал секретные документы. Несмотря на то, что репортер из Одзаки оказался не слишком удачливым, он умел ладить с людьми, легко входил в контакт и умел не добывать, а получать нужные сведения. Этот его талант даже стал поводом для рождения легенды о якобы существовавших «девяяти заповедях разведчика Одзаки», впервые приведенных генералом Уиллоуби в его книге «Шанхайский заговор». Сегодня нет возможности судить о том, насколько правдив был американский разведчик, публикуя эти «заповеди», но очень похоже, что это скорее творческое переосмысление протоколов допросов Одзаки, чем его прямая речь. Арестованный журналист действительно говорил о методах добы-

* Второй случай Коноэ не пережил, предпочтя яд Международному военному трибуналу.

чи секретной информации, но сводил их к самой простой и самой трудно реализуемой формуле. Как и Зорге, он мог сказать: «Моя деятельность характеризуется полным отсутствием специального метода», а некоторые пассажи почти дословно повторяли речь «мистера Джонсона»: «В условиях политической напряженной обстановки... установление общего направления развития является более важным, чем точное выяснение того, что было сказано или что было решено. Единственная важная информация, которую я надеялся получить заранее, — это точное время возможного нападения Японии на Россию»⁵⁷⁷. Неудивительно, что Зорге и Одзаки так хорошо понимали друг друга...

То, что Одзаки работал последнее время в ЮМЖД, отразилось и на ходе следствия по его делу. Документы, полученные из Мантэцу, были выделены в отдельную папку. Из 52 сообщений их набралось 21 — материалов, переданных «Отто» Зорге и составлявших, по мнению суда, государственную и военную тайны. Однако любые упоминания о ЮМЖД, за исключением того факта, что там работал Одзаки, а также выражения «важные сферы» и «политические фигуры, занимавшие важное положение», были исключены из текста публичного сообщения о деле Зорге по требованию Верховного суда Японии⁵⁷⁸ — шпиона такого масштаба в Японии не ловили ни до, ни после «инцидента Зорге». На суде ему было предъявлено обвинение в том, что он информировал главу советской разведывательной сети о следующих основных вопросах:

состояние реформаторского движения в стране после «событий 15 мая» (военно-фашистский путч в Токио в 1932 году);

оценка значения «событий 26 февраля»;

обстоятельства военного японо-китайского конфликта в июле 1937 года;

причина назначения на пост министра иностранных дел генерала Угаки в мае 1937 года, то же самое в отношении назначения на пост военного министра генерала Итагаки в июне того же года;

японо-английские переговоры в июне — июле 1939 года;

образование кабинета Абэ и позиция Японии в отношении войны в Европе (сентябрь 1939 года);

обстоятельства образования кабинета Ёнаи и его характер (январь 1940 года), то же самое в отношении образования второго кабинета Коноэ (июль 1940-го) и возможность заключения этим правительством японо-германского военного союза;

планы принца Коноэ в отношении образования так называемой новой политической структуры; миссия Мацуока в Европу весной 1941 года;

информация о тенденциях в правящем лагере Японии в отношении Советского Союза после нападения на него гитлеровской Германии⁵⁷⁹.

Находясь под следствием вплоть до 8 мая 1942 года, он продолжал писать жене Эйко, чувствуя угрызения совести за муки, через которые придется пройти семье предателя, каким он выглядел в глазах большинства японцев, и пытаюсь найти ответ на один простой вопрос — ради чего он все это делал: «Окруженный справедливостью и милосердием, добротой и любовью... я почувствовал, что я что-то упустил, не обратил внимания на серьезную ошибку в обосновании своих поступков. Поначалу сама мысль о такой возможности была мучительна... Я виновато чувствовал, что утратил веру...»

Хорошо заметно, что в эти минуты Одзаки уже меньше думал о грядущей победе мирового коммунизма. Будущее престарелого отца, жены, маленькой дочки занимало воображение мечтателя куда больше, чем судьбы всего мира: «Моя любовь к семье вновь проявила себя, как неожиданно мощная сила... Поначалу читать письма жены было для меня так болезненно, что я не мог даже взглянуть на фотографию моего ребенка. Иногда я рыдал, а иногда обида переполняла меня, и я думал, насколько все было бы проще, не будь у меня семьи... Профессиональные революционеры не должны иметь семьи... Мысли о будущем моего отца, о котором я обычно так мало думал, также угнетающе действовали на меня... Я рисовал его образ в своем воображении — вот он стоит ко мне спиной, склонившись с тревогой и печалью»⁵⁸⁰.

Он боялся, что его семья будет подвергнута остракизму, и во многом был прав (и сегодня наследники Одзаки — единственные, кто отказывается общаться с исследовате-

лями по «делу Зорге»). Друг Хоцуми — Мацумото Синъити предупреждал его жену: «Сейчас все меньше людей будет приходить сюда к вам... В конце концов останутся только те, кто разделяет идеи Одзак. Это неизбежно. Будьте готовы к этому»⁵⁸¹. Тем более удивительно, что общество отнеслось к семье арестованного довольно мягко. Находясь в тюрьме, заключенный узнал, что его дом посетил учитель дочки из ее школы, пообещавший, что отношение к ребенку в стенах учебного заведения не претерпит никаких изменений.

Когда же начался суд, волнения нахлынули с новой силой: «Прокурор Хирамацу потребовал для меня в своей речи смертного приговора. Я ожидал этого и все-таки на какое-то мгновение растерялся, но тут же овладел собой... До сегодняшнего утра я чувствовал себя спокойно. Одно только невыносимо для меня — это мысль об ударе для Эйко и Ёко. Но все же Эйко, блестяще вынесшая столько страданий с самого начала этого дела, должна суметь справиться и с этим ударом. Я молюсь об этом. Вынесение приговора ожидается 29-го (сентября 1942 года. — А. К.). Будь спокойна и с надеждой жди этого дня, ведь во взглядах прокурора и судей все же есть разница...»⁵⁸²

По мере приближения рокового дня переживания Одзак становились все сильнее, а надежда на благосклонность судей слабела с каждым днем: «Послезавтра день вынесения приговора. Когда вы получите это письмо, судьба моя, я думаю, будет уже решена. Поэтому откровенно расскажу вам о моем душевном состоянии... Чтобы не беспокоилась Эйко, я обычно говорил вам: верьте в здравый смысл председателя суда. Но сейчас, я думаю, наступило время, когда действует что-то иное, нежели здравый смысл. Короче говоря, мое положение сейчас безнадежно. Я вполне подготовлен к наихудшему...

Смерть, однако, не имеет уже столь большого значения. Особенно сейчас, когда происходит всемирная бойня рода человеческого, в результате которой уже погибли свыше 10 миллионов человек. И сейчас ежедневно гибнут тысячи людей. Я дожил до 43 лет и провел их вместе с Эйко и Ёко. А ведь возможно, что мы могли расстаться несколько лет тому назад.

Во всяком случае, если я должен буду умереть, то встречу смерть с достоинством...

Может, вы подумаете, что я, говоря о своем положении, только и знаю, что бравирую своим спокойным состоянием духа? Но это не так. Это совсем не так! Я думаю, что именно сейчас настало время, когда Ёко сможет понять, почему должен был умереть ее отец»⁵⁸³.

Одзаки был первым, кого в Японии приговорили к смерти за шпионаж. Он имел полное право надеяться на тюремное заключение, тем более что его адвокат подал апелляцию, но понимал, что это уже конец: «Сейчас я ожидаю окончательного приговора. Я достаточно хорошо осведомлен о важности законов, которые я нарушил... Выйти на улицу, жить среди друзей, даже после того, как пройдет много лет, уже невозможно и с точки зрения моей совести, и с точки зрения моих возможностей и сил... Я счастлив при мысли, что родился и умру в этой, моей, стране... Я заканчиваю писать в камере токийской тюрьмы в час, когда тучи низко висят над землей, предупреждая о надвигающейся буре»⁵⁸⁴.

Сегодня все чаще говорят, что Одзаки был слаб и раскаялся в том, что совершил. Это неправда. Свидетельство тому — одно из последних его писем. По большому счету к нему нечего добавить: «Я хорошо знаю из писем и других источников, что мои родные гnevаются на меня. Они считают, что я поступил жестоко, лишив счастья не только самого себя, но и жену и маленькую дочь. Думаю, что они по-своему правы. Ведь я сразу знал, чем все это кончится. Но я настолько был захвачен борьбой, что мало заботился о безопасности своей и своих близких. Я служил высшим интересам.

Я хочу снова повторить: "Откройте шире глаза, взгляните в нашу эпоху!"

Кто сумеет правильно понять веление времени, тот не станет заботиться только о личном счастье и счастье своих родных. Моя работа давала мне возможность увидеть будущее, понять его, и это было для моего сердца самым близким и самым родным. Пусть меня таким и вспоминают. Это будет лучшим надгробным словом над моей могилой. Мои последние слова прошу передать всем»⁵⁸⁵.

Его воля была исполнена, и сегодня мы читаем это письмо с тем же волнением, что десятилетия назад читали родствен-

ники Одзаки. Спустя два года после гибели разведчика, в послевоенном 1946 году, великий Куросава Акира снял фильм, известный у нас под названием «Не сожалею о своей юности», в сюжете которого использованы фрагменты подлинной биографии Одзаки Хоцуми и название которого (а его главный герой в итоге тоже погибает) говорит само за себя.

В январе 1965 года Одзаки Хоцуми был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Указ остался необнародованным, и долгое время об этом никто не знал. По имеющимся сведениям, потомки «человека с широко открытыми глазами» до сих пор не приняли награду.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ НАШ РАДИСТ

Супруги Клаузен прибыли в Японию следом друг за другом на рубеже 1935—1936 годов и, несмотря на время от времени возникающие трудности в общении с Зорге, стали важными сотрудниками резидентуры, входили в ядро группы. Трудности же эти были вызваны отличиями в мотивации к работе. Если наш герой, как и Одзаки, всегда оставался искренне преданным делу коммунизма «стойким бойцом революции», то Клаузен, судя по всему, постепенно все больше чувствовал себя лишь профессиональным разведчиком-радистом, а позже и «шпионом поневоле», которого со временем начала тяготить все возрастающая тяжесть и опасность работы. Тем не менее налаживанием «воздушного сообщения с Висбаденом», столь неудовлетворительного при «Зеппе» и необходимого группе как этот самый воздух, Зорге был полностью обязан таланту Клаузена и прекрасно сознавал это. Не случайно на следствии бывший резидент рассказывал: «Я лично ничего не знаю о радио. *Клаузен давал подробные показания по этому вопросу*, поэтому ниже я ограничусь общими пояснениями.

...Бернхардт совершенно растерялся от невозможности защитить обе станции от пеленгации. Когда в Японию приехал Клаузен, положение изменилось. Его способности и энтузиазм в отношении работы поистине не знали границ. При Бернхардте я должен был сам шифровать тексты, в связи с чем это отнимало у меня изрядное количество времени. Но после прибытия Клаузена я с разрешения Москвы обучил его шифру и поручил ему шифровальную работу. По прежним установкам обязанность шифровки возлагалась только на руководителя группы, однако Клаузен был настолько надежным человеком, что разрешение из Москвы было получено беспрепятственно.

Для полной гарантии постоянной радиосвязи Клаузен развернул как можно больше радиостанций. Иной раз он мог вести передачи из четырех различных мест. Обычно в основном он обеспечивал связь по крайней мере из трех точек. Это были дома Клаузена и первой жены Вукелича. Когда Штейн находился в Токио, его квартира тоже использовалась для радиосвязи. Насколько я помню, Клаузен однажды пытался развернуть радиостанцию и у меня в доме, но у него ничего не получилось, и мы решили использовать этот вариант в крайнем случае, если у нас больше не будет выбора.

Мы полагали, что контроль за радиопередачами рано или поздно ужесточится, и поэтому часто меняли места расположения радиостанций, чтобы избежать обнаружения или ввести контрольные службы в заблуждение. Клаузен постоянно стремился уменьшить размеры радиопередатчика для того, чтобы он не бросался в глаза во время перевозки к месту работы, а также чтобы его можно было легко спрятать. Трудности заключались только в том, что в Японии нелегко было найти хорошие детали. Более того, покупка радиодеталей, особенно иностранцем, была очень подозрительным делом. Поэтому Клаузен приобретал необходимые материалы в Шанхае. Я припоминаю, что он сам лично привозил их из Шанхая...

Радиосвязь использовалась для передачи в Центр срочной информации и наших донесений по организационным вопросам и получения из Москвы указаний по организационным и оперативным проблемам.

Клаузен, за очень редким исключением, всегда мог установить прекрасную радиосвязь с Центром»⁵⁸⁶.

В отличие от японских следователей мы с вами знаем еще и то, что жена радиста — Анна с таким же успехом обеспечивала связь курьерскую. Вплоть до мая 1940 года, когда эту функцию окончательно взяли на себя сотрудники советского военного атташата в Токио, она ездила в Шанхай и Гонконг с грузом микропленок и секретных бумаг, которые «обменивала» на деньги и указания для резидентуры «Рамзая». Кроме того, когда Клаузен летом 1940 года заболел и слег в постель на три месяца (Зорге тогда настоятельно требовал у Центра замены радиста), его супруге пришлось взять на себя помощь в организации радиосвязи. Она смастерила небольшой столик, который устанавливала прямо на кровати на уровне

груди больного, чтобы Макс мог вести передачи, не вставая: «Анни оказывала мне при этом большую помощь. Она уже могла собирать и устанавливать мой передатчик, антенну и т. д. Лежа в постели, я делал шифровки на этой доске. Затем Анни устанавливала у моей постели на двух стульях передатчик и приемник, и я начинал передачу. Во время болезни Рихард давал мне для передачи только самые актуальные сообщения...»⁵⁸⁷

Прибыв в Токио, Клаузен около двух месяцев осматривался, а затем приступил к легализации — довольно хаотично, но в целом успешно. Вступив в соглашение со случайно подвернувшимся японским бизнесменом, он занялся торговлей дождевыми плащами и жемчугом, а с 1936 года вместе с подозрительным, но предприимчивым немцем Ферстером (с ним потом пришлось судиться, чтобы вернуть вложенные деньги) взялся за авторемонт. Лишь в 1937-м, на третьем году пребывания в стране, Клаузену удалось открыть собственное первое коммерчески успешное предприятие: он начал производство немецких копировальных аппаратов, и к 1939 году на советского радиста, ставшего японским бизнесменом германского происхождения, работали уже 18 человек. Причем офис компании располагался у станции Симбаси, как раз там, где позже он встречался с Зайцевым и Будкевичем, а фабрика — в Адзабу, рядом с домом.

У Клаузена были собственные, довольно оригинальные мысли по поводу легализации (в которой он, несомненно, добился больших успехов) и конспирации. Идеи радиста сводились к тому, чтобы скрываться не скрываясь. «Некоторые говорят, что мы должны лучше прятаться от полиции, — писал он потом. — Это ошибочная точка зрения. Нужно показываться как можно чаще. Полиция не столько следит за мною лично, сколько за людьми, с которыми я имею связи... С этими людьми следует говорить о деле и личных интересах, но не о политике...: полиция никогда не поверит, что торговец может интересоваться политикой.

В качестве крыши удобно иметь такое дело, которое трудно контролируется полицией. Но если она может контролировать его, то она должна видеть, что доходов от дела хватает на жизнь...» И, оценивая сегодня легальную деятельность Клаузена, надо отметить, что Центр не только не оказывал

ему материальной помощи, но и вообще слабо себе представлял, чем тот занимается⁵⁸⁸.

Доводя свою теорию до абсолюта, Макс в качестве домашней прислуги нанял племянника инспектора полиции, который проработал у него три года и в своих донесениях (ибо, конечно, сам являлся полицейским агентом), неизменно хорошо отзывался о хозяине. Это был действительно нестандартный шаг, много говорящий о личности самого Клаузена, в натуре которого загадочным образом уживались типичный немецкий бюргер, склонный к покою и неге, и искатель приключений, способный шесть лет проработать с необыкновенно высокой эффективностью под носом у японской контрразведки. Это последнее и роднило его с Зорге — ученым и разведчиком самого высокого уровня.

Работая над легализацией (а по легенде, Анна Клаузен была родом из финской деревни), жена радиста тоже добилась больших успехов. Ее хорошо принимали в немецкой колонии в Токио. Как и ее муж, она имела своеобразные взгляды на конспирацию и даже завела в доме в центре Токио... кур. Корм для них она покупала в лавочке и носила в своеобразной японской сумке — фурсики (большом платке, связанном узлами). Так как рацию (а она была довольно большого размера) для каждой передачи старались переносить на новое место, Анна упаковывала в фурсики детали радиопередатчика и доставляла их на новую точку: «Было и так, что однажды я встретилась, имея при себе драгоценный узел, с полицейским в не совсем подходящем мне районе. Я ему сказала, что купила корм для кур, который у меня действительно был поверх коробок. Я придерживалась такого правила: держаться проще, свободнее и открыто, не прячась от людей. Когда я, бывало, иду с чемоданчиком, то зайду в одну лавочку, в другую, что-нибудь куплю из продуктов, поставлю чемоданчик на пол, а что купила, положу сверху и прохожу мимо полицейских, а то и подойду спросить их что-либо. Я же знала, что полицейские ищут тех, кто прячется»⁵⁸⁹. Подобным же образом она перевозила в Шанхай микропленки, упаковывая их на дно банок из-под печенья и даже засовывая «патронташем» за резинки чулок, которые были на ней. Это была чрезвычайно рискованная работа, и сегодня мы не можем не восхищаться мужеством Анны Клаузен.

При смене радистов в Токио Клаузену досталось незавидное наследство. Передатчик Виндта не просто никак нельзя было назвать портативным — новый радист с горечью констатировал, что «это целый завод». Еще живя в отеле «Санно» и подвергаясь в связи с этим постоянной опасности — в гостиничный номер полиции проникнуть было еще проще, чем в японское жилище, он разобрал старую машину и приступил к сборке аппарата собственной конструкции мощностью 15 Вт, которую закончил через несколько недель. Причем некоторые детали, в том числе телеграфный ключ Морзе и катушки индуктивности, он изготовил лично, используя для этого подручные материалы. Если что-то можно было купить в магазинах радиодеталей, Анна и Макс посещали и их, но не более одного раза каждый, чтобы не привлекать внимание покупками товаров двойного назначения. В итоге передатчик получился не только компактным, но и разборным на несколько относительно крупных блоков. Некоторые из них как раз и переносила Анна в платке-фуросики вместе с кормом для кур. Остальные были спрятаны на квартире Вукелича, Штайна и других членов группы, и Клаузен доставал их, прибывая на место для очередного сеанса связи. Со временем радист усовершенствовал передатчик настолько, что он стал действительно портативным и комплектующие были уже не нужны, в точках связи хранились только самые необходимые детали и тяжелые трансформаторы. Дома же у «Фрица» был оборудован тайник: «Первое время я прятал части [передатчика] в стене. В спальне, в стене имелось отверстие, сквозь которое проходила труба для печки. Я прикреплял части на веревку и спускал их в отверстие. Место было очень надежное, но неудобное, так как требовалось много времени для прятанья и вытаскивания». Позже Клаузен усовершенствовал и этот тайник, а с переездом в новый дом стал хранить рацию просто в отдельной комнате под замком⁵⁹⁰.

Первая удачная попытка связаться с Владивостоком состоялась уже в феврале 1936 года, но еще долгое время контакт оставался неустойчивым, слабым, часть текста не удавалось услышать как по техническим причинам, так и из-за низкой дисциплины сотрудников владивостокского центра радиоприема. Этот февральский опыт оказался едва ли не един-

ственной удачной попыткой за очень долгий период: устойчивый радиообмен был налажен лишь через год — в феврале 1937-го. Основная проблема заключалась не столько в Клаузене, работавшем много лучше своих коллег в СССР, сколько в особых условиях Японии (горная местность, частые смены погоды, тайфуны, отключение электричества в Токио и пр.), а также в радистах «Висбадена», которых «Рамзай» в одной из телеграмм в Центр прямо назвал саботажниками и потребовал расследования их бездеятельности. В архивах военной разведки сохранилась обширная переписка на эту тему Токио с Москвой, сохранившая для нас емкое определение профессиональных качеств Клаузена: «Фриц — самый лучший наш радист»⁵⁹¹.

Это было правдой. Сумевший построить из подручных материалов уникальный, хотя и не лишенный множества недостатков передатчик, Клаузен работал лишь в первое время по установленному графику, то есть четыре раза в неделю. По мере нарастания информации, которую необходимо было срочно отправлять в «Висбаден», он перешел на почти ежедневный эфир, а позже работал и вовсе каждый вечер или ночь. Он менял точки выхода на связь без всякой системы, то работая несколько раз подряд с одной и той же квартиры, то переезжая каждый день, что, конечно, лишало японскую службу радиопеленгации возможностей предсказать место очередного радиосеанса, но в значительной степени становилось игрой в «русскую рулетку» с контрразведкой. Передатчик он то сам носил в чемодане, то заранее переправлял в условленное место с Анной или Вукеличем, а отправляясь на сеанс, в отличие от Виктора Зайцева, менял свою машину на такси, пересеживался из одного в другое, запутывая, по возможности, следы. Во время работы, пока Клаузен сидел в наушниках, хозяин или хозяйка квартиры вели наблюдение за подходами к дому, готовые предупредить радиста об опасности.

Тем не менее за шесть лет напряженной работы «Фриц», конечно, не раз оказывался на грани провала, и сам он рассказал о нескольких таких случаях. Одна из самых известных, например, история, случившаяся осенью 1937-го, когда Клаузен, отправляясь на квартиру Вукелича, потерял в такси свой бумажник: «Я пулей вылетел обратно на улицу, однако

такси уже исчезло, в бумажнике находились 230 иен в японской валюте, мое водительское удостоверение с фотографией, а также написанный Зорге по-английски финансовый отчет, который мы должны были отправить в Москву. Его нужно было сфотографировать в доме Вукелича. Все остальные зашифрованные сообщения, к счастью, были тщательно упрятаны в моей старой черной сумке. Я, должно быть, забыл свой бумажник в машине, поскольку был уверен, что доставал и открывал его. Конечно, я не помнил номера этой машины. Я не знал, что мне делать, и потому сказал Вукеличу, что потерял бумажник и большую сумму денег, и попросил совета. Он был болтливый по натуре, и я боялся, что он расскажет Зорге о финансовом отчете, а потому и не сказал ему о нем. На следующий день я набрался дерзости и сообщил о моей пропаже в департамент потерь и находок при городской полиции. Я сказал, что потерял некоторую сумму в японской валюте, мои водительские права и пачку бумаг, написанных по-английски. Бумажник так никогда и не нашли, и в течение нескольких дней я пребывал в состоянии постоянного беспокойства»⁵⁹². Этот эпизод в несколько измененном виде вошел в один из художественных фильмов о Зорге.

Своеобразное отношение Клаузена к конспирации, возможно, успокаивало его самого, но вряд ли на самом деле добавляло безопасности. В определенной мере это было вызвано и насущной необходимостью, чрезвычайно напряженной работой группы Зорге в последние годы, когда «Фриц» часто отправлял сообщения в одиночку. Имея ключи от квартир «Джо» и «Рамзая», он сам посещал их и выходил оттуда в эфир. Если бы полиция заметила это, уже тогда на деятельности резидентуры можно было бы поставить жирный крест. К тому же сеансы радиосвязи длились непозволительно долго: по четыре-пять часов каждый и, как мы помним, порой ежедневно — при норме не более одного часа один-два раза в неделю, становясь настоящим подарком японским радиопеленгаторам, которые только в силу своего слабого технического оснащения и опыта не смогли этим воспользоваться. Клаузен передавал и принимал огромный объем информации, что являлось просчетом и Зорге, которому следовало внимательнее относиться к составлению депеш, и — в большей степени — Центра, не сумевшего наладить

нормальной курьерской связи с резидентом. В летний период условия работы в Токио становились экстремальными еще и из-за японского климата. «Вы знаете, как жарко в Восточной Азии, — писал Клаузен. — Во время же работы я не мог открывать окон, наоборот, я закрывал их, чтобы ничего не было видно извне. Когда я нажимал ключ, в доме потухал свет. Чтобы этого не было видно с улицы, мы занавешивали окна плотными занавесками. Я снимал с себя все и работал от 2 до 5 часов. Приходилось пить холодное пиво, чтобы поддерживать прохладу. РИХАРД иногда пытался сидеть рядом со мной, но не выдерживал и уходил. Кроме того, доставалось от комаров, приходилось все время поддерживать дым от них»⁵⁹³.

Клаузен хранил в течение некоторого времени копии шифровок отправленных и принятых сообщений, а также вел совершенно ненужный, но крайне опасный дневник выходов в эфир. Зачем он это делал, непонятно до сих пор. Хотя служба радиопеленгации так и не смогла вычислить советского радиста, вся его работа записывалась на пленку, и когда Клаузен был задержан, в его доме изъяли около 500 групп зашифрованных телеграмм (примерно недельный объем работы радиста). Эти материалы сам радист и помог расшифровать, создав серьезную доказательную базу для японского следствия. Ведь код, которым пользовалась группа, оказался не по зубам японским дешифровщикам, и Макс Клаузен объяснил после войны почему: «Я хотел бы подробнее объяснить нашу систему кодирования на примере одного из последних сообщений, переданных мне Рихардом. Текст этой столь важной радиограммы гласил: "Советский Дальний Восток может не опасаться нападения Японии". Его необходимо было так закодировать, чтобы его не мог расшифровать никто из посторонних. Поэтому я воспользовался системой, надежно служившей нам на протяжении нескольких лет. Вначале необходимо было заменить буквы цифрами. Мы пользовались английским алфавитом. Наиболее часто употреблявшиеся буквы заменялись однозначными цифрами, прочим буквам соответствовали двузначные цифры от 80 до 99. Это однократное кодирование не представлялось нам достаточно надежным: служба радиоперехвата противника такой текст все же могла расшифровать.

Для вторичного кодирования мы пользовались "Статистическим ежегодником Германского рейха". Тогда, в 1941 году, я воспользовался выпуском 1935 года. Статистический ежегодник состоял из сотен таблиц, содержавших великое множество цифр. В первой его части были помещены статистические данные о Германии, отпечатанные на белой бумаге. Эту часть я использовал в качестве основы для кодирования. Во второй части справочника, на листах зеленой бумаги, приводились международные статистические обзоры: ею пользовался Центр для шифровки радиোগрам, предназначавшихся для нашей разведгруппы. Совершенно "аполитичный" статистический ежегодник мы выбрали не только потому, что с его помощью можно было составить сотни тысяч цифровых комбинаций, но и еще по той причине, что наличие такого издания у журналиста Зорге и у меня, слывшего солидным предпринимателем, не вызывало абсолютно никаких подозрений.

Каждая радиограмма начиналась нашим "обратным адресом": DAL, то есть 83 5 93. Это были начальные буквы русского географического названия Дальний Восток. В конце каждой радиограммы я отстукивал условное имя Рихарда Зорге — RAMSAY, соответственно, в цифрах 4 5 96 0 5 97. Шифровки передавались исключительно группами из пяти чисел.

Теперь мне хотелось бы попытаться как можно понятнее разъяснить принцип вторичного кодирования. Числа, представлявшие собой зашифрованный полный текст радиограммы, записывались в виде групп из пяти чисел. При этом под каждой строкой я оставлял столько места, чтобы под ней записать цифры из "Статистического ежегодника", а также результат суммирования обеих строк. Откуда появились цифры второго и третьего ряда? Цифры для второго ряда я брал со 193-й страницы "Статистического ежегодника Германского рейха" за 1935 год. Цифры для второго ряда я брал с этой страницы справочника, причем начиная с седьмой строки пятого столбца. Для еще большей надежности мы никогда не брали первую цифру, а всегда начинали с последней цифры соответствующего столбца. После того как числа из справочника были записаны под цифрами, получившимися в результате первичного кодирования, последние складыва-

лись с первыми, десятки при этом отбрасывались. Я записывал только оставшиеся единицы сумм — так получалась третья строка.

Теперь необходимо было сообщить Центру, с какого места в статистическом ежегоднике надо начинать брать цифры для расшифровки. Необходимость эта возникала оттого, что я всякий раз использовал новую страницу, и отсчет цифр начинал с другой строки или с другого столбца. Это сообщение кодировалось отдельно. Под цифрами четвертой "пятерки" дважды закодированного текста я записывал номер страницы и цифры, обозначающие строку и столбец. Под ними я, кроме того, записывал еще и третью с конца "пятерку". Все это складывалось...»⁵⁹⁴ И так — каждый день, неделя за неделей, несколько лет подряд для огромного массива информации перед тем, как привезти рацию на новое место, достать передатчик, привести его в рабочее положение, раскинуть антенну — это и есть то, что называют «подвигом каждый день». Но в результате это привело к тяжелейшему нервному истощению и неспособности Клаузена хоть сколько-нибудь упорствовать на следствии.

Известно, что радист «раскололся» сразу после задержания, возможно даже в первые часы пребывания в полиции, не выдержав мощного психологического прессинга, морально обессиленный многолетним ожиданием ареста. Он раскрыл японцам шифр, хотя сам впоследствии отрицал это⁵⁹⁵. Да и вообще его показания и воспоминания о работе в Токио изобилуют неточностями и явно надуманными моментами, подобными истории с мотоциклетной аварией Зорге. Возможно, как раз по причине готовности сотрудничать с токко, он сразу был переправлен в следственную тюрьму.

«Ночью меня, закованного в наручники, под охраной трех полицейских отвезли в автомобиле в недавно построенную тюрьму Сугамо, — писал Клаузен. — Там я в первый раз предстал перед следователем. Каждый день меня возили на допросы вместе с заключенными-японцами. При этом каждому из нас надевали на голову островерхий соломенный колпак с прорезью для глаз, чтобы заключенные не могли узнать друг друга. Японцам надевали кандалы, а кроме того, еще и привязывали их друг к другу. Я же, как "особый" заключенный, удостоился даже никелированных наручников.

Остальным надзиратели надевали ржавые кандалы. К заключенным-японцам меня тоже не привязывали, зато справа и слева от меня постоянно находились два охранника. В подвале здания суда нас снова заперли в камеры, из которых потом по одному выводили на допрос. Я не мог ни видеть, ни узнать членов нашей группы. Все это продолжалось в течение года».

Как обычно, Зорге в своих показаниях, как мог, выгораживал радиста, делая из него незначительную техническую фигуру в истории резидентуры и напирая на то, что Макс работал из-под палки. Что касается Анны, то «Рамзай» вообще наотрез отказался признать ее принадлежность к группе, объясняя ее участие в деятельности резидентуры лишь выполнением просьб мужа, об истинном смысле которых она даже не догадывалась⁵⁹⁶. Тем не менее Макс Клаузен был признан одним из основных виновных по делу группы Зорге: «Это было, кажется, в начале 1943 года, когда я впервые предстал перед судом и прокурор потребовал для меня смертной казни. Процесс проходил при закрытых дверях. Один, в наручниках, стоял я перед судьей. Оглашение приговора было назначено на 29 января 1943 года, я это отчетливо помню; во время оглашения этого приговора в зале суда находились также моя Анни и Вукелич. Одному за другим нам зачитывали приговоры. Я и Вукелич получили пожизненное заключение, а моя Анни — семь лет каторжной тюрьмы. Кстати, тогда я впервые после заключения в тюрьму вновь увидел мою жену и Вукелича.

Затем меня отправили обратно в тюрьму и по прошествии десяти дней сообщили, что японский прокурор потребовал пересмотра приговора и вновь добивается для меня смертной казни. Таким образом, мне предстояло выслушать еще один приговор. Прошел ровно год, прежде чем судьи вынесли окончательный приговор: пожизненное заключение. На этот раз я был в зале суда единственным обвиняемым, правда, на нескольких из многочисленных скамей для публики сидели какие-то люди, тупо взиравшие на происходящее.

В конце концов, я очутился в тюрьме Сугамо. В то время американцы уже начали бомбить Токио».

Клаузену повезло. Несмотря на грандиозные пожары, пожиравшие Токио и уничтожившие окрестности района Икэбукуро, где находилась тюрьма, он выжил, а затем был

переправлен на восток страны, куда американские бомбардировщики не долетали: «Целые эскадрильи самолетов опорожняли свои бомбовые отсеки над Токио. С неба градом сыпались тысячи зажигательных бомб. Едкий дым проникал в мою камеру. Сквозь решетку в окне беспрестанно влетали горящие и тлеющие куски дерева, должно быть, обломки некогда стоявших поблизости домов. Я едва успевал тушить то и дело загоравшиеся циновки на полу. Смерд стоял непереносимый. Должен сказать, что дверь моей камеры всегда оставалась запертой, в то время как при воздушном налете камеры японских заключенных отпирались, с тем чтобы они могли в крайнем случае найти убежище во дворе надежно укрепленной тюрьмы.

На следующий день всех заключенных затолкали в автобусы, набитые охранниками, и повезли в другую тюрьму. В новой камере, куда меня бросили, определенно уже долго не содержались заключенные. Соломенных циновок на полу не было, а из трещин в нем выползали полчища блох. Я не находил покоя ни днем ни ночью. Я попытался спастись тем, что стал лить в трещины пола воду из моего скудного рациона, в надежде выгнать оттуда блох и растоптать их. Эта преисподняя находилась в префектуре Сендаи. Когда меня оттуда освободили, состояние моего здоровья было донельзя скверным. Я страдал от множества опасных фурункулов и крайнего авитаминоза, мои ноги распухли. Меня пришлось выхаживать с чрезвычайной осторожностью, словно маленького ребенка. Когда меня привезли обратно в Токио, я впервые после войны встретился с моей Анни. Мы были настолько истощены, что поначалу даже не узнали друг друга»⁵⁹⁷.

Анна Клаузен тоже оставила воспоминания о пребывании в японской тюрьме, но, знакомясь с ними, надо помнить, что, как и ее муж, она четко понимала, кто и когда их будет читать, хотя заподозрить в трусости эту женщину сложно: «Во время моего заключения я познакомилась с садистскими методами японских тюремщиков. Они не упускали ни малейшей возможности, чтобы подвергнуть политических заключенных физическим и моральным пыткам. Мне вспоминается один из дней 1942 года, когда в мою камеру пришел директор тюрьмы и с надменной усмешкой заявил: "Скоро японцы будут ездить к нашим немецким союзникам без заграничного

паспорта. Еще несколько месяцев — и Советская Россия будет побеждена. Тогда великая Германия будет начинаться во Владивостоке, наша Маньчжурия скоро будет иметь общую границу с нашими берлинскими друзьями". После этих слов он пристально поглядел на меня, ожидая моей реакции. Но ему не удалось сразить меня этой "новостью". Я собрала все силы, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Я знала, что в течение последующих часов за мной наверняка будут наблюдать. Так, в полной изоляции от внешнего мира, подвергалась испытанию наша храбрость.

Мне стали приносить все меньше еды, вскоре я обессиления, каждое движение требовало огромного волевого усилия. Думаю, вряд ли мне удалось бы пережить в этой камере 1945 год. К тому же еще эти опустошительные налеты американских бомбардировщиков на японские города. Заключенных-японок эвакуировали, дверь же моей камеры оставалась запертой и во время налетов. Под градом бомб я ощущала свою полную беспомощность. В конце концов весь блок, кроме моей камеры, опустел. Моя маленькая камера освещалась вместе с соседней одним светильником, для которого в стене под потолком было проделано небольшое отверстие. С ужасом я убедилась, что японские надзиратели в соседней камере намеренно сваливали в кучу трупы заключенных. Скоро через отверстие в стене в мою камеру стал проникать отвратительный трупный запах и газы от разлагающихся человеческих тел. Это продолжалось несколько дней. Наверное, они ждали от меня жалоб, но я хорошо понимала, что они были бы напрасными.

Незадолго до моего освобождения в тюремный блок, где я находилась, попала еще одна бомба. Потолок моей камеры частью обвалился, сквозь дыру я могла видеть кусочек неба. Должно быть, вначале я долго пролежала под обломками без сознания. Никто не пришел мне на помощь. Наконец мне удалось, насколько позволяли силы, выбраться из-под обломков кирпича, балок и искореженного железа; я стала колотить в дверь, чтобы привлечь внимание надзирателей. Но напрасно. Три дня и три ночи — время суток можно было хорошо различать сквозь дыру в потолке — провела я без пищи в полуразрушенной камере. Потом дверь расчистили и взломали»⁵⁹⁸.

22 июля 1940 года Рихард Зорге, всегда беспокоившийся о своих друзьях больше, чем о себе, писал в Москву: «...мы все должны признать тот факт, что Фриц страдает столь серьезной сердечной болезнью, что не приходится более рассчитывать на его выздоровление и тем более на возвращение им былой работоспособности. Лечащий врач заявил мне, что даже при полном изменении его образа жизни и работы он сомневается, чтобы Фриц прожил более двух лет»⁵⁹⁹.

Макс Клаузен, награжденный советским орденом Красного Знамени и восточногерманским «За заслуги перед Отечеством» в золоте, тихо скончался в своей квартире в Берлине, на улице Зорге, 15 сентября 1979 года, в возрасте восьмидесяти лет, пережив своего патрона на четыре с половиной десятилетия и на один год — свою верную спутницу, кавалера такой же награды ГДР и советского ордена Красной Звезды, сибирячку Анну Жданкову.

НЕЛОВКИЙ, НО НЕЗАМЕНИМЫЙ

В Шанхае Анна Клаузен не только передавала микро пленки и секретную литературу и получала деньги, но и закупала комплектующие к радиостанции мужа и детали для фотоаппарата «Лейка», которым пользовался Зорге, — их было трудно, а порой и невозможно достать в Токио. Во время последней поездки в 1940 году она купила аналогичную камеру и для Бранко Вукелича, отправив ее в Японию через французское консульство, поскольку получатель по-прежнему числился корреспондентом агентства «Гавас» в Токио. Через несколько недель, 22 июля 1940-го, Зорге в уже хорошо знакомом нам большом письме о состоянии резидентуры просил Москву разрешить Вукеличу хотя бы отпуск, так как находясь в Японии восемь лет без выезда в Европу, тот, как и другие европейцы — агенты Москвы, навлекал на себя серьезные подозрения⁶⁰⁰.

Жизнь показала, что Зорге давно стоило бы признать ошибочной свою первоначальную оценку «Жиголо» как ненадежного и бесполезного сотрудника, данную им в 1933—1934 годах. Бранко Вукелич со временем показал себя не только умелым и даже талантливым разведчиком, но и честным и мужественным человеком. К тому же в отличие от других членов группы, неапонцев, он вполне обжился в Японии, весьма прилично выучил язык и не только свободно говорил, но и читал по-японски. Этому способствовали некоторые личные обстоятельства биографии Бранко и его стиль жизни, поначалу поставившие в тупик Рихарда Зорге и, возможно, способствовавшие тому, что он так до конца и не расположился к своему товарищу.

Вукелич приехал в Японию с семьей — женой и сыном. Супруга — Эдит была инструктором по датской гимнастике

и планировала преподавать ее в Токио, но с удивлением узнала, что это крайне маловероятно при незнании языка, да и японские конкурентки, которых оказалось немало, не жаждали пустить ее в свой мир. К тому же семья сразу столкнулась с серьезными материальными проблемами. В Москве, как обычно, весьма приблизительно подсчитали стоимость жизни в Японии, и по приезде оказалось, что 1800 иен, имевшихся у Вукеличей, хватит в лучшем случае на пару ближайших месяцев. «Все это оказалось потрясающей неудачей, почти провалом, и позднее мне пришлось столкнуться с большими трудностями, — вспоминал Бранко на следствии. — Десяти иен в день на квартиру и еду хватало супружеской паре десять лет назад, а в 1933 году, когда мы приехали в Японию, женатая пара европейцев тратила более десяти иен в день, даже снимая квартиру в районе Бунка. Более того, эти десять иен в день заставляли европейцев ограничивать себя во многом — в осмотре достопримечательностей, например. Десять иен в день не позволяли потратить хотя бы одну иену на подобные цели»⁶⁰¹. Нечего было и говорить о первоначальном плане легализации, согласно которому Вукелич должен был путешествовать по стране как специалист по искусству и заводить знакомства в японском бомонде — ему и жить-то было не на что, не то что путешествовать. Да и с местом расположения жилья, как у Зорге, поселившегося напротив полицейского участка, и Клаузена, чей дом был зажат между пехотными полками, тоже получилось не так, как хотелось бы. Первую квартиру, как мы помним, Вукеличам удалось найти в районе Отяномидзу, это место оказалось неудачным из-за близости Никорай-до и пристального полицейского наблюдения за иностранцами.

Позже, избавившись от неудачной квартиры, семья Бранко переехала в район Итигая (там и сегодня живут его потомки) — местность, как и Отяномидзу, расположенную на высоком холме над городом, а оттого особенно удобную для ведения радиопередач. Не случайно свой первый успешный опыт по налаживанию связи с «Висбаденом» Клаузен осуществил именно оттуда. Правда, и здесь соседство оказалось не слишком приятным: район был напичкан воинскими частями, казармами, усадьбами и домами генералов и офицеров, тут же располагалась токийская военная академия, в здании

которой после войны состоялся Международный трибунал для Дальнего Востока (ныне это территория Министерства обороны Японии).

Но если с жильем к 1935 году положение хоть как-то удалось наладить, то с финансами и, главное, с работой для эмансипированной датчанки Эдит ничего не получалось. К тому же маленький Поль (Пол) часто болел. Бранко, найдя работу, пропадал на ней денно и нощно, и видимо не только там. От Эдит не укрылось восхищение мужа красотой японских произведений искусства и местных девушек. Ситуация сложилась непростая, ведь Эдит была в курсе истинных целей прибытия Бранко в Японию и сама добросовестно помогала резидентуре чем могла, следя за безопасностью дома во время радиосеансов или большой фотоработы мужа: Вукелич стал главным фотографом группы, копируя на микропленки секретные материалы, которые на время могли передать ему Зорге или Клаузен, для последующей отправки на материк. Если расставание с Эдит для Бранко было по-человечески больно, то для всей группы «Рамзая» могло оказаться очень опасно. Но и жить вместе супруги Вукелич больше уже не могли: после нескольких мимолетных приключений у Бранко появилась постоянная японская возлюбленная по имени Ёсико. В 1938 году Вукеличи разошлись, однако бывшая жена не покинула Токио, как от нее ожидалось, а осталась с сыном в городе, где ей так не просто оказалось освоиться. Что было уж совсем неожиданно: Эдит не утратила связи с резидентурой, по-прежнему предоставляя свой дом для радиосеансов с Владивостоком. Это было сильное решение, и впоследствии Зорге высоко оценил его, отзываясь о бывшей жене своего помощника самым лестным образом⁶⁰². Перед самым арестом группы ее с сыном удалось переправить в Австралию за счет резидентуры, и на следствии Зорге дал показания против Эдит, уже не рискуя ей навредить.

После вторичной женитьбы Вукелича Зорге перестал приходить к нему домой, хотя раньше его посещали не только Клаузен, но и сам резидент, и даже Мияги⁶⁰³. У Ямадзаки (Ямасаки) Ёсико в городе было слишком много японских знакомых, которые могли заинтересоваться иностранцами, бывающими в гостях у интернациональной четы. Неприятные вопросы могла задать и сама новобрачная (молодожены вен-

чались в начале 1940 года в Никорай-до), которая, в отличие от бывшей жены, долгое время не знала о разведывательной работе Бранко, будучи искренне уверена, что она замужем просто за французским журналистом. Тем более что работы у мужа с каждым месяцем прибавлялось. Впоследствии Зорге рассказал о ней следователям: «У Вукелича было две задачи. Одна касалась технической стороны нашей деятельности, другая заключалась в сборе информации.

Самым важным источником его сведений было информационное агентство "Домэй". По работе он бывал там каждый день и поэтому мог легко заполучить разнообразную информацию, как опубликованную, так и неопубликованную. Кроме того, он мог узнавать скрытые политические нюансы непосредственно в агентстве "Домэй" и его отделах. Информация, получаемая оттуда, была чисто политической, а некоторая просто отражала политическую атмосферу. Поэтому в принципе важной информации оттуда не поступало, но она была значимой и интересной как дополнение к огромному количеству сведений, полученных моей группой по другим каналам. Это впечатление особенно укрепилось после докладов Вукелича об атмосфере в агентстве в связи со Второй мировой войной и настроениях, связанных с развязыванием войны Германии с СССР. Агентство "Домэй" совершенно не было прогерманским, и такая позиция отражала чувства большинства японцев»⁶⁰⁴.

Таким образом, как журналист Вукелич выступал в качестве своеобразного противовеса или, как иногда говорят в этой среде, «ведра холодной воды» для «Рамзая». Очевидно, что взгляд на внутреннюю и внешнюю политику Японии, формируемый у Зорге в результате общения с германскими дипломатами и даже с Одзаки и Мияги, был бы несколько односторонним, местным, недостаточно глобальным, чтобы служить основой для действительно серьезного анализа ситуации. Слегка либеральное, если так можно выразиться, агентство «Домэй» пыталось иметь в Японии свое особое мнение по любому поводу, и тесно общающийся с тамошними журналистами, к тому же говорящий по-японски Вукелич оказался неожиданно важным звеном группы, помогая резиденту формировать более взвешенную картину мира. Нельзя забывать и о том, что эту же функцию он выполнял и

Бранко Вукелич с первой женой Эдит и сыном Полом.
Начало 1930-х гг.

как корреспондент французского агентства «Гавас» (вплоть до захвата Гитлером Франции): Бранко, по выражению Зорге, давал информацию, «отражающую общую атмосферу событий», в том числе по важнейшему для группы вопросу о направлении японского удара в Индокитай — традиционную сферу жизненных интересов Японии.

Помимо «Домэй цусин» Вукелич завел интересные знакомства в третьей влиятельной газете Японии (после «Иомиури» и «Асахи», в которой служил Одзаки) — «Майнити». Как европейский, более того, французский журналист, он не только имел право, но и, поддерживая свое реноме как представителя «свободно мыслящей прессы», открыто дискутировал с японскими коллегами, прежде всего по вопросу войны в Европе. Нетрудно догадаться, что в этих свободных обменах мнениями Вукелич придерживался точки зрения, выработанной по согласованию с Зорге (тот подтвердил это на следствии) и основанной на аккуратном предостережении японской стороны от недооценки мощности Красной армии и Советского Союза в целом. Бранко внушал японским коллегам, что «худой мир лучше доброй ссоры», тоже в каком-то смысле формируя «агентов влияния» среди представителей «четвертой власти» Японии. Краткосрочные, но кровопролитные военные столкновения с СССР в конце 1930-х годов подтверждали правоту слов Вукелича, и японские журналисты, традиционно настроенные к действиям власти более скептически, чем их аудитория, высоко ценили мнение своего собрата по перу. «Бранко, — вспоминал Зорге, — говорил также о необходимости сближения между Японией и Советским Союзом, поскольку политика США в отношении Японии постепенно становилась все более жесткой. Думается также, что он, обыгрывая вероломное нарушение Германией пакта с СССР и желание быстро его проглотить, стремился показать, насколько эгоистичным и необязательным было отношение нацистов к обязательствам, предусмотренным договором. И, наконец, он постоянно указывал на существование японо-советского пакта о нейтралитете и по меньшей мере создавал атмосферу оппозиции к его отмене».

Впрочем, тот же Зорге настойчиво опровергал на следствии представление о том, что Вукелич занимался пропаган-

дой в пользу Советского Союза, а тем более Коминтерна. По его мнению, скорее это была вынужденная контрпропаганда. Наш герой убеждал прокуроров, что «...линия поведения Вукелича... полностью совпала с позицией, которой он должен был придерживаться как сотрудник агентства "Гавас". Одновременно в этом заключался и замысел противодействия настойчивой немецкой пропаганде, старавшейся втянуть Японию в войну с СССР. Я хорошо знал, что и в Берлине, и в посольстве в Токио такая пропагандистская деятельность ведется, так как после начала Второй мировой войны я обязан был ежедневно в германском посольстве заниматься работой, связанной с пропагандистскими материалами и с посвященными этому отчетами.

Насколько мне известно, именно такова и была деятельность Вукелича. Он не занимался пропагандистской работой в пользу Советского Союза, не говоря уже о пропаганде коммунизма»⁶⁰⁵.

В 1939 году Бранко неожиданно стал важным источником по вопросу военного противостояния Японии и Советского Союза. «В качестве корреспондента информационного агентства "Гавас" Вукелич, с разрешения японских военных властей, смог совершить поездку на Халхин-Гол, и нечего говорить, что благодаря этому случаю он собрал информацию для нас», — вспоминал Зорге. Позже Вукелич сумел предоставить и материалы по поводу конфликта с Соединенными Штатами: «В последнее время он получал много информации от иностранных, особенно американских, журналистов, среди которой были очень интересные сведения, связанные большей частью с дипломатической политикой. Например, из представленной им информации наиболее важной была речь посла США Грю в 1941 году. В последнее время он, пожалуй, еще более сблизился с американскими журналистами»⁶⁰⁶.

Второй ипостасью агента «Жиголо» была помощь в технических вопросах резиденту и его радисту. Организация фотолаборатории, предоставление дома для радиосеансов Клаузена и охрана его в это время, выполнение разовых поручений, в том числе по покупке и переправке деталей для радиостанции, — вся это малозаметная, но важная работа тоже легла на плечи Бранко.

Сам Вукелич живо и самокритично описал тот рабочий дух, который создавал и поддерживал Зорге как руководитель в своей группе: «Общая атмосфера, в которой проходила наша работа, была одним из показателей, что наша организация была по сути своей коммунистической. Наши политические встречи проходили в товарищеском духе. Эти встречи не носили ни намека на формальную дисциплину. Зорге держал за правило не увлекаться теоретическими спорами по политическим вопросам. Я уверен, для того чтобы избежать проявления троцкистской ереси, Зорге никогда нам не приказывал. Он лишь объяснял, какими могут быть наши первейшие обязанности и что каждый из нас должен сделать. Он мог намекнуть одному или двоим из нас, какими средствами лучше всего можно было бы добиться выполнения задач, стоящих перед нами. Или иногда мог сказать: "Как насчет того, чтобы сделать то-то и так-то?" *Мы с Клаузенем, по правде говоря, были неуклюжими, неловкими исполнителями и не всегда вели себя дисциплинированно.* И тем не менее Зорге на протяжении всех девяти лет, за исключением одного-двух раз, когда он был сильно обижен, никогда не переходил на официальную манеру общения. И даже когда он был обижен, он лишь взывал к нашей политической сознательности и более всего к узам дружбы. Он никогда не апеллировал к другим мотивам. Он никогда не угрожал нам и никогда не делал ничего, что можно было бы счесть угрозой или чисто требованиями формальной дисциплины.

Это самое красноречивое доказательство того, что наша группа не носила военного характера. Вся атмосфера в ней больше всего напоминала атмосферу марксистского клуба, в который я входил в Югославии. И это во многом благодаря личному характеру Зорге. Атмосфера была товарищеской, совершенно исключавшей военную дисциплину и как хорошие, так и плохие стороны военной организации»⁶⁰⁷.

Клаузен поведал однажды историю, пересказ которой вошел практически во все книги о Зорге и которая служит хорошей иллюстрацией к характеристике Бранко как смелого, сообразительного и решительного человека, а заодно и излишне демократичного, может быть даже анархистского, духа, царившего в резидентуре: «Радиопередатчик, оставленный моим предшественником "Бернгардом" в доме

Вукелича, был так неуклюж и так бросался в глаза, что мы решили, что лучше избавиться от него. Мы с Вукеличем решили утопить его в ближайшем озере и однажды около семи часов утра сели на трамвай в Синдзюку, одетые, как туристы, у каждого в руках палка, на спине — рюкзак. В рюкзаках — радиоприемник, три передатчика и другие части. Нас беспокоила возможность проверки багажа в пути, но все прошло благополучно, и на станции Отцуки мы пересели на электричку, доставившую нас в Йосиду, откуда мы на такси доехали до отеля на озере Яманаки. Служащие отеля, пытавшиеся помочь нам занести рюкзаки, были удивлены их тяжестью и поинтересовались, что в них. Вопрос застал нас врасплох, но мы сумели сохранить спокойствие и без колебаний ответили: "Мы привезли с собой дюжину бутылок пива". "У нас вдоволь хватает пива", — сказали они, торопливо идя к нашему номеру с багажом. Мы опасались, как бы кто-нибудь не обнаружил, что у нас в рюкзаках на самом деле, и не известил полицию, а потому, обсудив положение, выехали на середину озера в нанятой нами лодке и утопили в нем весь наш багаж, после чего вернулись в Токио, сбросив это по-настоящему тяжелое бремя со своих душ. Позднее, когда я рассказал Зорге об этом, он резко заметил: "Вам следовало избавиться от груза в Токио, вместо того чтобы ехать так далеко"»⁶⁰⁸.

Зорге был прав — далекий путь (не менее двух часов от Токио) с опасной поклажей мог оказаться фатальным в случае, если бы багажом заинтересовался не портье, а полицейский. Впрочем, в некоторых источниках именно так и есть: якобы Вукелича и Клаузена с их опасным грузом задержал на подходе к озеру полицейский. Несложно предсказать, чем бы закончилось это путешествие, если бы не выдержка Бранко и не знание им местных порядков. В этой интерпретации инцидента указывается, что он сообщил полицейскому, что они с Максом везут с собой выпивку, чтобы расслабиться на природе, и сделал вид, что развязывает рюкзак и собирается угостить бдительного стража порядка. Тот вынужден был в испуге ретироваться, так как инструкция строго-настрого запрещала сотрудникам правоохранительных органов Японии выпивать с иностранцами — это могло быть расценено как попытка вербовки со стороны «белых шпионов»⁶⁰⁹. И, в соот-

ветствии с этой же версией, Зорге не просто был обеспокоен несанкционированными действиями своих подчиненных, а оказался по-настоящему взбешен. Да и несколько его обмолвок в «Тюремных записках» позволяют понять, что отношения с Бранко были непростыми.

Возможно, Вукелич, которому когда-то хотелось стать ученым-марксистом и которому в Москве обещали, что в Токио он не задержится дольше, чем на два, максимум три года, действительно выделялся из числа пятерки сотрудников резидентуры «Рамзая». Он обладал свободолобивым, даже несколько легкомысленным характером, но нельзя не признать, что все эти восемь лет он был товарищем, на которого и Зорге, и его друзья могли положиться в трудную минуту. Он рисковал жизнью вместе с ними, хотя, конечно, степень его вовлеченности в разведывательную работу и преданности своему делу нельзя сравнить с тем, как работал наш герой. Интересно, что и Макс Клаузен, более близкий к Зорге, чем к Вукеличу, считал последнего если и «не слабым звеном», то уж никак не человеком, до конца отдающим-ся своему делу: «Когда я впервые приехал в Токио, он очень много работал на группу, но чем дальше, тем больше он всегда оказывался занят чем-то другим, когда считалось, что он работает на Зорге...

Я уверен, что в конце он окончательно забросил все дела. Временами, когда Зорге хотел увидеться с ним, он исчезал из виду на целую неделю. Зорге это сильно сердило, но я не говорил ему, почему Вукелич не показывается. Я хорошо понимал Вукелича, потому что и сам тоже порвал с коммунизмом»⁶¹⁰.

Однако нам неизвестно, в отличие от дела Клаузена, об отречении или попытках Вукелича раскаться в своих преступлениях перед японским правосудием. Пусть это было неожиданно, но он на следствии заявил себя полноправным и полноценным членом ядра группы Зорге и откровенно, но без всякого сожаления, говорил о работе на Москву: «Наиболее важной была политическая, дипломатическая и военная информация. Мы всегда собирали эту информацию, имея в виду возможность возникновения военного конфликта между Японией и Советским Союзом. Я могу добавить, что при этом мы всегда считались с возможностью нападения или

вторжения по тем или иным причинам в Советский Союз и никогда не исходили из предположения о возможности нападения на Японию Советского Союза. Таким образом, *наша информация всегда состояла из материалов, которые позволяли Сталину избежать опасности*. Такое толкование может показаться довольно элементарной интерпретацией действительного положения, но таково было мое впечатление об общем направлении и целях нашей работы, полученное мной в процессе бесед и сотрудничества с Зорге. Все это подтверждало мое первоначальное представление и убеждение в том, что мы работаем в целях защиты Советского Союза, который в свою очередь должен был построить социализм в своей стране»⁶¹¹.

Как и Клаузен, Бранко Вукелич был приговорен к пожизненному заключению и до июля 1944 года оставался в токийской тюрьме Сугамо, где ему разрешались короткие встречи с женой Ёсико и родившимся незадолго до ареста сыном Хироси-Лавославом. Последний раз бывший «Жиголо», изможденный, больной, страдающий хронической дизентерией и почти полностью ослепший, встретился с ними за 30 минут до отправки в страшную своим режимом и неприспособленностью к холодному климату тюрьму города Абасири на самом северном острове Японии — Хоккайдо. В конце декабря 1944 года он обратился к Ёсико с длинным прощальным письмом, и оно больше, чем любой рассказ о нем, раскрывает нам внутренний мир Бранко Вукелича:

«Извини, что это письмо задержано. Это произошло потому, что пришлось отложить его на 4-е воскресенье. Я получил письмо нашего мальчика, и, конечно, оно доставило мне большую радость. Ты, конечно, представляешь себе, как я восхищаюсь и вместе с этим беспокоюсь о твоей напряженной жизни. Прошу тебя: хорошенько позаботься о себе ради меня, ведь я так люблю тебя. Как ты писала, от моральных сил зависит многое. Мне очень нравятся твои родители. Пожалуйста, будь к ним добра. Теперь для начала позволь мне ответить на твои вопросы.

1) Серебро необходимо вернуть. Его оставляли нам на сохранение.

2) Почтовый бювар я получил, но пользоваться им мне пока не разрешают.

3) Я хорошо разбираю и читаю твои письма, но, поскольку время на них ограничено, пиши как можно четче и яснее (теперешний стиль и почерк меня вполне устраивают). Я хочу, чтобы ты описала когда-нибудь в одном из своих писем твой полный день, с утра до вечера, в присущем тебе интересном стиле.

4) Отвечай мне в письмах на все мои вопросы. Если что-нибудь не разберешь в моем письме — спрашивай.

5) Мне кажется, ты очень хорошо справляешься с воспитанием нашего сына в таких трудных условиях. Его привычка разговаривать с самим собой, должно быть, является результатом непостоянства окружающей среды — перемены места жительства, отсутствия знакомых людей и т. п. Отсутствие практики — это, должно быть, результат отсутствия юных друзей. Так или иначе, но это плохие привычки, но я надеюсь, что ты придумаешь, как исправить их. Что касается его способностей, то я считаю, как и все родители, что он талантлив. На фотографии он выглядит таким, каких я рисовал, когда был ребенком, но намного лучше и интереснее, чем его папа. Что же касается почерка, то я ведь начал писать первые буквы значительно позже. Может быть, здесь сыграла свою роль кровь Ямасаки, но я больше всего отношу это за счет твоего отличного воспитания. Я, например, воспитывался большей частью по принципу "оставьте его в покое", подобно маленькому домашнему животному, поскольку этот метод воспитания считали в наше время наилучшим методом. Даже тогда, когда мои родители заметили, что у меня плохой почерк, они реагировали на это очень просто: "Его почерк станет лучше после того, как он повзрослеет. Зачем надоедать ему с этим сейчас?" Может быть, я еще не совсем повзрослел? А может быть, это является результатом пренебрежения начальным воспитанием, недостаточно настойчивым исправлением плохих привычек и т. п. Кстати, относительно слишком мягкого характера нашего сына. Пока в нем не проявляется отсутствие интереса или нелюбовь к работе, тебе не о чем особенно беспокоиться. Главное — привей ему привычку выполнять какую-нибудь работу, не вторгаясь, однако, в священный мир детских игр.

6) Что касается моей матери, то при отсутствии у тебя препятствий к этому, пошли ей рождественские поздравле-

ния. Однако не торопись с этим, посмотрим, может быть, я получу разрешение послать поздравление сам, хотя я опасаясь, что в этом случае оно может слишком запоздать. Жизнь сейчас такова, что для моей старой больной мамы, наверное, лучше было бы умереть, чем продолжать жить. Но если весточка от меня придет к ней вовремя, я уверен, это будет для нее большим утешением. Когда ты заботаешься о своих родителях, вспомни об этих моих чувствах. Мне хотелось бы позаботиться о твоих родителях даже больше, чем о своих, но я вынужден был разочаровать их всем этим, что они, должно быть, называют божьим наказанием.

7) В отношении моего здоровья не беспокойся так сильно. В течение последнего месяца рецидивов не было, и я быстро поправляюсь. Кроме того, я переношу холод гораздо лучше, чем ожидал. (Вот только мой почерк становится от него хуже, чем обычно.) Мы вполне можем рассчитывать на встречу в будущем году. Печка, которую я так долго ждал, наконец установлена; с ее появлением я сразу же вообразил себе картину: "Мы вдвоем. Жарится сукияки. Ребенок спит. В печке огонек... тепло так же, как сейчас..." Это было в действительности осенью.

8) Ты должна больше писать мне о своем здоровье. Тебе тоже нужно сходить к врачу. Пожалуйста, пришли мне свою фотографию и фото нашего ребенка. Может быть, мне разрешат посмотреть на них. И конечно, напиши мне письмо. Извини, что я не могу преподнести тебе никакого новогоднего подарка. Я посылаю лишь свои благодарности. *Исторически этот новый год должен быть самым важным и самым трудным для Японии так же, как и для всего мира и для нашего ни в чем не повинного маленького сына.* Мысли о вас придают мне сил. Пожалуйста, расскажи нашему маленькому мальчику, как я был рад его письму. Позаботься о своем здоровье; я постараюсь быть бодрым.

Ваш папа.

СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ПИСЬМО, ХИРОСИ. ПАПА ОЧЕНЬ ЛЮБИТ ХИРОСИ. ПРИСЫЛАЙ МНЕ ПИСЬМА ЕЩЕ»⁶¹².

Бранко Вукелич не получил больше писем от сына. Не вынеся условий заключения, он скончался от пневмонии 13 января 1945 года, через пять дней после того, как это письмо, пройдя перевод (он писал по-английски) и цензуру, было от-

правлено в Токио. Еще через два дня его ничего не зная об этом жена Ямадзаки-Вукелич получила телеграмму из Абасири: «Заберете ли вы тело или мы предпримем необходимые шаги?»

Ёсико приехала в Абасири: «Я нашла его уже в гробу, в тюрьме. Он был завернут во все белое, как принято по японским обычаям. Он был таким худым, замерзшим и закочевевшим. За ним прислали конный катафалк и его доставили в крематорий, где я присутствовала при кремации»⁶¹³. Изможденный болезнями и холодом, этот цветущий когда-то сорокалетний мужчина перед смертью весил 32 килограмма.

В 1964 году Бранко Вукелич был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно). Награду в Кремле приняла его вдова Ёсико Вукелич.

ПОДОБРАТЬ КОЛОСКИ...

Нетрудно заметить, что в ближайшем окружении резидента военной разведки Рихарда Зорге не было ни одного человека, напрямую связанного с японской армией или императорским флотом. Связанным настолько, чтобы в Москву из Токио тек постоянный и незамутненный слухами ручей секретной информации сугубо военного и военно-технического характера. Конечно, это был парадокс: по своей сути вся резидентура «Рамзая», относившаяся к военной разведке, работала над решением политических вопросов, причем нередко стратегического характера. Центр при этом, как мы помним, все время требовал сведений, которые могли бы представлять ценность для Красной армии здесь и сейчас, то есть оперативно-тактического плана. Единственной надеждой и опорой в работе Зорге в таких случаях оставался человек сугубо мирной профессии — больной, измученный туберкулезом, но нестигаемый художник Мияги Ётоку.

Мияги нередко рисовал портреты военных — людей весьма честолюбивых, порой до порочного тщеславия, и хвастливых до преступной разговорчивости. Некоторым моделям Мияги казалось, что с ним, абсолютно штатским, можно без опаски обсудить вопросы военной политики империи, пожаловаться на задержку в продвижении по службе в связи с проблемами на китайской войне или выразить надежду на то, что следующий портрет мастер напишет после возвращения офицера из Маньчжурии. Молчаливый, но поддакивающий художник представлялся военным идеальным слушателем: рисовал красиво, ордена выписывал ярко, сурово сдвинутые брови и поджатые губы на портретах отлично передавали глубокий самурайский дух, а потому офицеры его рекомендовали друг другу с удовольствием и без опасений. Правда,

для общения с ними приходилось по японской традиции много часов просиживать в ресторанах и местных кабачках идзакая, и Мияги даже жаловался, что выпивка вытягивает из него и время, и деньги, и здоровье, но других вариантов разговорить собеседника в Японии было тогда и остается сегодня не слишком много.

Одним из приятелей Мияги стал секретарь генерала Угаки — крупной фигуры в милитаристских верхах. Тактико-технические данные новых минометов от него, конечно, было не получить, но рассказать о военно-политических веяниях он мог немало интересного. «Большая часть информации от этого секретаря касалась внутренней политики, главным образом изменений в японских политических кругах, — вспоминал Зорге. — Кроме того, иногда поступали сведения о японо-советских отношениях и японской политике в Китае, но, разумеется, преобладала информация о проблемах кабинета Угаки. После того как Угаки занял пост министра иностранных дел в кабинете Коноэ, этот источник смог предоставлять разнообразную обширную информацию. Одновременно он сообщил о сильной оппозиции попыткам Угаки сформировать свой кабинет. Когда Угаки был министром иностранных дел, им была передана нам подробная информация о напряженности в отношениях между Угаки и Коноэ по вопросам китайской политики и проблемам создания "сферы процветания Азии"»⁶¹⁴.

Другой знакомый Мияги — Ямана Масами, когда-то сочувствовавший левым, занялся теперь бизнесом на Хоккайдо, а с началом Второй японо-китайской войны этот остров стал важным стратегическим рубежом для подготовки армии к действиям в Маньчжурии и на советском Дальнем Востоке. Агент сообщал своему другу Мияги, прежде всего, об экономической ситуации на Хоккайдо, а также о масштабах мобилизации на острове, передислокации воинских частей с него в другие регионы, строительстве аэродромов и обо всем, что могло интересовать художника и его токийских товарищей. Ямана познакомил Мияги с другим хоккайдосцем — Тагути Утэнда, когда-то сидевшим в тюрьме за коммунистические убеждения, но теперь, по мнению Мияги, склонным воспринимать в качестве главной движущей силы прогресса только деньги. Тагути жил в Токио, а по делам бизнеса (он торго-

вал пенькой) часто бывал на Сахалине и Хоккайдо, откуда в 1940 и 1941 годах сообщал некоторые интересные сведения. Эта его деятельность, материально поощряемая Мияги за счет средств резидентуры, была впоследствии расценена судом как «шпионаж за военными приготовлениями на Сахалине и Хоккайдо»⁶¹⁵. Что же касается корыстных мотивов Тагути, то в этом существуют серьезные сомнения: вряд ли человек, готовый на все ради денег, имел настолько сильную волю, чтобы откусить себе язык во время допроса.

Мияги дружил и с правыми, в том числе с одним газетчиком, от которого получал интересную информацию о состоянии дел в ультранационалистических «Тайных обществах» Японии, тесно связанных с Квантунской армией, а также занимавшихся на добровольных, патриотических началах разведкой в Китае и Приморье. От него же приходили любопытные данные об изменении градуса внутренней напряженности в стране в зависимости от степени испытываемых ею политических и экономических трудностей. Этот человек являлся не единственным информатором Мияги, но, как и все остальные, выполнял эту функцию периодически и, судя по всему, вслепую. Полиция впоследствии арестовала семейных субагентов группы, относящихся именно к Мияги, как к групповоду, однако очень сложно сегодня определить, насколько на самом деле эти люди понимали, что они делают, сообщая своему знакомому художнику те или иные, далеко не всегда секретные, сведения.

По мнению Зорге, единственным настоящим агентом Мияги был Косиро (Коширо — в англоязычной транслитерации) Ёсинобу («Мики») — тот самый отставной капрал, которого срочно пришлось найти, когда в 1939 году Центр затребовал хоть какого-нибудь шпиона среди военных. Нельзя при этом сказать, что данные, полученные от «Мики», блистали уровнем проникновения в святая святых японской армии. «Кажется, что информация о мобилизации в Токийской и Уцуномийской дивизиях поступила от Косиро, — признавался Зорге. — От него также получены два или три сообщения о формировании смешанных частей на базе личного состава Токийской и Уцуномийской дивизий. Косиро предоставлял Мияги также разнообразные сведения об условиях жизни и деятельности войск на границе с Сибирью. Думается, что от

него также были получены фрагментарные данные о новых артиллерийских системах и танках японской армии»⁶¹⁶. В некоторой степени Зорге лукавил, как обычно отводя частично обвинения от своих агентов и субагентов: материалы от «Мики» появлялись в сводках «Рамзая» довольно часто, но по сравнению с военно-политическим блоком информации их действительно было немного.

Мияги — убежденный коммунист, работавший ради идеи, а не денег, самому Косиро выплачивал небольшие суммы, но одновременно рассказывал ему об учении Маркса. Поначалу художнику показалось, что резервист готов стать его единомышленником, но позже он разочаровался в ученике и на суде признавал: «На самом деле я обучил Коширо коммунистической идеологии. Однако он недостаточно продвинулся в осознании чувства ответственности, присущего коммунисту. В этом смысле я думаю, что он до сих пор не продвинулся дальше либерализма». При этом известно, что Мияги вообще плохо отзывался о своих агентах на следствии, надеясь таким образом приуменьшить их вину перед судом⁶¹⁷. Но, как и в случаях с большинством других агентов группы, им это мало помогло: все они получили от трех до пятнадцати лет тюрьмы, а доктор Ясуда Токутаро, чья вина заключалась главным образом в том, что он лечил Зорге, придерживался левых убеждений и согласился рассказать Мияги о системе медицинского обеспечения в Японии, — два года с отсрочкой исполнения наказания на пять лет (то есть фактически он был освобожден от ответственности).

Помимо этих людей, так или иначе связанных в основном с севером Японии и Маньчжурией, а также живших в Токио, у Мияги Ётоку были контакты в лежащих к юго-западу от Токио крупных промышленных центрах Осака и Кобэ. Наконец, Мияги выполнял при Зорге функцию переводчика. Языком общения в группе был английский, а художник, живший в Америке, неплохо им владел. Он переводил как собственную информацию, собранную им для «Рамзая», так и данные Одзаки, которые тот, будучи значительно более занятым человеком, не всегда успевал переложить на английский.

С «благословения» резидента Мияги поддерживал также связь с агентами Одзаки — Каваи и Мидзуно. Их сведения он

мог также напрямую передавать Зорге, и тот впоследствии подчеркивал, что благодаря этим частым контактам тесно сошелся с Мияги, особенно в последние годы⁶¹⁸. Это оказалось особенно актуально зимой и весной 1941 года, когда Москва затребовала от «Рамзая» максимум информации о японской армии и ему пришлось самому заняться подсчетом (как мы знаем, не всегда верным) количества дивизий и личного состава, а также вооружения и боевой техники во вновь сформированных частях и соединениях. Как раз тогда Зорге, Одзаки и Мияги вместе начали работать над схемой организации японской армии, которая была готова к июню 1941 года. Рисовал схему Мияги, а Зорге ею очень гордился: «Я сфотографировал эту схему и отправил в Москву. Схема эта стала лучшим произведением нашей группы. Не думаю, что можно было сделать нечто лучшее. И московский Центр, похоже, тоже был удовлетворен ею, поскольку никаких дальнейших указаний на эту тему не последовало»⁶¹⁹.

Мияги продолжал вместе с Одзаки консультировать резидента по многим вопросам японской политики и доводить до завершенной формы готовящиеся к отправке в Центр отчеты. «Стремясь придать докладу законченный вид, я просил кого-либо (чаще всего Мияги), — писал Зорге, — собрать дополнительные или уточняющие сведения, но старался не злоупотреблять этим. Я часто просил Одзаки и Мияги подготовить сообщения в письменной форме по военным или другим вопросам для моих очередных докладов, но к этому я прибегал, только когда чувствовалось, что Москва проявляет особый интерес к тем или иным специальным проблемам или требуется доложить по какому-то срочному вопросу»⁶²⁰. И хотя главную скрипку играл Одзаки, мнение Мияги «Рамзай» никогда не сбрасывал со счетов.

Несмотря на прогрессирующий туберкулез, оторванность от дома (в 1938 году у Мияги умер отец на Окинаве), отсутствие семьи, «Джо» продолжал много работать. История со схемой, которую художник не только изобразил, но и принял самое активное участие в предоставлении данных для нее, стала его «лебединой песней». Согласно официальной версии, как раз в это время началась слежка за Китабаси Томо — его бывшей квартирной хозяйкой и товарищем по американскому отделению японской компартии. До сих

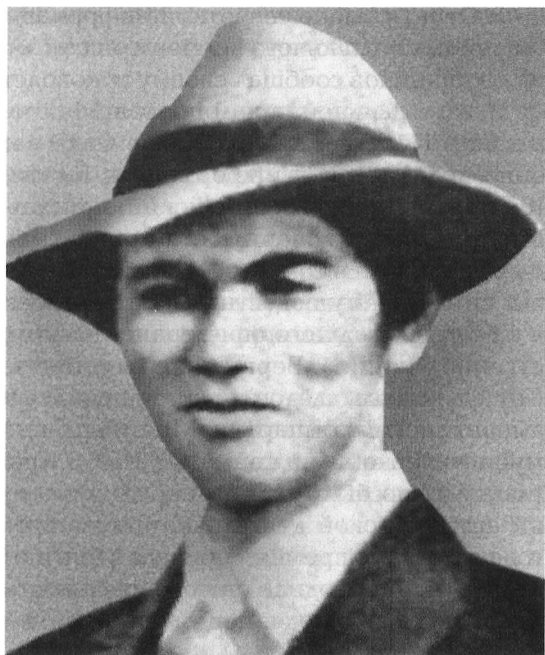
пор не вполне понятно, что связывало их на самом деле, но скорее всего, она лишь была в курсе членства Мияги в КПЯ и могла вести с ним разговоры на политические темы. Женщине это стоило приговора к пяти годам тюрьмы, которые она едва перенесла. Выйдя на свободу 31 августа 1945 года, она умерла через два дня — в день подписания капитуляции Японии.

Резидент поощрял активную работу художника в качестве агента-групповода — Зорге повел себя в Токио точно так же, как и в Шанхае, давая на откуп местному агенту общение с его соотечественниками. И, хотя на этот раз круг субагентов оказался значительно уже, японская полиция сработала гораздо эффективнее шанхайской. Подавляющее большинство агентов Мияги ранее «засветились» как имевшие отношение к деятельности компартии, шестеро «контактов» подвергались арестам и, даже не давая никакой информации, они, как портниха Китабаяси, могли привлекать к себе дополнительное, ненужное и опасное внимание токко. То, что Зорге допустил создание такой ситуации, в полной мере лежало на его совести. И в смерти тех, кто был привлечен к суду и не перенес заключения, есть доля и его вины, как и вины Мияги Ётоку. Но ни для резидента, ни для его помощника даже осознание собственной ответственности за участь товарищей по борьбе или платных осведомителей не было непреодолимым препятствием для принятия жесткого решения. Разведка — это всегда война, ставка за промах в ней всегда слишком велика для обычного человека, и, в конце концов, и Зорге, и Мияги заплатили за ошибки — свои и чужие — жизнью.

Художника взяли 10 октября, но, как следует из представления к награждению сотрудника токко, который вел его дело, заговорил Мияги лишь одновременно с Клаузенем — 21-го. В тюремной больнице, куда его поместили со сломанной в результате неудачной попытки самоубийства ногой, он дал первые показания по следующим пунктам:

- «1. Положение в американской компартии в период его пребывания в США.
2. Обстоятельства вступления в эту организацию.
3. Структура и состав этой организации.
4. Обстоятельства вербовки восьми агентов.

Мияги Ётоку
в разные годы

5. Относительно секретной информации, которую в течение продолжительного времени он сам лично или через своих сообщников сообщал своему руководству».

В ходе дальнейших допросов Мияги рассказал о журналисте Кикути Хатири, бывшем для него источником военно-политической информации, Тагути, Ямана, а затем и Косиро Ёсинобу. Полицейский пристав, допрашивавший Косиро, «смог уговорить его признаться в измене родине, выразившейся в том, что он сообщал Мияги военные секреты, ставшие ему известными за время его службы в армии в качестве младшего офицера в Маньчжурии, Китае и собственно Японии». Вернувшись с новыми данными к допросам художника, следователь установил, «что, являясь членом американской компартии, Мияги издавна участвовал в коммунистическом движении в США». Кроме того, в заслугу следователю было поставлено то, «что он выкорчевал корни антияпонской деятельности компартии, которая с 1934 года, то есть со времени приезда Мияги в Японию, в течение девяти лет проводила свою деятельность как организация, находившаяся в подчинении уполномоченного Коминтерна Зорге»⁶²¹.

Мияги сознался в своей работе на Москву, но не отрекся от своих убеждений. 26 января 1942 года, после завершения предварительного следствия, он произнес на допросе признание, которое правильнее было бы назвать декларацией всей группы Зорге — группы разведчиков-коммунистов, работавших не за деньги, а ради светлой идеи. При этом, говоря о своей работе, Мияги, как и Зорге на начальном этапе следствия, отрицал принадлежность к советской военной разведке и называл себя агентом Коминтерна:

«Участвуя ранее в коммунистическом движении, я стремился уделять главное внимание не теории, а практике; старался исправлять недостатки в своей жизни; и сегодня у меня нет претензий к себе.

Я удовлетворен работой в разведывательном органе Коминтерна, которая длилась восемь лет (хотя мой урожай и состоял лишь из колосков, подобранных после жатвы), и определенными достижениями, которых мы добились в современной обстановке (удалось предотвратить войну между Японией и СССР).

Моя совесть как коммуниста спокойна, поскольку в целом я не ошибся в своей оценке освободительного движения трудящихся...»⁶²²

До окончательного приговора Мияги так и не дожил. В условиях содержания в Сугамо его болезнь резко обострилась, и 2 августа (по другим данным — 3 августа) 1943 года сорокалетний художник — собиратель колосков скончался. Узнавший об этом Одзаки Хоцуми писал жене: «Я предвидел это и все же был глубоко потрясен. Туберкулез! Его здоровье не вынесло здешней жизни. Мияги был чудесный человек... Он был совершенно одинок, и никто не приехал с его родины — Окинавы, чтобы взять его останки»⁶²³.

Тело Мияги Ётоку было кремировано, и после войны прах забрал брат Ётоку, который увез его в Мехико, где в то время жил, и там захоронил. В январе 1965 года Мияги Ётоку был награжден (тем же закрытым указом, что и Одзаки Хоцуми) орденом Отечественной войны 2-й степени (посмертно). По неизвестной причине вручение награды его родственникам тогда не состоялось. Лишь в январе 2010 года 81-летняя племянница разведчика получила орден из рук российского посла в Токио.

КРУГИ НА ВОДЕ

Утром 18 октября обычный распорядок дня Зорге был нарушен с раннего утра, еще до того как к нему ворвалась полиция. Последствия отставки Коноэ, формирование нового кабинета были главной новостью для иностранных корреспондентов, аккредитованных в Токио. Естественно, что немецкие журналисты стремились при этом получить комментарий у своего патриарха — доктора Зорге. Вот и в то утро не жена посла Хельма Отт, как утверждали невесть с чего некоторые «биографы» Зорге, была в гостях у нашего героя, а (как упоминалось выше) немецкий журналист Шульце получал комментарий для срочной передачи в Берлин. То, что он был у коллеги уже в пять утра, объяснялось экстренной важностью происходящих событий. Да и сам доктор Зорге поднимался обычно рано, как раз в это время. Затем делал гимнастику с любимым эспандером, принимал японскую ванну — фуру, и садился за завтрак, который готовила приходившая к нему горничная — японка лет шестидесяти (Зорге звал ее просто «онна», то есть «женщина»). До обеда журналист, как правило, работал дома, а затем направлялся в посольство или агентство «Домэй» в районе Гиндза, где квартировало большинство иностранных журналистов. С началом войны забот стало заметно больше, и часто с самого раннего утра Зорге уезжал на маленьком автомобильчике, который купил взамен разбитого в 1938 году мотоцикла, в посольство, где занимался просмотром сводки новостей и составлением информационного вестника «Дойчер динст»⁶²⁴.

В то утро всё изменилось навсегда, и не только для Зорге. Арест знаменитого журналиста стал для всей германской колонии в Токио событием куда более важным, чем смена правительства Японии накануне войны. Он шокировал всех, но

более всего был потрясен посол — генерал Ойген Отт. Он немедленно подал протест на имя нового премьер-министра генерала Тодзио и самым решительным образом потребовал встречи с Зорге. Прокуратуру, коей была передана нота германского посла, требование обеспокоило и даже напугало. Арестованный плохо себя чувствовал. Мы помним, что в письмах в Москву он постоянно писал о проблемах со своим здоровьем, подорванным многолетней подпольной работой. Большие дозы алкоголя, которые в последнее время стали для нашего героя частью этой работы, тоже не шли на пользу. Арест и интенсивные допросы в первые дни после задержания, не говоря уже вообще о самой обстановке нахождения в тюрьме, никак не могли способствовать улучшению его самочувствия. О том, что допросы были именно интенсивными, свидетельствовал позже прокурор Ёсикава, которому, на пару с инспектором токко Охаси, было поручено вести дело Зорге и поставлена задача «сломить сопротивление» арестованного к 25 октября⁶²⁵. Именно на 25-е (или позже) предварительно была разрешена встреча Зорге с Оттом, и признание разведчика было необходимо как воздух не только сотрудникам полиции, Министерства юстиции, но и премьер-министру Тодзио, который рисковал нарваться на крупный скандал с единственным союзником своей страны в первые же дни своего правления.

Известно, что в посольстве Отт скрывал арест Зорге, сколько мог («Я уверен, он в Атами»), но вскоре все же вынужден был сообщить об этом всем атташе. Военный атташе генерал Кречмер с Веннекером и фон Гронау (военно-воздушный атташе) пришли к Отту и обвинили его в том, что он, нарушив присягу, посвятил журналиста в государственные секреты и тем нанес ущерб Германии. Отт возражал, что Зорге невиновен, а информация, которой он располагает, очень ценна для Германии. Но добровольные делегаты от воинской чести остались при своем мнении...⁶²⁶

До сих пор не совсем ясно, когда Отт встретился с Зорге и, соответственно, когда тот во всем признался, так как встреча состоялась только после признания — можно не сомневаться, что другого варианта японцы просто не допустили бы. Бывший прокурор Ёсикава, которого американские власти допрашивали по этому вопросу в 1951 году, твердо заявлял, что это произошло ровно через неделю после ареста, вече-

ром в субботу 25 октября: «Тодзио сказал министру юстиции, что он должен позволить Отту встретиться с Зорге. Случилось это в критический момент — следствие переживало кризис. Я хотел получить признание Зорге до того, как Отт увидится с ним. И Зорге действительно признался во всем этом еще до той встречи»⁶²⁷.

Однако Дикин и Стори ссылаются на известную им телеграмму Отта в Берлин, датируемую двумя днями ранее — 23 октября: «Как только это стало возможно, нанес короткий официальный визит Зорге». Никакого другого визита не было, а следовательно, в обоих случаях речь идет об одной и той же, единственной встрече. Часто цитируется и еще один текст телеграммы, отмеченной тем же числом: «Здесьшний многолетний представитель "Франкфуртер цайтунг" Рихард Зорге и другой подданный германского рейха, Макс Клаузен, арестованы японской полицией по подозрению в поддержании будто бы враждебных государству связей. Одновременно арестовано некоторое число японцев, один из которых якобы близко стоял к кругу сторонников бывшего премьер-министра князя Коноэ...

Можно предположить, что речь идет об акте мести или об интриге, в которую оказался запутан Зорге. Как здесь известно, относящаяся к нам враждебно группа все еще обладает большим влиянием в полиции и в среде чиновничьего аппарата Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, в связи с чем в обстоятельствах дела Зорге нельзя исключать враждебных Германии намерений»⁶²⁸.

К сожалению, пока так и не удалось выяснить, одна и та же это депеша или нет — не обнаружен первоисточник. Очевидно, что второй текст выглядит сообщением новости в Берлин и не содержит даже намека на попытку встречи Отта с Зорге. Поэтому не приходится с уверенностью утверждать, что это один и тот же документ, а значит, нельзя с уверенностью говорить и о том, что Отт действительно посетил своего бывшего друга 23-го числа (и, соответственно, к этому времени Зорге заговорил).

Свидание, когда бы оно ни случилось, проходило в тюрьме Сутамо по японским правилам. Перед тем как разрешить Отту общение с узником, Ёсикава установил следующие условия беседы:

Бывший прокурор Ёсикава
дает показания американской следственной комиссии. 1951 г.

«1. Никаких упоминаний о деле, по которому идет следствие.

2. Я должен присутствовать на встрече.

3. Продолжительность встречи должна быть ограничена пятью минутами.

4. Отт должен обращаться к Зорге первым. Его слова должны были переводиться переводчиком на японский. Если я одобрю их, то подниму руку, и тогда Зорге будет позволено ответить»⁶²⁹.

О том, как выглядела сама встреча, остались разные воспоминания — как очень часто в истории с нашим героем, складывается впечатление, что описаны два разных случая. Сопровождавший Отта посланник Кордт увидел «прежнего» Зорге: «Мы направились в сопровождении сотрудника японского Министерства иностранных дел в тюрьму Сутамо. Через несколько минут агенты полиции ввели Зорге в помещение, где мы его ждали. Он шел прямо, с поднятой головой и производил впечатление уверенного в себе человека. В ответ на наши вопросы он сказал: "Мне запретили давать вам какие-либо разъяснения". Он не проявил также желания воспользоваться предложенной нами защитой»⁶³⁰.

Прокурор Ёсикава свидетельствовал о раздавленном, усталом, обреченном человеке, для которого уже почти всё закончилось: «Во время встречи Зорге выглядел совершенно опустошенным и лицо его выражало лишь необычайную скорбь и серьезность, и потому, как только Отт взглянул на него, он сразу оценил серьезность ситуации.

Отт сказал: "Ну, как вы себя чувствуете?"

Зорге ответил: "Все в порядке".

Отт: "Как вас кормят?"

Зорге: "Удовлетворительно".

Отт: "Вам что-нибудь нужно?"

Зорге: "Нет, благодарю вас".

Потом Зорге сказал: "Это наша последняя встреча". После чего Отт, казалось, был явно тронут. Он был в форме и, по-солдатски отдав Зорге честь в прусском стиле, вышел из комнаты»⁶³¹.

Старый и преданный друг — Ойген Отт и сам говорил, что увидел Рихарда таким, каким описывал его Ёсикава, и в его изложении история последней встречи с нашим героем

выглядит довольно убедительно: «Зорге был плохо выбрит, одет в куртку заключенного и производил ужасающее впечатление». По его воспоминаниям, ему было позволено задать только три вопроса: Как ваши дела? Считаете ли вы себя виновным? Могу ли я что-то сделать для вас? На первый вопрос Зорге ответил, что у него нет никаких жалоб. На второй вопрос ему запретили отвечать, поскольку *он к этому времени еще ни в чем не признался*. На третий вопрос Зорге ответил: «Господин посол, мы с вами больше не встретимся. Передайте от меня привет вашей семье. Я благодарю их за все». На прощание Отт добавил: «Это юридическая ошибка, и, должно быть, скоро все разъяснится» и передал ему два одеяла, с вышитым на одном из них именем своей дочери, и запонки. На следующий день, в субботу (то есть как раз 25 октября, а значит, встреча состоялась 24-го? — А. К.) Зорге во всем сознался⁶³².

Сам по себе запрет Ёсикава отвечать на вопрос о виновности имел смысл только в том случае, если Зорге к моменту встречи с Оттом еще упорствовал, иначе, наоборот, можно было предъявить послу признание журналиста и таким образом ответить на его протест. Однако как раз этого и не произошло. Зорге молчал, а на главный, мучивший всех вопрос ему не дали возможности ответить. Почему? Только потому, что он мог ответить «невиновен», и тогда на японские органы власти обрушился бы новый нажим германских союзников. Да и вряд ли генерал Отт оставил бы советскому шпиону одеяло с именем своей дочери...

Для Ойгена Отта произошедшее оказалось сильнейшим ударом, возможно, даже бóльшим, чем для самих разведчиков. Ведь, как ни банально это звучит, они-то знали, чем занимаются и что их ждет в случае неудачного финала. Отт верил Зорге искренне и глубоко. Верил настолько, что принес это самое одеяло. И встреча с арестованным не разубедила его, в отличие от многих других сотрудников германской дипломатической миссии в Токио, знавших Зорге и недолюбливавших Отта. Это касалось и атташе по вопросам полиции и уполномоченного СД Мейзингера (Майзингера), который, по сомнительным воспоминаниям Шелленберга, обязан был «присматривать» за Зорге, но не заметил ничего предосудительного и отличился лишь тем, что первым сообщил в Бер-

лин об аресте подопечного, а затем попытался уничтожить посла, справедливо сочтя его главным источником информации для советского агента, но совершенно безосновательно упрекая генерала в том, что он знал о втором лице своего друга⁶³³. Если у Ойгена Отта и возникли серьезные сомнения в несправедливости ареста Зорге, то он постарался скрыть это от всех. А основания для такого рода сомнений были. Вот что рассказал Макс Клаузен о своей встрече с бывшим военноморским атташе, другом Рихарда «Паульхеном», источником «Паулем» или «Паулой», бывшим командующим, адмиралом германского флота в Восточной Азии, а в декабре 1945 года интернированным дипломатом Паулем Веннекером — тем самым, что обвинял Отта в нарушении присяги: «Я знал от РИХАРДА, что у ВЕННЕКЕРА был небольшой чемодан Рихарда, который хранил ВЕННЕКЕР, когда РИХАРД работал в немецком посольстве. РИХАРДУ для работы был необходим некоторый материал, который он хранил у ВЕННЕКЕРА. Когда я пришел к нему, он был не очень рад меня видеть, но тем не менее пригласил в комнату. Мы поговорили с ним немного о политике. То, что он не являлся настоящим фашистом, я слышал еще от РИХАРДА, и теперь он сказал мне, что исполнял только свои обязанности. Когда я спросил о чемодане РИХАРДА, он покраснел. "Да, — ответил он, — у меня был чемодан ЗОРГЕ во время вашего ареста, но в нем было немного: рукопись о японском сельском хозяйстве, 3 тыс. американских долларов и 12 тыс. иен". — "Где же сейчас чемодан?" — спросил я его. "Вскоре после ареста ЗОРГЕ я снес его к послу ОТТУ, и мы открыли его. Рукопись мы уничтожили, 3 тыс. амов взял ОТТ, а иены мы оставили в чемодане. Позднее появилась полиция и забрала у меня чемодан"»⁶³⁴.

Чемодан с крупными суммами в американской валюте и в японских иенах, который журналист не хотел хранить дома, предпочитая спрятать его у друга, обладающего дипломатическим иммунитетом, должен был навести старого разведчика Отта на понимание своей ошибки в отношении Зорге. Тем не менее Отт сопротивлялся обвинениям в шпионской деятельности немецкого журналиста еще несколько месяцев.

Что же касается загадочных телеграмм, отправленных им то ли до свидания с арестованным, то ли после, возможно,

разгадка проста и кроется в опубликованном Юлиусом Мадером факсимиле обширного сообщения посольства в Токио на имя посланника Брауна фон Штумма, занимавшегося в ведомстве Риббентропа служебными расследованиями. Эта записка содержит тексты обеих телеграмм, и, скорее всего, именно ее куски цитировали разные авторы в разное время как самостоятельные тексты, хотя Сергей Будкевич, например, считал все три документа разными и самостоятельными. Дата ее отправки отсутствует, но очевидно, что это произошло не ранее 24 октября, а в Берлине она была должна лечь на стол адресату 14 ноября. Вот ее полный текст:

«Германский корреспондент Рихард Зорге, работавший с 1936 года в Токио для "Франкфуртер цайтунг", арестован японской полицией 22 октября 1941 года вместе с другим подданным рейха по имени Макс Клаузен по надуманному обвинению в антияпонских связях.

Рихард Зорге является хорошим знатоком Японии и талантливым журналистом; *однако строгой объективностью своих репортажей, в которых он порой позволял себе и критику, он часто навлек на себя недовольство официальных кругов страны пребывания.* Исходя из информации, полученной от ответственных германских инстанций в Токио, подозрение насчет вменяющейся в вину Зорге причастности к коммунистической деятельности следует считать заблуждением. *По мнению посла Отта, близко знающего Зорге, эта акция представляет собой политическую интригу, поскольку Зорге получил некоторые секретные сведения о состоянии японо-американских переговоров, имеющих статус государственной тайны.*

До сих пор не разрешено проводить с арестованным никаких бесед, если не считать кратковременного формального посещения его со стороны посла Отта. Несмотря на постоянно предпринимаемые Министерством иностранных дел усилия, прокуратура все еще отказывает в предоставлении возможности ознакомления с имеющимися доказательствами противозаконной деятельности обвиняемого. Как говорят, в связи с этим инцидентом арестовано также большое число японцев»⁶³⁵.

Начавшееся служебное расследование тянулось несколько месяцев. 9 января 1942 года Отт доложил в Берлин

о предоставлении японской стороной двух обширных протоколов следствия, но отметил их «недостаточную содержательность». Генерал имел в виду копии протоколов допросов Рихарда Зорге, направленные ему 17 ноября с сопроводительным письмом, в котором сообщалось об обвинении Зорге в нарушении закона «Об обеспечении государственной безопасности»⁶³⁶. Отт был взбешен, не верил своим глазам и требовал более увесистых доказательств и новых встреч с Зорге, одновременно инициировав поиск свидетельств о коммунистической деятельности Рихарда и его бывшей жены Кристины в Европе, прежде всего в Германии, и, вероятно, содрогаясь от мысли, что такой поиск может вытащить на свет биографию и связи его собственной супруги⁶³⁷. Еще на Рождество 1941 года он произнес маленькую речь о том, что «все друзья Зорге должны ждать его возвращения как мученика известного японского стремления повсюду вынюхивать шпионов и всех подозревать»⁶³⁸.

Лишь к весне обстановка прояснилась окончательно. 23 марта 1942 года абвер получил сообщение от одной из своих резидентур в Китае: «Зорге, вероятно, работал на Москву из фанатизма, не за деньги. Яростный противник национал-социализма... Последствия весьма тяжелые... Японские власти энергично настаивают на том, чтобы представители германской прессы в Восточной Азии впредь допускались к работе только с разрешения соответствующих органов вермахта... В определенных кругах (японских) военноморских сил крайне антигерманские настроения... Строжайшие ограничения передвижения со стороны японцев для всех немцев в Восточной Азии: без разрешения невозможно поехать даже из Токио в Йокогаму»⁶³⁹.

Это был серьезный удар по престижу Германии в Японии в целом и, конечно, по репутации главы ее дипломатической миссии Ойгена Отта. Причем из-за того, что об их дружбе, еще вчера служившей Зорге пропуском в любой закрытый кабинет, знали не только в посольстве, скандал с Оттом достиг и самой Германии и принял особенно неприятные формы. Но поскольку Зорге как журналист работал в первую очередь на «Франкфуртер цайтунг», то возникли вопросы и к редакции этой уважаемой газеты. Тогдашний секретарь ее редакционного совета Оскар Штарк вспоминал: «...нам

по телефону сообщили из ведомства внешних сношений — если не ошибаюсь, звонил принц Ройсс, ранее служивший в посольстве в Токио и друживший с Зорге, о том, что Зорге арестован по подозрению в шпионаже. Для нас это прозвучало как гром среди ясного неба, поскольку мы знали о дружеских взаимоотношениях между послом Оттом и Зорге.

Мы сразу поняли, что этим делом заинтересуется гестапо; я тотчас велел принести личное дело Зорге, в котором хранилась и вся наша переписка с ним, чтобы выяснить, не содержится ли в ней какой-либо компрометирующий редакцию материал. Проверка показала, что в папке не было ничего такого, к чему могло бы придраться гестапо, и что из личного дела можно ничего не изымать, ничто не могло бросить тень на редакцию. Через некоторое время, кажется, ведомство внешних сношений потребовало представить описание наших контактов с Зорге, каким образом началось наше сотрудничество с ним и так далее. Все это я изложил на бумаге; содержание моего доклада полностью соответствовало действительному положению вещей во всей его незамысловатости, затем отослал написанное в Берлин.

Не припоминаю, допрашивали меня в гестапо в связи с этим делом или нет; меня часто вызывали на допросы в гестапо по делам газеты, но я не помню, приходилось ли мне отвечать и на вопросы по делу Зорге»⁶⁴⁰.

27 октября рейхсфюрер СС и начальник полиции рейха Генрих Гиммлер с раздражением писал рейхсминистру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу: «Благодаря старой дружбе с послом Оттом Зорге с самого начала войны был осведомлен обо всем, что передавалось по каналам радиосвязи в Берлин из германского посольства в Токио. Позднее Зорге также временно руководил работой отделения Германского телеграфного агентства в Токио. Ввиду того, что Зорге постоянно и наилучшим образом был информирован из германских источников о политике стран оси и ее направлениях в будущем, дело Зорге о шпионаже повлекло за собой серьезные политические опасности...»

Казалось, что участь Отта была предрешена — стать внезапно главным пособником советского шпиона, слыть его другом на протяжении долгих восьми лет, не только не иметь личных секретов от него, но и открыть ему все возможные

тайны государственной политики на Дальнем Востоке — все это должно было стоить Отту обвинения в государственной измене и, как следствие, расстрельной команды. В лучшем случае — та же расстрельная команда только в виде советского пехотного взвода где-нибудь под Ленинградом. Однако генерал Отт не только выжил, но и совсем не пострадал в ходе войны, счастливо избежав преследований с любой стороны, — возможно, только глубокая обида на предательство друга да гибель сына на Восточном фронте омрачали его существование.

23 ноября 1942 года Отт получил телеграмму с пометкой «В собственные руки. Расшифровать лично» и прочитал:

«По различным признакам дело Зорге вызвало в японских инстанциях сильный резонанс, последствия которого сказались на отношении этих инстанций к Вашей персоне. После глубокого изучения вопроса фюрер принял решение согласиться с моим предложением относительно изменений в руководстве посольства в Токио и отозвать Вас в ведомство внешних сношений для нового назначения. Вашим преемником избран посол в Нанкине Штамер. Прошу Вас получить для него агреман...

Ваша безопасность при возвращении в Германию... в настоящее время... не может быть гарантирована. Поэтому прошу Вас до поры оставаться в Японии в качестве частного лица. Средства, необходимые для содержания приличествующего Вам дома в подходящем для Вас спокойном месте и для поддержания материального уровня, соответствующего занимавшейся Вами до сих пор должности, будут Вам предоставлены. Само собой разумеется, что во время дальнейшего пребывания в Японии Вам следует воздерживаться от какой бы то ни было политической деятельности...

Риббентрон»⁶⁴¹.

Невиданное дело: во-первых, Отт более года оставался послом после того, как самим японцам всё было ясно, и они фактически отказывались иметь с ним дело. Дальше — больше: министр иностранных дел посоветовал опальному послу после отставки не возвращаться в отечество, где его должно было ждать заслуженное наказание, а отсидеться в Японии (позже Отт перебрался в Китай) и снабдил его деньгами! Может быть, евразийские ценности обоих, да и того же Шта-

мера, сменившего Отта, были не только геополитическим объединяющим началом для этих людей, но и таили в себе дополнительные ключи к секретам влияния Риббентропа на Коноз в предвоенные годы? Вернувшийся в Германию Отт мог бы рассказать в гестапо много интересного об этом, но нужно ли это было Риббентропу? Гиммлер и так негодовал в связи с делом Зорге, обвиняя главу МИДа в том, что тот безраздельно доверял человеку с туманным и непроявленным прошлым. Рейхсфюрер таким образом элегантно перекладывал вину на рейхсминистра — ведь проверять Зорге должно было ведомство как раз Гиммлера, а не Риббентропа. Неудивительно, если для последнего стало очевидно: безопаснее держать бывшего посла где-нибудь подальше от рейха, оплатив его достойное существование, чем допустить его прибытие в Берлин. А об изоляции Отта от нежелательных контактов позаботятся испорченная репутация бывшего посла, уязвленное самолюбие и поруганная офицерская честь. Не случайно жена министра иностранных дел Японии, немка по национальности, Эдит Того говорила об Отте: «Не может быть, чтобы посол мог допустить такое... Японец бы пустил себе пулю в лоб»⁶⁴².

По поводу пули в лоб или в затылок высказалась и Москва. Правда, тут все складывалось намного сложнее. Когда «Инсон» перестал выходить на связь, сотрудники военного атташата постпредства Советского Союза в Токио взялись за поиски. В результате 30 октября 1941 года в Москву была отправлена срочная телеграмма, которая на этот раз была расшифрована и доложена уже на следующий день. Сообщение это куда более удивительно и загадочно, чем пропавшая телеграмма посла Отта: «По имеющимся сведениям — пять дней тому назад (то есть 25 октября. — А. К.) арестованы Инсон и Жигало (так в документе. — А. К.) за шпионаж, в чью пользу неизвестно. Данные проверяю.

29 октября встречался с Изопом, который сказал, что Инсона давно не видел и не знает, где он. Об аресте Изопу мы ничего не сказали. Есть опасность, что Жиголо, если он арестован даже не по нашей работе, может раскрыть всю инсоновскую фирму. Если данные подтвердятся, Изопа поставлю в известность». Подписана телеграмма была «Икаром» — военным атташе в Японии полковником В. И. Гуценко.

Разница в два дня при определении даты встречи Отта с Зорге — лишь небольшая деталь, которая не так уж важна для общего понимания происходивших тогда в Токио процессов. Сообщение о том, что военный атташе Советского Союза встретился с на самом деле арестованным радистом в конспиративной обстановке спустя 11 дней после его ареста, не укладывается ни в какие рамки представления о реальности и даже фантазии. Что значило это послание? Почему Гущенко его отправил? На эти вопросы пока нет ответов.

Тогдашний «Директор» — военный комиссар Разведупра Иван Ильичев, получив телеграмму, поручил «Икару» подготовить справки на «Инсона» и «Жиголо», снова встретиться с «Изопом» (!) и сообщить ему об аресте товарищей. Да, Ильичев был дезинформирован. Но и он не пошевелил пальцем, чтобы вывести из-под удара хотя бы Клаузена, лишь решил «поставить в известность» радиста, на след которого, возможно, уже вышла японская полиция⁶⁴³. Сведения об аресте аппарат военного атташе получил от индийского журналиста, у которого, видимо, были свои источники информации среди японских властей.

5 ноября, в день, который теперь стал праздником военной разведки, в Москву полетело уточнение: «Инсон арестован за шпионаж, *очевидно, не на нас*. С ним арестован Жиголо и еще два агента... Установить связь с Изопом очень трудно, наши попытки все время срываются». Еще одно потрясающее откровение: почему военный атташе был убежден, что Зорге может быть арестован за шпионаж на кого-то другого? С какой стати для него это «очевидно»? Нет ответа. Известно только, что устанавливать связь с Клаузеном послали Михаила Иванова. Известно потому, что он не был арестован.

О том, как это было, рассказала потом Анна Клаузен. Пока две недели после ареста мужа она еще находилась на свободе, не зная ничего о произошедшем подруга Анны немка Фрида Вайсс остановилась у нее переночевать. Именно в этот вечер, когда полицейские агенты, следившие за домом, ушли на ужин, в дверь Клаузенов позвонили. Анна открыла дверь в присутствии Фриды: «Передо мной стоял высокий молодой человек, которого я сразу признала за русского. Однако по-русски с ним заговорить не решалась в присутствии посторонней. Я стала уговаривать молодого человека

по-английски, чтобы он уходил скорее, что он "ошибся". Однако молодой человек, видимо не понимая меня, в испуге лепетал: "А разве здесь квартира не сдается?" — и продолжал стоять. Он понял, что у нас что-то неладное и все же ушел. Через три минуты после этого вернулись полицейские». От них же Анна потом узнала, что они ждали «Сергея» — Виктора Зайцева, а не Иванова. Сотрудники токко не имели инструкций арестовывать его, и он ушел беспрепятственно, несмотря на то, что само появление его на квартире Клаузенов было вызывающим безрассудством и безграмотностью полковника Гущенко⁶⁴⁴. Иванову повезло, но связь с «Изопом», конечно, установить не удалось.

Из распоряжений комиссара Ильичева возможно было выполнить только одно: составить очередную справку на Зорге и его резидентуру⁶⁴⁵. В ней оказалось мало что нового по сравнению с предыдущими. Разве что, пожалуй, утрата данных о его вербовке: «Как попал в Разведупр, по чьей рекомендации — сведений нет», да перечисление не только просчетов резидента, которых накопилось немало, но и его успехов, в том числе ровно по тем позициям, которые в прошлогоднем отчете значились как «просчеты». Этот список можно считать наградным листом Рихарда Зорге:

«Особенно ценные сведения по японской армии дал Инсон в период с начала японо-китайской войны по конец 1938 г. Этими сведениями нами было полностью вскрыто отобромирование и развертывание японской армии и ее группировка в Китае по фронтам...

В 1936 г. Инсон дал почти полные сведения в отношении подготовки и заключения антикоминтерновского пакта между Германией и Японией...

Весной 1941 г. Инсон дал два ценных и достаточно полных доклада о состоянии 2-х авиазаводов... общие суммарные сведения о состоянии всей японской авиапромышленности и танкостроении. В мае месяце Инсон сообщил полную дислокацию японской армии, которая информационным отделом оценена как "весьма ценный материал".

В мае месяце дал совершенно правильный прогноз о предстоящей войне СССР с Германией. Он указал на сосредоточение 9-ти германских армий (150 дивизий)... Дал общую схему действий, что главный удар будет наноситься левым

флангом... Телеграммой от 15.6 он указал, что война Германии против СССР начнется в конце июня месяца.

В июне месяце сообщил, что Япония будет на стороне Германии. Япония будет готова к выступлению не ранее как через 6 недель после начала войны...

В июне сообщил, что Япония решила захватить Сайгон. Дополнительно сообщил, что 21 июля японская армия захватит южную часть Индокитая — это было почти точно.

В июле месяце сообщил общие цифры и ход мобилизации в Японии — сведения правильны.

В сентябре — октябре Инсон давал правильные сведения о группировке японских войск у нашей границы, делал обоснованные выводы о направлении главного и вспомогательного ударов японской армии против частей Красной Армии на ДВ. Что касается вопроса нападения Японии на СССР, то в начале Инсон считал, что Япония выступит после того, как немцы захватят Ленинград, Москву, Харьков, а в последних сообщениях он говорит, что японцы выступят против СССР весной 1942 г.».

В этом месте в список было вписано чьей-то рукой: «Дал еще в октябре м-це правильную оценку переговоров США — Япония и дал вывод, что в случае безрезульт. переговоров Япония выступит против США».

Далее список продолжался:

«В 1939 г. во время усиления европейских противоречий Инсон сообщил, что Гитлер поставил первоочередной задачей разбить Польшу, затем Францию и Англию. Нападение на СССР будет осуществлено после разгрома Польши и покорения Европы. В мае 1939 г., уточняя эти сведения, Инсон сообщил, что нападение на Польшу будет произведено 1 сентября (сведения полностью подтвердились).

В 1940 г. заблаговременно сообщил о времени начала наступления германских войск против Франции и основном направлении стратегического удара немецких войск.

В этом же году дал полные сведения о характере договора, заключенного с японцами с "правительством" Ван Цзинвэя.

Неоднократно давал ценные сведения о внешней политике Германии в отношении Японии и Дальневосточной политике в целом, а также Японии в отношении Германии и других стран».

Резюме итога успехов и неудач Зорге стал раздел «Возможные причины провала Инсона»:

«1. В течение продолжительного времени Инсон работал под руководством бывших руководящих работников Разведупра, оказавшихся врагами народа. Отсюда вытекает *вывод*: если враги народа продались сами иноразведкам, то спрашивается, почему они не могли выдать Инсона. Так, например, бывший начальник 2-го отдела Карин являлся немецким шпионом, и он выдал, по его словам, некоторых наших секретных агентов в Китае. В бытность Карина начальником отдела Инсон работал в Японии. Начальник японского отделения Покладок являлся японским шпионом.

2. Бывший начальник японского отделения (после Покладок) Сироткин оказался также японским шпионом. Сироткин показал органам НКВД, что он выдал Инсона в конце 1938 г. со всеми его источниками. На одном из допросов Сироткина в НКВД присутствовал полковник Попов.

3. По записям врагов народа в личных делах Инсона значится, что он был известен английской полиции как советский разведчик».

Эта справка была составлена 1 ноября — в те самые дни, когда «Икар» по-прежнему пытался выйти на связь с «Изопом», подставляя японской контрразведке «лепечущего» Иванова. Тот же «Икар»-Гущенко 13 ноября «нашел» Клаузена и поставил в деле Зорге жирную точку: «По данным агентуры... Инсон 11.11 застрелился в тюрьме, надо полагать, что его застрелили во время допроса. Арестован также Изон, у которого захвачена большая сумма денег и радиостанция. Жиголо сидит, у него на квартире найдены дневники по вопросам политики Японии и сведения о разговорах и слухах среди политических кругов. Данные получены от... офицера, имеющего связи в контрразведке...»⁶⁴⁶.

«Инсон» застрелился... И снова странное совпадение: по-немецки «не волнуйся, не беспокойся» (*keine Sorge*) звучит почти так же, как «никакого Зорге» (*kein Sorge*). Немцы могли бы сказать: «Kein Sorge — keine Sorge» — «Нет Зорге — нет хлопот». Но сказали наши. Нет человека — нет проблем.

КОЛЬЦО ЗОРГЕ

Признание бывшего резидента в работе на Москву — кульминация восьмилетнего чередующегося ожидания успеха, отпуска, отзыва, провала. О том, как это признание случилось, рассказывал один из немногих свидетелей этого — прокурор Ёсикава. Правда, и тут немало разночтений, связанных с тем, что Ёсикава рассказывал об этом не единожды, расходясь в деталях. Не добавляют ясности и пресловутые «трудности перевода», и особенности подачи материала в начале эпохи холодной войны, когда давал показания Ёсикава. Например, в версии Дикина и Стори Зорге, признавшись, разрыдался⁶⁴⁷, но в выступлении самого отставного прокурора на слушаниях в Конгрессе США ни о каких слезах речь не идет. Потому что Ёсикава еще не знал, что надо было обязательно поведать миру об отчаянии и раскаянии советского шпиона? Прокурор рассказывал лишь, что в субботу 25 октября около четырех часов дня он в сопровождении двух коллег, одним из которых был инспектор Охаси, руководивший арестом, встретился с Зорге в помещении внутреннего буддийского храма тюрьмы Сугамо, *«чтобы оценить состояние его здоровья и проверить, позволяет ли оно вести дальнейшее следствие»*. Неожиданно арестованный попросил бумагу и карандаш, снял куртку и, сев за стол, написал по-немецки, что с 1925 года являлся членом Коминтерна. Затем он поднялся и воскликнул уже по-английски: «I have never been defeated since I became an International Communist. This is the first time that I was beaten»⁶⁴⁸ — «Я никогда не был побежден с тех пор, как стал членом Коммунистического Интернационала. Впервые я потерпел поражение».

Тогда же Ёсикава рассказал еще о двух чрезвычайно важных для начала следствия вещах. Во-первых, он выразил

свое мнение о том, почему Зорге вообще сознался, и можно констатировать, что оно выглядит даже более убедительно, чем версия о пытках или об исчерпывающих вещественных доказательствах: «Зорге и его группа почти закончили свою шпионскую деятельность, и они полагали, что они добились успеха».

Во-вторых, вспоминал Ёсикава, у следствия в тот момент вообще не было никакой четкой программы действий. Было лишь четыре вопроса, на которые предстояло ответить: «Нас интересовало, был ли Зорге действительно шпионом Германии и действовал ли он с помощью коммунистов Японии. И на самом деле шпионил ли он в пользу нацистского режима в Германии. Это был первый вопрос.

Второй вопрос состоял в том, был ли Зорге двойным шпионом и не работал ли он одновременно и на Берлин, и на Москву.

Третий вопрос, был ли он на самом деле шпионом Москвы и только притворялся нацистом...

Возник и еще один вопрос. Если бы он был шпионом Москвы, то мы не понимали, был ли он шпионом четвертого отдела (военной разведки. — А. К.), как сказал Клаузен. Или, возможно, он был *шпионом Коминтерна*, как сказал Вукелич»⁶⁴⁹.

Эти четыре вопроса, если Ёсикава не лукавил, показывают, что токко не очень понимала, кого и за что она арестовала. Ни японский, ни советский след в таком случае не могут во всей полноте объяснить логику задержания ядра группы Зорге, ибо в первом варианте у следствия не должно было оставаться сомнений в причастности группы к деятельности коммунистического подполья, а во втором — в чью именно пользу работали разведчики. Получается, что токко передала груду добытых материалов следователям прокуратуры и те начали работу с нуля.

Впечатление японского прокурора о том, что советские разведчики выполнили свою задачу (вспомним прямое высказывание Мияги на эту тему), а потому очень быстро сознались в своей противозаконной деятельности, снова наводит на мысли о некотором внутреннем анархизме или, если угодно, идеалистическом восприятии коммунизма нашим героем и, как следствие, всей его группой. За долгие годы

службы в разведке, за годы подполья Рихард Зорге так и не научился полностью и беспрекословно подчиняться. Его большевистская дисциплина, его мировоззрение как коммуниста носили еще ясный отпечаток принципа демократического централизма, характерного для большевиков 1920-х годов, но полностью уничтоженного во время сталинской перестройки партии и страны в 1930-е. Зорге верил в себя, глубоко верил в идею и в правильность своего пути к ее достижению. Он осознавал себя истинным коммунистом и не готов был сменить это на чувство винтика в большом партийном механизме. Как партийный функционер он прошел чистку, но по большому счету все же никогда не придерживался основной линии в том смысле, что не был готов работать не думая, не умел подчиняться просто так — потому что все подчиняются. У него на все был особый взгляд, он все пытался осмыслить сам, пропустить через себя и по-своему, творчески, интерпретировать. Свобода поистине была для него осознанной необходимостью — так говорил когда-то соратник его двоюродного деда, и в зависимости от понимания этой необходимости он делал то, что считал нужным. Рихард Зорге как будто поступками, всей своей жизнью декламировал строки из «Марша шпионов» Киплинга: «Нет вождей, чтоб вести нас к славе, мы без них на врага наступаем, / Каждый свой долг выполняет сам, не слыша чужого шага». Иногда это приносило ему и решаемой задаче успех. Самый яркий пример — лоббирование наступления Японии на юг, а не на север, но обычно — недовольство начальников и остракизм. Возможно, в конце концов именно эта тяга к внутренней свободе привела Зорге к гибели. Отправленный в Японию на два года и брошенный там на восемь лет, утративший политическое доверие, не получивший внятного руководства и подставленный под удар контрразведки, попав в тюрьму, наш герой пережил, передумал свою жизнь заново и больше не видел смысла молчать. Как только ему были предъявлены свидетельства всех его друзей, соратников, уже давших показания, а также шифровальная книга с ключами для кодирования и лично Клаузенем раскрытый шифр группы, Зорге признал поражение. И то, что он тогда заговорил, сегодня дает нам возможность очень многое узнать о судьбе и подвиге этого человека.

В первое время после ареста допросы Зорге, проводимые обычно либо в специальной комнате, либо в тюремном храме, велись то сотрудниками токо, то прокурором, то ими совместно. Ёсикава Мицусада полностью заполучил обвиняемого 10 февраля 1942 года, его коллега прокурор Тамасава (Тамадзава) начал допрашивать Одзаки 5 марта, а прокурор Ио приступил к беседам с Клаузеном 14 марта. С девяти утра до трех часов дня Зорге допрашивал Охаси (он участвовал в допросах 33 раза). Ёсикава предпочитал браться за дело во второй половине дня и работал до позднего вечера (14 допросов). Он немного говорил по-английски и по-немецки, а для лучшего понимания, когда возникали трудности в переводе, Зорге здесь же печатал свои ответы на машинке на немецком языке. Ёсикава рассказывал позже: «Когда Зорге кончал главу или раздел своих показаний, он зачитывал их мне, а после внесения по моему требованию поправок или дополнений передавал написанное в мои руки. Эти показания были написаны Зорге в одном экземпляре». Эти записи были приобщены затем к судебному делу в качестве вещественного доказательства. Отвечая при этом на вопрос судьи о происхождении записок, Зорге подтвердил, что написал их «согласно требованию прокурора и на тему, им предложенную. Что касается содержания, то оно зависело от моей воли, и я не встречал здесь ограничений»⁶⁵⁰.

Ответы арестованного резидента на вопросы следователя и прокурора легли в основу так называемой первой части «Тюремных записок» Зорге. Однако затем разведчик отказался от такой формы дачи показаний и начал отвечать устно, а переводчик Икома Ёситоси переводил его ответы с немецкого языка и записывал сказанное. 38 таких записей были скреплены подписями Зорге, Икома и Ёсикава. Они составили вторую часть «Записок». Аналогичным образом были составлены «Записки Клаузена» и «Записки Вукелича». Все подлинники этих материалов сгорели во время налетов американской авиации на Токио в марте 1945 года, когда город был подвергнут воздействию нового оружия — напалма. По счастью, сохранились копии записей, отправленные в архив в окрестностях Токио, а также несколько страниц записей допросов Зорге с его личной правкой в домашнем архиве Ёсикава. Частично сохранились материалы допросов Клаузена

и, вероятно, Вукелича. Однако какие именно и сколько этих документов дожили до наших дней, до сих пор неизвестно, так как все бумаги после войны были конфискованы американской разведкой и — опять же частично — рассекречены только в 1983 году. Документов Вукелича среди них не оказалось, хотя генерал Уиллоуби в своих отчетах о них упоминал.

«Тюремные записки» Зорге в изобилии цитировались в этой книге, а потому нет смысла рассматривать их снова. Стоит обратить внимание лишь на один момент. По ним отчетливо видно, как в первые месяцы заключения Зорге старательно уходил от ответа на «четвертый вопрос» Ёсикава: на кого же работала группа советских разведчиков в Токио — на Коминтерн или военную разведку? Причина такого поведения была проста и стала очевидна очень скоро: Зорге смертельно боялся, что его дело будет передано из токко в ведение военной жандармерии — кэмпэйтай, а затем в военный трибунал. Опасения эти отнюдь не были напрасными: первоначально члены группы были обвинены в нарушении закона «Об обеспечении государственной обороны», а значит, делом должны были заниматься военные. Сказать, что у кэмпэйтай была плохая слава, значит, выразиться слишком мягко по отношению к методам этой организации. Зорге было прекрасно известно о случаях, когда даже иностранные граждане гибли на допросах кэмпэйтай (не случайно и «Икар» с легкостью допустил, что «Инсона» застрелили во время допроса). Статья 3 упомянутого закона предусматривала наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни. Отсюда настойчивое стремление Зорге запутать следствие, не дать возможности однозначно ответить на «вопрос номер четыре», придумывая совершенно фантастические, раздутые и размытые формулировки: «Мои отношения с органами в Москве детально не были определены.

Мне совершенно не было разъяснено, в каких отношениях я буду находиться с Москвой с организационной точки зрения. Поэтому мне не было ясно, к какому ведомству принадлежу. Разумеется, я не задавал никаких вопросов по этому поводу. Поэтому и по сей день не знаю, относился ли я к штаб-квартире Коминтерна, или был сотрудником так называемого четвертого управления, или был приписан к какой-либо другой организации, например, к Народному комиссариату

иностранных дел Советского Союза или к Центральному комитету Советской коммунистической партии...

Вероятно, я находился в ведении Центрального комитета Советской коммунистической партии.

Путем всесторонних размышлений я пришел к такому выводу. Мне ничего не известно о том, шла ли отсылаемая мной информация в Центральный комитет Советской коммунистической партии, или в его секретариат, или же в какой-либо разведывательный орган, специально созданный Центральным комитетом. Несомненно лишь то, что она использовалась высшими партийными кругами, следовательно, высшими кругами советского правительства»⁶⁵¹.

Позже, узнав, что обвинение разведчикам будет предъявлено в основном в нарушении закона «О поддержании общественного порядка», дело останется в сфере ответственности токко и прокуратуры и, наконец, что никто из иностранцев еще ни разу не был казнен в современной ему Японии, Зорге успокоился и начал более или менее правдиво отвечать на вопросы следствия — если видел, что вопрос достаточно ясен и без его показаний, и «напускал туман», если понимал, что у японской стороны еще нет ясности в этом деле.

Втягиваясь в процесс расследования, вникая в японские юридические тонкости, Зорге мог лелеять надежду на то, что обвинение в его адрес не удастся квалифицировать как «действия в пользу противника», поскольку Советский Союз в то время не являлся для Японии таковым, а значит, можно было относительно откровенно рассказывать о своей работе на Москву. К тому же по завершении полицейской части расследования токко вынуждена была констатировать, что «сбор шпионской информации» участниками группы Зорге «проводился легальными методами», прежде всего, в иностранных посольствах, среди журналистов и на основе открытых аналитических и новостных материалов, а также из бесед Одзаки со своими высокопоставленными друзьями⁶⁵². То, что Зорге и Одзаки оказались аналитиками от бога, способными строить более точные прогнозы, чем японские государственные учреждения, невозможно было поставить им в вину. Что касается целей этой деятельности, то «Советский Союз, — говорил Зорге, — не желает политических конфликтов или военных столкновений с другими странами, особен-

но с Японией, не намеревается он также совершать агрессию против нее. Следовательно, моя группа, как и я сам, прибыли в Японию вовсе не как ее враги».

Примерно то же самое заявил своему прокурору и Мияги Ётоку: «Мы считаем, что подлинной обороной страны является политика избегания войны. В этом смысле я полагаю, что наша деятельность скорее отвечала интересам народа, чем наносила ему ущерб... Поэтому мы и вели нашу разведывательную деятельность, стремясь в конечном счете отвести нападение Японии на Советский Союз»⁶⁵³. При этом все, кто знакомился с делом Зорге, начиная еще с американского генерала Чарлза Уиллоуби, замечают, что в отношении своих подчиненных Зорге выбрал политику максимального затушевывания их роли и заслуг в работе группы, а что касается Мияги, то, располагая некоторой суммой денег, доступной ему и в тюрьме, тратил их на лечение и дополнительное питание искалеченного и больного художника⁶⁵⁴.

К 17 мая 1942 года предварительная часть следствия была закончена, и в японских газетах появилось сообщение Министерства юстиции: «В прокуратуре Токийского окружного уголовного суда закончилось энергично проводившееся с октября прошлого года расследование дела о раскрытой полицией международной шпионской организации под руководством Рихарда Зорге. Ее главными участниками являются: специальный корреспондент газеты "Франкфуртер цайтунг" в Японии Рихард Зорге, 47 лет; помощник заведующего токийским отделением французского агентства новостей Гавас Бранко де Вукелич, 38 лет; художник Ётоку Мияги, 40 лет; неофициальный советник токийского отделения правления Мантэцу — Хоцуми Одзаки, 42 лет; владелец светокопировальной мастерской в Токио — Макс Клаузен, 44 лет»⁶⁵⁵. Все они обвинялись в нарушении не только двух, уже известных нам, законов, но и закона «О сохранении военной тайны», а впоследствии еще и закона «О сохранении тайны в отношении военных ресурсов». Организацией, на которую работала группа, был назван Коминтерн.

Всего к этому времени было арестовано 28 человек:

28 сентября 1941 года — Китабаяси Томо, Китабаяси Ёси-сабуро (не член группы, обвинялся в «пособничестве»);

10 октября — Мияги Ётоку («Джо», «Интер»);

13 октября — Акияма Кодзи («Аки») и Кудзуми Фусако («Женщина»);

15 октября — Одзаки Хоцуми («Отто», «Инвест»);

17 октября — Мидзуно Сигэру (Сигэро, Сигэо, «Осака-бой»);

18 октября — Рихард Зорге («Рамзай», «Инсон»), Макс Клаузен («Фриц», «Изоп»), Бранко Вукелич («Жиголо», «Инд»);

22 октября — Каваи Тэйкити («Ронин»), Такахаси Юю (сотрудник Мантэцу, обвинялся в «пособничестве»);

25 октября — Акиминэ Миё (обвинялся в «пособничестве», советник информационного отдела Кабинета министров);

29 октября — Тагути Угэнда («2-й друг с Хоккайдо»);

14 ноября — Синодзука Торао («Специалист», обвинялся в «пособничестве»);

19 ноября — Анна Клаузен («Анна»);

24 ноября — Такэда Фусако (обвинялась в «пособничестве»);

15 декабря — Ямана Масадзанэ («Друг с Хоккайдо»);

4 января 1942 года — Фунакоси Хисао;

15 марта — Танака Синдзиро (обвинялся в «пособничестве», журналист газеты «Токио Асахи»);

16 марта — Кикүти Хатиро (обвинялся в «пособничестве», журналист, аккредитованный при Военном министерстве Японии), Сайондзи Кинкадзу (обвинялся в «пособничестве», внештатный советник МИДа и Кабинета министров Японии, внук гэнро Сайондзи Киммоти);

31 марта — Кавамура Ёсио;

4 апреля — Инукаи Кэн (обвинялся в «пособничестве», бывший депутат парламента, советник премьер-министра Китая Ван Цзинвэя, сын премьер-министра Японии Инукаи Цуёси);

11 апреля — Косиро Ёсинобу («Мики»), Каиэда Хисатака (обвинялся в «пособничестве», служащий Мантэцу);

13 апреля — Мияниси Ёсио и Гото Нориаки (оба служащие Мантэцу, обвиненные в «пособничестве»).

Уже после опубликования сообщения, 8 июня 1942 года, был арестован еще один «пособник» — доктор Ясуда Токутаро («Доктор»), и он не был последним. Аресты и допросы продолжались еще несколько месяцев, а среди свидетелей

по делу был допрошен даже экс-премьер-министр Японии принц Коноэ. Обвинение этих людей в нарушении закона «О поддержании общественного порядка» основывалось на принадлежности группы к Коминтерну — идее, которую Зорге неосторожно педалировал в первые недели после задержания. Он добился своего — дело не попало в руки военных, и группу ждал не трибунал, а гражданский суд. Но помогло ли это разведчикам? Такое обвинение позволило японскому правительству сохранить лицо в отношениях с Советским Союзом, с которым его теперь связывал договор о ненападении и в тайном пособничестве которому крайне неудобно было обвинять принца Коноэ и других видных деятелей японского политического олимпа, но развязывало руки в примерном наказании преступников, работавших на «организацию, имеющую целью изменение государственного строя» Японии. Документы по расследованию дела о «международной шпионской коммунистической организации» (то есть, формально, не имеющей отношения к СССР) можно было передавать в суд первой инстанции (процедура ёсин), преследуя обвиняемых как членов Коминтерна.

При таком варианте судебного следствия обвиняемые были лишены права пользоваться адвокатом и права на суд присяжных. С июня по декабрь 1942 года их судьба полностью оказалась в руках судей: в случае с Зорге и Одзаки — судьи Накамура Кодзо, Клаузен и Мияги — судьи Камэяма. Интенсивность допросов возросла: бывшего руководителя группы привозили в суд 45 раз, Одзаки — 28, Клаузена — 23, Мияги — 20 раз. Все тот же переводчик с немецкого Икома Ёситоси оставил нам воспоминания об этом: «Во время следствия, проводившегося прокурором Ёсикава, время допросов не было точно определено, оно устанавливалось в зависимости от наших условий и обстоятельств. Поэтому все было относительно свободно. Но когда началось расследование в суде, все изменилось. Это было официальное судебное разбирательство. Месяц за месяцем в страшную жару я приходил в прокуренную дымную комнату судьи и с утра до вечера, обливаясь потом, переводил.

Зорге привозили в суд из тюрьмы в четырехместном тюремном автомобиле. Его руки были скованы наручниками, а на голове был надет специальный тюремный головной убор

амигаса. Зорге иногда просил через меня снять наручники, но его просьбы отклоняли, говоря, что это против правил.

Расследование теперь велось еще более сурово, нежели во время допросов прокурора Ёсикава. Теперь и Зорге, и я не только были лишены возможности поговорить, но не могли произнести лишнего слова даже шепотом. Протокол допроса, составленный судьей на японском языке, я должен был тут же перевести на немецкий и дать прочесть обвиняемому. Все это было крайне сложно. Текст длинный, сплошной, без знаков препинания, написанный особым стилем судейского языка»⁶⁵⁶.

На первом же допросе Зорге снова попытался запутать дело. Он заявил судье: «В зачитанном сейчас тексте имеются искажения, касающиеся таких фактов, как дата окончания мной школы, как деятельность моего деда, и некоторые другие. Однако все они не являются столь уж существенными. Но вот что меня привело в изумление: в этом тексте утверждается, будто моя деятельность направлялась именно Коминтерном, хотя в действительности ни я, ни моя группа никаких связей с Коминтерном не имели»⁶⁵⁷. Судья Накамура на первых шести допросах еще пытался добиться от Зорге признания в работе на Коминтерн, а потом задал простой вопрос: «Но сейчас обвиняемый продолжает придерживаться коммунистических убеждений?» Зорге честно ответил «да», и тема была закрыта: раз коммунист — значит, Коминтерн. Теперь уже наш герой с фанатичным упорством пытается бороться за то, чтобы его и соратников признали работающими на советскую военную разведку: «Среди членов моей группы я являлся единственным, кто был советским коммунистом, другие же участники группы вообще не являлись членами какой-либо компартии». Зорге наконец-то осознал опасность создавшегося положения и по отдельности отрицал связь каждого из своих агентов с Коминтерном, пытаясь увести судебное расследования от версии о специальной подрывной группе, ставящей задачу изменения государственного строя Японии⁶⁵⁸.

«Зорге спокойно слушал протокол допроса, составленный судьей и переведенный мной на немецкий язык, — вспоминает Ёситоси Икома. — Временами он указывал на неточности, настаивал на внесении исправлений, иногда протесто-

вал, но чувствовалось, что все это ему порядком наскучило... В тех случаях, когда Накамура высказывал суждения, приходившиеся не по вкусу Зорге, или же задавал вопросы, задевавшие его за живое, Зорге в гневе стучал по столу, а после этого он не отвечал, что бы ему ни говорили»⁶⁵⁹.

Второй главной задачей Зорге во время процедуры ёсин стало доказательство того, что всю информацию, которую он получал, либо вообще нельзя было считать секретной, либо она добывалась в посольстве Германии, за что японский суд не имел права преследовать иностранца. Зорге настойчиво проводил эту линию и в отношении Одзаки, говоря, что получал от него информацию, добытую не из каких-либо секретных источников, а лишь являвшуюся субъективной оценкой, сделанной Одзаки на основе личных наблюдений. То же самое касалось Вукелича (ни по своему положению, ни по своим связям Бранко не имел какого-либо доступа к секретным источникам) и Мияги (который по своему общественному положению также не мог получать какие-либо важные сведения. Чаще всего информация Мияги — это его личная оценка тех или иных событий, ставших уже достоянием гласности).

Возможно, такое распределение ролей в показаниях Зорге объяснялось не только попытками нашего героя снизить уровень ответственности своих товарищей за работу в разведке. Когда-то Зорге мечтал стать «апостолом революции», и сейчас он не без удовлетворения констатировал, что, по крайней мере, для своих товарищей он и стал таковым. Он — Рихард Зорге являл для них собою зримое воплощение в первую очередь идеала революционера, коммуниста, борца за мир, а уж потом — разведчика. Он был учителем, мучеником и миссионером, а вся группа «Рамзая», или как позже стали называть ее англоязычные журналисты, «Кольцо Зорге», функционировала по принципу планетарной системы Сатурна: Зорге находился в центре не только всех событий, но и орбит своих спутников, и без него, без его притяжения многие агенты вообще не стали бы заниматься разведывательной деятельностью. Он — Зорге — ставил задачи, направлял и корректировал орбиты их решений, освещал им путь, вдохновлял, организовывал, поощрял и наказывал. Ему было чем гордиться. А обвинителям нашлось чем заняться,

разбирая эту систему, высчитывая орбиты, освещая теневые стороны и устанавливая погрешности в модели.

15 декабря 1942 года судьи закончили процедуру ёсин в отношении группы Зорге и вынесли обвинение. Судья Накамура, запутанный показаниями главного обвиняемого, придумал формулировку, согласно которой с 1929 года Зорге являлся сотрудником «Секретного отдела ЦК ВКП(б)» и подтвердил: «Обвиняемый является лицом, действия которого были направлены к осуществлению целей Коминтерна».

После этого решения дело было передано на рассмотрение суда второй инстанции — началась процедура кохан. Обвинение в нарушении упомянутых четырех законов грозило жестоким наказанием. Перед Зорге и другими членами группы впервые явственно и совершенно отчетливо проступила перспектива смертной казни⁶⁶⁰.

В ОЖИДАНИИ СМЕРТИ

Всю зиму 1942/43 года и начало весны обвиняемые ждали суда по процедуре кохан, то есть с участием судьи-председателя, двух судей, прокуроров и — впервые с начала следствия — адвокатов. Правда, в соответствии с японским законодательством того времени, адвокаты не имели права отклонить представленные судьей ёсин обвинения или подвергнуть сомнению его систему доказательств, так что работа группы Зорге на Коминтерн уже принималась как факт. Да и другие права адвокатов были существенно урезаны. Одзаки Хоцуми очень точно рассказывал жене о положении своего защитника: «Адвокат Кобаяси — это единственный человек, который сидит на стуле позади меня. Кобаяси-сан ведет дело торопливо. Это достойно сожаления. Как видно, его принуждают к тому, чтобы рассмотрение дела было практически лишено защиты»⁶⁶¹.

После нескольких неудачных попыток назначить судебскую коллегия дело было передано в руки судьи Такада Тада-си. Адвокатов должен был назначить суд, выбирать их имел возможность только Одзаки. Однако он и его семья отказались от такой привилегии. Друг Одзаки Мацумото Синъити говорил позже, что сторонники Одзаки понимали, чем грозит обвиняемому суд и не надеялись на мягкий приговор. Они «...думали главным образом о том, как бы затянуть процесс, ибо рассчитывали, что таким путем удастся сохранить жизнь Одзаки до поражения Японии... В этом случае можно было бы надеяться на освобождение Одзаки в числе всех политических заключенных». Фактически же «группа поддержки» Одзаки отказалась от борьбы за него, надеясь, что дело затянется само собой, и тот же Мацумото потом признавал: «Очевидно, это была наша непоправимая ошибка. До

настоящего времени я не могу не вспоминать об этом с невыносимым страданием».

В итоге все адвокаты были назначены судом: Кобаяси Сюндзо для Одзаки, Асанума Сумицугу для Зорге и Клаузен-ов. Именно с рассмотрения обвинений в их адрес началась процедура кохан 31 мая 1943 года. Все заседания проходили в закрытом режиме. Как это выглядело, записал Одзаки: «Присутствие публики в зале суда было запрещено с самого начала. Из обвиняемых нахожусь в суде только я. Я один буду предстать перед лицом трех судей и двух прокуроров... В зале суда человек десять специально приглашенных — кто они такие?»⁶⁶² Необыкновенно скорый и для нормальной юридической практики вообще, и для японского судопроизводства в частности темп рассмотрения его дела поразил тех, кто следил за процессом, — за две недели, к 15 июня всё закончилось.

Одновременно те же заседатели рассматривали дело Зорге — заседания шли через день. Адвокат был недоволен поведением своего подзащитного. Тот сопротивлялся разумной, в общем-то, линии защиты, выбранной Асанума: Зорге — иностранец и может нести меньшую ответственность, чем члены его группы, предавшие интересы родины. Однако Зорге, по словам адвоката, «всю вину брал на себя и пытался снять ее с других обвиняемых». Дошло до того, что Асанума, пытавшийся таким образом спасти подзащитного, получил от него неожиданный отпор в виде протеста, заявленного суду: «То, что только что сказал мой адвокат, ошибочно, и я не могу с ним согласиться. Ответственным за создание этой организации и за ее деятельность являюсь только я один. Другие участники были всего лишь моими помощниками. Так, например, Одзаки был лишь моим советником и собеседником по политическим проблемам. Если моя организация и ее деятельность являлись нарушением закона, то вину следует возложить только на меня одного. Было бы крайне ошибочным возлагать вину на Одзаки, снимая ее с меня»⁶⁶³.

Следом за Одзаки и Зорге судили остальных членов группы. Когда процесс уже подходил к концу, в августе умер Мияги Ётоку, а в сентябре начались прения сторон и вынесение решений суда. Прокуроры потребовали смертной казни для Зорге, Одзаки, Вукелича и Клаузена.

29 сентября 1943 года приговоры в отношении Рихарда Зорге и Одзаки Хоцуми были оглашены: смертная казнь. В этот день они впервые увидели друг друга после ареста, спокойно выслушали вердикт и были выведены из зала суда. Мотивировочная часть решений суда в целом совпадала и основывалась на постановлении предварительного судебного следствия: Одзаки и Зорге совершили преступления, будучи агентами Коминтерна, который имел целью «изменить государственный строй Японии и отменить систему частной собственности путем установления диктатуры пролетариата и создания коммунистического общества». По загадочной причине *обвинительное заключение* в отношении Зорге начиналось с фразы, что «*обвиняемый является внуком Агольфа Зорге — секретаря I Интернационала, созданного Карлом Марксом*»⁶⁶⁴. Указание на родство двух Зорге в качестве доказательства вины младшего из них невольно вызывает в памяти определение, данное в адрес японской полиции тогдашним послом США в Токио Джозефом Грю: «Сравниться с ее тупостью может только ее же жестокость».

Затем настала очередь Бранко Вукелича и Макса Клаузена: пожизненное заключение. Мидзуно — 13 лет (умер в тюрьме через год), Тагути — 13, Ямана — 12, Фунакоси — 10 (умер в тюрьме в 1945-м), Каваи — 10, Кудзуми — 8, Анна Клаузен — 3, Акияма — 7, Китабаяси Томо — 5, доктор Ясуда — 2, Кинкадзу Сайондзи — 3 года условно.

Рихард Зорге и Одзаки Хоцуми использовали свое право на апелляцию: они обжаловали приговор в Верховном суде Японии, хотя, по признанию адвоката Асанума, Зорге не питал иллюзий относительно исхода дела. В своей кассационной жалобе наш герой остался верен линии поведения, выбранной на следствии и суде, и указывал на необоснованность приговоров не только себе, но и всем обвиняемым по этому делу. Он пытался доказать несовершенство японских законов и непонимание судом истинной природы деятельности его группы, которая, по его мнению, не занималась похищением государственных секретов Японии. По неизвестной причине жалоба Зорге была доставлена в суд с опозданием на один день от установленных законом сроков (30 дней) и поэтому была отклонена. Адвокат Асанума позднее обвинил в этом самого Зорге, якобы неверно сообщившего ему (ад-

вокату!) сроки подачи материалов. Каваи Тэйкити рассказывал, что видел Зорге в день, когда тот узнал об отказе от рассмотрения его жалобы. По словам Каваи, Зорге с негодованием воскликнул: «Это не суд! Это жалкая пародия!»

Жалоба Одзаки была принята к рассмотрению, но 5 апреля 1944 года суд отклонил и ее. Узнав об этом, тот написал жене и дочери: «5 апреля! Вспоминая эту дату, окончательно определившую мою судьбу, я не ощущаю волнения. Как и следовало ожидать, находясь в течение столь долгого времени между жизнью и смертью, готовность ко всему моего сердца не оставляет желать ничего лучше...

Эйко, ты мне рассказывала, какие усилия делали для меня мои друзья, находящиеся на воле. Я это вполне понимаю. Даже не зная об этом до разговора с тобой, я чувствовал это... Благодарность, благодарность и только благодарность! Если вдуматься, я всегда был счастливым человеком. Всю свою жизнь я жил, ощущая любовь людей. Оглядываясь на нашу жизнь, я думаю, что то, что сверкало в ней, подобно ярким звездам, была поистине искренняя любовь. И среди них, как звезда первой величины, сверкала любовь друзей...

Ёко! Ты должна знать, что сияние любви тускнеет от себялюбия и эгоизма. Сам я, к счастью, с рождения был человеком, который до крайней степени не преследовал личных выгод»⁶⁶⁵.

В современных японских тюрьмах ждут исполнения смертного приговора годами, а порой десятилетиями. Нашим героям пришлось томиться в ожидании смерти несколько месяцев, но что это были за месяцы... Сохранилось несколько воспоминаний о том, как выглядело заключение членов группы Зорге, и все они не раз цитировались в книгах, но прочитайте их снова.

Свидетельствует Анна Клаузен: «Со двора по темной мокрой лестнице спустили меня в подвал. Там было темно, только у самой двери горела маленькая лампочка. Ничего не было видно: через несколько минут я увидела, что в яме по обеим сторонам у стенок — черные клетки, а в них плотно друг к другу сидели на полу люди. На каменном полу была вода. Полицейские вампиры сорвали с меня одежду, вплоть до белья, туфли, чулки. Один из полицейских запустил свои

лапы в мои волосы и, визжа, растрепал их, остальные хохотали, словно шакалы. Меня затолкали в одиночную камеру и бросили вслед только белье. Я осмотрелась. По стенкам текла вода. Соломенная циновка была мокрая. Несло невероятной вонью. В каменном полу в дальнем углу была дыра — параша...»

Доктор Ясуда Токутаро: «В шесть часов утра — подъем. Через час — проверка. Трое тюремщиков спрашивают: жив? Заключенный должен встретить их, распластавшись в поклоне на полу. Далее — завтрак: горстка риса или ячменя, чашка супа. Обед и ужин — из прогнивших продуктов. Если родственники заключенного были бедны, он не получал ничего. Политические узники умирали от дистрофии. Днем — прогулка, двор разделен на восемь секторов... Дни тянулись мучительно долго. Камера — узкий бетонный пенал: пять шагов в длину, три — в ширину. Наверху крохотное оконце с решеткой, деревянный столб, поднимешь доску — он превращается в умывальник. Под стулом — параша. Уйма блох.

Тюремщики не оставляли нас без внимания, часто заходили поиздеваться: "Сколько ты получил за предательство? Небось туго набил кошелек?" Надсмотрщики не могли понять, что мы работали ради идеи. Люди шли на смерть не из-за денег»⁶⁶⁶.

Известно, что Рихард Зорге старался не падать духом, а для его поддержания по-прежнему тренировал тело — насколько это было возможно в тех условиях, и разум, что тоже оказалось непросто. У него, конечно, не могло быть в камере его любимого эспандера, но, по свидетельствам других заключенных, он использовал время прогулок для тренировок в наватоби — прыжках через веревочку, а возможность получать книги из тюремной библиотеки стала для него настоящим спасением. Изучавший историю Японии на свободе, он не оставил этого занятия и теперь. Ассортимент был невелик: в основном книги по воспитанию или развлекательное чтиво, но тут у Зорге неожиданно оказалась привилегия. «Разрешение или отказ в передаче книг, — вспоминал Мацумото Синъити, — зависели не от каких-либо установленных правил, а главным образом от настроения этого надзирателя. С просмотром книг на немецком и русском языках он сам справиться не мог... иногда он советовался с теми аресто-

ванными, которым доверял. Если он обнаруживал на книге малейший след, хотя бы от проведенного ногтя, он запрещал выдавать такие книги, а также те книги, которые, по мнению надзирателя по воспитанию, могли оказать отрицательное влияние на умонастроение заключенного». Но и этого Зорге показалось мало. Он попросил адвоката Асанума покупать ему книги на свободе. Тот не отказал в просьбе (ездил даже за сотни километров в портовый Кобэ, чтобы найти нужные фолианты на иностранных языках), и, по его свидетельству, необычный узник одолел в заключении около ста томов по японской истории.

Примерно так же вел себя и Одзаки Хоцуми с той только разницей, что его в конечном итоге вполне устраивали книги и на японском языке, хотя начал он как раз с иностранных. В письмах жене он делился с ней мыслями о прочитанном — иногда совершенно неожиданными: «Два тома по истории цивилизации и октябрьский номер "Тоа Мондай" ["Проблемы Восточной Азии"] не разрешили получить, так что получил только одну связку. Удивительно также, почему не разрешили к передаче "Фауста" Гёте, ведь эта книга в переводе есть и в тюремной библиотеке...

К моему великому сожалению, книга Гёте "Годы странствий Вильгельма Мейстера" — последняя, которую я читаю на иностранном языке. Хорошо хоть разрешили дочитать. Откровенно говоря, я не думал, что эта книга столь же интересна, как ранее прочитанные мною "Поэзия и правда", "Итальянское путешествие" и "Вертер". Большой интерес представляет отношение Гёте к новой эпохе промышленного производства — он выражает его через преклонение перед ремесленным укладом...

Наиболее интересная книга, которую я прочел за последнее время, — это записки Папанина об экспедиции к Северному полюсу. Это отнюдь не какая-то политическая пропаганда Советского Союза. Это дневник подлинно научного исследования. Но более всего я поражен силой сознания — через служение науке целиком отдать себя родине. Это высокий патриотизм! Именно в этом и нужно искать объяснение столь стойкому вопреки ожиданиям сопротивлению Советского Союза в нынешней войне... Я думаю, что эту книгу полезно будет прочитать и Ёко»⁶⁶⁷.

А у нашего героя был и еще один повод радоваться даже в тюрьме: его адвокат и переводчик — единственные люди, которые могли навещать его в Сугамо, — оставили об этом очень похожие свидетельства. Переводчик Икома писал о событиях, происходивших зимой 1942 года, когда советские войска перешли в наступление под Сталинградом: «Когда наступательная мощь германской армии начала постепенно утрачиваться и обозначились признаки перелома в военной обстановке... Зорге буквально плясал от радости, и лицо его расцветало...

Он горел от нетерпения, и во время допросов, при каждом удобном случае, например, когда судья и секретарь были заняты оформлением протокола, тихо спрашивал у меня о положении на фронте. Я боялся много говорить об этом, но все же шепотом сообщал ему кое-что об общем положении дел».

В эти же дни «Ронин» — Каваи Тэйкити случайно увидел своего бывшего резидента в глазок двери тюремной камеры: «В день, когда мы узнали о победе советских войск под Сталинградом, я увидел его очень радостным. Он даже приплясывал».

Даже в 1944 году, в ожидании смерти, Зорге оставался спокоен и крепок духом. После вынесения приговора МИД Японии довел эту информацию до посольства Германии, а Министерство юстиции дало разрешение на встречу с Зорге атташе посольства по вопросам полиции Мейзингеру. Разумеется, он не пошел на встречу с советским разведчиком и отправил вместо себя переводчика Хамеля. Тот, посетив тюрьму Сугамо, доложил, что Зорге «производит впечатление человека, гордого тем, что он совершил большое дело, и вполне готового покинуть арену своей деятельности... Он откровенно и не без торжества говорил о том, что он доволен результатами своей деятельности»⁶⁶⁸. Зорге, по словам Хамеля, был тщательно выбрит, аккуратно одет и выглядел вполне достойно. Приговоренный к смерти передал посланнику свою последнюю просьбу: не трогать мать, которая была уже в очень преклонном возрасте, жила в Гамбурге и ровным счетом ничего не знала о сыне в последние 20 лет. Зорге написал ей письмо, которое Хамель обещал доставить по адресу, и попросил купить ему книги по всемирной истории, чтобы «завершить картину мира». Можно представить себе реакцию Мейзингера при получении такого доклада...

26 июля Одзаки составил свое завещание и передал его адвокату, попросив вручить жене и дочери после того, как смертный приговор будет приведен в исполнение, и особенно позаботиться о сохранении для потомков его последних мыслей, записанных в камере. В соответствии с японской поэтической традицией и традицией последнего слова перед смертью, Одзаки, приступая к изложению своих мыслей и жизненных наблюдений, писал образно. Он говорил, что уподобил себя белому облачку, остановившемуся над гладкой поверхностью озера и созерцающему то, что отражается в нем. Эти записи так и были названы: «Хакуунроку» («Записки белого облачка»), а сам он пояснял, обращаясь к своему адвокату: «В моих записках говорится о мировоззрении, о философии, о взглядах на религию. Там же излагаются критические замечания о литературе, дается обзор текущих событий, выражается мое беспокойство за судьбу страны, высказываются мои соображения о системе управления, о проблемах современности, мысли о различных людях, даются воспоминания о прошлом. Я думаю, что если внимательно прочитать написанное мною, то это могло бы принести пользу. Правда, с самого начала, когда я только приступил к этим записям, я не ставил перед собой такой цели. Но об этом я ставлю в известность только Вас»⁶⁶⁹.

К сожалению, почти ничего не известно о предсмертной записке Рихарда Зорге, хотя переводчик Икома несколько раз сообщал, что Зорге что-то писал после утверждения ему смертного приговора. Икома видел эти записи, но единственное, что он рассказал после войны, было следующее: «До самой своей смерти он оставался преданным своим принципам и своим убеждениям как коммунист. Мне доподлинно известно, что, уже будучи приговоренным к смерти, он писал в своих записках: "Я умру как верный солдат Красной Армии"». По официальным данным, и рукопись Одзаки, и завещание Зорге погибли вместе с протоколами допросов в мартовском пожаре 1945 года.

После того как записки были написаны и переданы адвокатам, пришло время последнего шага. Утром 7 ноября 1944 года Одзаки заканчивал письмо жене, беспокоился о том, как они переживут налеты американской авиации и тяжелую голодную зиму — последнюю зиму той войны. О том,

что произошло потом, сохранились воспоминания одного из узников:

«Дверь 11-й камеры первого этажа второго корпуса медленно открылась.

— Ну, что же, выходи, — с запинкой, показывая взглядом, произнес старший надзиратель.

— Переодеваться? — медленно ответил вопросом Одзакун.

Тюремщик молча кивнул головой.

Одежда смертника для этого дня, который все же когда-то должен был наступить, была уже подготовлена. Одзакун быстро переоделся с головы до ног.

— Долго я доставлял вам хлопоты... теперь прощайте.

Кинув эти прощальные слова тюремщикам, сопровождаемый старшим надзирателем, он твердыми шагами вышел из камеры»⁶⁷⁰.

В специально подготовленном помещении Одзак Хоцуми встретили начальник тюрьмы Итидзима, его заместитель, секретарь прокуратуры, буддийский священник и прокурор Юда Тамон. Приговоренный ответил на последние вопросы: назвал свое имя, возраст, приговор. Затем его подвели к люку под виселицей, на голову надели мешок, на него накинули петлю. Палач нажал рычаг, и люк открылся...

Одзак Хоцуми был казнен в 9 часов 33 минуты по токийскому времени.

Те же самые люди, к которым добавился капеллан, через несколько минут встретили в этом же помещении Рихарда Зорге. Был проведен такой же опрос личных данных, как и перед этим с Одзак. От высказывания последней воли Зорге отказался, напомнив, что сообщил ее в завещании. Впоследствии Юда утверждал, что перед смертью Зорге, который сохранял полное спокойствие и достоинство, отказался от услуг капеллана и, подойдя к люку громко сказал: «Выражаю свои последние мысли!», а затем на японском языке произнес: «Сэкигун!» («Красная армия!»), «Кокусай кёсанто!» («Коминтерн!»), «Собиэто кёсанто!» («Советская компартия!»)⁶⁷¹.

Сегодня в разных изданиях появляются разные версии последних слов Зорге, но, так или иначе, они сводятся к приведенным выше. В 2004 году, однако, стало известно, что най-

ден первоисточник записей, фиксирующих события последних минут жизни Зорге. Вот как это было на самом деле:

«Начальник тюрьмы Итидзима, проверив имя и возраст осужденного, сообщил ему, что, согласно приказу Министерства юстиции, приговор будет исполнен в этот день и от него ожидают, что он спокойно встретит смерть. Начальник тюрьмы спросил, не желает ли осужденный что-либо добавить к своему завещанию, составленному ранее, относительно своего тела и личных вещей. Зорге ответил: "Мое завещание остается таким, каким я его написал". Начальник спросил: "Хотите ли вы еще что-то сказать?" Зорге ответил: "Нет, больше ничего". После этого разговора Зорге повернулся к присутствовавшим тюремным служащим и повторил: "Я благодарю вас за вашу доброту". Затем его завели в камеру исполнения приговоров, где он принял смерть. Время: с 10.20 до 10.36. В соответствии с волей казненного, а также ст. 73, п. 2 и ст. 181 тюремного регулирования, тело было захоронено»⁶⁷².

Говорил Зорге что-то о компартии перед смертью или нет, никому уже не выяснить. Юда мог выдумать это, понимая, как становится популярен Зорге среди коммунистов (а они были чрезвычайно сильны в Японии в 1950-е годы) и журналистов, но и японские полицейские могли скрыть в документах факт произнесения подобных слов. Так или иначе, со здравницей на устах в честь Красной армии, с формальной благодарностью тюремщикам или же совершенно молча, Рихард Зорге сделал свой последний шаг. Люк открылся в 10 часов 20 минут по токийскому времени. В 10 часов 36 минут присутствовавшие констатировали, что земной путь нашего героя закончился, его сердце остановилось.

АД

Тело Одзаки Хоцуми выдали его жене на следующий день. Прах Рихарда Зорге оказался востребован только пять лет спустя. Его, пусть и не официальная, но числившаяся таковой, жена никак не могла забрать останки мужа, и не только потому, что он умер в Токио. Екатерина Максимова скончалась более чем за год до казни Рихарда.

Архивное дело Р-28907, заведенное когда-то НКВД на Максимову Екатерину Александровну, 1904 года рождения, и Гаупт Елену Леонидовну, 1912 года рождения, хранится сегодня в Центральном архиве ФСБ, и по неизвестной причине оно до сих пор не рассекречено. Это особенно непонятно потому, что еще в 2004 году вышла книга генерала ФСБ в отставке Александра Михайлова (в соавторстве с Владимиром Томаровским) «Обвиняются в шпионаже», где одна из глав посвящена истории Екатерины Максимовой и той самой Елены Гаупт, а в 2008-м журналист и депутат Государственной думы РФ Александр Хинштейн опубликовал свой вариант тех же событий в книге «Тайны Лубянки», ссылаясь на те же самые — секретные теперь — документы⁶⁷³.

Завод «Точизмеритель», на котором Екатерина трудилась еще с конца 1920-х годов, с началом войны был засекречен и получил номер 382. Максимова в то время работала на нем уже начальником цеха — большая и ответственная должность для 37-летней женщины. Жила там же — в доме на Софийской набережной, где получила комнату от Разведупра. Репрессии 1937—1938 годов обошли ее стороной, только Вилли Шталь, когда-то познакомивший ее с Зорге, в 1937-м был арестован и вскоре расстрелян. Очередь Екатерины Александровны пришла в 1942-м и совсем не с той стороны,

откуда она могла ожидать удара, — к Зорге причина ее ареста имела довольно косвенное отношение.

8 мая 1942 года в Свердловске была арестована местная жительница Елена Гаупт — таксировщица финансового отдела управления железной дороги. Взяли ее по «сигналу» — некий «доброжелатель» сообщил в НКВД, что она скрывает свое немецкое происхождение, «не внушает доверия», а однажды не встала со стула при исполнении Гимна СССР. Невозможно сегодня понять, правда это или нет, но при аресте «выявили и криминал: хранила в портфеле переписанную от руки азбуку литеров, по которой определяется характер воинских грузов, следующих по железной дороге. Работая в архиве, вырвала из тарифных руководств и унесла домой пять схем железных дорог. Не имея отношения к воинским перевозкам, делает для себя выписки о передвижении воинских эшелонов типа: "В марте по Вагаю 1570 вагонов. Воинские эшелоны с Кирова и северной жел. дор. в Сибирь"»⁶⁷⁴. Совершенно непонятно, зачем Гаупт понадобилось все это делать — сама она этого почему-то так и не смогла объяснить, хотя следствие шло не один месяц.

На первом допросе 11 мая Елена Гаупт вообще отрицала все обвинения. Через две с небольшим недели — 28 мая созналась решительно во всем. И в том числе в шпионской связи... с двоюродной сестрой. Запуганная, а очень возможно, что и жестоко запытанная женщина начала вспоминать все возможные «грехи», которые могли бы пригодиться для ее же обвинения. 28 мая она «показала»: «Я хотела скрыть участие в моей шпионской организации деятельности моей родственницы Екатерины Максимовой. В мае 1937 г. я приехала в г. Москву и остановилась у Е. Максимовой на ул. Софийская набережная, № 34, кв. 74.

Она жила там, занимая одну большую комнату, записанную на фамилию "Фрогт", как я увидела из счета, поданного ей комендантом дома. Квартира ей стоила свыше 100 рублей.

Я спросила ее, как ей хватает на жизнь своего заработка, она отвечала, что у ней есть другие источники дохода, и стала мне показывать кое-что из своих вещей, часы и еще несколько золотых вещей, а также нарядные платья. Я спросила, откуда она их взяла, она отвечала, что ей подарил все это "Миша Фрогт". Я спросила, где он работает и много ли полу-

чает. Она ответила уклончиво, что по работе он часто бывает за границей в длительных командировках и лишь изредка приезжает в Москву».

Теперь дело об «иностранной шпионке» с немецкой фамилией можно было раскрутить. Она — Гаупт — здесь, в Свердловске, работает на железной дороге (пусть и в финансовом отделе), собирает секретную информацию. Но ей нужно руководство, желательно в центре, в Москве... Следователь НКВД Кузнецов ухватился за «ниточку», и далее Елена Леонидовна дала показания, позволяющие обвинить и ее саму, и сестру: «Она сказала, что мне поможет заработать денег, и предложила, под видом сбора статистических данных, дать некоторые сведения по своей работе. Затем она выдала мне 500 рублей и велела написать расписку, как в счет получения аванса».

Решение по выбитому признанию родилось не сразу. Лишь 8 августа следователь свел концы с концами:

«Гаупт Е. А. арестована 8 мая 1942 года за проведение шпионажа на территории СССР в пользу Италии». Почему Италии? Все просто — сестра когда-то там жила: «По существу предъявленного обвинения виновной себя признала и показала, что она завербована для разведывательной деятельности своей двоюродной сестрой Максимовой Екатериной Александровной...»

Гаупт Е. А. по заданиям Максимовой на протяжении 1938—1941 гг. собирала сведения о проходе воинских поездов, литерных грузов и продовольственных запасов, идущих для Красной армии, и собранные сведения отвозила сама или направляла в письмах шифром Максимовой.

Факты сбора шпионских сведений подтверждаются собственноручными записями Гаупт и свидетельскими показаниями».

И еще про Италию: «Обыском в квартире и служебном помещении у Гаупт найден шифр, адрес Максимовой и ряд видовых открыток, присылаемых из Италии».

Проверкой установлено, что Максимова с 1926 по 1928 год проживала в Италии со своим мужем Юрьным. Из допроса свидетелей, знающих Максиму, выяснено, что последняя поддерживает связи в гор. Москве с представителями иностранных посольств и живет не по средствам...»

Еще немного и та же «проверка» дает новый результат: «Установлено, что Максимова Е. А. с 1937 года поддерживала связи с германским подданным *Зорге Рихарт*, временно проживавшего на территории СССР, заподозренного в шпионской деятельности...

Начальник Следственного отделения Транспортного отдела НКВД Железной дороги им. А. М. Кагановича лейтенант Госбезопасности *Кузнецов*».

4 октября 1942 года Екатерина Максимова была арестована и, пройдя чистилище Бутырской тюрьмы, этапирована в Свердловск. Первый допрос состоялся 6 октября. Виновной она себя не признала. 12 октября ей предъявили изъятое при обыске письмо Зорге, отправленное им 31 августа 1935 года из Америки — с полпути в Японию. Екатерина Александровна сама пересказала содержание не знавшему иностранных языков следователю — ничего криминального. Упомянула о том, что письма от «Зорге-Зонтер» получала через «управление РККА» — о большем она сказать не имела права, так как сразу была бы обвинена в разглашении государственной тайны.

Еще два допроса Катя продержалась, но после этого силы покинули ее. 14 октября она оговорила себя и Рихарда Зорге: «Признаю, что я с 1933 года была агентом немецкой разведки. Завербована на эту работу Шталь-Годфрид (Вильгельмом Шталем. — А. К.), с которым я познакомилась за несколько лет до этого и с которым была очень дружна.

К этому времени Шталь-Годфрид познакомил меня с Зонтер-Зорге, за которого я и вышла замуж в 1933 году. Тогда я еще не знала, что оба они были немецкими шпионами. Все разговоры со мной о зачислении меня на работу как агента вел Шталь-Годфрид...

Это предложение, сделанное мне Шталь-Годфридом, было первоначально мною отклонено. Тогда Шталь дал понять, что поскольку я так тесно связана с ним и Зонтером-Зорге и настолько тесно переплелась с ними, и что одно это обстоятельство говорит уже за то, что я несу ответственность наряду с ними за то, что они делают, поскольку я, зная об их работе, не доношу и не заявляю об их роде деятельности.

Мой отказ от его предложения должен был решить и мои отношения с Зонтер-Зорге, т. е. я не могла уже быть вместе с ними, если не буду работать как агент...»

Екатерина так и не смогла придумать, чем же конкретно она должна была заниматься «как агент» и поведала следователю лишь, что должна была сообщать Шталю о письмах от Зорге, но в 1937 году первый был арестован, а второй «не возвращался и очень мало давал о себе знать, не говоря уже о каких-то заданиях», — и в этих строках безумного «признания» скрыта такая жуткая нечеловеческая тоска, что читать дальше его просто невозможно.

Отрицала Максимова и «шпионскую связь» с двоюродной сестрой, но тоже недолго. 28 октября она приняла версию следствия: после ареста Вилли Шталя некий «Джен», расстрелянный, если верить материалам следствия по делу Максимовой, в 1937 году, ранее связывавший ее со Шталем и Зорге, теперь приказал завербовать Лену Гаупт, что она и сделала. Екатерина Александровна рассказала, что последний раз встречалась с «Дженом» перед самым началом войны, и согласилась опознать его по фотографии. Фото ей предъявили, но арестованная не узнала запечатленного на нем человека. Здесь очередная загадка: или у военной разведки в одно и то же время было два агента с псевдонимами «Джен», что вполне возможно, учитывая неразбериху, которая там творилась, либо Екатерину Александровну специально вводили в заблуждение. Дело в том, что под этим именем долгие годы работал один из прототипов знаменитого Штирлица — Ян Петрович (Янкель Пинхусович) Черняк⁶⁷⁵. И, если неизвестный нам «Джен» действительно сгинул в 1937-м, то второй — Ян Черняк, выполнявший функции курьера между Зорге и его женой втайне от командования военной разведки, долгие годы работал в Европе, где внес вклад в нашу победу над нацизмом не меньший, пожалуй, чем Зорге, и он действительно мог встречаться с Максимовой еще в 1941 году. Жаль только, что сам Черняк об этом так и не успел рассказать, хотя прожил очень долгую жизнь: в 1994 году уже находящийся в коме разведчик получил звание Героя России — за десять дней до смерти. Вот только кто тогда тот — неизвестный «Джен»?

У лейтенанта госбезопасности Кузнецова особых трудностей с идентификацией агентов не возникло. Кем бы «Джен» ни был, он оказался причислен к той же «шпионской группе», где числились Шталя, Гаупт и Екатерина: «Установлено,

что в 1934 году Максимова связалась по поручению агента германской разведки, прибывшего из-за границы (то есть, судя по дате, «Джена», а не Зорге. — А. К.), со Шталем и собирала материалы о полит. настроениях трудящихся СССР провокационного характера». Судьба Максимовой была решена.

Полгода спустя Екатерина Александровна напишет матери о событиях той осени: «Надо благодарить родственников! Будь они прокляты! Отплачу когда-нибудь за все с лихвой! Я стала не из добрых, выучили жизнь да добрые люди»⁶⁷⁶. Она не знала, да так и не узнала никогда, что «родственники» — кузина Елена не дождалась проклятий сестры. Она умерла в том же ноябре: «...в камере № 3 внутренней тюрьмы ТО НКВД был осмотрен труп женщины следственно-заключенной Гаупт... На шее круговые кровоподтеки с нарушением поверхностного слоя кожи. На предплечье левой руки имеются поперечные массовые поверхностные нарезы, на левом верхнем веке огромный темно-фиолетовый кровоподтек. На обоих коленных суставах свежие ссадины с большими кровоподтеками.

Трупное окоченение не произошло. По заявлению дежурного надзирателя Зубкова, следственно-заключенная Гаупт совершила факт самоубийства через повешение в 13 ч. 10 минут московского времени, во время раздачи обеда заключенным».

После смерти Елены в Свердловск пришла неожиданная телеграмма с Лубянки с требованием, подписанным заместителем наркома внутренних дел комиссаром госбезопасности 3-го ранга Кобуловым: вернуть арестованную Е. А. Максиму в Москву, в распоряжение Транспортного управления НКВД СССР. 26 ноября, когда в Токио шел суд над группой Зорге, Катю этапировали в Москву. Известно ли было в НКВД, кто такой Зорге? Безусловно. Помимо того что дело, заведенное на него в 1937 году, никуда не могло исчезнуть, информация об аресте в Токио группы разведчиков, заявивших о своей принадлежности к Коминтерну, как мы теперь знаем, была получена и на Лубянке. Правда, неразбериха и сумятица, наступившие в ведомстве военной разведки после сталинских репрессий, были точно так же характерны и для НКВД, где ежовские и бериевские чистки уничтожили не меньший процент специалистов, работавших в конце

1930-х годов. К тому же в условиях войны и вывезенных архивов НКВД сложно было сразу разобраться, о чем и о ком идет речь, но тем не менее 14 января 1942 года начальник внешней разведки Фитин смог сообщить главе Коминтерна следующее:

«Товарищу ДИМИТРОВУ

В дополнение нашего N 1/4/33 от 7/1-1942 года сообщено, что один из арестованных немцев в Токио некий ЗОРГЕ (ХОРГЕ) показал, что он является членом коммунистической партии с 1919 года, в партию вступил в Гамбурге.

В 1925 году был делегатом на конгрессе Коминтерна в Москве, по окончании которого работал в Информбюро ИККИ. В 1930 году был командирован в Китай.

Из Китая выехал в Германию и для прикрытия своей работы по линии Коминтерна вступил в члены национал-социалистической партии.

После вступления в национал-социалистическую партию через Америку выехал в Японию, где, являясь корреспондентом газеты "Франкфуртер Цайтунг", вел коммунистическую работу.

В Токио поддерживал связь с советскими сотрудниками ЗАЙЦЕВЫМ и БУТКЕВИЧЕМ. Прошу сообщить насколько правдоподобны данные сведения»⁶⁷⁷.

Очевидно, что к осени ответ был получен, и чекисты в Москве, в отличие от коллег на Урале, значительно лучше представляли себе, с кем имеют дело в лице Екатерины Максимовой. Для нее начался следующий этап допросов, который неожиданно принял новый оборот 29 января — Катя отказалась от всех ранее данных показаний. Она честно призналась (значит, дали такую возможность в Москве? Почему?), что *«оказалась не в состоянии изобразить имевшие якобы место факты своей шпионской работы так, как они могут быть в жизни... чувствуя безысходность положения, решила пойти на "признание" и стала давать вымышленные показания... Я считала, что для меня жизнь уже кончена, поэтому мне было безразлично, какие давать показания, лишь бы закончилось быстрее следствие»*.

Далее Екатерина Максимова подробно и очень здраво (она была умной женщиной — это видно из ее показаний) опровергла всё, что говорила на допросах в Свердловске.

Она пояснила, почему дала показания против Гаупт (потому что та дала их против нее раньше), и легко поймала следствие на противоречии: Максимова согласилась с тем, что завербовала Елену для работы на одного из своих знакомых, но не сказала, на кого, а Гаупт в это время вынужденно фантазировала про Италию.

Отдельно она рассказала о Зорге: «...в моих показаниях упоминается Зонтер, бывший мой муж, как человек, проводивший шпионскую работу против СССР, о чем якобы стало известно со слов Шталя.

Во время допросов мне следователь сообщил, что Шталь арестован за шпионскую деятельность и что мой муж Зонтер также известен органам НКВД как шпион.

В связи с тем, что Зонтера я не видела с 1935 года, и вместе с тем, не желая опровергать доводы следствия в этом вопросе, я решила показать, что Шталь якобы рассказал мне о причастности Зонтера к шпионажу.

Со своим мужем я жила с 1933 по 1935 год. Причем, за это время он несколько раз выезжал в длительные командировки за границу, и поэтому я знаю его очень мало. Сказать что-либо о его преступной работе ничего не могу, так как мне это неизвестно».

Екатерина Александровна еще долго и подробно объясняла московскому следователю, как и почему ей пришлось давать в Свердловске показания о якобы преступной деятельности Шталя, о том, что «Джена» она видела раз в жизни — в 1934 году и что саму Елену Гаупт она знает довольно мало — она лишь «считала своим долгом относиться к ней гостеприимно», когда та приезжала в Москву. В конце снов: «Никаких преступлений я не совершала, никакой шпионской деятельности никогда не вела, и единственная моя вина состоит в том, что я на допросах давала ложные показания...» Она «призналась» даже, что сама виновата в том, что запутала дело, так как «никаких побуждений со стороны следствия к даче ложных показаний не было», хотя только перед этим подписала протокол со словами о том, что ее вынудили оговорить себя. Но в целом опять — ни в чем не виновата. Запуталась, устала, испугалась — да. Но не шпионка.

Выяснилось, правда, что Вилли Шталь был прописан у Екатерины Максимовой в комнате, и последний месяц перед

своим арестом он провел именно у нее. Если это была служебная квартира, а получала она ее именно так, то об этом должны были знать на Арбате. Что действительно странно, так это то, что сама Максимова не была арестована вслед за ним. Ее не трогали и, скорее всего, именно как жену «Рамзая», который хоть и подозревался в двурушничестве, но по-прежнему был единственным и незаменимым. Да и сам приговор, который был вынесен Екатерине Особым совещанием НКВД 13 марта 1943 года по обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности — расстрельные подпункты печально известной 58-й статьи, не может не удивлять. Обвинение было переквалифицировано на «шпионские связи», и Максимова получила не высшую меру социальной защиты, как тогда писали, не тюрьму и даже не лагерь, а всего лишь (да простят меня за этот оборот читатели!) пять лет ссылки в Красноярский край.

В чем причина столь мягкого приговора, нам до сих пор неизвестно. Но, может быть, свет прольют воспоминания ее сестры Марии, записанные в 1966 году: «Катя рассказывала тете (жившей в Красноярске. — А. К.), что она *добилась свидания с Берия и все ему рассказала о своем муже Рихарде Зорге*. Ей сказали, что сейчас война и *ничего другого мы предпринять не можем, поэтому мы вас высылаем в Красноярский край, где вы и должны находиться до конца войны*, а после войны все разберем и с Рихардом, и с вами.

В аппарате Берия Кате сказали, что с Рихардом Зорге будет все в порядке и что вы по-прежнему будете получать часть его заработной платы (она за него получала)...»⁶⁷⁸

Безусловно, это очень странное воспоминание, начиная с деталей (НКВД не мог иметь никакого отношения к выплатам Екатерине Максимовой, как жене военнослужащего, по аттестату, очевидно оформленному в Разведупре на «Р. Зонтера», но чекисты могли понимать, что выплаты положены и он не арестован, и поэтому просто подтвердили, что все останется как было) и заканчивая ссылкой в Сибирь до конца войны с фактическим приговором «посидите, а там посмотрим». К сожалению, до сих пор не обнаружен оригинал этого письма Екатерины Марии. Да и всего таких писем известно три. Два написаны 21 мая 1943 года, когда Катя находилась в Красноярске, через неделю после приезда из

Москвы. Одно — через два дня после того, как она прибыла к конечному месту ссылки в поселок Большая Мурта Красноярского края. Больше Екатерина написать не успела: там — в Большой Мурте она и умерла.

Гибель русской жены Зорге до сих пор считается загадочной. На это есть некоторые основания: в ее деле, хранящемся в ЦА ФСБ, сохранились сразу две записи о ее смерти. Согласно первой, это случилось 29 июня, и причина смерти неизвестна. Если верить второй, Катя умерла 3 июля от инсульта, причем поступила в больницу она 22 мая. Однако ее последнее письмо матери датировано 23 мая, а 22-го она была еще в Красноярске.

Есть и третья версия. Она основана на письме, полученном матерью Екатерины Александровны летом 1943 года (фотокопия письма не опубликована):

«...Ваша дочь поступила к нам в больницу 29 мая с химическим ожогом. Лечение проводилось открытым способом, т. е. был сделан каркас, который прикрывался простыней. Иногда у нее со слезами срывался вопрос: за что? Иногда она говорила, что только хочет увидеть свою мать. Деньги, оставшиеся после нее, израсходовали на могилу, похороны и крест. После нее остались вещи: серая юбка шерстяная, теплая безрукавка и сорочка. Галоши старые. Вещи хранятся на складе больницы у кастелянши...

Т. Жукова».

Однако позже бывшая медсестра больницы Любовь Кожемякина опровергла информацию, указанную в письме: «...Не было ожогов. Я поправляла ей постель, голову. Пришла на дежурство утром, в первой палате обратила внимание на новенькую — молодую красивую женщину. Она совершенно не реагировала ни на что. Седая, стриженная, пастозная (отёчная). Когда я подошла к ней, тихо попросила пить. Я попыталась с ней поговорить, но она не ответила. Говорят, ее отравили в Мурте. Она лежала как одичалая, только из глаз текли слезы, а потом у нее началось кровотечение. Вечером моя смена закончилась. А утром кровать уже была пуста. Сказали, что ее ссыльные забрали из Малороссейки, там и похоронили»⁶⁷⁹.

Сестра Мария вспоминала, что получила сообщение о том, что Катя скончалась в июле, до этого та действительно

но лежала в больнице, но с ожогом не внутренних органов, а... ягодицы. А уже в наши дни бывший главный врач Большемуртинской больницы Владимир Рязанцев рассказывал, что до войны там работал «ссылный хирург и священник, будущий архиепископ Валентин Войно-Ясенецкий (за труды по хирургии его даже наградили Сталинской премией). Обеззараживая руки до и после операций, он использовал только один антисептик — сулему. Это ядовитое соединение ртути и хлора. Войно-Ясенецкий уехал, но установленные им порядки в больнице прижились надолго. Говорят, Екатерина в сопровождении сотрудника НКВД ездила в Красноярск за сулемой и препарат якобы случайно пролили. Тогда она и могла отравиться. Может, все было изначально спланировано...

Женщина "сгорела" за сутки. Была доставлена в больницу в тяжелом состоянии, ее постоянно рвало..."⁶⁸⁰.

Так в итоге родилась версия о том, что Екатерину Максиму то ли отравили чекисты, то ли она отравилась сама. Неясно, правда, зачем было убивать ее НКВД, но когда до сих пор не опубликованы документы 75-летней давности, легко верится во всякое. Читая, однако, письма Кати, веришь и в то, что сама она, как и ее муж Рихард Зорге, очень устала. Устала, но хотела жить. Вот только на жизнь сил уже не оставалось:

«21 мая 1943 г.

Милая сестричка!

Вот я опять и наслаждаюсь небом, воздухом и полной свободой. Случилось это на днях — мое возрождение. Правда, меня клонит к земле от слабости, как былинку. Счастье мое, что я нашла здесь тетю Надю и Раю, которые обласкали меня как могли, и помогли, и поделились всем, чем могли. Ведь я бедна и гола абсолютно!

Буду жить и работать в районе в 120 км от Красноярска, там, говорят, гораздо дешевле, чем здесь. Здесь-то все очень дорого. Мечтаю, когда смогу хоть немного отблагодарить тетю хоть чем-нибудь, им тоже торговать с дороги приходится. Тетя совсем старая, горбатая старушка стала, маленькая и сухонькая. Домик свой, вроде землянки, но внутри очень уютный и чистенький, а главное, отдельно все. Посадили картофель и овощи.

О себе ничего не пишу — не хочу ворошить. Люди все очень мерзкие, особенно родственники, от кого никак не можешь ожидать пакости. Я лишь мечтаю о работе и немного подкормиться, тоща сейчас, что смотреть страшно. Еще последнее время мучает расстройство желудка, ничего не перерабатывает — прямо беда!

Мусенька, у меня к тебе просьба — спаси меня. Не можешь ли хоть немного помочь деньгами, мне хоть обернуться на месте первые дни, пока я смогу пойти на работу. Я надеялась у Ляли занять, а они с дорогой так издержались, а от Дмитрия по аттестату (кто это — еще одна загадка дела Максимовой. — А. К.) еще не время, и я совсем без денег. Сколько можешь, вышли телеграфом на имя Раи: Красноярск, улица Овражная, д. 22, кв. 2. Сделай для меня, займи где-нибудь. Вещи-то в Москве я буду продавать через тетю, тогда верну все долги, а сейчас я прямо в безвыходном положении. *Да и от Ики я буду получать, как и раньше, у него все в порядке.* Нужно только время, чтобы продержаться. И пиши мне чаще, а то я так разочаровалась во всех людях, даже самых близких, что мне даже делается страшно, как-то еще тетя Надя и Рая своим отношением немного отогрели, а то хоть в петлю лезь, так омерзительны все.

Ну, целую тебя крепко. Будь здорова.

Катя.

Как приеду на место, вышлю точный адрес. Пока пиши на Лялю. Как я рада, что они близко, и я не одна. Шурик умер у них дорогой, а Юрка большой»⁶⁶¹.

Могила Кати — Екатерины Александровны Максимовой утрачена. По некоторым данным, на этом месте в сибирском поселке построено административное здание. Перезахоронить русскую жену Рихарда Зорге было некому.

ЭКСГУМАЦИЯ

В Токио останки Зорге забрала Исии Ханako. Произошло это далеко не сразу, да и вообще могло не случиться. Полиция токко и жандармерия кэмпзэтай имели свои счета к этой женщине. Начиная с августа 1938 года сотрудники этих ведомств (по воспоминаниям Ханako, в первую очередь кэмпзэтай, а значит, не зря Зорге так их боялся) проявляли особенно нездоровый интерес к дружбе японки и немецкого журналиста. Тогда, в 1938-м, к ней домой заявился сотрудник жандармерии и не только расспрашивал о ее возлюбленном, но и попросил что-нибудь напечатать на его машинке. Ханako отказалась, и агент удалился, попросив «не разглашать».

На время ее оставили в покое — она только иногда узнавала в лицо следящих за домом Рихарда агентов, в том числе и того, что заходил к ней в августе. Но в мае 1939 года Зорге, прикрываясь журналистской командировкой, уехал в Шанхай и на Тайвань, и дом Исии снова посетил уже знакомый ей «человек в штатском». Его, конечно, интересовало, куда и зачем уехал Зорге и когда вернется, а заодно он попросил Ханako выкрасть что-нибудь из бумаг журналиста и «дать почитать» ему. И снова агент не встретил понимания, после чего в ее общении с контрразведкой вновь наступила долгая пауза.

В следующий раз полиция подступила к ней, когда простая «профилактическая» слежка за Зорге сменилась серьезным расследованием. «Летом 1941 года, — вспоминала Исии, — над Зорге начали сгущаться тучи. В июле меня вызвали на допрос в полицию, чтобы заставить следить за Рихардом, уносить оставшуюся после его работы копировальную бумагу, докладывать о всех его выездах. Я, конечно, наотрез отказалась. Жандарм, который вел допрос, попытался запутать меня, заявив, что они сделают так, что Зорге сам откажется

от встреч со мной. Но я ему не верила: не такой был человек Рихард, чтобы поддаться на провокацию. Когда меня наконец отпустили, потребовав ничего не говорить Зорге, я поспешила домой и, разумеется, все до малейших подробностей рассказала Рихарду...

Однако визиты жандармов участились. Они приходили в отсутствие Рихарда (видимо, слежка за ним велась уже по всем правилам), подолгу расспрашивали о его делах: куда он ездит, кто к нему приходит, чем занят вечерами. Я, как умела, отводила подозрения шпииков. Но тревога, поселившаяся в сердце, уже не покидала меня... Ищейки шли по его следам»⁶⁸².

Разумеется, после ареста группы, во время следствия по этому делу, фамилия Исии (точнее, Миякэ) всплывала неоднократно. Пришли и за ней. «Когда Зорге арестовали, — рассказывала позже Ханako, — я была дома у мамы. За мной прислали наряд политической полиции кэмпейтай (тут явная путаница, ибо политическая полиция — это токко. — А. К.) и взяли под стражу. Но потом из Главного полицейского управления пришел приказ отпустить меня. Зорге пообещал все рассказать, если меня не арестуют. Я думаю, что именно так оно и было. Он стал героем только спустя много лет, но я знаю, он хотел защитить меня»⁶⁸³.

Исии Ханako до конца жизни верила, что Зорге сдался ради нее. Это, конечно, было не так, но в чем она не ошибалась, так это в том, что он даже в такой трагической ситуации не забыл о ней и, как мог, пытался защитить. Следователи относились к японской девушке, делившей постель с иностранным шпионом, вполне определенно, но отношение отношением, а впутать ее в дело о шпионаже Зорге не дал. По свидетельству одного из участников следствия, разведчик решительно заявил прокурору Ёсикава: «Я прошу ни в коем случае не преследовать Исии-сан. Она совершенно не имеет никакого отношения к моей деятельности разведчика»⁶⁸⁴. А Дикин и Стори добавляют в продолжение еще одну цитату: «Она в конце концов выйдет замуж за школьного учителя. Прошу вас, не вмешивайте ее в это дело»⁶⁸⁵.

Просьбы Зорге возымели эффект, но от Ханako не отстали навсегда. В августе 1943 года, во время суда кохан, когда стороны уже закончили прения и подсудимые ожидали при-

говора, женщина была задержана и доставлена в полицейский участок, где ее допрашивали в течение шести дней, пытаясь получить новые улики против Зорге. «Меня называли "изменницей родины" и "воровкой", настойчиво допытывались, поддерживаю ли я связь с Зорге, сурово допрашивали... — вспоминала она. — Каждый день меня допрашивали в комнате для допросов. Я отрицала, что поддерживаю связь с Зорге, тогда меня стали расспрашивать о наших с ним дружеских отношениях...»⁶⁸⁶

Ханако удалось убедить следователя, что она давно не общалась с Зорге. Получается, наружное наблюдение подтвердило, что женщина в последнее время не попадала в их поле зрения вместе с ним. Это довольно странно, и пока такой логике полиции не найдено исчерпывающего объяснения.

Так или иначе, но когда она узнала, что через сутки ее выпустят, вздохнула с облегчением. Было, однако, и то, что омрачало ей выход на свободу. Позднее Исии рассказывала об условиях содержания в полицейском участке и о мыслях, которые они вызывали относительно судьбы Зорге: «В клетке, изнемогая от страшной жары и постоянных укусов блох и вшей, сидели семь-восемь женщин. Ходили слухи, что им давали протухшую еду, но у меня не было аппетита, поэтому молодая женщина, стоявшая на одном колене у железной двери, съела и мою порцию...

Мужчину, оказавшего сопротивление надсмотрщику, вечером в коридоре избili велосипедной цепью. Издав крик, словно какой-то дикий зверь, крупный мужчина повалился на пол. Каждый вечер здесь был настоящий ад. Женщин из моей камеры, пойманных на месте преступления за азартные игры, каждый вечер пытали в отдельной комнате. Меня трясло от страха и унижения. Но я сгорала еще и от гнева: вряд ли когда-нибудь я смогу забыть эту клетку, отношения в которой между людьми лишены даже намекa на человеческое достоинство...

Сердце мое сжималось при мысли, что мне оставалось здесь провести всего один день, а Зорге проводил в ужасной тюрьме долгий срок, исчисляемый годами. Радость от очевидного доказательства того, что Зорге еще жив, наполовину уменьшилась»⁶⁸⁷.

Повторюсь: этот арест Исии Ханако — довольно странное происшествие. Если верить ее рассказу, вопросы ей задавали в продолжение следствия именно о Зорге, а не с целью найти новых участников его группы. Но с Зорге следователям к этому времени было уже все ясно. И все же она утверждала, что спрашивали только про него. Зачем? Нет ответа. Факт остается фактом: Ханако неожиданно была задержана, а затем столь же неожиданно освобождена. И даже такое короткое пребывание в заключении произвело на в общем-то храбрую и довольно опытную в самых разных жизненных ситуациях девушку чрезвычайно тягостное впечатление.

В описании отношений Рихарда и Ханако или, во всяком случае, их внешних проявлениях чувствуется некоторый перекося: письменных свидетельств ее любви к нему целая книга, а его высказываний о ней, за исключением просьбы к прокурору, мы не знаем. Из книги Уиллоуби «Шанхайский заговор» нам известны только слова Зорге, якобы отражающие мнение разведчика о женщинах в целом: «Женщины абсолютно непригодны для агентурно-разведывательной работы. Они не имеют никакого понятия о политических и других подобных делах, и я никогда не получал от них удовлетворительной информации. Поскольку они были бесполезны для меня, я не использовал их в своей организации. Даже женщины, принадлежащие к высшему классу, не имеют никакого понятия о том, что говорили их мужья, и поэтому являются весьма бедными источниками информации. Поэтому, ни одна женщина на свете не способна к агентурной деятельности».

Этот монолог можно, пожалуй, считать одной из многочисленных «обманок» Зорге, призванных отвлечь внимание японских спецслужб от фигур остававшейся в Китае Агнес Смедди, сидящей в тюрьме Анны Клаузен, эвакуированной в Австралию Эдит Вукелич и некоторых других агентесс «Рамзая». Но Исии и не была таковой, и он действительно старался, чтобы она вообще ничего не знала о его работе разведчика. 22 июля 1940 года он, тесно общавшийся с Ханако почти пять лет, писал в Центр: «Здесь женщины весьма надежны, особенно если они решились связать свою жизнь с каким-нибудь мужчиной. Они не представляют тогда никакой опасности, при условии, если мужчина не оставит их в

беде»⁶⁸⁸. И, хотя сказал это Зорге о другой женщине, его слова вполне можно отнести и к Исии Ханако. Он не оставил ее в беде. А она оказалась единственным человеком на планете, который душой никогда не изменил Рихарду Зорге.

В основу же американских легенд о «советском Джеймсе Бонде», гонщике, сердцееде и алкоголике, лег портрет, составленный когда-то американскими разведчиками: «В физическом отношении Зорге был крупный человек, высокий и коренастый, с каштановыми волосами. Как заметил один из его знакомых японцев, с первого взгляда на его лицо можно было сказать, что он прожил бурную и трудную жизнь. В выражении глаз и линии рта сквозили надменность и жестокость. Он был горд и властен, сильно любил и горячо восхищался теми, чьей дружбы он искал, но был безжалостен к остальным и откровенно ненавидим ими. Многие его японские коллеги по печати видели в нем типичного головореза, высокомерного нациста и избегали его. Он был горячий человек, любивший сильно выпить и привыкший часто менять своих любовниц. Известно, что за годы службы в Токио он находился в интимных отношениях примерно с тридцатью женщинами... И все же, несмотря на увлечение женщинами, запойное пьянство и тяжелый характер, он ни разу не выдал себя»⁶⁸⁹. Портрет довольно точный, но отношение к этому образу может различаться с точностью до наоборот, и, что самое интересное, Ханако, которая хорошо знала его именно таким, считала, что этот портрет целиком положительный. «В конце концов, — говорила она, — он был холостяком, и вполне естественно для выдающегося человека иметь несколько любовниц, не так ли?»⁶⁹⁰

К числу любовниц нашего героя в разное время относились очень разные женщины. Макс Клаузен и другие люди, знавшие Зорге лично, называли среди них жену директора токийского представительства компании «Сименс» Мора и жену главы представительства «Люфтганзы» Кауманна; совсем потерявшую голову от любви к дерзкому и умному журналисту секретаршу посла Лили Браун; профессора консерватории сдержанную Эту Харих-Шнайдер; не раз ночевавшую в доме на Нагадзака журналистку Лили Абетт и, конечно, фрау Отг — жену посла⁶⁹¹. Отношения с последней были особенными и потому, что она единственная, кто знал

и помнил не нациста, а коммуниста Рихарда Зорге, и потому, что еще и в той, «прошлой» жизни их связывали близкие отношения. Наконец, она была женой посла, который всё знал. Знал, мучился, но уважал жену и ценил лучшего друга. Отт говорил в узком кругу, что очень сожалеет о том, что его счастье с женой было таким коротким»⁶⁹².

Все эти женщины, конечно, постарались как можно скорее забыть предмет своих воздыханий, сразу же после того, как на его руках защелкнулись никелированные наручники, выдаваемые токийской полицией для задержания только особо важных преступников. Лишь две бывшие подруги бесшабашного токийского мотоциклиста поступили иначе, с гордостью вспоминая свою дружбу с ним, и обе они — японки.

Одна из них — Ямамото Макико, внучка бывшего министра военно-морских сил и премьер-министра Ямамото Гомбэя. Одна из первых красавиц Токио в предвоенные годы, она вспоминала Зорге не слишком оригинально: «Мужчина настолько красивый, что, увидев его раз, невольно станешь разглядывать его получше, и вместе с тем было в нем что-то от жиголо. Усадив меня на мотоцикл позади себя, он пронёсся по Гиндзе с ужасающей скоростью. Это был совсем не тот "шпион Зорге", каким его описывали после того, как раскрыли... Он был из тех мужчин, которые, познакомившись с девушкой, тут же проводят с ней ночь. Он находился под надзором тайной политической полиции и, говорят, с огромным трудом занимался разведывательной деятельностью для Москвы, но Рихард при этом был бесшабашным и импульсивным человеком... После ареста о нем говорили разное, но не могу себе его представить шпионом, который в тайне от всех под покровом ночи занимается какой-то деятельностью — это совсем не тот тип человека»⁶⁹³.

Совсем другое дело Исии Ханако. Пожалуй, она и только она действительно смогла разглядеть в нашем герое прежде всего человека. Историю их отношений никак не назовешь простой, но она действительно его любила, и он, не зная об этом точно и, может быть, не так уж сильно ее любя, в отношениях с ней тоже проявил себя с самой лучшей стороны, которую только Ханако и смогла рассмотреть сквозь образ разнузданного плейбоя, так приглянувшийся всем осталь-

ным. «Зорге не был пьяницей, как все говорят. Его пьянство было его маскировкой. Он очень любил женщин, но был рыцарем с теми, которые его любили. Я думаю, это соответствовало его типично немецкой сущности», — вспоминала она потом и добавляла, что однажды проявила недопустимую для японки несдержанность, дала волю худшему пороку из возможных — ревности. У нее с Зорге была серьезная ссора из-за женщины — жены германского посла Ойгена Отта: «Теперь я сожалею, что это имя было названо. Зорге никогда бы так не сделал. Он был настоящим джентльменом»⁶⁹⁴. Возможно, Ханако не сдержалась еще и потому, что «сменила» Хельму. Даже лучший друг Рихарда принц Урах, считавший, что говорил, что Зорге завел себе японочку назло Хельме Отт, домогался Ханако⁶⁹⁵. Это злило и обижало ее, но все же...

Вполне вероятно, что Ханако, подстраиваясь под настоящего Зорге, придумала для себя его образ, который позже отстаивала во всех интервью: да, пил, но «я только один раз видела Зорге действительно пьяным». С одной стороны, говорила: «Я хорошо понимаю, что он привлекал женщин, как мужчина», но тут же опровергала — «их не могло быть слишком много»⁶⁹⁶. Не слишком часто с ней виделся — значит, у него много работы. Она всю свою жизнь не просто посвятила ему, после его гибели она обернула память о нем мягким одеялом, уберегая от ран, которые до сих пор стремятся нанести ему очередные «почитатели». Ее любовь к Зорге была настоящей, и, как всякая женщина, она очень хотела надеяться, что его чувства к ней такие же искренние и прочные. А ему, быть может, нужен был кто-то, с кем он мог бы позволить себе быть естественным, не играть, не создавать образ. Естественным настолько, насколько вообще это может себе позволить разведчик, работающий в чужой стране, и он это нашел в Ханако: с ней можно было просто поболтать, вспомнить, что в мире, кроме интересов держав, политических раскладов, партий, интриг, заговоров, есть еще музыка, стихи, даже местные токийские сплетни — то, что нужно для души, а не для разума и не для дела. Может быть, его отношение к ней и нельзя было назвать любовью, но дружбой можно назвать точно.

Преданная и любящая японская женщина не прошла через ад, как Катя Максимова, но она почти спустилась в него.

Вскоре после войны Ханако узнала, чем закончилось «Дело Зорге». Точнее, «Дело Зорге — Одзаки» — так и называлась статья в одном из журналов, который попался ей на глаза в 1947 году и где сообщалось, что тело ее возлюбленного захоронено на кладбище Дзосигая неподалеку от тюрьмы Сугамо, «поскольку не оказалось никого, кто мог бы взять на себя эту печальную обязанность. На могиле был поставлен скромный деревянный знак, но кто-то забрал его — возможно, из-за недостатка топлива. И теперь от могилы не осталось никаких следов»⁶⁹⁷. Это было не для нее: «...не осталось никаких следов». Упрямая 35-летняя женщина с широкими выступающими скулами и приятным голосом не только не вышла замуж за школьного учителя, как предрекал Зорге, но и не собиралась сдаваться теперь, когда слежка, страх, ужас арестов и допросов были позади. «Не осталось следов» — это не заключение, это была команда к действию, и Ханако начала действовать. Пытаясь выйти на эти следы, она разыскала адвоката Зорге Асанума Сумиё и брата Одзаки. Два года она обивала пороги тюрьмы Сугамо, где в это время сидели совсем другие люди — подсудимые Международного военного трибунала для Дальнего Востока, те, против кого боролась группа Зорге. Они сидели в этих же камерах, что и советские разведчики пятью годами ранее, и в том же небольшом помещении семь раз открылся люк под той же самой виселицей — но уже для других приговоренных. Ханако ходила в Министерство юстиции, на кладбище Дзосигая — искала, просила, уговаривала, убеждала. Целых два года! Наконец, к половине десятого утра 16 ноября 1949-го, сопровождаемая молодым каменотесом, который должен был изготовить надгробие, и запасшись бутылкой японской водки сётю, Исии Ханако пришла на место, установленное как могила Зорге, на кладбище Дзосигая. Вместе с управляющим кладбищем и тремя могильщиками она присутствовала на эксгумации и опознании.

Гроб удалось найти легко — он был единственным в общей могиле невостребованных прахов, сделанным по-европейски: тело Зорге положили, а не усадили в него, как сажают тела японских покойников в круглые, напоминающие большие бочки, гробы. Ящик извлекали из ямы, сняли с него крышку. «Дрожая, я сделала шаг вперед и заглянула

внутрь, — писала потом Ханако. — На дне полутемного гроба лежали желто-коричневого цвета кости, в которые превратилось тело. Видневшаяся циновка была уложена на дно гроба, в центр, и на ней лежали не соединенные между собой бедренная кость, кости ног и другие части скелета.

— Покойник уже превратился в скелет, — пробормотал управляющий.

— Неужели? — с сомнением переспросила я. В душе еще оставалась надежда: "А вдруг я узнаю его?" Как бы он ни выглядел сейчас, покажите мне его хоть один раз! Но вместо тела действительно лежали лишь разрозненные кости. И... его череп! Уставившись на него, я опустилась на колени у края выкопанной могилы...

Изменившийся до неузнаваемости мой Зорге! Где вы? (Они всегда называли друг друга на «вы» по-японски — «аната». — А. К.) Где те добрые глаза, выющиеся каштановые волосы, где его мускулистое тело? Ничего этого нет, ничего, ничего я уже не видела.

Я вдруг осознала, что даже испытывая безграничную любовь к человеку, невозможно представить некогда роскошное тело, просто глядя на кости на дне гроба. Его образ, который я хранила в своем сердце, разрушился. Сердце мое разрывалось».

Участникам эксгумации удалось найти в гробу некоторые вещи Зорге. Ханако забрала с собой то, что еще хоть как-то сохранилось: «Я вернула кости рабочему. Он уложил их в маленький гробик, заранее приготовленный управляющим. Затем могильщики извлекли из большого гроба обувь. Это были огромные ботинки. Из-за сырости они потеряли прежний лоснящийся вид и наполовину сгнили, и тем не менее они очень походили на те самые красно-коричневые ботинки, в которых Зорге постоянно ходил при жизни. И только каблуки, толстые и прочные, оказались совсем не стоптаны. Что ж, три года в холодной камере, потом — виселица. По этой причине каблуки и не успели стоптаться и теперь уже навеки остались такими. Погрузившись в эти мысли, я сунула руки в ботинки. Внутри одного обнаружился лоскуток ткани, похожий на остатки носков, но больше внутри ничего не было. Я поставила ботинки на землю и взяла очки. Это были целлулоидные очки в красновато-черной оправе.

Я представила себе приговоренного к повешению Зорге, некогда читавшего в этих очках журналы... Одетый в костюм смерти — костюм без галстука, целлулоидные очки — Зорге был повешен вслед за Одзаки. Такой нарядный костюм без галстука...Страшная, мучительная боль, которую я долго пыталась не замечать, вдруг поднялась из груди к горлу. Из всех сил стараясь не представлять себе невыносимую картину его смерти, я взяла обеими руками переданный мне череп.

Здесь, внутри, некогда находился мозг человека, которого я считала самым умным на свете — доктора Рихарда Зорге, здесь жила душа, которую я любила больше всего, и кроме того, душа человека, бывшего выдающимся революционером нашего века...

Я отдала молодому каменотесу череп, а сама взяла вставные зубы Зорге, которые при жизни почти не видела, и принялась их разглядывать. Яркого цвета искусственная десна была весьма странной, но сейчас даже она казалась дорогой моему сердцу. Молодой рабочий аккуратно поместил черепную коробку в стоящий рядом гроб. И вдруг меня охватило мучительное желание еще один раз подержать в руках его голову, и почему-то тут же все люди вокруг стали мне неприятны...

Прощай, прощай, кладбище Дзосига. Несколько раз я оглядывалась назад. Хотя тело Зорге сгнило, а омерзительные черви пожрали его плоть, однако и эта земля казалась теперь дорогой. И эта лужайка, где я испытала странное чувство печали и любви, стала мне родной.

На заднем дворе кладбищенской конторы щели гроба заткнули сухой листвой, крышку прибили гвоздями. На память о Зорге я забрала его очки, зубные протезы, пряжку от ремня и остальное; все это сложила в свою сумку, после чего помыла руки. Когда пожилой служащий принес чай, было ровно двенадцать часов дня. До места кремации рабочие собирались отвезти гроб на велосипеде; я же расплатилась и выдала каждому чаевые. Примерно через час в сопровождении молодого каменотеса я вышла из конторы»⁶⁹⁸.

После кремации, на которую у Ханако ушли все сбережения, урну с прахом Зорге она поставила у себя дома. Захоронить ее уже было не на что, а в советское посольство она

пойти не решилась или побоялась. Ханako снова все решила сделать сама. Книгу о своем любимом человеке, которую она так и назвала: «Нингэн Дзоругэ» — «Зорге как человек», Миякэ Ханako, как она тогда звалась, начала писать еще раньше. Первое издание вышло под тем самым именем, под которым ее знал наш герой, уже в 1949 году, и ей хватило денег на покупку земли на огромном токийском кладбище Тама, где недалеко от могилы Одзаки Хоцуми* был наконец погребен и прах Зорге. На могиле, находящейся по адресу 17-1-21-16, установили большой гранитный валун с надписями на японском языке — азбукой для иностранных слов, и на немецком, выполненной готическим шрифтом «Richard Sorge» (1895—1944).

7 ноября 1958 года, в день пятнадцатилетия казни разведчика, на могиле был поставлен новый памятник, средства на который собирало «Общество оказания помощи жертвам дела Зорге — Одзаки». 24 апреля 1966 года этот памятник заменили новым — плитой из полированного черного мрамора с изображением государственной награды Зорге — медали «Золотая Звезда» и бросающейся в глаза среди иероглифов надписью на русском языке: «Герой Советского Союза Рихард Зорге». Слева — еще одна черная мраморная плита с надписью на японском:

*«Здесь покоится герой, отдавший свою жизнь
в борьбе против войны, за мир во всем мире.*

Родился в Баку в 1895 г. Приехал в Японию в 1933 г.

Арестован в 1941 г. Казнен 7 ноября 1944 г.».

Напротив — гранитная плита с именами и датами жизни одиннадцати членов группы Зорге:

«Рихард Зорге, 1944.11.7, казнен в тюрьме (Сугамо)

Кавамура Ёсио, 1942.12.15, умер в тюрьме (Сугамо)

Мияги Ётоку, 1943.8.2, умер в тюрьме (Сугамо)

Одзаки Хоцуми, 1944.11.7, казнен в тюрьме (Сугамо)

Бранко Вукелич, 1945.1.13, умер в тюрьме (Абасири)

*Китабаяси Томо, 1945.9.2, умерла через два дня после
освобождения*

Фунакоси Тосио, 1945.2.27, умер в тюрьме

* Адрес могилы Одзаки Хоцуми на кладбище Тама: 10-1-13-5.

Мидзуно Сигэру, 1945.3.22, умер в тюрьме (Сэндай)

Тагуми Угэнга, 1970.4.4, умер

Кадзуми Фусако, 1980.7.15, умерла

Кавачи Тэйкити, 1991.7.31, умер».

Исии Ханакэ прожила едва ли не дольше всех людей, знавших Зорге. Она так и не пошла в советское посольство, как предлагал Зорге, и всю жизнь не могла понять, почему этот человек 20 лет не был нужен своей родине, ради которой он окончил свои дни на виселице. Ее задевало то, что она всегда находилась в положении «маленькой японочки» — туземной любовницы разведчика. После того как имя Зорге стало известно в Советском Союзе, после того как он был признан героем, Ханакэ стала получать ежемесячную пенсию от нашего Министерства обороны, и не около 100, а около 1000 долларов в японской валюте — об этом автору рассказывали люди, регулярно передававшие женщине конверты с деньгами. Впрочем, как раз сумма ее не очень волновала. «...В России меня никто не знает, — рассказывала она. — Меня, правда, поддерживают материально — ваше посольство платит пенсию. Но в целом меня игнорируют. Денег мне не нужно. Я все время жила своим трудом. Но до сих пор не могу понять, почему у вас на меня никто не обращает внимания...

Когда спустя 29 лет после войны о Зорге узнал весь мир, то Москве понадобилось сотворить из него героя. Поэтому из Максимовой сделали его жену, а обо мне просто-напросто забыли. Я трижды была в СССР, но со мной никто так и не встретился из руководства, хотя вдову Бранко Вукелича даже принимал Микоян и вручил награду. В 1964 году, уже после признания Зорге, у меня был корреспондент "Известий", обещавший, что мои воспоминания будут опубликованы в СССР. Однако вышедшая в Японии других странах моя книга "Рихард Зорге — человек" и поныне не опубликована в России»⁶⁹⁹.

К этому очень сложно что-то добавить. Пожалуй, только это:

4 июля 2000 года Исии Ханакэ скончалась в Токио в возрасте восьмидесяти девяти лет. В огромный крематорий на том же кладбище Тама ее тело было отправлено с массивным золотым кольцом на пальце, которое она никогда

не снимала уже много лет. Ханако сделали его на заказ из золотых коронок Рихарда Зорге, которые она сохранила на память после эксгумации. Теперь на могиле Зорге стоит еще один небольшой камень со скромной надписью по-японски: *Исии Ханако*.

Воспоминания Ханако до сих пор не переведены на русский язык. Я очень надеюсь, что скоро это произойдет и мы с вами узнаем еще одну историю настоящей любви.

В доме Исии Ханако была собрана небольшая коллекция вещей, связанных с именем Зорге. После смерти хозяйки все они бесследно исчезли. Ни посольство России в Токио, ни Министерство обороны не позаботились о том, чтобы доставить эти раритеты в Москву, в музей Зорге. В том числе и по той причине, что полноценного музея Зорге в нашей стране нет и, видимо, уже никогда не будет.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Книга Исии Ханako стала едва ли не первым самостоятельным произведением о Рихарде Зорге. После выхода в 1949 году первой части, в 1951-м последовала вторая, а позже и третья. Практически одновременно к «делу Зорге» обратились в Европе, куда после войны вернулись некоторые его участники и многие свидетели. В июне—октябре в журнале «Шпигель» появилась серия статей под общим названием «Herr Sorge saß mit zu Tisch. Porträt eines Spions», некоторые цитаты из которых использовались в этой книге. Одновременно вышли пресловутые «мемуары» Шелленберга с главой, посвященной Зорге, — работа, несмотря на сомнения в ее подлинности, до сих пор активно обсуждающаяся по единственной причине: в ней «Рамзай» безосновательно, но уверенно назван двойным шпионом. Оказалось, что в истории иногда работают математические законы: интерес к двойному агенту примерно вдвое выше, чем к обычному, и «мемуары» переиздаются и некритически цитируются до сих пор. Наконец, в 1952 году в США появилась книга бывшего шефа американских оккупационных сил в Японии генерала Чарлза Уиллоуби «Шанхайский заговор: шпионская сеть Зорге», где обильно использовались документы следствия и судебного процесса по делу группы «Рамзая». После этого журнальные и газетные статьи, новые книги — часто отвратительного, бульварного пошиба — хлынули потоком. Но только на Западе и, в меньшей степени, в Японии. В Советском Союзе об этом человеке по-прежнему знали несколько бывших сотрудников Разведупра да те, кто читал иностранную прессу. Один из таких людей — бывший контрразведчик, ставший после войны писателем-детективщиком, Роман Николаевич Ким на выступлении перед сотрудниками Института восто-

коведения в 1962 или 1964 году в Москве однажды неосторожно упомянул о Зорге как о советском разведчике. Одна из сотрудниц немедленно и весьма бурно выразила свое негодование: в предвоенные годы она работала в Японии и Китае и лично знала «неистового нациста доктора Зорге».

Коренным образом ситуация изменилась лишь с выходом первого художественного фильма о Зорге. В 1961 году состоялась премьера кинокартины «Кто вы, доктор Зорге?» французского режиссера Ива Чампи, бывшего в годы войны бойцом Сопротивления и вооруженных сил Свободной Франции и воевавшего против нацистов в Европе и Африке. Не лишенный недостатков (например, сцены, действие которых происходит в Советском Союзе, донельзя кляквенные), думается, этот фильм до сих пор — лучшее из того, что снято о нашем герое, правда и вымысел (все-таки это художественная картина), идеологический пафос и правда жизни совмещены в нем наиболее талантливо и убедительно. К тому же он неплохо снят, а актеры играют не просто хорошо, а вдохновенно. Причем актеры не только профессиональные. Одна из второстепенных по сюжету, но важных по задумке ролей досталась Гансу Отто Мейснеру (Майснер), перед войной служившему третьим секретарем посольства Германии в Токио и лично знавшему Зорге, не раз с ним общавшемуся и даже приглашавшему влиятельного журналиста к себе на свадьбу.

Мейснер сделал свои воспоминания о Зорге достоянием широкой общественности за несколько лет до этого. В 1955 году в Лондоне вышла его книга «Человек с тремя лицами», написанная на основе реальных событий, с точным воспроизведением многих деталей жизни германской дипмиссии в Японии, но с изрядной долей вымысла, прежде всего в сюжетной линии, поэтому к ней лучше все-таки относиться как к произведению беллетристическому, хотя и увлекательному. Причем предисловие к книге написал бывший шеф британской контрразведки МИ-5 сэр Перси Силито (Силитоу), что безусловно подогрело интерес читателей к произведению и к личностям автора и его героев. В фильме Чампи Мейснер выполняет функцию cameo, то есть появляется в роли самого себя. Такое удачное режиссерское решение повышает градус доверия зрителя к кар-

тине, а эмоциональная игра актеров не позволяет остаться к ней равнодушным. К тому же в сюжет заложена детективная составляющая: а действительно ли Рихард Зорге погиб? Когда такой вопрос задает человек, который его лично знал, это воспринимается доверительно и убедительно, логично, особенно, если сопровождается сдержанным по форме, но внутренне очень эмоциональным монологом, звучащим как манифест: «Я тоже думал, что знаю правду о Рихарде Зорге и лучше, чем кто бы то ни было. Но сейчас я понял, что ошибался. Свои лучшие годы я проработал в посольстве в Токио. Я близко знал Рихарда Зорге, но даже не подозревал, кем он был в действительности.

Я хорошо знал и Лили Браун. Она была секретаршей посольства с 1935 года. Я думал, она умерла, как и Рихард Зорге. Но вдруг два дня тому назад она пришла ко мне и заявила, что Рихард Зорге не был шпионом. Теперь я уже не верю в достоверность официальной версии. Зорге жив. А почему бы и нет? Такой может победить и судьбу».

Не случайно фильм Ива Чампи произвел такое впечатление на его главного советского зрителя — первого секретаря ЦК КПСС Никиту Сергеевича Хрущева. Но вот о том, каким образом картина попала ему на глаза, до сих пор бытуют самые разные версии, причем, с годами количество их не уменьшается, а растет — желающие легко могут найти их подробное изложение в Интернете. Мы же кратко перескажем основные.

Знаменитый писатель Юлиан Семенов, обладавший исключительно обширными и важными связями в мире советских спецслужб, в книге «Ненаписанные романы» упомянул о некоем закрытом дачном показе у Хрущева, который состоялся осенью 1964 года. Первому секретарю фильм понравился, но он никак не ожидал, что Рихард Зорге — реальное лицо, а не вымысел режиссера. Разволнованный Никита Сергеевич якобы позвонил начальнику ГРУ генералу Ивану Александровичу Серову и первому заместителю председателя КГБ генералу Николаю Степановичу Захарову, затребовав подробностей. Те подтвердили реальность Зорге, после чего немедленно развернулась PR-кампания по увековечиванию памяти и награждению героя. Выглядит гладко, но... генерал Серов в 1964 году уже не был начальником ГРУ. Будучи

разжалован к тому времени за «дело Пеньковского», он оказался снят с работы и занимал малозаметную для Москвы должность где-то на Волге. Никакой справки на Зорге он готовить не мог, а значит, либо история выдумана кем-то, либо Юлиан Семенов напутал с датами или же с фамилиями. Что касается генерала Захарова, то он оставил свои воспоминания, но совсем не о дачном показе, а о том, что еще в 1961 году вместе с тогдашним первым заместителем председателя Совета министров СССР Анастасом Ивановичем Микояном возлагал цветы на могилу Зорге, будучи в командировке в Японии и уловив для этого свободную минутку. Там он, опять же — якобы, даже порекомендовал советскому послу Николаю Трофимовичу Федоренко поставить хороший памятник разведчику. Зная, как сложно строятся визиты столь высокопоставленных лиц, насколько трудно внести какие-то изменения в их расписание, графики, маршруты движения и как чиновники любят постфактум вспоминать о том, как они лучше всех всё знали и кому-то что-то советовали, думается, что и эта генеральская версия не более чем фантазия позднейших времен.

Следующий вариант «дачной версии» стал известен благодаря воспоминаниям корреспондента «Известий» Бориса Чехонина. Он в 1964 году работал в Японии и однажды вечером (то есть глубокой ночью по московскому времени) по телефону получил приказ срочно подготовить материал о Зорге, о котором сам Чехонин в то время ничего не знал. Далее версия о закрытом показе на даче повторяется, но уже без упоминаний о генералах КГБ и ГРУ. И, кстати говоря, возможно, именно Борис Чехонин был тем самым корреспондентом «Известий», который неосмотрительно пообещал Исии Ханако публикацию ее воспоминаний в Советском Союзе*.

Автор бестселлера «Ветка сакуры» Всеволод Овчинников в 1964 году служил в Токио в должности собственного корре-

* Справедливости ради следует заметить, что активный интернет-поиск публикации Исии Ханако на европейских языках ничего не дал. Возможно, другие корреспонденты ей тоже лишь пообещали издание книги, а в беседе с российскими журналистами в 1995 году женщина лукавила.

спондента газеты «Правда». Его «показания» сходятся с рассказом Чехонина с той только разницей, что вместо звонка из Москвы приказ был передан нарочным — срочно прибывшим в Токио летом 1964 года политическим обозревателем Виктором Маевским. В дальнейшем Овчинников и Маевский, параллельно с Чехониным, вместе открывали Зорге советским читателям.

Самый, возможно, полный рассказ-версию тех событий представили писатели Сергей Михайлович Голяков и Михаил Михайлович Ильинский в своей книге «Зорге. Подвиг и трагедия разведчика», которая тоже не раз цитировалась здесь: «Завеса молчания была прорвана лишь осенью 1963 года, когда в Кремле на закрытом просмотре для руководителей партии и правительства был показан фильм французского режиссера Ива Чампи "Кто вы, доктор Зорге?". Присутствовавший на просмотре первый заместитель начальника ГРУ генерал Хаджи Мамсуров рассказывал впоследствии одному из авторов этой книги, что произошло после того, как в кинозале вновь вспыхнул свет: "Никита Хрущев, похоже, был очень взволнован увиденным. Он спросил нас, действительно ли существовал такой человек. И когда мы сказали ему, что Рихард Зорге — реальная личность и что он действительно внес неоценимый вклад в нашу победу над фашистской Германией, Хрущев воскликнул: "Надо поднять этого человека. Народ должен знать своего героя!"»⁷⁰⁰. И Зорге бросились «поднимать».

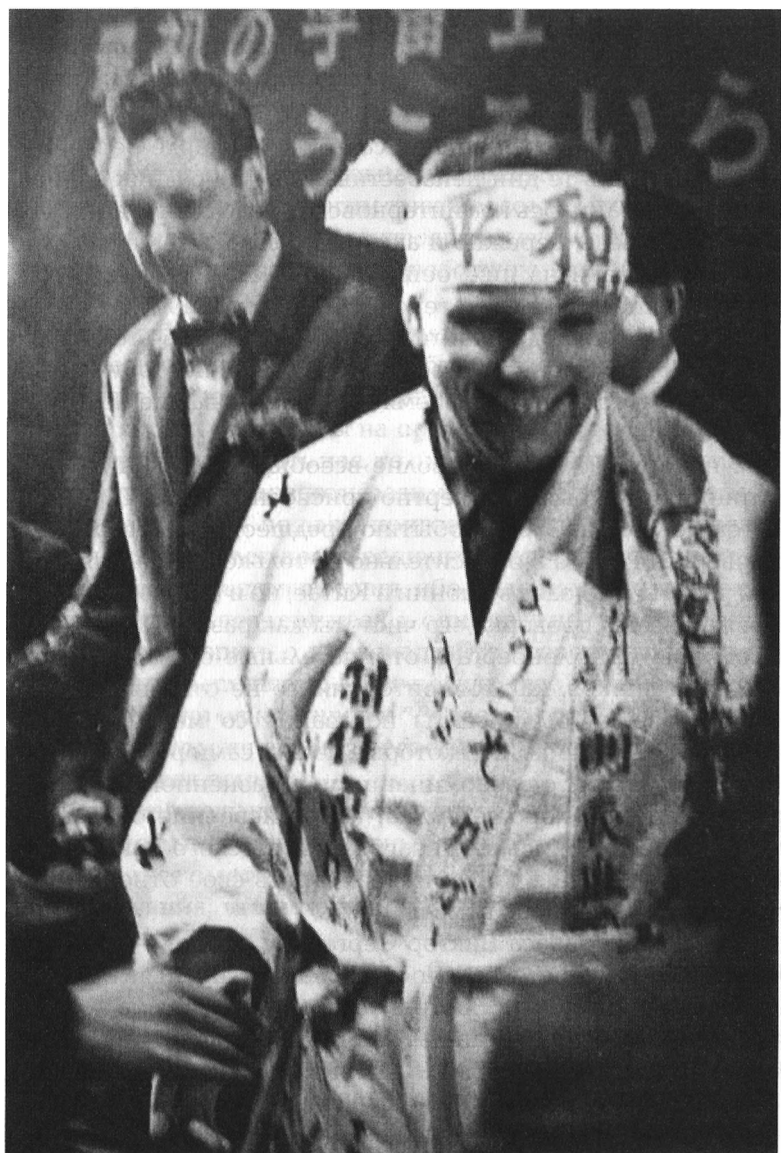
Единственная, пожалуй, апокрифичная версия принадлежит Михаилу Ивановичу Иванову. Здесь уже упоминалось о том, что накануне войны именно через него шел обмен письмами между Зорге и Екатериной Максимовой, а в 1941 году он стал тем самым незадачливым разведчиком, что едва не попался в руки полиции на пороге дома Клаузенев. В послевоенные годы он, уже опытный офицер ГРУ, служил под «крышей» советника советского посольства в Токио. Именно в таком качестве в конце мая 1962 года Иванов встречал прилетевшего в Японию первого космонавта планеты Юрия Гагарина и его жену. Михаил Иванович вспоминал, что рассказал Юрию Алексеевичу о Зорге (в Токио Гагарин остановился в отеле «Империял», который молва настойчиво связывала с именем советского резидента — может быть, на-

веяло?). Вспоминал в разных вариантах, в деталях, довольно сильно различающихся между собой, но сохраняющих общую канву. Вот один из его рассказов: «Поскольку в "Неделю Гагарина" я вложил в качестве советника посольства свой скромный вклад, наши дипломаты попросили меня к вечеру заглянуть в Тейкоку-хотеру ("Империял отель"), ставший резиденцией Ю. А. Гагарина на эти дни. На столе, естественно, стояла бутылка только что открытого армянского коньяка. Но разговор пошел о другом. Гагарину рассказали, что руководитель встречи с японской стороны — один из лидеров Соцпартии, Сюничи Мацумото, не раз спрашивал, почему в Советском Союзе совершенно забыто имя знаменитого советского разведчика Рихарда Зорге, подвергнувшегося в годы войны казни в тюрьме Сугамо.

Я не преминул воспользоваться случаем и самым подробным образом, в самых ярких красках рассказал о подвиге разведчика и его огромном вкладе в нашу победу над фашизмом. Юрий Алексеевич был захвачен этим рассказом. Вскочив и повернувшись к дипломатам, он горячо произнес: "Это замечательно! Надо немедленно действовать. Пожалуйста, закажите на мои 50 долларов венок с надписью: 'Первому разведчику Рихарду Зорге — от космонавта Ю. А. Гагарина!' " При этом космонавт добавил: "Я хочу лично возложить венок до отъезда из Токио". Такая поспешность, как нам показалось, была тогда неуместной, и нам едва удалось уговорить не делать этого сейчас, в первый приезд в Японию.

Тогда Гагарин иронично, как он один только умел делать, выпалил: "Все вы — трусы. И ваш посол Федоренко — тоже трус! Вот вернусь я в Москву и доложу Никите Сергеевичу, каких дипломатов-трусов он держит в Токио..." На этом первый разговор с Гагариным о разведчике Зорге был окончен»⁷⁰¹.

Рассказал ли Гагарин Хрущеву о Зорге? Кто знает... Сейчас это не так уж важно. Скорее всего — нет, если принимать на веру хоть один из вариантов «дачной версии». Мы можем лишь констатировать, что летом и осенью 1964 года, как раз во время «брежневского заговора» против Хрущева и его отставки, развернулась кампания по «поднятию» забытого героя. 4 сентября главная газета страны — «Правда» опубликовала большой материал о подвиге «Рамзая», впервые запустив «утку» о том, что он сообщил точную дату нападения

Юрий Гагарин в Японии.

За ним — бывший связной Зорге Михаил Иванов. Май 1962 г.

Германии на СССР. До сих пор эту информацию нет-нет да и перепечатает какое-нибудь издание. За «Правдой» о разведчике рассказали «Известия», за ними «Комсомольская правда» и скоро не осталось, наверное, в Советской стране ни одной газеты, которая не написала бы о Рихарде Зорге. Видимо, как раз в те дни неизвестный нам сотрудник архива, в котором хранилось коминтерновское дело Зорге, понимая, о ком идет речь, бережно и аккуратно складывал в это дело газеты, вырезки из них, оставляя потомкам память о том, как и что писали о нашем герое. Они и сегодня лежат в этом деле, как лежат подборки газет и журналов 1964 года в его деле в Государственном музее политической истории России в Санкт-Петербурге, в то время гордо именовавшемся Музеем Октябрьской революции.

5 ноября 1964 года на волне всеобщего обожания и почитания Зорге было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Этому событию предшествовала серьезная проверка ГРУ и КГБ относительно не только раскрытия деталей работы «Рамзая» в Японии и Китае, но и (возможно даже, прежде всего) проверка его чистоты как разведчика — ведь «мемуары» Шелленберга и отрицательные отзывы о Зорге его начальников, как говорится, никто не отменял. В ходе этой проверки были сняты показания со многих людей, знавших разведчика, а некоторые из них сами рассказывали и писали письма с воспоминаниями о казненном герое. По этим мемуарам хорошо видно, как присвоение опальному когда-то резиденту высшей награды Советского Союза часто заставляло людей в корне пересмотреть свое отношение к человеку. Впрочем, не нам их судить.

Полковник запаса Виктор Сергеевич Зайцев — бывший «Сергей», чью фотографию следователи предъявляли для опознания Клаузену и Зорге и который выезжал на конспиративные встречи с ними на машине военного атташата, написал пространное письмо на имя заместителя начальника ГРУ генерал-полковника Мамсурова. В нем он поднял еще один вопрос, о котором нередко сейчас говорят, вспоминая о судьбе Рихарда Зорге. «Знакомясь с делами [японского] отделения, ярко бросалась в глаза резидентура "Рамзая", в делах которой находилось много интересного информационного материала с оценкой "весьма ценный", "очень ценный", —

писал Зайцев о своем ознакомлении с делами резидентуры в 1939 году. — Второе, что привлекло мое внимание, это *быстрые, точные и тактичные ответы на запросы Центра, несмотря на то, что последние не всегда были тактичными, если не сказать большего...*

Если бы верили информации "Рамзая", то Родина могла бы сохранить жизни многим тысячам солдат и офицеров...

Жаль, конечно, что люди, стоящие у руководства ГРУ, отнеслись бесчеловечно к такому работнику, как "Рамзай", бросив его, когда он попал в беду.

Не надо быть каким-то гением или оракулом, а достаточно было бы проанализировать ту обстановку в Японии, и стало бы ясным, что последняя была тогда довольно деликатной, и вряд ли японцы пошли бы на провокацию. Если бы они старались спровоцировать нас, то они, естественно, подняли бы шумиху в связи с арестом резидентуры "Рамзая", а они не только не шумели, но даже приговор привели в исполнение через несколько лет после решения суда. Второй пример — они могли бы арестовать меня, ибо было известно, что связь с резидентурой поддерживал я, они этого не сделали.

Так что говорить о провокации со стороны японцев, по меньшей мере, глупость. А вот *предвзятое отношение руководства ГРУ по отношению к "Рамзаю", видимо, и привело к тому, что надлежащих мер к его спасению не было принято и такой Человек погиб.*

Я еще раз хочу сказать, что "Рамзай" был честным, правдивым, смелым и инициативным разведчиком, какие встречаются в десятилетия один раз. По-моему, можно сказать без преувеличения, что история разведок не знала такого резидента, каким был "Рамзай".

За гибель такого Человека, безусловно, кто-то должен ответить»⁷⁰².

Говоря о том, что руководство военной разведки «бросило» Зорге, когда он попал в беду, Зайцев имел в виду отказ Москвы от мысли обменять захваченного разведчика вне зависимости от того, исходила такая инициатива от японской стороны или нет. Другой бывший связной — Михаил Иванов вообще был уверен, что Зорге можно было спасти: «Меня часто спрашивают, можно ли было спасти Зорге. Мое мнение — да. Ведь вызволили же, правда, после смерти Ста-

лина, советских разведчиков Джорджа Блейка, приговоренного британским судом к сорока двум годам тюремного заключения, и Хайнца Вольфе, получившего 12-летний срок в ФРГ, или Рудольфа Абеля, отбывающего пожизненное заключение в США. Думаю, мы имели такую возможность в отношении Рихарда Зорге даже в день, предшествовавший казни...»⁷⁰³ И знаменитый экс-генерал Судоплатов вроде бы вторит: «Зорге безусловно Герой Советского Союза, мужественный человек, заслуживший награду. Он погиб, поскольку мы не поставили вопрос о его выдаче или обмене. Такая практика вообще была. И, как правило, мы выручали своих людей...» Но тот же Судоплатов сразу же и дает ответ на вопрос, почему этого не произошло: «*ЗОРГЕ нарушил правила*, он начал давать показания, рассказывать о своей работе на СССР»⁷⁰⁴ — и это всё, конец, и никакие другие комментарии или объяснения тут не нужны. Рихард Зорге был профессиональным разведчиком. И дело даже не в том, что еще с коминтерновских времен он не раз давал подписку об обязательстве молчать в случае ареста. Он прекрасно понимал, что говорить нельзя. Зорге был активным участником «дела Нуленсов» в Шанхае и видел, как их спасала Москва — спасала изо всех сил, делая глупости и совершая преступления. Да, возможно, он надеялся, что Сталин поступит так же и в его случае, но «Рамзай», так любивший нарушать общие правила и устанавливать свои, должен был понимать, что играть в кошки-мышки с виселицей слишком опасно и неразумно. Часто рассуждают о том, выдвигал ли Токио предложение обменять Зорге или нет. Документов, подтверждающих такую гипотезу — именно документов, а не рассказов о них, — не обнаружено, но думается, это и неважно. Зорге рискнул и проиграл.

Судя по всему, к расследованию 1964 года был подключен и чудом переживший репрессии бывший сотрудник японского отделения Разведупра Михаил Сироткин. В 1955 году он вернулся из лагеря, где отбывал срок как «японский шпион», помимо всего прочего, «сдавший» Зорге, был реабилитирован и вскоре вернулся к работе в военной разведке. Во всяком случае, в 1958—1960 годах он провел собственное исследование с привлечением закрытых архивных материалов, которое назвал «Опыт организации и деятельности резиден-

туры "Рамзая"»⁷⁰⁵. При чтении этой работы кажется невероятным, что ее автор в конце 1930-х годов был ревностным гонителем Зорге, казалось, готов был пристрелить «двурушника» лично. Спустя два десятилетия, большую часть которых Сироткин провел в заключении, срок которого получил по таким же голословным обвинениям, какие сам выдвигал в адрес «Рамзая», его позиция изменилась строго в противоположном направлении, но осталась столь же твердой и неприступной. Сироткин вновь возвращается к обсуждению тех же самых проблем, которые поднимал перед руководством перед войной, ставя вопрос о доверии Зорге: «шанхайская угроза», сотрудничество с нацистами, разнузданное поведение (вспомним, что именно Сироткину принадлежит одна из двух уничижительных характеристик Зорге именно в этом смысле), своеобразие «Рамзая» как резидента и нежелание выполнять глупые приказы Центра, своеобразное руководство резидентурой. Вот только теперь каждый из этих пунктов, по которым Сироткин ранее обвинял Рихарда Зорге, прочитывается им совершенно иначе:

«— ...в 1940 году гестапо не располагало какими-либо конкретными материалами, компрометирующими Зорге, вскрывающими его связь с советской военной разведкой и прежнюю работу в Коминтерне... Вероятнее всего, "Рамзай" не обходил вопрос о своей шанхайской деятельности ни при вступлении в партию, ни в беседах с "друзьями". Он мог рассказывать о своей журналистской работе и прежних связях в Шанхае, но во-первых — изображать все свои леворадикальные связи как своего рода вынужденный прием журналиста, ищущего доступа к интересующим его объектам освещения, во-вторых — прямо заявить об изменении своих прежних "ошибочных" политических взглядов и суждений и утверждении в фашистском мировоззрении. Это тоже не выглядело бы особо натянуто и невероятно, если учесть, что в этот период волна фашистской демагогии захлестнула широкие массы населения Германии, и в фашистскую партию, наряду с мелкой и средней буржуазией и интеллигенцией, нередко вступали даже довольно значительные группы одураченных рабочих;

— Шелленберг не упоминает ни одного случая, когда Зорге прислал бы какую-либо информацию по Советскому Со-

юзу. Предъявленное "Рамзаю" требование: "включать в его доклады секретные сведения о Советском Союзе" — носило по существу формальный характер и выглядело довольно странно. "Рамзай" в течение семи лет работал в Японии, имел связи в японских правительственных кругах, и было, по меньшей мере, нелогично ожидать от него секретных информации по Советскому Союзу;

— Образ жизни "Рамзая", вся система его взаимоотношений со знакомыми, коллегами, друзьями, несдержанность, высокомерие и т. п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей "высшей расы", для которых не существует обветшалых границ морали и нравственности. В этом смысле "Рамзай" добился большой удачи, надежно обеспечив себе соответствующую репутацию, вводившую в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку;

— Особенностью деятельности "Рамзая" как резидента являлось то, что он не только объединял и направлял работу своей агентуры, но и лично сам вел непосредственную активную разведку по Германии, используя приобретенное им положение доверенного лица германского посольства...

— Характеризуя в целом разведывательную деятельность "Рамзая" в германском посольстве, следует признать, что эта деятельность была весьма эффективна и являлась большой разведывательной удачей "Рамзая". В течение ряда лет Центр получал подробную и достоверную информацию о развитии германо-японских отношений, о скрытых трениях и противоречиях между правительствами Германии и Японии, о планах и конкретных мероприятиях германского правительства по подготовке войны против СССР».

И в завершение: «Заслуга "Рамзая" в том, что он в трудных условиях, в малоизученной агентурной обстановке в Японии, нашел пути создания агентурной разведывательной организации и на протяжении долгих 8-ми лет вел эффективную разведывательную деятельность, умело прикрываясь маской классово-чуждого ему германского фашиста».

Конечно, жаль, что Рихард Зорге не дожид до этой оценки. Жаль, что он не видит воздвигнутых ему памятников и монументов, названных в его честь кораблей и улиц, не видит, как мы сегодня вспоминаем его. Но есть, как мне кажется, и

еще один повод для нашего сожаления, когда мы говорим о памяти Зорге сегодня: мне жаль, что мы не можем вспомнить Зорге в музее — в его музее.

Еще в 1989 году советский корреспондент агентства печати «Новости» в ГДР Михаил Кубеев опубликовал в газете «Советская Россия» большую статью под названием «Ваша биография продолжается, доктор Зорге». Основную часть материала составили интервью с немцами: Рут Вернер — соратницей Зорге и Юлиусом Мадером — автором одной из лучших книг о нем.

«В беседе с Рут Вернер и Юлиусом Мадером я задавал еще один вопрос, — писал Кубеев, — на который все они единодушно ответили утвердительно. Речь идет о создании, например, в Москве общественного музея группы Рамзая. Именно в таком музее можно было бы представить и обширную библиотеку о Зорге, фотографии, подготовить и выставить макеты зданий в Китае и Японии, где он жил и работал. Уверен, для такого музея нашлись бы и другие экспонаты. Вспомним хотя бы Исии Ханako, которая владеет очень ценным архивом и имеет к тому же еще ряд настоящих реликвий группы Рамзая».

Увы — канули десятилетия, а в этом деле если что-то изменилось, то не в лучшую сторону. Единственный на сегодня музей Зорге находится в московской школе № 141, носящей его имя и расположенной на улице Зорге близ станции МЦК «Зорге». Сочетание эффектное, но сам музей, хотя и сделанный с любовью, насыщенный экспонатами, все же именно школьный, а не профессиональный. Музей создавался и поддерживается на плаву энтузиастами, а не тем государством, которое отправило Зорге на смертельно опасную работу и ради которого он погиб. Этот музей как будто напоминает нам о том, что лучшее из того, что делается, совершается по велению души, а не по приказу сверху. Но реалии сегодняшних дней таковы, что даже этот, крайне скромный уголок памяти Зорге мы не можем посетить просто так — это школа, и музей доступен не для всех. Когда-то его гостями были супруги Клаузен, Михаил Сироткин, Рут Вернер и Юлиус Мадер. Но они ушли, ушли навсегда. Завершила свой земной путь Исии Ханako. В 2015 году умер последний свидетель тех событий, знавший «Рамзая» лично, — отставной генерал ГРУ

Михаил Иванович Иванов. Всё, что удалось собрать этим людям в память о Зорге, бесследно исчезло. На наших глазах стирается исторический, прежде всего, материальный фон, разрушается то, что окружало этих людей и что еще недавно можно было спасти. Полтора часа поисков в компании местных таксистов дома, где родился Зорге в бакинском пригороде Сабунчи, где когда-то был свой музей Зорге, не дали мне ничего, кроме осознания того, что здесь это точно никому не нужно. На вопрос, кто такой Рихард Зорге, местные жители смогли дать лишь одно объяснение: «Это тот, кому в Баку рядом с русским посольством памятник стоит — “Глаза” называется».

В том же 2015 году в один из букинистических магазинов Токио поступило на продажу уже известное нам письмо министра иностранных дел нацистской Германии Иохима фон Риббентропа. Подписанное министром поздравление выдающегося советского разведчика с 43-летием было мигом перепродано неизвестному брокеру-букинисту: редчайший артефакт таким образом ускользнул из рук биографов Зорге буквально с джеймс-бондовской ловкостью. Есть надежда, что письмо в итоге все же будет куплено заинтересованным коллекционером, у которого оно, по крайней мере, хорошо сохранится. Увидим ли мы его — вряд ли. Жаль. О героях надо помнить, а в том, что Зорге герой, у меня лично сомнений не осталось.

Рихард Зорге не только Герой Советского Союза, хотя и это звание он заслужил полностью. Судьба Зорге — пример почти античной трагедии, когда герой совершает подвиг, но судьба его однозначна и предсказуема: мир устроен так, что ему суждено погибнуть. Настоящий герой знает об этом, чувствует это, но не может действовать иначе, потому что убежден, что прав. Система же убивает героя с точно такой же неумолимостью, потому что его деятельность противоречит законам, по которым она — эта система — устроена. Рихард Зорге всегда был неудобен для системы и для самого себя, но не мог иначе, и везде, где бы он ни оказывался, его начальники получали массу проблем и всеми силами старались избавиться от беспокойного сотрудника. Любому начальству для любой работы удобнее добросовестные исполнители, а не яркие индивидуальности. Исполнители предсказуемы в своих действиях, ими проще управлять, они — серые, без уничижительного смысла этого слова, не плохие и не хорошие. Они удобные — такие, какими им прикажут быть. Беспокойный Зорге всегда оставался самим собой, ибо таков был тип его личности, таков тип любого настоящего героя. Такие, как он, могут быть разными, их деятельность совершенно не обязательно может быть правильна и полезна для общего дела, если под общим делом иметь в виду функционирование Системы. Зорге, может быть, и хотел, но не мог быть системным работником. Он был умным, ярким, талантливым. Был одиночкой, общаясь с которым начальство все время рисковало узнать, в чем оно неправо и где оно допустило ошибки, а избавиться от героя, указывающего на них, нередко бывает проще, чем эти ошибки исправить.

Глубина трагизма судьбы Зорге заключалась еще и в том, что он-то был идеалистом, все время и везде «хотел как лучше». Он как будто старался оправдать свою фамилию, одновременно заботясь о пользе дела и становясь «головной болью» начальства, которое боялось ему довериться, чувствуя в его индивидуальности неуправляемость, угрозу для себя, для своего понимания дела, не хотело брать на себя ответственность за его нестандартное видение ситуации, необычное

поведение, неуживчивый характер. В силу выдающихся аналитических способностей, Зорге нередко оценивал совершаемые действия и их последствия гораздо глубже и шире, чем его руководство, но это не было нужно, пока не наступал кризис. Он был яркой индивидуальностью и осознанным индивидуалистом. Коллеги Зорге оказались «подхвачены ветром революции» в гораздо большей степени, чем он — человек, который все-таки сознательно выбирал свою судьбу. Ведь выбор — это еще и умение отказаться, когда очень хочется согласиться, а его коллеги и начальники слишком часто не могли отказаться от тех постов, на которые их ставили, потому что «партия сказала "надо"».

Как в античной трагедии сталкивается воля Героя и Судьба, так в биографии Зорге столкнулись талант суперразведчика — не только добытчика сведений, но и аналитика, способного собирать вокруг себя «агентов влияния» и навязывать противнику свою волю, — и воля начальников, слишком многие из которых могли только засыпать его заданиями разной степени разумности. Зорге ошибался, но шел верной дорогой. Ему необходимо было помогать, нередко даже учить каким-то техническим навыкам, но им не следовало управлять как механизмом — он и без этого видел, что и где он может добыть. Древнему китайскому мудрецу Сунь-Цзы, автору знаменитого трактата «Искусство войны» приписывается выражение: «Только совершенномудрый может быть повелителем шпионов». Что ж, поистине, нужно было быть совершенномудрым, чтобы поверить человеку, который постоянно общается с нацистами и дружит с некоторыми из них, про которого «поступают сведения», что он много пьет, много времени проводит в ресторанах и с женщинами, резко высказывается о политике партии и правительства, который везде, где находится, сразу же обзаводится «порочающими его связями». Такие — совершенномудрые — люди иногда встречались и на его пути, и это уже большая удача для героя. Но герой всегда обречен. Всегда и везде.

6 сентября 1998 года японская национальная газета «Асахи» назвала Рихарда Зорге в числе 100 выдающихся людей XX века, несмотря на то, что этот человек нарушил японские законы и был казнен как преступник — казнен первым из иностранцев за всю историю современной Японии. И все же

такое признание не случайно, ибо и в Японии ценятся настоящие герои. Более того, в японской традиции, почитающей систему, выросший из системы и систему собой представляющий тип такого человека, каким был Рихард Зорге, пользуется особым уважением. Это тип героя-идеалиста, искреннего и прямодушного человека, всегда выбирающего идею вместо, а не вместе с успехом. Японский герой обязательно и непременно должен появиться в критический, с точки зрения истории, момент, чтобы отважно сражаться за правое дело с превосходящим противником, честно проиграть и доблестно умереть. Храбрость и выдающиеся способности выталкивают его наверх, что противоречит правилам системы, и система опять же безжалостно убивает его, но настоящий герой, настоящий человек чести должен смело идти навстречу смерти ради своего идеала, прекрасно осознавая, что его борьба и идеалы во многом имеют смысл только для него одного, и именно поэтому Рихард Зорге еще и идеальный японский герой. Не случайно только в этой стране существуют общества по изучению биографии и наследия Зорге, проводятся конференции, посвященные этой теме, издаются книги, бюллетени, ежегодники.

Впрочем... Слишком много слов. Когда-то одна очень умная журналистка спросила меня: если бы Рихард Зорге сейчас вдруг оказался жив и я мог бы с ним встретиться, о чем я хотел бы его спросить? Ответ пришел сам собой: ни о чем. Совсем. Я бы просто хотел выпить с ним пива. Молча. Сегодня я добавил бы к этому только одно: нам нужен музей Рихарда Зорге — музей героя и замечательного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пер. с японского В. Н. Марковой.

² *Магер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 8, 21.

³ Там же. С. 19—20.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ *Гумбатова Т. Ф.* Неизвестные страницы бакинской жизни семьи Зорге. — <https://www.proza.ru/2012/04/11/1798>. Дата обращения 20.11.2017.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 52.

⁷ Тюремные записки Рихарда Зорге // Знаменитые шпионы XX века. М., 2001 (Военные тайны XX века). С. 575, 583, 585.

⁸ *Дикин Ф., Стори Г.* Дело Рихарда Зорге. М., 1996 (Секретные миссии). С. 25.

⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 575.

¹⁰ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 9.

¹¹ *Гумбатова Т. Ф.* Указ. соч.

¹² *Горький М.* По Союзу Советов // Наши достижения. 1929. № 1. С. 13.

¹³ Есть и совсем уж необычная версия возникновения имени «Ика». Ее приводит Элизабет Порецки: «Рихард Зорге представлялся друзьям Икой — по начальным буквам Коммунистического интернационала молодежи (он был его немецким делегатом)». Но это, скорее всего, либо шутка самого Ики, либо выдумка Порецки. См.: *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. М., 1996. С. 198.

¹⁴ Не все понятно и с известным фото семьи Зорге, подлинник которого был предоставлен когда-то одной из родственниц его матери журналистам, после чего бесследно исчез. Считается, что на нем изображен годовалый Рихард, но, по мнению Т. Ф. Гумбатовой, снимок сделан раньше, и «главный герой на нем» — его старший брат Георгий. См.: *Гумбатова Т. Ф.* Указ. соч.

¹⁵ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 575.

¹⁶ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 9—11. По некоторым свидетельствам, офис Зорге находился в соседнем доме: номер 33.

¹⁷ *Гумбатова Т. Ф.* Указ. соч.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 23.

¹⁹ *Гумбатова Т. Ф.* Указ. соч.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 19.

²¹ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 14.

²² Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 576.

²³ Там же. С. 576—577.

²⁴ Там же. С. 577.

²⁵ Boveri M. Der Verrat im XX. Jahrhundert. Цит. по: Magep Ю. Указ. соч. С. 17.

²⁶ Sorge Ch. Mein Mann — Dr. Richard Sorge // Die Weltwoche. Zürich, 1964. 11. Dezember. Цит по: Magep Ю. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Harich-Schneider E. Charaktere und Katastrophen. Berlin; Frankfurt; Vienna, 1978. S. 222. Цит по: Magep Ю. Указ. соч. С. 17.

²⁸ Magep Ю. Указ. соч. С. 17.

²⁹ Журнал «Шпигель», опубликовавший в 1951 году цикл статей о Рихарде Зорге, основным автором которых был главный редактор журнала Рудольф Аугштайн и которые стали первоисточником для десятков, если не сотен, последующих публикаций, приводит другие данные: «Уволившись из армии, Рихард отправился к матери, которая в 1917 году из Ланквица переехала по адресу Рейхсканцлерплац, 5». См.: Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. № 24. 13. Juni. S. 31. (Здесь и далее, если не указано иначе, цитаты из этого цикла статей приводятся в переводе М. Н. Бересневой.)

³⁰ В т. ч.: Magep Ю. Указ. соч. С. 15—16.

³¹ Wohlgemuth H. Burkrieg, nicht Burgfriede. Berlin, 1963. S. 295. Цит. по: Magep Ю. Указ. соч. С. 17.

³² Цит. по: Magep Ю. Указ. соч. С. 24. Здесь и далее воспоминания Кристины Зорге приводятся по указанному изданию, если иное не оговорено особо.

³³ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 31.

³⁴ Magep Ю. Указ. соч. С. 25.

³⁵ Там же. С. 25—27. Примерно то же сообщает и «Шпигель»: «Die Reichstarife des Zentralverbandes deutscher Konsumvereine», 218 машинописных страниц (Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 32).

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 20.

³⁷ Magep Ю. Указ. соч. С. 25.

³⁸ Там же. С. 29.

³⁹ Там же. С. 29—30.

⁴⁰ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

⁴¹ В частности, об этом сообщали Михаил Сергеевич и Мария Васильевна Колесниковы, не приводя, однако, никаких ссылок на первоисточники. В личном деле Зорге в архиве Коминтерна таких данных нет, хотя, вероятно, именно там они должны были бы сохраниться, как сохранились его партийные псевдонимы более позднего периода. См.: Колесников М. С., Колесникова М. В. Рихард Зорге. М., 1971 (ЖЗЛ). С. 45.

⁴² *Mager Ю.* Указ. соч. С. 31—32.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Колесниковы указывают, что Зорге задерживался полицией еще и в Золингене. См.: *Колесников М. С., Колесникова М. В.* Указ. соч. С. 45.

⁴⁶ Там же. С. 34.

⁴⁷ Юлиус Мадер приводит, например, фрагмент, в котором, по его мнению, ясно чувствуется рука Зорге: «Ясно видна почва, на которой взошли ростки социальной политики Толстого. Русское крепостное право после 130-летнего господства уже вступило в последнюю треть своего существования, когда рос и мужал Лев Николаевич Толстой, потомок союза двух помещичьих семей — графской и княжеской, рос в условиях экономической формации, в которой одним принадлежали все права, а другие не имели абсолютно никаких. Моральное и социальное значение этого состояния заключалось в том, что крестьянин действительно принадлежал душой и телом своему господину, который мог его продать, подарить, избивать и эксплуатировать как только пожелает». См.: *Mager Ю.* Указ. соч. С. 34.

⁴⁸ https://de.wikipedia.org/wiki/Kurt_Albert_Gerlach. Дата обращения 12.12.2016.

⁴⁹ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. М., 2000. С. 12.

⁵⁰ Там же. Стоит заметить, что Фукумото, несмотря на разгром его учения (а, скорее всего, именно благодаря этому), благополучно пережил все трудности довоенного периода, войну и умер в 1983 году в возрасте девяноста девяти лет.

⁵¹ Точнее — «Накопление капитала...» См.: *Sorge R. I. Rosa Luxemburg's Akkumulation des Kapitals.* Solingen, 1922.

⁵² *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 14—20.

⁵³ Там же. С. 17.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ https://en.wikipedia.org/wiki/Karl_Rathgen. Дата обращения 12.10.2017.

⁵⁶ Об этом свидетельствует приглашение на «Марксистскую рабочую неделю», отправленное из Франкфурта Рихардом Зорге в адрес Гертруды Александер 9 мая 1923 года, которое также содержало программу будущей встречи: «I. О способах истолкования проблем современного кризиса (вступительное слово — Людвиг); II. К вопросам метода (Лукач и Корш); III. Организационные проблемы марксистского исследования (Фогараши)». Цит. по: *Дмитри-*

ев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. СПб.; М., 2004. С. 225.

⁵⁷ Всемирная история. Т. 21: Мир в период создания СССР. Минск; М., 2000. С. 332.

⁵⁸ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

⁵⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 584.

⁶⁰ Magep Ю. Указ. соч. С. 36.

⁶¹ Давидович Д. С. Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы. М., 1969. С. 150.

⁶² Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 34.

⁶³ Magep. Ю. Указ. соч. С. 38.

⁶⁴ Там же. С. 39.

⁶⁵ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

⁶⁶ Magep Ю. Указ. соч. С. 32.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 9. Л. 86.

⁶⁸ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 33.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 40. Цит. по: Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Сост. А. Г. Фесюн. СПб.; М., 2000. С. 26—27.

⁷⁰ Там же. Л. 44.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 41.

⁷² Там же. Л. 23, 25.

⁷³ Их приводят, в частности, М. С. и М. В. Колесниковы, ссылаясь на воспоминания соседки Зорге Хете Линке. Согласно им, и работал Ика в другом месте — в Институте марксизма-ленинизма в Малом Знаменском переулке, 5, по соседству с Разведывательным управлением штаба Красной армии. На самом же деле там числилась его супруга Кристина. См.: Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 50.

⁷⁴ Кривицкий В. На службе в сталинской разведке: Тайны русских спецслужб от бывшего шефа советской разведки в Западной Европе. М., 2017. С. 90—91.

⁷⁵ Там же. С. 71.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 114. Л. 193.

⁷⁷ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 23.

⁷⁸ В 1926—1929 годах за подписями «Зорге» и «Зонтер» вышли восемь рецензий и 12 статей (четыре последних были посвящены

проблемам рабочего движения в Скандинавии). См.: Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 42—43.

⁷⁹ Там же. С. 24.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5152. Л. 53.

⁸¹ Там же. Л. 4.

⁸² Там же.

⁸³ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 24—25.

⁸⁴ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 41—43.

⁸⁵ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 34.

⁸⁶ Там же. С. 43—44.

⁸⁷ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930—1933 годы. М., 2010. С. 87—88.

⁸⁸ Цит. по.: *Магер Ю.* Указ. соч. С. 45.

⁸⁹ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 34.

⁹⁰ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 34.

⁹¹ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 90.

⁹² *Кривицкий В.* Указ. соч. С. 73—74.

⁹³ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 35.

⁹⁴ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 27.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 206. Л. 74.

⁹⁶ Там же. Л. 25.

⁹⁷ Там же. Л. 75.

⁹⁸ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 100—101, 104—105.

⁹⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 468.

¹⁰⁰ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 36, 40.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 211. Л. 6.

¹⁰² Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 30—31.

¹⁰³ Там же. С. 32.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 211. Л. 3.

¹⁰⁵ Там же. Л. 4.

¹⁰⁶ Там же. Оп. 7. Д. 8. Л. 1.

¹⁰⁷ Там же. Д. 9. Л. 165.

¹⁰⁸ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 35.

¹⁰⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 468—469.

¹¹⁰ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 42.

¹¹¹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 469.

¹¹² Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 36.

¹¹³ Здесь и далее книга Рихарда Зорге «Новый германский империализм» цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 41—53.

¹¹⁴ *Чунихин В. М.* Рихард Зорге: заметки на полях легенды // Интернет-журнал «Самиздат». — http://samlib.ru/c/chunihin_w_m/zorge_09.shtml. Дата обращения 06.02.2017.

¹¹⁵ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 128, 133—134.

¹¹⁶ Цит. по: Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 44—45.

¹¹⁷ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 470.

¹¹⁸ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 135—136.

¹¹⁹ *Mager Ю.* Указ. соч. С. 58—59.

¹²⁰ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 168.

¹²¹ *Mager Ю.* Указ. соч. С. 59.

¹²² Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 34.

¹²³ *Mager Ю.* Указ. соч. С. 60.

¹²⁴ Научные фонды Государственного музея политической истории России (ГМ ПИР). Ф. VI ВС-5485.

¹²⁵ *Шлейкин Ю. В.* Петрозаводская любовь Рихарда Зорге // Интернет-журнал «Республика». — <http://old.rk.karelia.ru/blog/petrozavodskaya-lyubov-riharda-zorge>. Дата обращения 07.02.2017.

¹²⁶ По сообщению Юрия Шлейкина, «дочь Юрьина Наташа стала журналистом, работала в Казахстане. Она очень тепло отзывалась о Екатерине Максимовой, говорила, что она подарила ей много счастливых минут в детстве, помогала ее отцу. Сильная, волевая, самоотверженная, благородная, глубокая женщина — так Наташа характеризовала Катю». См.: Там же.

¹²⁷ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 22.

¹³⁰ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.

¹³¹ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni. S. 34. Пер. М. Н. Бересневой.

¹³² *Massing H.* Ich war Stalins Spionin in den USA // Die Zeit. 1950. 1. Juni. Пер. М. Н. Бересневой.

¹³³ *Порецки Э.* Указ. соч. С. 91.

- ¹³⁴ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 491—492.
- ¹³⁵ Цит. по: *Mager Ю.* Указ. соч. С. 63—65.
- ¹³⁶ *Улановская Н. М., Улановская М. А.* История одной семьи. СПб., 2003. — <http://www.jewniverse.ru/biher/Ulanovskaya/america.htm>. Дата обращения: 10.02.2017.
- ¹³⁷ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 164—165.
- ¹³⁸ Там же. С. 175—177.
- ¹³⁹ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁴⁰ *Mager Ю.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁴¹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 496—497.
- ¹⁴² *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 183—184.
- ¹⁴³ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 502—503.
- ¹⁴⁴ *Mager Ю.* Указ. соч. С. 66—67.
- ¹⁴⁵ Биография Агнес Смедли восстановлена по: *Mager Ю.* Указ. соч. С. 68—74; *Feuchtnner V.* Agnes Smedley between Berlin, Bombay and Beijing: Sexology, Communism and National Independence (video). Hannover, New Hampshire, USA: Dartmouth College. Event occurs at 28:07. Retrieved 26 June 2016; *Garver J. W.* Review of «Cracking the Monolith: U. S. Policy Against the Sino-Soviet Alliance, 1949—1955» // *The Journal of Asian Studies*. 1988. November. Vol. 47. Issue 4.
- ¹⁴⁶ *Вернер Р.* Соня рапортует: Подвиг разведчицы. М., 1980. — URL: <https://litlife.club/br/?b=242082&p=9>. Дата обращения 13.02.2017.
- ¹⁴⁷ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 284.
- ¹⁴⁸ *Улановская Н. М., Улановская М. А.* Указ. соч. С. 54—55.
- ¹⁴⁹ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 203—204.
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Mager Ю.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁵¹ *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 187—188.
- ¹⁵² *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 206—214.
- ¹⁵³ Там же. С. 227.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 231—232.
- ¹⁵⁵ У Михаила Алексеева неверно: «Рутеваллон».
- ¹⁵⁶ *Алексеев М.* «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 250—251.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 237.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 243—244.

¹⁵⁹ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 26. 27. Juni. S. 26—28.

¹⁶⁰ Юрий Корольков в своих работах называет его «однополчанином» Зорге, но не объясняет, на основании чего он сделал такой вывод, хотя его книги выдают знакомство с воспоминаниями Мёлленхофа, опубликованными в «Шпигеле». См., например: Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн (Рихард Зорге). М., 1966. С. 45.

¹⁶¹ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 240.

¹⁶² Там же. С. 253.

¹⁶³ Там же. С. 240—241.

¹⁶⁴ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 496—497.

¹⁶⁵ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 26. 27. Juni. S. 26—27. Пер. М. Н. Бересневой.

¹⁶⁶ Вернер Р. Указ. соч.

¹⁶⁷ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 289—290.

¹⁶⁸ Там же. С. 294—295.

¹⁶⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 494—495.

¹⁷⁰ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 303—304.

¹⁷¹ Там же. С. 349.

¹⁷² Там же. С. 351—352.

¹⁷³ Там же. С. 353.

¹⁷⁴ Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2012 (ЖЗЛ). С. 351—353.

¹⁷⁵ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 85—86.

¹⁷⁶ Мадер Ю. Указ. соч. С. 105.

¹⁷⁷ Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки: 1918—1945 годы. М., 2012. С. 669.

¹⁷⁸ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 261.

¹⁷⁹ Там же. С. 362.

¹⁸⁰ Там же. С. 370—374.

¹⁸¹ Там же. С. 377.

¹⁸² Там же. С. 378.

¹⁸³ Цит. по: Мадер Ю. Указ. соч. С. 107.

¹⁸⁴ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 442.

¹⁸⁵ Усов В. Н. Указ. соч. С. 78.

¹⁸⁶ Цит. по: Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 444.

¹⁸⁷ Там же. С. 330—332.

¹⁸⁸ Там же. С. 384—387.

- ¹⁸⁹ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 336—337.
- ¹⁹⁰ Цит. по: *Магер Ю.* Указ. соч. С. 91—92.
- ¹⁹¹ Там же. С. 95.
- ¹⁹² Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 391—392.
- ¹⁹³ Там же. С. 393—395.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 396—397.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 397—398.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 405—406.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 410—411.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 412.
- ¹⁹⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 500—501, 509.
- ²⁰⁰ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 427.
- ²⁰¹ Там же. С. 428.
- ²⁰² Там же. С. 430—431.
- ²⁰³ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 500.
- ²⁰⁴ Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Указ. соч. С. 376; *Магер Ю.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁰⁵ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 566.
- ²⁰⁶ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 155—156.
- ²⁰⁷ Цит. по: *Голяков С., Ильинский М.* Рихард Зорге: Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001. С. 6.
- ²⁰⁸ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 567.
- ²⁰⁹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 508—509.
- ²¹⁰ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 568.
- ²¹¹ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 111.
- ²¹² Там же.
- ²¹³ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 458.
- ²¹⁴ Там же. С. 465.
- ²¹⁵ Там же. С. 475—478.
- ²¹⁶ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 508—509.
- ²¹⁷ Там же. С. 508.
- ²¹⁸ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 488—489.
- ²¹⁹ Там же. С. 490.
- ²²⁰ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 104.

- ²²¹ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 495.
- ²²² Там же. С. 513.
- ²²³ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 67.
- ²²⁴ Мадер Ю. Указ. соч. С. 76.
- ²²⁵ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 541.
- ²²⁶ Там же. С. 572—574.
- ²²⁷ Там же. С. 580—581.
- ²²⁸ Мадер Ю. Указ. соч. С. 78.
- ²²⁹ Там же. С. 77.
- ²³⁰ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 72.
- ²³¹ Там же. С. 72—73.
- ²³² Вернер Р. Указ. соч. С. 78.
- ²³³ Мадер Ю. Указ. соч. С. 93.
- ²³⁴ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 593.
- ²³⁵ Там же. С. 595.
- ²³⁶ Там же. С. 619.
- ²³⁷ Там же. С. 629.
- ²³⁸ Горев Я. Я знал Зорге. М., 1964. С. 20.
- ²³⁹ Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 633—634.
- ²⁴⁰ Там же. С. 635.
- ²⁴¹ Архивный отдел МИДа Японии. Рапорт по наблюдению за «подозрительным русским» Василием Ощепковым № 8399.
- ²⁴² Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 643—644.
- ²⁴³ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 567—569.
- ²⁴⁴ Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 379—380.
- ²⁴⁵ Там же.
- ²⁴⁶ Там же.
- ²⁴⁷ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1: 1933—1938 годы. М., 2017. С. 193.
- ²⁴⁸ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 569.
- ²⁴⁹ Сироткин М. И. Опыт организации и деятельности резидентуры «Рамзая» // Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 139.
- ²⁵⁰ Там же. С. 140.
- ²⁵¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 279.
- ²⁵² Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905—1945): Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. С. 441.

²⁵³ Haushofer K. Dai Nihon: Betrachtungen über Gross-Japans Wehrkraft, Weltstellung und Zukunft, Berlin, 1913.

²⁵⁴ См., например: Spang C. W. Karl Haushofer und Japan. Die Rezeption seiner geopolitischen Theorien in der deutschen und japanischen Politik. München, 2013.

²⁵⁵ Молодяков В. Э. Россия и Япония: Меч на весах: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений. М., 2005. С. 181.

²⁵⁶ Хаусхофер К. Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония. Берлин, 1941. Цит. по: Смирнов Г. Н., Дмитриев И. А., Дмитриев В. Е., Бумагина Е. А. Геополитика: Теория и практика. Вопросы и ответы: Учебное пособие. М., 2016. С. 17.

²⁵⁷ Рукавицын П. М. Концепция континентального блока Карла Хаусхофера // Обозреватель — Observer. 2008. № 10. С. 114.

²⁵⁸ Магер Ю. Указ. соч. С. 135.

²⁵⁹ Молодяков В. Э. Россия и Япония: Меч на весах... С. 180.

²⁶⁰ Магер Ю. Указ. соч. С. 258.

²⁶¹ Молодяков В. Э. Россия и Япония: Меч на весах... С. 180.

²⁶² Магер Ю. Указ. соч. С. 136.

²⁶³ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 100. Заметим, что в русском переводе «Тюремных записок Рихарда Зорге» такой фразы нет.

²⁶⁴ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 284—285.

²⁶⁵ Постников А. В. Русский интеллигент Владимир Михайлович Константинов как востоковед, дипломат и разведчик [Доклад на Международной научной конференции «Вторая мировая война: Предыстория. События. Уроки»]. Чита, 2015. 12 сентября.

²⁶⁶ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 286.

²⁶⁷ Там же. С. 289.

²⁶⁸ Горев Я. Указ. соч. С. 8—10.

²⁶⁹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 291—292.

²⁷⁰ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007. С. 77.

²⁷¹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 557—558.

²⁷² Магер Ю. Указ. соч. С. 124—125.

²⁷³ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 303.

²⁷⁴ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 519—520.

²⁷⁵ Там же. С. 304.

²⁷⁶ Там же. С. 145.

²⁷⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 119—120, 127.

- ²⁷⁸ Там же. С. 131—138.
- ²⁷⁹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 306.
- ²⁸⁰ Там же. С. 308.
- ²⁸¹ Там же. С. 309—310.
- ²⁸² Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 528—531.
- ²⁸³ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 313.
- ²⁸⁴ Георгиев Ю. В. Как И. В. Сталин изучал Японию // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 89—98.
- ²⁸⁵ О'Конрой Т. Японская угроза. М., 1934. С. 14.
- ²⁸⁶ Там же. С. 28.
- ²⁸⁷ Там же. С. 36.
- ²⁸⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 73.
- ²⁸⁹ Магер Ю. Указ. соч. С. 129—130.
- ²⁹⁰ Там же. С. 130.
- ²⁹¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 96—100.
- ²⁹² Там же. С. 109—114.
- ²⁹³ Горбунов Е. А. Указ. соч. С. 229—232.
- ²⁹⁴ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Биографический очерк. М., 2000. С. 110—111.
- ²⁹⁵ Магер Ю. Указ. соч. С. 128—129.
- ²⁹⁶ Исии Х. Нингэн Дзоругэ (Человек Зорге). Токио, 2003. С. 22—23. Пер. с японского А. Б. Делоне.
- ²⁹⁷ Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 155—156.
- ²⁹⁸ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 139.
- ²⁹⁹ Там же. С. 140.
- ³⁰⁰ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 540.
- ³⁰¹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 157.
- ³⁰² Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 321.
- ³⁰³ Магер Ю. Указ. соч. С. 137.
- ³⁰⁴ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Биографический очерк. С. 6.
- ³⁰⁵ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 26. 27. Juni. S. 24—25.
- ³⁰⁶ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон: Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 236.
- ³⁰⁷ Залесский К. А. «Элита» Гитлера во Второй мировой: Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2012. С. 123.
- ³⁰⁸ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 144.

- ³⁰⁹ Колпакиди А. И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010. — URL: <https://unotices.com/book.php?id=142383&page=33>. Дата обращения 16.06.2017.
- ³¹⁰ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 553—561.
- ³¹¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 73—77.
- ³¹² *Whyman R. Stalin's Spy: Richard Sorge and the Tokyo Espionage Ring*. New York, 1996. P. 55.
- ³¹³ Там же. С. 340.
- ³¹⁴ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 215—217.
- ³¹⁵ Магер Ю. Указ. соч. С. 257.
- ³¹⁶ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 325—326.
- ³¹⁷ Там же. С. 327—329.
- ³¹⁸ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 544.
- ³¹⁹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 342—343.
- ³²⁰ Там же. С. 161.
- ³²¹ Там же. С. 343—344.
- ³²² Там же. С. 350—351.
- ³²³ Там же. С. 351.
- ³²⁴ Там же. С. 354—357.
- ³²⁵ Там же. С. 353.
- ³²⁶ Там же.
- ³²⁷ Алексеев М. Там же. С. 354; Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае... С. 68.
- ³²⁸ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.
- ³²⁹ Михайлов А. Г., Томаровский В. И. Обвиняются в шпионаже. М., 2004. С. 265.
- ³³⁰ См.: Постников А. В. Указ. соч.
- ³³¹ Михайлов А. Г., Томаровский В. И. Указ. соч. С. 256.
- ³³² Чкнаверова А. А. К истории русско-японских отношений. М., 2000. С. 9.
- ³³³ Михайлов А. Г., Томаровский В. И. Указ. соч. С. 257.
- ³³⁴ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч. С. 210—211.
- ³³⁵ Там же.
- ³³⁶ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 56—57.
- ³³⁷ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч. С. 210—211.
- ³³⁸ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 57—58.
- ³³⁹ Иванов М. И. «Рамзай» выходит на связь (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. № 2. С. 48—49.
- ³⁴⁰ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 58—59.
- ³⁴¹ Исии Х. Указ. соч. С. 14—15.
- ³⁴² Там же. С. 18.

- ³⁴³ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 162—166.
- ³⁴⁴ Sorge P. Статьи. Корреспонденции. Рецензии / Сост. и авт. вступ. ст. Ю. Я. Орлов. М., 1971. С. 64—83.
- ³⁴⁵ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr 28. 11. Juli. S. 34.
- ³⁴⁶ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 180.
- ³⁴⁷ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 388.
- ³⁴⁸ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 189—190.
- ³⁴⁹ Braul K. O. Zum Fall Richard Sorge // Deutschland in Geschichte und Gegenwart. 1987. № 35(2). S. 20. Пер. М. Н. Бересневой.
- ³⁵⁰ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 387.
- ³⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная: В 29 т. Т. 18 (7-1): Советско-японская война 1945 года: История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 141.
- ³⁵² Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 391—393.
- ³⁵³ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 53—54.
- ³⁵⁴ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 406—407.
- ³⁵⁵ Там же. С. 413—414.
- ³⁵⁶ Там же. С. 421—422.
- ³⁵⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 158.
- ³⁵⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 426—427.
- ³⁵⁹ Там же. С. 430—435.
- ³⁶⁰ Исии Х. Указ. соч. С. 25—27.
- ³⁶¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 333.
- ³⁶² Там же. С. 440—441.
- ³⁶³ Там же. С. 460—464.
- ³⁶⁴ Там же. С. 447—449.
- ³⁶⁵ См.: Захаруас Э. М. Секретные миссии. М., 1959.
- ³⁶⁶ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 31. 1. August. S. 27—28.
- ³⁶⁷ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 32. 8. August. S. 26.
- ³⁶⁸ Магер Ю. Указ. соч. С. 140.
- ³⁶⁹ Там же. С. 137.
- ³⁷⁰ Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 160—166.

³⁷¹ Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия... С. 433—434.

³⁷² Шелленберг В. Указ. соч. С. 160.

³⁷³ Там же. С. 160—161.

³⁷⁴ Игнатченко И. В. Немецкий «Друг» Советского Союза // Независимое военное обозрение. 2012. № 5, 17 февраля.

³⁷⁵ Шелленберг В. Указ. соч. С. 161—162.

³⁷⁶ Там же. С. 165.

³⁷⁷ Молодяков В. Э. Рихард Зорге: Супершпион или суперполитик // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 180—186.

³⁷⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 433.

³⁷⁹ Там же. С. 435.

³⁸⁰ Гладков Т. К. Артузов. М., 2008 (ЖЗЛ). С. 285.

³⁸¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 511.

³⁸² Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Документ № 81. Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением протокола допроса Б. Н. Мельникова от 21.05.1937 // Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева»: Фонд А. Н. Яковлева. — <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61062>.

³⁸³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 5. Д. 25. Л. 208—210. Цит по: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 292.

³⁸⁴ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 541.

³⁸⁵ Там же. С. 543.

³⁸⁶ Там же. С. 545—546.

³⁸⁷ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 80.

³⁸⁸ Там же. С. 579—580.

³⁸⁹ Там же. С. 584.

³⁹⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 213—217.

³⁹¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 593—596.

³⁹² Там же. С. 606—610.

³⁹³ Там же. С. 613.

³⁹⁴ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 47.

³⁹⁵ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 630—631.

³⁹⁶ Там же. С. 633.

³⁹⁷ Там же. С. 635—639.

³⁹⁸ Там же. С. 641—642.

³⁹⁹ Там же. С. 648—650.

- ⁴⁰⁰ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 198.
- ⁴⁰² Там же. С. 201.
- ⁴⁰³ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 664.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 667.
- ⁴⁰⁵ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 56.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 674.
- ⁴⁰⁷ Там же. С. 80.
- ⁴⁰⁸ Там же. С. 678.
- ⁴⁰⁹ Там же. С. 705—706.
- ⁴¹⁰ Там же. С. 81, 83.
- ⁴¹¹ Магер Ю. Указ. соч. С. 141.
- ⁴¹² Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 777—778.
- ⁴¹³ Там же. С. 781—782.
- ⁴¹⁴ Там же. С. 784.
- ⁴¹⁵ Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 196.
- ⁴¹⁶ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 207—208.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 208—209.
- ⁴¹⁸ Папчинский А. А., Тумишис М. А. 1937: Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 277.
- ⁴¹⁹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 88—89.
- ⁴²⁰ Гайдук Н. Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 120.
- ⁴²¹ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1. С. 741.
- ⁴²² Русский архив: Великая Отечественная: В 29 т. Т. 13 (2-1): Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 22 июня 1941 года. М., 1994. С. 56—61.
- ⁴²³ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 92.
- ⁴²⁴ Там же. С. 93—95, 97.
- ⁴²⁵ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Сентябрь 1938 года — август 1939 года: Документы и материалы. М., 1971. С. 122.
- ⁴²⁶ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 97—98.
- ⁴²⁷ Год кризиса: 1938—1939. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. МИД СССР. М., 1990. Т. 1. Документ № 258.
- ⁴²⁸ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22407. Д. 2. Л. 192, 210.
- ⁴²⁹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 99—100.
- ⁴³⁰ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2: 1939—1941 годы. М., 2017. С. 21—22.

- ⁴³¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 48—49.
- ⁴³² Гаврилов В. А., Горбунов Е. А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 212.
- ⁴³³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22407. Д. 2. Л. 359—360.
- ⁴³⁴ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 56—57.
- ⁴³⁵ Там же. С. 77—78.
- ⁴³⁶ Там же. С. 79, 85.
- ⁴³⁷ Там же. С. 85—86.
- ⁴³⁸ Зорге Р. Указ. соч. С. 200—204.
- ⁴³⁹ Там же. С. 204—207.
- ⁴⁴⁰ Там же. С. 208—212.
- ⁴⁴¹ Магер Ю. Указ. соч. С. 152.
- ⁴⁴² Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия... С. 315.
- ⁴⁴³ Будкевич С. Л. «Дело Зорге»: Следствие и судебный процесс: Люди. События. Документы. Факты. М., 1969. С. 171.
- ⁴⁴⁴ Цит. по: Магер Ю. Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 154.
- ⁴⁴⁶ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 88.
- ⁴⁴⁷ Зорге Р. Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 551.
- ⁴⁴⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 90.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 95—97.
- ⁴⁵⁰ Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 793.
- ⁴⁵¹ Там же. С. 107.
- ⁴⁵² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 618. Л. 9—11.
- ⁴⁵³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22425. Д. 3. Л. 88, 92—94.
- ⁴⁵⁴ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 174.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 175—177.
- ⁴⁵⁶ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22425. Д. 3. Л. 177—179.
- ⁴⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 618. Л. 12, 13—14, 16—18.
- ⁴⁵⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 140.
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 182.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 141.
- ⁴⁶¹ Там же. С. 144.
- ⁴⁶² Там же. С. 150.
- ⁴⁶³ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 50—53.
- ⁴⁶⁴ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22425. Д. 3. Л. 542—543.

- ⁴⁶⁵ Документы внешней политики СССР: В 24 т. Т. 23: В 2 кн.: 1 января 1940 года — 22 июня 1941 года. С. 542—545.
- ⁴⁶⁶ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 22425. Д. 3. Л. 637—638.
- ⁴⁶⁷ *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939 — 1942 годы: В 3 т. М., 1968—1971. Т. 1. С. 154—155.
- ⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 523.
- ⁴⁶⁹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 110.
- ⁴⁷⁰ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 160.
- ⁴⁷¹ *Зорге Р.* Указ. соч. С. 211—215.
- ⁴⁷² *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 195—199.
- ⁴⁷³ Там же. С. 111.
- ⁴⁷⁴ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 110.
- ⁴⁷⁵ Там же. С. 146.
- ⁴⁷⁶ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 287—288; Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 111—112.
- ⁴⁷⁷ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 290—291.
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 292—293.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 306.
- ⁴⁸⁰ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 195—196.
- ⁴⁸¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 113—114.
- ⁴⁸² Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 2 т. / Под ред. К. П. Гершенина. М., 1955. Т. 1. С. 179—180.
- ⁴⁸³ Там же. С. 180—185.
- ⁴⁸⁴ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 335.
- ⁴⁸⁵ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 5840. Д. 7. Л. 41.
- ⁴⁸⁶ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950. С. 255.
- ⁴⁸⁷ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 337.
- ⁴⁸⁸ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 560—561.
- ⁴⁸⁹ Цит. по: *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 339.
- ⁴⁹⁰ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 562.
- ⁴⁹¹ *Георгиев Ю. В.* Рамзай только догадывался // Совершенно секретно. 2009. № 1 (236).
- ⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ *Иванов М. И.* Тайна Рихарда Зорге — гражданина вселенной. Записки старого разведчика // Челябинск. XX век: Люди и судьбы. 1999. № 4. С. 45.

⁴⁹⁴ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 379—385.

⁴⁹⁵ Там же. С. 411.

⁴⁹⁶ Там же. С. 494—495.

⁴⁹⁷ Там же. С. 497.

⁴⁹⁸ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 147.

⁴⁹⁹ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 498.

⁵⁰⁰ Там же. С. 501.

⁵⁰¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 147.

⁵⁰² *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 503.

⁵⁰³ Там же. С. 504—507.

⁵⁰⁴ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Биографический очерк. С. 73.

⁵⁰⁵ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 248.

⁵⁰⁶ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 340—341.

⁵⁰⁷ *Магер Ю.* Указ. соч. С. 168—169.

⁵⁰⁸ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 117—118.

⁵⁰⁹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 142—143.

⁵¹⁰ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 119.

⁵¹¹ ЦА МО РФ. Оп. 24127. Д. 2. Л. 422.

⁵¹² *Гаврилов В. А., Горбунов Е. А.* Указ. соч. С. 286.

⁵¹³ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 1. — URL: http://militera.lib.ru/db/halder/1941_05.html. Дата обращения 07.09. 2017.

⁵¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 527—529.

⁵¹⁵ Там же. Л. 454.

⁵¹⁶ Там же. Л. 463.

⁵¹⁷ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 245.

⁵¹⁸ Там же. С. 70.

⁵¹⁹ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Биографический очерк. С. 65.

⁵²⁰ URL: <https://www.welt.de/politik/article800571/Ein-und-diplomatischer-Diplomat-und-die-Freiheitsliebe.html>. Дата обращения 05.02.2018. Пер. М. Н. Бересневой.

⁵²¹ *Исии Х.* Указ. соч. С. 122—123.

⁵²² *Варламов А., Кутахов В.* Японская жена Рихарда Зорге // Эхо планеты. 1995. № 36. С. 20.

⁵²³ *Vinke H.* An der Seite eines Spions: Besuch bei der Lebensgefährtin des 1944 hingerichteten Meisteragenten Richard Sorge // Die Zeit. 1985. Nr. 33. 9. August. Пер. М. Н. Бересневой.

- ⁵²⁴ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 122.
- ⁵²⁵ Там же. С. 123.
- ⁵²⁶ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 512.
- ⁵²⁷ Там же. С. 514—517.
- ⁵²⁸ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 127.
- ⁵²⁹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 343—346.
- ⁵³⁰ Там же. Л. 616.
- ⁵³¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 130.
- ⁵³² *Волков Ф. Д.* Группа Зорге: Штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 145.
- ⁵³³ *Будкевич С. А.* Указ. соч. С. 202.
- ⁵³⁴ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. С. 116.
- ⁵³⁵ *Волков Ф. Д.* Указ. соч. С. 144.
- ⁵³⁶ Там же. С. 132.
- ⁵³⁷ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 132.
- ⁵³⁸ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 5840. Д. 7. Л. 125.
- ⁵³⁹ *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 399.
- ⁵⁴⁰ *Зорге Р.* Статьи. Корреспонденции. Рецензии. С. 218—219.
- ⁵⁴¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 5840. Д. 7. Л. 127.
- ⁵⁴² Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 133.
- ⁵⁴³ Русский архив: Великая Отечественная: В 29 т. Т. 18 (7—1): Советско-японская война 1945 года... С. 192.
- ⁵⁴⁴ *Судоплатов П. А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930—1950 годы. М., 1998. С. 220—221.
- ⁵⁴⁵ *Иванов М. И.* «Рамзай» выходит на связь (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. № 4. С. 26—31.
- ⁵⁴⁶ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. С. 124.
- ⁵⁴⁷ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 265.
- ⁵⁴⁸ *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 129.
- ⁵⁴⁹ Цит. по: *Алексеев М.* «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 529.
- ⁵⁵⁰ Цит. по: *Георгиев Ю. В.* Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 129—130.
- ⁵⁵¹ Там же. С. 130—131.
- ⁵⁵² Там же. С. 133.
- ⁵⁵³ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 169.
- ⁵⁵⁴ Здесь и далее, если не указано иначе, «наградные листы» цит. по: *Голяков С., Ильинский М.* Указ. соч. С. 14—18.

- 555 Цит. по: Дикин Ф., *Стори Г.* Указ. соч. С. 268—269.
- 556 Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия... С. 444.
- 557 Цит. по: Дикин Ф., *Стори Г.* Указ. соч. С. 269—270.
- 558 Мадер Ю. Указ. соч. С. 253.
- 559 Цит. по: Дикин Ф., *Стори Г.* Указ. соч. С. 271—272.
- 560 Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 261—262.
- 561 Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 509, 519—520.
- 562 Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия... С. 463—464.
- 563 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 16—18.
- 564 Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 538.
- 565 Тюремные записки Рихарда Зорге. С 521—522.
- 566 Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 193—194.
- 567 Цит. по: Там же. С. 594.
- 568 Исии Х. Указ. соч. С. 165—166.
- 569 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 24.
- 570 Молодяков В. Э. Геостратегические проекты принца Коноэ // Русский геополитический сборник. № 2 (1997). С. 49—56.
- 571 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 41.
- 572 Волков Ф. Д. Группа Зорге: Штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 98—108.
- 573 Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. С. 80.
- 574 Там же. С. 81.
- 575 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 115.
- 576 Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Биографический очерк. С. 82.
- 577 Там же. С. 84.
- 578 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 90.
- 579 Там же. С. 120.
- 580 Люди молчаливого подвига: Очерки о разведчиках / Под ред. И. М. Михайлова; пред. А. М. Василевского; сост. И. В. Василевич. М., 1977. С. 80.
- 581 Будкевич С. А. Указ. соч. С. 100.
- 582 Там же. С. 130.
- 583 Там же. С. 131.
- 584 Там же. С. 100.
- 585 Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 280—281; Люди молчаливого подвига... С. 81.
- 586 Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 525—526.

- ⁵⁸⁷ Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 227—229.
- ⁵⁸⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 260—263.
- ⁵⁸⁹ Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 227—231.
- ⁵⁹⁰ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 266.
- ⁵⁹¹ Там же. С. 267—272.
- ⁵⁹² Цит. по: Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 228.
- ⁵⁹³ Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 280.
- ⁵⁹⁴ Мадер Ю. Указ. соч. С. 247—250.
- ⁵⁹⁵ Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 282—283.
- ⁵⁹⁶ Бугкевич С. А. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁹⁷ Цит. по: Мадер Ю. Указ. соч. С. 192—193.
- ⁵⁹⁸ Цит. по: Там же. С. 193—194.
- ⁵⁹⁹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 50.
- ⁶⁰⁰ Там же. С. 50—53.
- ⁶⁰¹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 127.
- ⁶⁰² Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 187.
- ⁶⁰³ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 522—527.
- ⁶⁰⁴ Там же. С. 543.
- ⁶⁰⁵ Там же. С. 563—564.
- ⁶⁰⁶ Там же. С. 544.
- ⁶⁰⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 275.
- ⁶⁰⁸ Там же. С. 218—219.
- ⁶⁰⁹ Колесников М. С., Колесникова М. В. Указ. соч. С. 153—154.
- ⁶¹⁰ Там же. С. 273.
- ⁶¹¹ Цит. по: Там же. С. 162—163.
- ⁶¹² Там же. С. 287—288.
- ⁶¹³ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 351.
- ⁶¹⁴ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 541.
- ⁶¹⁵ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 301—302.
- ⁶¹⁶ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 541—542.
- ⁶¹⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 304.
- ⁶¹⁸ Там же. С. 542.
- ⁶¹⁹ Там же. С. 240.
- ⁶²⁰ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 559.
- ⁶²¹ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч. С. 20—21.
- ⁶²² Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 147.
- ⁶²³ Бугкевич С. А. Указ. соч. С. 130.

- ⁶²⁴ Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. С. 111.
- ⁶²⁵ Будкевич С. А. Указ. соч. С. 23—24.
- ⁶²⁶ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 38. 19. September. S. 24.
- ⁶²⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 286.
- ⁶²⁸ Бережков В. Риббентроп и Зорге // Новое время. 1991. № 29. С. 47.
- ⁶²⁹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 285.
- ⁶³⁰ Будкевич С. А. Указ. соч. С. 28.
- ⁶³¹ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 286.
- ⁶³² Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 38. 19. September. S. 23—24.
- ⁶³³ Шелленберг В. Указ. соч. С. 165—166.
- ⁶³⁴ Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 317.
- ⁶³⁵ Магер Ю. Указ. соч. С. 183—184.
- ⁶³⁶ Будкевич С. А. Указ. соч. С. 46.
- ⁶³⁷ Магер Ю. Указ. соч. С. 186.
- ⁶³⁸ Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 38. 19. September. S. 24.
- ⁶³⁹ Магер Ю. Указ. соч. С. 189—190.
- ⁶⁴⁰ Там же. С. 190.
- ⁶⁴¹ Там же. С. 187—188.
- ⁶⁴² Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. № 38. 19. September. S. 24.
- ⁶⁴³ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 559.
- ⁶⁴⁴ Там же. С. 560—561.
- ⁶⁴⁵ Там же. С. 561—563.
- ⁶⁴⁶ Там же. С. 563.
- ⁶⁴⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 287.
- ⁶⁴⁸ Цит. по: Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 555.
- ⁶⁴⁹ Там же. С. 554—555.
- ⁶⁵⁰ Будкевич С. А. Указ. соч. С. 68—69.
- ⁶⁵¹ Тюремные записки Рихарда Зорге. С. 471.
- ⁶⁵² Будкевич С. А. Указ. соч. С. 58.
- ⁶⁵³ Там же. С. 62—63.
- ⁶⁵⁴ Там же. С. 80—81.
- ⁶⁵⁵ Там же. С. 88.
- ⁶⁵⁶ Там же. С. 102—105.
- ⁶⁵⁷ Там же. С. 108.

⁶⁵⁸ Там же. С. 109—110.

⁶⁵⁹ Там же. С. 113.

⁶⁶⁰ Там же. С. 119—122.

⁶⁶¹ Там же. С. 123.

⁶⁶² Там же. С. 126.

⁶⁶³ Там же. С. 128—129.

⁶⁶⁴ Там же. С. 133.

⁶⁶⁵ Там же. С. 136—140.

⁶⁶⁶ Цит. по: Там же. С. 142—143.

⁶⁶⁷ Там же. С. 145—147.

⁶⁶⁸ Там же. С. 149.

⁶⁶⁹ Там же. С. 150.

⁶⁷⁰ Там же. С. 155—156.

⁶⁷¹ Там же. С. 157.

⁶⁷² Зорге, Одзаки сайки тантан. Торимидаситару тайдо наку кэйба ни. Сёкэй кироку хаккэн («Зорге и Одзаки — спокойны до последнего мгновения. Без паники на эшафот. Найдены записи о смертной казни») // *Asahi shinbun*. 17.10.2004. А также — <http://www.vesti.ru/doc.html?id=106651>. Интересно, что даже республику эту новость, суть которой заключалась в том, что Зорге не выкрикивал перед смертью никаких лозунгов, некоторые отечественные СМИ в конце добавляли: «...последними его словами были "Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Советский Союз!"». См., например: *Саможнев А.* Четыре листка с иероглифами // *Российская газета*. 2004. 18 октября.

⁶⁷³ Здесь и далее материалы дела Е. А. Максимовой и Е. А. Гаупт цит. по изд.: *Хинштейн А. Е.* Тайны Лубянки. М., 2008. С. 228—246; *Михайлов А. Г., Томаровский В. И.* Указ. соч. С. 267—302, если иное не оговорено специально.

⁶⁷⁴ *Михайлов А. Г., Томаровский В. И.* Указ. соч. С. 268.

⁶⁷⁵ *Кочик В.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны. М., 2004. С. 219.

⁶⁷⁶ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.

⁶⁷⁷ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 134.

⁶⁷⁸ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.

⁶⁷⁹ Цит. по: *Гаврилов В. А., Горбунов Е. А.* Указ. соч. С. 475.

⁶⁸⁰ Жену разведчика Рихарда Зорге отравили в больнице? // *Комсомольская правда*. 2011. 4 октября.

⁶⁸¹ Научные фонды ГМ ПИР. Ф. VI ВС-5485.

⁶⁸² *Будкевич С. Л.* Указ. соч. С. 20.

⁶⁸³ *Варламов А., Кутахов В.* Указ. соч. С. 20.

⁶⁸⁴ Цит. по: *Будкевич С. Л.* Указ. соч. С. 19—20.

⁶⁸⁵ *Дикин Ф., Стори Г.* Указ. соч. С. 352.

- ⁶⁸⁶ Исии Х. Указ. соч. С. 175—176.
- ⁶⁸⁷ Там же. С. 176—177.
- ⁶⁸⁸ Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2. С. 596.
- ⁶⁸⁹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 155.
- ⁶⁹⁰ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 207.
- ⁶⁹¹ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч. С. 391.
- ⁶⁹² Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 26. 27. Juni. S. 24.
- ⁶⁹³ Тэсима Рюити. Зорге, Гиндза и японские женщины — <http://www.nippon.com/ru/column/g00461/?pnum=1>, 06.11.2017. Дата обращения 22.11.2017.
- ⁶⁹⁴ Terzani T. Rencontre in «Rheingold» zu Tokio // Der Spiegel. 1986. Nr. 35. 25. August. S. 123. Пер. М. Н. Бересневой.
- ⁶⁹⁵ Исии Х. Указ. соч. С. 55—56.
- ⁶⁹⁶ Vinke H. Op. cit.
- ⁶⁹⁷ Дикин Ф., Стори Г. Указ. соч. С. 352.
- ⁶⁹⁸ Исии Х. Указ. соч. С. 229—235.
- ⁶⁹⁹ Варламов А., Кутахов В. Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁰⁰ Голяков С., Ильинский М. Указ. соч. С. 3—5.
- ⁷⁰¹ Иванов М. И. Юрий Гагарин и Рихард Зорге // Чудеса и приключения. 1995. № 1. С. 24.
- ⁷⁰² Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 174—175.
- ⁷⁰³ Иванов М. И. «Рамзай» выходит на связь... // Азия и Африка сегодня. 2000. № 5. С. 61.
- ⁷⁰⁴ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. С. 138.
- ⁷⁰⁵ Там же. С. 139—173.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИХАРДА ЗОРГЕ

- 1895, 4 октября* — рождение Рихарда Зорге в поселке Сабунчи или в районе Гянджы, недалеко от Баку, Российская империя (ныне территория Азербайджана).
- 1898, весна* — переезд семьи Зорге в Берлин.
- 1914, август — сентябрь* — не окончив школу, Ика Зорге добровольцем отправляется на фронт Первой мировой войны в составе германской армии.
- 1915, весна — лето* — первое ранение на фронте в Бельгии, госпиталь, знакомство с идеями социал-демократов.
- 1916* — второе ранение в Галиции, отправка в госпиталь в Германию. Получение аттестата о среднем образовании, возвращение на фронт во Францию. Третье и последнее — тяжелое ранение. Отправка в госпиталь в Кёнигсберге. Знакомство с марксистской теорией, поступление на медицинский факультет университета.
- 1918* — увольнение из армии, переезд в Киль, вступление в Независимую социал-демократическую партию Германии. Поступление в Берлинский, а затем в Кильский университет. Участие в ноябрьском мятеже. Знакомство с супругами Герлах.
- 1919* — переезд в Гамбург, участие в революционных событиях, поступление в местный университет.
Сентябрь — защита диссертации на тему «Имперские тарифы Центрального союза немецких потребительских обществ» и получение степени доктора. Переезд в Аахен.
Октябрь — вступление в Коммунистическую партию Германии.
- 1920, март* — уход в подполье, начало работы на шахтах Рурской области.
- 1921, март* — переезд в Золинген, работа в коммунистической прессе, чтение лекций для рабочих.
Лето — начало жизни с Кристиной Герлах.
- 1922, октябрь* — переезд в Берлин, а затем во Франкфурт. Участие в «марксистских неделях в Ильменау». Выход первой книги — «Накопление капитала и Роза Люксембург».
- 1923* — активизация подпольной деятельности, служба связным у лидера КПП Эрнста Тельмана.
- 1924, апрель* — работа с русскими делегатами IX съезда КПП. Знакомство с руководителями Коминтерна: Пятницким, Мануильским, Лозовским, Куусиненом, первое приглашение в Москву.
15 декабря — прибытие в Москву для работы в Коминтерне.

- 1925, январь — начало работы в информационном отделе Коминтерна.
- Март — вступление Зорге в ВРКП(б).
- 1 августа — перевод на должность помощника Мануильского.
- 1926, 6 января — назначение инструктором орготдела Исполнительного комитета Коминтерна.
- 28 апреля — назначение членом бюро Секретариата ИККИ.
- Октябрь — начало работы Кристины Зорге в советской военной разведке, ее отъезд из Москвы, фактический развод с мужем.
- 1927 — начало работы Зорге в качестве агента Отдела международных связей Коминтерна. Знакомство с Екатериной Максимовой.
- Декабрь — первая командировка в новом качестве в Скандинавию. Начало разведывательной деятельности в Европе.
- 1928 — выход книги «Новый германский империализм» под псевдонимом Р. Зонтер.
- 1929, 31 октября — увольнение из Коминтерна. Отъезд в Европу для подготовки документов по легализации к командировке в Китай.
- 1930, 10 января — прибытие в Китай Рихарда Зорге — «Рамзая», «Мистера Джонсона». Начало работы в качестве военного разведчика. Знакомство с Агнес Смедли и Максом Клаузенем.
- Сентябрь — назначение Рихарда Зорге временным резидентом.
- 1931, февраль — начало «Дела Нуленсов», разворачивание деятельности резидентуры в полном объеме. Организация широкой сети китайских агентов.
- Конец года — возможно первое посещение Зорге Японии, куда он прибыл на встречу с атаманом Семеновым. Знакомство с Одзаки Хоцуми.
- 1932, 30 марта — Зорге впервые делает вывод: в предстоящей большой войне в Азии главным будет выбор направления японской экспансии: на север, против СССР, или на юг — против Британии и США.
- 12 ноября — Зорге покидает Шанхай, заканчивается его первая заграничная командировка в качестве нелегального резидента советской военной разведки.
- Декабрь — возвращение в Москву, начало подготовки к командировке в Японию.
- 1933, середина мая — принятие решения о создании нелегальной резидентуры «Рамзая» в Токио.
- 15 мая — отъезд Зорге из Москвы в Европу для легализации.
- 6 сентября — Рихард Зорге прибыл в Японию.

Декабрь — сбор ядра резидентуры «Рамзай» в Токио.

1935, 2 июля — Зорге покидает Японию и возвращается в Москву. Центр недоволен результатами его работы. На Зорге пишут доносы. Московский отпуск с Катей Максимовой.

16 августа — Зорге вылетает в Европу для подготовки ко второй японской командировке.

Конец августа — возвращение в Токио.

4 октября — знакомство с Исии Ханако.

28 ноября — прибытие в Токио Макса Клаузена.

1936, февраль — Зорге передает информацию о причинах и последствиях мятежа молодых офицеров.

Май — июнь — раскрывает детали подготовки к подписанию японо-германского Антикоминтерновского пакта.

25 июля — получает разрешение Артузова на информирование полковника Отта по японским вопросам.

Декабрь — глава советской военной разведки представляет Зорге к ордену Красной Звезды.

1937, 14 декабря — доклады Зорге в Москве получают метку «источник, не пользующийся полным доверием».

Июль — Зорге правильно прогнозирует развитие ситуации в связи с началом Второй японо-китайской войны. В Москве принимается решение о его отзыве из Японии как «двойника» и предателя. Зорге, не зная причин отзыва, отказывается, так как внезапный отъезд нанесет удар по легализации группы.

7 октября — Центр пересматривает свое прежнее решение и отказывает Зорге в возвращении в СССР.

1938, 4 февраля — назначение генерала Отта послом в Японии, рост агентурных возможностей Зорге.

13 мая — Зорге попадает в мотоциклетную аварию, и, по некоторым свидетельствам, резидентура оказывается на грани провала.

Лето — «Рамзай» предупреждает Москву о готовящихся крупномасштабных военных провокациях на советской границе.

Сентябрь — декабрь — Зорге сообщает о секретных переговорах по заключению Тройственного союза между Германией, Японией и Италией, направленного против СССР.

1939, январь, февраль — «Рамзай» предупреждает об опасности крупномасштабного военного столкновения на границе Маньчжурии с Монголией.

26 апреля — Зорге раскрывает военный характер Антикоминтерновского пакта.

31 мая — сообщает о скорой войне в Европе, вторжении Гитлера в Польшу и захвате Данцига в сентябре текущего года.

Сообщения Зорге не читаются и не переводятся месяцами.

13 августа — «Рамзай» передает сведения о неготовности Квантунской армии продолжать сражение на Халхин-Голе.

Октябрь — декабрь — Зорге публикует серию статей во «Франкфуртер цайтунг», точно раскрывающих причины и направление предстоящей экспансии Японии.

29 ноября — группа Зорге начинает контактировать со связными из советской нелегальной резидентуры в Токио. Опасность провала резко возрастает.

1940, январь — маркировка Центра на донесениях «Рамзая» вновь меняется. Теперь это «источник, заслуживающий доверия».

Февраль — начальник 2-го отделения Разведупра майор Герасимов предлагает «ликвидировать» Зорге. Принято, но не исполнено решение об отзыве «Рамзая».

Март — начало работы Зорге над выяснением планов будущего наступления Японии.

6 июня — «Рамзай» предупреждает о готовности Японии напасть на СССР в случае, если Германия завоюет Восточную Европу.

22 июня — Зорге сообщает, что Риббентроп предлагает надавить на Японию, чтобы направить ее агрессию против Великобритании и США, заставив захватить Сингапур.

22 июля — в письме в Центр Зорге просит четко сообщить окончательную дату завершения его работы в Японии.

21 сентября — шифровка о истинном отношении Японии к Тройственному пакту.

13 ноября — во «Франкфуртер цайтунг» выходит статья доктора Зорге, в которой направлением главного удара Японии в предстоящей войне назван Сингапур.

28 декабря — «Рамзай» сообщает в Москву сведения о численности и вооружении Квантунской армии и о состоянии японской военной промышленности, а также о сосредоточении на советских границах 80 германских дивизий.

1941, февраль — март — Зорге прилагает усилия для убеждения Отта и Коноэ (через Одзаки) в том, что направлением войны должен стать юг, а не север.

18 апреля — «Рамзай» просит разрешения Москвы на подталкивание Японии к войне на юге, но не получает его и продолжает действовать по своему усмотрению.

28 апреля — всей резидентуре сменены оперативные псевдонимы, «Рамзай» становится «Инсоном».

19 мая — неточное сообщение о концентрации 150 немецких дивизий на границе с СССР с ошибочной оценкой численности войск.

1 июня — сообщение о том, что война начнется около 15 июня и главный удар будет нанесен «левым флангом».

20 июня — «война неизбежна».

23 июня — главным вопросом становится возможность начала Японией войны против СССР.

Июль — август — «Инсон» передает в Москву ложные данные о мобилизации в Японии, допустив ошибку в расчетах и будучи пойман на дезинформации японского Генштаба. Зорге сообщает, что Япония может вступить в войну против СССР до конца августа.

11 сентября — Зорге сообщает, что Япония в ближайшие месяцы не начнет боевые действия против Советского Союза, а нанесет главный удар на юге азиатского материка.

26 сентября — Зорге с помощью Одзаки исправляет ошибку в материалах по мобилизации, и далее вся информация из Токио считается заслуживающей доверия и регулярно докладывается Сталину.

4 октября — последняя шифровка Зорге в Москву: «войны в текущем году не будет».

10 октября — начало арестов членов группы Зорге.

18 октября — арест Зорге.

1942, 10 февраля — начало следствия прокуратуры по делу Рихарда Зорге.

17 марта — сообщение Министерства юстиции об аресте группы Зорге. Начало суда по процедуре ёсин.

15 декабря — завершение процедуры ёсин.

1943, 31 мая — начало суда кохан.

29 сентября — оглашение приговора для Зорге: смертная казнь.

1944, 7 ноября, 10.20—10.36 — в токийской тюрьме Сутамо казнен советский разведчик Рихард Зорге.

1949, 16 ноября — эксгумация праха Рихарда Зорге его японской возлюбленной Исии Ханako и перезахоронение на токийском кладбище Тама.

1961 — на европейские экраны выходит фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?».

1964, 5 апреля — Рихарду Зорге присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

Документы

Архивный отдел МИДа Японии

Рапорт по наблюдению за «подозрительным русским» Василием
Ощепковым № 8399

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 523.

*Научные фонды Государственного музея
политической истории России (ГМ ПИР)*

Ф. VI ВС-5485.

*Российский государственный архив
социально-политической истории (РГАСПИ)*

Ф. 495. Оп. 7. Д. 8. Л. 1.

Там же. Д. 9. Л. 165.

Там же. Оп. 19. Д. 206. Л. 25, 74—75.

Там же. Д. 211. Л. 3, 4, 6.

Там же. Оп. 33. Д. 114. Л. 193.

Там же. Оп. 74. Д. 618. Л. 9—14, 16—18.

Там же. Оп. 205. Д. 5152. Л. 4, 19—20, 23, 25, 40—41, 52—53.

Там же. Оп. 292. Д. 9. Л. 86.

*Центральный архив Министерства обороны
Российской Федерации (ЦА МО РФ)*

Ф. 23. Оп. 5840. Д. 7. Л. 41, 125, 127.

Там же. Оп. 22407. Д. 2. Л. 359—360.

Там же. Оп. 22425. Д. 3. Л. 88, 92—94, 177—179, 542—543, 637—
638.

Там же. Оп. 24127. Д. 2. Л. 195—196, 340—341, 454, 463, 527—529.

Ф. 6. Оп. 5. Д. 25. Л. 208—210.

Книги и статьи

Алексеев М. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930—1933 годы. М., 2010.

Алексеев М. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 1: 1933—1938 годы. М., 2017.

Алексеев М. «Верный вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2: 1939—1941 годы. М., 2017.

Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. *Энциклопедия военной разведки: 1918—1945 годы*. М., 2012.

Будкевич С. Л. «Дело Зорге»: Следствие и судебный процесс: Люди. События. Документы. Факты. М., 1969.

Варламов А., Кутахов В. Японская жена Рихарда Зорге // Эхо планеты. 1995. № 36.

Вернер Р. Соня рапортует: Подвиг разведчицы. М., 1980.

Волков Ф. Д. Группа Зорге: Штрихи к портретам руководителя и его соратников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2, 3.

Всемирная история. Т. 21: Мир в период создания СССР. Минск; М., 2000.

Гайдук Н. Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7.

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939 — 1942 годы: В 3 т. М., 1968—1971. Т. 1.

Георгиев Ю. В. Как И. В. Сталин изучал Японию // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2.

Георгиев Ю. В. Рамзай только догадывался // Совершенно секретно. 2009. № 1 (236).

Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007.

Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Биографический очерк. М., 2000.

Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. М., 2000.

Год кризиса: 1938—1939. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. МИД СССР. М., 1990. Т. 1.

Голяков С., Ильинский М. Рихард Зорге: Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001.

Горев Я. Я знал Зорге. М., 1964.

Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. 1929. № 1.

Гумбатова Т. Ф. Неизвестные страницы бакинской жизни семьи Зорге. — <https://www.proza.ru/2012/04/11/1798>. Дата обращения 20.11.2017.

Давидович Д. С. Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы. М., 1969.

Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Сост. А. Г. Фе-сюн. СПб.; М., 2000.

Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М., 1996 (Секретные миссии).

Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон: Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001.

Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. СПб.; М., 2004.

Документы внешней политики СССР: В 24 т. Т. 23: В 2 кн.: 1 января 1940 года — 22 июня 1941 года.

Залесский К. А. «Элита» Гитлера во Второй мировой: Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2012.

Захариас Э. М. Секретные миссии. М., 1959.

Зорге Р. Статьи. Корреспонденции. Рецензии / Сост. и авт. вступ. ст. Ю. Я. Орлов. М., 1971.

Иванов М. И. «Рамзай» выходит на связь (Воспоминания разведчика) // Азия и Африка сегодня. 2000. № 1—5.

Иванов М. И. Юрий Гагарин и Рихард Зорге // Чудеса и приключения. 1995. № 1.

Игнатченко И. В. Немецкий «Друг» Советского Союза // Независимое военное обозрение. 2012. № 5. 17 февраля.

Исии Х. Нингэн Дзорутэ (Человек Зорге). Токио, 2003.

Колесников М. С., Колесникова М. В. Рихард Зорге. М., 1971 (ЖЗЛ).

Колпакиди А. И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки: В 2 т. М., 2000.

Корольков Ю. Человек, для которого не было тайн (Рихард Зорге). М., 1966.

Кочик В. Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны. М., 2004.

Кривицкий В. На службе в сталинской разведке: Тайны русских спецслужб от бывшего шефа советской разведки в Западной Европе.

Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Документ № 81. Спецсообщение Н. И. Ежова И. В. Сталину с приложением протокола допроса Б. Н. Мельникова от 21.05.1937 // Ин-

тернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева»: Фонд А. Н. Яковлева. — <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61062>.

Люди молчаливого подвига: Очерки о разведчиках / Под ред. И. М. Михайлова; пред. А. М. Василевского; сост. И. В. Василевич. М., 1977.

Магер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.

Михайлов А. Г., Томаровский В. И. Обвиняются в шпионаже. М., 2004.

Молодяков В. Э. Рихард Зорге: Супершпион или суперполитик // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 5.

Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905—1945): Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012.

Молодяков В. Э. Россия и Япония: Меч на весах: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений. М., 2005.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 2 т. / Под ред. К. П. Гершенина. М., 1955. Т. 1.

О'Конрой Т. Японская угроза. М., 1934.

Папчинский А. А., Тумшиц М. А. 1937: Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Постников А. В. Русский интеллигент Владимир Михайлович Константинов как востоковед, дипломат и разведчик [Доклад на Международной научной конференции «Вторая мировая война: Предыстория. События. Уроки»]. Чита, 2015. 12 сентября.

Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1950.

Рукавицын П. М. Концепция континентального блока Карла Хаусхофера // Обозреватель — Observer. 2008. № 10.

Русский архив. Великая Отечественная: В 29 т. Т. 13 (2-1): Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 22 июня 1941 года. М., 1994; Т. 18 (7-1): Советско-японская война 1945 года: История военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы: Документы и материалы. М., 1997.

Сироткин М. И. Опыт организации и деятельности резидентуры «Рамзая» // Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы.

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Сентябрь 1938 года — август 1939 года: Документы и материалы. М., 1971.

Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930—1950 годы. М., 1998.

Тэсима Рюити. Зорге, Гиндза и японские женщины. — <http://www.nippon.com/ru/column/g00461/?pnum=1>, 06.11.2017. Дата обращения 22.11.2017.

Тюремные записки Рихарда Зорге // Знаменитые шпионы XX века. М., 2001 (Военные тайны XX века).

Улановская Н. М., Улановская М. А. История одной семьи. СПб., 2003.

Усов В. Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

Хаусхофер К. Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония. Берлин, 1941.

Чкнаверова А. А. К истории русско-японских отношений. М., 2000.

Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

Boveri M. Der Verrat im XX Jahrhundert: Bd. 3. Hamburg, 1957.

Braun K. O. Zum Fall Richard Sorge // Deutschland in Geschichte und Gegenwart. 1987. № 35(2).

Harich-Schneider E. Charaktere und Katastrophen. Berlin; Frankfurt; Vienna, 1978.

Haushofer K. Dai Nihon: Betrachtungen über Gross-Japans Wehrkraft, Weltstellung und Zukunft, Berlin, 1913.

Herr Sorge saß mit am Tisch: Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. Nr. 24. 13. Juni; Nr. 26. 27. Juni; Nr. 28. 11. Juli; Nr. 31. 1. August; Nr. 32. 8. August; Nr. 38. 19. September.

Massing H. Ich war Stalins Spionin in den USA // Die Zeit. 1950. 1 Juni.

Sorge Ch. Mein Mann — Dr. Richard Sorge // Die Weltwoche. Zurich, 1964. 11 Dezember.

Spang C. W. Karl Haushofer und Japan. Die Rezeption seiner geopolitischen Theorien in der deutschen und japanischen Politik. München, 2013.

Terzani T. Rencontre in «Rheingold» zu Tokio // Der Spiegel. 1986. Nr. 35. 25. August.

Vinke H. An der Seite eines Spions: Besuch bei der Lebensgefährtin des 1944 hingerichteten Meisteragenten Richard Sorge // Die Zeit. 1985. Nr. 33. 9. August.

Whyman R. Stalin's Spy: Richard Sorge and the Tokyo Espionage Ring. New York, 1996.

Wohlgemuth H. Burgkrieg, nicht Burgfriede. Berlin, 1963.

Периодика

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>Глава первая. Беспокойное семейство</i>	8
<i>Глава вторая. Германский путь</i>	20
<i>Глава третья. Сложный перелом</i>	33
<i>Глава четвертая. Доктор по гамбургскому счету</i>	43
<i>Глава пятая. Подполье для шахтера</i>	52
<i>Глава шестая. Русские с орешками</i>	63
<i>Глава седьмая. В Москву! В Москве</i>	73
<i>Глава восьмая. Агент Коминтерна</i>	86
<i>Глава девятая. Считать проверенным</i>	102
<i>Глава десятая. Катя</i>	114
<i>Глава одиннадцатая. Китай: причины, силы и средства,</i> <i>задачи</i>	123
<i>Глава двенадцатая. Кантонское лето</i>	136
<i>Глава тринадцатая. От кризисного менеджера</i> <i>к успешному резиденту</i>	148
<i>Глава четырнадцатая. Китайская паутина и безумный</i> <i>мотоциклист</i>	159
<i>Глава пятнадцатая. Volens nolens снова с Коминтерном</i>	171
<i>Глава шестнадцатая. Две свадьбы, одни похороны</i> <i>и война</i>	182
<i>Глава семнадцатая. Японский крут</i>	195
<i>Глава восемнадцатая. Китайский герой</i>	204
<i>Глава девятнадцатая. Безусловная победа</i>	220
<i>Глава двадцатая. Нет причин отпираться</i>	232
<i>Глава двадцать первая. Больше, чем крыша</i>	242
<i>Глава двадцать вторая. Линия жизни: пароли, явки, связи</i>	253
<i>Глава двадцать третья. Поле битвы — Токио</i>	267
<i>Глава двадцать четвертая. Они нашли Зорге</i>	277
<i>Глава двадцать пятая. Просто чертовски тяжело здесь</i>	289
<i>Глава двадцать шестая. Письма издалека</i>	301
<i>Глава двадцать седьмая. Дорогой Рамзай</i>	317
<i>Глава двадцать восьмая. В распоряжение РУ</i> <i>не зачислен</i>	331
<i>Глава двадцать девятая. Полуторный агент</i>	342
<i>Глава тридцатая. Москва-37 и далее</i>	353
<i>Глава тридцать первая. Если я когда-нибудь вернусь</i>	364
<i>Глава тридцать вторая. Столкновения</i>	375
<i>Глава тридцать третья. Между миром и войной</i>	386

<i>Глава тридцать четвертая. Камикадзе</i>	396
<i>Глава тридцать пятая. Переговоры</i>	408
<i>Глава тридцать шестая. Пропагандисты</i> <i>в преддверии войны.</i>	425
<i>Глава тридцать седьмая. Личным обмером...</i>	436
<i>Глава тридцать восьмая. Предупредил или</i> <i>не предупредил?</i>	446
<i>Глава тридцать девятая. Войны не будет</i>	456
<i>Глава сороковая. Кто этот человек?</i>	468
<i>Глава сорок первая. Версия первого порядка</i>	478
<i>Глава сорок вторая. Мечтатель с открытыми глазами</i>	488
<i>Глава сорок третья. Самый лучший наш радист</i>	499
<i>Глава сорок четвертая. Неловкий, но незаменимый</i>	513
<i>Глава сорок пятая. Подобрать колоски...</i>	527
<i>Глава сорок шестая. Крути на воде</i>	536
<i>Глава сорок седьмая. Кольцо Зорге</i>	552
<i>Глава сорок восьмая. В ожидании смерти</i>	564
<i>Глава сорок девятая. Ад</i>	574
<i>Глава пятидесятая. Эксгумация</i>	586
<i>Глава пятьдесят первая. Возрождение</i>	599
<i>Эпилог</i>	613
<i>Примечания</i>	616
<i>Основные даты жизни и деятельности Рихарда Зорге</i>	641
<i>Литература</i>	646

ЗОРГЕ

НЕУДОБНЫЙ

Его фамилия переводится на русский язык как «беспокойство». Это был умный, талантливый, блестяще образованный, но чрезвычайно неудобный для окружающих человек.

В молодости он решил стать апостолом социалистической революции. Но рамки европейского партийного подполья Германии оказались тесны для него, а из Коминтерна его «вычистили»... в советскую военную разведку.

Он достиг вершин в искусстве шпионажа, потому что многое делал не так, как велели. Его новым начальникам это тоже оказалось крайне неудобно. Зорге был для них, как чемодан без ручки: его очень хотелось выбросить в расстрельный ров, но только он хранил связи и знания, от которых зависела судьба Страны Советов.

Даже арест Зорге оказался очень удобен для всех: японцев, немцев, русских, и всем потом пришлось оправдываться и фантазировать...

В новой книге историка, лауреата премии ФСБ РФ Александра Куланова представлен максимально беспристрастный, опирающийся на огромные массивы документов и свидетельств, впервые сведенных под одной обложкой, рассказ о судьбе этого необыкновенного человека, ставшего гордостью нашей страны, нашим героем, и, возможно, эта книга кому-то тоже покажется неудобной...